

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

А. В. КАРПОВ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ярославль
Филигрань
2021

Рецензенты:

В. Д. Шадриков – доктор психологических наук, профессор, академик РАО;
А. Н. Занковский – доктор психологических наук, профессор

Карпов, Анатолий Викторович.

К26 **Методологические основы психологического анализа информационной деятельности : монография / А. В. Карпов. – Ярославль : Филигрань, 2021. – 616 с. ISBN 978-5-6047382-2-1**

Представлены методологические, теоретические и эмпирические материалы, направленные на раскрытие специфики и содержания деятельности субъектно-информационного класса. Обоснована необходимость его дифференциации как особого и качественно специфического по отношению к двум традиционно выделяемым классам деятельности – субъект-объектному и субъект-субъектному. Доказана конструктивность его исследования с позиций качественно новой методологии – на основе метасистемного подхода; дана характеристика содержания этого подхода. Представлена развернутая характеристика содержания и структурно-функциональной организации наиболее репрезентативного представителя данного класса – деятельности специалистов IT-сферы.

Предложено новое решение ключевой проблемы психологического анализа деятельности – проблемы ее основных структурных единиц. Сформулировано и реализовано положение, согласно которому в их качестве необходимо рассматривать важнейшие личностно-деятельностные образования – базовые компетенции, лежащие в основе ее собственного психологического обеспечения. Установлена и объяснена целостная структура компетенций информационной деятельности, вскрыт структурно-уровневый принцип ее организации, образованной иерархией пяти основных уровней.

Представлена развернутая характеристика нового направления психологического анализа информационной деятельности – феноменологического. Реализован синтез данного направления с двумя важнейшими подходами к анализу деятельности – функциональным и ситуационным, а также с основными положениями современного метакогнитивизма. Установлена и охарактеризована совокупность новых феноменов метакогнитивного плана, выступающих по отношению к этой деятельности в качестве важных операционных средств ее реализации.

На основе всей совокупности полученных в работе результатов теоретико-методологического, эмпирико-экспериментального и профессиографического плана предложена новая процедура психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса, образованная пятью уровнями (этапами). Дана характеристика каждого из них, а также предложены методические подходы к их реализации.

Книга адресована психологам, а также представителям смежных областей, в которых исследуется фундаментальная междисциплинарная проблема деятельности.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ), № проекта 21-18-00039*

УДК 159.923
ББК 88.3-511-7

© А.В. Карпов, 2021

ISBN 978-5-6047382-2-1

© Российская академия образования (РАО), 2021

Введение

Согласно канонам, сложившимся в отношении структуры и содержания монографий – их композиции, Введение к ним выполняет две основные, взаимосвязанные функции. Первая функция – мотивирующая, призванная побудить читателя к ознакомлению с предлагаемой книгой, заинтересовать его. Вторая функция – собственно вводная, что и отражено в самом наименовании этой композиционной части. Она призвана именно ввести читателя в ту предметную область, которой посвящена предлагаемая книга, а также очертить общий контекст, в котором выполнено представленное в ней исследование в целом. В свою очередь реализация этих функций обычно сводится к обоснованию значимости той проблематики, которой посвящена книга, как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Все это, разумеется, справедливо и по отношению к той теме, которой посвящена данная работа. Вместе с тем, известно и то, что существуют такие темы и такие направления – исследовательские области, которые являются исключением из этого общего правила. По отношению к ним вполне достаточно только обозначения того, в чем они состоят, для того, чтобы считать обе отмеченные функции реализованными. Именно так обстоит дело с той предметной областью, которой посвящена эта книга – с психологическим изучением обширной и стремительно расширяющейся сферы профессиональной деятельности, базирующейся на основе компьютерной техники. Она, в свою очередь, является наиболее репрезентативным представителем еще более широкого и перспективного класса деятельности – субъектно-информационного. Действительно, по отношению к ней фактически отсутствует какая-либо необходимость в обосновании ее теоретической и практической значимости и, тем более, актуальности, поскольку для нее все эти атрибуты предельно очевидны. По существующим сегодня экспертным оценкам, уже сейчас более 60 % всех видов и типов профессиональной деятельности либо полностью базируются на IT-технологиях, либо включают их как основное средство своей реализации. Понятно, что в перспективе эта доля будет только возрастать. Аналогичным образом обстоит дело и в отношении того внимания, которое уделяется этой области в издательском плане – здесь, опять-таки по данным экспер-

ного оценивания, более 40 % приводимых сегодня исследований либо непосредственно посвящены этой сфере целом и киберпсихологии, в частности, либо имеют существенные связи с ней.

В свою очередь, все это отражает одну из основных черт социо-экономического развития общества – объективно развертывающийся процесс эволюции и закономерной трансформации форм и видов, типов и классов профессиональной деятельности – то, что обычно обозначается понятием «филогенеза деятельности». Развертывание этой объективной по своей сути логики, собственно говоря, и привело к становлению субъектно-информационного класса деятельности. Важно и то, что именно ему принадлежит будущее; это ставит вопрос о его приоритетном изучении, а также о синтезе представлений о нем с психологической теорией деятельности. Он с очевидностью находится на «острие» прогресса видов и типов профессиональной деятельности – прогресса, масштабы и темпы которого не только велики, но и зачастую даже непредсказуемы. Его дальнейшая эволюция составляет не только ближайшую, но и отдаленную перспективу развития профессиональной деятельности, причем, выраженную настолько, что в ряде случаев представления о ней вообще сводятся к постепенному вытеснению всех иных разновидностей профессиональной деятельности этим классом.

Наряду с этим, его приоритетное изучение должно, на наш взгляд, осуществляться при учете основных тенденций – своего рода магистральной логики, которой характеризуется общая эволюция представлений в психологии труда и организационной психологии, а также и в психологической теории деятельности в целом. В этом плане очень показательной является переход от доминирования в общественном разделении труда субъект-объектных видов деятельности к субъект-субъектным видам, смена их роли и места в нем. В состав второго класса входят такие виды профессиональной деятельности, как управленческая и организационная, образовательная, сервисная, врачебная, политическая и др. Эволюция двух традиционно дифференцируемых классов, а также постепенное и неуклонное изменение приоритетов между ними в структуре общественного разделения труда – это и есть объективная по природе и магистральная по масштабу тенденция изменения мира профессий. Такая трансформация основных классов профессиональной деятельности вполне закономерна; она находит

отражение и в логике изменения представлений о самом предмете исследований психологии труда. Происходит постепенный переход от относительно менее сложной и богатой содержанием экспликации предмета исследования (от класса субъект-объектных видов деятельности) к более сложной и богатой его экспликации – к субъект-субъектному классу. Вместе с тем, наиболее важно то, что развертывание этой объективной по своей сути логики нельзя считать завершенным: такая точка зрения является и недостаточно обоснованной, и не доказанной, и даже отчасти наивной. Ограничиваться ей – означает приуменьшать реальную сложность эволюции форм трудовой деятельности, сужать диапазон их прогресса и, фактически, во многом закрывать возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и разновидностей, а возможно, и классов.

Очень показательно, что именно это обстоятельство находит все более зримое и многоплановое подтверждение в ряде современных подходов к разработке профессионально-деятельностной проблематики и, в частности, в целом ряде выполненных нами исследований [95, 103, 107]. В них было обосновано положение, согласно которому эта – достаточно простая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») всего на два класса является упрощенной и недопустимо симплифицированной, не отражающей всего их реального многообразия. Она должна рассматриваться только как первая, но именно поэтому – лишь исходная, начальная ступень развития представлений об иных, также качественно своеобразных классах деятельности. Все это тем более актуально, что «мир деятельностей» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастающая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением принципиально новых видов деятельности и способов ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их технологической составляющей. Специальный анализ всех этих вопросов привел к необходимости дифференциации еще одного качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – субъектно-информационного. Его важнейшей отличительной характеристикой является то, что в нем имеет место та же самая в принципе трансформация (принципиальная по смыслу и радикальная по масштабу), которая привела в свое время к необходимости дифференциации субъект-объектного и субъект-субъектного

классов. Это трансформация основного атрибута деятельности – ее *предмета*. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – информация. В связи с этим, необходимо, на наш взгляд, сделать пояснение терминологического плана. По отношению к данному классу, действительно, наиболее строгим и корректным является именно термин «субъектно-информационный класс деятельности». Вместе с тем, необходимо учитывать и то, что по ходу всего изложения нам придется многократно прибегать к нему – как к основному предмету данного исследования, в силу чего целесообразен некоторый – более лаконичный – аналог данного термина, не перегружающий стилистику предложений и формулировок. Учитывая атрибутивно информационный характер деятельностей данного класса, в качестве такого аналога – синонима допустимо использовать термин «информационная деятельность».

Итак, в трех указанных классах деятельности специфическим образом эксплицируется то главное, что составляет содержание психологии труда – ее предмет. Каждая из таких экспликаций предмета психологии труда доминировала в ней на протяжении определенного временного отрезка, в связи с чем можно говорить и о трех основных периодах развития ее самой. Первый период являлся наиболее длительным и продолжался в течение приблизительно столетия. Второй период несколько короче – его можно условного ограничить рамками второй половины прошлого столетия. Наконец, третий период, оформление которого сопряжено уже с нынешним столетием и становление которого происходит в настоящее время, находится лишь на самых начальных фазах своего развития. Он, следовательно, характеризуется пока наименьшим временем существования. Кроме того, синтезируя структурный аспект экспликации предмета психологии труда (состоящей в дифференциации основных классов деятельности как таковой) с временным аспектом, можно говорить не только о трех этапах, но и о трех основных парадигмах ее развития. На первой из них доминировало исследование субъект-объектного класса, на второй – исследование субъект-субъектного класса, на третьей – исследование субъектно-информационного класса. Их можно условно обозначить как объектная, субъектная и информационная парадигмы. Развитие психологии труда именно в русле

последней – информационной, точнее, субъектно-информационной и составляет, по нашему мнению, основную макрозадачу, на реализацию которой направлена, в том числе, и данная работа.

Разумеется, констатируя это важное в методологическом отношении обстоятельство, мы отчетливо сознаем его предельно общий и не менее сложный характер. Это – именно перспектива, общее направление, в котором необходимо разворачивать и осуществлять исследования. Понятно также, что их реализация, поскольку они сами направлены на изучение принципиально новой предметной области, также сопряжена с новыми и столь же принципиалами сходностями, для преодоления которых, скорее всего, потребуются новые подходы и новые концептуальные средства. Данное обстоятельство должно быть, на наш взгляд, зафиксировано специально и выступить в качестве еще одного установочного – вводного положения к данной работе. Оно, собственно говоря, во многом и определило существо рассматриваемых в ней вопросов, а также тех подходов, которые предложены и реализованы в ней. Так, его реализация потребовала формулировки и реализации нового варианта общенаучного принципа системности, в качестве которого выступил один из его постнеклассических вариантов – метасистемный подход как методологический принцип исследования. Уже примененный нами ранее по отношению к целому ряду иных и также общих предметов психологического исследования, он впервые реализован в данной работе по отношению к субъектно-информационному классу. Это же обстоятельство – необходимость разработки и реализации новых подходов столь же очевидно предстало и в собственно теоретическом плане. Оно проявилось в принципиальной недостаточности для сколько-нибудь полного и корректного раскрытия психологической природы данной деятельности двух основных сложившихся к настоящему времени парадигм теории деятельности – структурно-уровневой и структурно-морфологической, потребовав разработки и реализации новой парадигмы, обозначенной нами как функционально-динамическая парадигма. Она и составила теоретическую основу исследования, представленного в данной работе. Необходимость в принципиально иных способах видения проблем и трудностей психологической теории деятельности, рельефно выявляющаяся при обращении к данному классу, весьма отчетливо предстала и в аспекте ее крити-

чески значимой проблемы, обозначаемой как проблема единиц анализа деятельности. Практически все существующие – традиционные варианты ее решения по отношению к нему не просто предстают как не вполне конструктивные, но зачастую вообще «не срабатывают». Так, рассмотрение в качестве таковой действия, что и принято в субъект-объектной парадигме, практически ничего не дает для уяснения содержания деятельностей данного класса. Аналогичным образом не вполне срабатывает и тот вариант, который принят в субъект-субъектной парадигме и предполагает рассмотрение в качестве таких единиц основных функций по организации деятельности – в частности, управленческих функций по отношению к исследованию самой управленческой деятельности. В связи с этим, встала задача разработки и реализации нового похода к определению базовых структурных единиц деятельности, что также осуществлено в этой работе.

Наряду с этими, мы считаем необходимым отметить и еще одно обстоятельство, которое в значительной мере определило как содержание представленных в книге материалов, так и ее композицию. С одной стороны, разумеется, основным предметом исследования в ней является информационная деятельность как таковая, в силу чего главное внимание уделено именно ей, а она, в свою очередь, выступила стержнем для всего изложения и структурирования материалов. Однако, с другой стороны, именно для того, чтобы адекватно и полно, корректно и методологически грамотно раскрыть ее саму, необходимо было придерживаться той методологической установки, которая обычно является императивной в подобных случаях – при рассмотрении какого-либо частного случая некоторой более общей сущности. Действительно, как бы ни был специфичен этот класс деятельности, он все же является именно разновидностью, частным случаем более общей категории деятельности в целом. Поэтому для того чтобы адекватно и корректно охарактеризовать его, необходимо делать это не только посредством экспликации его специфических особенностей и закономерностей, но и посредством обнаружения тех черт общности, которыми он характеризуется по отношению к его родовой сущности. Другими словами, при этом недопустимо поддаваться известной ошибке «квазиуникальности» – гипертрофированной «особости» того предмета, который и подлежит рассмотрению и которая, впрочем очень понятна с субъективной точки зрения автора. Как раз напротив,

чем в большей мере у рассматриваемого *видового* проявления некоторой *родовой* сущности (то есть у информационной деятельности как частного случая деятельности в целом) будут эксплицированы базовые и общие с ней закономерности, тем глубже и полнее окажется и его собственная характеристика. Те, повторяем, общие и фундаментальные закономерности, которые присущи этой *родовой* сущности, являются не только объективными, но в известной степени определяющими и для новой – специфицируемой, то есть *видовой* сущности. Точно так обстоит дело и по отношению к информационной деятельности. Какой бы специфичной она ни была, эта специфика вовсе «не отменяет» факта ее подчиненности базовым закономерностям, которые лежат в основе психической регуляции в целом, в том числе – и в основе регуляции любой иной деятельности. Другое дело, что они могут при этом специфицироваться, а сами такого рода спецификации как раз и подлежат выявлению. Причем, чем в большей степени удастся углубить и развить анализ не только их самих, но и лежащих в их основе общих особенностей и закономерностей, тем конструктивнее сам проводимый анализ. В связи с этим, по ходу изложения нам придется систематически осуществлять рассмотрение не только тех вопросов, которые непосредственно сопряжены с основным предметом исследования – информационной деятельности, но и анализ существенно более общих вопросов, носящих общепсихологический характер и важных именно в методологическом плане. Собственно говоря, именно данное обстоятельство и определило характер данной книги в целом – ее методологическую направленность. Причем, обращение к этим общим вопросам и проблемам, темам и направлениям вовсе не носит так сказать вспомогательного и обслуживающего характера. Как раз напротив, оно имеет вполне самостоятельное значение, поскольку в собственно исследовательском плане раскрытие закономерностей некоторого *видового* образования важно не только и не столько само по себе, сколько как средство экспликации особенностей *родовой* сущности. В этом плане изучение информационной деятельности, выступая, с одной стороны, *предметом* и целью исследования с другой стороны, должно пониматься и в качестве *метода*, точнее – методологического средства исследования профессиональной и вообще – любой иной деятельности как таковой, равно как и тех базовых психологических закономерностей, которые лежат в ее осно-

ве. В связи с этим, вообще следует дифференцировать два «пласта» изложения в данной книге. Первый это предметно-ориентированный, специфический анализ, направленный на раскрытие особенностей и закономерностей информационной деятельности. Второй – методологически-ориентированный, общий, направленный на экспликацию и интерпретацию закономерностей более общего плана. При этом и сама информационная деятельность выступает в качестве средства развития общепсихологических представлений.

Далее, в качестве исходного и определяющего для этой книги выступило и еще одно обстоятельство, которое также необходимо зафиксировать как установочное и вводное. Дело в том, что при обращении именно к этому классу деятельностей максимально затрудняется решение основной задачи психологического анализа деятельности как такового – раскрытие ее содержания. Оно обретает здесь практически полностью имплицитный, скрытый от самого анализа характер, фактически переставая быть объективированным. Однако это вовсе не означает возникновения «тупиковой» ситуации – невозможности анализа вообще. Напротив, он возможен, но уже в значительной степени только благодаря тому, что деятельность, не будучи объективированной, остается субъективированной – «открывающейся» самому ее субъекту. Осознание этого обстоятельства со всей остротой ставит вопрос о пересмотре традиционно сложившихся подходов и оценок роли феноменологических процедур исследования по отношению к профессиональной деятельности, основанных, в свою очередь, на интроспективных техниках. Эти оценки должны обрести по отношению к ней их истинный – позитивный смысл, а сам феноменологический анализ должен быть рассмотрен как, по существу, незаменимое средство их изучения. В силу этого, возникает еще одна задача – определение того, как конкретно и на основе каких техник, в том числе, не только деятельностно-аналитического, но и феноменологического плана, это может быть реализовано. Все эти, а также иные – аналогичные им по степени обобщенности установочные – собственно методологические и теоретические положения и определили основные задачи данной работы, а также существо предлагаемых в ней вариантов решения некоторых ключевых вопросов психологического анализа деятельности.

Наконец, отметим, что они же естественным образом определили и композиционное построение этой работы. Она включает три

основные главы. В первой из них раскрываются основные положения общего методологического подхода, на основе которого выполнено все дальнейшее исследование – метасистемного подхода. Во второй главе рассматриваются ключевые теоретические проблемы, составляющие основное содержание психологического анализа деятельности, а также то, каким образом они могут быть эксплицированы и решены по отношению к субъектно-информационному классу деятельности. В третьей главе развернутому анализу – экспликации и интерпретации подвергнута феноменология этого класса деятельности, трактуемая как базовый этап и определяющее методическое средство реализации процедуры его психологического анализа.

В заключение необходимо отметить также, что при подготовке этой работы мы систематически контактировали с рядом ученых, общение с которыми было не только приятным, но и продуктивным в исследовательском плане, за что мы выражаем им искреннюю благодарность. Это, прежде всего, Г. В. Акопов, А. И. Донцов, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский, Ю. П. Зинченко, В. В. Знаков, Н. Б. Карабущенко, С. Б. Малых, Т. А. Нестик, В. И. Панов, В. Ф. Петренко, А. О. Прохоров, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочек, Д. Н. Ушаков, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков. Отдельную благодарность я хотел бы высказать в адрес моих бывших докторантов, ставших сейчас крупными исследователями, – С. Л. Ленькова и Н. Е. Рубцовой. В сотрудничестве с ними вот уже почти 20 лет назад начиналось изучение субъектно-информационного класса, а наша книга «Структурно-функциональное строение деятельности субъектно-информационного характера» стала одной из первых по данной проблематике. Подчеркнем также, что эта работа была выполнена в рамках проекта «Структура и содержание метакогнитивной регуляции деятельности субъектно-информационного класса» Российского научного фонда, в адрес которого мы также выражаем благодарность. С благодарностью следует отметить и членов рабочей группы, реализующих данный проект, – М. В. Башкина, А. В. Волченкову, А. И. Калачеву, А. А. Карпова, Т. А. Корнееву, Е. В. Маркову, Ю. В. Филиппову, А. В. Чемякину. Выражаю также благодарность ректору ЯрГУ им. П. Г. Демидова – А. И. Русакову за неизменную и действенную поддержку целого ряда наших исследовательских проектов, в том числе и этой монографии.

Глава 1. Метасистемный подход к психологическому анализу деятельности

1.1. Постановка проблемы исследования

Как отмечалось во введении, одной из основных черт социо-экономического развития общества является объективно разворачивающийся процесс эволюции и закономерной трансформации форм и видов, типов и классов профессиональной деятельности – то, что обычно обозначается понятием «филогенеза деятельности» [116, 175]. В этом плане очень показательной является переход от доминирования в общественном разделении труда субъект-объектных видов деятельности к субъект-субъектным видам, а также смена их роли и места в нем [1, 50, 52, 81]. В состав второго класса входят такие – играющие, действительно, определяющую роль в современном обществе виды профессиональной деятельности, как управленческая и организационная деятельность, образовательная деятельность во всех ее многочисленных разновидностях, врачебная деятельность, политическая деятельность. Смена двух традиционно дифференцируемых классов, а также постепенное и неуклонное изменение приоритетов между ними в структуре общественного разделения труда – это и есть объективная по природе и магистральная по масштабу тенденция изменения мира профессий. Вместе с тем, наиболее важно то, что разворачивание этой объективной по своей сути логики нельзя считать завершенным: такая точка зрения является и недостаточно обоснованной, и не доказанной и даже отчасти наивной. Ограничиваться ей – означает приуменьшать реальную сложность эволюции форм трудовой активности, сужать диапазон их прогресса и, фактически, во многом закрывать возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и разновидностей, а возможно, и классов – прежде всего, субъектно-информационного. Важно и то, что именно ему принадлежит будущее; это ставит вопрос о его приоритетном изучении, а также о синтезе представлений о нем и о разработке обобщающей психологической теории деятельности. Она должна синтезировать в себе представления как о субъект-объектных и субъект-субъектных ее типах, так и о ее субъектно-информационном классе.

Очень показательным, что именно это обстоятельство находит все более зримое и многоплановое подтверждение в ряде современных подходов к проблематике профессиональной деятельности. В частности, оно выступило одним из основных в целом ряде выполненных нами исследований [105–112]. В них было обосновано положение, согласно которому существующая – достаточно простая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») всего на два класса является упрощенной и недопустимо симплифицированной, не отражающей всего их реального многообразия. Она должна рассматриваться только как первая, но именно поэтому – лишь исходная, начальная ступень развития представлений об иных, также качественно своеобразных классах деятельности. Все это тем более актуально, что «мир деятельностей» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением принципиально новых видов деятельности и форм ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их технологической составляющей.

В связи с этим, как показывает специальный анализ всех отмеченных вопросов, возникает необходимость дифференциации качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – *субъектно-информационного* [107, 111]. Его важнейшей отличительной характеристикой является то, что в нем имеет место та же самая в принципе трансформация (то есть трансформация принципиальная по смыслу и радикальная по масштабу), которая привела в свое время к необходимости дифференциации субъект-объектного и субъект-субъектного классов. Это трансформация основного атрибута деятельности – ее *предмета*. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – информация. Она сама по себе, то есть исходно не является ни объектом, ни субъектом, хотя может сигнифицировать и тот и другой – и по отдельности, и одновременно. Сама она «безразлична» к тому, что сигнифицирует – к контенту. Сфера действия и область представленности этого третьего класса предельно широка (см. далее); в деятельности этого класса их основной атрибут – предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется [105, 108]. Причем, такое усложнение происходит в самом прямом смысле данного понятия,

поскольку деятельность данного класса становится еще более опосредствованной, а ее предмет – еще более имплицитным, вообще приобретая в ряде случаев черты именно качественно новой реальности – *виртуальной*.

Таким образом, со всей очевидностью и, более того, с объективной необходимостью формулируется задача приоритетного исследования именно этого – пока не вполне традиционного, но крайне важного класса профессиональной деятельности. Уже выполненные к настоящему времени исследования вскрывают глубокую психологическую специфичность данного класса, наличие у него качественно иных по сравнению с двумя другим классами особенностей и закономерностей. Кроме того, как отмечалось выше, не менее значимо, что именно этому классу принадлежит будущее; он с очевидностью находится на «острие» прогресса видов и типов профессиональной деятельности – прогресса, масштабы и темпы которого не только велики, но и зачастую даже непредсказуемы. Он и его дальнейшая эволюция составляет не только ближайшую, но и более отдаленную перспективу развития профессиональной деятельности, причем, выраженную настолько, что в ряде случаев представления о ней вообще сводятся к постепенному вытеснению всех иных разновидностей профессиональной деятельности этим – третьим классом.

Итак, значимость дифференциации данного класса – и как объективно представленного и как гносеологически дифференцируемого (в качестве еще одной важнейшей экспликации общего предмета психологии профессиональной деятельности) обусловлена тем, что он представляет собой несомненную и широко представленную реальность. С ней не только необходимо считаться, но именно ее и следует сделать предметом приоритетных исследований. Более того, такая смена приоритетов будет становиться все более явной по мере развития мира деятельности, по мере изменения структуры общественного разделения труда.

В свою очередь, реализация этой необходимости выдвигает на первый план важную в теоретическом отношении задачу. Она состоит в формулировке *методологического подхода*, который адекватен психологической природе данного класса деятельности, а также конструктивен в плане его исследования. Кроме того, данный подход должен учитывать три следующие – очень значимые в теоретико-ме-

тодологическом отношении обстоятельства. Во-первых, поскольку главным предметом его приложения является деятельность, взятая в одном из ее основных модусов – субъектно-информационном, то данный подход должен обязательно базироваться как на самой психологической теории деятельности в целом, так и на одной из ее практико-ориентированных конкретизаций, которое обозначается как психологический анализ профессиональной деятельности. Более того, он должен, не только основываться на них, но и по возможности содействовать их развитию. Во-вторых, поскольку само развитие этих двух крупных направлений, приведя на определенном этапе его собственной логикой к необходимости обращения к *системной* методологии, а затем – и осуществлявшееся на этой базе, то данный подход должен обязательно основываться именно на ней. Вместе с тем, так как речь идет именно о современном этапе реализации данной методологии, то принцип системности должен быть реализован с обязательным учетом тех – достаточно существенных трансформаций, которые он претерпел в последние десятилетия. В-третьих, данный подход должен, естественно, учитывать не только эти трансформации, но и быть «чувствительным» – сензитивным к новым и новейшим тенденциям в развитии целого ряда базовых психологических направлений и тем результатам, которые в них получены. В частности, он должен учитывать те данные, которыми располагает в настоящее время оно из важнейших направлений когнитивной психологии – современный *метакогнитивизм*. Дело в том, что именно в данном направлении детальному изучению подвергаются те процессы, которые локализуются на высшем и, следовательно, важнейшем уровне психической регуляции в целом и деятельности, в частности, – на уровне осознаваемой, произвольной регуляции. Именно они играют определяющую роль в структурно-функциональной организации деятельности, и поэтому их изучение является ключевым фактором раскрытия базовых закономерностей организации деятельности, в том числе, – и ее субъектно-информационного класса. Именно такой подход был разработан нами в целом ряде предыдущих работ [80, 81, 85, 96]. Его основная черта состоит в том, что он как раз и позволяет реализовать по отношению к исследованию данного класса основные положения психологической теории деятельности, взятой в ее современном виде, базовые положения системной методологии, эксплицированной на совре-

менном уровне ее развития, а также ключевые результаты, полученные в метакогнитивизме. При этом своего рода «методологическим ядром» данного подхода является обоснованный нами принцип метасистемности, а в более общем плане – *метасистемный подход* как один из постнеклассических вариантов системной методологии в целом. В связи с этим, понятно, что именно его характеристика должна быть первым шагом в реализации общего замысла данной работы.

Вместе с тем, при ее реализации приходится учитывать несколько обстоятельств осложняющего плана. Первое из них состоит в том, что данный подход, являясь объективно достаточно сложным и развернутым, требует, соответственно, аналогичного – также большого объема материалов, необходимых для его полной характеристики. По существу, это не только отдельная и самостоятельная, но и весьма обширная тема, а ее полное раскрытие привело бы к излишней загруженности данной работы, к ее, быть может, избыточной методологизации. Второе обстоятельство состоит в том, что такая характеристика данного подхода уже была осуществлена в наших предыдущих работах – причем, в разных планах и по отношению к различным исследовательским задачам [80, 86, 95, 102]. Это в значительной степени освобождает от необходимости ее дублирования в данной работе. Вместе с тем (и это еще одно – третье обстоятельство) характеристика данного подхода все же должна быть осуществлена и здесь, поскольку все дальнейшее изложение базируется на нем. Однако, такая характеристика должна быть специфицированной и конкретизированной по отношению именно к основным задачам данной работы, к ее основному предмету – к деятельности субъектно-информационного класса. Поэтому при ее осуществлении основной акцент будет сделан лишь на тех положениях данного подхода, которые наиболее релевантны этим задачам и необходимы для их решения. Кроме того, следует учитывать, что такого рода характеристика с необходимостью должна базироваться и на более общих положениях, составляющих суть самого метасистемного подхода, но уже в его так сказать «деятельностном преломлении». Иными словами, необходимо показать, каким образом он может содействовать развитию представлений о структурно-функциональной организации *деятельности* в целом.

При этом, однако, возникает еще одна достаточно сложная проблема. Дело в том, что и в таком – конкретизированном по отношению

к задачам исследования деятельности в виде – реализация метасистемного подхода также представляет собой очень объемную задачу, требующую развернутого изложения большого комплекса материалов и, соответственно, – достаточно большого объема текста. Своеобразная «подсказка» для ее решения содержится, однако, в самом метасистемном подходе, точнее – в его гносеологическом варианте. Дело в том, что в его русле нами была разработана и неоднократно реализована релевантная ему процедура организации исследования и интерпретации получаемых результатов. Она обозначена нами как *комплексная стратегия исследования*, а ее сущность состоит в том, что она предполагает реализацию по отношению к предмету исследования определенной гносеологической процедуры – алгоритма системного исследования (АСИ). Он образован последовательностью пяти основных этапов изучения предмета, каждый из которых направлен на реализацию одного из пяти базовых гносеологических планов (аспектов) исследования – метасистемного (онтологического), структурного, функционального, генетического и интегративного. Соответственно, при реализации каждого из них устанавливается и интерпретируется определенная – соответствующая ему, то есть также основная, определяющая категория закономерностей, лежащих в основе организации предмета исследования – метасистемных, структурных, функциональных, генетических и интегративных. Как показано нами ранее, реализация данного алгоритма является необходимым и во многом достаточным условием решения весьма важной в гносеологическом отношении задачи – трансформации эмпирической стадии развития тех или иных научных проблем в собственно теоретическую, концептуальную стадию, то есть задача перевода совокупности знаний с претеоретической фазы их развития на собственно теоретическую.

Безусловно, что в целом данная задача представляет собой сложнейшую и комплексную проблему, далеко выходящую за рамки психологии и имеющая общенаучный, междисциплинарный статус. Ее анализ показывает, что для подавляющего большинства научных направлений, а также тех или иных, действительно, крупных проблем в их развитии достаточно отчетливо дифференцируются две основные фазы. На первой из них преобладает кумулятивное накопление эмпирических и экспериментальных данных, доминируют описательные схемы исследования, а общий «вектор» познания направлен, скорее,

«вширь», нежели «вглубь», то есть процесс познания разворачивается по экстенсивному, а не интенсивному пути. Все это вполне закономерно и естественно; это – «общая судьба» большинства эмпирических наук. Данная – собственно эмпирическая, претеоретическая фаза развития может быть охарактеризована также и как аналитическая, поскольку на ней явно доминирует аспектный способ изучения. Следствиями аналитичности и аспектности являются иные особенности научного знания на данной фазе развития – эклектизм, «мозаичность» и фрагментарность представлений о предмете, их слабая систематизированность, нередкая противоречивость, дескриптивность и др. Причем, все эти особенности – отнюдь не оценочные «ярлыки», а объективные особенности, свидетельствующие о переходном, развивающемся и недостаточно зрелом характере самих научных представлений.

Переход с эмпирической, то есть претеоретической фазы развития представлений, на собственно теоретическую фазу, как правило, связывается с необходимостью трансформации *аналитического* способа исследования в *системный*. Этот переход обозначается как преобразование предметоцентрической парадигмы исследования в *системоцентрическую* [122, 133]. Вместе с тем, в подавляющем большинстве случаев данное требование остается на предельно обобщенном уровне – уровне деклараций; оно, как правило, не подвергается конкретизации и, соответственно, – адекватной операционализации. Между тем, сама по себе задача операционализации данного императива и его детализации приводит к достаточно важным, на наш взгляд, методологическим следствиям.

Действительно, в огромном большинстве случаев развитие тех или иных психологических проблем и направлений приводит, в конечном итоге, к постановке очень сходной группы принципиальных вопросов. Практически всегда этими – критически значимыми вопросами являются следующие вопросы. Какова качественная *определенность* и качественная *специфичность* изучаемого предмета? Какой статус он имеет в качестве *видового* образования в пределах того или иного рода сходных с ним явлений? Каково его содержание – состав компонентов и их *структура*? Каковы особенности его динамики – *функциональной* организации? В чем заключаются закономерности его возникновения и развития – *генезиса*? Каковы наиболее обобщенные, важные и определяющие его свойства – *интегративные* по своей сути, то есть системные качества?

Совокупность указанных проблем воспроизводит общий *гносеологический инвариант* основных планов исследования, который выступает императивом любого собственно теоретического исследования. И наоборот, лишь при раскрытии предмета изучения во всех планах этого инварианта можно считать, что знание о предмете достигло уровня своей теоретической зрелости; преодолело свою изначальную мозаичность и аспектность. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на обстоятельство, которое обычно не формулируется в явном виде, хотя оно представляется важным в плане развития концептуально целостных представлений об изучаемом предмете.

Как известно, в методологии системного подхода сформулированы представления о некотором инварианте основных «призм» видения предмета, синтез которых необходим для его полной, то есть собственно системной, характеристики. Другими словами, одним из основных ее императивов является необходимость раскрытия предмета во взаимодополняющей последовательности ряда основных планов (которые и составляют основу охарактеризованного выше «алгоритма системного исследования»). Ими являются следующие гносеологические планы:

– Определение *метасистемы* по отношению к изучаемому предмету. Она является более широкой и онтологически представленной целостностью, в которой содержатся основания и детерминанты для его внутрисистемного, то есть истинного бытия, а также необходимые гносеологические средства для его изучения.

– Раскрытие предмета в плане выявления его *качественной определенности*, в относительной автономности от более общей системы, то есть в аспекте его собственного содержания.

– Установление закономерностей соотношения предмета с более общей целостностью и выявление тех *качественных спецификаций*, которые он обретает в ней.

– Раскрытие закономерностей *структурной* организации предмета исследования.

– Раскрытие закономерностей *функциональной* организации предмета исследования.

– Установление и интерпретация особенностей и закономерностей *генезиса*, развития предмета исследования.

– Определение и интерпретация *интегративных* свойств предмета исследования – его системных качеств.

Сопоставляя далее два инварианта – общегносеологический (раскрывающий структуру научных теорий) и системный (служащий для целостной экспликации предмета), можно видеть, что они не просто подобны, но и фактически *изоморфны*. Следовательно, само знание о предмете уже как система, а не конгломерат отдельных аспектов, становится таковой в том случае, когда оно воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; знание, достигшее ступени системной организации. Такой вывод вполне согласуется со сложившимися в методологии системного подхода представлениями и содействует их развитию в его гносеологическом варианте, позволяет определить смысл и конкретные ориентиры для разработки теоретических представлений в различных областях изучения.

Кроме того, следует принимать во внимание и обязательно учитывать и еще более глубинную причину констатированного выше сходства и, по существу, изоморфизма двух познавательных инвариантов. В его основе лежит, хотя и достаточно латентная, скрытая от непосредственного видения, но очень важная и, по существу, фундаментальная причина гносеологического порядка. Она заключается в том, что основные этапы «алгоритма системного исследования» органично и непосредственно сопряжены, соответственно, с основными категориями закономерностей, которые дифференцируются в гносеологии. К ним, как известно, относятся следующие категории закономерностей [10, 122, 127, 133]:

- Закономерности, являющиеся производными от включенности изучаемого предмета в контекст более общей целостности, в состав той или иной – онтологически представленной системы, в которой сам он приобретает свое «конкретное, внутрисистемное бытие» [122];
- Закономерности структурной организации предмета;
- Закономерности функциональной организации предмета;
- Генетические закономерности;
- Закономерности, связанные с формированием и функционированием наиболее обобщенных, интегративных свойств предмета – его системных качеств.

Итак, рассмотренные выше этапы реализации «алгоритма системного исследования», являясь одновременно основными аспектами исследования любого объекта, в совокупности – через синтез получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность «аспектного» его исследования. Одновременно через них предмет получает и необходимые основания для причинного объяснения обнаруживаемых в нем закономерностей в аспекте структурной, функциональной, генетической причинности. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно теоретического знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства концептуальной полноты и завершенности.

Стратегия исследования, построенная на базе указанных принципов, содействует переводу существующих и вновь получаемых знаний на уровень системной организованности, что в концептуальном плане равнозначно их переводу с претеоретического уровня развития на собственно теоретический уровень. Он тем и отличается от первого, что знания на нем приобретают черты системности, переставая быть просто их совокупностью или конгломератом. Объект же раскрывается в них пусть и неполно, но целостно, во всех его основных измерениях. И именно такое, целостное, то есть интегративное решение, наиболее релевантно как собственно концептуальным задачам, связанных с разработкой обобщающих теорий, так и практическим задачам, на решение которых, в конечном итоге, направлено развитие самих теорий.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующее заключение. Концептуальный уровень развития представлений о предмете исследования, научная концепция как таковая тем и отличается от простой суммы знаний, что в них воплощены и воспроизведены базовые закономерности, принципы и особенности, вообще – атрибуты системной организации. Сама же концепция обретает при этом черты, присущие системам в целом и, прежде всего, черты целостности, завершенности. Поэтому и сами знания, их комплекс лишь тогда обретают статус концепции, становятся ей, когда они обретают именно эти черты – черты и закономерности системной организации [80]. В силу этого, и следует считать, что знания лишь тогда становятся концепцией, когда они обретают статус системы, становятся системой,

хотя, конечно, и весьма специфического типа. Можно предположить (пока – именно предположить), что «в лице» научных концепций общий феномен (и механизм) системности эксплицирует еще одну сферу своего действия. Научные концепции не только могут, но и должны быть проинтерпретированы в качестве систем гносеологического типа. В связи с этим можно, по-видимому, сделать и более широкое обобщение. По всей вероятности, «мир систем» не может быть исчерпан лишь системами онтологического плана. Отображение этих онтологических образований в познании ведет – через множество переходных этапов – к становлению еще одного их класса. Это – системы гносеологического плана, которые и принимают вид целостных теорий.

В соответствии с императивами рассмотренной выше стратегии, основное внимание в ходе дальнейшего изложения должно быть уделено тем результатам, которые были получены в каждом из пяти указанных аспектов (планов) – метасистемном (онтологическом), структурном, функциональном, генетическом и интегративном. Это означает, что после экспликация основной идеи данного подхода – раскрытия его сущности и тех ключевых методологических подоенный, которые составляют его специфическое содержание, необходимо охарактеризовать основные результаты его реализации по отношению к проблеме деятельности в следующих основных аспектах. Во-первых, необходимо раскрыть деятельность (и как категорию, и как реальность) в ее собственно *метасистемном* аспекте, то есть в плане ее включенности в те объективно представленные и более обобщенные метасистемы, в которые она реально включена и в составе которых она обретает свои базовые закономерности. Это означает также осуществление характеристики деятельности с позиций ее принадлежности к общему классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Во-вторых, еще одним базовым направлением является характеристика того, каким образом с его позиций может быть решена, пожалуй, главная проблема психологической теории деятельности – проблема раскрытия закономерностей *структурной*, точнее – структурно-уровневой организации деятельности. В-третьих, следующим основным направлением должно выступить раскрытие еще одной ключевой категории закономерностей организации деятельности – *функциональных*. В этой связи особое значение имеет характеристика двух важнейших классов процессов психической регуляции деятельности – интегральных и ме-

такоегнитивных, что, соответственно, также должно составить предмет приоритетного рассмотрения в данной главе. В-четвертых, следующим направлением является раскрытие того, каким образом с позиций данного подхода может быть изучена еще одна важнейшая категория закономерностей организации деятельности – *генетических*, связанных, прежде всего, с принципами и механизмами ее системогенеза. Наконец, в-пятых, в качестве еще одного – основного направления должно выступить рассмотрение того, каким образом данный подход содействует развитию самой системной методологии по отношению к исследованию деятельности. Каким образом с его позиций она эксплицируется в качестве предмета психологического исследования в целом. Это – *интегративный* план изучения, базирующийся на результатах и структурного, и функционального, и иных планов исследования. В связи с этим, последовательная реализация именно указанных направлений и составит предмет изложения в данной главе.

1.2. Общая характеристика метасистемного подхода как методологической основы исследования

Как отмечалось выше, полная характеристика метасистемного подхода предполагает достаточно объемное и развернутое изложение, которое, к тому же, было реализовано в целом ряде предыдущих работ [80, 86, 95, 102]. В связи с этим, не дублируя их содержание, ниже мы сконцентрируем внимание лишь на его ключевых положениях, которые, наиболее специфичны предмету данной работы.

Основная идея метасистемного подхода состоит в том, что, наряду с системами всех иных типов и классов – в том числе, и традиционных, существует еще один глубоко специфический в качественном отношении класс систем. Он был обозначен понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Его главная и, по существу, атрибутивная особенность состоит в том, что в системах данного класса качественно трансформируются и, по существу, инвертируются по сравнению с традиционно принятыми отношения между ними и теми метасистемами, онтологическими составляющими которым они объективно являются. Это означает, что та метасистема, в которую они входят, сама может транспонироваться в их содержание и организацию. Разумеется, речь идет, не об онтологической

представленности метасистемы в системе, а лишь о *функциональной* представленности.

Наиболее показательной в этом отношении является организация самой психики как таковой; поясним сказанное. Вся история развития психологии, все ее наиболее общие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывают на существование базового и фундаментального, а не исключено, – и наиболее общего принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько «привычен и обычен», что подробно раскрывать его нет необходимости, а достаточно лишь указать на его смысл. Внешняя – объективная реальность (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде субъективной реальности – в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен¹. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т. д. Приведем лишь некоторые из них: внутренняя информация, знания, ментальные репрезентации, когнитивные схемы, опыт, образ мира, внутренний мир, модель ситуации, субъективные репрезентации, фреймы, скрипты и мн. др. [3, 4, 6, 7, 16, 12, 25, 27, 28, 35, 51, 117, 121, 142, 157, 171, 177, 178, 193, 198, 224, 247, 295, 298, 302].

Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность (и это раньше обозначалось как ее отражательная природа) такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем бóльшие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно

¹ Более того, как известно, степень его неоспоримости и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин.

включена и которая внешнеположена ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по самой своей сути и назначению должна быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Естественно, что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, как именно это происходит? Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности как «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений. Причем, «не вызывает» в такой степени, что этот фундаментальный факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач. В частности, он очень слабо учитывается и в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода, а также – что еще более негативно – в содержании самого системного подхода.

Итак, сама сущность психического такова, что в его собственном содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование» та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено². Повторяем, что речь идет именно об определенной форме существования этой объективной реальности – функциональной, а не об ее

² Одним из проявлений этой общей особенности, изученным Л. М. Веккером на материале перцептивных процессов, является, как известно, сформулированный им «онтологический парадокс психики». Его суть состоит в следующем. То, что реально – онтологически представлено в содержании психики (например, перцептивный образ), субъективно вынесено за ее пределы и локализуется там, где расположен объект, то есть в «пространстве» самого объекта [26]. Во избежание недоразумений и неправильного понимания сути развиваемого здесь похода, необходимо, конечно, подчеркнуть следующее обстоятельство. Говоря о том, что метасистема объективной реальности оказывается функционально представленной в содержании психики», мы имеем в виду, разумеется, не всю ее, а лишь тот ее – очень ограниченный фрагмент, с которым реально взаимодействует сам субъект.

онтологической представленности в психике. Это – совершенно иной тип, иная форма этой представленности по сравнению со структурно-морфологической, реализуемой посредством идеальных моделей, «дубликатов», репрезентаций и пр., то есть представленность функциональная. Вместе с тем, сам факт такой представленности, безусловно, имеет место, и он кардинальным образом меняет закономерности функционирования систем со «встроенным» метасистемным уровнем по сравнению с классическими системами. Причем, чем более полным, адекватным и так сказать «глобальным» является такое представление метасистемы в собственном содержании психики, тем «лучше для нее самой» – тем выше ее адаптационные и многие иные возможности. По отношению к психике метасистемный уровень имеет не только экстрасистемную представленность (как по отношению практически ко всем иным известным в настоящее время системам), но и интрасистемную представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает, в конечном итоге, вся внешнеположенная ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью) получает в содержании самой психики свое «удвоенное бытие», свое «второе существование». Оно, разумеется, не тождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от исходного бытия метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер – имеют не материальную, а идеальную природу. Для их обозначения, как мы уже отмечали, в психологии выработано множество понятий. И наоборот, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является родовым по отношению к каждому из них как видовому.

При этом следует обязательно иметь в виду, что исследование этих форм субъективной репрезентации объективной реальности по праву является в настоящее время одной из главных тенденций развития общепсихологических исследований, особенно явно представленной в современной когнитивной психологии и в *метакогнитивизме*. Эти исследования направлены на раскрытие механизмов и закономерностей содержания и структурно-функциональной организации ментальных репрезентаций и систем знаний в целом. Вместе с тем, важно понимать не только механизмы и закономерности, но и общий смысл,

а также психологический статус этих образований в общей структуре психического. А статус их как раз и определяется принадлежностью к особому – метасистемному уровню, представляющему по своему содержанию «инобытие» объективной реальности в форме реальности субъективной, в форме ее идеальных моделей и репрезентаций.

Все сказанное можно обозначить как *метасистемный принцип* функциональной организации психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия принципа предполагает достаточно общий характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует собой не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы в целом, но и пронизывает собой многие другие – также важные, хотя и более частные аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу организации как к общему, мультиплицирует его и в своих частных проявлениях. Этот достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими общепсихологическими данными и результатами, в том числе, и полученными нами (см. ниже). Далее, именно благодаря метасистемному уровню и его «встроенности» в саму систему (психику) обеспечивается возможность существования фундаментального феномена (точнее – механизма), который можно условно обозначить как механизм *метасистемной обратимости*. Его суть столь же проста и понятна феноменологически, сколь трудна для конкретно-научного объяснения и состоит в следующем. Благодаря ему, система со «встроенным» метасистемным уровнем оказывается в состоянии объективировать себя для своей же собственной активности. Она делает саму себя в целом объектом регуляции и организации, координации и управления. В самой системе (психике) складывается такой «функциональный орган» и такие ее механизмы, которые позволяют ее части (то есть метасистемному уровню) как бы оппозиционировать себя по отношению к ней в целом; относиться к самой себе как к целостности. В результате этого любой процесс, протекающий в психике, будучи транспонированным на метасистемный уровень, становится направленным не на «внешнюю среду», а на внутреннее содержание психики (а ча-

сто – и сам на себя). В результате этого возникают известные явления и процессы, которые обозначаются, например, как мышление о мышлении (метамышление), память о памяти (метапамять), самонаправленное внимание, метакогнитивный мониторинг, то есть как метакогнитивные процессы, а более традиционно – как рефлексивные процессы и феномены [3, 4, 5, 6, 9, 27, 119, 132, 140, 145, 151, 157, 158, 160, 180, 189, 198, 210, 215, 219, 225, 232, 237, 247, 249, 250, 271, 272, 284, 387, 289, 304, 305 и др.]. Другими словами, те процессы и механизмы, которые заложены в психике исходно и реализуются на всех иных (кроме метасистемного) уровнях, могут переноситься и на этот – метасистемный уровень. Но тогда они в известном смысле оппозиционируются и объективируются по отношению к ней; они становятся направленными на всю систему психики в целом, а также на ее отдельные компоненты. В результате этого все внутрисистемные процессы, механизмы, закономерности и феномены сами становятся объектами активных воздействий со стороны их же самих, а также объектом «отражения» (если использовать традиционную терминологию) с их стороны, но представленных на метасистемном уровне. Очевидно потому, что механизм метасистемной обратимости является главным средством, обеспечивающим возможность такого фундаментального класса процессов, каковыми являются рефлексивные процессы, возможность рефлексии как уникального психического феномена в целом. На наш взгляд, рефлексия – это и есть процесс, обеспечивающий связь общесистемного уровня организации психических процессов, то есть максимально обобщенного уровня, на котором представлена вся их совокупность, и метасистемного уровня организации психики.

Кроме того, следует учитывать и еще одно обстоятельство. Как уже отмечалось, многочисленные исследования, выполненные в последние годы на основе метасистемного подхода, действительно, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что не только психика в целом, но также и ее основные «составляющие» также организованы на основе данного принципа [69, 80, 86, 87, 90, 91, 95, 100, 114]. Так, в частности, данный принцип реализован в структурно-уровневой организации системы психических процессов, способностей, деятельности, сознания, процессов принятия решения, мотивационной сферы личности, а также и в организации личности в целом. Следовательно, данный принцип характеризует и организацию психики

в целом, и организацию ее важнейших «составляющих»; он является поэтому своего рода *сквозным* для нее.

Факт «встроенности» метасистемы в систему (пусть и лишь в определенном аспекте, в определенной форме – функциональной) приводит к тому, что сама метасистема начинает выступать в некотором смысле как локальная «составляющая» психики. В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти – парадоксальные отношения между ними. Метасистема, не переставая быть таковой, одновременно становится частью, компонентом, подсистемой для системы, которая была (и продолжает оставаться) ее собственной «составляющей»; метасистема становится субсистемой. Кроме того, система, включая в себя метасистему как свой компонент, сама начинает выступать как метасистема (не утрачивая, однако, своего исходного, то есть системного статуса). Другими словами, метасистема, оставаясь таковой, одновременно выступает и как система; система же также оставаясь таковой, одновременно выступает и как метасистема. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Некоторая реальность может одновременно выступать и как метасистема и как система, а сами эти понятия (и реальность, которая ими обозначается) не являются поэтому абсолютными – они относительны. По отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем они могут описывать и реально описывают, характеризуют одну и ту же реальность. И наоборот, эта реальность с необходимостью для своего полного описания и раскрытия должна быть одновременно представлена и как система и как метасистема, то есть с позиций принципа дополнительности.

Все отмеченные – определяющие особенности систем рассматриваемого класса обуславливают и существование иных – также важнейших их особенностей и закономерностей. Подчеркнем, что речь идет, как отмечалось выше, именно об определяющих – главных закономерностях, то есть тех, которые обозначаются понятиями структурных, функциональных, генетических и интегративных закономерностей и лежал в основе, фактически, любой сущности, любого предмета изучения.

Так, прежде всего, системы данного класса весьма специфичны в плане их *структурной* организации. Их наиболее явная и даже в известной степени – «формальная» особенность заключается в том очевидном, но одновременно и основополагающем факте, что эти систе-

мы включают в свой состав *новый* уровень – метасистемный. Отсюда, в свою очередь, вытекает два важных методологических следствия. Одно из них состоит в том, что в сфере изучения и, соответственно, в арсенал его методологических оснований должен быть включен новый предмет (метасистемный уровень) и новые процедуры исследования (метасистемный подход). Другое важное следствие заключается в том, что появление в системе какого-либо нового уровня ведет либо к ее переструктурированию, либо к качественным спецификациям всех иных уровней, либо и к тому и к другому [170, 173]³. Следовательно, возникновение метасистемного уровня трансформирует все иные – нижележащие уровни. Он начинает оказывать не только значимое, но и, не исключено, определяющее воздействие на них.

Далее, не менее важным является и еще одно – также общее положение. Это, разумеется, отмеченное выше положение о самом существовании систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а также о принадлежности психики в целом и ее основных, базовых «составляющих» к этому классу систем. Из него, в свою очередь, вытекают также два, но уже новых следствия. С одной стороны, психика в целом и ее отдельные – основные «составляющие» построены (структурированы) на базе общего и инвариантного – метасистемного принципа организации. В свою очередь, общность принципов организации целого и его частей позволяет переносить – транспонировать механизмы и закономерности функционирования первого на вторые. Именно это и лежит в основе очень важного, на наш взгляд, феномена *мультиплицирования*, при котором потенциал психики в целом может многократно воспроизводиться в ее частных, хотя и важных аспектах, проявлениях, функциях. Целое может повторять себя в частях, перенося на их организацию – в том числе на их структуру основные особенности своего функционирования. Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с общеадаптационной точки зрения. При этом складывается иная, нежели в традиционных системных представлениях, картина соотношений целого и частей, системы и компонентов. Целое (система) уже не *состо-*

³ В этой связи уместно обратиться к известному положению С. Л. Рубинштейна, указывавшего, что «...с возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства» [173].

ит из частей (компонентов), а *реализуется* в некоторой совокупности основных функций (которые, впрочем, сами порождены этой системой). Это означает, что на каждую из функций может переноситься (транспонироваться) потенциал системы в целом. Такой перенос позволяет ей резко расширять – по существу, умножать, то есть именно *мультиплицировать* (в прямом и непосредственном значении данного понятия) свои функциональные возможности.

Все вышеизложенное означает, что определенный класс систем, придя в ходе своей эволюции к метасистемному принципу организации как базовому и наиболее общему для них в целом, в то же время, обретает и способность воспроизводить, повторять его по отношению к организации своих основных «составляющих». Тем самым общий принцип расширяет сферу своего действия и соотносится не только с системой в целом, но и с ее основными «составляющими». Он воспроизводится – мультиплицируется в их организации. В результате этого и система в целом обретает очень важную особенность – подобие, достигающее до степени изоморфизма, основного принципа своей организации и принципов организации своих основных «составляющих». И именно это является важным, а не исключено, и определяющим фактором обеспечения ее онтологического единства и целостности.

Далее, сформулированные выше представления позволяют более полно, точно и адекватно учесть и объяснить важнейшую – фундаментальную и основополагающую категорию особенностей систем (прежде всего, собственно психических) – особенности их структурно-уровневой организации. Эти представления показывают, что метасистемный уровень не только может, но для определенного класса систем и должен быть включен в их состав, точнее – в их общую структурно-уровневую организацию. Тем самым создаются необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить обобщенное решение проблемы структурно-уровневой организации систем в весьма широком диапазоне различий их собственных характеристик. Как известно, основной трудностью на пути решения данной проблемы является сохраняющаяся до сих пор несформулированность четких и обоснованных представлений о критерии-*дискриминаторе* уровней организации систем. Им является такой критерий, который позволяет дифференцировать (выделить и различить, то есть именно распознать) в исходной целостности базовые уровни ее структурной организации.

Наряду с ним, существуют и критерии иного типа, которые можно обозначит как критерии-*верификаторы*. Они направлены на то, чтобы обосновать, то есть именно верифицировать существование качественных различий между уровнями, устанавливаемыми посредством критерия-дискриминатора. При этом следует обязательно иметь в виду, что общая система критериев уровневой дифференциации принципиально множественна, то есть предполагает существование глубоких различий между уровнями одновременно по нескольким основным параметрам. Дифференцируемые уровни должны иметь глубокие качественные различия по своему содержанию; выступать различными по характеру интегративных средств и механизмов, лежащих в их основе; обеспечивать качественно различные типы взаимодействия системы со средой; иметь глубоко различные феноменологические проявления; включать специфические и разнородные по отношению друг к другу компоненты и др.

Наряду с этим, они должны также воспроизводить и еще одну группу закономерностей – закономерности *межуровневых* взаимодействий, обеспечивающих их целостность в рамках дифференцируемой системы. Главной из них является иерархический принцип организации уровней. Вместе с тем, множественность критериев межуровневой дифференциации не исключает, а наоборот, предполагает наличие некоторого наиболее общего, базового параметра, выступающего главным основанием для их определения. Более того, все важные, но частные критерии дифференциации уровней выступают как следствия этого обобщенного параметра. Он должен быть унитарным (универсальным) в отношении дифференциации всех уровней. В связи с этим, собственно говоря, и возникает необходимость в осуществленном выше разделении всех критериев уровневой дифференциации на два их типа. С одной стороны, как отмечалось, это критерии (признаки), репрезентирующие качественную разнородность уровней. Их использование может и должно служить средством проверки наличия качественных отличий между выделяемыми уровнями. Они обозначены как критерии-верификаторы. С другой стороны, это обобщенный и унитарный критерий дифференциации, являющийся средством не только верификации, но и поиска, обнаружения (различения) уровней в рамках интегрированного и изначально недифференцированного целого. Он обозначен нами как критерий-дискриминатор [82, 90]. Условие сочетания обоих типов критериев является обязательным для уровневой организации объектов.

Опираясь на результаты проведенного в работах [80, 86] теоретического анализа, мы считаем возможным предложить следующее решение данной проблемы. Любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это собственно системный, или *общесистемный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно *компонентный* и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими)⁴.

Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей метасистемы. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образо-

⁴ Необходимость выделения этих двух уровней, как мы отмечали выше, была обоснована Ф. де Соссюром [185] и развита по отношению к психологической проблематике Л. С. Выготским [34]

вание; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [122]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации. Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – *метасистемный* уровень, как было показано выше, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

Сформулированные выше положения позволяют, далее, несколько иначе, нежели это принято традиционно, проинтерпретировать соотношения двух базовых механизмов организации систем – принципов *иерархичности* и *гетерархичности* в целом, а также содействуют решению конкретной проблемы их внутренней противоречивости, доходящей до степени антагонистичности. В самом деле, если целое, действительно, обладает способностью мультиплицировать себя (точнее – свои базовые характеристики) в своих основных «составляющих», то последние становятся в определенном отношении и в известном смысле «равномощными» самому целому. Целое (метасистема) уже не столько «состоит из» своих частей (отдельных систем), сколько вся реализуется в каждой из них. Потенциал целого, как уже отмечалось выше, при этом, фактически, умножается, а сама метасистема резко расширяет свои функциональные иные возможности. Однако еще более значимым является то, что все основные части, «составляющие» целого становятся однопорядковыми – подобными по своим характеристикам, то есть практически паритетными и одинаково значимыми для его организации. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что данный вывод, раскрывающий еще одну важную особенность организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем, в значительной мере содействует раскрытию структурной организации субъективной реальности.

Далее, системы данного класса характеризуются и специфическими закономерностями их *функциональной* организации. Причем,

они являются не только тесно взаимосвязанными с рассмотренными выше структурными закономерностями, но и, по существу, производными от них. Действительно, для систем анализируемого класса их высший структурный уровень предполагает репрезентирование в их составе содержательных и иных характеристик самой метасистемы. Причем, наиболее важно и показательно то, что, чем полнее и адекватнее будет такое репрезентирование, тем большими возможностями будет обладать и сама система. Следовательно, возникает объективная необходимость в максимизации содержательных, информационных характеристик такого репрезентирования. В связи с этим, компонентный состав метасистемного уровня, а, следовательно, – и всей системы формируется не по принципу «ограничения и отграничения» от среды, а по противоположному принципу – включения ее в себя. Он – компонентный состав является в этом случае принципиально неограниченным, открытым: чем более неограниченным он будет, тем эффективнее будет и вся система. В результате этого он по своим объемным, количественным характеристикам предстает практически всегда как очень большой и даже – фактически, необозримый. К тому же, он находится в состоянии постоянного обогащения, изменения, достройки и т. д.

Однако, с другой стороны, любая система обладает *конечностью*, предельностью собственных возможностей любого типа (ресурсных, временных, энергетических, информационных и пр.). Это, разумеется, относится и к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. По отношению к психике совокупность такого рода ограничений (так называемых «предельных характеристик психики») хорошо известна и достаточно изучена⁵. Подчеркнем, что обе указанные особенности – это объективно присущие психике черты; они должны быть как-то согласованы, «примирены», что, казалось бы, абсолютно невозможно в связи с их очевидной антагонистичностью. Другими словами, возникает объективная необходимость в таком механизме функциональной организации системы, который снимал бы противоречие между принципиальной неограниченностью ее компонентного состава и столь же принципиальной ограниченностью ее функциональных ресурсов.

⁵ Эти – объективно присущие психике ограничения иногда даже служат основой для обобщенных концептуальных построений, например, для «теории ограниченной рациональности» Г. Саймона [176, 307].

Поскольку в качестве «единиц» компонентного состава психического представлены, в основном, информационные сущности – знания, ментальные репрезентации, элементы опыта и пр., то сделанное заключение можно конкретизировать. Возникает необходимость такой формы и механизма функциональной организации знаний, информации, опыта – такой их «упаковки», которая учитывала бы два указанных выше антагонистических обстоятельства. Она должна быть одновременно и ограниченной, и неограниченной (по крайней мере – субъективно). По отношению к психике как системе со «встроенным» метасистемным уровнем существование и смысл такой формы очевиден и достаточно изучен в психологии. Действительно, для нее атрибутивно характерна такая форма, такой способ организации (и, соответственно, бытия) их компонентного состава, который предполагает принципиальную *двойственность* существования самих компонентов. Для понимания этой двойственности, точнее – двух взаимобратимых модусов существования компонентов могут быть применены различные оппозиционные пары понятий: актуальное – потенциальное, реальное – виртуальное, эксплицитное – имплицитное. Это означает, что в любом случае – в любом «акте бытия» содержание систем со «встроенным» метасистемным уровнем не сводится лишь к тем компонентам, которые актуально (реально, эксплицитно) вовлечены в него. Всегда имеет место нечто такое, что «остается за кадром», образует контекст и фон, что представлено в потенциальной, имплицитной, виртуальной форме. Однако для того, чтобы компонентный состав системы сохранялся в ней, не будучи включенным в ее актуальное содержание (причем, на протяжении больших и очень больших временных интервалов), нужны соответствующие механизмы.

Другими словами, с этой точки зрения системы со «встроенным» метасистемным уровнем раскрываются как системы, которые могут существовать лишь при наличии и взаимодействии двух модусов их компонентов, их содержания в целом – актуального и потенциального; они предстают как системы с эксплицитным и имплицитным, реальным и виртуальным содержанием одновременно.

Вместе с тем, в целях обеспечения этого необходим соответствующий механизм, который представлен по отношению к психике как вся совокупность мнемических процессов и механизмов. Иными словами, системы со «встроенным» метасистемным уровнем – это

обязательно «системы с памятью» Сам феномен памяти (в широком смысле) раскрывается с этих позиций как необходимое следствие функциональной организации компонентного состава такого рода систем. Однако, как свидетельствуют многочисленные и очень глубокие психологические исследования, феномен субъективного времени интимно связан именно с мнемическими процессами. Он атрибутивно сопряжен с памятью не только как с процессом, но и как фундаментальной способностью психики⁶. И здесь мы вплотную подходим к очень обширной и крайне значимой проблеме – к проблеме психологии времени, к проблеме субъективного времени (или в традиционной формулировке к проблеме «отражения времени»). Естественно, что она выходит далеко за пределы задач данной работы.

В то же время, нельзя не отметить и еще одно следствие, которое непосредственно вытекает из результатов проведенного анализа. В силу атрибутивных особенностей функциональной организации их компонентного состава и, прежде всего, главной из них – двойственности его существования и в актуальной, и в потенциальной форме, а также обратимости этих форм, системы со «встроенным» метасистемным уровнем содержат предпосылки для возникновения их собственного – внутреннего времени. На уровне психического оно представлено как субъективное время. Благодаря этому, становится возможной существенно более успешная адаптация к параметру времени как таковому, а частично – и управление им. Если все иные системы, кроме систем со «встроенным» метасистемным уровнем, функционируют во времени, то сами они, наряду с этим, еще и порождают свое собственное время. Оно, однако, в конечном итоге, является средством репрезентации объективного времени, способом включения временной «координаты» реальности в организацию психики и регуляцию поведения.

Данный вывод содержит необходимые предпосылки для решения тех вопросов, которые связаны со вторым из сформулированных выше аспектов функционального исследования систем – с выявлением закономерностей их собственно процессуальной организации. Действительно, с позиций этого вывода становится понятным, что системы

⁶ В этом отношении следует, прежде всего, отметить фундаментальные труды по данной проблеме П. Жане, А. Бергсона, Ж-М. Гюйо, Э. Гуссерля, Дж. Уитроу, М.С. Роговина и др. [17, 41, 42, 49, 170].

со «встроенным» метасистемным уровнем приобретают совершенно новую и специфическую (если не сказать – уникальную) способность. Это способность распределять свой функциональный ресурс вдоль «оси времени», осуществлять его временное структурирование. Проще говоря, возникновение феномена (и механизма) субъективного времени и, соответственно, – возникновения способности не только приспособления ко времени, но и способности *использовать* время как основу для структурирования своего функционирования означает то, что система оказывается в состоянии управлять процессами собственного бытия. Сам процесс как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят и как своего рода *временная система* – как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность.

С этих позиций очевидна необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурно-содержательному (субстанциональному) аспекту объектов исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Широко изучающийся в настоящее время феномен структурно-содержательной – точнее, субстанциональной системности не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – временной, *темпоральной* (диахронической) системностью, эксплицирующей системность организации самого процесса функционирования. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» виде, но и в самом процессе функционирования – процессуально системны. И это функционирование является источником новой категории системных качеств – временных, обнаруживаемых в плане целостной временной динамики процесса.

Далее, системы данного класса обладают и качественным своеобразием в плане еще одной категории закономерностей – *генетических*. Прежде всего, по отношению к их генезису в целом можно констатировать следующую, довольно своеобразную, если не сказать – эксклюзивную ситуацию. Дело в том, что важнейшим звеном этого генезиса является, как показано выше, формирование особого – метасистемного уровня организации в общей структуре психики. По своему содержанию, а частично – и по закономерностям он, как

опять-таки показано и доказано ранее, он представляет собой «удвоенное бытие» метасистемы объективной реальности в целом, ее превращенную – идеальную форму. Более того, чем полнее и адекватнее, точнее и детализированнее будет содержательное соответствие метасистемного уровня с ней, тем бóльшие предпосылки складываются для решения индивидом практически любых деятельностных и поведенческих задач, для реализации им общеадаптационных функций.

Следовательно, с собственно содержательной точки зрения генезис метасистемного уровня – это в значительной степени *воссоздание* в психике объективной реальности, построение ее моделей, синтезированных в общую картину мира, в образ мира. Поэтому и сам генезис метасистемного уровня как «встроенного» в структуру психики является в определенном смысле процессом формирования того, что уже существует, но одновременно и процессом превращения этого «уже существующего» в его инобытие – в идеальную форму. В этом процессе имеет место достаточно специфическое соотношение продуктивных и репродуктивных тенденций генезиса.

Обычно само понятие генезиса (формирования, порождения) принято ассоциировать именно с *продуктивными* процессами, с генеративным началом в развитии психики. Генезис – это и есть создание, порождение, возникновение и развитие (закономерно, что понятия *генезиса* и *генеративности* обладают очевидным этимологическим родством). Вместе с тем, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем традиционная трактовка генезиса должна быть, по-видимому, расширена. Он не только может, но и обязательно должен быть также и репродуктивным, воссоздающим. Лишь при условии констатированной воссоздаемости, внутренняя модель мира – его репрезентация в психике будет адекватной внешнему «оригиналу». Собственно говоря, эта воссоздаемость внешнего мира в мире внутреннем и лежит в основе формирования системы знаний о первом во втором, феноменологически представленной как сознание. Однако – и в этом проявляется истинная диалектика и реальная сложность рассматриваемого генезиса – он, в действительности, двойственен. Будучи воссоздающим – репродуктивным по содержанию формирующегося метасистемного уровня и по отношению к связи этого содержания с содержанием объективной реальности, он, в то же время, без сомнения, продуктивен. Более того,

именно благодаря репродукции объективной реальности «внутри себя», развитие субъекта и приобретает продуктивный, генеративный характер. Сам же генезис метасистемного уровня поэтому является и продуктивным и репродуктивным, и воссоздающим (объективный мир) и создающим (субъективный мир) одновременно. Чем более полно представлены в нем эти два диаметрально противоположные начала, тем он в целом более совершенен.

Во всем этом проявляется истинная сложность, противоречивость и своеобразие генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Он характеризуется тем, что в нем в значительной степени сохраняются принципы, описанные в концепции системогенеза – принципы неравномерности и гетерохронности, прогрессирующей интеграции и нарастающей дифференциации, обеспечения достаточного эффекта и одновременности закладки компонентов системы, а также принцип целевой детерминации. Вместе с тем, наряду с ними, сами эти принципы раскрываются *новыми*, дополнительными гранями; выходят за рамки своего исходно установленного содержания, а иногда и приобретают инверсионную форму; поясним сказанное. Так, в частности, принцип неравномерности генезиса компонентов означает, что общей закономерностью развития систем являются существенно разные темпы формирования тех или иных ее компонентов на всем интервале ее развития. Другой принцип – гетерохронности означает, что различные компоненты системы развиваются наиболее интенсивными темпами на разных временных интервалах ее общего генезиса, а для каждого из них существует сензитивный период. Иными словами, оба этих принципа являются частными аспектами временной дифференцированности, «хронологической специализированности» общего процесса генезиса. Они, разумеется, сохраняются и в генезисе систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Однако, по отношению к ним общий «вектор» генетических тенденций существенно изменяется. Дело в том, что генезис метасистемного уровня и генезис всех иных уровней теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодействуют; степень их сформированности напрямую зависит друг от друга. В связи с этим, существенно большую роль в общем процессе генезиса систем со «встроенным» метасистемным уровнем играют не механизмы временной специализации и дифференциации (которые проявляются в принципах неравномерности и гетерохронности), а механизмы ин-

теграции – прежде всего, метасистемного уровня со всеми иными уровнями, а также их взаимодействии. Например, когнитивный потенциал субъекта, развиваясь и совершенствуясь, создает вполне конкретные предпосылки для развития метакогнитивных процессов (которые, в свою очередь, составляют важную часть всех операционных средств метасистемного уровня). Эти процессы, в свою очередь, в зависимости от меры своего потенциала, создают те или иные условия для собственно когнитивного развития. В силу этого, чем более взаимосвязанными и взаимозависимыми будут процессы генезиса метасистемного уровня и всех иных уровней, тем эффективнее будет и общий генезис психики. Таким образом, в плане обеспечения синергичности генезиса метасистемного уровня и иных уровней на первый план выступает уже не их неравномерность, а наоборот, – *равномерность*; не их гетерохронность, а наоборот, – *синхронность*. Лишь при такой трансформации и даже – инверсии исходного смысла системогенетических принципов неравномерности и гетерохронности возможно обеспечение синергетических отношений метасистемного и иных уровней, *итеративность* (спиралевидность) их взаимного развития. Аналогичная по своему общему смыслу ситуация имеет место и по отношению к иным системогенетическим принципам.

Итак, формирование и развитие систем без «встроенного» метасистемного уровня – это, действительно, процесс системогенеза. Он, протекая по определенным – системогенетическим принципам, имеет свое специфическое содержание, свою закономерную этапность и др. В конечном итоге он приводит к развитию зрелой системы (в частности, психики), которая функционирует по атрибутивно присущим ей закономерностям – также системным по своей природе. Эти собственно системные закономерности структурной и функциональной организации становятся основными, а психика в целом и ее основные подсистемы базируются на них как на своих основных механизмах. Вместе с тем, возникновение метасистемного уровня создает условия для того, чтобы стала возможной объективация психики для самой себя – в качестве некоторого оппозиционированного, условно внешнеположенного» объекта. Психика становится в состоянии отнестись к самой себе как к целому, как к системе. Метасистемный уровень означает своего рода метаплоскость, с позиций которой оказывается возможной регуляция и воздействие на систему – психику; оказыва-

ется возможным своеобразный «выход» за ее собственные пределы. Зрелая, сформированная психика – благодаря именно сформированности метасистемного уровня, не только базируется на системных закономерностях, но и активно использует их в отношении себя как операционные средства. Управлять собой и регулировать себя (то есть – саморегулировать) можно лишь в том случае, если существует средство для экспликации и затем использования тех закономерностей, на которых базируется организация психики. Однако сами они могут быть использованы именно как средства саморегуляции лишь в том случае, если сформирован метасистемный уровень как таковой.

Следовательно, и генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем это не просто системогенез в его классическом понимании – как развитие системы. Он обязательно предполагает не только *формирование системы*, но и формирование способности системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции, то есть *развитие системности* как механизма этой регуляции. Именно этим генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем отличается от генезиса иных типов систем. Для его обозначения более адекватным, на наш взгляд, является не понятие системогенеза, а понятие *метасистемогенеза*. В своем широком значении данное понятие фиксирует общий генезис особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В его основе лежит формирование и развитие целостной иерархии пяти базовых макроуровней, в том числе и, прежде всего, – метасистемного уровня их организации. В своем более конкретном – узком и производном от первого значения данное понятие фиксирует такой специфический тип системного генезиса, который означает не только формирование и развитие системности как таковое, но и формирование способности системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции – развитие системности как механизма этой регуляции. И именно данное понятие и, соответственно, данный тип генезиса должны быть проинтерпретированы как базовые для реализации метасистемного плана исследования в целом. Они позволяют поставить и в определенной мере решить ряд достаточно значимых в теоретическом отношении вопросов, раскрыть новые грани и закономерности развития систем.

Таким образом, по отношению к генезису систем со «встроенным» метасистемным уровнем традиционно описанные систем генетические закономерности в целом сохраняются и должны быть учтены при их исследовании. Вместе с тем, их учет, хотя, безусловно, необходим, но еще недостаточен для полного и адекватного понимания сути генезиса этих систем. Наряду с ними, возникают новые – качественно специфические закономерности развития, трансформируются принципы системогенеза, меняется сам тип их генезиса. Все это требует понимания развития такого рода систем уже не как системогенеза, а как метасистемогенеза.

Наконец, системы данного класса специфичны и в плане еще одной важнейшей категории закономерностей – *интегративных*. При реализации интегративного плана исследования необходимо руководствоваться рядом основных методологических требований, сформулированных, в частности, в работе [80]. Все они, являясь, именно общими, то есть релевантными по отношению ко всем основным классам систем, в то же время, являются достаточно конструктивными и в плане раскрытия закономерностей специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Они дают достаточные основания для позитивного рассмотрения, фактически, основного вопроса интегративного плана исследования – вопроса о том, характеризуются ли системы со «встроенным» метасистемным уровнем какой-либо спецификой в этом плане их собственных интегративных свойств – системных качеств? Возникают ли у них и, если да, то какие именно новые интегративно-качественные «измерения», новые категории качественных характеристик?

При ответе на эти вопросы необходимо учитывать, что сам системный подход базируется на еще более общей методологии *качественного анализа*. В свою очередь, одним из главных положений качественного анализа является дифференциация трех базовых категорий качеств как таковых – *материальных, функциональных и системных*⁷. Послед-

⁷ Первые два типа – материальные и функциональные качества изучены в настоящее время несопоставимо лучше, нежели системные. Функциональные качества отличаются от материальных тем, что могут проявляться лишь при условии функционирования объекта – в его динамике, но не в статике. Вместе с тем, общность материальных и функциональных качеств состоит

ние из них (системные) являются, разумеется, наиболее сложными и неслучайно поэтому, что именно они были открыты и стали предметом научного познания позже иных типов качеств. Среди всего многообразия характеристик, присущих системным качествам, следует выделить две основные – атрибутивно свойственные им особенности. Во-первых, они присущи системе в целом, обнаруживаются лишь на уровне системы (или, по-другому, – на системном уровне) и отсутствуют на всех иных – субсистемных уровнях, то есть у частей системы, а также у их аддитивной совокупности. Во-вторых, они могут носить сверхчувственный характер, то есть быть недоступными прямому чувственному восприятию. Они поэтому «понимаемы и раскрываемы» лишь посредством соответствующих концептуализаций и идеализаций. Оба эти положения считаются базовыми и основополагающими в системном подходе. Они, на наш взгляд, совершенно необходимы для проводимого здесь анализа. Вместе с тем, будучи, повторяем, необходимыми, сами по себе они еще недостаточны для экспликации всех особенностей систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Из них следует, что системные качества – это свойства, которые не только могут быть обнаружены лишь на уровне целого, на уровне системы, то есть на системном уровне, но и свойства, «выше» и сложнее которых других свойств нет – просто по определению. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что в классическом системном подходе системные качества рассматриваются как «высший и последний» тип качеств вообще. В отношении основных категорий качеств проявляется своего рода «презумпция несуществования» иных – возможно, более сложных, нежели они, качеств. Вместе с тем, можно допустить, что это не вполне так, и что, возможно, существуют и иные типы качеств, иные их категории. Такое предположение тем более обоснованно, что, как свидетельствуют представленные в материалы, общесистемный уровень организации – это не «последний», не обязательно высший уровень организации систем. Существуют и такие системы, в которых роль высшего уровня принадлежит каче-

в том, что они доступны чувственному восприятию и познанию – носят чувственный характер. Наоборот, системные качества тем и отличаются от материальных и функциональных, что они могут носить и сверхчувственный характер, быть недоступными чувственному познанию и восприятию.

ственно иному уровню – метасистемному. Но тогда со всей остротой и возникает вопрос о специфических именно для него качествах. Если системные качества специфичны общесистемному уровню и обнаруживаются на нем, то какие качества будут специфичны метасистемному уровню и могут обнаруживаться на нем? Понятно, что данный вопрос является чрезвычайно трудным и находится, по существу, лишь в стадии своей постановки. Вместе с тем, проведенный выше позволяет сформулировать некоторые положения, содействующие его решению.

Действительно, если существуют системы со «встроенным» метасистемным уровнем, а психика в целом и ее основные «составляющие» принадлежат именно к ним, то в само их содержание включен новый, качественно специфический уровень – метасистемный. Этот уровень, естественно, должен иметь свою собственную качественную определенность, а значит – и свои качества, отличные от качеств всех иных уровней, в том числе, и от общесистемного (иначе он не может характеризоваться уровнем статусом). Однако для общесистемного уровня атрибутивными, то есть раскрывающими его качественную определенность, являются системные качества. Следовательно, для метасистемного уровня должны быть характерны такие качества, которые выходят за пределы системных качеств как таковых и являются *метасистемными качествами*. Другими словами, возникает достаточно обоснованное предположение (даже просто в силу формальных, чисто дедуктивных аргументов) о существовании дополнительной категории качеств – метасистемных. Естественно, что пока не вполне ясным остается их содержательный смысл и конкретные проявления. Однако сам факт их существования столь же вероятен, сколь вероятно существования и самих систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Таким образом, проведенный анализ показал, что включение в концептуальный аппарат методологии системного подхода и психологии в целом представлений о метасистемном уровне организации позволяет сформулировать представления о новом, специфическом типе качеств – о *метасистемных* качествах. Они являются атрибутом взаимодействия метасистемного уровня со всеми иными – нижележащими уровнями. Следовательно, общая совокупность категорий качеств расширяется до четырех базовых категорий – материальных, функциональных, системных и метасистемных. Кроме того, метасистемные качества (и сами по себе, и во взаимодействии с системны-

ми качествами) играют очень важную роль в структурно-функциональной организации деятельности в целом.

Итак, выше была дана характеристика метасистемного подхода как одного из значимых методологических императивов психологического исследования. В дополнении к ней следует подчеркнуть, что обоснованность и конструктивность данного подхода, наряду с приведенными выше аргументами теоретического плана, подтверждается и достаточно большим количеством исследований, которые выполнены на его основе и позволили получить целый ряд результатов как общего, так и более конкретного плана. Мы уже отмечали, что он был реализован по отношению к таким – весьма общим предметам психологического исследования, как структурно-уровневая организация системы психических процессов, способности, деятельность, сознание, процессы принятия решения, мотивационная сферы личности, а также организации личности в целом. Подчеркнем, что в этом ряду уже подвергнутых исследованию с его позиций предметов изучения одно из центральных мест принадлежит деятельности – и как общепсихологической категории, и как многоплановой реальности, которая в ней зафиксирована.

1.3. Проблема деятельности с позиций метасистемного подхода

Правомерность сформулированных выше положений достаточно общего, методологического характера и их конструктивность по отношению к проблеме деятельности весьма отчетливо проявляется уже в первом из базовых аспектов охарактеризованной выше комплексной стратегии исследования – *метасистемном*. Он напомним, состоит в определении метасистемы по отношению к изучаемому предмету и ее отношений изучаемой системой. Эта метасистема является более широкой, онтологически представленной целостностью, в которой содержатся основания и детерминанты для его «внутрисистемного», то есть истинного бытия, а также заложены гносеологические средства для его изучения. Решение именно этой задачи, являющейся исходной для всего осуществленного рассмотрения (то есть задачи определения онтологически представленной и реально существующей метасистемы по отношению к системе деятельности), может быть конкретизировано. Дело в том, что с позиций метасистемного подхода вскрывается

еще одно принципиальное обстоятельство – атрибутивно присущая деятельности *множественность* тех метасистем, в которые она реально включена. Деятельность как сложноорганизованная система, характеризующаяся многомерностью организации и высокой гетерогенностью содержания, одновременно включена не в одну, а в несколько основных метасистем. Она – именно в силу этих своих характеристик, раскрывающих различные грани и стороны ее сложности, не только не может, но и не должна обладать, так сказать, метасистемным *моно-статусом*, то есть быть «составляющей» какой-либо одной метасистемы. Напротив, включая в себя крайне разнородные, разнокачественные структуры и образования, «состоя» из очень различных компонентов, она одновременно выступает как включенная в аналогичные, то есть также качественно различные целостности – метасистемы по отношению к ней. Она является своеобразной «сферой их пересечения», точнее – их взаимодействия. В их качестве по отношению к деятельности выступают три базовые метасистемы: личность, социум и совместная деятельность. Следует особо подчеркнуть, что все они обладают по отношению к деятельности именно онтологическим статусом. Это означает, что сама деятельность не только *может* быть рассмотрена с их позиций (поскольку она может быть рассмотрена и с позиций многих других целостностей – метасистем). Дело в другом – в том, что именно эти три метасистемы являются объективно необходимыми, то есть реально, онтологически представленными целостностями, вне которых и помимо которых сама деятельность просто невозможна. В силу этого, она *не может* быть рассмотрена никак иначе, кроме как их «составляющая», как производная от них. Эти три метасистемы не только и не просто *вливают* на деятельность – детерминируют ее, но именно порождают, *конституируют* ее. Причем, очень характерно и показательным также то, что такое порождение – конституирование деятельности возможно лишь в случае «соединенности», то есть синтетического воздействия всех трех метасистем. Сама индивидуальная деятельность выступает в этом плане как эффект конвергенции, интеграции указанных метасистем.

Таким образом, можно видеть, что решение исходной задачи – задачи определения метасистемы по отношению к системе деятельности позволило установить факт, имеющий принципиальное значение для раскрытия ее психологической природы и реальной сложно-

сти и состоящий в множественности самих этих метасистем. Можно видеть также, что тем самым подтверждается и одно из основных методологических положений метасистемного подхода, сформулированное в [80, 86, 95, 102]. Оно состоит в том, что наиболее сложные системные образования – именно в силу их высокой сложности, одновременно включены в целый ряд более общих по отношению к ним целостностей (метасистем).

Итак, традиционно сложившаяся трактовка понятия «деятельность как система» должна быть существенно скорректирована, поскольку она принадлежит к качественно своеобразному и очень специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Их основной отличительной чертой является то, что более общая по отношению к ним целостность – метасистема (точнее, ряд метасистем) имеют не только внешнюю локализацию, но и в определенной мере и в определенном аспекте (функциональном) оказываются представленным в их собственном содержании и структуре. Подчеркнем со всей определенностью, что речь при этом идет, конечно, не о материальной (морфологической) представленности, а о представленности именно функциональной. Метасистемы, в которые объективно, онтологически включена система деятельности и с которыми она взаимодействует, сами оказываются функционально репрезентированными в ее собственном содержании. По отношению к деятельности существуют три основные метасистемы. В их качестве выступает, во-первых, сама личность субъекта деятельности; во-вторых, совокупность объективных факторов социальной микро- и макросреды (социума); в-третьих, процесс взаимодействия первой со вторыми, представляющий собой специфический тип систем – систему временного, собственно темпорального типа.

Отсюда вытекает, что деятельность является отнюдь не рядовой, не вполне обычной системой со «встроенным» метасистемным уровнем. Она является и такой системой, в которую одновременно включены, «встроены» не одна, а сразу несколько метасистем. Естественно, что такой ее характер обуславливает еще более высокую степень ее сложности. Вместе с тем, данный результат является подтверждением одного из сформулированных ранее положений метасистемного подхода – положения о *полиметасистемности* определенного класса систем; о том, что для некоторых систем может быть характерна

функциональная включенность в них не одной, а нескольких метасистем. Деятельность как раз и является таким образованием, которое обладает ярко и явно представленным полиметасистемным статусом. В ней функционально представлены, «встроены» в нее содержательные, структурные и многие иные компоненты одновременно, как минимум, трех метасистем – самой личности, ее социального окружения (социума) и совместной деятельности.

Далее, особо следует отметить и то, что с позиций метасистемного подхода открываются новые возможности для раскрытия организации деятельности в ее объективно главном и определяющем аспекте – *структурном*, точнее – структурно-уровневом. Как известно, именно данный аспект является основным для одной из двух главных парадигм, сложившихся при разработке проблемы деятельности – структурно-уровневой. Ее основной идеей является трактовка деятельности как иерархически организованной, полиструктурной системы, включающей ряд соподчиненных и качественно специфических уровней, а свое наиболее концентрированное выражение она получила в теории деятельности А. Н. Леонтьева [130, 131].

Вместе с тем, как было показано в [96], очень настойчивое и даже «упорное», а нередко – и просто привычное, но недостаточно критическое использование только традиционно закрепившихся в указанном подходе уровней организации деятельности, фактически, закрывает даже саму возможность, сам путь к поиску и обнаружению иных – качественно своеобразных ее уровней. Более того, строго говоря, выделение только уровней деятельности и действий (а также операций, не являющихся в полном объеме предметом психологического исследования) не столько раскрывает структуру деятельности (то есть наличие ряда иерархически соподчиненных уровней), сколько фиксирует лишь ее крайние «полюса». С одной стороны, это наиболее сложный «полюс» (деятельность), а с другой, – относительно наиболее простой «полюс» (действие). Их соотношение при этом выступает как соотношение целого (системы) и части (компонента). Вопрос же о самих переходных уровнях иерархии между этими двумя полюсами остается, фактически, открытым.

Тем самым априорно блокируется даже сама возможность раскрытия реальной многомерности – многоуровневости предмета изучения, то есть структуры деятельности. На наш взгляд, более конструктивно

отказаться от такой априорной «презюмции несуществования» и допустить возможность иных, переходных уровней интеграции в общей структуре деятельности. Данное предположение является не только вполне обоснованным и оправданным, но и, по существу, необходимым с точки зрения развитых выше представлений о содержании метасистемного подхода. Действительно, как можно было видеть из материалов, представленных выше, одним из его основных положений является обоснование существования обобщенного и инвариантного критерия-дискриминатора, позволяющего дифференцировать базовые уровни организации систем. Поскольку этот критерий является именно обобщенным, то есть все основания считать, что он воплощен и в закономерностях структурно-уровневой организации деятельности. Данное положение получило комплексную реализацию в целом ряде наших работ. Наиболее общим итогом чего явилось установление, наряду с тремя традиционно дифференцируемыми уровнями (уровнями автономной деятельности, действия и операций), еще двух – новых, качественно специфических уровней структурной организации деятельности, обозначенных понятиями *метадеятельностного* и *инфрадеятельностного* уровней. В свете этого результата традиционная теория деятельности, особенно в ее варианте, разработанным А. Н. Леонтьевым, предстает как *частная* и специальная и, соответственно, как такая, которая должна быть дополнена новыми результатами и трансформирована в *общую* теорию деятельности. Причем, следует подчеркнуть, что тем самым первая вовсе не «отрицается», а напротив, сохраняется, но эксплицируется именно как частный случай, сходящий в состав более обобщенных теоретических представлений. Данное положение проявляется уже в том, что в этих представлениях сохраняются принципиальные особенности трех традиционно дифференцируемых уровней. Они, однако, дополняются комплексом результатов, эксплицирующих и раскрывающих психологическую природу двух новых уровней – метадеятельностного и инфрадеятельностного. В силу этого, представляется целесообразным резюмировать эти их черты, а на основе этого дать дополненную – более обобщенную характеристику и структурно-уровневой организации деятельности в целом.

Переходя к ней, необходимо отметить, что сущность и содержание первого из этих уровней – метадеятельностного наиболее явно и полно эксплицируются при анализе относительно наиболее сложных

видов деятельности – в особенности, управленческой, организационно, педагогической, образовательной и др. [29, 47, 50, 52, 65, 73, 75, 99, 101, 124, 128, 142, 149]. Действительно, обращаясь, например, к управленческой деятельности, нельзя не видеть следующего – фундаментального обстоятельства. Сама ее сущность, психологическая природа (по определению) состоит в том, что деятельность руководителя – управленца, менеджера, администратора разворачивается как процесс взаимодействия не с объектом в его привычном понимании, а с аналогичной самому субъекту и равномошной ему системой – с другими субъектами (членами организации, группы, а также с их деятельностями). Следовательно, сама управленческая деятельность разворачивается как своеобразная «деятельность с деятельностями», как деятельность по организации других деятельностей, как деятельность «второго порядка». По отношению к ней поэтому с наибольшей адекватностью и уже не метафорически, а строго и непосредственно может быть использовано понятие *метадеятельности*. Она является таковой именно по интегративным механизмам ее содержания и структуры, объекта и основных функций. Особенно показательно то, что в ней имеют место и качественные изменения главного деятельностного атрибута – ее *предмета*. Предметом деятельности руководителя становится также деятельность – деятельность подчиненных.

Данное обстоятельство проявляется в том, каким образом в ней специфицируются основные категории, фиксирующие содержание всех базовых аспектов организации этой деятельности – категорий объекта и субъекта деятельности, ее предмета и условий, а также процесса деятельности и средств ее осуществления [74]. При этом очень показательно, что в каждом из указанных аспектов понятие метадеятельности не только оказывается наиболее адекватным средством характеристики управленческой деятельности, но и приобретает важные специфические грани. Одновременно данное понятие, взятое в каждом из этих аспектов, позволяет дифференцированно рассмотреть и раскрыть различные стороны собственно психологической регуляции управленческой деятельности.

Так, в аспекте категории *субъекта* как компонента управленческой деятельности обнаруживается ряд весьма показательных в этом плане закономерностей. Во-первых, он приобретает черты полисубъектности, вообще – обретает статус коллективного субъекта.

Во-вторых, субъект становится при этом не только множественным и «распределенным», но и организованным. Последнее реализуется через два базовых принципа управленческой деятельности – координационный (горизонтальный) и субординационный (вертикальный). Коллективный субъект, тем самым, приобретает черты структурности и иерархичности собственной организации. Он, однако, выступает при этом не как моносубъект, а как полисубъект. Общая структура регуляции совместной деятельности приобретает, следовательно, черты полисубъектной, а руководитель и каждый из исполнителей выступают при этом как парциальные субъекты общей – совместной деятельности. Наибольшая сложность и специфичность такой регуляции состоит в том, что, несмотря на полисубъектный характер совместной деятельности (или – именно в силу его наличия), она объективно должна быть централизованной, иерархически построенной, интегрированной, а в этом смысле – моносубъектной.

Итак, субъект управленческой деятельности в широком (и потому – наиболее полном смысле) – это не просто коллективный субъект, а обязательно структурированный и организованный полисубъект. Тем самым он уже не только по критерию «коллективности» выходит за рамки традиционной моносубъектности индивидуальной деятельности (что очевидно), но и становится принципиально иным по собственным – качественным, содержательным критериям. Он имеет собственную и достаточно специфическую структуру, организацию, механизмы интеграции и средства иерархизации. Все они – качественно иные, нежели аналогичные средства и механизмы индивидуальной деятельности. Следовательно, и по закономерностям своей организации коллективный субъект также выходит за пределы индивидуального субъекта; он становится своего рода *метасубъектом*. Ему присущи многие новые (в том числе – и описанные в литературе) надиндивидуальные свойства – в частности так называемый «коллективный разум», «коллективная воля», «общее мнение» и пр. Понятно, что именно такая – метасубъектная организация наиболее адекватна сути управления.

Аналогичные, то есть принципиальные и явные трансформации обнаруживаются и при рассмотрении психологической природы управленческой деятельности в следующем важном плане – в плане специфики ее *объекта*. Более того, эти трансформации являются не только максимально представленными, но фактически *предельными*. Имеет ме-

сто полная инверсия объекта, когда он, не переставая быть самим собой (то есть именно объектом), предстает и в качестве субъекта (точнее – множества субъектов, что в еще большей степени усложняет ситуацию). Объектом управленческой деятельности руководителя является специфичнейшая во всех отношениях и внешнеположенная по отношению к нему реальность; ей выступает совокупность управляемых субъектов. Она одновременно является и реальностью объективной и реальностью субъективной. Предметом деятельности становится столь специфический внешнеположенный объект, каковым выступает сам субъект (точнее – субъекты), другие люди, социальные объекты (Дж. Брунер). Тем самым возникают предпосылки для качественно иной организации деятельности в целом, при которой его и ее субъект и его объект оказываются и «равномогущими» по своим возможностям, и идентичными по механизмам своего функционирования – односущностными.

Понятие метадеятельности эксплицирует и дополнительные – качественно специфические особенности ее собственно *процессуального* развертывания. Управленческая деятельность, синтезируя в себе черты индивидуальной и совместной деятельности, однако, не сводится к их аддитивной совокупности, а выходит на уровень метадеятельностной организации и раскрывается как таковая в собственно процессуальном плане. Известно, что одной из основных особенностей управленческой деятельности является ее не прямая, а опосредованная связь с конечными результатами функционирования той или иной организации. Руководитель обычно непосредственно сам не только не участвует, но и не должен участвовать в создании, в изготовлении конечных результатов. Именно по данному признаку управленческая деятельность дифференцируется от исполнительской деятельности. Чем в меньшей степени управленческая деятельность включает компоненты собственно исполнительского труда, тем обычно выше ее эффективность. Следовательно, будучи направленной, в конечном итоге, на получение некоторого результата, сама по себе управленческая деятельность непосредственно к нему не только не приводит, но и, как правило, не должна приводить. Это происходит через последующую деятельность (точнее – множество деятельностей) «других лиц» – подчиненных, задача соорганизации которых и есть основная прерогатива руководителя, суть его деятельности. Тем самым управленческая деятельность как бы «отграничивается» от конечного результата функциони-

рования социотехнических (организационных) систем совокупностью исполнительских деятельностей. Складывается довольно интересная ситуация, когда деятельность, направленная на получение определенного результата не только может не приводить к нему непосредственно, но и не должна приводить. Результат как бы «выносятся» за пределы самой этой деятельности. Это – еще одно проявление метадеятельностного характера управленческого труда как такового: ее результат лежит *вне и за* самой этой деятельностью.

Таким образом, психологический анализ управленческого труда в его основных «измерениях» (объектном, субъектном, предметном, процессуальном,) раскрывает его метадеятельностную специфику. Этот анализ может быть, безусловно, продолжен и во многих иных планах, аспектах. Метадеятельностная организация, действительно, является «сквозной» и универсальной особенностью управленческого труда. Так, дополнительным проявлением этой организации является, например, двойственность самого статуса руководителя. Руководитель по определению одновременно является членом организации (группы) и стоит как бы вне ее (над ней) – в силу своего иерархически высшего положения. Это порождает множество трудностей практического характера. Исследования показывают, что эффективность деятельности организации тем выше, чем в большей мере руководитель является не просто формальным «начальником», но и неформальным лидером (то есть реальным членом организации). Но одновременно и сохранение иерархического начала («соблюдения дистанции») также является действенным средством обеспечения эффективности деятельности организаций. Следовательно, еще одним признаком управленческой деятельности является сочетание двух основных принципов ее организации – иерархического (субординационного) и коллегиального (координационного), а также необходимость их оптимального согласования. Такая двойственность статуса обуславливает возникновение двух «деятельностных контуров» и взаимодействия между ними.

Сформулированные выше представления не ограничиваются, разумеется, только управленческой, организационной деятельностью, а имеют более общий характер и охватывают значительную часть всех видов профессиональной деятельности, принадлежащих к их субъект-субъектному классу в целом. Так, в специальном цикле исследований нами была проанализирована также и *педагогическая*

деятельность в плане ее базовых психологических характеристик, в частности – в аспекте ее метадеятельностной природы [73, 90, 97, 99, 101, 104]. Не останавливаясь детально на их результатах, подчеркнем, однако, их главный смысл. Он заключается в том, в наиболее общем виде вся педагогическая деятельность выступает одним из наиболее ярких представителей второго основного класса профессиональной деятельности – субъект-субъектных. В ней коренной трансформации подвержен основной атрибут деятельности – ее предмет. Им, как уже отмечалось, выступает не «неодушевленный» объект, а столь специфическая во всех отношениях реальность, каковой является субъект (точнее – ряд субъектов, а также их деятельность).

Педагогическая деятельность – это, также как и управленческая, «деятельность с деятельностями», деятельность по формированию и управлению деятельностью других – обучаемых – метадеятельность. В этом плане прослеживается глубинная и, по существу, – атрибутивная аналогия между двумя важнейшими видами деятельности субъект-субъектного типа – педагогической и управленческой. И та и другая имеют в качестве своего основного предмета совершенно особую и уникальную реальность – деятельность, но «других субъектов». Первая – учащихся, вторая – подчиненных. Их сущность во многом сходна и заключается в организации деятельности «других»; в том, что она представляет собой именно «деятельность по организации деятельности» других субъектов, то есть метадеятельность. Глубинная связь между педагогической и управленческой деятельностью отражена и в собственно научном плане, и на уровне обыденных представлений. Хорошо известно, например, что идеалом педагогической деятельности является не решение задачи просто *научить*, а *научить учиться*, то есть, по существу, выйти за пределы своей индивидуальной деятельности и сформировать деятельность других (учащихся). Даже в самом понятии педагогики отражена эта связь: педагогика – это дословно «детовожделение», что этимологически практически полностью эквивалентно понятию «руководство». Столь явное и принципиальное своеобразие предмета педагогической деятельности, по-видимому, не может не вести к аналогичным, то есть – также принципиальным трансформациям структурно-функциональной организации этой деятельности по сравнению с теми, которые описаны в существующей теории деятельности. Наиболее важной среди этих трансформаций как раз и явля-

ется возникновение в ней нового уровня регуляции – метадеятельностного, а также обретение им статуса ведущего во всей структуре уровней ее организации. Именно на этом уровне особую функциональную роль в организации совместной деятельности педагога и обучаемых играет своего рода «столкновение» двух деятельностных контуров – обучающей и собственно учебной. Они взаимодействуют друг с другом и образуют общую систему совместной учебной деятельности. Тем самым возникает и достаточно своеобразный феномен «деятельностного рефлексирования» – отражения, взаимокоррекции и даже взаимоуправления одним деятельностным контуром (обучающим) другого (деятельности учащихся). Он является конкретным проявлением охарактеризованного выше принципа метасистемной обратимости: деятельность трансформируется из статуса оператора в статус операнда.

С еще большей отчетливостью концептуальная неполнота традиционных – трехуровневых представлений о структуре деятельности ощущается, однако, не «сверху» от собственно деятельностного уровня, а так сказать «снизу» от него. Действительно, согласно традиционным представлениям между уровнями автономной деятельности и действий нет никаких иных уровней организации; они – эти два уровня являются исчерпывающими. Однако, как отмечалось выше, в понятиях деятельности и действия фиксируются не столько уровни (хотя, конечно, и они тоже), сколько отношения системы и ее компонента, целого и части. Фактически, деятельность и действие – это «крайние полюса» сложности – наиболее и наименее сложный. Данные понятия поэтому раскрывают не столько общую структуру деятельности, сколько направлены на решение иных вопросов – в частности, на решение вопроса о «клеточке» деятельности, о структурировании деятельности на основе ее психологических «единиц».

При попытке преодоления тех трудностей, которые связаны с основными положениями традиционной теории деятельности, было установлено, что в общей структуре деятельности, наряду с уже описанными уровнями, существует и еще один – качественно специфический уровень ее организации. Он не сводится к уровню отдельного действия, но и не возвышается до уровня автономной деятельности. Данный уровень заполняет собой тот диапазон (беспрецедентный по своей величине), который заключен между ними. Эмпирически его существование ощущается достаточно явно и остро, а теоретические соображения,

сформулированные выше, подтверждают это. Однако для адекватной и корректной в концептуальном отношении его дифференциации необходимо определить строгий и, по возможности, общий критерий, на основе которого и может быть осуществлена эта дифференциация.

Наиболее показательным и важным, на наш взгляд, что при такой постановке проблемы она решается достаточно естественным и даже – необходимым образом. При этом «ключ» к ее решению содержится в основной и наиболее общей особенности психологической структуры деятельности – в системности ее организации. Действительно, деятельность в целом (то есть «автономная», отдельная деятельность) может и должна быть понята с категорией системы как таковой, что многократно и подробно обосновано в соответствующей литературе. Одновременно действие является основным компонентом этой системы, ее «клеточкой», ячейкой, единицей [167]. Следовательно, отношения между уровнями деятельности и действия – это, как отмечалось, отношения между системой и ее компонентом, целым и частью. В методологии системного подхода это основное разделение зафиксировано в выделении двух основных уровней функционирования любой системы (и, соответственно, ее изучения и описания) – системного и компонентного.

Вместе с тем, и в системном подходе и в общей теории систем в целом столь же аксиоматичным является и то, что только этими двумя уровнями структура и функционирование систем не исчерпывается и к ним не сводится [126, 143]. Существует, как минимум, еще один – качественно специфический уровень организации, обозначаемый как *субсистемный* уровень. Его суть состоит в том, что на нем локализованы не отдельные компоненты системы, а их комплексы – определенные синтезы, которые, в свою очередь, формируются как средства обеспечения основных функциональных задач, а шире – как средство обеспечения основных фикций той или иной системы. В содержательном плане они близки к одному из фундаментальных понятии системной методологии, а также и самой психологии – к понятию *функциональных органов*⁸. В структурном плане они представляют собой опреде-

⁸ В этой связи нельзя, конечно, не вспомнить об известном положении, входящем в «золотой фонд» методологии системности, согласно которому система как органическое целое создает в процессе своего функционирования необходимые ей для обеспечения этого функционирования органы [141]

ленные подсистемы, в которых осуществляется синтез совокупности компонентов, необходимых и достаточных для обеспечения какой-либо основной функции системы.

Действительно, как было показано выше, любая сколько-нибудь сложная система состоит не из своих компонентов непосредственно, а из организованной совокупности некоторых – уже упорядоченных, организованных их подсистем. Система в целом – это организация многих ее подсистем, которые, в свою очередь, структурируются на основе компонентов. Эти подсистемы (субсистемы) формируются в составе общей системы для обеспечения ее основных функций и обозначаются отмеченным выше понятием «функциональных органов» [18]. В своей совокупности они и образуют особый и качественно специфический уровень организации – субсистемный. Данный уровень как раз и соотносится с процессом функционирования основных субсистем. Естественно, что он принципиально своеобразен – качественно специфичен по отношению и к собственно системному, и к компонентному уровню. Во-первых, он не «возвышается» до системного уровня, так как (по определению) соотносится лишь с частями системы – с ее подсистемами. Во-вторых, он не сводится к компонентному уровню, так как обязательно реализуется на основе закономерной интеграции многих компонентов. Отметим также, что субсистемный уровень рассматривается в теории не только как объективно необходимый, атрибутивный для организации систем как таковых. Он обычно в наибольшей степени отражает и воспроизводит сам процесс функционирования сложных, динамических систем – в частности, деятельности. Система в целом (например, деятельность) обычно реализуется на основе этого уровня, *через* него и *в* нем. Объективные ситуации чаще всего таковы, что они отнюдь не требуют включения всей системы деятельности, всей ее «мощности» (то есть ее функционирования на собственно системном уровне). Однако эти ситуации, как правило, и не столь просты, чтобы разрешаться на компонентном уровне – уровне отдельных действий. В силу этого, субсистемный уровень, локализующийся между системным и компонентным уровнями, заполняет собой тот огромный диапазон функциональных проявлений качественной определенности систем (в частности, деятельности), который и составляет основное содержание ее функционирования.

Субсистемный уровень организации деятельности соотносится (и вообще дифференцируется) не на основе критерия его соответствия либо с мотивом (как деятельность в целом), либо с целью (как действие). Он релевантен качественно иному, но столь же общему и важному понятию – понятию *ситуации* и, следовательно, объективно дифференцируется на основе критерия соответствия с ним. Именно объективная ситуация, репрезентируемая субъектом как проблема, является общей и основной детерминантой его существования и функционирования.

Итак, и собственно эмпирические материалы, и методологические аргументы позволяют дифференцировать в общей структуре деятельности своеобразный – качественно специфический уровень ее организации. Он локализуется между уровнем «автономной деятельности» и уровнем действий, заполняя собой огромный диапазон вариаций степени сложности ее организации между ними. Он характерен (и даже – объективно необходим) для любой системы, поскольку раскрывает специфику функционирования ее основных subsystem (подсистем) и может быть обозначен – в общем виде как субсистемный. По отношению же к деятельности как одной из сложнейших типов систем он адекватнее всего описывается понятием инфрадеятельностного уровня. Он находится «под» уровнем автономной деятельности (отсюда и название – *инфрадеятельностный*), но «над» уровнем отдельных действий.

Атрибутивная взаимосвязь категории ситуации и инфрадеятельностного уровня (фактически, их взаимополагаемость) позволяет, далее, зафиксировать еще одну закономерность достаточно общего плана. Чем более сложной является деятельность, тем менее очевидной, жесткой и непосредственной становится связь между действиями и целостной деятельностью. При этом следует подчеркнуть, что данная закономерность соотносится не только с различиями в степени сложности деятельности как таковой, но в еще большей мере – с различиями основных классов деятельности. В данной связи традиционно принятая в настоящее время дифференциация только двух основных классов деятельности (субъект-объектного и субъект-субъектного) все более явно обнаруживает свою недостаточность для сколько-нибудь полной характеристики всей реальной сложности «мира деятельностей». Как отмечалось выше, появляется все больше оснований для того, чтобы, наряду с ними, дифференцировать еще один качественно специфиче-

ский класс деятельности – субъектно-информационный. Он по степени своей сложности (при всей, конечно, условности самого понятия сложности по отношению к деятельности и даже наличия разных видов самой сложности – например, структурной, функциональной, динамической и т. п.) явно превосходит первый из этих классов. В то же время он в этом плане однопорядков со вторым классом, а не исключено, что по ряду параметров и превосходит его в этом отношении.

Следовательно, на основе сформулированного выше предположения, есть все основания считать, что роль и функциональное значение данного уровня организации деятельности будет существенно возрастать при переходе от первого основного класса ко второму и, далее, к третьему. Это означает, в частности, что функциональная роль инфрадеятельностного уровня в деятельности субъектно-информационного характера существенно выше, нежели в деятельности субъект-объектного типа. В данном отношении очень характерно (и доказательно), что именно к этому заключению привело специально осуществленное нами в работе исследование деятельности данного типа. Например, при работе [81] с автоматизированной системой обработки экономической информации (представляющей собой, в минимальной конфигурации, персональный компьютер с установленным на него соответствующим программным обеспечением) уровни операций и действий в деятельности экономиста вполне аналогичны соответствующим уровням в деятельности оператора автоматизированной системы управления (действие – нажать кнопку, операции – поднять руку, позиционировать и т. д.) [129]. Однако именно инфрадеятельностный уровень в деятельности экономиста не просто присутствует – он приобретает доминирующее значение по сравнению с уровнем действий.

Например, экономисту требуется выполнить добавление новой учетной записи в справочник условно-постоянной информации. Для этого он последовательно выполняет определенный ряд алгоритмов действий, причем каждый из них – с помощью ряда определенных действий, иногда – неспецифических, иногда – специализированных. Не претендуя на полноту, в целях иллюстрации обозначим эти алгоритмы следующим образом: 1) экономист находит и «открывает» соответствующую справочную страницу; 2) вводит требуемую информацию в поля станицы; 3) проверяет и при необходимости исправляет введенную информацию; 4) сохраняет введенную информацию и закрывает

страницу. Ясно, что вся эта цепочка алгоритмов действий не «дотягивает» до самостоятельной, автономной, отдельной деятельности. Но, с другой стороны, не менее очевидно, что данные алгоритмы отнюдь не случайно связывают отдельные действия в определенные блоки, выводя деятельность на инфрадеятельностный уровень. Он намного «ближе» к конечной цели, к специфике и собственному содержанию деятельности экономиста, чем взятые по отдельности действия, из которых складываются рассмотренные алгоритмы. Одновременно в ходе выполняемого анализа все отчетливее прослеживается недостаточность для изучения деятельности экономиста традиционной – трехкомпонентной схемы строения («деятельность – действие – операция»). Действительно, именно определенный блок, законченный алгоритм действий соотносится с той или иной трудовой функцией деятельности информационного характера, а действие, рассматриваемое изолированно, никак не выражает ни специфику, ни собственное содержание данной деятельности – как предметное, так и психологическое.

В данной связи необходимо, конечно, учитывать и еще одно – очень значимое и носящее совершенно объективный характер обстоятельство. Оно состоит в том, что наиболее общей, своего рода магистральной тенденцией развития типов и форм организации профессиональной деятельности как раз и является все более широкое распространение деятельностей именно субъектно-информационного характера. Решающим шагом в этом направлении является, разумеется, крупнейший технологический прорыв, приведший к беспрецедентному распространению компьютерных технологий. В целом – это переход общества в IT-эпоху, дополнение всех сфер жизни общества новым, пятым измерением реальности, метафорически обозначаемым, как известно, понятием «e-измерения»⁹. И именно субъектно-информационные виды деятельности со всей остротой и очевидностью обнаруживают явную недостаточность традиционных схем декомпозиции деятельности на ее основные структурные единицы – действия. Они эксплицируют недостаточную конструктивность (хотя, безусловно, сохраняющуюся правильность) дифференциации только уровней действий и автономной деятельности. В этом плане как никогда ранее обнаруживается и явная недостаточность самой традиционной трактовки понятия действия для объяснения

⁹ Понятие, производное, например, от e-library, e-mail и др.

реальных форм деятельностной активности субъекта, взятой в ее инструментальном проявлении, в ее так сказать «технологии».

Эти положения не только созвучны еще одной, причем, наиболее значимой и общей тенденции трансформации общих подходов к анализу деятельности, но и во многом позволяет объяснить причины их возникновения, а также их сущность. Речь идет, разумеется, о подходе, согласно которому подавляющее большинство современных, достаточно сложных видов профессиональной деятельности, хотя, конечно, и может быть декомпозировано до уровня действий, но не должно исчерпываться только этим. Их сущность и специфика, их истинное содержание и реальная сложность соотносятся с принципиально иным уровнем декомпозиции – с дифференциацией деятельности на ее основные *функциональные задачи*. Их обеспечение является конкретизацией общей цели деятельности. Именно на их «языке», как правило, представлено нормативное описание деятельности (в том числе, – и технологические карты, «права и обязанности», вообще – все содержание нормативно-одобренного способа деятельности). Однако, эти – действительно, намного более релевантные и репрезентативные структурные единицы деятельности (ее функциональные задачи) как раз и предполагают опору на целостные, организованные и скоординированные комплексы ряда отдельных действий, Они нерешаемы и не разрешаемы, то есть не преодолеваемы посредством отдельных, единичных действий. Однако они и не возвышаются до уровня автономной деятельности, поскольку по определению соотносятся с какой-либо частной задачей, направленной на ее организацию.

Важно подчеркнуть, также, что еще одной – значимой и общей тенденцией развития методологии исследования деятельности является то, что именно совокупность основных функциональных задач обычно рассматривается как критерий для дифференциации, а затем для содержательной экспликации базовых *компетенций*. «Быть компетентным» в деятельности – это означает владеть системой ее основных компетенций. В свою очередь, они как раз и обусловлены содержанием и составом основных функциональных задач, успешное решение которых объективно необходимо для обеспечения всей деятельности¹⁰. Таким образом, можно видеть, что понятие инфрадеятельностного уровня оказы-

¹⁰ К этому – важному с точки зрения основных задач данной работы положению мы возвратимся в ходе последующего рассмотрения.

вается, фактически, теснейшим образом связанным не только с ситуационным, но и с *компетентностным подходом*. Более того, оно во многом объясняет, почему именно данный подход является теоретически релевантным психологической архитектонике деятельности и практически конструктивным для решения очень многих прикладных задач.

Итак, на основе изложенного можно сделать заключение обобщающего плана, раскрывающее специфику инфрадеятельностного уровня. Оно состоит в том, что, действительно, существует прямая и очень явная связь степени выраженности и функциональной значимости данного уровня и типа сложности профессиональной деятельности (а не только самой этой сложности внутри какого-либо типа). Другими словами, эта выраженность и значимость существенно возрастает при переходе от субъект-объектного класса деятельности к субъектно-информационному и субъект-субъектному классам. Если учесть, однако, что магистральным направлением эволюции типов профессиональной деятельности является именно это направление, то становится совершенно понятным, что роль и значимость психологического изучения именно инфрадеятельностного уровня также будет неуклонно и достаточно быстро возрастать. Без него раскрытие содержания все новых (впрочем, как и многих «старых») видов и типов профессиональной деятельности не представляется возможным. И напротив, понятие инфрадеятельностного уровня, равно как и та психологическая реальность, которая в нем зафиксирована, могут и должны, по-видимому, рассматриваться в качестве действенных средств дальнейшей разработки психологической теории деятельности.

Таким образом, в представленных выше материалах рассмотрены основные структурные уровни, образующие организацию деятельности. Подчеркнем при этом, что одним из «уроков» проведенного анализа явилось комплексное обоснование целесообразности (а на наш взгляд – и необходимости) дифференциации, наряду с тремя уже выделенными, еще двух – качественно специфических уровней организации деятельности. Она ярче и отчетливее всего обнаруживается при психологическом анализе относительно наиболее сложных – субъект-субъектных типов деятельности, в частности, управленческой и педагогической. Такими – дополнительными уровнями являются уровни метадеятельностной и инфрадеятельностной организации. Их обнаружение и характеристика позволяет предложить более общую,

нежели традиционно принятая (трехкомпонентная), структурно-уровневую экспликацию деятельности. Согласно ей, деятельность включает не три, а пять основных макроуровней своей организации – метадеятельностный, деятельностный, инфрадеятельностный, действенный и операционный. В связи с этим, можно допустить также, что пятиуровневая структура деятельности является не только наиболее полной и общей, но и инвариантной. Отсюда следует и то, что традиционная теория деятельности – это, по существу, частная, специальная психологическая теория деятельности. Она справедлива лишь в определенной «системе координат», при некоторых априорных ограничениях сферы ее применимости. Это, прежде всего, сфера субъект-объектных видов деятельности. В отношении иных видов деятельности она либо не срабатывает, либо не является достаточно конструктивной.

Следовательно, можно видеть, что сама логика развития психологического знания приводит к необходимости разработки и более общих представлений о структурно-уровневом строении деятельности. Они выступают более широкими по отношению к существующим и являются поэтому своего рода общей теорией деятельности. В этой теории структура деятельности представлена уже не тремя, а пятью иерархически соорганизованными уровнями. Данная теория снимает исходную «абстракцию объектности»; она релевантна не только деятельности субъект-объектного, но и субъект-субъектного, а также, по-видимому, и субъектно-информационного класса. Однако именно это означает, что само включение в сферу психологического анализа деятельности указанных классов не только настоятельно требует, но и делает возможными достаточно крупные – парадигмальные изменения концептуальных оснований психологической теории деятельности. Это – переход от существующей сегодня частной, специальной теории деятельности к общей теории деятельности, а также приоритетное развитие именно последней. Важно и то, что развитые выше представления определяют основные ориентиры и конкретные направления развития такой – общей теории деятельности.

Итак, исходя из развитых выше представлений, общая структура деятельности эксплицируется как иерархически организованная структура, состоящая из пяти базовых макроуровней.

1. Метадеятельностный уровень
2. Уровень автономной деятельности

3. Инфрадеятельностный уровень
4. Уровень действий
5. Уровень операций

Вместе с тем, следует обязательно помнить, что при решении задачи дифференциации определенных уровней организации с необходимостью встает основной вопрос – вопрос о ее основаниях, *критериях*. Лишь при условии верификации по определенному критерию (или совокупности критериев) уровневые представления могут перейти из плана допущений в план обоснованных выводов. В этой связи целесообразно вновь обратиться к сформулированным выше представлениям об обобщенном критерии дифференциации уровней в структуре какой-либо системы, в частности – деятельности. Согласно этим представлениям, как мы уже отмечали, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать пять основных уровней, общая характеристика которых была дана выше метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный.

Реализация этих представлений о критерии-дискриминаторе по отношению к предложенной выше дифференциации уровней организации деятельности позволяет вскрыть следующие основные закономерности. Так, каждый из установленных в предложенной выше структуре деятельности уровень однозначно и в полной мере – естественным образом соответствует совершенно определенному значению критерия-дискриминатора. Действительно, системный уровень фиксирует исходную целостность во всей полноте ее качественных характеристик, в ее реальной многомерности (но в то же время – и в относительной независимости, автономности от иных систем). Он поэтому однозначно и полно соотносится с уровнем «отдельной», самостоятельной деятельности. Компонентный уровень столь же естественно и адекватно соотносится с уровнем действия. Действие выступает, как известно, основной, но одновременно и относительно наиболее простой собственно психологической составляющей деятельности, которая воплощает в себе основные специфические особенности и качественные характеристики всего дифференцируемого целого – деятельности: целенаправленность, предметность, осознаваемость, активность, адаптивность, субъектность и др. Все они, однако, редуцируются на операционном уровне. Операции поэтому, не воплощая в себе качественную определенность деятельности, в то же время онтологически необходимы для

ее реализации, но не как ее единицы (компоненты), а как относительно простейшие ее образования, то есть как элементы. Тем самым операционный уровень деятельности однозначно соответствует элементному значению критерия-дискриминатора.

Три традиционно выделяемых уровня (деятельностный, действенный и операционный) соответствуют трем из пяти значениям общего критерия уровневой дифференциации систем. Однако лишь трем, а не всем пяти, предписываемым этим критерием, что уже само по себе вскрывает их недостаточность для полной экспликации всего качественного многообразия уровней системы деятельности.

В целях такого – более полного, описания с необходимостью должны быть привлечены поэтому и два других значения данного критерия (субсистемный и метасистемный). Субсистемный уровень, как уже отмечалось, фиксирует такие формы декомпозиции системы и складывающиеся в ней подсистемы, которые, выступая (по определению) ее составляющими, одновременно являются достаточно сложными и внутренне структурированными образованиями. Они поэтому не могут быть соотнесены с компонентным значением критерия; выступают как продукты организации и интеграции самих компонентов (действий), а их качественное своеобразие обусловлено именно интегративными эффектами. В то же время, они не могут быть и «вышены» до системного уровня, поскольку в любом случае сохраняют свой подчиненный по отношению к нему статус, включены в нее и реализуются как средство ее функционирования.

Можно видеть, что именно указанные характеристики являются основными для выявленного выше инфрадеятельностного уровня. Причем, очень характерно следующее обстоятельство. Как это и предсказывается критерием-дискриминатором, субсистемный уровень принципиально гетерогенен и предполагает наличие множества подсистем (частных декомпозиций системы) разной меры сложности, различного характера организации. В своем предельно развернутом виде подсистемы деятельности могут, как показано выше, воспроизводить посредством механизма мультиплицирования основные структурные характеристики деятельности (так сказать, ее «технологию») и становиться ей как бы равномошными. Однако такой, предельно развернутый, вид инфрадеятельностного уровня не всегда необходим: возможны и иные, менее сложные его проявления. Суть последних,

однако, не меняется – они сохраняют при этом свою организационную, интегративную специфику, выступают как целостные синтезы отдельных компонентов деятельности (действий).

Субсистемный уровень критерия-дискриминатора адекватно и естественно соотносится с инфрадеятельностным уровнем, отражает суть его структурных и функциональных характеристик. Через него деятельность как система порождает необходимые ей средства («функциональные органы» [18]) своего осуществления – средства интегративные и целостные, представленные как сложные комплексы действий. Через этот порождающий механизм наполняется конкретным смыслом известное положение о деятельности как «живой системе» – не только проявляющейся, но и формирующейся в своем функционировании. Именно инфрадеятельностный уровень, выступающий в форме целостных «ансамблей действий» – их паттернов. Он заполняет собой тот огромный интервал изменения сложности, который располагается между уровнем деятельности и уровнем действия (но который предпочитает «не замечать» традиционная теория деятельности). Поэтому понятие инфрадеятельностного уровня не только адекватно отражает реальную сложность и многомерность деятельности, но и совершенно необходимо также в плане преодоления этого, остро ощущаемого в настоящее время пробела, «разрыва» двух полярных уровней сложности – деятельностного и действенного.

Наконец, пятое из значений критерия-дискриминатора – метасистемное адекватно соответствует обнаруженному в ходе теоретико-эмпирического анализа метадеятельностному уровню. Действительно, сущность метасистемного уровня состоит в том, что он складывается как продукт реального взаимодействия системы с иными – равноправными или более мощными системами и образован теми качественными особенностями, которые формируются в результате этого взаимодействия. Через него целостность раскрывается не только в аспекте своих внутренних характеристик – «в плане ее внутрисистемного бытия», но и в аспекте бытия межсистемного, то есть как составляющая систем более общего плана. Во взаимодействии с ними она только и становится возможной не как абстракция, а как онтологическое образование. Именно это и проявляется в ее метадеятельностной организации.

Она выступает как продукт взаимодействия системы индивидуальной деятельности с другими, аналогичными ей по природе и рав-

номошными с ней системами – деятельностями многих иных субъектов. В иерархических (например, организационных) взаимодействиях она предстает уже не только как взаимодействие, но и как активное воздействие на деятельность других, как управление ими. Само это взаимодействие также строится как целенаправленная деятельность. Поэтому и по своей сути, и по механизмам организации, и по детерминантам, и, главное, по своему предмету на этом уровне осуществляется как бы «выход за пределы» индивидуальной деятельности, а сама она под влиянием межсубъектной детерминации приобретает новые качественные характеристики. Межличностные и междуательностные взаимодействия выступают при этом уже не только как условия, детерминанты ее структуры и содержания (что присуще и собственно деятельностному уровню), но – и это крайне важно – как ее внутренние характеристики, как ее механизмы.

Во избежание недоразумений необходимо, конечно, сделать следующее уточнение. Дело в том, что онтологически – в аспекте своей реализации, все особенности мета-деятельностного уровня проявляются, естественно, лишь в индивидуальной деятельности, перестраивая и трансформируя ее. И в этом смысле у метадеятельности нет какого-либо специального «носителя» – субстрата, кроме все той же индивидуальной деятельности. Специфика метадеятельности и ее качественные характеристики проявляются, однако, в том, что сама индивидуальная деятельность трансформируется в результате глубоких изменений, при которых ее предметом становится уже не внешнеполагаемый объект, а субъект (субъекты), а также их деятельность и организация этих деятельностей. Иначе говоря, специфические особенности метадеятельности не предполагают каких-либо изменений в онтологическом статусе индивидуальной деятельности, а являются следствием ее иной организации – в отношении предмета, содержания, условий, средств и, очевидно, механизмов реализации.

Таким образом, можно заключить, что все выявленные в ходе теоретического анализа и эмпирического поиска уровни организации деятельности (как традиционно описанные, так и новые) адекватно и полно, однозначно и естественным образом соотносятся с пятью значениями критерия-дискриминатора уровневой дифференциации систем (см. табл. 1.)

**Соотношение основных уровней организации деятельности
со значениями критерия-дискриминатора
уровневой дифференциации систем**

<i>Значение критерия-дискриминатора</i>	<i>Уровень организации</i>
Метасистемное	I. Метадеятельностный
Системное	II. Деятельностный
Субсистемное	III. Инфрадеятельностный
Компонентное	IV. Действенный
Элементное	V. Операционный

Итак, сформулированные представления о структурно-уровневой организации деятельности, образованной пятью (а не тремя) основными уровнями, полностью удовлетворяют общему критерию-дискриминатору уровневой дифференциации. Специально следует отметить, что установленное соответствие уровней со значениями критерия не исчерпывается только прямыми, непосредственными (так сказать, попарными – «поточечными») соотношениями того или иного уровня с определенным значением критерия. Наряду с такими прямыми, но одновременно – локальными соотношениями, существует изоморфизм общей структуры уровней со всей совокупностью значений критерия-дискриминатора.

Таким образом, выше рассмотрены некоторые основные закономерности структурно-уровневой организации деятельности в контексте тех общетеоретических представлений, которые сформулированы в метасистемном подходе. Основным результатом этого явилось обоснование и доказательство трех главных положений.

Во-первых, в общей организации деятельности, действительно, реализован метасистемный принцип, а сама она представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем.

Во-вторых, именно благодаря этому, в организации системы деятельности реализован базовый инвариант структурных уровней, включающий иерархию из пяти основных макро-уровней (метадеятельностного, автономной деятельности, инфрадеятельностного, действенного, операционного).

В-третьих, если учесть, что аналогичные результаты были получены и при исследовании целого ряда иных важных психических образований (в частности, системы психических процессов, структуры способностей, организации сознания (см. обзор в [69])), то можно сделать еще один вывод. Метасистемный принцип, являясь общим для организации психики в целом, в то же время обладает и свойством мультиплицируемости: он воплощается и в организации отдельных – важнейших ее подсистем. В результате этого, глубоко – качественно различные «составляющие» психики обладают сходством фундаментальных принципов своей организации. Этим, в частности, обеспечивается онтологическая целостность, единство базовых принципов и закономерностей, которые так характерны для организации психики.

Метасистемный подход как методологическая основа исследования закономерностей организации деятельности позволяет сформулировать также и ряд положений, которые содействуют раскрытию уже не структурной, а собственно *функциональной* организации деятельности. При этом следует учитывать тот факт, что именно данный план ее организации имеет весьма выраженную специфику, дифференцирующую его, в частности, от структурного плана. Если структурный этап (аспект) алгоритма системного исследования трактуется обычно как базовый и определяющий, поскольку он направлен на решение критически значимого для любой системы вопроса – вопроса о ее «материале» и механизмах структурирования, интеграции ее в целостность, то функциональный аспект имеет иную специфику. Она состоит в том, что именно он является не только предельно общим, но и максимально *многоплановым*, гетерогенным, а само понятие функционирования характеризуется очень выраженной полисемичностью. Функциональные закономерности фиксируют в своем общем и исходном значении, по существу, всю совокупность диахронических особенностей того или иного явления, процесса, объекта изучения. Все это создает, конечно, очень большие трудности и для его реализации, и для его методологической рефлексии. Однако, как известно, среди всего их спектра достаточно явно выделяется и такой, который наиболее специфичен по отношению именно к предметам психологического исследования в целом и деятельности, в особенности. Это – *процессуальный* аспект, предполагающий изучение процессуально-психологического обеспечения деятельности, ее собственно процессуальной регуляции.

Действительно, пожалуй, одно из наиболее важных психологических понятий – понятие психических процессов, по существу, непосредственно базируется на общем понятии процесса. На нем же естественным образом основана и аналогичная по значимости, то есть также главная дифференциация содержания психики – ее дифференциация на классы и виды психических процессов. Далее, это связано и с тем, что «психическое существует лишь в форме процесса» (С. Л. Рубинштейн); что «процесс – это и есть способ существования психического» [174]¹¹. Другими словами, в одной из основных психологических категорий – в категории психических процессов воплощена главная черта и основной атрибут функциональной организации как таковой. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности бытия – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Функциональная, а, следовательно, и процессуальная форма существования – это и есть реальная онтология психического. В силу этого, и сам этот базовый атрибут функциональной организации должен изучаться через особенности процессуальной организации. По отношению к психологической проблематике в целом и к проблеме деятельности, в частности, это означает, что изучение функциональной организации является, фактически, во многом эквивалентным раскрытию закономерностей собственно процессуальной организации. Наконец, не менее важно и показательно, что именно в психологии понятие процесса органичным и естественным образом сопряжено с понятием психических *функций*¹². Действительно, сами психические процессы, как известно, чаще всего вообще выделяются – дифференцируются как относительно самостоятельные на основе критерия их соответствия с теми или иными психическими функциями. В качестве последних (по определению) выступают, однако, те или иные частные, парциальные проявления общей функциональной организации психики в целом.

¹¹ Как отмечал в свое время И. М. Сеченов, «Мысль о психическом как процессе, имеющем начало, течение и конец, должна быть удержана как основная» [179].

¹² М. С. Роговин указывал в этой связи: «Создававшаяся веками система представлений в области психических процессов демонстрировала явную тенденцию соотносить каждый из них с той или иной психической функцией» [170].

Таким образом, определяющий аспект функционального плана предполагает рассмотрение собственно процессуальной организации психики и деятельности. По отношению к психологической проблематике в целом и проблеме деятельности, в частности, он предполагает обращение к процессуально-психологическому плану изучения. В свою очередь, это требует реализации по отношению к ним всего потенциала, который заложен в понятии психических процессов, а также использование того материала, которым располагает соответствующее направление психологических исследований. Функциональный анализ деятельности может претендовать на достаточную полноту и глубину лишь в том случае, если он, действительно, будет базироваться на категории психических процессов, то есть будет процессуально-психологическим.

По отношению к собственно психологическим исследованиям данный аспект реализуется в изучении «психического как процесса», поскольку собственно процессуальная форма организации как раз и является атрибутивной формой организации психического в целом. Тем самым, функциональный план проблемы деятельности переводится в плоскость общей проблемы ее процессуально-психологической организации. Он предполагает необходимость обращения к исследованию всей системы психических процессов, взятых, в основном, в их собственно *регулятивной* функции.

В этом плане весьма показательно, что именно анализ данной функции в ее процессуальном аспекте позволил дифференцировать и изучить качественно специфический класс процессов, направленных на организацию деятельности и лежащих в основе ее функциональной организации – класс *интегральных процессов*. Они уже были достаточно подробно охарактеризованы в ряде наших предыдущих работ [75, 77, 86, 95], что, конечно, делает излишним дублирование его рассмотрения. Вместе с тем, эти представления обязательно должны быть учтены в ходе проводимого здесь анализа, в связи с чем целесообразно резюмировать их смысл.

Прежде всего, они вскрывают недостаточность упрощенной трактовки процессуально-психологической регуляции деятельности – ее так сказать «двухмерной» интерпретации. Согласно этой интерпретации, как известно, эта регуляция образована лишь двумя уровнями: уровнем отдельных аналитических процессов и уровнем целостной – осознава-

емой, произвольной регуляции. Вместе с тем, и с точки зрения развитых выше представлений, и с позиций современных взглядов о составе и структуре процессуального содержания психики есть все основания полагать, что между ними, в действительности, локализована богатая по содержанию и широкая по диапазону сложности совокупность процессуальных образований. Все они имеют принципиально синтетическую природу и характер, выступают как интегральные процессы. Они несводимы ни к одному из аналитически выделенных – «первичных» процессов, то есть к уровню, на котором локализованы «первичные» процессы. Однако они и не возвышаются до уровня общей и целостной – осознаваемой регуляции деятельности. Именно в этом – в составном, синтетическом характере их содержания, а также в интегративных механизмах организации и заключается сущность специфически регулятивных процессов, обозначенных нами понятием *интегральных процессов* регуляции деятельности. Кроме того, необходимость формулировки представлений об этом классе процессов связана и с общей логикой развития представлений о составе и содержании категории психических процессов, а также об их целостной организации.

Общеизвестно, что попытки разработки представлений о целостной системе психических процессов (или, по крайней мере, – об их систематике) имеют достаточно длительную историю. На формирование представлений в данной области, ставших ныне традиционными, наибольшее влияние в историческом плане оказали две фундаментальные дифференциации. Во-первых, идущее от Тётенса разделение процессов на познавательные, волевые и эмоциональные (триада «ум-чувства-воля»), дополненное затем мотивационными процессами. Во-вторых, дифференциация внутри класса когнитивных процессов их основных видов (ощущения, восприятия, представления и др.). Выделение указанных классов психических процессов, таким образом, – это результат длительного развития психологии, продукт ее исторической эволюции. Вместе с тем, это развитие, как известно, протекало на основе доминирования аналитического способа изучения психических явлений, на основе аналитической установки расчленения более сложного объекта (психики в целом) на относительно менее сложные проявления (отдельные психические процессы). Это вполне соответствует и традициям функциональной школы в психологии. При таком подходе, который был и остается мощным инструментом познания, исходный объект из-

учения, имеющий объективно системное строение, расчленяется на относительно более простые образования. Они, далее, берутся в возможно более «чистом» и удобном для изучения виде, и только затем предпринимаются попытки синтеза аналитически исследованных «единиц», возврата к изначальной целостности исходного объекта познания.

Такой подход, конечно, правомерен, что убедительно доказывается всей историей развития проблемы психических процессов. Необходимо лишь помнить, что он, как и все иные подходы, является одним из возможных, а выделяемые процессы суть продукты некоторой абстракции. Наряду с указанным, возможен и другой подход – иной по отношению к нему способ исследования. Он направлен, прежде всего, на изучение процессов, которые выступают продуктами взаимодействия, комплексирования указанных процессов. Это – продукты тех синтезов, в которых и благодаря которым традиционно выделяемые процессы проявляются в поведении, деятельности, а также представлены онтологически. При этом изучение психических процессов должно быть направлено уже, преимущественно, на раскрытие механизмов синтеза и интеграции ранее изученных процессов и, возможно, на выявление новых процессуальных образований психики.

Необходимо учитывать также, что из всех психических процессов в значительно большей степени изучены познавательные процессы. Последнее обусловлено явным доминированием исследования в психологии одной из функций психики – когнитивной, восходящим к картезианской и интроспективной традициям. Эти традиции, акцентирующие анализ на дифференциации познавательных процессов, связаны с более очевидной интроспективной данностью и расчлененностью, более того – субъективной несомненностью последних. Познавательные процессы – это конкретизация отражательной, когнитивной функции психики. В связи с этим, однако, возникает вопрос о том, за счет каких процессов реализуются другие функции психики, в первую очередь – регулятивная функция? Достаточно ли для ее реализации только традиционно выделенных процессов, или же она предполагает систему специфических регулятивных процессов? Обычно принято считать, что ведущую роль в реализации регулятивной функции играют волевые процессы (наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом самих когнитивных процессов). Но тогда возникает проблема дифференциации и изучения, как струк-

туры волевых процессов, так и специального исследования системы когнитивных процессов в их собственно регулятивном аспекте, которые также не имеют пока развернутого решения.

Можно видеть, что при изучении проблемы психических процессов – и в историческом плане, и в плане сложившейся понятийной системы, и в плане их систематики преобладает установка на аналитическое исследование с иным приоритетом в нем одного из классов – когнитивных процессов (аналитико-когнитивная парадигма). Она ориентирует психологическое познание на преимущественно аналитическое выделение отдельных – качественно специфических компонентов процессуального содержания психики, а также – на исследование, прежде всего, когнитивных процессов. Дифференцируемые в результате такого подхода процессуальные компоненты психики и обозначаются обычно понятием «первичных» процессов».

Вместе с тем, как показано в ряде наших работ [77, 86, 95], не только возможен, но и объективно необходим иной подход к исследованию системы психических процессов. Он, в отличие от *когнитивно-аналитической* парадигмы, может быть обозначен как *регулятивно-синтетическая* парадигма изучения психических процессов. Суть дела заключается в том, что с ее позиций открывается реальная возможность изучения иных – более сложных, синтетических процессов психики, в частности тех, которые были обозначены нами понятием интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения [90, 96]. В результате их комплексного исследования было обосновано и экспериментально доказано положение о существовании и качественной специфичности определенной группы психических процессов – интегральных, а также о самостоятельности их статуса. Это – процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля. Их достаточно развернутая характеристика представлена в [86, 95].

Напомним, что в указанной концепции на основе анализа процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения была доказана необходимость дифференциации двух форм, двух классов (и уровней) организации процессов психики. Во-первых, – основных, традиционно выделяемых процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных) – процессов «первого порядка». Во-вторых, синтетических, регулятивных процессов – процессов «второго поряд-

ка». Они и были обозначены как интегральные процессы регуляции деятельности и поведения. Они выступают необходимым промежуточным звеном, этапом и уровнем интеграции между основными психическими процессами и целостной структурой регуляции деятельности и поведения. Тем самым, они входят в его общий состав и, повторяем, выступают как важнейшая и наиболее специфическая его часть. Последнее обусловлено тем, что они являются атрибутивно деятельностными, поскольку дифференцируются по критерию их соответствия с основными базовыми регулятивными функциями по ее организации.

В результате достаточно обширного цикла исследований данного класса процессов было установлено, что они характеризуются достаточно отчетливо представленной специфичностью как своей собственной функциональной организации, так и спецификой той роли, которую они реализуют по отношению к регуляции деятельности. Так, в частности, они отличаются существенно более выраженной и значимой связью с процессуальными характеристиками и результативными параметрами деятельности, нежели это имеет место по отношению к «первичным» психическим процессам. Эта их связь является и более сильной, и более непосредственной, и более стабильной. Кроме того, известно, например, что достаточно часто отдельные «первичные» процессы вообще могут не обнаруживать их непосредственной связи с деятельностными параметрами. Это, в свою очередь, обусловлено действием механизмов компенсации и эффектами комплексования «первичных» процессов, в результате чего более сильной и является детерминация деятельности их структурой, а не отдельными процессами. По отношению же к интегральным процессам имеет место принципиально иная картина. С одной стороны, они и «сами по себе», как правило, значимо и существенно влияют на основные деятельностные параметры. С другой стороны, они в существенно меньшей степени допускают возможности компенсации (в случае дефицитарной представленности того или иного из них).

Итак, на наш взгляд, необходима дифференциация двух форм, двух классов (и уровней) организации процессов психики. Во-первых, – основных, традиционно выделяемых процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных). Во-вторых, – синтетических, регулятивных процессов; их целесообразно обозначить как интегральные процессы регуляции деятельности и поведения. Такие процессы

выступают необходимым промежуточным звеном, этапом и уровнем интеграции между основными психическими процессами и целостной структурой регуляции деятельности и поведения. Они, действительно, не только реально существуют, но и достаточно давно известны в психологии; они получили также свое закрепление в естественном языке. Однако для того, чтобы их адекватно дифференцировать и осмыслить, необходимо расширить традиционную схему понятийного описания процессов психики, дополнить аналитико-когнитивную установку их изучения регулятивно-синтетической установкой.

Дело в том, что для эффективного и активного взаимодействия субъекта с действительностью недостаточно только процессов, направленных преимущественно на ориентировку и познание (когнитивные процессы); на активацию и оценивание (эмоциональные процессы); на стабилизацию активности (волевые процессы) и на побуждение, инициацию этой активности (мотивационные процессы). Объективно необходимы также и процессы, специально направленные на построение, организацию и регуляцию активности (поведения и деятельности). В качестве таких специфически регулятивных процессов следует рассматривать известные, но не объединяемые в качественно специфический класс процессы и обозначенные нами как интегральные.

Все психологические особенности интегральных процессов целесообразно рассматривать в свете диалектики общего, особенного и единичного по отношению к особенностям других процессов психики. Иначе говоря, они обладают общими со всеми иными категориями процессов свойствами; однако, наряду с этой общностью, им присущи и некоторые особенные – специфические характеристики, позволяющие считать их однородной в некоторых существенных отношениях группой процессов. Наконец, на фоне общих и особенных характеристик, каждому из процессов этой группы присущи и свои собственные (единичные) характеристики, описывающие их собственное качественное своеобразие.

Действительно, обобщение результатов работ, посвященных исследованию целеобразования, антиципации, принятия решения, планирования, прогнозирования, программирования, контроля и самоконтроля вскрывает ряд ключевых особенностей всех этих процессов, аналогичных в целом ведущим характеристикам других, традиционно выделяемых процессов психики. Так, все они, безусловно, являют-

ся психическими по механизмам своей реализации; характеризуются свойствами субъективности, идеальности, целенаправленности, предметности; имеют специфический операционный состав; направлены на обеспечение наиболее общих адаптивных функций; являются сложными, многоуровневыми и системно-организованными образованиями; допускают реализацию и в собственно процессуальной форме и в форме относительно автономной, развернутой деятельности. Наличие этих – общих с другими процессами особенностей, собственно, и позволяет считать, что все эти процессы являются, хотя и специфическим, но все же одним из классов процессов, реализуемых психикой.

Всем этим процессам присущи, однако, и некоторые специфические только для данного класса особенности. Главные из них могут быть охарактеризованы следующим образом.

1. Ведущим *критерием* выделения всех этих процессов является соответствие каждого из них определенной комплексной функции по организации деятельности, обусловленной ее психологической структурой. Такими функциями, составляющими в своей совокупности, как известно, замкнутый, целостный контур регуляции, являются функции: формирования цели и ее дифференциации на подцели, предвосхищения результатов деятельности (промежуточных и конечных), снятия прагматической неопределенности, формирования программы деятельности, текущего и заключительного контроля и самоконтроля и др.

2. Общая особенность рассматриваемого класса процессов состоит и в том, что все они по определению являются *регулятивно-монофункциональными*, то есть, направлены на обеспечение какой-либо одной, инвариантной по отношению к различиям в типах и видах деятельности, регулятивной функции ее организации. И в этом также состоит их отличие от других классов процессов психики. Действительно, например, память или мышление необходимы для реализации практически всех регулятивных функций (они входят в состав и целеобразования, и принятия решения, и самоконтроля и др.), то есть являются в этом плане регулятивно-полифункциональными процессами. Свойство регулятивной монофункциональности (инвариантности реализуемой функции) является объективной и достаточной предпосылкой для складывания инвариантного операционного состава каждого из этих процессов.

3. Еще одна основная особенность рассматриваемой группы процессов состоит в том, что они имеют комплексный, синтетический состав; выступают *интегральными* в плане гетерогенности и разнокачественности объединяемых в них процессов иных категорий и классов. Вместе с тем, любой из традиционных процессов, включаясь в состав интегральных, будет представлен в нем всегда лишь в той мере и в том аспекте, в каком это необходимо и достаточно для реализации интегрального процесса.

В интегральных процессах определенную специфику приобретает и общее для всех психических процессов свойство системности. Дело в том, что в качестве их функциональных компонентов выступают отдельные традиционно выделяемые психические процессы (когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные). При этом состав психических процессов, входящих в интегральные, по-видимому, остается инвариантным, но существенно различается мера выраженности каждого из них при включении в разные интегральные процессы. Меняется структура функциональных взаимосвязей между ними, устанавливаемых в различных интегральных процессах. Формирующиеся при этом интегральные процессы представляют собой разновидность психологических систем. Соотношение традиционных («первичных») и интегральных психических процессов выступает как соотношение компонента и системы. Специфическим содержанием последних выступают эффекты психической интеграции, а также связанные с ними генеративные феномены и механизмы.

4. Общей характеристикой интегральных процессов является, далее то, что все они имеют общую и исходную специфически *регулятивную* направленность, характеризуются своеобразием своего функционального предназначения по сравнению с другими группами психических процессов. Так, например, познавательные психические процессы реализуют и когнитивные (преимущественно) и регулятивные функции; эмоциональные процессы – преимущественно оценочные и активационные функции. Интегральные же процессы направлены преимущественно и непосредственно на реализацию собственно регулятивных функций. Другими словами, эти процессы, наряду с регулятивным потенциалом всех иных психических процессов, входят в состав регулятивной подсистемы психики, составляют ее специфическое содержание. С этой точки зрения, собственно го-

воря, и возникает необходимость в дифференциации когнитивных и регулятивных процессов.

Деятельность как объективно существующая форма активности предполагает столь же объективный характер процессов ее организации – интегральных психических процессов. В своей совокупности они составляют переходный уровень интеграции между отдельными психическими процессами и целостной регуляцией деятельности, поведения. В этом своем качестве совокупность интегральных процессов выступает аспектом, раскрывающим собственно процессуальное содержание общей структуры саморегуляции деятельности.

5. Еще одной особенностью интегральных процессов является то, что их операционный состав и содержание не исчерпываются составом и содержанием аддитивной совокупности реализующих их психических процессов. Дело в том, что они всегда строятся, организуются по типу *целенаправленного действия* (а в развитых формах – деятельности). Это зафиксировано и в синонимичности выражений типа «процесс контроля» и «действие контроля»; «процесс принятия решения» и «действия по принятию решения». Другими словами, операционный состав этих процессов обусловлен структурой и функциональной организацией действия. Следовательно, они одновременно являются и процессами, и действиями, а их адекватное и полное описание предполагает использование принципа дополненности их понимания и как процессов и как действий.

6. Характерной особенностью данного класса процессов является и то, что они выступают как *множественно* интегративные. Это означает, что проявления интегративных механизмов могут быть установлены в них по целому ряду различных направлений. Во-первых, – в плане комплексности и синтетичности их процессуального содержания и состава. Во-вторых, – в плане интегративного характера главных механизмов их организации. В-третьих, – в плане их общего функционального предназначения – их направленности на организацию, то есть, по существу, – на интеграцию целостной деятельности. В-четвертых, – в плане комплексности и синтетичности их операционного и компонентного состава. В-пятых, – в генетическом аспекте: их становление и развитие в онтогенезе – это одновременно и возрастание степени интегрированности психики в целом. Через них и «в них» развивающаяся психика повышает

меру своей целостности и интегрированности, формируется как «абсолютное целое», как полносвязная система.

7. Наконец, очень специфической особенностью интегральных процессов, проявляющейся, однако, лишь в плане их целостной структуры (но не характерной для каждого из них в отдельности) является следующая закономерность их организации. Среди них нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся «на вершине» иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельностной и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – *гетерархическому* принципу. Он, как известно, характеризуется возможностью гибкого и динамичного перераспределения, смены «управляющих центров» в зависимости от конкретной ситуации, а также – наличием нескольких паритетных управляющих центров одновременно.

Таким образом, через становление системы интегральных процессов психика обогащает арсенал функциональных принципов своей организации. Принцип иерархии (на котором, в частности, базируется когнитивная подсистема) дополняется принципом гетерархии – на нем основана организация регулятивной подсистемы. Синтез же этих двух наиболее общих и мощных принципов – иерархического и гетерархического лежит в основе высочайшей организованности и координированности, эффективной управляемости и самоуправления психики. Итак, обобщая изложенное, можно сделать следующее заключение. В основе процессуально-психологического обеспечения базовых «составляющих» деятельности – ее функциональных блоков лежат именно интегральные процессы психической регуляции. Тем самым, они выступают собственно процессуальными средствами реализации каждого из этих функциональных блоков, каждой из основных психологических «составляющих» деятельности. Их совокупность, в свою очередь, образует основу всей регулятивной подсистемы психики. Каждый из интегральных процессов включает

в себя определенный и закономерный операционный состав. Этот состав предполагает реализацию вполне конкретных в содержательном отношении операционных средств и иных механизмов, направленных на обеспечение важнейших деятельностных «составляющих».

Кроме того, поскольку каждый из интегральных процессов образован, как показано выше, синтезом иных – онтологически представленных психических процессов, то и сами интегральные процессы также выступают в качестве реально представленных – онтологических образований. *Через* них основные «составляющие» деятельности обретают свой онтологический статус. Поэтому они должны быть проинтерпретированы как одна из важнейших «составляющих» реальной онтологии деятельности в аспекте ее процессуально-психологического, собственно регулятивного обеспечения. Важно и то, что те «первичные» психические процессы, которые подвергаются синтезу в рамках каждого из интегральных процессов, базируются, в свою очередь, на тех или иных конкретных и вполне определенных психофизиологических функциях. Вместе с тем, главной отличительной чертой психофизиологических функций как раз и является то, что они образуют онтологическую основу психического, являются этой онтологией.

Через соответствие с тем или иным интегральным процессом каждая из главных психологических «составляющих» деятельности, каждый из ее функциональных блоков, действительно, обретает онтологические основания для своего существования и, соответственно, – дифференциации. Данное положение представляется наиболее принципиальным и должно быть зафиксировано специально. Его смысл, повторяем, состоит в том, что именно интегральные процессы выступают объективным – онтологически представленным критерием для самой этой дифференциации основных психологических «составляющих» регуляции деятельности. Причем, они являются критериями, носящими именно объективный характер, поскольку они непосредственно сопряжены с реальной онтологией процессуально-психологического обеспечения деятельности (и, более того, – фактически, образуют саму эту онтологию).

Несмотря на значимость отмеченной специфики функциональной роли этих процессов в организации деятельности, все же главное и наиболее принципиальное обстоятельство обусловлено иной – атрибутивной их особенностью. Она состоит в том, что основным,

причем, – объективным критерием самой их дифференциации как таковой является соответствие каждого из них определенной комплексной функции по организации деятельности, обусловленной ее психологической структурой. Такими функциями, составляющими в своей совокупности замкнутый, целостный контур регуляции, являются следующие функции: формирования цели и ее дифференциации на подцели, предвосхищения результатов деятельности (промежуточных и конечных), снятия прагматической неопределенности, формирования программы деятельности, текущего и заключительного контроля и самоконтроля и др. Иными словами, это означает, что каждый из указанных процессов, а также их совокупность в целом не просто связаны с функциональной организацией деятельности, или же – влияют на нее. Дело в том, что все они и являются этой организацией в ее прямом и непосредственном смысле и во всей полноте и специфичности ее содержания. В форме интегральных, специфически регулятивных процессов представлена реальная онтология функциональной организации деятельности, ее «процессуальное ядро» и наиболее специфическое содержание.

Очень характерно и то, что указанный критерий их дифференциации также носит атрибутивно функциональный характер. Все они выделяются на основе их соответствия с той или иной основной регулятивной функции по организации деятельности. И в этом плане они, по-видимому, подчиняются одному из основных законов организации психики в целом. Его суть состоит в том, что тот или иной процесс (любого типа и класса), в конечном итоге, имеет «функциональные корни» и формируется на базе какой-либо психической функции. Так, выше мы уже отмечали очень явное, даже атрибутивное соответствие основных когнитивных процессов с базовыми психическими функциями. Однако, то же самое – соответствие процессов с функциями (но уже с собственно регулятивными) имеет место и по отношению к интегральным процессам. Поэтому они должны быть проинтерпретированы как реальная онтология деятельности в аспекте ее процессуально-психологического, собственно регулятивного обеспечения. Важно и то, что те «первичные» психические процессы, которые подвергаются синтезу в рамках каждого из интегральных процессов, базируются, в свою очередь, на тех или иных конкретных и вполне определенных психофизиологических функциях. Вместе с тем, главной отличительной чертой

психофизиологических функций как раз и является то, что они образуют онтологическую основу психического, являются этой онтологией.

Необходимо отметить и еще одну особенность данного класса процессов. Она состоит в том, что эти процессы – подобно когнитивным процессам – могут так сказать «оборачиваться» на самих себя, порождая новые – метарегулятивные процессуальные образования. Классическим и наиболее демонстративным примером этого выступают, скажем, процессы *метарешений*. Их суть состоит в том, что посредством них принимается решение так сказать «второго порядка» – идти на принятие какого-либо конкретного решения, или же постараться уйти от него. Это «решение о решении», решение «второго порядка», почему, собственно, оно обозначается понятием метарешения. Аналогичной психологической природой обладают и другие метарегулятивные процессы – скажем, исследующиеся сейчас в зарубежной психологии процессы метапрограммирования и метаконтроля. Несмотря на то, что и этот класс процессов – метарегулятивных изучен в настоящее время относительно слабо, все они также представляют несомненную реальность. При их характеристике и, главное, – интерпретации в контексте основных задач данной работы представляется необходимым подчеркнуть следующие обстоятельства. Они, равно как и «первичные» регулятивные процессы, являются продуктами интеграции, синтеза, «первичных» процессов всех их основных классов (в том числе, разумеется, и когнитивных). Наряду с этим, в основе их организации лежит уже рассмотренные нами в главе механизм, носящий, по-видимому, очень общий характер, – механизм функциональной обратимости. Их процессуальные средства могут реализовываться в отношении их же самих. Тот или иной процесс, не переставая быть активным *оператором*, то есть собственно операционным средством, обретает тем самым, однако, еще и статус относительно пассивного *операнда*. В результате этого возникает известный в методологии феномен «удвоения качеств», приводящий к возникновению новой качественной определенности, обуславливающей специфичность данного класса процессов по отношению ко всем иным.

С этих позиций выявляются еще одна особенность интегральных процессов. Они предстают не только как принципиально комплексные, синтетические, в связи с чем и не могут быть редуцированы к «первичным» процессам без существенной потери содержания (что

подтверждается и экспериментальными данными [66, 67, 76, 78]), но и в еще одном статусе. Они, реализуя свою основную функцию (регулятивную), могут быть направлены на принципиально различные «объекты регулирования», в том числе, не только на внешнюю, но и на внутреннюю деятельность. Во втором случае они естественным образом трансформируются из регулятивных процессов в *саморегулятивные* и реализуют свои функции в отношении собственно психических образований и структур, процессов и феноменов.

Данное положение имеет принципиальное значение, в силу чего на нем представляется необходимым остановиться более подробно. Действительно, как показывают исследования, выполненные в последнее время (см. обзор в [86]), общий состав интегральных – специфически регулятивных процессов не может быть раскрыт лишь посредством тех из них, которые были охарактеризованы выше. Дело в том, что в него входит, как минимум, еще одна – достаточно специфическая их группа. Она, к сожалению, пока раскрыта в значительно меньшей степени, а ее своеобразие, напомним, состоит в том, что интегральные процессы могут выступать и реально выступают операционными средствами организации самих себя [86]. Одними из них являются процессы метарешения, то есть процессы принятия субъектом решения о том, идти ему на решение как таковое, или же попытаться уйти от него, от самой необходимости его принятия. На их примере можно продемонстрировать ряд основных характеристик процессов данной группы, в силу чего представляется целесообразным остановиться на данном вопросе несколько подробнее.

Так, при их исследовании установлен ряд важных психологических закономерностей, фактов и феноменов. Действительно, как показано нами в [71, 74, 86, 91], при психологическом изучении практически всех видов профессиональной управленческой деятельности изначально и с достаточной высокой степенью очевидности и эксплицированности обнаруживаются процессы (и другие средства), направленные на то, чтобы избежать самой необходимости в принятии решений. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности первоначально наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как оказалось, нарастающая со стажем [72] тенденция к исключению, к элиминации из структуры деятельности процессов принятия решения и к их замене другими средствами организации деятельно-

сти. Уже феноменологически можно видеть, что субъект обычно рассматривает принятие решения как одно из наиболее нежелательных средств организации деятельности (скорее всего, из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны (например, из-за дефицита времени), либо не срабатывают (многокритериальность задачи, несопоставимость критериев и др.).

Эта тенденция – своего рода *элиминативное* (то есть направленное на минимизацию актов принятия решения в деятельности) поведение в естественных условиях оказывает очень мощное влияние на динамику и результаты деятельности, а также на ее субъективные корреляты (например, напряженность). Более того, вопреки своему изначальному смыслу (устранению процессов принятия решения из деятельности), она глубоко и органично связана именно с этими процессами, поскольку, во-первых, ими порождена; во-вторых, оказывает сильное влияние на формирование субъективного представления о задаче выбора; в-третьих, само это поведение есть не что иное, как разновидность принятия решения, так как, реализуя его, субъект решает идти ему на выбор или попытаться уйти от него.

Между тем в традиционной теории решений это явление не обнаруживается и не анализируется. Это вполне понятно, поскольку в данной теории процессы принятия решения исследуются, как правило, вне структуры деятельности, аналитически. Такой подход не может обнаружить указанное явление в силу своей исходной ориентации. Было бы вместе с тем неправомерно утверждать, что явления, частично сходные с элиминативным поведением, вообще не рассматривались в психологических работах. Например, отмечаются такие средства ухода от необходимости в принятии решения, как избегание ситуаций ответственных решений, максимальная оттяжка решений во времени, подмена самостоятельного решения неадекватным поиском алгоритма («заалгоритмизированность» деятельности), тенденция к переложению решений на других лиц и др. Следует, однако, подчеркнуть, что, во-первых, все эти явления рассматриваются вне связи с психологической теорией решений, вообще вне связи с изучением процессов принятия решения; во-вторых, перечень и разнообразие этих явлений, отмеченные в литературе, нельзя считать полными; в-третьих, они не объединены в качественно однородную группу, поскольку за их разнообразием не распознано сходство их функциональной направ-

ленности, все они не систематизированы и не классифицированы. Однако есть основания считать, что эти явления в такой же мере должны быть предметом изучения теории решений, как и теории деятельности. Они выступают как бы опосредующим звеном между структурой деятельности и процессами выбора в ней.

Конкретные средства элиминативного поведения, как показано в [75], должны быть подразделены на три основные категории: адекватные, неадекватные, ситуативно-зависимые. К адекватным средствам элиминации, в частности, относятся: сбор заведомо избыточной информации в целях подготовки к возможным ситуациям выбора; использование стратегий и способов деятельности, минимизирующих количество потенциальных ситуаций выбора; формирование представления о ситуации решения в схематизированном виде за счет ее упрощения и абстрагирования от ряда ее параметров; выход из ситуаций посредством обращения к «информации по запросу»; предвидение возникновения ситуаций решения и упреждающее переструктурирование нормативного способа деятельности в целях их предотвращения; адекватное отсрочивание решения с целью сбора дополнительной информации. К неадекватным средствам элиминации следует отнести: неосознанное «незамечание» ситуаций, являющихся объективно неопределенными и требующими реализации процессов принятия решения (например, вследствие несформированности способов получения профессионально важной информации или же по причине действия «психологических защит»); неадекватное затягивание решений; избегание ситуаций решения путем выбора неэффективной стратегии деятельности; переложение решений на других лиц; действие по неадекватному данной ситуации алгоритму взамен выработки самостоятельного решения; отказ от решения и пассивное ожидание «саморазрешения» ситуации принятие. В плане анализа неадекватных средств элиминации были введены также понятия *парциальных* и *замещающих* решений [77]. Парциально решение характеризуется тем, что в его результате происходит не полное, а частичное разрешение исходной проблемы; под «замещающим» решением понимается такое решение, в котором акт выбора, хотя и имеет место, но соотносится не с существом объективной проблемы, а с ее второстепенными, неглавными аспектами. Эффективность ситуативно-зависимых средств элиминации опре-

деляется содержанием и спецификой актуально складывающейся конкретной деятельностной ситуации; они поэтому (в аспекте их влияния на деятельность) являются не абсолютными – оценочными, а относительными: точнее – деятельностно-относительными. Вся эта – охарактеризованная выше и достаточно богатая, развернутая феноменология, связанная с процессами метарешений, безусловно, не может быть игнорирована при раскрытии процессуально-психологического содержания деятельности. Она очень органично входит в него. Аналогичным образом обстоит, однако, дело в отношении всех иных метарегулятивных процессов, входящих в данную группу.

Действительно еще один процесс, эксплицирующийся при анализе общего процессуального содержания деятельности и сходный по своему статусу с только что рассмотренным – это процесс *метапланирования*. Он связан с выбором и (или) формулировкой, а также с последующей реализацией той или иной стратегии планирования как такового. Определение стратегии и вообще внесение «стратегической упорядоченности», а значит и плановности в действия планирования – это и есть специфическое «процессуальное ядро» метапланирования. В качестве еще одного процесса данного типа можно отметить процессы *метаконтроля*; их суть заключается в следующем. Во-первых, еще до начала реализации какого-либо деятельностного цикла, до решения той или иной поведенческой задачи развертываются определенные процессы, направленные на определение степени, меры – так сказать интенсивности контрольных функций, которые потребует их реализация и которые необходимы (или целесообразны) с субъективной точки зрения. Во-вторых, уже по ходу такой реализации имеют место операции сличения осуществляемого контроля с теми установками, которые были определены в отношении него до ее начала и, при необходимости, в него вносятся соответствующие коррективы.

Наряду, с рассмотренной выше особенностью организации, причем, с еще большей очевидностью обнаруживается, что каждый из интегральных процессов может использовать свой регулятивный потенциал не только «в отношении самого себя», но и по отношению ко всем *иным* интегральным процессам [83, 86, 97]. Более того, одной из атрибутивных особенностей класса интегральных процессов является следующая их черта. Они должны быть поняты в этой связи как эффекты конвергенции всех иных процессов этого же класса,

поскольку каждый процесс не только предполагает, но и требует опоры на все иные интегральные процессы. В свою очередь, это связано с тем, что вся система интегральных процессов организована, как отмечалось выше и как это показано в работах [86, 90], на основе гетерархического принципа. Именно он, как известно, создает наиболее благоприятные условия для «обмена» операционными средствами и механизмами между отдельными интегральными процессами. Факты, в которых проявляется эта «полносвязность» интегральных процессов, хорошо известны и повсеместны. Например, для реализации процесса принятия решения необходимо интенсивное «подключение» практически всех иных интегральных процессов – целеобразования, антиципации, прогнозирования, планирования, самоконтроля. Таким образом, можно видеть, что, наряду с интегральными процессами, необходимо дифференцировать и такие – еще более сложные и более синтетические процессуальные образования, которые выступают продуктами их собственного комплексирования – метаинтегральные (или – метарегулятивные) процессы. Они также входят в общий состав субсистемного уровня процессуально-психологического обеспечения деятельности.

Все вышеизложенное означает также, что с позиций концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности осуществляется концептуальное расширение и представлений по проблеме деятельности в целом. Во-первых, структурно-морфологическая парадигма ее разработки, фактически, трансформируется в новую, более адекватную психологической природе деятельности парадигму – функционально-динамическую. Сами представления об интегральных процессах выступают как одно из совершенно конкретных по содержанию, но одновременно – общих по смыслу и ориентации направлений трансформации структурно-морфологической парадигмы в функционально-динамическую. Она является средством дополнения гносеологического подхода к разработке психологической теории деятельности онтологическим подходом. Через совокупность интегральных процессов структурная организация деятельности раскрывается уже не только как некоторое ее «гносеологическое отображение» и не только как некоторый познавательный конструкт, а как сама эта – реально представленная организация, как ее онтология, то есть как психическая реальность.

Сформулированные выше представления об интегральных и метарегулятивных процессах организации деятельности являются необходимыми, но еще недостаточными для раскрытия всего содержания процессуально-психологического обеспечения деятельности. Действительно, раскрывая ее, хотя и важнейшую, но все же часть, они создают адекватные предпосылки для того, чтобы эксплицировать и еще один класс процессов, который также входит в состав этого обеспечения. Вместе с тем, этот класс, согласно сложившейся традиции, не соотносится напрямую с собственно деятельностью проблематикой. Он вообще интерпретируется и исследуется вне связи с психологической теорией деятельности – в русле иных психологических направлений (прежде всего, когнитивной психологии). Однако все процессы данного класса обладают (наряду с их несомненной специфичностью по отношению к уже рассмотренным – интегральным процессам) и столь же явной общей с ними атрибутивной чертой. Она как раз и состоит в том, что они также являются принципиально «неединичными», комплексными и составными, то есть синтетическими. Тем самым они также не могут быть редуцированы до уровня «первичных» психических процессов и поэтому обозначаются именно как «вторичные» процессы. Речь, разумеется, идет о классе *метакогнитивных* процессов.

Учитывая те представления, которые были сформулированы выше относительно класса интегральных процессов, перейдем теперь к более детальному раскрытию этого класса процессов. Они также обеспечивают регуляцию деятельности на уровне «вторичных» процессов. Их установление и последующее изучение имеет двойное значение. С одной стороны, оно позволило расширить представления о реальном многообразии и истинной сложности процессуально-психологического содержания психики. С другой стороны, оно создало и своеобразный *прецедент*, вскрыв то (на наш взгляд, еще более важное обстоятельство), что господствовавшие длительное время представления об аналитической картине психических процессов – это лишь база, основа для раскрытия всей реальной сложности их организации. Следовательно, сами эти «первичные» процессы отнюдь не исчерпывают собой всего содержания процессуальной организации психики. Другими словами, если существуют *метакогнитивные* процессы, то, по-видимому, должны существовать и такие «вторичные» процессы, которые соотносятся уже с иными

и также базовыми «первичными» процессами – *эмоциональными, мотивационными, волевыми*.

Как показывает анализ современного состояния проблемы психических процессов, одной из наиболее значимых и актуальных задач в настоящее время является первоочередное исследование особого класса психических процессов, которые обозначаются понятием метакогнитивных процессов [140, 197, 220, 224, 225, 226, 231, 239, 248, 256, 284, 286, 287, 297, 298 и др.]. Эти процессы представляют собой, по существу, новую и во многом специфическую психическую реальность; они лишь сравнительно недавно стали предметом психологических исследований. Общим, то есть родовым их признаком является то, что все они направлены на организацию, регуляцию и координацию других – «первичных» когнитивных процессов. Тем самым они специфичны по своему, так сказать, «предмету – им выступает не объективная, а субъективная, точнее – субъектная реальность, а еще точнее процессы и структуры ее репрезентации. Метакогнитивные процессы одновременно выходят за рамки традиционных когнитивных процессов, поскольку они могут быть направлены на реализацию базовых регулятивных функций как по отношению к собственно познанию, так и по отношению к организации деятельности в целом. Возвышаясь над иерархией когнитивных процессов, они одновременно опосредствуют связь между когнитивными и регулятивными процессами деятельности и поведения.

Метакогнитивные процессы двуедины по своей психологической природе: являясь когнитивными по механизмам, они регулятивны по направленности, то есть по функциональному предназначению. В силу этого, проблема изучения метакогнитивных процессов органично включается в другую, более общую и фундаментальную психологическую проблему – проблему раскрытия основных принципов и закономерностей, процессов и феноменов, лежащих в основе регулятивных функций психики.

Развертывание исследований данного класса процессов привело к тому, что в русле когнитивной психологии оформилась достаточно мощная тенденция ее развития, которая имеет не меньшие «методологические последствия», нежели сама когнитивная психология. Это – зарождение и бурное развитие метакогнитивизма и различных его конкретных направлений (например, метакогнитивного обучения, ис-

следования метакогнитивных процессов и метакогнитивного опыта, анализ проблемы метакогнитивных способностей и др.). Метакогнитивизм сегодня во многом олицетворяет «передний край» развития когнитивной психологии в целом, а та, в свою очередь, в столь же многом репрезентирует сегодня общую и экспериментальную психологию в их современном воплощении и основных достижениях.

Исследования в области проблематики метакогнитивизма не могут быть игнорированы ни одной сколько-нибудь крупной психологической проблемой, например, такой важной и комплексной, фундаментальной и «вечной» проблемой, как проблема сознания. Дело в том, что именно метакогнитивные процессы по самой своей сути (то есть атрибутивно) предполагают ведущую роль в их организации механизмов осознаваемого мониторинга и вообще – в значительной мере образованы ими. Метакогнитивные процессы – это такие процессуальные средства, овладевая которыми, субъект в значительной степени и становится таковым, обретает «самость», субъектность не только по отношению к внешнему миру, но и к миру внутреннему – к своей собственной психике, к ее содержанию. Последнее связано с тем, что по своей природе и функциональному предназначению метакогнитивные процессы направлены на регуляцию, координацию и организацию этого содержания, на произвольный – осознаваемый контроль за ними.

Общая эволюция метакогнитивизма неотделима от развития когнитивной психологии в целом. Сама логика развертывания и углубления изучения когнитивных процессов в их высших и наиболее сложных, то есть синтетических и целостных проявлениях, привела к необходимости изучения таких их видов и форм, которые существенно – качественно отличаются от традиционных объектов изучения в когнитивной психологии. Возникла необходимость дифференциации и последующего изучения таких процессов, которые обеспечивают не познание как таковое, не непосредственную реализацию познавательных функций, а регуляцию и организацию познания и для этого – «познание (точнее – самопознание) процесса индивидуального познания». Эти процессы, являясь именно познавательными – когнитивными по своему статусу, направленности и механизмам, одновременно очень специфичны по своему предмету. Им являются также психические процессы, причем, – опять-таки познавательные, когнитивные. В результате складывается ситуация, при которой процессы, обознача-

емые понятием метакогнитивных процессов, атрибутивно двойственны по своей психологической природе, а также по своему статусу. Они, как отмечалось, одновременно являются и когнитивными (по механизмам, содержанию и закономерностям) и регулятивными – по тем функциям, которые являются для них главными. Происходит своего рода «удвоение» качественной определенности, когда один и тот же процесс является одновременно и когнитивным и регулятивным. Один и тот же процесс может выступать не только в своем исходном модуле – как активный оператор, как инструментальное средство. Он же эксплицируется и в качестве так сказать «предмета» – в качестве относительно пассивно операнда: уже не того, что отражает и *регулирует*, а того, что отражается и *регулируется*. Даже в самой этимологии понятия «метакогнитивный» содержится указание на выход за пределы когнитивной подсистемы психики («мета») момент выхода в иную качественную определенность – регулятивную. Поэтому метакогнитивные процессы – это не только и не столько сверх-когнитивные» процессы, сколько *post*-когнитивные, то есть регулятивные.

В связи с раскрытием базового конструкта метакогнитивизма – понятия метапознания встает, однако, очень важный и требующий самостоятельного внимания вопрос – о его содержании, то есть, фактически, об определении границ самого *предмета* метакогнитивизма. В зарубежной психологии и, прежде всего, в американской, наиболее популярным является следующее определение метапознания. Оно трактуется как «познание о познании» или «знание о знании», выражающееся в разнообразных формах и включающее сведения о том, когда и как использовать стратегии в обучении, в принятии решений и т. д. Помимо этого, считается, что существует два самых главных компонента метапознания, обозначаемые, как знание о когнициях (познании) и регуляция познания в целом. Вместе с тем, Wellman [309] предлагает следующее определение. Метапознание является видом мышления второго и более высокого порядка, которое включает в себя функцию контроля над познавательными процессами. Таким образом, по мнению автора, рассматриваемое понятие сожжет быть в целом сведено к категории «мышления о мышлении» (*thinking about thinking*).

Количество исследований и разработок в метакогнитивизме, как относительно молодой области психологических исследований, увеличивается с каждым десятилетием, а тематика вопросов, решаемых

внутри данного направления, постоянно расширяется. Кроме этого, предпринимаются и попытки синтеза полученных в нем результатов с рядом основных общепсихологических положений. В настоящее время метакогнитивизм представляет собой очень широкое и разноплановое направление, характеризующееся большим разнообразием теоретических подходов и огромным эмпирическим материалом. Одна из наиболее характерных черт метакогнитивного направления заключается в том, что оно стало связующим звеном, своеобразным «мостом» между многими современными направлениями психологических исследований: психологией памяти и психологией принятия решений, исследованиями обучаемости и проблемой мотивации, проблемой научения и когнитивной психологией и др.

Определение самого предмета данного направления – метакогнитивных процессов, а также их дифференциация от других предметов психологических исследований является одной из ключевых задач, решаемых в его рамках. В этом отношении метакогнитивные процессы обладают явным своеобразием, поскольку они отличаются от других – традиционно изучающихся когнитивных процессов по четкому и вполне однозначному критерию. Все они направлены не на объективную, а на субъективную реальность. Они имеют своим предметом и «материалом» не внешнюю, а внутреннюю информацию, а также процессы ее преобразования». Наиболее известными и широко изучаемыми среди них являются, например, такие процессы, как метапамять (память о памяти), метамышление (мышление о мышлении), метакогнитивный мониторинг, совокупность рефлексивных процессов и др. Эти, а также аналогичные им процессы и составляют предмет изучения в метакогнитивизме.

Вместе с тем, следует, конечно, отдавать полный отчет в том, что метакогнитивизм, являясь, действительно, одним из крупных теоретических «прорывов», не только по-новому *решает* те или иные общие психологические проблемы. Он одновременно *ставит* множество других – еще более общих и сложных задач. Более того, он, строго говоря, находится, еще на относительно ранних стадиях своего развития, а трудности изучения метакогниции велики, принципиальны и множественны. Все они, в конечном счете, связаны, на наш взгляд, с двумя основными причинами. Во-первых, «в лице» метакогнитивных процессов когнитивная психология

(и психология в целом) сталкивается, по существу, с новой психической реальностью, суть которой состоит в том, что эти процессы являются психическими не только по механизмам своего осуществления, но также и по самому своему «предмету», объекту репрезентации и регуляции. Во-вторых, сам по себе вопрос о существовании метакогнитивных процессов как таковых автоматически (то есть по определению) ставит еще более острую проблему – проблему достаточности сложившихся традиционных представлений о составе тех психических процессов, которые, действительно, реально существуют и должны выступать предметом изучения в психологии.

В самом деле, анализ основных результатов, полученных в русле метакогнитивизма (в том числе – и рассмотренных выше), позволяет зафиксировать следующие принципиальные трудности и вопросы, которые оформились в нем к настоящему времени и которые остаются пока не преодоленными. Каков состав (то есть своего рода «номенклатура») метакогнитивных процессов? Каковы критерии для дифференциации метакогнитивных процессов от иных психических процессов и где «пролегает граница» между первыми и вторыми? Как могут и должны быть систематизированы метакогнитивные процессы, то есть, какова их обоснованная собственно психологическая классификация? На какие категории и классы они дифференцируются? Каковы отношения метакогнитивных процессов с традиционными – основными классами психических процессов (когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных)? Каков психологический статус метакогнитивных процессов и механизмов их реализации? Являются ли они качественно своеобразными и специфическими – несводимыми к аддитивной совокупности всех иных – «первичных» психических процессов? Как они «встроены» в общую аналитическую картину психических процессов, в их общую структурно-функциональную организацию? Каковы принципы и возможная структурная организация самих метакогнитивных процессов?

На наш взгляд, действительное значение метакогнитивизма заключается не только в том, что в нем был выявлен качественно новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо. Дело еще и в том, что благодаря им, сами «первичные» процессы стали доступными исследованию (по крайней мере, в принципе) в совершенно ином качестве – не как *операторы*, а как *операнды*.

Реальная сложность психического в целом, а особенно психических процессов такова, что они принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как отражающее и как отражаемое; и как порождающее и как порождаемое. Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Именно это лежит в основе уже установленного нами механизма *операндно-операторной обратимости* указанных модусов. Вместе с тем, совершенно понятно и то, что лишь благодаря этому становится возможной реализация психикой и собственно регулятивных функций – причем, не только по отношению к внешней деятельности, но и по отношению к самой себе. Тем самым вскрывается атрибутивная взаимосвязь и преемственность класса метакогнитивных процессов с другим классом «вторичных» процессов – интегральными. В связи с этим, необходимо несколько подробнее остановиться на характере и содержании этой взаимосвязи.

Действительно, проведенный выше анализ показал, что существуют, как минимум, два качественно различных класса метапроцессов – метакогнитивные и метарегулятивные. Они представляют собой несомненную психологическую реальность, содержание которой несводимо ни к одному из «первичных» психических процессов, ни к их аддитивной совокупности, а выступает продуктами их интеграции и организации эффектами их конвергенции. Вместе с тем, необходимо, конечно, отдавать отчет в том, что эти два класса процессов не являются так сказать дизъюнктивно разделенными, а напротив, – они теснейшим образом взаимосвязаны и взаимопереплетены. Они взаимосвязаны аналогично тому, как взаимосвязаны «первичные» когнитивные и регулятивные процессы, а в общем виде – тому, как неразрывно синтезированы две базовые подсистемы психики в целом – когнитивная и регулятивная. Более того, строго говоря, и метакогнитивные, и метарегулятивные процессы выступают аспектами, «срезами» единого по своей сути процессуального содержания психики. В этом плане они так же аналитичны, как и традиционно выделяемые «первичные» процессы. Вместе с тем, степень их аналитичности существенно меньше, поскольку они (по определению) имеют более синтетический, комплексный и составной характер. Именно в этом вообще заключается самая их суть. Кроме того, в них и *через* них взаимосвязь когнитивной и регулятивной подси-

стем психики предстает новыми гранями. Их синтез образует процессуальное «ядро» осознанной, произвольной регуляция деятельности (и поведения). Действительно, проведенный выше анализ показал, что существуют, как минимум, два качественно различных класса метапроцессов – метакогнитивные и метарегулятивные. Они представляют собой несомненную психологическую реальность, содержание которой несводимо ни к одному из «первичных» психических процессов, ни к их аддитивной совокупности, а выступает продуктами их интеграции и организации эффектами их конвергенции.

Естественно, что в настоящее время (в силу все еще недостаточного уровня изученности этих классов процессов) очень трудно дать исчерпывающий ответ на вопрос о характере и закономерностях их взаимосвязи. Вместе с тем, рассмотренные выше представления об интегральных психических процессах, а также общие представления о метасистемном принципе организации психики позволяют сформулировать ряд положений, содействующих их решению. При этом «отправным» для анализа, а в некотором смысле – и ключевым для него является вопрос о соотношении метакогнитивных и интегральных психических процессов.

Как было показано выше, в состав класса интегральных процессов входят такие комплексные и синтетические по своей психологической природе и статусу процессы, как целеобразование, антиципация, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль. Все эти процессы формируются и функционируют как продукты закономерного синтеза иных – традиционно выделяемых психических процессов – как собственно когнитивных, так и иных – эмоциональных, мотивационных, волевых. Интегральные процессы выступают по отношению к ним как метапроцессы, как процессы «второго порядка» сложности, как производные от их синтеза. Таким образом, можно видеть, что интегральные процессы одновременно выступают и в функции метакогнитивных процессов (хотя только этой функцией их содержание и предназначение не исчерпывается). Выступая производными от синтеза системы психических процессов – в том числе и, прежде всего, – когнитивных, они, вместе с тем, направлены на реализацию собственно регулятивных функций по организации деятельности и поведения. Они являются поэтому регулятивными, а в этом смысле «пост-когнитивными», то есть метакогнитивными.

ми. В интегральных процессах имеет место, фактически, неразрывный синтез когнитивных и регулятивных функций, «обмен» содержанием и принципами их организации, их взаимнообратимость.

Вместе с тем, синтез когнитивных и иных «первичных» процессов, достигаемый в интегральных процессах, является отнюдь не абстрактным, внецелевым. Как раз напротив, этот синтез, а, следовательно, и все содержание любого интегрального процесса непосредственно детерминируется той или иной регулятивной функцией по организации деятельности и поведения. Следовательно, с позиций концепции интегральных процессов оказывается возможным органично включить проблематику метакогнитивных процессов в контекст общепсихологической теории деятельности. Более того, открывается и принципиальная возможность для преодоления разрыва между современной когнитивной психологией и психологией деятельности: интегральные процессы, поняты и как метакогнитивные, столь же когнитивны, сколь и деятельностны. Включение в концептуальный аппарат современного метакогнитивизма категории интегральных процессов, а через них – основных положений и понятий психологии деятельности имеет существенные и достаточно конструктивные следствия.

Двумя важнейшими особенностями данного класса процессов является то, что они, во-первых, выступают интегративными по своим психологическим механизмам и, во-вторых, регулятивными по их статусу, направленности и исходным – деятельностным детерминантам. Очевидна, таким образом, связь этих ключевых особенностей интегральных процессов с атрибутивными характеристиками метакогнитивных процессов – как также и синтетических (интегративных) и регулятивных (направленных на координацию функций, но уже познавательных). Вместе с тем, поскольку исследования интегральных процессов проведены в контексте реальной деятельности, то есть во вполне определенной – онтологически представленной метасистеме, то они могут способствовать получению дополнительных данных о механизмах психической интеграции в целом и о сути метакогнитивных процессов, в частности.

Таким образом, установление специфичности общепсихологического статуса интегральных процессов, выступающих процессами «второго порядка» сложности по отношению к традиционно выделяемым классам психических процессов («первичным процессам» – в терминологии метакогнитивизма), позволяет предложить решение

вопроса о соотношении интегральных (и метакогнитивных) процессов с иными процессами психики. Кроме того, интегративные механизмы и принципы, закономерности и феномены, имеющие место при включении «первичных» процессов во «вторичные» (метакогнитивные) содействуют и решению еще одного значимого вопроса. Это вопрос о межуровневых взаимодействиях психических процессов в их общей структурно-функциональной организации в целом и в процессуальном обеспечении деятельности, в частности. Аналогичным образом в разработанных нами представлениях об интегральных процессах содержится, как известно, и решение вопроса о принципах их собственной организации, главным среди которых выступает гетерархический принцип. Он, соответственно, должен быть транспонирован на реализацию метакогнитивных процессов (что, кстати говоря, явилось одним из выводов проведенного выше анализа).

Деляя эти заключения, мы, вместе с тем, хотели бы со всей определенностью подчеркнуть следующее обстоятельство. Представления о метакогнитивных процессах, само направление метакогнитивизма в целом – с одной стороны, и концепция интегральных процессов – с другой, имеют существенно разные гносеологические истоки. Они характеризуются и разной базовой методологией, различиями в основных исследовательских ориентирах, а также во многом несходным понятийным аппаратом. Поэтому очень трудно или даже невозможно ожидать полного совпадения тех результатов, к которым они приводят. Мы имеем в виду при этом, в первую очередь, вопрос о совпадении объемов понятий метакогнитивных и интегральных процессов. Эти понятия и та психическая реальность, которая в них отражена, конечно, в целом не тождественны. Они, однако, характеризуются очень существенной «зоной перекрытия» их содержания и особенностей. Мы считаем, что понятие интегральных процессов уже по объему, чем понятие метакогнитивных процессов, но одновременно – обладает более высоким уровнем обобщенности.

С одной стороны, конкретный состав метакогнитивных процессов, несомненно, не сводится к тем процессам, которые составляют содержание системы интегральных процессов. Он может варьировать в зависимости от изменения внешних задач, от специфики условий реализации познавательных функций и др. Кроме того, каждый метакогнитивный процесс может быть представлен на разном уровне организа-

ции, с разной степенью ситуативной конкретизации, что, в итоге, будет давать разные формы самих метакогнитивных процессов, их разные виды. Однако, с другой стороны, в понятии интегральных процессов – как особого, специфического класса, а также в представлениях об инвариантности состава данного класса зафиксировано положение о существовании определенного регулятивного инварианта, необходимого и достаточного для реализации координационно-регулятивных функций организации деятельности и поведения в целом (а также их более локальных фрагментов в частности). Данный инвариант процессов (то есть, по существу, сам класс интегральных процессов) в значительной мере «безразличен» к содержанию той регулятивной базы, на которую он «накладывается» и которую он координирует, организует. Тем самым интегральные процессы должны быть поняты как объективная основа для развертывания всей совокупности метакогнитивных процессов.

В более общем плане в соотношении понятий метакогнитивных и интегральных процессов проявляется логика и встречная направленность развития представлений в области психических (особенно – когнитивных) процессов и по проблеме психологии деятельности. Исследования в области когнитивной психологии – в их современном воплощении и, в частности, в форме метакогнитивизма, привели к развитию представлений о метакогнитивных процессах как таковых. Это потребовало, однако, достаточно радикальных, то есть собственно парадигмальных трансформаций – перехода от когнитивно-аналитической парадигмы исследования к регулятивно-синтетической парадигме. Познание, когниция, взятые в их высших проявлениях и формах, не могут развертываться и быть эффективными без и «вне» участия в их организации собственно регулятивных процессов. Не включая их достаточно долго в сферу своего изучения, а, напротив, – намеренно дистанцируясь от них в начале своего развития, когнитивная психология, тем не менее, вынуждена сегодня включить их в свой состав, обозначив их понятием метакогнитивных процессов. Если ранняя когнитивная психология возникла и развивалась в значительной мере как реакция на доминирование бихевиоральных традиций и атомистичность функциональной психологии, то зрелая когнитивная психология, обратившись к понятию метакогниции, явилась реакцией на исходную узость и ограниченность самой себя, присущую ей на ранних этапах развития.

Аналогичные, то есть также парадигмальные преобразования произошли, однако, и в психологии деятельности: это – переход от доминировавшей длительное время *структурно-морфологической* парадигмы психологического анализа деятельности к *функционально-динамической* парадигме. В рамках последней оказалось возможным дифференцировать класс интегральных процессов как таковой. В связи с этим, можно заключить, что понятие интегральных процессов является одновременно и своеобразным «концептуальным мостом», позволяющим синтезировать два очень крупных, но существенно разных по исследовательским установкам и традициям направления, – когнитивную психологию в целом (и метакогнитивизм, в особенности), с одной стороны, и психологическую теорию деятельности, с другой.

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо сделать следующее заключение, которое одновременно позволяет наметить перспективы дальнейшей разработки анализируемых здесь вопросов. Более того, оно позволяет перейти и на иной, более конкретный и детализированный уровень изучения – на уровень их собственно эмпирического и экспериментального исследования. Действительно, в настоящее время не только необходим, но и вполне реален концептуальный синтез двух фундаментальных направлений современной психологии – психологической теории деятельности и когнитивной психологии. К необходимости и возможности такого синтеза подводит логика развития обоих этих направлений – их движение по типу взаимной конвергенции; *без* и *вне* такого синтеза практически невозможно дальнейшее конструктивное развитие ни того, ни другого. Причем, и это также следует подчеркнуть особо, данный синтез должен быть осуществлен не в общем виде, не абстрактно. Конструктивным он будет лишь в том случае, если оба этих направления взять в их наиболее репрезентативных – разработанных, современных и отвечающим реальности вариантах. Ими, как показано выше, является структурно-уровневая парадигма в разработке психологической теории деятельности и метакогнитивизм как новейшее направление когнитивной психологии.

Итак, выше мы достаточно подробно остановились на определяющем аспекте функционального плана исследования деятельности и ее психологического обеспечения – процессуальном. Такая развернутость и детализированность рассмотрения связана именно с тем, что он имеет важнейшее значение для раскрытия содержания психической

регуляции деятельности в целом – в том числе и в ее функциональном аспекте. Вместе с тем, наряду с ним, существует и еще один – также важный аспект функциональной организации деятельности наиболее общим, а потому исходным и отправным в гносеологическом отношении должна рассматриваться трактовка функциональной организации (и, соответственно, ее закономерностей) как характеризующей бытие объекта во времени, его собственно *временную организацию*. Она эксплицирует то, как именно он организован во времени; как он представлен не в его статической, а в динамической, точнее – в диахронической форме. По существу (подчеркиваем, именно в максимально общем плане), понятие функционирования конкретизирует по отношению к объекту категорию времени: функционирование – это и есть бытие объекта в его собственно временном «измерении». Функционирование представляет собой конкретизацию временной организации, то есть того, как представлен объект во временном «измерении», как он «бытийствует» (термин М. К. Мамардашвили [139]), живет, развертывается во времени.

В связи с этим, представляется очевидным, что у самой временной организации также существуют определенные – достаточно сложные и множественные закономерности. В связи с этим, нами была сформулирована гипотеза, согласно которой в ней воплощаются черты собственно системной организации. Само же функционирование обретает черты *временной системности*, выступает как специфически системное образование. В связи с этим, было сформулировано и предположение о существовании специфического класса систем – собственно темпорального (а не субстанционального) типа. Кроме того, необходимо учитывать и то, что в общем составе деятельности, являющейся, по существу, системным комплексом (а не моносистемой) синтезированы качественно гетерогенные системы, зафиксированные в классической «деятельностной триаде». Она включает в себя, как известно, три основных компонента – не только *субъекта* деятельности и ее *объекта*, но и сам *процесс* их взаимодействия. Это, в свою очередь, означает, что в составе и содержании деятельности представлена и такая система, которая специально соотносится именно с ее собственно процессуальной организацией деятельности. Кроме того, именно она представлена и наиболее эксплицитно, в том числе, и во внешнем – обьективированном плане. Данное обстоятельство также является одним из аргументов в пользу того, чтобы сделать именно этот аспект анализа исходным – отправным. Действительно, именно

процессуальный план не только наиболее прямо и непосредственно соотносится с самим ходом – то есть именно процессуальной разверткой деятельности, но и, по существу, образует ее, является ей. Кроме того, он по вполне понятным и естественным причинам, повторяем, и более объективирован, эксплицирован, а потому – относительно менее сложен в плане его рассмотрения. Он выступает именно как явление по отношению к некоторой сущности (то есть по отношению к собственно психологическому плану ее функциональной организации).

Сам процесс деятельности должен быть поэтому построен таким образом, чтобы воплотить в себе черты системности. Однако это системность особого типа – временная, темпоральная, выступающая высшей формой собственно диахронической организации (она подробно охарактеризована в [86]). Чем в большей степени она будет реализована, тем выше будет и общая организованность деятельности, тем выше будет и ее итоговая эффективность. Все это означает, что сама деятельность в целом должна быть понята как представитель особого класса системных образований – как система временного типа. Она реализует в своей организации не только субстанциональную, но и темпоральную, собственно временную системность как наиболее совершенную форму диахронической организации. В этом плане она воспроизводит в своей организации временную системность как таковую по отношению к функциональной организации психики в целом. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что именно по отношению к деятельности временная, процессуальная системность представлена не только с максимальной отчетливостью и феноменологической очевидности. Она вообще составляет самую ее суть, ее содержание и выступает эмпирически данной и феноменологически представленной формой ее бытия. Именно процессуальная организация деятельности составляет один из основных ее атрибутов, важнейшее условие и даже – залог ее эффективности и вообще реализуемости. В функциональной организации деятельности воплощена временная системность как одно из основных средств этой организации. В свою очередь, это достигается посредством определенной совокупности основных принципов. Все они либо непосредственно зафиксированы в системной методологии и, следовательно, должны быть поняты как принципы специфически системной организации; либо имеют прямые аналоги среди них. Это – принципы целевой детерминации, дифференциации исходной целостности (а не интеграции

предзаданных в количественном и качественном отношении компонентов – этапов), необходимости и достаточности осуществляющейся дифференциации, пропорциональной интеграции, реверсивности, трансформирующейся кумуляции, итеративности, сменной детерминации.

Итак, наиболее общим и принципиальным итогом реализации максимально обобщенного плана функционального исследования (временного) является установление и всестороннее обоснование того, что деятельность представляет собой систему не только традиционно изучающегося типа (субстанционального), но также и систему качественно иного типа – временную, темпоральную систему. В свою очередь это потребовало обоснования еще более общего положения – положения о существовании темпоральных систем как таковых. Они являются еще одним объективно представленным классом системных образований, дополняющим собой «классические», то есть субстанциональные системы. Само функционирование порождает системность, но не субстанциональную (так сказать синхроническую), а временную, то есть диахроническую, темпоральную. Последняя, в свою очередь, является основным и, по-видимому, наиболее совершенным средством организации процесса функционирования.

Важно подчеркнуть и то, что реальная картина функциональной организации деятельности является еще более сложной, нежели это оказывается возможным раскрыть только с позиций ее экспликации в качестве временной системы. Дело в том, что, являясь не «истинной системой», а *системным комплексом*, поскольку в ее составе представлены, как минимум, три принципиально гетерогенные во многих отношениях системы – ее субъект, объект, а также процесс их взаимодействия¹³. В силу этого, деятельность в принципе не может полностью воплощать в себе все атрибуты систем как таковых, в том числе, – временных. Из нее принципиально неустранимы моменты «неорганизованности», асистемности, связанные с целым рядом внешних, в том числе – и возмущающих детерминирующих влияний. Выражаясь метафорически, можно сказать, что деятельность «стремится быть» временной системой, но не может ей быть в полном и завершенном виде. Поэтому корректнее считать,

¹³ Дополнительное обоснование принадлежности деятельности к категории системных комплексов будет дано ниже.

что в функциональной организации деятельности воплощена только временная системность как важнейшее операционное средство этой организации. Сама же она в целом – в строгом смысле не является временной системой, хотя, повторяем, и «стремится быть» ей. Важнейшую роль при этом принадлежит особой категории качеств, порождаемых в процессе временной организации деятельности – временным системным качествам. Именно они выступают главными и наиболее специфическими операционными средствами, обеспечивающими реализацию в деятельности временной системности и лежащими в основе ее собственно процессуальной организации.

С позиций сформулированных выше представлений о темпоральных системах и о временной системности получает свое решение целый ряд достаточно общих и острых в теоретическом отношении, но остающихся пока без ответа вопросов. Так, с этих позиций получает свое непротиворечивое объяснение принципиальная недизъюнктивность любой – собственно процессуальной формы организации, в том числе – и процессуальной организации деятельности. В основе феноменологически представленной и эмпирически фиксируемой ее недизъюнктивности как раз и лежит существование в любом процессе особой категории качеств – временных системных качеств, а следовательно, – принципиальная несводимость содержания любого процесса к аддитивной совокупности, то есть агрегативному множеству его отдельных «составляющих» – этапов, стадий, фаз. Кроме того, понятие временной системности позволяет дать обобщенное, но в то же время – и дифференцированное решение проблемы основных принципов функциональной организации деятельности, поскольку с его позиций становится понятным, что в их качестве объективно выступают базовые системные закономерности (принципы) функционального генеза. Как уже отмечалось, это принципы целевой детерминации, дифференциации исходной целостности (а не интеграции предзаданных в количественном и качественном отношении компонентов – этапов), необходимости и достаточности осуществляющейся дифференциации, пропорциональной интеграции, реверсивности, трансформирующейся кумуляции, итеративности, сменной детерминации. Они также были выявлены и подробно рассмотрены в наших работах [86, 95].

Сформулированные представления о деятельности как о системе со «встроенным» метасистемным уровнем позволяют высказать ряд

соображений, относящихся к *генетическому* аспекту данной проблемы. Действительно, деятельность в ее развитом, сформированном виде – в виде пятиуровневой структуры, естественно не дана изначально, а является продуктом и результатом длительного и сложного процесса онтогенетического формирования. В его ходе формируются как сами уровни, так и средства их межуровневого согласования, взаимодействия, а в целом – их общая иерархия. И в ходе этого сложнейшего онтогенетического процесса ведущая, можно сказать – исключительная роль, как это ни парадоксально, принадлежит именно метадеятельностному уровню. Для понимания сути этой роли необходимо обратиться к тем материалам, которые были рассмотрены в параграфе 1.1., а также к результатам рассмотрения данной проблемы в ряде наших предыдущих работ [70, 73, 79, 90]. В них генетический аспект этой проблемы раскрывается посредством соотношения индивидуальной и совместной деятельности. Действительно, онтогенетическое развитие, формирование психики и поведения, а затем (и вместе с тем) – деятельности объективно невозможны вне общения ребенка и взрослого, вне социальных контактов, вне социальных взаимодействий в целом. В общем плане данное положение зафиксировано в методологическом принципе социальной обусловленности психики. В этом взаимодействии, в этих контактах ребенка и взрослого проявляется соактивность как простейшая форма совместного поведения, а затем – и совместной деятельности. Причем по совершенно естественным, понятным и даже жизненно необходимым причинам взрослый реализует в этой соактивности направляющие, организующие, регулирующие и прочие воздействия на поведенческую активность ребенка. В определенном смысле взрослый выступает как «руководитель», а ребенок – как «руководимый». По отношению к его поведению (и это также уже отмечалось нами ранее [95]) должны быть реализованы некоторые – вначале самые элементарные, а затем и все более усложняющиеся организующие, корригирующие и направляющие функции. Взрослый учит, а ребенок учится в этом взаимодействии действовать.

Однако именно для этого он учится предвидеть, ставить цель, элементарно планировать, делать выбор (принимать решения), контролировать себя, исправлять (корректировать) ошибки и др. Тем самым, в этом процессе взрослый – просто в силу того, что он объективно организует поведение ребенка, следит за ним и контролирует его – есте-

ственным и необходимым образом реализует некоторую совокупность функций по управлению этим поведением. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев взрослый не ставит перед собой самостоятельную цель делать это и тем более – реализовывать какие-либо управленческие функции. Суть дела в том, что такая реализация носит совершенно объективный характер и происходит «параллельно» соактивности ребенка и взрослого. При ближайшем рассмотрении оказывается, что по своему содержанию эти функции (повторяем, – направленные на управление поведением ребенка) очень близки к управленческим функциям как таковым, хотя они, разумеется, и представлены в относительно простейшем, элементарном виде. Вместе с тем, понимая их смысл, воплощая их требования в своем индивидуальном поведении, подчиняясь им, ребенок начинает строить свое поведение в соответствии с ними.

Таким образом, все эти функции и тот *регулятивный инвариант*, в виде которого они представлены в поведении и деятельности, начинает регулировать индивидуальное поведение, а затем – и элементарные формы индивидуальной деятельности ребенка. Этот инвариант включает в себя систему интегральных, регулятивных процессов организации деятельности – процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля. Другими словами (так сказать, – исходно) этот инвариант представлен «со стороны взрослого» как совокупность управленческих, регулятивных функций. Через них он направляет, регулирует поведение ребенка. Однако эти функции, подчинения которым и добивается, прежде всего, взрослый, начинают переходить во внутренний план и принимать тем самым форму специфических – регулятивных процессов, направленных на организацию индивидуального поведения. Иными словами, формируются те процессуальные регуляторы, которые были обозначены понятием интегральных психических процессов. Их система, будучи исходно задана в качестве регулятивного инварианта, затем принимает внутреннюю форму – форму саморегулятивного инварианта [98].

Именно это и означает, что «управленческая деятельность» взрослого, предполагающая реализацию по отношению к поведению ребенка совокупности регулирующих и направляющих воздействий (функций), получает в индивидуальном поведении ребенка свое как бы «удвоенное бытие»: ребенок сам постепенно начинает реализо-

вызывать их в отношении своего поведения. Формируется все то, что обозначается в психологии понятиями с приставкой «само» – самоконтроль, самоприказ, саморегуляция, самооценивание, самокоррекция и мн. др. Индивидуальное поведение, а затем и деятельность начинают строиться «по образу и подобию» совместной деятельности. Тем самым в структуру индивидуальной деятельности (хотя, конечно, и очень специфическим образом) включается совместная деятельность: регулятивный инвариант функций, обеспечивающий возможность управления совместной деятельностью, трансформируется в саморегулятивный инвариант процессов, реализуемых по отношению к управлению собственным поведением. Метасистема совместной деятельности воплощается – «встраивается» в структуру системы индивидуальной деятельности [104]. Сама же индивидуальная деятельность тем самым формируется, а затем – функционирует как система со «встроенным» метасистемным уровнем. С этих позиций можно высказать общее предположение, согласно которому то, что традиционно обозначается в психологии как интериоризация (независимо от трактовок этого явления), в плане его механизмов как раз и представляет собой процесс встраивания метасистемного уровня в структуру индивидуальной деятельности, процесс формирования данного уровня в целом в общей структуре деятельности.

Иными словами, именно благодаря наличию метасистемного уровня, становится возможным феномен «удвоения деятельности» – активное отношение к «первичной» деятельности может принимать также форму деятельности, по отношению к которой сама «первичная» деятельность начинает выступать в качестве ее предмета. Субъект как бы выходит за пределы своей деятельности, делая ее же саму предметом своих – опять-таки деятельностно-организованных воздействий. Таким образом, можно сделать общее заключение, согласно которому в основе механизмов саморегуляции лежит взаимодействие метасистемного уровня организации деятельности со всеми иными – соподчиненными ему деятельностными уровнями.

Еще одним – также очень значимым и, к тому же, завершающим планом раскрытия закономерностей организации деятельности, который предписывается алгоритмом системного исследования, является *интегративный* план изучения. Как следует из его общей характеристики, представленной выше, при реализации данного плана необходимо учи-

тывать два основных обстоятельства. Во-первых, это его относительно меньшая степень разработанности в целом и в отношении к исследованию деятельностной проблематики, в особенности. Во-вторых, наличие в нем достаточно устойчивых традиций, которые предписывают акцентировать исследование на двух основных аспектах. Первый предполагает определение и объяснение общего статуса изучаемого предмета именно как целостного – системного образования; отнесение его к тому или иному классу систем и экспликацию его базовых характеристик в свете общих особенностей сите данного класса. Второй требует учета своего рода «генетических корней» данного аспекта – того, что он сам системный подход. Наряду с иными следствиями такой связи, она предписывает необходимость особого внимания к раскрытию и объяснению того, каким образом представления о базовых категориях качеств (материальных, функциональных, системных), сложившиеся в качественном анализе, могут содействовать разработке самой теории деятельности. Частным, но очень важным аспектом такого исследования является также и проблема соотношения целого и его частей как обобщенная постановка проблемы соотношения системных качеств изучаемого объекта и всех иных его качеств. Подчеркнем также, что по отношению к проблематике психологического анализа деятельности она обретает вид его, пожалуй, важнейшей проблемы, – проблемы единиц анализа, а также механизмов их интеграции в систему, в целом.

Реализация этих двух направлений в разработанном нами подходе привела в итоге к формулировке следующих положений методологического характера. Так, она потребовала существенной корректировки наиболее общих и, по существу, ставших аксиоматичными представлений о «деятельности как системе», то есть об автоматическом признании за ней собственно системного статуса. В действительности, дело обстоит существенно сложнее, а сам этот – системный статус деятельности должен эксплицироваться, на наш взгляд, следующим образом. В этих целях необходимо напомнить о том, что, как уже было отмечено выше, с позиций охарактеризованного подхода становится очевидной не только необходимость дифференциации дополнительных уровней организации деятельности. Аналогичной – существенной корректировке должны быть подвержены и представления о содержании уже дифференцированных уровней – уровней «автономной» деятельности, действенного и операционного. Так, согласно очень

общей традиции, уровень автономной деятельности, проинтерпретированный с позиций системной методологии, «автоматически» (то есть по определению) соотносится с тем уровнем организации систем в целом, который обозначается как общесистемный. Он фиксирует, как известно, собственно «системное измерение» реальности, раскрывает некоторый объект именно в качестве относительно самостоятельной системы. Тем самым именно он позволяет выделить объект (предмет) из среды; представить его в качестве онтологически самостоятельной реальности и зафиксировать его реальное, то есть так называемое конкретно-системное бытие. На нем некоторая сущность предстает не как гносеологическая абстракция, а как онтологическая реальность, как целостность. Поэтому именно он и трактуется в качестве исходного предмета исследования; в качестве такого модуса, в котором объект дан в его целостности и в его естественном, многомерном виде. Все это, разумеется, совершенно справедливо по отношению и к деятельности в целом, и к одному из ее уровней структурной организации – уровню автономной деятельности как именно общесистемному.

Дальнейшая реализация этих – совершенно справедливых самих по себе положений, как правило, не является достаточно конструктивной и, более того, приводит к ряду принципиальных трудностей и вопросов. Так, во-первых, раскрытие содержания и специфики общесистемного уровня осуществляется обычно по типу установления состава и изучения содержания системы в целом – всей совокупности ее нижележащих уровней и, фактически, подменяется им. В результате, истинная специфика общесистемного уровня оказывается не установленной. Во-вторых, когда все же ставится задача раскрытия этой специфики как основная, то она решается обычно по принципу нахождения и установления лишь одной категории качеств целостности – системных качеств. Они, действительно, характеризуют некоторую систему как целостность; однако, раскрывая содержание и специфику общесистемного уровня, только они не являются достаточными для выявления всей специфики данного уровня. Кроме того, остается раскрытой в явно недостаточной степени и важнейшая категория механизмов, обеспечивающих общесистемный уровень – механизмы собственно интегративного типа, а также имеющие в них место эффекты супераддитивности и феномены синергии, которые как раз и являются основными операционными средствами системной формы организации.

Решение этих вопросов связано с необходимостью дать ответ на другой – пожалуй, наиболее принципиальный и даже критически значимый вопрос – о том, является ли деятельность системой в строгом смысле данного понятия? Правомерна ли по отношению к ней реализация самого конструкта «система» в его прямом и непосредственном смысле? Не является ли употребление словосочетания «деятельность как система» просто «понятийным стереотипом», удобным словесным штампом и своего рода «общим местом» – привычным и обычным, но не раскрывающим истинную сущность ее природы?

По нашему мнению, традиционно сложившаяся трактовка понятия «деятельность как система» должна быть существенно скорректирована, поскольку она принадлежит к качественно своеобразному и очень специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Их основной отличительной чертой является то, что более общая по отношению к ним целостность – метасистема (точнее, ряд метасистем) имеют не только «внешнюю» локализацию, но и в определенной мере и в определенном аспекте (функциональном) оказываются представленным в их собственном содержании и структуре. Подчеркнем со всей определенностью, что речь при этом идет, конечно, не о материальной (морфологической) представленности, а о представленности именно *функциональной*. Метасистемы, в которые объективно, онтологически включена система деятельности и с которыми она взаимодействует на ее высшем – метасистемном уровне организации, сами оказываются функционально репрезентированными в ее собственном содержании. Напомним также, что по отношению к деятельности существуют три основные метасистемы. В их качестве выступает, во-первых, сама личность субъекта деятельности; во-вторых, совокупность объективных факторов социальной микро- и макросреды (социума); в-третьих, сам процесс взаимодействия первой со вторыми, представляющий собой специфический тип систем – систему временного, собственно темпорального типа. Следовательно, в ней функционально представлены, «встроены» в нее содержательные, структурные и многие иные компоненты одновременно. Выступая в указанном качестве, то есть функционально включая в свой состав и содержание несколько метасистем одновременно, она с необходимостью раскрывается и как предельно гетерогенное, атрибутивно многокачественное образование. Деятельность при этом включает в себя не просто три разных целостности.

Суть дела состоит еще и в том, что они характеризуются максимальным и, по существу – предельными из всех возможных различиями. Действительно, как мы уже отмечали выше, в ней, с одной стороны синтезированы системы и субъективного характера (личность), и объективного плана (социум). Тем самым в ней представлено и субъективное (*идеальное*, психическое), и объективное (*материальное*). С другой стороны, в ней оказываются представленными и также синтезированными системы, различающиеся по иному и столь же фундаментальному критерию. Это – критерий, приводящий к дифференциации принципиально разных классов систем – систем *субстанционального* типа и систем *темпорального*, типа (то есть собственно временных, диахронических систем). Первый тип представлен субъектом и объектом, а второй – собственно процессом организации и реализации деятельности. Очень существенным является и то, что деятельность – именно в целом, то есть на том уровне ее организации, который традиционно и обозначается как уровень «автономной деятельности», как общесистемный уровень представляет собой не данную исходно онтологическую целостность, а выступает формой и результатом – итогом соорганизации ряда системных образований. Она не дана исходно как целостность, а должна быть обеспечена в качестве таковой. Она не может быть поэтому отнесена к категории так называемых «истинных систем». Для раскрытия ее действительного, реального качественного своеобразия более адекватным является другое системное понятие – понятие *системного комплекса*. Деятельность является именно системным комплексом, синтезирующим в себе ряд иных системных образований. Сам этот синтез оказывается возможным, благодаря тому, что в деятельности заложены средства и механизмы, обеспечивающие обладает способностью функциональное включению их в ее состав и содержание, то есть к их функциональному «встраиванию» в себя.

Понятие системного комплекса в целом и его реализация по отношению к психологии деятельности, в особенности, позволяет преодолеть целый ряд противоречий и трудностей принципиального характера, сложившихся в ней. Так, именно с этих позиций оказывается возможным раскрыть действительный смысл и реальное содержание самого понятия общесистемного уровня организации деятельности. В наиболее принципиальном плане этот смысл состоит в том, что данный уровень необходимо трактовать в качестве такого, на котором дея-

тельность эксплицируется именно в качестве системного образования принципиально иного типа, нежели это принято полагать традиционно (то есть как «истинная система» [122]) – в качестве системного комплекса. Выходя на общесистемный уровень своей организации, деятельность одновременно преодолевает свой собственно системный статус и становится типичным представителем образований, которые характеризуются так называемым *пост*-системным (метасистемным) статусом. И именно «нераспознаваемостью» этого – истинного, то есть *пост*-системного статуса деятельности, взятой в ее реальной целостности и полноте, то есть проинтерпретированной в качестве системного комплекса, во многом и объясняются существующие сегодня – принципиальные трудности системной экспликации деятельности в целом и объяснения сути ее общесистемного уровня, в частности.

Необходимо подчеркнуть и еще одно принципиальное обстоятельство, которое также явилось результатом реализации по отношению к проблеме деятельности метасистемного подхода. Дело в том, что принадлежность деятельности именно к системным комплексам является не отходом от самой системности как формы организации, не понижением ее статуса и умалением степени воплощенности в ней системности, не «до-использованием» системной формы как таковой. В действительности, ситуация является прямо противоположной. Организация деятельности по типу системного комплекса, по-видимому, должна быть понята как свидетельство не менее, а более полной реализации самой системности как формы организации в целом. Категория системного комплекса, как показано выше, со всей определенностью и отчетливостью должна быть осознана не как до-системная, а *пост*-системная форма организации. Выступая в его форме, деятельность, фактически, выходит на уровень так называемого *постсистемного* бытия. На нем не только преодолеваются известные недостатки собственной системной формы, но и возникают качественно новые особенности и закономерности, охарактеризованные, в частности, при описании основных особенностей систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Таким образом, в качестве понятия, наиболее адекватного задачам раскрытия общесистемного уровня организации деятельности и в наибольшей степени отражающего ее реальную, действительную природу и синтетический характер, является понятие системного комплекса. В силу этого, представляется не только целесообразным,

но и необходимым продолжить реализацию его объяснительного потенциала по отношению к раскрытию содержания общесистемного уровня организации деятельности.

Все сказанное, эксплицирует именно понятие системного комплекса в качестве существенно более конструктивного и корректного средства раскрытия содержания того уровня организации, который традиционно обозначается как уровень «автономной деятельности». Оно позволяет преодолеть целый ряд противоречий и трудностей принципиального характера, сложившихся в психологии деятельности, в особенности – при попытках ее разработки с позиций системной методологии. Данное понятие в большей степени отражает реальную сложность, комплексность и гетерогенность деятельности и, прежде всего, наиболее фундаментальный и, в то же время, очевидный факт представленности в ней принципиально различных в качественном отношении систем. Важно и то, что базовые механизмы, лежащие в основе придания деятельности черт организованности и целостности, то есть собственно системности, являются, по-видимому, также принципиально иными, нежели это установлено в системной методологии по отношению к другому классу системных образований – к «истинным системам». Это – механизмы интеграции, соорганизации, присущие именно системным комплексам, специфичные только им. В дальнейшем – при рассмотрении основных закономерностей деятельности субъектно-информационного класса мы еще возвратимся к категории системного комплекса и к тем, пока не рассмотренным его особенностям, поскольку именно с их позиций оказывается возможным установить базовые характеристики самого этого класса.

Наконец, еще одним важнейшим аспектом интегративного плана деятельности является вопрос о соотношении целого и частей, системы и компонентов, о механизмах интеграции вторых в первой. Подчеркнем также, что он, по существу, очень подобен одной из наиболее важных – классических проблем самого психологического анализа деятельности – проблемы определения ее базовых «единиц». Он, в свою очередь, связан с обоснованием того, *что* именно следует понимать в качестве базовых и исходных компонентов деятельности, совокупность которых и лежит в основе ее строения, то есть структурной организации. Одной из наиболее распространенных и традиционных, имеющих давнюю историю и широкое признание, как раз и является трактовка в качестве

этого компонента действия. Оно рассматривается и как «подлинная единица» деятельности, и как ее «клеточка», ячейка, и как ее основной компонент, и как единица, образующая один из основных уровней деятельности – действенный. Вместе с тем, следует отметить, что степень общепризнанности и традиционности, а нередко аксиоматичности или даже просто – привычности такой дифференциации намного превышает степень реальной разрешенности ключевого вопроса, существующего в данной связи. Это вопрос о *критерии* такой дифференциации – о том, почему же именно и на основе чего выделяется именно эта «единица»; почему она так устойчива, резистентна к различиям в подходах к анализу деятельности, сохраняясь во многих из них. Она является одной из ключевых и «сквозных» для всей психологии деятельности, а в ее содержании необходимо зафиксировать два ключевых аспекта. Первый: сама суть данной проблемы состоит в выборе и обосновании того, что же именно следует рассматривать в качестве основной структурной «единицы» деятельности – ее базового компонента («ячейки», подлинной единицы – С. Л. Рубинштейн; «составляющей» – Б. Ф. Ломов и пр.). Какой уровень дробности является оптимальным и в плане воспроизведенности – воплощенности в такой «единице» психологических атрибутов деятельности и, в то же время, в плане обеспечения необходимой детализированности и глубины анализа? Второй: очень показательно и то, что наибольшим разнообразием эти подходы характеризуются по отношению к исследованию относительно наиболее сложных типов профессиональной деятельности – в частности, управленческой, организационной, педагогической.

С данной проблемой связан еще один – очень значимый вопрос, который также получает решение с позиций формулированного нами методологического подхода к психологическому анализу деятельности. Причем, он является не просто важным в методологическом плане, но и, по существу, определяющим вопросом, возникающим при реализации аналитических процедур в целом и при разработке психологического анализа деятельности, в особенности. Его суть состоит в определении уже не того, из чего она состоит, а того, что означает само понятие «состоит»? Как соотносится само целое и его части, каковы принципы соорганизации вторых в первом и пр. На первый взгляд, данный вопрос представляется достаточно простым и даже не вполне заслуживающим самостоятельного рассмотрения. Более того, и в научном познании,

и в повседневной практике сложился очень устойчивый и отвечающий здравому смыслу стереотип, согласно которому само понятие «состоит» имеет вполне ясное содержание. Кроме того, познание как таковое в целом и анализ как его базовая разновидность, в частности, в качестве главного и исходного из всех этапов включает именно тот аспект изучения системы (и, соответственно, – подэтап), который направлен на установление ее компонентного состава. В известном смысле это вообще основной и исходный для любого познания шаг – в чем-то даже, так сказать, архетипический, связанный со стремлением познающего субъекта понять, прежде всего, «из чего состоит», «что собой представляет» – в аспекте его содержания объект познания. При этом аксиоматично полагается, что целое именно состоит из частей, то есть оно является заведомо и всегда более сложным, чем они. Сами же части выступают качества сущностей относительно меньшего уровня сложности, синтез которых и приводит к образованиям больших порядков сложности. Отношения целого и частей с этой точки зрения это отношения множества и его компонентов (в лучшем случае – подмножеств).

Вместе с тем, многие сложные системы характеризуются тем, что зачастую эксплицируют не вполне «обычные и привычные» отношения между целым и его частями, то есть системой и ее компонентами. Суть этих отношений состоит в том, что на них не могут быть перенесены традиционно доминирующие представления об отношениях включения, об отношениях аддитивности. Согласно им, целое состоит из своих частей, а они, в свою очередь, являются заведомо более простыми, чем все целое; они образуют само целое посредством своей интеграции и пр. Напротив, целое не *состоит* из своих частей, а *реализуется* в них и чрез них, мультиплицируя при этом на каждую из них существенную часть всего собственного содержания – повторяя и воспроизводя себя в них [102]. В результате нередко часть может не уступать целому по степени своей сложности и организованности; может выступать равномошной ему, отражая в себе тем самым его собственные атрибутивные особенности – воплощая в себе его системные качества. Все эти и многие иные – повторяем, достаточно необычные отношения целого и частей являются, как известно, предметом специального анализа при исследовании систем неклассических типов. Это, в частности, популяционные, распределенные, диссипативные системы. Это, далее, и системы «наложенного» типа, а также производные

системы и др. В них такие отношения выступают не как необычные, но, напротив, – как вполне естественные и даже необходимые. Все это объясняется тем, что они являются производными от общего принципа их организации – не структурно-морфологического, а подчеркнуто функционального. При этом соотношения целого и частей базируется уже не на принципах *включения* и интеграции частей в целое, а на принципах *мультипликации* и координации. Это означает, что деятельность в целом – в плане своих базовых структурных компонентов мультиплицируется в своих «составляющих» – компонентах, окрашивая их в специфические для нее тона. На содержание и организацию компонентов (и, следовательно, на меру их сложности) транспонируется реальная сложность всей организации деятельности, что и придает истинную сложность им самим. В дальнейшем мы возвратимся к этим методологическим положениям, поскольку они позволяют более полно раскрыть специфические особенности организации деятельности субъектно-информационного класса.

Итак, в этой главе были охарактеризованы основные положения метасистемного подхода как методологической базы для решения основных задач данной работы, а также того, каком образом с его позиций эксплицируется проблема деятельности в целом. В свою очередь, эти положения раскрыты в соответствии с гносеологическим вариантом данного подхода, который базируется на алгоритме системного исследования и предполагает реализацию по отношению к изучаемому предмету комплексной стратегии исследования. Она требует последовательной реализации пяти базовых этапов, каждый из которых направлен на установление и интерпретацию той или иной основной категории закономерностей – метасистемных (онтологических), структурных, функциональных, генетических и интегративных. Именно эти категорий закономерностей и выступили, далее, основой для выявления и объяснения соответствующих им основных планов организации самой деятельности. В результате этого, она получила свое раскрытие именно в них, что является объективно необходимым средством для ее обобщенной – теоретической экспликации в целом и, следовательно, для того, чтобы реализовать ее при исследовании деятельности субъектно-информационного класса, в частности. Именно это и должно составить предмет рассмотрения в следующих главах.

Глава 2. Методологические и теоретические основы психологического анализа информационной деятельности

2.1. Постановка проблемы исследования

В соответствии с общими целями данной работы, в этой главе необходимо рассмотреть следующую – основную и, по существу, триединую задачу. С одной стороны, необходимо дать содержательную экспликацию того класса деятельностей, который был обозначен как субъектно-информационный, а также выявить его основные психологические атрибуты, равно как и его специфику по отношению к двум другим основам классов. С другой стороны, необходимо рассмотреть, каким образом методологические основания теории деятельности в целом и одного из ее направлений – психологического анализа деятельности, в особенности, могут и должны быть эксплицированы по отношению к этому классу? Какие возможности открывают представления, сложившиеся в деятельностной проблематике, для раскрытия закономерностей его организации? Однако, наряду с этим, необходимо реализовать и своего рода «встречное движение», то есть выявить, каким образом его исследование может содействовать развитию представлений, сложившихся в психологии деятельности – и на ее методологическом, и на теоретическом, и на процедурно-методическом уровнях. При этом понятно также, что решение данной задачи с необходимостью предполагает предварительное обоснование правомерности самой дифференциации данного класса, что, разумеется, также должно составить отдельную и достаточно сложную задачу, подлежащую рассмотрению в данной главе.

В свою очередь, такое обоснование должно быть реализовано посредством двух взаимосвязанных процедур. Во-первых, посредством выявления *специфических* особенностей данного класса по отношению к аналогичным особенностям иных традиционно дифференцированных классов (субъект-объектного и субъект-субъектного). Во-вторых, посредством определения *критерия* (точнее, критериев) дифференциации данного класса от них. Подчеркнем также, что априорно очевидной представляется логика и, соответственно, последовательность реализации двух этих аспектов. Она предписывает внача-

ле рассмотреть специфические особенности данного класса, а затем на основе их выявления определить искомые критерии дифференциации. Однако, в действительности, ситуация является более сложной и противоречивой. Дело в том, что выявление все новых и новых специфических особенностей данного класса, действительно, создает основу для все более полной экспликации самой дифференциации. Однако и сами вновь обнаруживаемые критерии также создают основу, для поиска и обнаружения новых, дополнительных особенностей данного класса деятельности. Налицо, таким образом, своего рода спиралевидность – *итеративность* развертывания данной проблемы, которая весьма типична для многих недостаточно изученных проблем на первых этапах их разработки. Данное обстоятельство обуславливает необходимость в итеративности проводимого рассмотрения, требующей систематических возвратов от рассмотрения первого аспекта ко второму, и обратно. Каждая такая итерация является шагом в углублении анализа и средством взаимообогащения одного аспекта результатами другого.

И лишь после этого, то есть после спецификации данного класса и его критериальной дифференциации, необходимо перейти к основной – сформулированной выше задаче, состоящей в определении того, каким образом представления о нем должны быть ассимилированы деятельностью проблематикой. Наконец, следует иметь в виду, что решение этих задач необходимо осуществлять на основе методологических представлений, рассмотренных в предыдущей главе. Дело в том, что именно они наиболее полно отражают основные особенности современного состояния психологической теории деятельности, а также ее концептуальные контакты с иными основными психологическими направлениями, равно как и с современными вариантами системной методологии.

2.2. Методологические проблемы психологического анализа информационной деятельности

2.2.1. Субъектно-информационный класс деятельности как предмет психологического исследования

Приступая к рассмотрению этих задач, необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что психологический анализ деятельности и как предметная сфера исследований, и как практико-ориентированное направ-

ление не только играет важнейшую роль в общей и прикладной психологии, но и является очень традиционным именно для отечественной психологии [2, 34, 46, 52, 53, 55, 67, 153, 169, 201]. Это, в свою очередь, обусловлено его неразрывной связью с психологической теорией деятельности, а также с категорией деятельности как таковой. Действительно проблема деятельности имеет особый статус и так сказать привилегированное положение в общепсихологической проблематике. Она, в отличие от целого ряда иных психологических проблем и направлений, никогда не находилась ни в опале, ни «под запретом», а наоборот – всегда выступала флагманом отечественной психологии и даже ее «выставкой и витриной». Кроме того, она включает очень широкий и гетерогенный спектр исследований, включающий очень разные по своей направленности и ориентации разработки – методологические, теоретические, эмпирико-экспериментальные, профессиографические. Наконец, она характеризуется и очевидным своеобразием, придаваемым явной специфичностью базового конструкта данной проблемы – самой категории деятельности (ее междисциплинарным статусом, «равнопринадлежностью» и к целому ряду конкретных научных дисциплин, и к уровню философского исследования. Деятельность – и как категория, и как реальность нередко рассматривалась не просто как важнейшая, но и как базовая, исходная категория для построения психологии как науки [130].

Действительно, обращаясь к не столь далекому ее прошлому, можно констатировать следующую – очень показательную ситуацию. На протяжении достаточно длительного времени и в силу, прежде всего, указанных выше ее особенностей, данная проблема занимала не просто лидирующие позиции в отечественной психологии, но и во многом олицетворяла ее. Причем, это касается ее различных аспектов и уровней – методологического, теоретического, эмпирического, экспериментального и т. д. Можно сказать и так: данная проблема выступала в качестве своего рода «локомотива» развития отечественной психологии. Этому в значительной степени содействовала и еще одна фундаментальная особенность данной проблемы. Дело в том, что в ней и, соответственно, в той реальности, которая является предметом ее изучения (то есть в самой деятельности), фактически, воплощается вся психика и вся личность. Истинная «хитрость» и реальная сложность данной проблемы заключается в том, что она, фактически, во многом равнозначна изуче-

нию психики в целом в процессе ее функционирования, причем, взятом в высшей форме его организации (деятельностной). Предмет психологии в целом находит, по существу, исчерпывающее воплощение в предмете самой психологии деятельности. Чем более глубокой и содержательной является психологическая теория *деятельности*, тем в большей степени она трансформируется в психологическую теорию *деятели*.

Немаловажной особенностью проблемы деятельности, сложившейся в силу целого ряда причин (как объективных, так и не вполне), является и устойчивое мнение, согласно которому она, в отличие от многих иных проблем, разработана хорошо и полно. В профессиональном сознании исследователей складывается мнение и даже своего рода «ощущение», согласно которому, что угодно, но только не психологию деятельности, можно упрекнуть в недостаточной степени развитости. Другими словами, в силу многих причин – и исторического, и методологического, и традиционного характера, по отношению к данной проблеме в научном сообществе (особенно в нашей стране) сформировалась своего рода «иллюзия благополучия». Поэтому не только крайне трудно, но уже и не нужно пытаться искать здесь что-то существенно новое. Более того, психологическая теория деятельности (в ее традиционном варианте) обладает так сказать определенной невосприимчивостью ко многим новым и новейшим результатам (полученным, например, в русле современного метакогнитивизма [140, 253, 297]), что уже само по себе отнюдь не свидетельствует о ее совершенстве. Последнее достаточно отчетливо проявилось и в ходе специально проведенного нами в [95] анализа. Его основным результатом явился вывод о том, что в действительности современная ситуация в психологии деятельности далека от «благополучия»; она требует не каких-либо локальных и частных – косметических доработок, а крупных корректировок и даже – трансформаций традиционной психологической теории деятельности.

Сказанное в полной мере относится и к психологическому анализу деятельности как комплексному научно-практическому направлению, базирующемуся на основных положениях самой теории деятельности. В силу его неразрывной – по существу, атрибутивной связи с этой теорией, а в значительной мере и производности от нее, он переносит на себя как ее основные достижения, так и трудности, проблемы и вопросы, возникающие при ее разработке. Степень их взаимополагаемости такова, что эволюция психологического анализа вообще неотрывна

от логики развития теории деятельности, а его достижения равно, как, впрочем, и проблемы – в существенной степени являются продолжением и проявлением трансформаций самой теории деятельности. В связи с этим, базовым принципом «анализа самого анализа» должна быть всемерная опора на те закономерности и особенности, которыми характеризуется развитие психологической теории деятельности.

Действительно, в настоящее время и в ней все более отчетливо проявляется ряд трудностей принципиального характера, а также проблем различного масштаба (начиная от сугубо технических, процедурных и заканчивая общими – методологическими), которые также требуют специальных усилий, направленных на его дальнейшее развитие.

Кроме того, приходится учитывать и еще одно – крайне важное обстоятельство. Дело в том, что, как отмечалось выше, «мир профессий» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением качественно новых видов деятельности и способов ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их технологической составляющей. Специальный анализ всех этих вопросов, осуществленный в ряде наших работ [103, 105, 107, 109] привел к обоснованию необходимости в дифференциации еще одного класса деятельности, наряду с традиционно выделяемыми классами (субъект-объектным и субъект-субъектным), – качественно специфического и несводимого к ним класса – субъектно-информационного. Его важнейшей отличительной характеристикой является то, что в нем имеет место та же самая в принципе трансформация (то есть трансформация принципиальная по смыслу и радикальная по масштабу), которая привела в свое время к необходимости дифференциации субъект-объектного и субъект-субъектного классов. Это трансформация основного атрибута деятельности – ее *предмета*. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – информация. Она сама по себе, то есть исходно, не является ни объектом и не субъектом, хотя может сигнифицировать и тот и другой – и по отдельности, и одновременно. Сама она «безразлична и равнодушна» к тому, что сигнифицирует: она – именно информация, то есть нечто *ин*-вариантное и *ин*-дифферентное к своей заполненности – контенту. Сфера представленности этого класса предельно широка – от, скажем, деятельности экономиста до деятельности

ученого [81, 145]. В нем основной атрибут деятельности – ее предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется. Причем, такое усложнение происходит в наиболее непосредственном смысле данного понятия, поскольку деятельность данного класса становится еще более опосредствованной, а ее предмет – еще более имплицитным, вообще приобретаая в ряде случаев черты *виртуальной* реальности.

Такая эволюция закономерным образом проявляется и в трансформации базовых подходов к самому анализу деятельности. Очень показательным в данном отношении является то, что по отношению ко второму основному классу деятельности – субъект-субъектному существенно более релевантен не какой-либо из подходов, сложившихся при анализе деятельностей другого класса – субъект-объектного, а принципиально иной подход – *функционально-психологический*. Он, как известно, базируется на соответствующем – функциональном понимании самой управленческой деятельности, восходящем к школе административного управления [246]. Данный подход предполагает использование в качестве основной единицы анализа основные управленческие функции. В связи с этим, а также со многими иными обстоятельствами, есть основания предполагать, что и по отношению к еще одному – также принципиально новому и качественно специфическому классу деятельностей (субъектно-информационному) наиболее релевантным подходом также должен выступить какой-либо принципиально *иной*, нежели все разработанные, подход к его психологическому анализу. Определение его контуров, собственно говоря, и является основной перспективой развития самого психологического анализа деятельности, а также главной задачей данной работы.

Аналогичная логика трансформаций представлений эксплицируется не только со «стороны теории», но и со «стороны практики». Действительно, одной из основных черт социо-экономического развития общества является, как уже отмечалось, объективно развертывающийся процесс эволюции и закономерной трансформации форм и видов, типов и классов профессиональной деятельности – то, что обычно обозначается понятием «филогенеза деятельности» [116, 175]. В этом плане очень показательной является переход от доминирования в общественном разделении труда субъект-объектных видов деятельности к субъект-субъектным видам, а также смена их роли и места в нем [95]. В состав второго класса – и это также отмечалось в предыдущей

главе – входят определяющие для современного общества виды профессиональной деятельности: управленческая и организационная, образовательная деятельность во всех ее многочисленных разновидностях, врачебная деятельность. Смена двух традиционно дифференцируемых классов, а также постепенное и неуклонное изменение приоритетов между ними в структуре общественного разделения труда – это и есть объективная по природе и магистральная по масштабу тенденция изменения мира профессий. Вместе с тем, наиболее важно то, что развертывание этой объективной по своей сути логики нельзя считать завершенным: такая точка зрения является и недостаточно обоснованной, и не доказанной и даже отчасти наивной. Ограничиваться ей – означает приуменьшать реальную сложность эволюции форм трудовой активности, ограничивать диапазон их прогресса и, фактически, во многом закрывать возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и разновидностей, а возможно, и классов – прежде всего, субъектно-информационного [31, 32, 40, 60, 65, 123, 151, 181, 183, 191, 199, 213, 214]. Важно и то, что именно ему принадлежит будущее; это ставит вопрос о его приоритетном изучении, а также о синтезе представлений о нем и о разработке обобщающей психологической теории деятельности. Она должна синтезировать в себе представления как о субъект-объектных и субъект-субъектных ее типах, так и о ее субъектно-информационном типе.

Все это, собственно говоря, и позволило сформулировать положение, согласно которому существующая – достаточно простая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») всего на два класса является упрощенной и недопустимо симплифицированной, не отражающей всего их реального многообразия. Наряду с ними, возникает необходимость дифференциации качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – субъектно-информационного [108, 111, 112]. Сфера действия и область представленности этого третьего класса предельно широка (см. далее); в деятельности этого класса их основной атрибут – предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется [105, 107]. Таким образом, со всей очевидностью и, более того, с объективной необходимостью формулируется задача приоритетного исследования именно этого – пока не вполне традиционного, но крайне важного класса профессиональной деятельности.

Естественно, что в связи с этим, на первый план выходит важная теоретическая задача формулировки такого методологического подхода, который был бы адекватен психологической природе данного класса и конструктивным в плане его исследования. По нашему мнению, в его качестве может выступить рассмотренный в предыдущей главе метасистемный подход, подвергнутый, однако, соответствующей конкретизации и детализации в соответствии со спецификой данного класса деятельности. Эта конкретизация, а в ряде случаев – и дальнейшее развитие данного подхода должна производиться и таким образом, чтобы содействовать минимизации тех трудностей и ограничений традиционного характера, которыми характеризуется современное состояние психологического анализа деятельности. Наконец, для достижения этих целей необходим учет новых и новейших результатов, которые получены в важных направлениях психологических исследований – в частности, в современном метакогнитивизме. Именно такой подход был разработан нами на основе обобщения результатов достаточно большого цикла исследований, а его содержание может быть эксплицировано следующим образом.

Так, с одной стороны, он непосредственно базируется на всех основных положениях общего – метасистемного подхода, которые рассмотрены в предыдущей главе. С другой стороны, он учитывает и те результаты, которые получены к настоящему времени в целом ряде важных психологических направлениях – прежде всего, в метакогнитивизме и в когнитивной психологии в целом, в психологии сознания, в психологической теории деятельности. Причем, именно первое из них, как будет показано ниже, наиболее конструктивно в плане исследования данного класса, поскольку оно является конгруэнтным его сущности и психологической природе.

Следует принимать во внимание и то важнейшее обстоятельство, что речь идет именно о *классе* деятельности, то есть о таком образовании, которое имеет огромный объем содержания и широкий диапазон его качественных разновидностей, а также степени их сложности. Действительно, он включает в себя такие относительно простые виды деятельности, как, скажем, как технические разновидности деятельности экономического профиля или многочисленные разновидности сервисных деятельностей, реализуемых на компьютерной базе. Однако он же включает, но на противоположном «по-

люсе» сложности, и такой предельно сложный вид деятельности как научная деятельность, поскольку она также объективно и неразрывно сопряжена с «производством» новой информации – новых знаний.

Далее, по понятным и естественным причинам совершенно особое место в данном классе занимают те виды деятельности, которые базируются на основе компьютерной техники и образуют сферу ИТ-деятельностей. В этой связи можно дифференцировать два «вектора» качественной гетерогении данного класса деятельностей. Первая – это *вертикальная* гетерогения, вскрывающая глубокие – принципиальные, то есть именно качественные различия в степени сложности (ее пример как раз и представлен выше). В свою очередь, эта гетерогения также может быть упорядочена посредством ее континуального представления. Он включает пять основных значений. Первое из них фиксирует такие виды деятельности, в которых средства компьютерной техники практически не используются в их непосредственном предназначении – как средства труда. Второе значение фиксирует те виды деятельности, в которых эта техника используется именно как одно из средств ее осуществления, но не в специфицированном виде, а на уровне тех – общих возможностей, которыми она характеризуется. Третье значение фиксирует такие виды деятельности, в которых эта техника выступает уже не одним из рядовых средств ее реализации, а основным средством и, более того, составляет практически все ее операционное содержание. Это – виды деятельности, базирующиеся на компьютерной технике, например, подавляющее большинство современных разновидностей деятельности экономиста, эксперта, консультантов и пр. Четвертое значение включает те виды деятельности, которые уже не просто базируются на ней как на исключительном средстве труда, а полностью сводятся к работе только с ней и на ней. Это, например, тестировщик, специалист по юзабилити, ИТ-медик, ИТ-генетик, агроинформатик, биоинформатик, специалист в области нейролингвистического программирования. Наконец, пятое значение фиксирует те виды деятельности, в которых субъект выступает уже не только как пользователь, но и как создатель тех средств (прежде всего – программных), которые лежат в основе ее использования. Это, например, Web-программист, SEO-специалист, SMM-специалист, контент-менеджер, тимлид, Front-end и Back-end разработчик, Embedded-программист, QA-инженер, разработчик баз данных, системный аналитик, мобильный разработчик

game-дизайнер, 3D-аниматор, flash-аниматор, продуктовый дизайнер, web-дизайнер, UX-дизайнер, системный программист и системный администратор, ERP-программист, архитектор баз данных, администратор сайта, специалист по кибербезопасности¹⁴.

Вторая – это *горизонтальная* гетерогения, вскрывающая факт существования многих видов информационной деятельности, являющихся паритетными по сложности. Она также предполагает дифференциацию на многочисленные разновидности, но в пределах какого-либо уровня. Кроме того, два типа гетерогении могут быть синтезированы и образовывать своего рода *матрицу* основных видов деятельности субъектно-информационного класса. Ее вертикаль образована пятью значениями – разными уровнями ее спецификации, а горизонталь – совокупностью отдельных разновидностей внутри каждого уровня. Точнее, она представляет собой *пирамиду*, поскольку иерархия количественно сокращается при переходе от нижерасположенных уровней к вышерасположенным уровням.

На основе этого возникает принципиальная проблема, являющаяся очень типичной и для исследования двух традиционных классов. Поскольку все множество конкретных разновидностей деятельности, образующих субъектно-информационный класс невозможно изучить в одном, отдельно взятом исследовании, то необходимо избрать такую его экспликацию, которая была бы наиболее *репрезентативной* в плане его основных характеристик и особенностей, феноменов и закономерностей. Кроме того, она должна быть и наиболее репрезентативной в плане широты ее представленности в данном классе, а также той роли, которую она выполняет в практическом плане, то есть в плане ее значимости в общей структуре современного разделения труда, а также перспектив ее развития. По-видимому, в свете этих критериев нет необходимости подробно обосновывать положение, согласно которому такой экспликацией (точнее – целым семейством принципиально сходных экспликаций) являются все те виды деятельности, которые базируются

¹⁴ Можно видеть также, что представленная континуальная экспликация вертикальной гетерогении легко трансформируется в более привычный именно для вертикали вид – уровневый, поскольку пять констатированных выше значений, фактически эксплицируют основные уровни сложности такого рода деятельности.

на компьютерных технологиях, а базовым средством труда в них выступает именно компьютерная техника. Именно их, по нашему мнению, и необходимо сделать предметом приоритетного исследования в плане изучения субъектно-информационного класса деятельности.

Можно видеть, что развертывание объективной логики развития «мира деятельностей», приведя на современном этапе к необходимости дифференциации субъектно-информационного класса, ставит фундаментальную по своей теоретической и практической значимости проблему. В наиболее общем плане она состоит в необходимости психологического анализа качественно специфического класса профессиональной деятельности – субъектно-информационного. В специализированном плане она эксплицируется как более конкретная, но также очень обширная и сложная проблема, которую можно обозначить как проблема «метакогнитивизм и компьютеризация», «метакогнитивизм и IT-технологии». Она включает в себя очень широкий спектр вопросов и проблем – как тех, которые уже отмечены выше, так и многих других, которые и выступят в качестве основных задач данного проекта. Подтверждением этого является и то, что исследования в данной области уже сейчас являются весьма актуальными и проводятся, в частности, и в современном метакогнитивизме, а также в смежных с ним областях (см. обзор в [62]).

Несколько предваряя дальнейшее изложение, отметим, что с позиций метасистемного подхода открываются возможности для расширения представлений, сложившихся в рамках одной из основополагающих дифференциаций деятельности, – на ее основные *типы*: показано, что наряду с тремя традиционно выделяемыми основными типами деятельности (игровой, учебной, трудовой) возможна дифференциация иных типов [175]. Вместе с тем, данный подход позволяет осуществить это же, но в отношении к еще более общей и, по существу, «предельной» по степени обобщенности дифференциации категории деятельности – на ее основные классы. По отношению к ней, равно как, впрочем, и к классической «деятельностной триаде», в психологии также сложилась вполне явная и устойчивая традиция. Она, как известно, предполагает дифференциацию двух основных классов (точнее – макроклассов) деятельности – субъект-объектного и субъект-субъектного. Вместе с тем, данная дифференциация, наряду с тем, что она, действительно, эксплицирует глубочайшие различия в организации деятельности

в указанных классах, отнюдь не лишена дискуссионных моментов. Она не только *решает* целый ряд вопросов, но зачастую *порождает* новые – еще более сложные, а иногда и «головомомные» вопросы. Она же выступает не только основой для перманентных обсуждений, но и источником самых разнообразных вариантов методолого-теоретических подходов к психологическому исследованию деятельности.

С позиций этих представлений открываются дополнительные возможности для экспликации значимых тенденций в эволюции видов и типов, классов и форм организации профессиональной деятельности, что также необходимо в плане обоснования логики дифференциации субъектно-информационного класса деятельности. В свою очередь, такая экспликация предполагает методологическую рефлексию закономерностей трансформации *предмета* психологии труда, обусловленных переходом от доминирования субъект-объектных видов деятельности к субъект-субъектным, а для этого выявление базовых атрибуты второго. Далее, она предполагает и аналогичную рефлексию в отношении и субъектно-информационной деятельности, поскольку именно он, как можно видеть из представленных выше материалов, начинает занимать (или уже занимает) доминирующее место в современном разделении труда, определяя собой существо и специфику современного содержания предмета психологии труда. Наконец, необходимо также выявление и объяснение общих закономерностей трансформации всех трех классов, а также тех следствий, которые эта трансформация обуславливает на гносеологическом уровне, то есть в плане общей трактовки предмета психологии труда и специфики его содержания.

Для рассмотрения этих вопросов целесообразно привлечь результаты достаточно обширного цикла выполненных нами исследований деятельности *управленческого* и *организационного* типа, которые частично уже были рассмотрены в предыдущей главе¹⁵. Дело в том, что именно она является наиболее репрезентативным представителем субъект-субъектного класса, максимально полно воплощая в себе все его основные атрибуты.

¹⁵ В связи с этим при дальнейшем изложении мы будем вынуждены обращаться к уже проведенному в ней анализу, дополняя и развивая, однако, представленные в нем данные.

Действительно, сама суть и психологическая природа любой управленческой деятельности – даже по определению – состоит в том, что деятельность руководителя разворачивается как процесс взаимодействия не с объектом в привычном понимании, а с аналогичной самому субъекту и равномошной ему системой – с другими субъектами (членами организации, группы, а также с их деятельностями). Следовательно, сама управленческая деятельность разворачивается как своеобразная «деятельность с деятельностями», как деятельность по организации других деятельностей, как деятельность «второго порядка». По отношению к ней поэтому с наибольшей адекватностью и уже не метафорически, а строго и непосредственно может быть использовано понятие *метадеятельности*. Она является таковой именно по интегративным механизмам ее содержания и структуры, объекта и основных функций. Причем, такой ее принципиальный характер выявляется в плане всех основных категорий, посредством которых эксплицируется содержание любой деятельности – категорий объекта и субъекта деятельности, ее предмета и условий, а также процесса деятельности и средств ее осуществления [109]. Это означает, что в каждом из указанных аспектов понятие метадеятельности не только оказывается наиболее адекватным средством характеристики управленческой деятельности, но и приобретает важные специфические грани.

Как отмечалось в главе 1, по отношению к категории субъекта – в аспекте его роли как компонента управленческой деятельности обнаруживается ряд весьма показательных закономерностей. Действительно, психологическое содержание управленческой деятельности может быть наиболее полно и корректно раскрыто в том случае, если ее трактовать как органическую часть более общей системы – системы совместной деятельности иерархически организованного типа [182]. В этом случае становятся очевидными две главные особенности субъекта данной деятельности. Во-первых, он приобретает черты полисубъектности, вообще – обретает статус коллективного субъекта. Во-вторых, субъект становится при этом не только множественным и «распределенным», но и организованным. Последнее реализуется через два базовых принципа управленческой деятельности – координационный (горизонтальный) и субординационный (вертикальный).

Коллективный субъект, тем самым, приобретает черты структурности и иерархичности собственной организации. Он, однако, высту-

пает при этом не как моносубъект, а как полисубъект. Общая структура регуляции совместной деятельности приобретает, следовательно, черты полисубъектной, а руководитель и каждый из исполнителей выступают при этом как парциальные субъекты общей – совместной деятельности. Наибольшая сложность и специфичность такой регуляции состоит в том, что, несмотря на полисубъектный характер совместной деятельности (или – именно в силу его наличия), она объективно должна быть централизованной, иерархически построенной, интегрированной, а в этом смысле – моносубъектной. Таким образом, субъект управленческой деятельности в широком (и потому – наиболее полном смысле) – это не просто коллективный субъект, а обязательно структурированный и организованный полисубъект. Тем самым он уже не только по критерию «коллективности» выходит за рамки традиционной моносубъектности индивидуальной деятельности (что очевидно), но и становится принципиально иным по собственным – качественным, содержательным критериям. Он имеет собственную и достаточно специфическую структуру, организацию, механизмы интеграции и средства иерархизации. Все они – качественно иные, нежели аналогичные средства и механизмы индивидуальной, то есть субъектно-объектной деятельности. Следовательно, и по закономерностям своей организации коллективный субъект также выходит за пределы индивидуального субъекта; он становится своего рода метасубъектом.

Весьма своеобразные и радикальные трансформации характерны, как уже отмечалось выше, для основного атрибута управленческой деятельности – *предмета*. Им становится столь специфическая во всех отношениях реальность, каковой выступает опять-таки деятельность, но деятельность других людей – подчиненных, управляемых, ведомых. Столь явное и принципиальное своеобразие предмета управленческой деятельности не может не вести к аналогичным, то есть также принципиальным трансформациям организации этой деятельности. Наиболее важной среди этих трансформаций является возникновение нового уровня регуляции – метадеятельностного. а также обретение им статуса ведущего во всей структуре уровней организации.

Аналогичные, то есть принципиальные и явные трансформации обнаруживаются и при рассмотрении психологической природы управленческой деятельности в следующем важном плане – в плане специфики ее *объекта*. Более того, эти трансформации являются

не только максимально представленными, но фактически предельными. Имеет место полная инверсия объекта, когда он, не переставая быть самим собой (то есть именно объектом), предстает и в качестве субъекта (точнее – множества субъектов, что в еще большей степени усложняет ситуацию). Таким образом, объектом управленческой деятельности руководителя является специфичнейшая во всех отношениях и внешнеположенная по отношению к нему реальность; ей выступает совокупность управляемых субъектов. Она одновременно является и реальностью объективной и реальностью субъективной. Предметом деятельности становится столь специфический внешнеположенный объект, каковым выступает сам субъект (точнее – субъекты), другие люди, «социальные объекты». Тем самым возникают предпосылки для качественно иной организации деятельности в целом, при которой его и ее субъект и его объект оказываются и «равномощными» по своим возможностям, и идентичными по механизмам своего функционирования – односущностными.

Принципиально подобные закономерности, эксплицирующие метадеятельностную природу упрощенческого труда, обнаруживаются и во всех иных планах его планах. Они выявляются в плане основных *средствами* ее реализации, ее собственно инструментального, орудийного содержанием, с *условий* труда, специфики *статуса* руководителя в организации и др. Они подробно рассмотрены в целом ряде наших работ [76, 95].

Необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство, к которому мы возвратимся ниже, поскольку оно выступит полезным (и, более того, необходимым) средством обобщения всех представленных в данной работе результатов, а также решения ее основных задач. Оно состоит в том, что все рассмотренные выше атрибуты и специфические особенности управленческой деятельности как наиболее репрезентативного представителя субъект-субъектного класса обусловлены, главным образом, радикальными трансформациями ее объекта. В этой связи, необходимо, по нашему мнению, обратиться к представлениям о максимально обобщенной экспликации структуры трудовой деятельности как таковой (и любой иной деятельности), которые отражены в так называемой «формуле деятельности». Согласно ей, реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется через триаду базовых «составляющих». Это ее субъект, объект и процесс их взаи-

модействия, то есть собственно деятельность, взятая в ее временной развертке. Можно видеть, что все рассмотренные спецификации сопряжены с одним из основных членов этой триады – с объектом деятельности. Данное обстоятельство должно быть зафиксировано особо, поскольку оно станет важным объяснительным средством при обобщении всех результатов данной статьи. Однако прежде чем это станет возможным, необходимо подвинуть рассмотрению еще один также основной класс деятельности – субъектно-информационный.

При этом, конечно, следует принимать во внимание и то важнейшее обстоятельство, что речь идет именно о *классе* деятельностей, то есть о таком образовании, которое имеет огромный объем своего содержания и столь же беспрецедентный диапазон его качественных разновидностей и степени их сложности. Действительно, как уже отмечалось, он включает в себя такие относительно простые виды деятельности, как, скажем, как технические разновидности деятельности экономического профиля или многочисленные разновидности сервисных деятельностей, реализуемых на компьютерной базе. Однако он же включает, но на противоположном «полюсе» сложности, и такой предельно сложный вид деятельности как научная деятельность, поскольку она также объективно и неразрывно сопряжена с «производством» новой информации – новых знаний. В этой связи выше были дифференцированы два типа качественной гетерогении данного класса деятельностей вертикальная и горизонтальная.

Вообще говоря, в этой связи, по-видимому, дифференцировать два основных значения смога понятия субъектно-информационного класса деятельности – широкое и узкое. В первом из них фиксируются все те виды деятельности, главным предметом которых как раз и выступает информация как таковая; не объект в его привычном смысле, а его сигнификация в самых разных алфавитах и средствах семантизации. Однако в этих видах деятельности не содержится таких средств и иных операционных возможностей, которые позволяло бы осуществить работу с ней. Последняя остается исключительной прерогативой субъекта. Понятно, что спектр таких деятельностей чрезвычайно велик и предельно разнообразен. Во втором значении фиксируются те виды деятельности данного класса, которые, наоборот, обладают только что зафиксированной особенностью. Следовательно, в них возникает принципиально новый атрибут – своего рода

распределение самой деятельности между субъектом и иными – внесубъектными составляющими деятельности, что имеет многочисленные последствия для психологической природы этой деятельности.

На основе этого, собственно говоря, и возникает принципиальная проблема, являющаяся очень типичной и для исследования двух традиционных классов. Поскольку все множество конкретных разновидностей деятельности, образующих субъектно-информационный класс, невозможно изучать «в целом», то необходимо избрать такую его экспликацию, которая была бы наиболее репрезентативной в плане его основных характеристик и особенностей, феноменов и закономерностей. Такой экспликацией (точнее – целым семейством принципиально сходных экспликаций) являются, по нашему мнению, все те виды деятельности, которые базируются на компьютерных технологиях, а базовым средством труда в них выступает именно компьютерная техника.

Показательно (и доказательно), что именно при такой конкретизации предмета исследования сразу же – очень непосредственно и вполне естественным, даже необходимым образом выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана и фундаментального значения. Оно, однако, становится еще более зримым именно с позиций того методологического подхода, который был разработан нами и предложен как базовый для решения вопроса о дифференциации основных классов деятельности – в том числе, и субъектно-информационного. Это, напомним, подход, базирующийся на синтезе психологической теории деятельности и современного метакогнитивизма. В своем общем виде данное обстоятельство заключается в *удивительном подобии* – в принципиальном сходстве и, так сказать, в максимальной конгруэнтности основных особенностей деятельности информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.) – вообще его «духа» и основного пафоса; поясним сказанное. Известно, что в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления [140, 284]. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных *процессов*: это операционное направление, которое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом знания, но особого типа – «знания о знаниях», то есть

метазнания: это операндное направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания».

Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно – причем, взятые в их единстве воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного аналога и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом и как реализатор процессов по управлению этими «первичными» процессами, и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность не только *может* быть рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только *может быть* понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она *не может быть* понята никак иначе. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда (компьютер), которое по своей сути, фактически, выступает носителем целой системы процессов и системы знаний (баз данных). Они, однако, носят специфически информационный и в этом смысле когнитивный характер, причем, взятые в их единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во *внутреннем* плане (в частности, в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во *внешнем* плане – в том числе, и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда. Можно видеть, что имеет место принципиально новая деятельностная реальность, которая никак не присуща двум традиционным классам и которая определяет качественное своеобразие третьего класса и его несводимость к первым двум. Эту реальность во всей ее полноте, сложности, а отчасти – и необычности еще предстоит понять и осознать.

Итак, сама суть подавляющего большинства видов деятельности, базирующихся на компьютерной технике, состоит в ее очень своеобразном именно с психологической точки зрения характере – *метакогнитивном*. В связи с этим, лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы охарактеризовать всю эту деятельность – и по сути, и по содержанию, и по организации, равно как и по иным важным атрибутам, как метакогнитивную. Фактически, все ее содержание обретает именно

этот статус. В результате этого те собственно операционные средства, которые наиболее релевантны природе деятельности как таковой, трансформируются из статуса *операторов* в статус *операндов*, то есть выступают уже не только как средства ее организации, сколько как то, на что направлена сама организация. Однако тем самым в структуре самой деятельности порождается новый уровень, связанный с этой организацией – *метауровень*, статус которого определяется его именно метадеятельностным характером. В силу этого, практически все содержание деятельности субъекта также обретает метакогнитивный характер, а в широком смысле данная деятельность также должна быть охарактеризована как метакогнитивная. Имеет место фундаментальный феномен, точнее механизм, описанный в системной методологии – *удвоение качеств*. Любой ее компонент, сохраняя свой исходный модус – в качестве первичной «составляющей» ее операционного содержания, обретает, однако, новую спецификацию, новое качество – становится и носителем метакогнитивных средств и закономерностей. Это – очень значимое, по нашему мнению, обстоятельство должно выступить как одно из основных объяснительных средств психологического анализа данной деятельности и мы более подробно возвратимся к нему ниже.

Более комплексная – так сказать «вторичная» природа данной деятельности отнюдь не исчерпывается только указанным обстоятельством. Она эксплицируется и в еще одном важнейшем и, по существу, атрибутивном для любой деятельности аспекте – в плане ее *регулятивной* природы. Строго говоря, он является еще более значимым, нежели ее когнитивный аспект и первичным по отношению к нему. Дело в том, что огромное количество конкретных разновидностей данной деятельности имеет своим главным предназначением именно оптимизацию управления – регуляции тех или иных «первичных» технологических и шире – производственных процессов. Более того, сама эта техника в значительной степени и была порождена – генетически оформилась именно как продолжение «логики автоматизации» технологических процессов. Например, если на первом этапе данного процесса субъект использовал разного рода средства автоматизации для регуляции того или иного технологического или производственного процесса, то на следующем этапе он уже не столько *использует* ее, сколько *контролирует* то, как она сама регулирует тот или иной процесс и управляет всем его ходом. Он, фактически, регулирует саму регуляцию, управляет управлением. Тем

самым субъект этой деятельности не просто осуществляет регуляцию какого-либо процесса, а реализует именно «регуляцию регуляции», то есть вторичную регуляцию. Тем самым она со всей очевидностью эксплицируется не только как метакогнитивная, но и как *метарегулятивная*.

Наконец, аналогичные – очень специфические трансформации подавляющего большинства деятельностей ИТ-сферы, причем, с еще большей степенью очевидности и эмпирической наглядности обнаруживаются и по отношению к еще одному важнейшему модусу деятельности и ее собственно психологической организации – *коммуникативному*. Он, как известно, соотносится с еще одной важнейшей подсистемой психики – коммуникативной, в то время как первые два соотносятся с когнитивной и регулятивной подсистемой. Даже такое показательное в этом плане понятие, как термин «инфокоммуникационная» отрасль, а также одно из главных предназначений всей этой техники как раз и состоят в расширении возможностей коммуникативного плана, в придании ей новых возможностей, несопоставимых с прежними. Тем самым эксплицируется еще один модус «вторичной» природы данной деятельности – она предстает как деятельность по организации коммуникативной активности (фактически, также деятельности) – как *метакоммуникативная*.

Обобщая сказанное, можно заключить, что «вторичная» природа данной деятельности не только проявляется во всех трех важнейших планах организации, соотносимых с тремя базовыми подсистемами психики – когнитивной, регулятивной и коммуникативной, но и, фактически, составляет их сущность. Тем самым она раскрывается уже не только как метакогнитивная, метарегулятивная и метакommunikативная так сказать «по отдельности», а как и та, и другая, и третья *одновременно* и предстает именно как метадеятельность в непосредственном смысле данного понятия.

Кроме того, ее метадеятельностная природа эксплицируется и в еще одном – не менее значимом и, к тому же, очевидном плане. Действительно, хорошо известно, что и в генетическом – эволюционном отношении, связанном с причинами возникновения данной техники, и в сущностном плане основное предназначение компьютерных технологий состоит в *передаче* целого ряда трудовых функций от человека к ней – как средствам труда субъекта. В этом нет ничего нового и необычного, поскольку по тому же пути прошла и оптимизация

деятельности на прежних этапах, связанных с физическим трудом. Она также означала передачу физических, «мускульных» компонентов деятельности технике. Однако принципиально тот же процесс имеет место и по отношению к компьютерной технике: он также означает передачу функций, ранее осуществлявшихся субъектом, для реализации ей. Разница состоит лишь в том, что эти функции имеют уже принципиально иную природу и являются не «физическими», а «умственными» – *когнитивными, интеллектуальными*. Тем самым, эта деятельность распределяется между субъектом и иными – внесубъектными «составляющими», а ее часть транспонируется на них и обретает тем самым экстрасубъектный характер. Эта часть, являющаяся именно деятельностной, должна быть, однако, организована. Тем самым она опять-таки обретает двойственность своего статуса: не переставая быть *операционным* средством (оператором), она становится ее предметом организации и регуляции, то есть обретает статус *операнда*. Общая структура деятельности дифференцируется, а одна ее часть выступает как регулятор другой ее части. В связи с этим, она становится «деятельностью по организации деятельности», то есть опять-таки в прямом смысле обретает «вторичный» характер и становится метадеятельностью. Точнее, в ней возникает новый уровень организации – метадеятельностный, который был охарактеризован выше.

В плане раскрытия психологической природы данной деятельности очень важно, однако, что ее метадеятельностная природа порождается весьма неожиданным образом – таким, который *противоположен* детерминантам ее возникновения в субъект-субъектном классе. В нем причиной ее порождения явилась качественная трансформация *объекта* – им становился «социальный объект», то есть, фактически, также субъект. Однако в рассматриваемом здесь классе деятельности имеет место иной и в известном смысле противоположный процесс. Ее трансформация в метадеятельность осуществляется при сохранении принципиальной – так сказать «неодушевленной» природы ее объекта, но при его беспрецедентном усложнении. Объект, сохраняя свой принципиальный статус, то есть свое качество, обретает такую степень сложности, которая, характеризуясь, как и любая степень, *количественной* природой, тем не менее, порождает *качественные* трансформации деятельности – возникновение у не нового уровня – метадеятельностного.

Очень значимо и то, что, становясь метадеятельностью, то есть такой активностью, которая направлена на организацию иных – также деятельностных средств, в том числе, когнитивных и регулятивных, она обретает и новые черты, нередко противоположные тем, которые атрибутивно присущи организации психики. Так наиболее существенно, что она не только не сохраняет характерные для любой метадеятельности *рефлексивные* компоненты (которые, в свою очередь, объективно необходимы для учета особенностей «другого», точнее – «других» субъектов), но они в ней во многом *редуцируются*. Скальвается любопытная и отличная от субъект-субъектных видов ситуация, когда метадеятельностная природа не усиливает, а *ослабляет* рефлексивную наполненность деятельности. Основная причина этого состоит в том, что сама когнитивная активность субъекта, транспонированная на технику, практически лишена этих рефлексивных компонентов. Темника не рефлекирует; она не «заинтересована» ни в симуляции, ни в фальсификации, ни в обмане и, следовательно, в рефлексивных аберрациях. Она столь же не нуждается в сложных и опосредствованных рефлексивных взаимодействиях, составляющих основу межличностных контактов и пр. Тем самым возникает причудливая ситуация, при которой метакогнитивное насыщение деятельности происходит не только без ее рефлексивного обогащения, но и при его существенной редукции. Перед субъектом возникают новые вызовы – он ставится в ситуацию, прямо противоположную той, на материале которой естественным образом в процессе онтогенеза формируются рефлексивные механизмы как таковые, а в итоге – и сознание в целом. Интересно и то, что выход из такого положения – своеобразная «борьба» с ним может протекать по известному и в принципе описанному в литературе и зафиксированному на уровне житейских представлений сценарию. Его суть состоит в наделении неодушевленного объекта (самого компьютера) субъектными характеристиками – в том, что можно обозначить как *феномен антропоморфизма*. Он имеет множественные экспликации, а также закреплен в целом ряде понятий, терминов, выражений, в компьютерном фольклоре [31, 32, 60, 65, 115, 181, 183, 235]. Он является удобной ошибкой, которая выполняет адаптационные функции, поскольку, как и в каждой ошибке, в нем есть и немалая доля не-ошибки¹⁶.

¹⁶ Он станет предметом специального анализа в главе 3.

Сказанное может рассматриваться и как частное, хотя, конечно, весьма значимое проявление еще более общей особенности, точнее своеобразной и многоплановой оппозиции «человеческого» и «машинного». Она многократно описана литературе, имеет целый ряд проявлений и экспликаций. Обратим внимание на одну из них, имеющую непосредственное отношение к рассматриваемым вопросам. Компьютерная техника по своим базовым характеристикам и наиболее важным возможностям такова, что она во многом *противоположна* тем особенностям психики, которые обычно обозначаются понятием «предельных характеристик» (ПХ). Это – объективно присущие психике ограничения самого различного плана – объемные, точностные, надежностные, скоростные и др. В известном смысле можно сказать, что психика «соткана из ограничений». Причем, их нельзя рассматривать как «недостатки», поскольку, они, точнее – необходимость их минимизации выступает мощным стимулом для инициации механизмов компенсаторного типа и, следовательно, стимулом для развития общего потенциала психики. Более того, развитие и совершенствование субъекта – в том числе, и в деятельности как раз и направлено на их минимизацию. Наконец, сама суть метакогнитивизма также состоит в его *ресурсной* трактовке – как исследование средств, позволяющих расширить функциональные возможности «первичных» процессов. Вместе с тем, складывается ситуация, при которой, чем в большей степени удастся их минимизировать, тем в меньшей степени функционирование системы становится похожим на то, каким образом оно осуществляется на уровне психического. «Человек неограниченный» – это уже не вполне человек, а такая сущность, которая во все большей степени обретают «машиноподобные» черты. В этом состоит одна из коренных противоположностей организации психического и не-психического; оно проявляется в контактах субъекта и самой компьютерной техники, порождая трудности и противоречия такого взаимодействия¹⁷.

К числу таких противоречий следует отнести и своеобразный антагонизм основного принципа организации произвольной регуляции деятельности и сознания как такового – принцип *одноканальности* (однофокусности, монопроцессорности) с многоканальностью –

¹⁷ Данное обстоятельство также станет предметом специального рассмотрения в главе 3.

полипроцессорностью функционирования компьютеров. И хотя первый из них нередко подвергается сомнению, он, однако, все же неоспорим, по крайней мере, для уровня осознаваемой регуляции.

В отношении специфики содержания и организации психологического обеспечения деятельности, базирующейся на компьютерной технике, следует зафиксировать и еще одну – достаточно имплицитную особенность, которая, однако, уже не дифференцирует ее от принципов организации психического, а сближает с ними. Так, по отношению к организации психики в целом и к произвольной регуляции деятельности и поведения, в особенности, существует следующая фундаментальная закономерность. Те наиболее глубинные механизмы и средства, процессы и детерминанты, на основе которых осуществляется функционирование психического, в значительной мере или даже практически полностью не осознаются; они закрыты для интроспекции и, соответственно, для доступа к ним субъекта. Организация функционирования психического реализуется не по *ноуменальному* контуру, а по контуру *феноменальному*: осознаваемое, которое само по себе не является механизмами и средствами, а наоборот, – их следствием, все же оказывается в состоянии – хотя бы частично – управлять ими. Более того, на уровне осознания они – именно в их истинном содержании могут быть и не представлены вообще. Это, впрочем, общая закономерность, которая характерна для соотношения декларативных и процедуральных знаний при организации систем и управлении ими¹⁸. Для того, чтобы управлять психикой, вовсе не обязательно (а иногда даже вредно) знать, как она устроена. Однако, именно эта же ситуация типична для деятельности, базирующейся на компьютерной технике. В подавляющем большинстве случаев она строится таким образом, что вовсе не предполагает сколько-нибудь глубокое знание о том, как она устроена. В массовом случае это является и ненужным и практически невозможным. Работа на компьютере – это процесс, практически полностью построенный на *процедуральных* знаниях, на принципах процедурального управления, но не на декларативных знаниях (хотя, конечно, и они небесполезны). Данная особенность – нечастый случай того, когда принципы

¹⁸ Упрощенной, но верной по сути, аналогией этого является известное выражение: для того, чтобы управлять автомобилем, вовсе не обязательно знать, как он устроен.

организации психического и компьютерной техники не различаются – вплоть до их антагонизма, а сближаются.

С этих позиций эксплицируется и еще одна грань принципиальных различий этого класса от предыдущего – субъект-субъектного. Если он предполагает, как показано выше, включение в деятельность нового уровня – метадеятельностного, а сама деятельность предстает поэтому как преимущественно *метарегулятивная*, то по отношению к деятельности субъектно-информационного класса имеет место иная картина. Она состоит в том, что наиболее репрезентативные из них – особенно те, которые реализуются на основе компьютерной техники, являются принципиально *метакогнитивными*. Это означает, что, если переход от субъект-объектного класса к субъект-субъектному означает, прежде всего, «удвоение деятельности» и возникновение ее метадеятельностной организации, то здесь имеет место еще один качественный переход. Сама эта «вторичная» деятельность получает также вторичную репрезентацию: ее предмет представлен не в его исходной – «первичной» форме, а в форме «вторичной», то есть в виде информационных моделей, в виде информации как таковой. Огромное количество современных видов профессиональной деятельности характеризуется тем, что субъект работает не только с так называемым неодушевленным объектом и даже не с одушевленным субъектом, а практически исключительно с информацией и о том, и о другом. Причем, наиболее важной и специфичной для всех этих видов деятельности является следующая их атрибутивная черта. Субъект, как правило, оперирует с такой информацией, в которой сначала необходимо идентифицировать, *что именно* она означает, сигнифицирует – объекта или субъекта, (или же и того, и другого одновременно). Все это, повторяем, не может не приводить к ряду кардинальных следствий, прежде всего, психологического порядка (хотя, впрочем, и не только психологического).

Далее, важно и то, что, как отмечалось выше, реальная, а не симплифицированная структурно-уровневая организация профессиональной деятельности существенно более сложна, нежели это полагается традиционно [130]. Особенно ярко это проявляется именно в классе субъектно-субъектных видов (в частности, управленческой, педагогической, а также базирующейся на компьютерных технологиях); она образована не тремя, как это считается аксиоматичным, а пятью основными уровнями. Она, наряду с известными, включает в себя еще и уровни,

обозначенные понятиями метадеятельностного и инфрадеятельностного. Так, и собственно эмпирические материалы, и методологические аргументы позволяют дифференцировать в общей структуре деятельности своеобразный – качественно специфический уровень ее организации. Он локализуется между уровнем «автономной деятельности» и уровнем действий, заполняя собой огромный диапазон вариаций степени сложности ее организации между ними. Он характерен (и даже – объективно необходим) для любой системы, поскольку раскрывает специфику функционирования ее основных subsystem (подсистем) и может быть обозначен – в общем виде как *субсистемный*. По отношению же к деятельности как одной из сложнейших типов систем адекватнее всего описывается понятием *инфрадеятельностного* уровня. Он находится под уровнем автономной деятельности (отсюда и название – *инфрадеятельностный*), но над уровнем отдельных действий. Он, повторяем, заполняет собой тот огромный диапазон качественно различных форм организации деятельности, которые располагаются между этими – по существу, крайними полюсами ее сложности. Данный уровень соответствует не системе деятельности в целом и не ее компонентам (действиям). Следовательно, он соотносится не с мотивацией и целям как таковыми, а должен выделяться иного критерия дифференциации уровней. Он характеризует деятельность не на системном и не на компонентном уровне ее реализации, а на subsystemном уровне.

По нашему мнению понятием (и реальностью), которому он наиболее полно, точно и строго соответствует, является понятие *ситуации*. Именно оно, как известно, является не только одним из ключевых теоретических понятий, необходимых для экспликации содержания деятельностей субъектно-информационного класса, но и вообще составляет суть и основной источник проблем и затруднений в ее практической реализации. Содержание деятельности и процесс преодоления проблемных ситуаций по отношению к деятельностям данного класса – это вообще во многом синонимические сущности.

Не менее очевидно, что сама суть многих видов деятельности, принадлежащих к субъектно-субъектному классу – прежде всего, управленческой состоит в том, что деятельность руководителя разворачивается как процесс взаимодействия не с объектом в привычном понимании, а с аналогичной ему самому системой – с другими субъектами (членами организации, группы, а также с их деятельностями). Следовательно,

управленческая деятельность разворачивается как своеобразная «деятельность с деятельностями», как «деятельность по организации других деятельностей», как деятельность «второго порядка». По отношению к ней поэтому с наибольшей адекватностью и уже не метафорически, а строго и непосредственно может быть использовано понятие метадеятельности. Важно то, что оба этих уровня – инфрадеятельностный и метадеятельностный складываются и функционируют не только под решающим детерминационным влиянием собственно метакогнитивных детерминант, но во многом вообще образованы этими детерминантами. Отсюда следует вывод наиболее принципиального плана: факторы метакогнитивного типа обуславливают трансформации того *основного*, что есть в деятельности – ее структурно-уровневой организации. Основные классы профессиональной деятельности качественно отличаются друг от друга в аспекте тех приоритетов и даже той совокупности уровней, которые характерны для каждого из них.

В связи с этим, однако, возникает вполне логичное предположение, согласно которому и при переходе от этих двух классов к третьему (субъектно-информационному) также будут иметь место качественные трансформации структурно-уровневой организации деятельности. Однако какие именно трансформации будут возникать и каким именно закономерностям они будут подчиняться, пока остается неизвестным. Следовательно, возникает важная в теоретическом плане проблема выявления и интерпретации тех закономерностей, которые лежат в основе этих трансформаций. Другими словами, формулируется конкретная по содержанию, но общая и принципиальная по смыслу задача выявления того, каким образом в деятельности субъектно-информационного класса трансформируется их общая структурно-уровневая организация? Какую роль в этом играют факторы собственно метакогнитивного плана? То, что такие трансформации, действительно, имеют место, можно предположить с достаточно высокой степенью вероятности. Дело в том, что сама суть и главное предназначение компьютерных технологий в том и состоит, чтобы разгрузить субъекта от относительно более простых (а в перспективе и все более сложных) когнитивных функций. Однако, столь же известно, что именно эти функции локализируются в структуре деятельности на ее относительно низших уровнях – операционном и частично действенном. Следовательно, на основе этого и возникает предположение, согласно

которому в данном классе два указанных уровня могут существенно редуцироваться и, фактически, исключаться из ее общей структуры (либо же качественно трансформироваться и приобретать неизвестные пока формы). В этом плане можно констатировать и еще одну достаточно интересную закономерность. Если при переходе от субъект-объектного класса к субъект-субъектному классу в структуре деятельности дополнительные приоритеты и качественно новые функции обретали два отмеченных весьма специфических уровня (метадеятельностный и инфрадеятельностный), то при переходе к субъектно-информационному классу из нее, фактически, исключаются также два уровня, но уже не относительно высшие, а относительно низшие.

Существует и еще один – очень важный, но более скрытый, имплицитный аспект исследования деятельностей субъектно-информационного класса, обращение к которому становится возможным именно с позиций исследования метакогнитивных детерминант ее организации. Так, выше мы уже подчеркивали удивительное подобие и фактически полную конгруэнтность данного класса и содержания самого мета-когнитивизма. Однако такое подобие, достигающее до степени тождества, прослеживается и в еще одном плане. Так, хорошо известно, что важнейшим принципом всех компьютерных технологий является дифференциация оперативной памяти от всех иных типов и средств долговременной фиксации информации в компьютере (как аналога долговременной памяти). В связи с этим, важнейшей компетенцией субъекта данного класса деятельностей выступает способность организовать обмен между ними, то есть, фактически, взаимодействие актуальной и виртуальной информации; грамотно и продуктивно специфицировать актуальную информацию и обеспечивать максимальную адресацию к «информации по запросу». Опытный профессионал «чувствует», что именно достаточно принять к рассмотрению, а что можно «оставить за кадром», поскольку это в любой момент может быть актуализировано информацией по запросу. Все это – неоспоримая и обыденная реальность информационных видов деятельностей. Однако, столь же очевидно, что в основе всего этого лежат именно специфически метакогнитивные умения и средства, поскольку все они направлены именно на «базы данных» (на знания) и на процессы работы с ними (также информационные по своему содержанию).

Вместе с тем, трудно не видеть и того, что вся охарактеризованная – «специфически компьютерная» ситуация, связанная с информационными переходами из актуальной формы презентации в потенциальную (и наоборот), с соотношением актуальных и виртуальных данных и пр., не просто удивительно похожа на ту, которая составляет суть основных информационных взаимодействий в самой психике – взаимодействий между *осознаваемым* и *неосознаваемым* уровнями ее репрезентации и переработки, но и, фактически, эквивалентна ей. Компьютер вновь «повторяет психику», но уже не в плане подобия *структурной* организации, а в плане базового принципа *функциональной* организации. Это – подобие его функциональной организации с организацией межуровневых взаимодействия двух основных форм презентации информации – актуальной и виртуальной, «фигуровой» и «фоновой», осознаваемой и неосознаваемой. Все это приводит к формулировке еще более сложных задач, имеющих, однако, очевидную метакогнитивную составляющую. Более того, эти задачи с объективной необходимостью заставляют обратиться к одному из важных направлений метакогнитивизма – направлению, исследующего неосознаваемые средства и механизмы метакогнитивного плана [164, 294, 297]¹⁹.

В продолжение характеристики психологической специфики субъектно-информационного класса деятельности подчеркнем, что, как отмечалось выше, в наиболее общем плане реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется через отмеченную «деятельностную формулу». Это триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. В данной связи очень показательным (и доказательным) является следующее обстоятельство. Каждый из этих трех компонентов выступает в качестве базовой метасистемы, оказывающей наибольшее специфицирующее влияние на психическую регуляцию по отношению, соответственно, к трем разным классам деятельности; поясним сказанное. Так, по отношению к субъект-объектным деятельности ее собственно психологическое содержание обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерно-

¹⁹ Данное направление также станет в дальнейшем предметом специального рассмотрения.

стей, которыми характеризуется более общая по отношению к ней метасистема – индивидуальная психика самого *субъекта* деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такой специфицирующей метасистемы выступает уже не субъектный, а *объектный* член этой формулы, поскольку для него главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные тем, что в его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Соответственно, и организация деятельности обретает ярко выраженную социоориентацию. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности.

Как можно видеть из представленных выше материалов, есть основания полагать, что именно такой же – общей и, по-видимому, фундаментальной, особенности подчиняется и тот класс деятельности, который пока не был исследован в этом плане – субъектно-информационный. В нем специфика психологического содержания деятельности, по всей вероятности, в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы», то есть самим *процессом* деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении – в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику *процессу* деятельности субъектно-информационного класса придает, в основном, именно *процессор* как ключевой компонент всей компьютерной техники.

Продолжая анализ проблемы дифференциации основных классов деятельности, необходимо подчеркнуть, что ряд обусловленных ей вопросов и трудностей уже в определенной степени подвергается в настоящее время попыткам осмысления и преодоления. Среди основных из такого рода вопросов и трудностей, равно как и попыток их минимизации, следует, в первую очередь, отметить следующие направления исследований.

Прежде всего, как уже отмечалось, исходной в историческом плане является дифференциация деятельности на два класса – субъект-объектный и субъект-субъектный. По отношению к ней равно как, впрочем, и к классической «деятельностной триаде», в психологии также сложи-

лась вполне явная и устойчивая традиция. Она и состоит в дифференциации двух основных классов (точнее – макрокласов) деятельности – субъект-объектного и субъект-субъектного. Вместе с тем, как показано выше, данная дифференциация, наряду с тем, что она, действительно, эксплицирует глубочайшие различия в организации деятельности в указанных классах, отнюдь не лишена дискуссионных моментов. Она не только решает целый ряд вопросов, но зачастую порождает новые – еще более сложные, а иногда и «головоломные» вопросы. Она же выступает не только основой для перманентных обсуждений, но и источником самых разнообразных вариантов методолого-теоретических подходов к психологическому исследованию деятельности. Эти трудности необходимо учитывать и при дифференциации еще одного – анализируемого в данной работе класса (субъектно-информационного).

Во-первых, следует зафиксировать положение, являющееся причиной постоянных и систематических ошибок в общем подходе к данной дифференциации, а также к ее использованию в психологических работах. Так, с одной стороны, действительно, существует и вполне правомерна дифференциация деятельности на два класса – субъект-объектный и субъект-субъектный. Однако, с другой стороны, известна также и еще одна – очень близкая к ней, на первый взгляд, дифференциация (Е. А. Климов [116]). Она предполагает деление деятельности на те виды, которые принадлежат к классу «человек-человек», и на те, которые принадлежат к другим классам («человек-природа», «человек-техника» и др.). Их обобщенно можно обозначить как деятельности класса «человек – не-человек», поскольку во всех этих классах в качестве основных атрибутов деятельности – ее предмета и объекта выступают так сказать «неодушевленные сущности». Этой дифференциацией, фактически, идентична и та, которую в своё время предложили Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн – деление всех поведенческих ситуаций на так называемые «игры с природой» и «рефлексивные игры» [150].

Ошибка, о которой здесь идет речь, как раз и состоит в том, что две отмеченные выше – разные дифференциации либо не различаются – смешиваются, либо вообще отождествляются друг с другом. При этом имеет место еще более глубинная ошибка, об опасности которой предупреждал в свое время С. Л. Рубинштейн [174]. Это – ошибка онтологизации понятий субъекта и объекта, состоящая в понимании субъекта как личности, а объекта как всего не-личностного, «неодушевленного» –

именно объективного, а значит онтологически данного, материального. В действительности же принцип дифференциации субъекта и объекта является деятельностно-относительным; такая дифференциация вообще имеет смысл лишь в пределах деятельности, фиксируя ее своеобразные «полюса», различающиеся, прежде всего, по мере их активности. И именно такой релятивистский, а не абсолютный принцип их дифференциации порождает многочисленные сложности содержательного наполнения понятия объекта – в частности, возможность его экспликации и в форме неодушевленных сущностей, и в форме «других людей».

Во-вторых, следует иметь в виду еще одну опасность, таящуюся в неправильной трактовке дифференциации двух указанных классов. Она как раз и связана с тем, что понятие субъект-субъектных видов деятельности не тождественно тем видам деятельности, которые относятся, согласно классификации Е. А. Климова, к профессиям типа «человек-человек», хотя, на первый взгляд, их подобие достаточно очевидно [116]. Специфика субъект-субъектных видов деятельности состоит в том, что их предметом является не просто «человек», а именно «человек действующий», то есть субъект какой-либо своей собственной деятельности. Им является личность, сама осуществляющая какую-либо деятельность, причем – под непосредственным руководством, управлением со стороны другого субъекта. В ряде профессий типа «человек-человек» этой – атрибутивной характеристики деятельностей субъект-субъектного типа не наблюдается (например, в большинстве видов рекреационной деятельности, которая относится к типу профессий «человек-человек», но во многих случаях не относится к субъект-субъектному типу деятельностей).

Практически аналогичная ситуация складывается и в отношении субъектно-информационного класса деятельности. Действительно, в адрес правомерности его дифференциации как такового часто высказываются возражения, связанные с тем, что очень многие или даже большинство всех существующих видов деятельности не только обязательно включают в качестве важнейшего компонента переработку информации, но и вообще – во многом базируются на собственно информационном взаимодействии с объектом. Дело, однако, заключается не в этом – непреложном факте, а несколько в другом гораздо более имплицитном обстоятельстве. Оно состоит в том, что в целом ряде деятельностей (которые и образуют субъектно-информационный класс)

имеет место не только и не просто информационное взаимодействие или переработка субъектом информации», а качественно иная ее организация. Главной особенностью этой организации является то, что информация выступает не только в качестве основы деятельности. Дело еще и в том, что сама деятельность в целом и средства ее реализации («орудия труда»), в особенности, таковы, что они эту информацию *активно преобразуют* – они сами ее перерабатывают, беря тем самым на себя часть функций, которые в иных классах деятельности являются исключительной прерогативой субъекта. Происходит отчуждение ряда исходно субъектных задач и функций, их перенос на реализацию средствами труда (если использовать традиционную терминологию), а сами эти средства выступают не только как пассивные орудия, полностью регулируемые субъектом, но и как в известном смысле активные ее реализаторы. Налицо, таким образом, полная аналогия (которая является, по нашему мнению, более чем просто аналогией) данной – ключевой особенности с той, которая является важнейшей и для дифференциации субъект-объектного класса деятельности.

В-третьих, при решении вопроса о дифференциации основных классов деятельности необходимо учитывать и так сказать «общее отношение», которое сложилось в исследовательской практике к традиционному и исходному выделению двух основных классов. Оно характеризуется двумя особенностями. С одной стороны, эти два класса полагаются не только в качестве основных, но и *исчерпывающих* все их множество. Иными словами, по отношению к ним можно констатировать уже отмеченную нами выше и очень характерную для целого ряда психологических проблем «презумпцию несуществования». С другой стороны, нельзя не видеть и того, что сама эта дифференциация является принципиально дихотомической и, более того, дизъюнктивной, а потому – и *простейшей* с логической точки зрения среди всех возможных. И уже одно это наводит на предположение о том, что, возможно, она отнюдь не является «вершиной совершенства» а, напротив, – должна быть понята лишь как переходный этап (или даже – как отправной момент) в построении действительно полной таксономии базовых классов деятельности.

Данное обстоятельство характерно не только психологической природе рассмотренной деятельности управленческого и организационного типа; оно проявляется, например, и по отношению к такому важному виду деятельности, как педагогическая деятельность [73, 101, 103].

Действительно, она – быть может, как никакая иная, столь органично и полно – непосредственным и даже необходимым образом воплощает в себе оба этих класса, причем, в их нерасторжимом синтезе и в их взаимопологаемости. Собственно говоря, именно такой синтез и является не только ее атрибутом, но лежит в самой ее основе. Ее субъект-субъектный характер обусловлен тем, что вся она как раз и строится на основе межличностных – интерсубъектных взаимодействий обучающего (педагога) и обучаемого (ученика). Однако, не менее очевидно и то, что в ней отчетливо представлена и деятельность, построенная по субъект-объектному типу. Со стороны учащегося – это, разумеется, его индивидуальная деятельность, связанная с самостоятельным освоением материала, знаний, данных, с выполнением уроков и пр. Со стороны педагога – это также та очень существенная часть его профессиональной деятельности в целом, которая развёртывается вне непосредственных контактов с обучаемыми, но служит в качестве так сказать «подготовительной» к ней (например, подготовка к урокам, деятельность по повышению квалификации и пр.). Педагогическая деятельность принципиально синтетична в плане представленности в ней двух основных классов деятельности – субъект-объектного и субъект-субъектного.

В силу того, что традиционная дихотомия – дифференциация только двух классов деятельности (субъект-объектного и субъект-субъектного) с формально-логической точки зрения является наиболее простой, первичной и исходной, она не только допускает, но и требует дальнейшего развития. Дифференциация может и должна углубляться; охватывать новые важные, хотя и не представленные пока в ней основания. В существующей дифференциации таким основанием является критерий качественных различий предмета деятельности. При этом следует подчеркнуть, что именно это основание и, соответственно, – критерий является важнейшим, в силу чего, собственно говоря, сама эта дифференциация и является исходной, возникла раньше иных. Именно оно – при условии его углубления, как показано выше, и привело к необходимости в дифференциации еще одного класса – субъектно-информационного. Кроме того, в работах [81, 175] показано, что, по-видимому, существуют и такие классы профессиональной деятельности, по отношению к которым в принципе нельзя определить, к какому – так сказать «чистому» классу они относятся, поскольку характеризуются атрибутивной синтезированнойностью всех трех классов.

Эти виды деятельности были отнесены к четвертому классу – к классу *интегративных* видов деятельности. Раскрытие их психологической природы с еще большей настоятельностью – именно в силу их интегративного характера также требует разработки новых, более мощных вариантов системной методологии – в частности, метасистемного подхода.

Констатируя это, следует зафиксировать и еще одно – также существенное, по нашему мнению, обстоятельство. С такой же отчетливостью и комплексностью, с какой проявляются качественные различия в содержании предмета психология труда, выявляются и ее собственные трансформации, носящие также достаточно радикальный – по существу, «революционный» характер. Первая из этих трансформаций предмета состоит в переходе от приоритетного исследования субъект-объектного класса деятельности к приоритетному изучению субъект-субъектного класса. Данное обстоятельство в настоящее время уже настолько очевидно, что, по-видимому, не нуждается в дополнительном обосновании, а те многочисленные и самые разноплановые следствия, которые обусловлены им, очень хорошо известны и составляют значительную часть современных представлений в области психологии труда. В связи с этим, можно, а на наш взгляд, – необходимо констатировать первую парадигмальную трансформацию взглядов относительно предмета психологии труда – смену приоритетов изучения в ней с субъектно-объектного класса на субъект-субъектный. Это – своего рода первая «предметная революция» в области психологии труда.

Вторая трансформация, которая носит еще не столь явный, но все же также вполне очевидный и не менее многоплановый характер – это развертывающаяся на наших глазах трансформация представлений о предмете изучения, происходящая вследствие объективного изменения самого мира профессий и включения в него третьего основного класса – субъектно-информационного. В связи с этим, можно говорить о второй «предметной революции» – о трансформации предмета психологии труда в соответствии с той реальностью, которая и характерна для самого «мира труда» – для приоритетной представленности в нем именно субъектно-информационных видов деятельности. Те взгляды, которые существуют в тот или иной период времени относительно содержания предмета психологии труда, складываются и трансформируются на основе самого мира труда – тех его видов, которые доминируют в нем. Предмет как гносеологическое отображение этого мира

«повторяет» и отражает саму онтологию этого мира, изменяясь вслед за ее собственными трансформациями. И, хотя, процесс такого рода трансформации находится, по существу, еще на относительно ранних стадиях, он, тем не менее, уже сейчас столь же очевиден, как и первая из произошедших трансформации. Более того, она может иметь не меньшие, а не исключено, – и бóльшие последствия, чем первая – последствия, которые могут носить неожиданный, непрогнозируемый и отнюдь не обязательно только позитивный характер.

В связи со сформулированными выше представлениями, необходимо, на наш взгляд, отметить также следующие – значимые с методологической точки зрения обстоятельства. Во-первых, представленная выше дифференциация очень полно и точно-естественным образом сопряжена с базовой «формулой» отражающей саму суть онтологии деятельности. Тем самым, она носит отнюдь не гносеологический – условный и потому внешний характер, сопряженный с собственно познавательными процедурами, а является внутренне обусловленной самой сутью деятельности. Другими словами, она имеет вовсе не внешний, а внутренний характер, являясь обусловленной не столько аргументами гносеологического плана, сколько обстоятельствами онтологического, а потому – глубинного и принципиального характера. Поэтому о ней не совсем правильно было бы говорить как только о какой-либо классификации или даже систематизации (хотя и это было бы также правильно). Речь идет, скорее сего, о более принципиальной дифференциации – дифференциации именно онтологического плана, которая, однако, может проявляться (и реально проявляется) и на гносеологическом уровне – как классификация, систематизация и пр.

Поскольку такая дифференциация базируется не на том или ином основании (выбор которого может быть и не вполне обоснованным, допуская поэтому возможность ошибки), а на целостной и полной экспликации категории деятельности как таковой – на ее макроструктуре, отраженной в ее «формуле», то опасность такой ошибки устраняется. Полная экспликация онтологии деятельности, отраженная в ее формуле, фактически, гарантирует столь же полную – завершенную и, не исключено, исчерпывающую гносеологическую дифференциацию на ее основные классы. Возникающая экспликация предстает не только как обоснованная, но и как завершенная, в полной мере включающая все основные классы деятельности.

Продолжая анализ закономерностей, обуславливающих эволюцию основных классов деятельности, равно как и трансформации взглядов на содержание предмета психологии труда, необходимо со всей определенностью подчеркнуть недопустимость упрощенных подходов к этим вопросам. В действительности, все трансформации такого рода являются чрезвычайно сложными и многоаспектными, а зачастую – и внутренне противоречивыми, не допускающими «одномерного» осмысления процессов, которые, к тому же, с большим трудом поддаются (более того, обычно – не поддаются) какой-либо систематизации и схематизации. Как отмечал в этой связи В. П. Зинченко, «деятельность – это такая беспредельность, которая вряд ли допускает какую-либо схематизацию» [57]. Это проявляется в различных планах – начиная от рассмотренного выше хронологического и заканчивая многими иными. Сами классы дифференцируются отнюдь не как дизъюнктивно отчлененные друг от друга. Кстати говоря, именно это является наиболее частой причиной для дискуссий относительно того, правомерно ли вообще говорить о тех или иных классах детальности, поскольку многие частные критерии их дифференциации не являются абсолютными, допуская исключения и приводя к невозможности строгого разделения классов как таковых.

Вообще говоря, в данном контексте необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство методологического плана. Как известно, любая процедура, направленная на обоснование и дифференциацию какого-либо нового предмета исследования провоцирует – вольно или невольно излишнюю категоричность суждений, подчеркивание «особости» дифференцируемого предмета, стремление к акцентированию его специфических черт. Будучи вполне понятной и даже естественной, эта тенденция не должна абсолютизироваться; как раз напротив, любой новый предмет – в данном случае класс субъектно-информационных деятельностей будет тем более обоснован и корректен в плане его дифференциации, чем в большей степени он будет эксплицировать свою преемственность с уже дифференцированными предметами. Дело в том, что только с этих позиций любой вновь дифференцируемый предмет предстает как единство общего и специфического, а тем самым может быть «вплетен» в контекст самих – общих и потому наиболее важных в теоретическом плане закономерностей.

В связи со сказанным, возникает настоятельная необходимость обращения и к еще одному – весьма важному, но одновременно, пожалуй, наиболее трудному и даже болезненному вопросу, точнее – аспекту сравнительного анализа основных классов деятельности. Он является, источником наиболее часто встречающихся возражений против самого их выделения как таковых (или, по крайней мере, против их строгой, то есть дизъюнктивной дифференциации). В конечном итоге, все эти возражения сводятся к тому, что не только очень трудно, но и практически невозможно установить какой-либо критерий, признак, по которому дифференцируются эти классы – прежде всего, субъект-объектный и субъект-субъектный. Длительная история обсуждения этого вопроса свидетельствует о том, что какой бы критерий ни использовался, он практически никогда не является абсолютным, поскольку не приводит к четкому их разделению. Например, даже такой – казалось бы, вполне очевидный критерий дифференциации этих классов, как совместный характер всех субъект-субъектные видов деятельности не является абсолютным, поскольку практически любая деятельность субъект-объектного класса, будучи представленной феноменологически как индивидуальная, все же имеет многочисленные и важнейшие опосредствования ее включенностью в более общий контекст совместной деятельности той группы индивидов, в которую реально входит субъект.

Мы полагаем, что решение этого вопроса должно заключаться не в поиске какого-либо *одного* – унитарного и общего, то есть абсолютного критерия, а в установлении *системы* таких критериев, которая и позволяет дифференцировать эти два класса. Каждый из критериев в отдельности является не абсолютным, а относительным, поскольку имеет те или иные ограничения сферы действия. Различия же классов могут быть установлены лишь посредством нескольких критериев, то есть сама их дифференциация является не *монокритериальной*, а *поликритериальной*, что наилучшим образом соответствует сложности самих дифференцируемых сущностей. Аналогичным образом, по-видимому, обстоит дело и с дифференциацией третьего класса – субъектно-информационного от двух других. Она также должна носить поликритериальный характер, а система критериев такого рода, являясь частично уже установленной, все же нуждается в дополнительном исследовании, что и должно оставить ближайшую перспективу исследо-

ваний в данной области (она в частности, осуждается нами в [109]). В связи с этой проблемой можно высказать, однако, и соображение более общего плана. Хорошо известно, что и в научных исследованиях, и в практически деятельности существуют такие вопросы и проблемы, которые не только не могут, но и не должны иметь какого-либо простого и однозначного рашения. Болеет того, чем глубже они изучаются, тем в большей степени раскрывается их реальная сложность. И наоборот, если какая-либо проблема все же допускает то или иное – однозначное и четкое («простое») решение, то это само по себе является аргументом в пользу ее непринадлежности к наиболее сложным проблемам, свидетельствуя об определенной узости и одномерности ее самой²⁰.

В данной связи, важно и то, что решение этой – действительно сложнейшей проблемы, связанной с принципиальной поликритериальностью дифференциации основных классов, должно предполагать необходимость обращения к еще одному аспекту, который одновременно является и своеобразной «подсказкой» в плане ее разрешении. Действительно, данная дифференциация, приводя к корректной структурной экспликации базовых классов, одновременно учитывает и своего рода временной – темпоральный аспект эволюции мира профессий. В самом деле, дифференцируемые на ее основе классы различаются не только содержательно, образуя в своей совокупности, их определенную структуру, но и соотносятся с тремя различными и большими временными *периодами* развития психологии труда. С позиций именно такого понимания становится очевидным также, что на структуру и трансформации основных классов деятельности должна быть распространена и еще одна общая закономерность. Согласно ей, в ходе развития сложных и суперсложных систем (впрочем, как и любых иных) его основные этапы, фазы выступают в уже сформировавшейся целостности в качестве ее основных уровней. Имеет место эволюционная трансформация этапов развития в структурные уровни организации систем²¹. Хронологически более ранние и, как правило, отно-

²⁰ Как известно, существует правило, согласно которому, если для какой-либо сложной проблемы предлагается *простой* вариант ее решения, то, скорее всего, он неверен.

²¹ Одной из экспликаций этой закономерности является известный «принцип ЭУС», предложенный Я. А. Пономаревым, а также сопряженная с ним тео-

сительно более простые, а в этом смысле «низшие» формы отнюдь не редуцируются в более поздних и сложных формах; напротив, они в них сохраняются, хотя, конечно, и в качественно трансформированном виде. Это и проявляется ходе эволюции основных классов деятельности. Относительно более поздние и сложные классы деятельности не только сохраняют предшествующие им классы, но в значительной степени и базируются на них как на своих операционных средствах.

Констатированная выше своеобразная темпоральная недизъюнктивность трех основных классов деятельности является одним из главных факторов (наряду, естественно, со многими иными) тех принципиальных трудностей и даже возражений, которые систематически фиксируются в отношении нее. Действительно, очень трудно или даже практически невозможно эксплицировать какой-либо однозначный и так сказать абсолютный критерий, позволяющий дифференцировать два традиционно выделяемых класса субъект-объектный и субъект-субъектный. Какой бы из них ни предлагался, он практически всегда обнаруживает не свой абсолютный и не предполагающий исключений характер, а является относительным. Более того, эти два класса могут совмещаться в одной и той же деятельности, что еще более усугубляет трудности их дифференциации. Однако, несмотря на все такого рода сложности, она продолжает упорно сопротивляться попыткам ее отрицания, а сами классы выступают как неоспоримая эмпирическая реальность, как феноменологическая данность, как то, что непреложно верифицируется практикой реальной организации деятельности. Складывается ситуация, демонстрирующая правило, являющееся, по-видимому, очень значимым для дифференциации предельно сложных сущностей. Оно состоит в том, что, чем больше возражений высказывается относительно нее, то есть чем большее черт общности (а не различий) констатируется, тем на более глубоком уровне, в действительности, существуют те дифференцирующие признаки, которые и лежат в основе самой дифференциации²².

рия «предельных состояний» [161]. Согласно данному принципу, отдельные этапы (Э) развития как раз и трансформируются в основные уровни (У), а они в свою очередь, реализуются в качестве ступеней (С) функционирования целостности.

²² В связи с этим, уместно вспомнить известное выражение Н. Винера: «Информация – это информация, а не материя и не энергия» [30]. Перефразируя его, по отношению к спецификации субъектно-информационного класса

Данное правило, точнее – закономерность справедлива и по отношению к дифференциации самих этих традиционных классов, с одной стороны, и субъектно-информационного класса, с другой. Попытки ее осуществления систематически приводят к обнаружению аргументов противоположного плана – демонстрирующих не различия, а сходство этих классов. Однако все более глубокие черты сходства вовсе не отменяют и не должны отменять несомненную практическую реальность, которая опять-так упорно сопротивляется попыткам ее игнорирования и вновь и вновь заставляет искать те критерии, которые лежат в основе его дифференциации. Иными словами, и здесь проявляется то, что чем бóльшая общность существует между ними и чем труднее и относительно становится эта дифференциация, тем принципиальнее и глубже, хотя имплицитнее, являются истинные критерии самой дифференциации. Чем труднее задача, тем продуктивнее ее решение. Вообще говоря, в данной связи можно высказать мнение, частично противоречащее сложившимся исследовательским стереотипам. Оно состоит в том, что трудности или кажущаяся невозможность теоретического обоснования чего-либо эмпирически сложившегося и, главное, практически закрепившегося в реальной жизни социума обычно рассматривается как индикатор их «необоснованности». Дело обстоит, скорее, совершенно иначе: сама эта практическая верифицированность должна рассматриваться как аргумент на «против», а «за» их правомерность, а невозможность строго и четкого теоретического основания *сегодня*, не должна пониматься как его невозможность *вообще* – на иных этапах познания.

Вся совокупность представленных выше материалов может быть обобщена следующим образом. Прежде всего, в этих целях целесообразно вновь обратиться к той «деятельностной триаде», о которой уже говорилось выше (субъект деятельности – процесс деятельности – объект деятельности). Она фиксирует, следовательно, реальную онтологию деятельности. В ней отражена наиболее общая и инвариантная – по существу, базовая макроструктура деятельности как таковой, ее сущность, равно как и детерминанты для ее основных атрибутов, в том числе, и для тех, которые специфицируют ее главные дифференциации – не только на типы и виды, но, по-видимому, и на классы. Действитель-

деятельности можно сказать: информация – это информация, а не объект и не субъект.

но, с этих позиций достаточно отчетливо вываливается следующее обстоятельство. Основные атрибуты и главные специфические особенности первого из дифференцированного класса деятельности – субъект-объектного практически полностью (или, как минимум, в решающей степени) обусловлены первым членом этой триады – *субъектом* деятельности, его основными психологическими и иными характеристиками. По существу, вся традиционная психология труда, в которой приоритетному исследованию подвергался именно данный тип – это, фактически, выявление и объяснение того, как особенности субъекта – характеристики его индивидуальной психики организуют процесс деятельности и вообще – детерминируют его содержательные характеристики. Далее, столь же очевидно, что второй основной класс деятельности – субъект-субъектный в целом и его базовые атрибуты и основные особенности в столь же явной и максимальной рельефной форме детерминирован вторым членом этой триады – *объектом* деятельности, в качестве которого, как показано выше, выступает также субъект (точнее – субъекты).

Кроме того, этим обстоятельством обусловлены не только главные особенности данного класса, но они же лежат и в основе его дифференциации от первого класса по ним проходит их демаркационная линия – столь же явная, сколь и носящая комплексный характер. Наконец, не менее очевидно, что и третий основной класс деятельности, который, правда, пока не приобрел еще статуса традиционно дифференцируемого – субъектно-информационный также очень явно соотносится с еще одним членом этой триады – *сами ее процессом*. Это означает также, что данная спецификация обусловлена не только и не столько процессом как таковым – его темпоральной организацией, но в первую очередь теми средствами, за счет которых он реализуется. Они, несмотря на всю их специфичность, должны быть все же проинтерпретированы с позиций еще одного классического понятия психологии труда – средств его организации (к данному обстоятельству мы возвратимся ниже).

Столь явное и комплексное соответствие трех основных классов деятельности с тремя компонентами деятельностной триады – соответствие, носящее очень глубокий и комплексный, принципиальный и многоаспектный – по существу, атрибутивный характер, не могло, разумеется, не проявиться и в собственном гносеологическом плане – в плане того, каким образом в разное время эксплицировался сам предмет психологии труда. Так, содержанием ее предмета на очень дли-

тельном этапе развития – начиная от возникновения и приблизительно до второй трети прошлого столетия были исследования, направленные на первый из основных классов – субъект-объектный. Это и есть, собственно говоря, традиционная, классическая психология труда. Вместе с тем, в дальнейшем в ее сферу во все большей мере начинают включаться и те виды деятельности, принципиально отличающиеся по многим параметрам от тех которые исследовались ранее. Иными словами, это те виды, относятся уже ко второму классу – субъект-субъектному. Следовательно, и содержание предмета психологии труда также существенно трансформируется, что не только вполне закономерно, но и необходимо, а предмет исследования обретает здесь уже существенно иную экспликацию. Он, в частности, значительно расширяет свои границы, в результате чего возникают многочисленные «зоны перекрытия» с предметными сферами других психологических дисциплин – в особенности, с социальной и организационной психологией. Такая экспликация предмета характерна для того, этапа развития психологии труда, который, оформившись в последней трети прошлого столетия, продолжается поныне. Наконец, как показано выше, а также в ряде наших работ, в настоящее время в сферу психологических исследований в целом и в сферу психологии труда, в особенности, во все большей степени включается (и должен включаться!) третий основной класс. Это – субъектно-информационный класс; он во все большей степени входит в содержание ее предмета и тем самым специфицирует его. Важно и то, что такая экспансия – это не только уже оформившаяся реальность, но и главная перспектива дальнейшего развития как самого мира профессий, так и эволюции содержания предмета психологии труда.

Необходимо отметить и то, что каждая из трех этих экспликаций предмета психологии доминировала в ней на протяжении определенного временного отрезка, в связи с чем можно говорить и о трех основных *периодах* развития ее самой. Первый период являлся наиболее длительным и продолжался в течение приблизительно столетия. Второй период несколько короче – его можно условного ограничить рамками второй половины прошлого столетия. Наконец, третий период, оформление которого сопряжено уже с нынешним столетием и становление которого происходит в настоящее время, находится лишь на самых начальных фазах своего развития. Он, следовательно, характеризуется пока наименьшим временем существования. Кроме того, синтезируя структурный

аспект экспликации предмета психологии труда (состоящей в дифференциации основных классов деятельности как таковой) с временным аспектом, можно говорить и о трех основных *парадигмах* ее развития. На первой из них доминировало исследование субъект-объектного класса, на второй – исследование субъект-субъектного класса, на третьей – исследование субъектно-информационного класса. Их можно условно обозначить как объектная, субъектная и информационная парадигма.

На основе вышеизложенного можно сделать следующее заключение. С одной стороны, дополнение теории деятельности изучением субъект-субъектных видов, а также введение в ее концептуальный состав самой дифференциации деятельности на объектно-ориентированные и субъектно-ориентированные является очень логичным и естественным, объективно необходимым и понятным со всех точек зрения. Однако, с другой стороны, уже сама эта дифференциация, означающая введение в нее еще одного класса изучаемой реальности, создает своеобразный прецедент, смысл которого заключается в том что, если, действительно, существует еще один класс, то возможно существование и других, также дополнительных, новых и качественно отличных классов, каковым и является субъектно-информационный класс.

Наконец, в данной связи необходимо учитывать и еще одно – очень значимое и носящее совершенно объективный характер обстоятельство. Оно состоит в том, что наиболее общей, своего рода магистральной тенденцией развития типов и форм организации профессиональной деятельности как раз и является все более широкое распространение деятельностей именно субъектно-информационного характера. Решающим шагом в этом направлении является, как мы уже отмечали, крупнейший технологический «прорыв», приведший к беспрецедентному распространению компьютерных технологий и к переходу общества в IT-эпоху [1]. И именно субъектно-информационные виды деятельности со всей остротой и очевидностью обнаруживают явную недостаточность традиционных схем декомпозиции деятельности. Однако именно их же изучение одновременно позволяет наметить и пути дальнейшего развития этой теории, одним из основных среди которых является необходимость ее синтеза с теми данными, которыми располагает современный метакогнитивизм. На основе именно этого синтеза окажется возможным становление нового направления психологических исследований – метакогнитивной психологии деятельности.

2.2.2. Парадигмальные основания разработки психологического анализа информационной деятельности

Все материалы, представленные в предыдущем параграфе, создают адекватную основу для того, чтобы перейти к рассмотрению второй основной задачи данной главы. Она, напомним, состоит в том, что попытаться выявить, каким образом методологические основания теории деятельности в целом и одного из ее направлений – психологического анализа деятельности, в особенности, могут быть эксплицированы по отношению к специфическому классу – субъектно-информационному; какие возможности открывают представления, сложившиеся в деятельностной проблематике, для раскрытия закономерностей его организации. Наряду с этим, необходимо реализовать и своего рода «встречное движение», то есть выявить, каким образом его исследование может содействовать развитию представлений, сложившихся в психологии деятельности – на ее методологическом, теоретическом и процедурно-методическом уровне.

Переходя к ее рассмотрению, необходимо, как мы уже отмечали, подчеркнуть, что психологический анализ деятельности и как предметная сфера исследований, и как практико-ориентированное направление не только играет важнейшую роль в общей и прикладной психологии, но и является очень традиционным именно для отечественной психологии [2, 8, 13, 34, 44, 55, 120, 130, 131, 134, 149, 152, 159, 173, 184, 189, 192, 200, 204]. Это, в свою очередь, обусловлено его неразрывной связью с психологической теорией деятельности, а также с категорией деятельности как таковой.

Как уже отмечалось, немаловажной особенностью проблемы деятельности является устойчивое мнение, согласно которому она, в отличие от многих иных проблем, разработана хорошо и полно. Поэтому не только крайне трудно, но уже и не нужно пытаться искать здесь что-то существенно новое. Более того, психологическая теория деятельности (в ее традиционном варианте) обладает так сказать определенной «невосприимчивостью» ко многим новым и новейшим результатам (полученным, например, в русле современного метакогнитивизма (см. обзор в [95]), что уже само по себе отнюдь не свидетельствует о ее совершенстве. Последнее достаточно отчетливо проявилось в ходе анализа, проведенного в предыдущей главе, а также в специально посвященных этому

вопросу в работах [84, 90]. Его основным результатом явился вывод о том, что в действительности современная ситуация в психологии деятельности далека от благополучия; она требует не каких-либо локальных и частных – «косметических» доработок, а крупных корректировок и даже – трансформаций традиционной психологической теории деятельности.

Все это в полной мере относится и к психологическому анализу деятельности как комплексному научно-практическому направлению, базирующемуся на основных положениях самой теории деятельности. В силу его неразрывной – по существу, атрибутивной связи с этой теорией, а в значительной мере и производности от нее, он переносит на себя как ее основные достижения, так и трудности, проблемы и вопросы, возникающие при ее разработке. Степень их взаимополагаемости такова, что эволюция психологического анализа вообще неотрывна от логики развития теории деятельности, а его достижения равно, как, впрочем, и проблемы – в существенной степени являются продолжением и проявлением трансформаций самой теории деятельности. В связи с этим, необходима экспликация и всемерная опора на те закономерности и особенности, которыми характеризуется развитие психологической теории деятельности.

Действительно, в настоящее время и в нем все более отчетливо проявляется ряд трудностей принципиального характера, а также проблем различного масштаба (начиная от сугубо технических, процедурных и заканчивая общими – методологическими), которые также требуют специальных усилий, направленных на его дальнейшее развитие. Кроме того, приходится учитывать и еще одно – крайне важное обстоятельство. Дело в том, что «мир профессий» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастающая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением качественно новых видов деятельности и способов ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их технологической составляющей. В свою очередь, это обуславливает необходимость дифференциации еще одного класса деятельности, наряду с традиционно выделяемыми (субъект-объектным и субъект-субъектным) – именно качественно специфического и несводимого к ним, – субъектно-информационного. По отношению к нему должны быть реализованы основные – сложившиеся к настоящему времени в психологической теории деятельности основные подходы. Специальный анализ показывает, что в качестве таковых следует рас-

сма­три­вать два основ­ных под­хо­да, обо­зна­чае­мых как *структурно-уровневая* и *структурно-морфологическая* парадигмы теории деятельности. Подавляющее большинство всех сколько-нибудь конструктивных попыток разработки психологической теории деятельности, а также иные – более конкретные по своей направленности и задачам исследования, были выполнены либо непосредственно в рамках какого-либо из двух указанных подходов, либо явно тяготели к ним по своей методологической ориентации. Кроме того, они являются и наиболее обобщенными, показательными в плане воплощенности в них основных тенденций и традиций, которые сформировались к тому времени в плане разработки психологической теории деятельности. Наконец, следует иметь в виду, что именно поэтому они явились и наиболее демонстративными, и наиболее *репрезентативными* в плане развития теории деятельности, а также ее основных результатов.

Обе эти парадигмы не только могут, но и обязательно должны быть поняты и как два различных варианта развития основных положений психологической теории деятельности. Они характеризуются и чертами принципиальной общности, и достаточно существенными специфическими особенностями. Так, в частности, они обладают принципиальной общностью в плане того, что выступают, фактически, двумя различными вариантами реализации по отношению к разработке психологической теории деятельности общей методологии системности. Их общность, далее, проявляется и в том, что они направлены на теоретическую экспликацию психологической архитектоники деятельности в целом, то есть они носят именно общий по своей ориентации характер. Вместе с тем, они специфичны по отношению друг к другу в плане того, что степень и характер реализации этого в них достаточно существенно различается (см. далее). Они, далее, различаются также и мерой непосредственности связи с принципом системности, уровнем методологической реализованности данного принципа в них. Если во второй из них (структурно-морфологической) данный принцип является исходным и базовым, то есть эксплицируется в явном виде в качестве именно исходного методологического основания для разработки психологической теории деятельности, то в первой (структурно-уровневой) данный принцип реализован в более имплицитном, менее явном и очевидном виде.

Эти парадигмы достаточно подробно освещены в соответствующей литературе, в силу чего нет необходимости дублировать уже име-

ющуюся их характеристику (см., например, обзор в [90]). Отметим поэтому лишь наиболее важные и типичные их черты. Как отмечалось выше, сущность первой из них – структурно-уровневой заключается в трактовке деятельности как иерархической, полиструктурной системы, включающей ряд соподчиненных и качественно специфических уровней организации, а наиболее полную и последовательную реализацию она дана в теории деятельности А. Н. Леонтьева. Данный – структурно-уровневый подход является наиболее традиционным в современных теоретических представлениях, сложившихся в психологии деятельности. Подчеркнем также, что рассмотрение структурно-уровневого подхода очень важно не только в плане основных задач данной книги, но и с общеметодологической точки зрения. Дело в том, что он направлен на объяснение, фактически, главной особенности строения деятельности – закономерностей ее иерархического, то есть «вертикального» (уровневого) строения лежащих, в свою очередь, в основе принципов ее собственно системной организации как таковой.

Более того, благодаря именно этому подходу и его наибольшей представленности в психологии деятельности, а также в силу иных причин исторического, методологического и традиционного характера, по отношению к данной проблеме в научном сообществе (особенно в нашей стране), как уже отмечалось выше, сформировалась своего рода «иллюзия благополучия». Он состоит в представлении, согласно которому многие иные (или даже практически все) психологические проблемы можно «упрекнуть» в недостаточной изученности, но только не проблему деятельности; что она разработана хорошо и полно; что не только крайне трудно, но уже и не нужно пытаться искать здесь что-то существенно новое. Кроме того, психологическая теория деятельности (в ее традиционном варианте) обладает, как отмечалось выше, определенной невосприимчивостью ко многим новым и новейшим результатам – например, к тем, которые получены в русле метакогнитивизма [215, 216, 228, 233, 237, 244, 256, 260, 271, 279], что уже само по себе отнюдь не свидетельствует о ее совершенстве. Последнее достаточно отчетливо проявилось и в ходе специально проведенного нами в [88] анализа. Его основным результатом явился вывод о том, что в действительности современная ситуация в психологии деятельности далека от «благополучия»; она требует не каких-либо локальных и частных – «косметических» доработок, а крупных

корректировок и даже трансформаций традиционной психологической теории деятельности.

Тем не менее, данный подход был и остается одним из основных и наиболее общих теоретических подходов в психологии деятельности; он продолжает сохранять во многом определяющее значение для нее. Разумеется, такая ситуация не могла бы сложиться в том случае, если бы сама структурно-уровневая концепция деятельности, действительно, не обладала фундаментальными достоинствами, не раскрывала бы какие-либо основополагающие закономерности организации деятельности. В действительности, как раз именно это и характерно для данного подхода. Она, как отмечалось выше, претендует (и, подчеркнем, отнюдь не безосновательно) на раскрытие не просто «одного из», то есть рядового, а *главного* – атрибутивно основного принципа структурной организации деятельности. Это – иерархический, структурно-уровневый, «вертикальный» принцип. Именно он, как известно, является базовым и основным в организации, фактически, любой системы; образует основу и «каркас» их структурной организации. Все иные – также важные принципы организации систем и категории закономерностей, которым они подчиняются (например, функциональные, генетические) являются во многом производными от особенностей структурной организации в целом и от особенностей иерархического типа, в частности.

Согласно данному подходу, в общей структуре деятельности дифференцируются три основных уровня ее организации – уровень автономной деятельности, уровень действий и уровень операций. Такая дифференциация осуществляется на основе вполне четкого и определенного (по крайней мере, на первый взгляд) критерия – их соотносительности с качественно различными образованиями и факторами. Так, автономная деятельность дифференцируется на основе соотносительности с тем или иным самостоятельным мотивом личности. Действия дифференцируются на основе критерия соответствия с той или иной самостоятельной, осознаваемой, но в то же время – и соподчиненной общей мотивации целью; операции дифференцируются по критерию наличия условий, необходимых для их реализации как таковых, то есть как осуществляющихся в автоматизированной форме и презентированных на неосознаваемых уровнях регуляции. «В общем потоке деятельности, – пишет А. Н. Леонтьев, – который образует человеческую жизнь в высших, опосредованных психическим отражением проявлениях, анализ выделяет,

во-первых, отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели. Эти «единицы» человеческой деятельности образуют ее макроструктуру» [130].

Между указанными уровнями, далее, согласно этому подходу, существуют закономерные взаимодействия и взаимопереходы, представленные в трех базовых аспектах – структурном, функциональном и генетическом. Как отмечает А. Н. Леонтьев, одной из особенностей его подхода к выделению структурных «единиц» деятельности является то, что «он не пользуется расчленением живой деятельности на элементы, а раскрывает характеризующие ее внутренние отношения» [130]. Так, в структурном отношении каждый «вышележащий» уровень может и должен быть рассмотрен как синтетическое образование по отношению к компонентам «нижележащего» уровня. При определенной схематизации данное положение заключается в том, что «деятельность состоит из действий»; они, в свою очередь, также «состоят из операций». В функциональном отношении между уровнями также существуют закономерные взаимосвязи и взаимопереходы. Так, например, операции при изменении условий деятельности могут менять свой статус – статус ее автоматизированных компонентов и трансформироваться в действия, то есть при этом имеет место, фактически, межуровневый переход как таковой. Аналогичным образом, существуют и межуровневые переходы генетического типа, когда, скажем, действие, автоматизируясь, обретает в итоге статус операции. Содержание каждого из этих уровней, их психологическая специфика, своеобразие их психологической феноменологии и закономерностей организации, а также особенности их личностной детерминации получили в данной концепции достаточно полное раскрытие, что, собственно говоря, во многом и составляет конкретное содержание психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Именно на них делается основной акцент при характеристике данной концепции, что, разумеется, совершенно справедливо.

Не менее важно обратить внимание на еще одно – также чрезвычайно значимое обстоятельство и специально зафиксировать его как важное с точки зрения задач проводимого здесь анализа. Оно, однако, к сожалению, гораздо реже подвергается специальной методологической рефлексии, хотя само по себе не вызывает возражений. Дело

в том, что структурно-уровневую парадигму теории деятельности и тот ее вариант, который подставлен в концепции А. Н. Леонтьева, не только можно, но и необходимо рассматривать в качестве логического следствия общей тенденции развития теоретических представлений по направлению именно к системной экспликации общего предмета исследования – деятельности. Действительно, основным и исходным в ней является положение об иерархической, структурно-уровневой организации деятельности. Это положение, однако, полностью аналогично и даже тождественно тому, которое выступает основным и определяющим в системной методологии в целом и служит для раскрытия базовой структуры любого системного образования – положению об иерархичности организации. Тем самым, объективно, хотя и достаточно имплицитно, «без излишних деклараций» данная концепция оказывается нацеленной на раскрытие ведущей и определяющей собственно системной закономерности организации деятельности – ее иерархического, структурно-уровневого принципа. Доминирующей направленностью в логике развития этой теории является так сказать движение *от* психологии к системной методологии», а не наоборот (то есть не от системной методологии к психологии). Последнее, как будет показано ниже, наоборот, характерно для второй из основных парадигм психологической теории деятельности – структурно-морфологической. Необходимость обращения к идеям системности «вызрела» внутри этой теории, а не была привнесена в нее извне, то есть искусственным образом. Это в очередной раз демонстрирует закономерный и объективный характер тех тенденций развития психологической теории деятельности, которые были рассмотрены выше.

Сказанным, собственно говоря, и объясняется необходимость отнесения психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева к одному из основных вариантов реализации принципа системности, а также тот факт, что она составляет базовую концепцию всей структурно-уровневой парадигмы. Фиксация данного обстоятельства, на наш взгляд, тем более необходима, что в работах самого А. Н. Леонтьева специально и в развернутом виде не формулируются положения системного подхода как методологической основы разработанной им теории деятельности. Сама же эта теория получила интенсивное развитие существенно раньше, нежели системный подход обрел широкое распространение в психологических исследованиях. В действительности, однако, наиболее показательны

и характерно то, что именно эти две причины являются аргументами «не против» отнесения данной концепции к разряду системно-ориентированных, а аргументами «в пользу» такого отнесения. Дело в том, что независимо от априорных принципов, декларируемых методологических оснований, сама логика развития представлений о предмете (деятельности) привела к необходимости ее трактовки именно как системно-организованного образования, что связано, прежде всего, с определением и изучением ее базовой, «стержневой» особенности – структурно-уровневого принципа организации. Как отмечалось выше, именно этот принцип является основным для всей организации систем, а формирующаяся на его основе иерархия уровней выступает «каркасом» такой организации. Более того, в данной концепции рассматриваются и основные закономерности межуровневых взаимодействий, что также составляет один из необходимых и характерных аспектов системного исследования. Таким образом, именно по своему «духу», сути и смыслу данная концепция не только может, но и должна быть отнесена к концепциям системной ориентации. Однако, повторяем, логика – «движение» ее разработки развертывалась не «от» системного подхода, а «к» нему. Вместе с тем, именно это еще раз подчеркивает необходимость трактовки деятельности как системно-организованного образования.

Последовательная и все более глубокая реализация идей структурно-уровневого подхода, с одной стороны, явилась фундаментальным источником знаний и концептуальных обобщений (и объяснений) для раскрытия психологической природы психики и деятельности. Она выступила одним из наиболее конструктивных направлений развития теории психологии в целом. В силу этого, она, разумеется, должна быть обязательно использована при любых – вновь проводимых исследованиях по важнейшим психологическим проблемам. Однако, с другой стороны, важно иметь в виду и то, что это развитие привело к постановке ряда столь же фундаментальных вопросов, к экспликации принципиальных теоретических трудностей и, соответственно, к необходимости их осмысления и преодоления. Так, в частности (или даже – «прежде всего») постепенно становилась все более зримой следующая трудность. Положение о структурно-уровневой организации и, следовательно, о существовании высшего – главного и определяющего, «верховного» уровня с необходимостью ставит следующий «неудобный» вопрос. Будучи главным

и определяющим по отношению к одной системе, в одной «системе координат» и выступая регулятором по отношению к ней, он сам обязательно и объективно должен быть чем-то организован – детерминирован, направляем и управляем. Другими словами, возникает извечная проблема определения того, что же именно *управляет управляемым*, что «регулирует регулятор». Нуждается ли регулятор во «внешнем управлении», или же для этого достаточно средств его самоорганизации? При этом подчеркнем, что часто используемая апелляция к понятию самоорганизации не только не решает исходную задачу, но и «задвигает» ее вглубь; она не снимает ее, а переносит основную тяжесть ее решения на выяснение сути самого феномена самоорганизации. Острота этого вопроса связана еще и с тем, что высший уровень отнюдь не должен носить, так сказать, автономного характера по отношению к тому окружению, к той «среде» – метасистеме, в которую включена сама управляемая им система. Напротив, он должен постоянно учитывать ее характеристики, взаимодействия с ней. Высший уровень – это всегда такой уровень, который опосредствует связь системы со средой – метасистемой по отношению к любой системе. Как указывал в свое время Л. фон Берталанфи, «высший уровень является принципиально открытым; через него система взаимодействует с метасистемой» [19]. Но в итоге всего этого и возникает вопрос – является ли он, действительно, высшим? Или же, поскольку система обязательно и объективно детерминируется «извне», то и «высшая» «управляющая инстанция» также локализуется вовне – в метасистеме? Где локализованы ведущие детерминанты организации и динамики системы – «внутри» них самих – в их высшем уровне, или же «вне» их – в метасистемах по отношению к ним. Традиционные варианты системного подхода не дают приемлемого ответа на этот принципиальный и, повторяем, «неудобный» вопрос. Соответственно, возникает объективная необходимость разработки новых вариантов методологии системности, способных дать его решение – хотя бы частичное.

Другая – столь же принципиальная трудность, к которой привела логика развития идей структурно-уровневого подхода, состоит в следующем. Постепенно и все более явно стало обнаруживаться противоречие между двумя основными принципами структурной организации – собственно *уровневым*, *иерархическим* и *гетерархическим*. Становилось все более явным, что сложные и суперсложные системы не могут быть

(в общем случае) организованы по типу «жесткой» иерархии, а предполагают организацию на основе иного, более совершенного и «мощного» принципа – гетерархического. Его суть, как известно, состоит в наличии в системе двух (или более) паритетных «управляющих центров» одновременно. Однако в таком случае возникает острое противоречие, даже – антагонизм между двумя «несовместимыми» (по крайней мере, с точки зрения формальной логики) принципами – иерархическим и гетерархическим. Причем, это противоречие носит не только, действительно, острый и, повторяем, антагонистический характер, но и, главное, вообще «не видно», как оно в принципе может быть устранено посредством традиционных вариантов системного подхода. В связи с этим, опять-таки можно констатировать всё то же фундаментальное обстоятельство, к которому уже не раз приводил осуществляемый здесь анализ. С одной стороны, логика развития идей структурно-уровневого подхода привела к необходимости всемерной реализации по отношению к разработке проблемы деятельности системного подхода. Однако, с другой стороны, она же выявила и его принципиальные ограничения, обусловив, в свою очередь, необходимость его дальнейшего развития.

Продолжая анализ основных особенностей структурно-уровневой парадигмы разработки теории деятельности, необходимо, конечно, отметить, что ее развитие с необходимостью привело к постановке (и одному из вариантов решения) классической и наиболее традиционной для задач психологического анализа деятельности проблемы определения «единицы анализа». Ее смысл, как известно, состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой «единицы» анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно, компонент (или компоненты), являющиеся «материалом», подлежащим соорганизации в общей структуре деятельности? Как известно, при всем разнообразии существующих подходов к ее решению все они достаточно отчетливо группируются в два основных – обобщенных варианта. Первый из них предполагает (причем, по определению, то есть в качестве своего рода аксиомы) существование одной базовой и универсальной – унитарной «единицы», на основе которой строится, структурируется вся деятельность. Чаще всего в качестве такой «единицы» рассматривается, понимается, действие. Именно такой подход получил свое наиболее развернутое воплощение в теории деятельности А. Н. Леонтьева, поскольку «срединный», то есть, фактически,

во многом базовый и определяющий уровень общей иерархии деятельности – уровень действий как раз и соотносится с этой «единицей». Далее – по ходу всего последующего изложения мы не раз будем обращаться к различным сторонам этой, действительно, определяющей проблемы психологической теории деятельности. Пока же зафиксируем лишь некоторые ее аспекты.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что суть данной проблемы состоит в выборе и обосновании того, что же именно следует рассматривать в качестве основной структурной «единицы» деятельности – ее базового компонента («ячейки», «подлинной единицы») – С. Л. Рубинштейн [174]; «составляющей» – Б. Ф. Ломов [134] и пр.). Но именно это и предполагает необходимость решения еще более «глубинной» задачи. Она состоит в определении того уровня «дробности» анализа, который был бы оптимальным и в плане воспроизведенности в такой «единице» психологических атрибутов деятельности и, в то же время, – в плане обеспечения необходимой детализированности и глубины анализа. Тем самым можно констатировать важное, на наш взгляд, обстоятельство, которое, однако, пока не эксплицировано с должной степенью полноты. Оно заключается в том, что фундаментальная по своей значимости проблема структурно-уровневой организации деятельности, с одной стороны, и не менее значимая (и даже более известная, традиционная – «классическая») проблемы «единиц анализа» не только тесно взаимосвязаны, но и, фактически, являются двумя сторонами одного и того же вопроса. Они, следовательно, должны рассматриваться и решаться также во взаимосвязи друг с другом. Само понятие «единицы анализа» является не абсолютным, а относительным, точнее – уровнево-относительным. Отсюда, в частности, вытекает принципиальная множественность способов дифференциации такого рода «единиц», а также становится понятной и даже естественной эмпирически представленная множественность существующих подходов к решению этой проблемы.

Хорошо известно, что в историческом плане были предложены различные способы дифференциации такого рода основных «единиц» деятельности; сравнительный анализ этих подходов см., например, в [76]. Очень показательно и то, что наибольшим разнообразием эти подходы характеризуются по отношению к исследованию относительно наиболее сложного типа профессиональной деятельности – управленческой, по отношению к которой доминирует функциональный анализ деятель-

ности. Данному подходу принадлежит особая, можно сказать – исключительная роль как с точки зрения возникновения «науки об управлении» в целом, так и с точки зрения его значимости для современного состояния исследований в этой области. Возникнув в русле «административной» (или, по-другому, – «классической») школы управления, этот подход к пониманию природы управленческой деятельности и способов ее изучения сегодня явно доминирует и является, по-видимому, наиболее адекватным способом раскрытия ее содержания. В трудах А. Файоля и его последователей, а также в американской школе менеджмента были сформулированы основы функционального анализа управленческой деятельности, ставшего в настоящее время своеобразной нормой, императивом ее изучения. Он обрел статус некоего канона и для исследовательских, и для дидактических целей. Анализ управленческой деятельности приводится, как правило, на основе раскрытия главных функций управления. Само же понятие основных функций управления играет в нем ведущую роль – и в целом, и в плане решения проблемы основных структурных единиц этой деятельности, в частности [50, 52, 246, 255, 293].

Все это вполне закономерно, поскольку функциональный подход фиксирует главное в управленческой деятельности – наличие в ней некоторой постоянной, инвариантной системы функций. Они составляют суть и специфику этой деятельности в целом именно как особого типа трудовой деятельности, независимо от ее конкретных разновидностей. Проанализировать управленческую деятельность, согласно этому подходу, – значит дать ее характеристику с точки зрения основных управленческих функций, реализуемых руководителем, а также способов их согласования. К ним относятся, прежде всего, функции целеполагания, планирования, мотивирования, организации, принятия решения, контроля, оценки и др. Кроме того, этот подход не только не противоречит всем иным, но и позволяет их интегрировать. Наконец, именно в его русле получены наиболее существенные и комплексные данные, произведена детализированная и разноплановая характеристика управленческой деятельности; там же описаны и основные психологические характеристики деятельности (свойства) в целом.

Еще более общим выступает подход к анализу деятельности, сложившийся в самой психологической теории деятельности. В ней существует важная и принципе давно и хорошо известная закономерность, которая состоит в следующем. Чем более крупными

и обобщенными являются «единицы», на которые она разделяется для анализа, тем в большей степени они сохраняют специфику деятельности, но в меньшей мере позволяют раскрыть ее глубинные механизмы и закономерности. И наоборот, чем более дробными являются эти «единицы», тем глубже они позволяют проникнуть в строение деятельности и ее закономерности. Однако при этом они становятся все более и более неспецифичными содержанию деятельности. В связи с этим, в психологическом анализе деятельности, собственно говоря, и формулируется его основная проблема: какой же должны быть по степени обобщенности «единицы» анализа? Каков оптимальный компромисс между их содержательной, обобщенностью и аналитической дробностью? Каким должен быть масштаб «единиц», чтобы он одновременно был и достаточно мелким для обнаружения психологических закономерностей деятельности, и достаточно крупным, чтобы сохранить в них специфику ее содержания?

Согласно данному подходу, эта проблема решается следующим образом. В качестве основной единицы анализа рассматривается такое наименьшее образование, которое еще характеризуется всеми основными специфическими особенностями исходного анализируемого целого. В связи с этим, единицы анализа должны удовлетворять двум главным требованиям деятельности. Во-первых, они должны сохранять все основные характеристики анализируемой целостности – деятельности. Во-вторых, они должны быть мельчайшими из возможных единиц, которые еще несут на себе эту специфику целого: достаточно сделать еще один шаг «вглубь» при их анализе, как эта специфика утрачивается. Поскольку, согласно структурно-уровневой парадигме, двумя главными структурными единицами деятельности являются действие и операция; то выбор искомой единицы необходимо осуществить именно между ними. Обоим указанным требованиям удовлетворяет, разумеется, лишь действие, рассмотренное в качестве «единицы анализа». Оно характеризуется, как и деятельность в целом, свойствами целенаправленности, произвольности, предметности, активности, осознаваемости и др. Стоит, однако, сделать всего лишь один шаг «вглубь» и перейти к более дробной единице – неосознаваемым операциям, как оказывается, что выделяемые единицы уже не будут адекватно воспроизводить указанные основные атрибуты деятельности. В плане иллюстрации данного положения, можно сослаться на предложенное Л. С. Выготским разде-

ление способов анализа деятельности на компонентный и элементный [34]. Компонент – это та мельчайшая часть целого, которая еще имеет свойства целого; элемент же – это такая часть, из которой состоят компоненты, а следовательно, в конечном итоге, – и само целое, но у которого отсутствуют свойства самого этого целого. Поэтому, заключает Л. С. Выготский, психологический анализ деятельности должен быть именно компонентным (а не элементным) – лишь тогда он будет и достаточно детализированным, и одновременно содержательно наполненным, воспроизводящим в своих результатах все богатство свойств исходного анализируемого целого [34].

Принципиально сходная, но получившая несколько иную теоретическую интерпретацию позиция была сформулирована и С. Л. Рубинштейном. Он считал именно действие подлинной единицей – «ячейкой», «клеточкой» человеческой деятельности, в которой наиболее явно и ярко проявляются все основные психологические характеристики не только деятельности, но и личности в целом [173]. Так, он указывал в этой связи, что именно действие является «подлинной единицей», в которой анализ обнаруживает все основные психические процессы и в которой преломляется, по существу, все содержание психического. Наконец, в психологической теории деятельности, предложенной А. Н. Леонтьевым [124], как уже отмечалось, действие (уровень действия) также является центральным во всей структуре деятельности.

Итак, специфика собственно психологического подхода к анализу деятельности состоит в том, что он предполагает ее изучение и характеристику, прежде всего, на уровне действий и их организации. По отношению ко многим видам деятельности он дает приемлемые результаты. Вместе с тем уже достаточно давно наметилась, а в последнее время стала очень явной следующая тенденция. Этот подход гораздо более адекватен и потому дает лучшие результаты для анализа относительно более простых видов деятельности, принадлежащих к субъект-объектному ее типу. Но он значительно менее адекватен сложным – субъект-субъектным видам деятельности. В наибольшей степени его недостаточность (именно – недостаточность, а не неправомерность) проявляется при изучении управленческой деятельности, то есть деятельности одновременно и предельно сложной, и максимально воплощающей субъект-субъектный принцип организации. Поэтому данный способ анализа используется

при изучении управленческой деятельности, как правило, в сочетании с другими способами ее анализа.

На наш взгляд, к настоящему времени сложились все необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить и еще один вариант ее решения. Он непосредственно обусловлен как логикой развития самой теории деятельности, так и теми «запросами» и социальными заказами, которые диктуются практикой, прежде всего, – образовательной, связанной с профессиональной подготовкой. Общеизвестно, что широкое распространения *компетентностного* подхода, который, в свою очередь, непосредственно сопряжен с еще более общим – деятельностным подходом к обучению и образованию, к профессиональной подготовке в целом, выдвигает целый ряд достаточно острых теоретических и прикладных проблем, в том числе – и перед психологией деятельности. Одной из ключевых среди них и является задача адекватной и корректной интерпретации самого понятия *компетенции*, а также его соотношения с понятием компетентности. По ходу дальнейшего изложения мы еще неоднократно будем обращаться к этой проблеме; пока же зафиксируем лишь одно – наиболее принципиальное в данном контексте обстоятельство. Оно заключается в том, что, по-видимому, наиболее адекватной и психологически корректной трактовкой компетенции как раз и является ее понимание в качестве основной, базовой «единицы» структурно-функциональной организации деятельности, а также ее генетической динамики. В дальнейшем это предположение будет подвергнуто детальному рассмотрению, и выступит основным предметом анализа в данной главе. Компетенции по определению являются именно интегративными образованиями, в которых синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» («знания – умения – навыки»). Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются истинными носителями этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе, и в ходе ее психологического анализа.

Одновременно, они являются все же и достаточно локальными образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпозиции,

а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенными, «условно выделенными» в гносеологическим целях и т. п. аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми *функциональными задачами*, на решение которых она направлена и совокупность которых и составляет ее содержание как таковое. Кроме того, крайне важно, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой дифференциации этих «единиц», поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основных функциональных задач деятельности. Далее, очень существенно, что в компетенциях, представлены в неразрывном – интегрированном виде все три основных плана деятельности, отраженные в так называемой «деятельностной триаде» (субъект, объект, процесс деятельности). Действительно, компетенции – это неразрывный синтез субъектных характеристик (поскольку они являются системными качествами, формирующимися в результате интеграции трех – субъектных по своей сути компонентов «ЗУНовской триады») [54]. В то же время, в них объективно репрезентировано объективное содержание деятельности (ее функциональных задач и «материализованных» средств, на основе которых возможно их решение), а также важнейшие характеристики собственно процесса деятельности. Дело в том, что именно эти характеристики как раз и закреплены в нормативно-одобренном способе деятельности (НОСД), который во многом и образован необходимыми для его реализации компетенциями.

Вообще говоря, представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что компетентностный подход, базирующийся, в свою очередь, на деятельностной парадигме образования, до сих пор обходит вниманием наиболее фундаментальную теоретическую проблему самой этой парадигмы – проблему структурных единиц деятельности, проблему основных вариантов ее декомпозиции на отдельные «составляющие». Данное обстоятельство может быть объяснено, на наш взгляд, именно тем, что в настоящее время наметилась достаточно выраженная тенденция к снижению интенсивности разработки собственно теоретических вопросов психологии деятельности – в особенности, с позиций системной методологии. И напротив, попытка интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной (достаточно дифференцированной, но одновре-

менно – и интегративной по своей природе) «единицы» деятельности, показывает конструктивность и перспективность реализации этой методологии по отношению к разработке теории деятельности.

В плане общей характеристики структурно-уровневой парадигмы разработки психологической теории деятельности следует учитывать, что она была исходно сформулирована и длительное время развивалась, в основном, на базе изучения, в основном, субъект-объектных видов деятельности. И в этом плане – даже при ее очевидной концептуальной неполноте – она все же достаточно адекватна и конструктивна. Трех описанных в ней уровней часто бывает вполне достаточно и для теоретических и для прикладных исследований указанных видов деятельности. Однако, начав с более простого (субъект-объектных типов), психологическая теория деятельности не может и не должна останавливаться на них. Она должна развиваться и дальше – по направлению включения в свой концептуальный состав иных, более сложных типов деятельности и, прежде всего, – деятельностей субъект-субъектного типа. Смысл и важность такого концептуального расширения состоят еще и в том, что именно субъект-субъектные виды деятельности являются и наиболее значимыми, и наиболее сложными, и наиболее перспективными с точки зрения современных тенденций развития и дифференциации форм трудовой деятельности. Кроме того, в них, как показывают исследования последнего времени, многие – достаточно важные особенности и закономерности психической регуляции могут подвергаться качественным трансформациям. Более того, в них могут возникать и новые, не описанные до настоящего времени особенности и закономерности.

Второй основной подход к разработке психологической теории деятельности, оформившийся относительно позже, но получивший не менее широкую распространенность, может быть обозначен как *структурно-морфологическая* парадигма. Ее сущность состоит в том, что психологическая архитектура деятельности раскрывается через понятие инвариантной структуры основных компонентов деятельности – через ее психологическую систему [200, 201]. В качестве таких компонентов, образующих в своей совокупности своего рода морфологию деятельности, выступают качественно гетерогенные единицы, по-разному обозначаемые, но в принципе сходные у разных авторов: «функциональные блоки» деятельности, основные «составляющие» деятельности и т. д. Так, в работах Б. Ф. Ломова для их обозначения

этих компонентов используется термин «психологическая составляющая» («образующая») деятельности [134, 136]. В работах В. Д. Шадринкова используется иной термин – термин «функциональных блоков» деятельности [200, 201]. В. П. Зинченко использовал в этих же целях термин «функциональные единицы» [55], а О. А. Конопкин – термин «компоненты регуляции» [120]. Кроме того, следует подчеркнуть в данной связи, что в работах В. П. Зинченко, равно как и Д. А. Ошанина [156], главным объектом раскрытия закономерностей структурной организации является не столько сама деятельность в целом, сколько действие как ее базовая «составляющая». В этих работах также дифференцируется принципиально сходная совокупность «составляющих». Ими выступают мотивация, цель, информационная основа, программа, профессионально-важные качества, принятие решений, исполнительская часть, контроль, коррекция.

Одной из первых и наиболее развернутых концепций в рамках рассматриваемой здесь парадигмы плана явились теоретические представления, разработанные Б. Ф. Ломовым [133, 134]. Развитые им взгляды относительно психологического содержания деятельности не только очень полно отражают ту ситуацию, в которой происходила разработка проблемы деятельности, но и сами в значительной мере оказали определяющее влияние на формирование этой ситуации. Имея своим истоком инженерно-психологическую проблематику, сформулированные Б. Ф. Ломовым представления в дальнейшем внесли большой вклад и в общепсихологические взгляды на природу деятельности, явились одной из наиболее развернутых системно-психологических концепций деятельности. Не имея возможности остановиться на всем содержании этой концепции, отметим лишь те положения, которые непосредственно относятся к анализируемым здесь проблемам.

Так, исходным для Б. Ф. Ломова является положение о деятельности как общественно-исторической категории, что вообще характерно для советской психологии в целом и прикладной психологии, в частности. Именно такой статус категории деятельности позволяет обнаружить, согласно автору, в ней системные детерминанты для психологического изучения индивидуальной деятельности, которая и должна стать, по мнению автора, основным предметом психологического изучения. Само это изучение должно осуществляться на базе основных методологических принципов психологии. Важную роль среди них играет

принцип системного подхода, в развитие которого также очень большой вклад внес Б. Ф. Ломов. Одним из основных требований принципа системности является необходимость разработки проблем психологии деятельности на базе системы категорий (а не одной из них, пусть даже очень значимой; и в данном вопросе автор вступает в прямую полемику с точкой зрения, которая обозначается как монокатегориальная). К таким базовым категориям относятся категории отражения, деятельности, общения, личности, отношения, социального и биологического. Общая задача и психологии в целом, и психологии деятельности, в частности, состоит в том, чтобы «с одной стороны, ...рассмотреть деятельность как детерминанту системы психических процессов, состояний, свойств субъекта», с другой стороны, «... выявить влияние этой системы на эффективность и качество деятельности» [127], то есть рассмотреть психическое как фактор деятельности. Решая эту общую задачу, Е. Ф. Ломов на основе собственных исследований, а также на базе обобщения работ других авторов выделяет ряд основных «образующих» деятельности. Именно они должны рассматриваться в качестве основных объектов психологического изучения деятельности. Это – мотив, цель, планирование деятельности, переработка текущей информации, оперативный образ (и концептуальная модель), принятие решения, действия, проверка результатов и коррекция действия» [134].

Важнейшей среди этих «образующих» является формирующийся на основе мотивов этих целей так называемый вектор «мотив-цель». Он, по мнению автора, является высшим регулятором деятельности; определенным образом и в решающей степени организует включенные в нее психические процессы. Именно этот вектор выступает в роли ведущей детерминанты избирательности восприятия, особенностей внимания, оперативного извлечения информации из памяти и способов ее преобразования в мышлении. Так, Б. Ф. Ломов отмечает в этой связи: «Вектор «мотив-цель» является высшим регулятором деятельности; определяющим образом организует и включенные в нее психические процессы. Именно этот «вектор» выступает в роли детерминанты избирательности восприятия, особенностей внимания, оперативного извлечения информации из памяти и способов ее преобразования в мышлении. Он определяет, в конце концов, и динамику психических состояний» [134]. Наряду с подробным психологическим анализом деятельности в аспекте

ее основных «образующих» Б. Ф. Ломов дает и более дифференцированное рассмотрение деятельности в иных аспектах.

Выступая методологической основой разработок в области психологического анализа деятельности и давая конкретный материал практически по каждой из основных «образующих» деятельности, подход Б. Ф. Ломова обнаруживает, в то же время, чрезвычайную сложность этой задачи. Так, в плане анализируемых здесь проблем необходимо специально подчеркнуть следующую – очень показательную особенность логики развития данного подхода. Сосредотачивая свое главное внимание на «основных образующих» деятельности, то есть на структурном, морфологическом аспекте, Б. Ф. Ломов в то же время формулирует в качестве важнейшей и неотложной задачи следующий вопрос. «Важнейшей задачей в психологии является ... изучение тех специфических способов интеграции психических *процессов* (выделено нами – А. К.), которые свойственны разным видам человеческой деятельности» [134]. К этому – принципиальному, на наш взгляд обстоятельству мы еще возвратимся в ходе дальнейшего анализа. Дело в том, что в нем, по существу, уже просматривается ограниченность самой структурно-морфологической парадигмы – ее преимущественный акцент только, в основном на статическом аспекте деятельности. Соответственно, со всей остротой возникает задача ее дополнения иным – динамическим, процессуальным аспектом исследования. Другой важной задачей, по мнению Б. Ф. Ломова, является необходимость представить основные образующие деятельности как единую целостную структуру. Эта – крайне важная в теоретическом отношении задача в значительной мере решается в следующей концепции, являющейся, на наш взгляд, наиболее разработанной и конструктивной – особенно в плане действенной реализации в ней принципов системности.

Речь, разумеется, идет о *концепции системогенеза* деятельности развитой в трудах В. Д. Шадрикова [200–202, 204]. Данная концепция, обобщая итоги многолетних теоретических, экспериментальных и прикладных исследований автора, является в настоящее время не только наиболее полной и развернутой, но и прошедшей многократную, всестороннюю верификацию целым комплексом прикладных психологических исследований, подтвердивших ее продуктивность. Действительно, являясь глубоко и всесторонне обоснованной

в научном плане и опираясь на основные достижения психологической теории деятельности, она, в то же время, весьма конструктивна и в собственно практическом плане, что доказывают выполненные на ее основе прикладные исследования и разработки.

Концепция системогенеза выступает как единство системного, генетического и собственно психологического изучения деятельности. В ней формируются представления об «идеальном объекте» психологического анализа деятельности как системе – представление о психологической системе деятельности, выступающей целостной структурой основных образующих деятельности с их многообразными координационными и субординационными зависимостями.

Концептуальный и прикладной смысл понятия психологической системы деятельности (ПСД) заключается в том, что в нем не только раскрываются основные образующие деятельности, но и эксплицируются их именно целостная структура. Тезис о деятельности как системе получает свое конкретное содержательное воплощение. Причем те связи, которыми объединены функциональные блоки ПСД, – это не просто «дань» традиции блочно-схематического представления, характерного для данной парадигмы в целом. Эти связи несут не меньший смысл, чем сами выделенные блоки. Так, скажем, продуктом связей и взаимоотношений блока мотивации и блока цели выступает, как известно, такая важнейшая образующая деятельности, как ее личностный смысл для субъекта. Через взаимосвязь мотивационного блока с блоком информационной основы деятельности раскрывается еще одно важнейшее деятельностное явление – избирательность и «пристрастность» в процессах восприятия профессионально-важной информации. Наконец, очень важно эксплицировать и содержание связи между блоками цели и оценки результатов деятельности. Дело в том, что благодаря наличию данной связи, общая архитектура системы деятельности, ее общая конструкция обретает черты замкнутости, «кольцеобразности». В свою очередь, на основе этого становится возможным учет принципа и закономерностей саморегуляции, феноменов и механизмов обратной связи, коррекции и компенсации как важнейших средств организации деятельности. Сама деятельность, а также ее отдельные «составляющие» (действия) обретают свойство итеративности – повторяемости, но с учетом внесения в них необходимых корректив. Тем самым свойство целенаправленности деятельности (и действий) трансформирует-

ся в свойство целедостигаемости, что является одним из важнейших атрибутов деятельности.

Любая ПСД формируется на базе индивидуальных качеств субъекта деятельности путем их построения, переструктурирования, исходя из мотивов, целей и условий деятельности. Процесс формирования ПСД обозначается в данной концепции понятием системогенеза. В ходе данного процесса определяется компонентный состав системы, устанавливаются функциональные взаимосвязи между компонентами и происходит развитие отдельных компонентов в плане обеспечения достижения цели.

В. Д. Шадриков предлагает и тщательно обосновывает развернутую, детализированную и методически обеспеченную процедуру психологического анализа деятельности [201]. Эта процедура включает анализ деятельности на следующих основных уровнях: личностно-мотивационном, компонентно-целевом, структурно-функциональном, информационном, индивидуально-психологическом, психофизиологическом. В свою очередь, каждый из этих уровней включает подуровни, различные аспекты и процедуры анализа деятельности. Предложенная схема анализа, опираясь на некоторое инвариантное «ядро» процедур, в то же время допускает модификацию в зависимости от целевого назначения проводимого анализа. Такая особенность данной процедуры, безусловно, расширяет ее возможности, сферу применимости.

Наряду с этими двумя наиболее полными вариантами структурно-морфологической парадигмы, существуют и иные ее варианты, предложенные в работах Д. А. Ошанина, О. А. Конопкина, В. П. Зинченко, Г. М. Зараковского, Р. Х. Шакурова, Г. В. Суходольского [53, 55, 120, 156, 206]. Все они характеризуются достаточно выраженной общностью, которая состоит в следующих основных их особенностях:

– Стремление к целостному и завершенному – «замкнутому» представлению системы деятельности (в ряде случаев – действия), охватывающему все их основные психологические «образующие».

– Абстрагирование от второстепенных, ситуативных особенностей регуляции деятельности и, следовательно, стремление к представлению ее основных «образующих» в форме идеального объекта психологического анализа деятельности.

– Экспликация этого идеального объекта в виде структурно-функциональных моделей, их «блочнo-схематическое» представление.

– Ориентация на установление основных функциональных взаимосвязей и зависимостей между отдельными блоками, составляющими деятельности.

– Синтетический характер предлагаемых модельных описаний, то есть их наполненность как внутренним, психологическим («интрасубъектным») содержанием, так и включение внешнего, объективного, технологически обусловленного содержания деятельности.

– Существенное совпадение в номенклатуре – составе выделяемых разными авторами основных образующих деятельности, обусловленное единством объекта изучения.

– Структурное (и даже формальное) сходство архитектуры предлагаемых моделей с разработанными ранее структурно-функциональными представлениями в физиологии (в теории функциональных физиологических систем, в «физиологии активности») при постоянном подчеркивании принципиальных содержательных различий между психологическими и физиологическими подходами.

– Явно недостаточная представленность в указанных подходах процессуально-психологического аспекта, то есть тех реальных психических средств, процессов и механизмов, которые обеспечивают организацию и синтез отдельных функциональных блоков деятельности в целостность.

Итак, сущность данной парадигмы заключается в том, что для раскрытия главных, базовых закономерностей организации деятельности – закономерностей ее собственно структурной организации используется понятие *инвариантной структуры* деятельности. Она, в свою очередь, образована организованной совокупностью основных «функциональных единиц», которые, повторяем, по-разному обозначаются различными авторами, но которые имеют общий смысл, содержание и роль в организации деятельности. Данная структура является именно инвариантной по двум основным причинам. Во-первых, она лежит в основе реализации любой деятельности – независимо от различий в ее видах, типах, классах, формах и пр. Естественно, что мера полноты, степень развернутости, характер представленности и конкретное содержание этих компонентов может варьировать в очень широком диапазоне – в зависимости от изменения очень многих факторов (целей, задач, требований, условий, детерминант различного типа и т. д.). Во-вторых, включенность в структуру деятельности каждого

из этих компонентов носит объективный характер. Это означает, что деструкция и невозможность осуществления по тем или иным причинам хотя бы одного из них объективно – как бы «автоматически» ведет и к деструкции самой деятельности, к невозможности ее реализации. И именно критерий объективной необходимости является основанием для определения «номенклатуры» самих «составляющих», которые образуют инвариантную структуру деятельности.

Следует подчеркнуть, что в данном подходе речь идет не о простой – аддитивной совокупности, рядоположенном множестве, то есть сумме компонентов деятельности, а именно об их структуре. Это означает, что все они организованы друг с другом посредством достаточно развернутой совокупности связей различного типа. Отсюда также вытекают два очень существенных обстоятельства. Во-первых, это означает, что для адекватного, корректного и возможно более полного раскрытия содержания и принципов организации деятельности совершенно недостаточен традиционный и наиболее распространенный уровень изучения – аналитический, связанный с рассмотрением отдельных «составляющих» деятельности, а также их «суммы», комплекса. Такое – полное раскрытие возможно лишь при условии перехода на иной, более приближенный к реальной сложности организации деятельности уровень – структурный, а впоследствии – и системный. Во-вторых, с позиций данного подхода становится очевидным, что общее содержание деятельности не сводится к сумме содержаний ее отдельных «составляющих». Дело в том, что, как уже отмечалось выше, очень существенная часть данного содержания соотносится именно с теми структурными связями, которые объединяют те или иные блоки общей структуры деятельности.

Рассмотренные подходы внесли существенный вклад как в общепсихологическую теорию деятельности, так и в прикладные психологические разработки. Вместе с тем, не преуменьшая важность указанных задач, необходимо, конечно, зафиксировать наиболее принципиальную проблему, поставленную развитием всех указанных представлений, образующих в своей совокупности структурно-морфологическую парадигму развития психологической теории деятельности. Дело в том, что во всех них явно преобладают попытки именно *анализа*, расчленения деятельности, а также установка на выяснение ее основных образующих, компонентов, то есть ее состава, морфологии, точнее – архитектоники. Однако, как мы уже от-

мечали выше, задача исследования процессуально-психологических средств *синтеза*, интеграции выделяемых образующих в систему деятельности и, главное, – тех психических процессов, которые обеспечивают этот синтез, в лучшем случае только ставится (а в некоторых концепциях, наоборот, даже сознательно исключается из сферы изучения). За всем этим стоит вполне объяснимое с точки зрения развития науки стремление сначала понять, «из чего состоит» объект изучения, «разбить» его на составляющие, проанализировать. Это и проявляется в морфологическом подходе к изучению деятельности.

По мере своего развития данный подход своей собственной логикой создает объективные предпосылки для того, чтобы дополнить его уже иным – преимущественно, процессуальным планом изучения. Он направлен, прежде всего, на исследование тех реальных психических процессов, которые обеспечивают синтез и интеграцию выявленных на предшествующем этапе «образующих» деятельности; его главная задача – исследование общесистемных процессов регуляции деятельности. На наш взгляд, существенный вклад всех рассмотренных подходов в психологическое изучение деятельности заключается не только в том, что они позволили выявить основные образующие деятельности, но и установили в общих чертах функциональные взаимосвязи между ними. Тем самым деятельность со всей очевидностью и достаточной степенью полноты была эксплицирована именно как целостная и развивающаяся, полиструктурная иерархически организованная система. Их роль состоит также и в том, что они позволили вплотную подойти к постановке важнейшего теоретического и практического вопроса о тех процессах психики, которые лежат в основе организации всей системы деятельности и которые соотносимы именно с деятельностью в целом, а не с ее отдельными «образующими». На первый взгляд, такими процессами следует считать традиционно изучающиеся в психологии познавательные, эмоциональные, волевые процессы, взятые в их регулятивном проявлении. Однако, как будет показано ниже, этот ответ будет хотя и правильным, но неполным, не отражающим в достаточной степени реальную сложность деятельности и тех средств, которые ее обеспечивают.

Итак, основное содержание и главный смысл данной парадигмы состоит в том, что, согласно ей, в основе психологической структуры деятельности лежит организованная совокупность определенных базовых компонентов – функциональных «блоков», «составляющих»,

«образующих». Как отмечалось выше, различными авторами в качестве этих «блоков», «составляющих» рассматривается весьма сходный набор компонентов. Это – цели деятельности, представления о совокупности ее результатов, информационная основа, программирование действий и деятельности, отражение ее нормативных условий, принятие решения, индивидуальные качества субъекта, коррекция, сличения, контроль, самоконтроль, исполнительские компоненты. Такая общность закономерна, поскольку в ней отражена наиболее общая особенность организации деятельности: для ее реализации объективно необходим определенный и достаточно инвариантный набор некоторых, основных, деятельностных функций. Это – функции формирования цели и ее дифференциации на подцели; функции редукции неопределенности и выработки решения; функции построения плана и программы; функции контроля и самоконтроля и т. д. Все эти деятельностные функции, составляя в совокупности «каркас» психологической регуляции деятельности, достаточно инвариантны как по составу, так и по отношению к различиям в предметном содержании деятельности, ее типам, видам, условиям реализации. В то же время, все эти деятельностные функции объективно предполагают необходимость своего собственно процессуального обеспечения.

В связи с этим, необходимо сделать достаточно значимый в плане логики развития данной парадигмы вывод: само установление этих функций с необходимостью ставит так сказать «следующий» – логически и гносеологически связанный с ним, то есть вполне закономерный вопрос. Это вопрос о тех собственно *процессуальных средствах*, которыми обеспечивается функционирование основных морфологических «составляющих» системы деятельности и которые, возможно, образуют определенную группу специфических процессов – столь же инвариантную по составу, сколь инвариантной является и сама совокупность базовых регулятивных, деятельностных функций.

Обе рассмотренные выше парадигмы – структурно-уровневая и структурно-морфологическая выступают основными вариантами разработки психологической теории деятельности в целом. Поэтому они являются наиболее репрезентативными в плане анализа общей логики ее развития, а также определения перспектив ее дальнейшей разработки. В связи с этим, дальнейший анализ целесообразно сконцентрировать именно на них – как в плане их сопоставления, так

и в плане выявления тех трудностей, к которым привело их развитие и, соответственно, возможных путей их преодоления.

Действительно, обе указанные парадигмы характеризуются чертами фундаментальной общности, с одной стороны, и не менее значимыми чертами различий, с другой. Так, черты их *общности* проявляются, прежде всего, разумеется, не в плане сходства их содержания и основных положений, а в плане их направленности, конечных целей, а частично – и методологических оснований.

Во-первых, они базируются на общей для них методологии, в качестве которой (хотя, конечно, и с разной степенью эксплицированности) выступает методология системности.

Во-вторых, по своим конечным целям они также имеют существенное сходство, поскольку и та, и другая претендуют на раскрытие не какого-либо частного, специального аспекта деятельности, а именно «главного в ней» – ее общей организации, целостной структуры.

В-третьих, именно в силу этого, и та, и другая имеют не только так сказать «локально-теоретическое», а общетеоретическое значение, то есть претендуют на разработку психологической теории деятельности в целом, а не в отдельных, хотя и важных, аспектах.

В-четвертых, и та, и другая направлены, прежде всего, на приоритетное и первостепенное раскрытие принципов, содержания и механизмов деятельности в объективно главном точки зрения методологии научного познания аспекте – структурном, а не в каком-либо ином – также важном, но все же производным от структурного аспекта. Данное обстоятельство, к сожалению, обычно не подвергается фиксации при сравнении указанных парадигм и, соответственно, не подвергается методологической рефлексии. Вместе с тем, на наш взгляд, оно является очень важным и показательным с точки зрения общей логики развития психологической теории деятельности. Оно показывает, что два ее основных варианта характеризуются принципиальной общностью того базового аспекта, в котором проблема деятельности разрабатывается в них. Этим аспектом, повторяем, является не просто «один из» (то есть рядовой), а именно определяющий, решающий в гносеологическом плане аспект – структурный. И именно это во многом обуславливает конструктивность указанных подходов, их главенствующую роль в разработке психологической теории деятельности в целом.

В-пятых, объективным следствием сказанного является и приоритетное для обеих указанных парадигм внимание, прежде всего, к раскрытию морфологии деятельности, а не к тому, как эта морфология представлена уже не так сказать в статическом срезе, а в ее динамике – функционировании и процессуальной «развертке».

В-шестых, в целях раскрытия закономерностей организации деятельности в обеих указанных парадигмах берется главный не только в содержательно-деятельностном плане аспект (структурный), но и сама системная методология также реализуется в аналогичных, то есть также главных аспектах. Действительно, в структурно-уровневом подходе она реализуется, прежде всего, через такое важнейшее и определяющее для всего системного подхода понятие, каковым выступает понятие иерархии, иерархической организации. В структурно-морфологической парадигме эта методология реализуется через не менее фундаментальный механизм, также составляющий «ядро» системного подхода – механизм самоорганизации, саморегуляции.

В-седьмых, обе парадигмы были разработаны на материале приоритетного изучения одного из двух базовых классов деятельности – субъект-объектного, а не субъект-субъектного, что также имеет достаточно существенные теоретические последствия.

Вместе с тем, на фоне рассмотренной общности две анализируемые парадигмы характеризуются и не менее явными и значимыми в плане их сопоставления чертами *различий*, специфичности по отношению дугу к другу.

Во-первых, они сложились и тем более получили свой относительно развитый, завершенный вид в существенно разное время (и, добавим, в существенной разной концептуальной атмосфере, в разном социокультурном и даже – идеологическом контексте). Это не могло не отразиться и на их разработке, и на характере их восприятия со стороны научного сообщества.

Во-вторых, хотя обе они и характеризуются общностью своей базовой, исходной методологии – методологии системности, но все же реализуют ее в достаточно разных аспектах. Первая (структурно-уровневая) воплощает в себе, прежде всего, содержащуюся в этой методологии идею иерархии, иерархической организации систем как их базового принципа структурирования. В результате этого, и сама деятельность эксплицируется как уровневое образование, характери-

зующееся соподчиненностью организации ряда иерархических уровней, а также закономерностями их межуровневых взаимодействий. Тем самым, акцент делается на «вертикальном» срезе организации деятельности, на механизмах ее субординационной организации. Вторая (структурно-морфологическая) придает приоритетное значение иному – но также фундаментальному принципу структурной, как, впрочем, и любой иной организации, – принципу самоорганизации, саморегуляции. Акцент при этом делается на выявлении принципов и механизмов, координации, самоорганизации базовых «составляющих» структуры деятельности, благодаря которым она и обретает черты системности. Тем самым организация деятельности раскрывается, преимущественно, не в ее «вертикальном», а в так сказать «горизонтальном», координационном (а не субординационном) аспекте.

В-третьих, хотя обе указанные парадигмы и направлены, в конечном итоге, на решение сходных или даже – практически идентичных задач, связанных с раскрытием закономерностей структурной организации деятельности, но предлагают для этого различные пути решения. Причем, эти различия носят не частный, а достаточно общий, то есть принципиальный характер. Именно этим, собственно говоря, и обусловлено то обстоятельство, что о данных подходах можно и нужно говорить именно как о качественно разных парадигмах разработки психологической теории деятельности. Действительно, раскрытие закономерностей структурной организации любой системы предполагает обязательное решение еще одной важной задачи – задачи поиска, и определения того, что именно подлежит организации; выявления тех компонентов – «единиц», которые и составляют так сказать «онтологическую базу» организации. По отношению к проблеме деятельности она имеет, как отмечалось выше, вид классической и наиболее традиционной для психологического анализа деятельности проблемы определения «единицы анализа». Ее смысл как раз и состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой «единицы» анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно, компонент (или компоненты), являющиеся «материалом» соорганизации в общей структуре деятельности? Не менее известно и то, что эта – повторяем, классическая задача решалась на всем протяжении развития теории деятельности очень разными способами, а соответственно, – предлагались различные варианты дифференциации базовой «единицы».

При всем разнообразии существующих подходов к ее решению они, как отмечалось, достаточно отчетливо группируются в два основных – обобщенных варианта. Первый из них предполагает существование базовой и универсальной – унитарной «единицы», на основе которой строится, структурируется вся деятельность. Чаще всего в качестве такой «единицы» рассматривается, разумеется, действие. Именно такой подход и получил свое наиболее развернутое воплощение в теории деятельности А. Н. Леонтьева. Не менее показательна в этом плане и известная точка зрения С. Л. Рубинштейна, отмечавшего, что именно действие выступает подлинной «единицей» деятельности, в которой преломляются все основные аспекты психического. Другими словами, общий смысл такого подхода заключается в том, что он имеет *моноструктурный* характер, поскольку базируется на признании существования одной – базовой и универсальной «единицы» структурной организации деятельности (как правило, повторяем, действия).

Второй возможный подход к решению общей задачи поиска «единиц» анализа деятельности характеризуется принципиально иным смыслом. Согласно ему, деятельность является настолько сложным и принципиально гетерогенным, внутренне разнородным и многокачественным образованием, что она в принципе не может быть раскрыта и описана с опорой на какую-либо одну – качественно гомогенную, то есть универсальную и унитарную «единицу». Таких «единиц» – причем, качественно различных должно быть обязательно несколько, а мера их гетерогении должна быть сравнимой или даже тождественной с гетерогенией феноменологических проявлений деятельности, а также принципов и механизмов ее организации. Соответственно, общая структура деятельности также является производной от синтеза целого ряда, многих качественно различных «единиц». Анализ же деятельности, направленный на раскрытие ее содержания и принципов организации, должен базироваться поэтому именно на признании факта множественности базовых «единиц», из которых она синтезирована. Такой подход, в отличие от первого (моноструктурного), можно обозначить как *полиструктурный*. Нетрудно видеть, однако, что первый из этих подходов – моноструктурный полностью соответствует структурно-уровневой парадигме разработки психологической теории деятельности, поскольку в ее основе как раз и лежит признание факта существования базовой

и унитарной «единицы» ее строения – действия. Столь же очевидно, однако, совпадение идеологии полиструктурного подхода с другой парадигмой – структурно-морфологической, поскольку она базируется на признании множественности основных «составляющих» деятельности и их качественной гетерогенности. Таким образом, можно видеть, что две рассмотренные выше парадигмы (структурно-уровневая и структурно-морфологическая) принципиально отличаются друг от друга еще и тем, что они базируются на двух – совершенно разных способах решения одной из наиболее фундаментальных и традиционных для психологии деятельности задач – задачи определения «единиц» анализа деятельности.

Итак, можно видеть, что сравнительный анализ двух основных парадигм разработки теории деятельности вплотную подводит к необходимости обращения к одной из наиболее общих и традиционных проблем всей психологической теории деятельности в целом и методологии ее психологического анализа, в особенности, – к проблеме основных единиц анализа деятельности. Она уже была констатирована нами выше именно в качестве одной из ключевых и сквозных для всей психологии деятельности. Вместе с тем, именно этим же обстоятельством (ее определяющим для разработки психологической теории деятельности характером) обусловлена необходимость в том, что по ходу всего последующего изложения нам не раз еще придется обращаться к различным ее аспектам. Однако уже сейчас необходимо зафиксировать два ее ключевых аспекта. Первый: сама суть данной проблемы состоит в выборе и обосновании того, что же именно следует рассматривать в качестве основной структурной «единицы» деятельности – ее базового компонента («ячейки», «подлинной единицы» – С. Л. Рубинштейн; «составляющей» – Б. Ф. Ломов и пр.). Какой уровень дробности является оптимальным и в плане воспроизведенности – воплощенности в такой «единице» психологических атрибутов деятельности и, в то же время, в плане обеспечения необходимой детализированности и глубины анализа? Второй: очень показательно и то, что наибольшим разнообразием эти подходы характеризуются по отношению к исследованию относительно наиболее сложного типа профессиональной деятельности – управленческой.

В-четвертых, сравнительный анализ основных различий двух основных парадигм психологической теории деятельности показывает, что между ними имеется и еще один дифференцирующий

признак, состоящий в следующем. Они, безусловно, характеризуются достаточно существенными различиями в степени операционализированности тех результатов и следствий, к которым приводит разработка проблемы деятельности в рамках каждой из них. Это, в свою очередь, непосредственно отражается и на том потенциале, которым они характеризуются в плане решения собственно прикладных психологических задач. Вторая парадигма (структурно-морфологическая) в этом отношении обладает существенно бóльшим потенциалом, а также бóльшим уровнем операционализированности, что, кстати говоря, очень явно отразилось на масштабе и эффективности тех прикладных разработок, которые выполнены именно в ее русле.

Наконец, в-пятых, две рассматриваемые здесь парадигмы существенно различаются и по степени полноты, а также и так сказать по степени «преднамеренности» реализации в них методологии системности. Действительно, вторая из них (структурно-морфологическая) в этом плане явно доминирует над первой, поскольку она характеризуется развернутой реализацией в ней очень многих и притом – важнейших положений системного подхода в целом. Первая же из них (структурно-уровневая), в основном, базируется на одном из такого рода положений – на положении об иерархическом принципе организации систем. Кроме того, как мы уже отмечали выше, сама необходимость обращения к идеям системности по отношению к первой из них «вызрела» внутри ее собственной – так сказать «внутренней» логики развития. Имело место «движение от психологии деятельности к системному подходу». По отношению же ко второй парадигме (структурно-морфологической) следует констатировать противоположную картину. Ее разработка, напротив, осуществлялась «от системного подхода к проблеме деятельности»; первый при этом выступал как исходная методологическая основа для исследования второй. Данное обстоятельство необходимо подчеркнуть специально, поскольку оно связано с общим смыслом рассматриваемой здесь основной задачи – с определением наиболее обоснованных и перспективных методологических оснований разработки психологической теории деятельности.

Итак, выше была предпринята попытка рассмотрения содержания двух основных парадигм психологической теории деятельности – как в аспекте их общего смысла и содержания, так и в аспекте тех черт сходства и различия, которыми они характеризуются. Воз-

никновение и становление, развитие и концептуальная эволюция именно этих парадигм во многом определяли общий облик психологической теории деятельности и «основной вектор» ее развития на достаточно длительном временном интервале. Во многом именно в них и *через* них данная теория и получила свое развитие. В этой связи особенно значимым, показательным и необходимым представляется выявление и анализ тех *трудностей* и собственно теоретических вопросов, к которым привело развитие теории деятельности в рамках каждой из них. Кроме того, фиксацию этих трудностей можно рассматривать и в качестве первого – причем, совершенно необходимого шага для попытки их преодоления и, соответственно, – для определения на этой основе перспектив и возможных направлений дальнейшего развития данной теории.

Одной из них является, как известно, отсутствие обобщенного решения такой фундаментальной проблемы, каковой выступает проблема основных структурных «единиц» деятельности. Действительно, раскрытие закономерностей структурной организации любой системы предполагает обязательное решение критически важной задачи – задачи поиска, и определения того, что именно подлежит организации; выявления тех компонентов – единиц, которые и составляют так сказать «онтологическую базу» организации. По отношению к проблеме деятельности она имеет вид классической и наиболее традиционной для психологического анализа деятельности проблемы определения «единицы анализа». Ее смысл как раз и состоит в том, *что именно* следует рассматривать в качестве базовой единицы анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно компонент (или компоненты), являющийся материалом соорганизации в общей структуре деятельности? Не менее известно и то, что эта – повторяем, классическая задача решалась на всем протяжении развития теории деятельности очень разными способами, а соответственно, – предлагались различные варианты дифференциации базовой «единицы» деятельности (см. далее). Вместе с тем, при всем разнообразии существующих подходов к ее решению они достаточно отчетливо группируются в два основных – обобщенных и отмеченных выше варианта (моноструктурный и полиструктурный).

Еще одна принципиальная трудность развития теории деятельности сопряжена с логикой развития второй основной парадигмы – структурно-морфологической. Ее сущность, как уже отмечалось выше,

заключается в том, что психологическая архитектоника деятельности раскрывается через понятие инвариантной структуры основных компонентов деятельности. В качестве таких компонентов, образующих в своей совокупности своего рода «морфологию» деятельности, выступают, как уже отмечалось выше, качественно гетерогенные «единицы». Они по-разному обозначаются в работах разных авторов, но являются принципиально сходными по смыслу: «функциональные блоки» деятельности, основные «составляющие» деятельности, «образующие» системы деятельности и т. д.

Вместе с тем, и у нее существуют вполне очевидные возможности для дальнейшего совершенствования и развития, поскольку она не только решает многие теоретические вопросы, но и ставит новые, как правило, еще более сложные проблемы, требующие своего исследования. Основным из них является вопрос о том, каким образом *функционируют* дифференцированные в данном подходе блоки? Какими процессуальными средствами обеспечивается это функционирование?

В плане возможного решения этого вопроса нами была обоснована необходимость, а также доказана перспективность трансформации структурно-морфологической парадигмы психологического анализа деятельности в иную, более совершенную и адекватную парадигму – *функционально-динамическую*. Суть такой трансформации связана с выяснением вопроса уже не о том, из чего состоит деятельность, а с вопросом как она *функционирует*; более конкретно – какие процессы лежат в основе организации и динамики деятельности как целостной системы.

Этот вариант как раз и был предложен в разработанной нами концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности, основное содержание которой рассмотрено в предыдущей главе. Согласно данной концепции, в качестве этих процессов выступает класс специфически регулятивных процессуальных средств деятельности, которые и обеспечивают собой реализацию базовой, инвариантной совокупности основных функций по ее организации – класс интегральных процессов психической регуляции деятельности. В него входят процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля.

Констатируя необходимость углубления представлений по отмеченным выше наиболее известным проблемам теории деятельности, следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Дело в том,

что не меньшие трудности и проблемы возникают уже не только так сказать «снизу» – в плане определения базовых и исходных единиц анализа, лежащих в самом ее «фундаменте», а также не только в плане определения базовых механизмов процессуального обеспечения деятельности. Они возникают и «сверху» – в плане адекватного понимания того, *что именно* подлежит декомпозиции на эти единицы? Что представляет собой та исходная целостность, которая и выступает предметом анализа? На первый взгляд, данный вопрос представляется уже решенным и ясным: в качестве такого предмета выступает сама деятельность «как система». Причем, по отношению к этому словосочетанию и вообще – к трактовке деятельности именно как системного образования сложилось редкое единодушие, а само оно стало чуть ли не понятийным стереотипом. Так, в этом плане очень показательно, что важнейшей общей особенностью обеих основных парадигм теории деятельности является то, что они базируются на методологии системности, хотя реализуют ее в достаточно разных аспектах. Первая (структурно-уровневая) воплощает в себе, прежде всего, содержащуюся в этой методологии идею иерархии, иерархической организации систем как их базового принципа структурирования. В результате этого, и сама деятельность эксплицируется как уровневое образование, характеризующееся соподчиненностью организации ряда иерархических уровней, а также закономерностями их межуровневых взаимодействий. Тем самым, акцент делается на «вертикальном» срезе организации деятельности, на механизмах ее субординационной организации. Вторая (структурно-морфологическая) отдает приоритет иному – но также фундаментальному принципу структурной организации, – принципу самоорганизации, саморегуляции. Акцент при этом делается на выявлении принципов и механизмов, координации, самоорганизации базовых «составляющих» структуры деятельности, благодаря которым она и обретает черты системности. Тем самым организация деятельности раскрывается, преимущественно, не в ее «вертикальном», а в так сказать «горизонтальном», координационном (а не субординационном) аспекте.

Вместе с тем, при более детализированном рассмотрении данного положения выявляется существенное обстоятельство, состоящее в следующем. Как показано в наших работах [86, 95, 102], сама сущность и атрибутивная природа деятельности заключаются в том, что она не мо-

жет быть раскрыта и проинтерпретирована с достаточной полнотой лишь в качестве системы, как только системное образование. Дело в том, что в ней кооплируются, как минимум, три качественно различные системы (субъект, объект и процесс деятельности). Она поэтому, безусловно, является не только не «до-системным» образованием, что естественно и очевидно. Дело еще и в том, что она не является и чисто системным образованием – тем, что обозначается понятием «истинной системы» [122]. Она выступает образованием *пост*-системного типа; обретает этот статус в силу того, что выступает именно как *системный комплекс*, а тем самым также выходит за пределы так сказать единичной системности²³.

Очень значимой особенностью деятельности как системного комплекса является то, что в его составе представлены не просто разные, а именно диаметрально *противоположные* по атрибутивным характеристикам и даже по своему типу системы. Более того, степень их различий такова, что она является, по-видимому, вообще *предельной* из всех возможных. Действительно, как мы уже отмечали, в составе деятельности (как системном комплексе) представлены две максимально различные по своей природе системы. С одной стороны, это ее субъект – как носитель психического, идеального, то есть нематериального. С другой стороны – это ее объект, но уже как носитель противоположного начала (собственно материального). Далее, в ней представлены и два основных, но также диаметрально противоположных класса систем – субстанциональные и темпоральные (временные). Первые образованы субъектом и объектом, а вторая – собственно процессом деятельности как их взаимодействием. Естественно, что возникающие в связи с такими принципиальными различиями сложности синтеза – системной организации являются также очень большими. В силу этого, очень трудно или даже – практически невозможно рассчитывать на их полное и исчерпывающее преодоление, на достижение деятельностью в целом степени системной организованности. Эта организованность может реализовываться в общем случае лишь по типу системного комплекса.

Наряду с этим, необходимо учитывать и еще одну особенность системных комплексов, проявляющуюся в деятельности в макси-

²³ Понятие системного комплекса было введено В. П. Кузминым [122].

мально отчетливым виде. В деятельности представлены не просто предельно разнокачественные, но и очень хорошо организованные сами по себе системы. Причем, одна из них обладает не только высокой, но и, по-видимому, высочайшей из всех возможных степенью организованности. Действительно, в состав данного комплекса входит такая – максимально сложная по степени организации из всех известных систем, каковым является субъект и его психика. Вследствие этого, и возникают принципиальные сложности синтеза в составе системного комплекса, связанные с высокой, но разной собственной организацией самих комплексируемых систем.

Итак, можно видеть, что еще одна принципиальная трудность психологического анализа деятельности в целом и определения базовых единиц этого анализа, в частности, коренится в особом статусе самого предмета анализа. Он не является «истинной» системой, а принадлежит к одному из основных типов постсистемных образований – системному комплексу. Следовательно, на его анализ не могут быть непосредственно перенесены те способы, которые разработаны по отношению к системным образованиям как таковым и к их основным разновидностям. Действительно, деятельность, не являясь, системой так сказать «чисто» идеального плана, то есть не сводясь к ее собственно психической регуляции, не может быть адекватно декомпозирована на базе тех подходов, которые сложились по отношению к этому типу систем (то есть собственно психологических). В еще меньшей степени она допускает свою декомпозицию и на основе тех подходов, которые разработаны по отношению к материальным системам, хотя она с несомненностью включает в себя и эту составляющую, представленную в виде объективных, материализованных аспектов деятельности. Наконец, она не может быть декомпозирована и на основе только тех подходов, которые сложились по отношению к анализу темпоральных систем (на этапы, стадии и пр.), хотя, вместе с тем, также предполагает этот аспект как необходимый. Следовательно, сложность состоит том, что общая методология анализа должна позволять учитывать эту качественную гетерогению деятельности как системного комплекса. Сам подход к ее декомпозиции должен быть по необходимости синтетическим, комплексным. Он, с одной стороны, должен включать принципы анализа и материальных, и идеальных и временных систем. С другой стороны, он не должен сводиться к ним по отдельности. Понятно, что

данная задача также является весьма сложной; однако без ее решения конструктивное развитие методологии психологического анализа деятельности вряд ли возможно.

Продолжая рассмотрение методологических проблем, подчеркнем особо, что, как мы уже подчеркивали выше, важнейшую роль в их разработке играет решение вопроса об определении базовых единиц анализа. Подходы к ее решению весьма разнообразны, некоторые из них также были охарактеризованы выше. Будучи глубоко различными, они, в то же время, имеют одну общую черту, которая, однако, носит не вполне позитивный характер. Большинство из них имеет, так сказать, «эмпирические корни» и не содержит решения вопроса о том, каким критериям должна удовлетворять искомая единица? Что она представляет собой с точки зрения императивов системного анализа? Чем она отличается от всех иных «составляющих» системы (или иной декомпозируемой целостности)? Каковы ее атрибутивные черты? В плане решения этой – также ключевой проблемы, на наш взгляд, должны быть привлечены те результаты, которые получены в работах [86, 95] и которые имеют само непосредственное отношение к определению статуса «единицы» анализа деятельности, равно как и ее основных атрибутов и закономерностей организации. Их смысл может быть резюмирован следующим образом.

Прежде всего, в этих целях необходима дифференциация понятий *компонента* и *элемента*, а также определение критически значимых характеристик первого, являющихся одновременно и его отличительными признаками по отношению ко второму. Традиционно под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Далее, по нашему мнению, не менее важно и то, что, наряду с выявлением этого критически атрибута, адекватная трактовка понятия компонента требует преодоления целого ряда понятийных стереотипов и не вполне позитивных традиций, которые сложились по отношению к нему.

1. Компоненты, как правило, рассматриваются не в аспекте их *собственной* организации, а в плане того, как из них самих склады-

вается некоторая более общая целостность. Акцент делается на том, что компоненты – это, прежде всего, так сказать «строительный материал», необходимая основа для формирования чего-либо более обобщенного и сложного по отношению к ним самим. И это, разумеется, в целом справедливо; важно лишь помнить, что, наряду с отмеченной, есть и другая сторона дела. Компоненты – это не только «строительный материал» для интеграции систем более высокого порядка, но и они сами по себе также выступают как продукты и результаты организации, интеграции. Вместе с тем, для удобства анализа они обычно берутся как данность, как нечто, не требующее дополнительного, самостоятельного анализа, то есть как своего рода «точка отсчета» для исследования интеграционных феноменов и процессов на их множестве. Это не вполне адекватно отражает природу компонентов как таковых, которая закреплена даже в самой этимологии данного понятия. Действительно, *компонент* – это нечто именно *комплексное*, то есть составное, предполагающее наличие в своем составе иных образований и, следовательно, их организацию. Следовательно, и анализ системы на компонентном уровне, в отличие от элементного, предполагает необходимость выделения и последующего изучения достаточно сложных, внутренне дифференцированных и составных образований. Подход к трактовке *компонентов* с этой точки зрения должен быть именно *композиционным*, а не элементаристским.

2. Другая понятийная традиция, сложившаяся в использовании данного термина и особенно явственно представленная в психологических исследованиях, заключается в следующем. Как правило (хотя и не всегда) при выделении компонентов принимается гносеологическая установка, согласно которой они представляют собой относительно гомогенные «единицы» анализируемого целого, принципиально сходные друг с другом. Идеалом такого подхода является случай, когда удастся определить некоторую «унитарную единицу» анализируемого целого и, далее, использовать ее в качестве компонента при изучении этого целого. И это совершенно понятно с точки зрения логики исследования. Дело в том, что изучать интеграцию, организацию – вообще структурированность относительно похожих друг на друга образований гораздо проще, нежели аналогичные организационные процессы, развертывающиеся на множестве существенно различных между собой образований. Вместе с тем, нельзя упускать из виду, что, для по-

давляющего большинства сложноорганизованных объектов психологического исследования наиболее характерен второй вариант. Они – эти психологические системы представляют собой единство качественно разнообразного, *гетерогенного*, а не единство гомогенного. И здесь вновь можно привести пример, взятый из психологической теории деятельности. Согласно одному из подходов к ее разработке, с собственно психологической стороны она может и должна быть представлена как психологическая система деятельности, состоящая из основных функциональных блоков – ее компонентов [201]. Однако сами эти компоненты являются глубоко различными, качественно специфическими и не могут быть рассмотрены как унитарные единицы анализа сложного целого. Как раз, наоборот, лишь использование для изучения деятельности совокупности качественно различных «единиц» анализа является необходимым средством перехода к наиболее адекватной природе самой деятельности методологии полиструктурного анализа (то есть анализа, базирующегося на множестве качественно гетерогенных «единиц»).

3. Еще одна традиция, сложившаяся при использовании данного понятия, заключается в том, что (вольно или невольно, явно или неявно) доминирующей является установка на принципиальную *множественность* компонентов. Эта установка проявляется тем в большей степени, чем более сложной является сама анализируемая система. При этом, однако, необходимо учитывать следующее – существенное, на наш взгляд, обстоятельство. Действительно, с одной стороны, любая система должна обладать множественностью своего компонентного состава, быть внутренне дифференцированной, гетерогенной; лишь в этом случае может быть достигнута реальная сложность самой системы. Однако, с другой стороны, множество компонентов любой системы должно быть конечным, «счетным» и – добавим отнюдь не всегда имеющим большую размерность. Это, кстати говоря, также отражено в этимологии понятия «компонент», одним из смысловых оттенков которого является именно счетность, конечность – ограниченность компонентного состава какой-либо системы. Корень «комп» означает, в том числе, именно счетность – конечность, предельность, обозримость, то есть *компактность*. И в этом заключен достаточно глубокий смысл: система должна обладать не только принципиальной множественностью состава (то есть быть внутренне дифференцированной), но и множеством именно такой «размерности», при которой

интегративные средства самой этой системы, выражаясь метафорически, «справлялись бы» с ее внутренним разнообразием. Лишь в этом случае может быть достигнут баланс интеграционных и дифференцирующих механизмов, средств и процессов, обеспечивающих целостность системы. Очень показательно в этой связи, что анализ многих, причем, – достаточно сложных психологических образований, имеющих системную природу, приводит к выделению весьма ограниченно-го набора их базовых компонентов (см. обзор в [90]).

4. Традиционной является также установка на рассмотрение компонентов как относительно стабильных, статичных образований, из которых складывается система. Ее динамичность, разнообразие, изменчивость соотносится, как правило, не с изменениями самих компонентов, а с тем, как, какими действительно, принципиально вариативными, различными способами и средствами они организуются в рамках системы. Вместе с тем, как показывает опыт исследования многих психологических систем, их компоненты могут быть представлены в существенно разных формах, с различной степенью выраженности; они сами по себе также принципиально *динамичны* – изменчивы в плане своих содержательных и иных характеристик. И здесь можно вновь обратиться к психологической теории деятельности: действия как компоненты деятельности могут быть представлены в ее структуре в очень разных формах, с очень разной степенью развернутости, сложности. Положение о принципиальной вариативности характеристик компонентов имеет, на наш взгляд, очень существенное значение для раскрытия истинной природы компонентов любой системы.

5. Еще одной характерной особенностью традиционного использования понятия компонента является то, что при определении компонентного состава доминирует установка на их выделение и последующее изучение как относительно паритетных (а еще желательнее – рядоположенных друг другу, то есть имеющих принципиально сходный статус, «ранг» в составе той или иной системы). Другое дело, что эти – принципиально однопорядковые компоненты могут впоследствии подвергаться организации и интеграции. Между ними могут складываться те или иные отношения соподчинения, в результате чего может формироваться, например, их иерархическая структура. Иначе говоря, при использовании понятия компонента доминирующим является горизонтальный (паритетный), а не верти-

кальный (субординационный) подход. Вместе с тем, как опять-таки показывает опыт изучения многих психологических систем, сами компоненты уже исходно могут быть также принципиально гетерогенными. Множество компонентов – это не совокупность односта-тусных образований, а совокупность образований, могущих иметь качественно *различные* степени и «порядки» сложности.

6. При установлении компонентного состава системы обычно принимается и еще одна – имплицитная гносеологическая установка. Она заключается в том, что исходно компонентами системы могут выступать любые, в том числе – и очень отличные друг от друга образования. Вместе с тем, важно иметь в виду и то, что все выделяемые компоненты на фоне их, действительно, глубоких и реально имеющих место различий – должны обладать и чертами фундаментального *сходства*, подобия. Они должны быть сопоставимыми в каком-либо существенном аспекте, смысле, соотносимыми друг с другом. И здесь опять-таки целесообразно обратиться к этимологии понятия компонента. Одним из его смысловых оттенков как раз и является сравнимость, сопоставимость компонентов как таковых (*comparable* – сравнимый, сопоставимый). Компонент трактуется в общем виде как сравнимый и сопоставимый с другими – аналогичными ему образованиями. Однако сложность данного вопроса заключается в том, что это сходство – сравнимость может быть прослежено не столько в плане содержания и феноменологических характеристик компонентов, а в иных – более имплицитных и глубинных их свойствах. Сравнимость и сопоставимость компонентов может лежать не «на поверхности», а в плане их имплицитных характеристик.

7. Очень характерным и продолжающим доминировать при интерпретации понятия компонента является своего рода дизъюнктивный подход к ним. Компоненты, согласно ему, потому и являются таковыми (то есть частями целого), что они отчленены друг от друга, выступают различными аспектами целого. Конечно, они при этом находятся в теснейших взаимосвязях и взаимодействиях. Однако все эти взаимосвязи обычно трактуются как связи между исходно отдельными образованиями, то есть носят по отношению к содержанию компонентов так сказать внешний характер. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что многие, в особенности – сложноорганизованные системы могут предполагать и иной тип взаимосвязей между компонентами – взаимосвязи по типу *включения* компонентов друг

в друга. Наиболее характерен этот тип взаимосвязей именно объектам психологического исследования. В результате его развертывания могут складываться очень сложные, необычные, а отчасти – и парадоксальные отношения между компонентами. Например, будучи дизъюнктивными в каком-либо одном отношении, компоненты системы в другом (или – других) аспектах могут быть включены в состав друг друга; они могут использовать друг друга и в качестве своих собственных средств.

8. Наконец, еще одной – достаточно прочной и устойчивой традицией в трактовке понятия компонента является то, что он (по определению) рассматривается как обязательно более простое образование, нежели та целостность, частью которой он выступает. В целом и в самом общем виде такая точка зрения является, разумеется, правильной; она выступает именно правилом. Вместе с тем, из него, как и из любого иного правила, существуют исключения. Причем, эти исключения становятся тем более представленными, чем сложнее анализируемая система. Их суть заключается в том, что, по-видимому, не всегда и не для всех систем правило, согласно которому компонент проще системы, является общим и универсальным. На первый взгляд, данное утверждение представляется не вполне обоснованным и даже – неправдоподобным. Вместе с тем, реальность, которую очень трудно оспаривать, именно такова. Наряду с принципом супераддитивности, существует, как известно, и принцип субаддитивности (инфрааддитивности), согласно которому в некотором смысле и в некоторых случаях «целое» оказывается «меньше, чем его часть» [27]. Приведем лишь одну иллюстрацию данной закономерности. Одним из аксиоматических положений социальной психологии в целом и психологии малых групп, в частности, является тезис, согласно которому группа (как целое) состоит из своих компонентов (как частей). Последними выступают отдельные члены группы; они и являются ее компонентами. Вместе с тем, если поставить вопрос о том, какая из этих двух сущностей – группа или личность каждого ее члена является более сложной, то ответ будет совершенно неочевидным. Вторая из них, то есть личность характеризуется не «большой простотой» по отношению к первой, то есть к группе, а наоборот – большей сложностью своей собственной организации.

На основе проведенного выше анализа можно, по всей вероятности, сделать вывод, согласно которому исторически сложившиеся и ставшие традиционными представления о содержании понятия компонента, о связях и отношениях между компонентами и системой в целом не вполне отвечают реальной ни его реальной сложности, ни сложности его отношений с системой. Проведенный анализ позволяет несколько уточнить содержание данного понятия, задавая тем самым необходимые методологические ориентиры для его использования в психологических исследованиях в целом и в исследовании проблемы сознания, в частности. Сущность основных из них состоит в следующем. Во-первых, компонент – это не только исходная «единица» целого, его так сказать строительный материал, то есть то, что подлечит организации и интеграции в системе, но и сам по себе является продуктом организации и интеграции – комплексным, сложноорганизованным образованием. Во-вторых, компоненты – это не качественно однородные образования, а образования, принципиально гетерогенные, обеспечивающие тем самым «внутреннее разнообразие» систем как необходимое условие их реальной сложности и внутренней дифференцированности. В-третьих, множество компонентов любой системы является не только принципиально счетным – конечным, предельным, но и в большинстве случаев – достаточно ограниченным. За счет такой компактности множества компонентов обеспечивается баланс между интеграционными и дифференцирующими механизмами внутри самих систем. В-четвертых, компонент – это принципиально динамическое образование, могущее менять режимы своего функционирования в зависимости от условий, в которых находится сама система. Одни и те же компоненты могут быть при этом представлены принципиально вариативно – с разной степенью развернутости и сложности. В-пятых, компоненты могут и не быть паритетными по своему статусу в рамках системы, а локализоваться на разных уровнях ее организации. Более того, учитывая предыдущую особенность, один и тот же компонент может быть локализован на разных уровнях организации системы, в зависимости от степени его развернутости, то есть – от режима его функционирования. В-шестых, в качестве компонентов системы могут выступать лишь такие образования, которые – на фоне их существенных содержательных различий – все же обладают и чертами принципиальной общности, которая, однако, часто обнаруживается на более глу-

боком уровне их анализа. Иными словами, компоненты обязательно должны быть сопоставимыми, сравнимыми, подобными в некоторых их наиболее существенных чертах. В-седьмых, между компонентами могут устанавливаться не только внешние связи, но и связи по типу включения. Это, в свою очередь, является прямым следствием одного из наиболее общих принципов организации сложноорганизованных систем – их неаддитивности, недизъюнктивности. В-восьмых, не всегда компоненты являются более простыми образованиями, нежели та целостность, в которую они входят. В ряде случаев компоненты могут быть либо вполне сопоставимыми, однопорядковыми по сложности с самой системой, либо даже превосходить ее.

В плане вышеизложенного вполне обоснованной представляется необходимость дифференцировки двух основных этим значений понятия компонента. Первое – строгое как раз и состоит в том, что им является такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Второе – более расширительное состоит в том, что под компонентом понимается, фактически, любая «составляющая» системы, любое структурное образование, локализующееся на разных уровнях ее организации. Такая трактовка, хотя и является менее строгой, но все же может быть использована как средство осуществления анализа; она особенно значима в плане реализации задач прикладного характера, поскольку позволяет установить более комплексный и полный состав анализируемого целого. Все эти положения необходимо учитывать при ответе на основной из обсуждаемых здесь вопросов – о том, что же именно должно рассматриваться в качестве компонентов деятельности.

Необходимо учитывать, что сущность компонента состоит еще и в том, что он не сводится только к его гносеологическому модусу – как результату процедуры декомпозиции целого. С иной – онтологической точки зрения компонент выступает уже не как конечный результат процедуры декомпозиции, а наоборот, как исходный – прежде всего, в генетическом плане для формирования и развития системы, для ее генезиса. В компоненте заложены многие интенции и потенции, необходимые для генезиса всего целого. Более того, в нем заложены и потенции для развертывания того главного, что составляет суть структурной организации любой сложной системы – ее уровневого строения. Дело в том, что *компоненты* обладают способностью к *кам-*

плексированию, синтезу (что отражено в еще одной его коннотации). В результате этого на их базе складывается образования, обладающие переходным уровневый статусом – ансамбли, паттерны компонентов, являющиеся, фактически, подсистемами всего целого. Они, как показано в работе [86], образуют особый уровень их организации – субсистемный. В гносеологическом плане компонент – это конечный пункт, итог самого познания, а в онтологическом плане компонент – это генетически исходный пункт развертывания процесса формирования систем. Оппозиция анализа как гносеологической процедуры и синтеза – интеграции как онтологического средства генезиса систем – это реальное и очень острое противоречие всех процедур аналитического типа, в том числе и психологического анализа деятельности. К сожалению, как правило, оно разрешается в пользу приоритета аналитичности и трактовки компонента только в функции части целого, но не в плане его трактовки как имеющего существенные генетические потенции, как «зачатка целого». Так, очень показательным в этом плане, является опять-таки действие как компонент деятельности. В процессе его собственной дифференциации, обогащения все новыми детерминантами оно, выступая исходно как нерасчлененное целое, может трансформироваться в образования большей степени развернутости и именно такое сукцессирование лежит в основе складывания собственно деятельностьных паттернов. Из этого следует, в частности, что искомая единица деятельности – ее компонент также должна быть гетерогенной, причем, в плане представленности в ней аспектов всех трех систем, входящих в состав деятельности.

Далее, другим – не просто важным в методологическом плане, но и, по существу, определяющим вопросом, возникающим при реализации аналитических процедур в целом и при разработке психологического анализа деятельности, в особенности, является еще одна проблема. Ее суть состоит в определении уже не того, из чего она состоит, а того, что означает само понятие «состоит»? Как соотносится само целое и его части, каковы принципы соорганизации вторых в первом и пр. На первый взгляд, данный вопрос представляется достаточно простым и даже не вполне заслуживающим самостоятельного рассмотрения. Более того, и в научном познании, и в повседневной практике сложился очень устойчивый и отвечающий здравому смыслу стереотип, согласно которому само понятие «состоит» имеет вполне ясное

содержание. Более того, познание как таковое в целом и анализ как его базовая разновидность, в частности, в качестве главного и исходного из всех этапов включает именно тот аспект изучения системы (и, соответственно, – подэтап), который направлен на установление ее компонентного состава. В известном смысле это вообще основной и исходный для любого познания шаг – в чем-то даже, так сказать, «архетипический», связанный со стремлением познающего субъекта понять, прежде всего, «из чего состоит», «что собой представляет» – в аспекте его содержания объект познания. При этом аксиоматично полагается, что целое именно состоит из частей, то есть оно является заведомо и всегда более сложным, чем они. Сами же части выступают качества сущностей относительно меньшего уровня сложности, синтез которых и приводит к образованиям больших порядков сложности. Отношения целого и частей с этой точки зрения это отношения множества и его компонентов (в лучшем случае – подмножеств), отношения включения.

Многие сложные системы характеризуются тем, что зачастую эксплицируют не вполне «обычные и привычные» отношения между целым и его частями, то есть системой и ее компонентами. Суть этих отношений состоит в том, что на них не могут быть перенесены традиционно доминирующие представления об отношениях включения, об отношениях аддитивности. Согласно последним, целое состоит из своих частей, а они, в свою очередь, являются заведомо более простыми, чем все целое; они образуют само целое посредством своей интеграции и пр. Напротив, по отношению к ряду систем они – как целостность – вовсе не «состоят» из своих частей, а *реализуется* в них и чрез них, *мультиплицируя* при этом на каждую из них существенную часть всего собственного содержания – повторяя и воспроизводя себя в них [14]. В результате нередко часть может не уступать целому по степени своей сложности и организованности; может являться равномошной ему, отражая в себе тем самым его собственные атрибутивные особенности – воплощая в себе его системные качества. Все эти и многие иные – повторяем, достаточно необычные отношения целого и частей являются, как известно, предметом специального анализа при исследовании систем неклассических типов. Это, в частности, популяционные, распределенные, диссипативные системы. Это, далее, и системы «наложенного» типа, а также производные системы и др. По отношению к ним такие отношения, однако, выступают не как необычные

и непонятные, но, напротив, – как вполне естественные и даже необходимые. Все это объясняется тем, что они являются производными от общего принципа их организации – не структурно-морфологического, а подчеркнуто функционального. При этом соотношения целого и частей базируется уже не на принципах включения и интеграции частей в целое, а на принципах мультипликации и координации. Это означает, что деятельность в целом – в плане своих базовых структурных компонентов мультиплицируется в своих «составляющих» – компонентах, окрашивая их в специфические для нее тона. На содержание и организацию компонентов (и, следовательно, на меру их сложности) транспонируется реальная сложность всей организации деятельности, что и придает истинную сложность им самим²⁴.

В более общем плане в основе этого лежит фундаментальный механизм мультиплицирования, при котором потенциал системы в целом может многократно воспроизводиться в ее частных, хотя и важных аспектах, проявлениях, функциях. Целое может повторять себя в частях, перенося на их организацию – в том числе и, прежде всего, на их структуру основные особенности своего функционирования. Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с обще адаптационной точки зрения. При этом складывается иная, нежели в традиционных системных представлениях, картина соотношений целого и частей, системы и компонентов. Целое (система) уже не состоит из частей (компонентов), а реализуется в некоторой совокупности основных функций (которые, впрочем, сами порождены этой системой). Это означает, что

²⁴ Показательным примером этого является организация управленческой деятельности. Она, являясь, определенной системой и «состоя» из ее компонентов – основных управленческих функций, как раз и характеризуется тем, что между первой и вторыми складываются не отношения включения, аддитивности, а отношению мультипликации. Любая из функций, объективно выступая частью целого, в то же время, не уступает ему по сложности, а напротив, транспонирует на свою организацию основные ее особенности и атрибуты всего целого. Так, в этом плане очень показательна, функция выработки и принятия управленческих решений, которая, как известно, по степени своей склонности, фактически, тождественна сложности всей деятельности и вообще во многом репрезентирует ее в целом [76, 124].

на каждую из функций может переноситься потенциал системы в целом. Такой перенос позволяет ей резко расширять – по существу, умножать, то есть именно мультиплицировать (в прямом и непосредственном значении данного понятия) свои функциональные возможности.

Все эти заключения, разумеется, ставят новые – еще более сложные и принципиальные вопросы, главный из которых состоит в том, как все это оказывается возможным? Каким образом и на основе каких конкретных по содержанию, но в то же время – достаточно общих по смыслу, широких по сфере действия и инвариантных по базовым принципам организации средств и механизмов обеспечиваются эти – действительно, сложные отношения? Однако, и этот – повторяем, наиболее принципиальный вопрос также допускает свое решение, сущность которого состоит в следующем.

Как известно из методологии системного подхода, двумя важнейшими типами системных качеств являются интегративные и дифференциальные системные качества. Их глубинные – принципиальные различия обусловлены тем, что в их основе лежат не просто разные, но и во многом противоположные по своему содержанию средства и механизмы. Констатация этих механизмов, а также их описание и интерпретация – это, разумеется, «основа основ» всей методологии системности, ее золотой фонд. Вместе с тем, негативным моментом является то, что нередко только этими типами и, соответственно, только соотносимыми с ними закономерностями дело и ограничивается. Другим негативным моментом является то, что при разработке проблемы системных качеств обычно упускается из виду еще одно положение принципиального плана, высказывавшееся уже представителями гештальтпсихологии. Оно состоит в том, что системные качества – это такие свойства системы, которые, являясь присущими ей именно в целом, в то же время могут быть воплощены и в ее частях. Другими словами, та или иная часть целого – тот или иной компонент системы, та или иная ее «составляющая» может выступать носителем системных качеств, а они, в свою очередь, обладают способностью воплощаться в их содержании. В связи с этим сама категория системных качеств эксплицирует свои новые – дополнительные и очень существенные грани. Оказывается, что некоторое качество может быть присуще той или иной части целого, тому или иному компоненту системы (и поэтому являться его собственной характеристикой, образовывать его собственную качественную опреде-

ленность и вообще – эксплицировать эту часть как нечто качественно определенное, «отдельное»). Однако оно же не утрачивает при этом и своего исходного – базового и определяющего статуса, то есть не перестает быть «первично» системным, то есть не перестает эксплицировать и наиболее обобщенные – интегративные свойства всей системы, ее качества именно как целостности. Тем самым, именно все целое, репрезентированное в его наиболее обобщенных – системных качествах, оказывается представленным в его же частях. Сами части могут становиться и реально становятся носителями атрибутивных особенностей всего целого – его системных качеств. Система (целое) воплощается – мультиплицируется в своих компонентах (частях).

Констатируя все эти особенности, трудно, однако, не видеть, что следует сделать всего лишь один логический шаг и для другого – наиболее принципиального заключения. На основе действия именно указанных средств и механизмов складывается не вполне «обычная и привычная», а отчасти – даже парадоксальная картина, при которой часть (компонент) системы, обладая, разумеется, своим собственными качествами (присущими ей как части), в то же время, начинает обладать и качествами всей системы. Системные качества целого распределяются по его отдельным частям. В силу этого, системные качества начинают выступать уже не только как свойства самого целого, но и как свойства его частей. Однако это же означает, что те свойства (и скрытые за ними и в них сущностные механизмы организации), которые присущи всей системе, становятся одновременно и свойствами ее отдельных «составляющих». Наконец, подчеркнем, что с этих позиций само понятие системных качеств также обретает новый – дополнительный и очень существенный смысл. Они раскрываются как такие качества, которые, будучи интегративным по своему генезису и характеризую систему в целом, в то же время функционально могут транспонироваться и на ее «составляющие» – на части, компоненты и пр. Наиболее принципиально то, что они при этом, фактически, не подвергается никакой редукции и трансформации; напротив, они сохраняются во всех своих основных особенностях – во всей полноте своего содержания и сложности. С этой точки зрения вовсе не обязательно, чтобы носителем системных качеств выступала бы система в целом; их носителем может выступать та или иная ее относительно локальная «составляющая».

В связи с этим, можно заключить, что одной из важнейших граней самих системных качеств является присущая им способность воплощаться – мультиплицироваться в отдельных «составляющих» системы. При этом еще более тонкий аспект данной проблемы – ее наиболее имплицитный нюанс состоит в следующем. Одно и то же качество, будучи присуще какой-либо части системы и выступая при этом ее парциальным проявлением, в то же время выступает и ее интегральным проявлением – ее качеством в целом, то есть ее системным качеством.

Таким образом, на основе сказанного можно сделать вывод о том, что само понятие «состоит», которое играет столь важную и в принципе понятую (или считающуюся понятной) роль в психологическом анализе деятельности, также нуждается в существенной корректировке. То понимание, которое доминирует в настоящее время, не отражает реальной сложности организации систем – особенно психологического плана. Оно должно быть не только скорректировано, но и расширено посредством иного, нежели традиционно описанный, типа соорганизации, базирующегося на принципе мультиплицирования. Особо значимо то, что данный принцип играет все большую роль при усложнении организации самих систем – его роль пропорциональна их сложности. Поэтому данное заключение также необходимо учитывать при разработке методологических основ психологического анализа наиболее сложных видов профессиональной деятельности – в особенности субъектно-информационного.

Итак, выше были рассмотрены некоторые ключевые вопросы, связанные с разработкой методологических и теоретических основ психологического анализа деятельности. В завершении этого рассмотрения представляется целесообразным сделать ряд заключений обобщающего плана. Во-первых, с достаточной степенью отчетливостью выявилось обстоятельство наиболее общего и одновременно – исходного плана, состоящее в том, что в русле данного направления, равно, впрочем, как и в самой психологической теории деятельности, к настоящему времени оформился целый ряд проблем и трудностей принципиального плана. Все они свидетельствуют об определенной стагнации в этих важнейших психологических областях и, соответственно, данная ситуация должна быть преодолена. В этих целях следует обязательно учитывать два принципиальных обстоятельства. Первое: оба этих направления являются не только тесно взаимосвя-

занными, но и, по существу, атрибутивно взаимопроизводными. Следовательно, с одной стороны, психологический анализ деятельности как комплексное теоретико-прикладное направление должен базироваться на тех данных, которыми располагает сама психологическая теория деятельности; развиваться вслед за ее собственным развитием. Это, однако, означает, что такое развитие может быть успешным только тогда, когда со стороны данной теории будет обеспечена соответствующая «подпитка», то есть при условии конструктивного развития самой этой теории. Второе: конструктивное развитие обоих этих направлений должно учитывать постоянное и достаточно быстрое изменение «мира профессий». Особо важно, что в результате его трансформаций возникают не только новые виды трудовой деятельности, но и новые их классы. При этом наиболее значимо то, что таковым как раз и является субъектно-информационный класс, а его психологическое исследование, в том числе и с позиций теории деятельности, а также в рамках ее психологического анализа выступает в качестве первоочередной задачи.

Во-вторых, проведенное рассмотрение показало также, что реализация этой, а также иных принципиальных задач развития психологического анализа деятельности, равно как и психологической теории деятельности в целом, предполагает преодоление ряда принципиальных трудностей, приобретших, к сожалению, хронический характер. Более того, они часто приобретают и характер так сказать теоретических стереотипов, понятийных штампов и уже практически не подвергаются критической оценке и методологической рефлексии. Так, уже базовое и исходное положение о деятельности как системе, которая и высыпает предметом психологического анализа, в действительности, является не вполне корректным (или даже некорректным в существенной степени). Дело в том, что она в наиболее общем случае представляет собой образование значительно более сложного типа, относящееся к категории постсистемных образований. Она выступает в качестве одного из его основных разновидностей – в качестве системного комплекса. Особо значимо это по отношению именно к деятельности субъектно-информационного класса; поясним сказанное. Как показано нами в работе [90], реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется, как известно, через так называемую «дея-

тельность формулу». Это триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. Каждая из них оказывает наибольшее специфицирующее влияние на психическую регуляцию, соответственно, трех разных классов деятельности. Так, по отношению к субъект-объектным деятельности эта регуляция обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется индивидуальная психика субъекта деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такого специфицирующего фактора выступает уже не субъектная, а объектная «составляющая» этой формулы. Дело в том, что в нем главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные радикальной трансформацией его предмета. В его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности. Однако есть основания полагать, что именно этой же, общей и, по-видимому, фундаментальной, особенности подчиняется и тот класс деятельности, который пока не был исследован в данном плане – субъектно-информационный. В нем психическая регуляция, по всей вероятности, в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы» – самим *процессом* деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении, в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми и реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств – процессор не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику *процессу* деятельности субъектно-информационного класса придает, в основном, именно *процессор* как ключевой компонент всех компьютерных средств.

Более того, именно на процессор транспонируется целый ряд функций и задач – вообще всего содержания деятельности, которое в других классах деятельности являлось прерогативой субъекта. Возникает определенное отчуждение психологического содержания деятельности от самого субъекта. Это порождает ряд новых феноменов,

которые также усложняют содержание деятельности. Одновременно процессор воспроизводит существенную часть содержания тех реальностей, которые сопряжены со всеми тремя базовыми системами, входящими в деятельность. Так, он реализует существенную часть функций субъекта; он же моделирует или даже создает реальность, соотносимую с объектом деятельности; наконец, он же реализует практически полностью техническую составляющую взаимодействия между ними. В результате этого степень сложности деятельности субъектно-информационного класса не просто увеличивается, но и, фактически, удваивается. Она из системного комплекса трансформируется в системный комплекс «второго порядка». Это приводит к новой психологической реальности, которую следует зафиксировать и осознать, а также эксплицировать в теоретических представлениях.

В-третьих, существенной корректировке и дальнейшему углублению должны быть подвергнуты также теоретические представления, сложившиеся к настоящему времени относительно основной – ключевой и определяющей проблемы психологического анализа деятельности – проблемы определения ее основных «составляющих», базовых единиц анализа. Эта проблема является столь же традиционной, сколь и важной, а также остро дискуссионной на протяжении всего развития представлений в данной области. В результате проведенного рассмотрения было показано, что ни один из предложенных вариантов дифференциации базовых единиц деятельности не релевантен психологической природе и специфике содержания деятельности субъектно-информационного класса. Данная проблема допускает, по нашему мнению, свое теоретически обоснованное решение при условии опоры на базовое в концептуальном отношении понятие компонента.

Вместе с тем, оно должно быть реализовано отнюдь не в его упрощенном и уплощенном варианте, а часто – и без должного осознания его истинного смысла. Оно должно быть эксплицировано в его строгом значении, которое, в свою очередь, предполагает использование того объяснительного потенциала, который сложился в общей теории систем. Пора, наконец, не только осознать, но и реализовать следующие важнейшие положения. Само понятие компонента имеет два основных значения – строгое (узкое) и расширительное (операциональное), характеристика которых была дана выше. Между ними, однако, не только нет какой-либо принципиальной границы – так сказать, ор-

ганизационной «пропасти», но, наоборот, компоненты все более высоких порядков сложности порождаются посредством качественных трансформаций и комплексирования – синтеза компонентов более низких порядков. В результате такого саморазвития в составе систем – в том числе, и деятельности складывается особый уровень ее структурной организации – субсистемный. Он состоит из закономерных синтезов компонентов в определенные целостности – в компоненты более высоких порядков сложности, то есть в определенные подсистемы (субсистемы). Лишь на основе такого понимания оказывается возможным преодолеть два принципиальных недостатка традиционных представлений о базовых единицах анализа деятельности. Один из них заключается в явном и неоправданном крене в элементаризм – в ущерб, разумеется, холизму. Единица трактуется как, по возможности, относительно наиболее простая, а в понимании и в выделении компонентов доминирует установка на поиск и исследование чего-либо, по возможности, более простого. Проведенное рассмотрение показало, что понятие компонента, равно как и его сущность, состоят совершенно в ином. Это такое образование, которое само по себе обладает весьма высокой степенью сложности. Второй негативный момент существующих представлений состоит в том, что они слабо учитывают еще одно важное свойство компонентов. Все они обладают достаточно мощным генеративным – порождающим потенциалом. Они являются не только «составляющими» сформированной деятельности, но и основой и «зачатком» ее генезиса и развития.

Истинная сложность компонентов как базовых единиц системной организации заключается и в еще одном – пожалуй, наиболее, имплицитном плане. Компоненты системы, обладая, разумеется, своими собственными качествами (присущими им как ее части), в то же время, характеризуются способностью мультиплицировать качества всей системы. Системные качества целого распределяются – диссипируются по его отдельным частям. В силу этого, системные качества начинают выступать уже не только как свойства самого целого, но и как свойства его частей, то есть компонентов. Однако это же означает, что те свойства (и скрытые в них сущностные механизмы организации), которые присущи всей системе, становятся одновременно и свойствами ее отдельных «составляющих». С этих позиций само понятие системных качеств также обретает новый – дополни-

тельный и очень существенный смысл. Они раскрываются как такие качества, которые, будучи интегративным по своему генезису и характеризую систему в целом, в то же время функционально могут транспонироваться и на ее «составляющие» – на части, компоненты и пр.

В-четвертых, столь же существенному переосмыслению необходимо подвергнуть, по нашему мнению, и еще одно традиционное сложившееся положение, закрепленное в соответствующем понятийном стереотипе. Действительно, согласно традиционным представлениям, провести анализ деятельности означает определить, «из чего она состоит». На первый взгляд, такая трактовка не только совершенно правильна, но, фактически, нет никаких иных вариантов в определении основной задачи самого анализа. Все дело, однако, заключается в том, каким образом необходимо интерпретировать само понятие «состоит». Его, на наш взгляд, совершенно недопустимо сводить к упрощенным представлениям только о структурном принципе строения и формирования состава систем. Он означает, как известно, построение по типу включения, по типу аддитивного суммирования «оставляющих». Это, хотя и важный, но все же частный принцип генезиса и организации систем. Наряду с ним, не только возможен, но и весьма широко представлен и иной принцип – функциональный. Он состоит в том, что система не «состоит» из своих компонентов, а реализуется в них и через них. Характеристика данного принципа также дана выше. Именно на его основе построена, в частности, деятельность управленческого и организационного типа, которая является наиболее репрезентативным представителем субъект-субъектного класса. Отсюда, кстати говоря, следует достаточно важное общетеоретическое предположение, смысл которого состоит в следующем. Если возникновение нового класса деятельности (субъект-субъектного) привело к появлению нового принципа композиции деятельности, то, не исключено, что возникновение и еще одного класса (субъектно-информационного) не только будет воспроизводить его в себе, но и приводить к его дальнейшему усложнению и совершенствованию.

Наконец, подчеркнем, что проведенное рассмотрение некоторых основных трудностей современного состояния как психологической теории деятельности, так и производного от нее направления – психологического анализа деятельности показало их отнюдь не «тупиковый» характер. Напротив, все они не только вполне допускают свое прео-

доление, но возможные – сформулированные выше варианты выхода из них могут рассматриваться реальными – вполне конструктивными направлениями собственного развития теории деятельности. Все это свидетельствует также о больших и пока реализованных не в полной степени перспективах развития психологической теории деятельности, а также о том, что она отнюдь не утратила лидирующего положения в структуре психологического знания. Эти же варианты могут составить и более адекватную теоретико-методологическую основу для разработки общих подходов и конкретных процедур самого психологического анализа деятельности. Значимо и то, что эти подходы и процедуры в значительно большей степени релевантны не только традиционным классам деятельности (субъект-объектному и субъект-субъектному), но и еще одному, новому классу деятельности – субъектно-информационному. В связи с этим, возникает необходимость выявления того, какие конкретные возможности открываются по отношению к разработке основ его психологического анализа с позиций сформулированных положений теоретико-методологического плана.

2.3. Теоретические основы разработки психологического анализа информационной деятельности

2.3.1. Проблема структурных единиц анализа деятельности

В плане решения данной проблемы представляется необходимым обратиться к рассмотрению следующих основных задач. С одной стороны, необходимо рассмотреть, каким образом могут быть минимизированы наиболее общие – традиционные и даже так сказать «хронические» трудности теории деятельности? В чем состоят конкретные пути решения ряда проблем этой теории, к которым привело ее развитие в настоящее время? С другой стороны, необходимо рассмотреть также, каким образом формулируемые в этой связи положения теоретического характера могут быть реализованы по отношению к одному из перспективных и важнейших с точки зрения современного разделения труда классу деятельности – субъектно-информационному? Какие «вызовы» он создает для существующей традиционной теории деятельности и проблематики ее психологического анализа?

Наконец, как они сами должны быть скорректированы и, возможно, трансформированы для того, чтобы отвечать реалиям данного класса и являться конструктивными для его исследования? Последнее тем более актуально, что именно отставание психологической теории деятельности от быстрых изменений «мира профессий» и обусловленная им недостаточность существующих в ней представлений для раскрытия содержания ее качественно новых видов, типов и классов, нередко радикально отличающихся от традиционных, является одной из главных причин определенной стагнации и даже кризисных моментов в ее развитии. Поэтому ее прогресс в значительной мере зависит от того, насколько новые варианты данной теории будут адекватны задачам их исследования; насколько они будут в состоянии выявлять и объяснять их содержание и организацию. Одним из таких – именно принципиально новых классов как раз и является субъектно-информационный класс деятельности, чем и определяется значимость его исследования именно для развития психологической теории деятельности в целом.

Приступая к рассмотрению этих и иных, сопряженных с ними вопросов, представляется необходимым базироваться на итогах проведенного выше рассмотрения, которые одновременно должны быть поняты и как стартовые позиции для всего последующего анализа. Во-первых, это обстоятельство наиболее общего и одновременно – исходного плана, состоящее в том, что в русле данного направления, равно, впрочем, как и в самой психологической теории деятельности, к настоящему времени оформился целый ряд проблем и трудностей принципиального плана. Все они свидетельствуют об определенной стагнации в этих важнейших психологических областях и, соответственно, данная ситуация должна быть преодолена. В этих целях следует обязательно учитывать два принципиальных обстоятельства. Первое: оба этих направления являются не только тесно взаимосвязанными, но и, по существу, атрибутивно взаимопроизводными. Следовательно, с одной стороны, психологический анализ деятельности как комплексное теоретико-прикладное направление должен базироваться на тех данных, которыми располагает сама психологическая теория деятельности; развиваться вслед за ее собственным развитием. Это, однако, означает, что такое развитие может быть успешным только тогда, когда со стороны данной теории будет обеспечена соответствующая «подпитка», то есть при условии конструктивного развития самой этой теории. Второе: конструк-

тивное развитие обоих этих направлений должно учитывать постоянное и достаточно быстрое изменение «мира профессий». Особо важно, что в результате его трансформаций возникают, как уже отмечалось, не только новые виды трудовой деятельности, но и новые их классы. При этом наиболее значимо то, что таковым как раз и является субъектно-информационный класс, а его психологическое исследование, в том числе и с позиций теории деятельности, а также в рамках ее психологического анализа выступает в качестве первоочередной задачи.

Во-вторых, реализация этой, а также иных принципиальных задач развития психологического анализа деятельности, предполагает преодоление ряда принципиальных трудностей, приобретших, к сожалению, хронический характер. Более того, они часто приобретают и характер так сказать теоретических стереотипов, понятийных штампов и уже практически не подвергаются критической оценке и методологической рефлексии. Их развернутый анализ и был осуществлен выше, а проведенное рассмотрение некоторых основных трудностей современного состояния как психологической теории деятельности, так и производного от нее направления – психологического анализ деятельности показало их отнюдь не «тупиковый» характер. Напротив, все они не только вполне допускают свое преодоление, но возможные варианты выхода из них, как можно видеть из представленных выше материалов, могут и должны рассматриваться реальными – вполне конструктивными направлениями собственного развития теории деятельности.

Обобщая все эти – главные результаты проведенного рассмотрения и выделяя так сказать «главное из главного», необходимо зафиксировать следующее – наиболее общее положение, а также ряд следствий из него, которые также должны составить базу для последующего рассмотрения. Оно состоит в том, что практически все трудности развития и современного состояния психологического анализ деятельности сопряжены с одной – базовой и фундаментальной проблемой, являющейся, к тому же, и наиболее традиционной для него; более того, она лежит в его основе как такового. Это, разумеется, классическая проблема единиц анализа, которая может по-разному формулироваться, обретать различные экспликации и контуры ее методологической рефлексии, но которая остается инвариантной по сути и содержанию, равно как и по статусу. Более того, ее методологическое осмысление

вплотную приводит к постановке вопросов еще более общего и, по существу, гносеологического, даже – философского характера. В ее контексте они вовсе не являются теоретически избыточными, а необходимы в плане ее разрешения. Так, прежде всего, встает один из наиболее общих вопросов, смысл которого состоит в следующем. Действительно ли *анализ* как таковой – как базовая гносеологическая процедура всегда должен предполагать опору на *декомпозицию* целого именно на его «единицы». Тожественен ли сам анализ именно декомпозиции, или же он не сводится к ней и предполагает возможность процедур иного типа – в частности *синтетической* направленности? Очевидность позитивного варианта ответа на данный вопрос «подсказывается» и традиционно сложившейся как в науке, так и на практике синонимией терминов «анализ» и «разделение» (то есть именно декомпозиция – расчленение, движение от целого к его частям). Далее, возникает и вопрос о том, что должно пониматься под самими частями? На что, следовательно, должны быть ориентированы аналитические процедуры как таковые? Либо это реальная – *онтологически* проставленная составляющая целого – то, из чего оно в действительности состоит? Либо же это *гносеологически* конструируемая сущность – конструктор, являющийся средством познания и реализации его результатов в практических целях.

Наконец, подчеркнем и то обстоятельство, которое, с одной стороны, явилось результатом проведенного в [96] рассмотрения, а с другой, – должно быть понято и как принципиальная трудность дальнейшего развития представлений в области психологического анализа деятельности. Она, соответственно, должна быть проинтерпретирована и как проблема, требующая своего приоритетного рассмотрения. Действительно, как показано в [99, 109, 111, 112], все предпринимавшиеся ранее попытки установления базовой – унитарной единицы деятельности и, соответственно, ее анализа имели и продолжают иметь принципиально ограниченный характер; они не являются так сказать универсальными и «всеохватывающими» – релевантными всем видам деятельности. Более того, мера адекватности существующих вариантов выделения таких единиц существенно и очень явно снижается при усложнении самих видов анализируемой деятельности. Традиционные варианты становятся все менее «работающими» и вообще пригодными при усложнении самих

видов деятельности. Причем речь идет вовсе не об их неправильности – они вполне могут быть использованы в этих целях, а именно об их неконструктивности, несензитивности к экспликации через них истинного содержания деятельности, ее психологического богатства. Так, конечно, можно описать управленческую деятельность в наиболее традиционных единицах – действиях [130]. Однако это практически ничего не дает для экспликации ее истинного содержания и реальной сложности. Подчеркнем также, что в этой связи должен быть сформулирован и еще более имплицитный вопрос – о том, что именно представляет собой сама «сложность»? Является ли движение деятельности в сторону усложнения одновекторным или же сами направления усложнения также множественно? Например, усложнение может быть обусловлено повышением ответственности, экстремальностью условий и др. В связи с этим, и возникает вопрос: какой тип усложнения характерен для субъектно-информационного класса? Ответ на него – хотя бы в первом приближении может быть дан уже сейчас и он вполне очевиден. В данном классе усложнение деятельности обусловлено не каким-то одним фактором, а их симптомокомплексом – совокупностью взаимосвязанных факторов. Это и резкое возрастание информационной составляющей, приводящее к высокой когнитивной нагрузке на субъекта. Это и имплицитный характер презентации предмета деятельности, обретающего зачастую характер виртуальной реальности. Это и транспонирование целого ряда деятельностных функций, являющихся для других классов деятельности исключительно прерогативой субъекта, на ее средств, то есть на процессор и др.

Необходимо учитывать и еще более принципиальное обстоятельство, к которому приводят указанные факторы. Он состоит в том, что по всем своим атрибутам и вообще – по содержательным и структурным характеристикам эта деятельность не только вплотную приближается к тому, что обычно обозначается как ее внутренний план, как структура и содержание *психической регуляции*, но и вообще практически к ней сводится. Деятельность в целом во многом или даже – практически во всех ее основных моментах переходит во внутренний план, а ее структура и содержание становятся принципиально подобными структуре психической регуляции как таковой. То, что выступало по отношению ко всем иным видам и типам деятельности как ее регу-

лятор, а соответственно, лишь ее часть, по отношению к субъектно-информационному классу становится всей деятельностью – по крайней мере, в ее атрибутивных чертах и основных механизмах реализации.

Отсюда вытекает важный, по нашему мнению, вывод методологического плана. Структура деятельности субъектно-информационного класса и, соответственно, система ее базовых единиц во многом повторяет или даже воспроизводит – мультиплицирует структуру психической регуляции как таковой. Поэтому анализ данной деятельности не только может, но и обязательно должен базироваться на структурной экспликации этой регуляции. Понятно, что данное заключение, с одной стороны, вскрывает еще большую сложность психологического анализа деятельности данного класса, поскольку сам его предмет и вообще – практически вся его сфера переносятся в этот – внутренний план, становятся представленными именно в интрапсихической плоскости. Они, следовательно, становятся значительно менее эксплицированными и доступными любым исследовательским процедурам. Анализ «внутреннего» – имплицитного существенно сложнее, нежели анализ «внешнего» – эксплицитного, что, кстати говоря, составляет и одну из основных трудностей всего психологического познания. Однако, с другой стороны, именно это же обстоятельство в определенной и, более того, весьма существенной степени облегчает анализ (хотя это может показаться, на первый взгляд, неправдоподобным). Дело в том, что констатированная выше конгруэнтность – практически *изоморфизм*, доходящий до степени тождества, между структурой и содержанием психической регуляции деятельности и всей деятельностью может рассматриваться как ориентир для экспликации структуры деятельности субъектно-информационного класса в целом и, следовательно, как основа для ее анализа, равно как и для определения сути ее единиц. В этом случае проведение анализа деятельности, фактически, равнозначно анализу структуры и содержания ее собственно психологического обеспечения. Оно, в свою очередь, представлено в ее закономерной организации и установлено в целом ряде подходов к ее экспликации, которые и должны быть привлечены к решению данной проблемы.

Как было показано выше, а также в целом ряде других работ (например, в [78, 87, 95]), все подходы к такой экспликации структуры деятельности группируются в две основные парадигмы – структур-

но-уровневую и структурно-морфологическую. Имея свои несомненные достоинства, равно как и определенные ограничения, они могут быть поняты и как две стадии разработки общей проблемы структурной организации деятельности. Дело в том, что вторая из них оформилась существенно позже первой и в значительной степени явилась своеобразной реакцией на ее ограничения, позволив дать более полную и комплексную экспликацию структурной организации деятельности. Вместе с тем, и она сама также не лишена определенных ограничений, что вполне естественно и отражает реальную сложность самого предмета исследования. Следовательно, она также предполагает необходимость дальнейшего развития и совершенствования. Очень характерно и то, что существенные предпосылки и условия для возможного, а по нашему мнению, – и наиболее перспективного способа решения этих проблем сложились – «вызрели» в русле самих этих парадигм, то есть явились органичными следствиями и результатами их собственного развития. Они, следовательно, носят не внешний и потому искусственный характер, а являются внутренними, сопряженными с аутохтонной логикой развития самой психологической теории деятельности и, следовательно, в существенно большей степени обоснованными. В результате этого она была существенно модифицирована и, фактически, трансформирована в новую парадигму, обозначенную как *функционально-динамическая* парадигма разработки проблемы деятельности [9].

Суть такой трансформации определяется следующим важнейшим обстоятельством. Как отмечалось выше, структурно-морфологический подход связан с выделением и последующим изучением ее основных психологических «составляющих» (компонентов). Этот подход получил наиболее завершенное выражение в разработанных в 1970-80-е гг. структурно-функциональных представлениях, моделях деятельности [53, 55, 57, 59, 120, 156, 201, 206]. Их общий смысл состоит в установлении того, что в основе психологической структуры деятельности лежит организованная совокупность определенных базовых компонентов (функциональных блоков, психологических «составляющих», образующих деятельности и т. п.). Причем, различными авторами в их качестве рассматривается весьма сходный набор компонентов. Такая общность закономерна и в ней отражена наиболее общая закономерность: для реализации деятельности объективно необходим определен-

ный и достаточно инвариантный набор некоторых, основных, *деятельностных функций*. Это – функция формирования цели и ее дифференциации на подцели; функция редукции неопределенности и выработки решения; функция построения плана и программы; функция контроля и самоконтроля и др. Все эти деятельностные функции, составляя в совокупности «каркас» психологической регуляции деятельности, достаточно инвариантны как по составу, так и по отношению к различиям в предметном содержании деятельности, а также к ее типам, видам и условиям реализации. Все они, однако, объективно предполагают необходимость своего собственно *процессуального* обеспечения. Поэтому само установление этих функций ставит закономерный вопрос – вопрос об определенной группе специфических процессов, которая, по-видимому, должна являться столь же инвариантной, как и сама совокупность базовых регулятивных, деятельностных функций. Другими словами, возникает необходимость раскрытия того, как же конкретно, то есть в форме каких процессов реализуются, «работают» выявленные ранее составляющие деятельности? Возникает необходимость дополнения структурно-морфологического исследования иным – процессуально-динамическим изучением. Последнее связано с выяснением вопроса уже не о том, из чего *состоит* деятельность, а с вопросом как она *функционирует*; более конкретно – какие процессы лежат в основе организации и динамики деятельности как целостной системы.

Один из вариантов решения этого – ключевого в теоретическом отношении вопроса был предложен в разработанной нами концепции *интегральных процессов* психической регуляции деятельности [70, 77, 86, 95]²⁵. Согласно ей, в качестве этих процессов выступает класс специфически регулятивных процессуальных средств деятельности, которые и обеспечивают собой реализацию базовой, инвариантной совокупности основных функций по ее организации. Он и был обозначен как класс интегральных процессов психической регуляции деятельности. В него входят процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля. Это – своего рода процессы «второго порядка», второго уровня интеграции. В них осуществляется синтез всех иных – «первичных» психических про-

²⁵ Она рассмотрена в предыдущей главе.

цессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых) при реализации ими регулятивных функций.

Кроме того, поскольку каждый из интегральных процессов образован, как показано в [86], синтезом иных – онтологически представленных психических процессов, то и сами интегральные процессы также выступают в качестве реально представленных – онтологических образований. Через них и в них основные «составляющие» деятельности обретают свой онтологический статус. Поэтому они должны быть проинтерпретированы как одна из важнейших «составляющих» реальной онтологии деятельности в аспекте ее процессуально-психологического, собственно регулятивного обеспечения. Важно и то, что те «первичные» психические процессы, которые подвергаются синтезу в рамках каждого из интегральных процессов, базируются, в свою очередь, на тех или иных конкретных и вполне определенных психофизиологических функциях. Главной же отличительной чертой психофизиологических функций как раз и является то, что они образуют онтологическую основу психического, являются этой онтологией.

Таким образом, через соответствие с тем или иным интегральным процессом каждая из главных психологических «составляющих» деятельности, каждый из ее функциональных блоков, действительно, обретает онтологические основания для своего существования и, соответственно – дифференциации. Данное положение представляется наиболее принципиальным и должно быть зафиксировано специально. Его смысл, повторяем, состоит в том, что именно интегральные процессы выступают объективным – онтологически представленным критерием для самой дифференциации основных психологических «составляющих» регуляции деятельности. Причем, они являются критериями, носящими именно *объективный* характер, поскольку непосредственно сопряжены с реальной онтологией процессуально-психологического обеспечения деятельности и, более того, – фактически, *образуют* саму эту онтологию.

Далее, можно констатировать, что существует достаточно явное и очень закономерное подобие, доходящее до степени изоморфизма, между совокупностью функциональных *блоков* общей системы деятельности и совокупностью интегральных *процессов* психической регуляции деятельности. Вместе с тем, в данной связи необходимо учитывать еще одно – существенное обстоятельство, состоящее в следу-

ющем. Вся совокупность функциональных блоков дифференцируется на две группы. В первую входят такие из них, которые непосредственно и очень естественным образом соответствуют тому или иному интегральному процессу и, фактически, выступают как их прямое результативное проявление (например, блоки целеобразования или принятия решения). Однако действительная сложность организации деятельности состоит в том, что она включает еще одну – вторую группу. Их природа такова, что и они тоже, хотя и более опосредствовано, связаны с собственно процессуальным аспектом ее организации. Так, в основе мотивационного обеспечения деятельности (то есть в основе блока мотивации) лежат, в том числе, и качественно специфические, именно процессуальные образования – мотивационные процессы (которые, к сожалению, значительно хуже раскрыты в настоящее время, нежели иные типы процессов). В основе многих и притом, – наиболее значимых, базовых профессионально-важных качеств, в роли которых, как известно, выступают общие и специальные способности личности, также лежат основные психические функции и формирующиеся на их основе психические процессы. Поэтому целый ряд этих качеств также выступает результативным аспектом и итоговым проявлением определенного процессуального содержания психики.

В силу этого, раскрытие особенностей формирования функциональных блоков, фактически, невозможно изолировать от рассмотрения аналогичного формирования самих интегральных процессов, лежащих в основе формирования самих функциональных блоков. Это – практически «две стороны одной медали»; два аспекта общего содержания регулятивной подсистемы психики и ее генезиса. Первый фиксирует, преимущественно, его *результативный* аспект – его «кристаллизацию» в определенных функциональных новообразованиях, в качестве которых и выступают функциональные блоки системы деятельности. Второй фиксирует его собственно *процессуальный* аспект, связанный с функционированием, а также со становлением и развитием собственно операционных средств регуляции деятельности.

Существенно и то, что с таких позиций не только каждая из основных «составляющих» системы деятельности (функциональный блок) так сказать «по отдельности» обретает объективный критерий своей дифференциации. Дело еще и в том, что и вся их совокупность (точнее – система) также получает комплексный и вполне *объективный*

критерий ее дифференциации в целом. Действительно, можно видеть, что имеет место не только и не просто так сказать «поточечное» – взаимно-однозначное соответствие каждого из интегральных процессов с той или иной «составляющей» деятельности. Существует также и комплексное соответствие всей совокупности базовых регулятивных функций, с одной стороны, и всей системы интегральных процессов, с другой. Иначе говоря, вся совокупность функциональных блоков системы деятельности соответствует всей системе интегральных процессов ее психической регуляции. Более того, как показано выше, их система как раз и выступает не только комплексным, но и реально представленным их онтологическим основанием, их онтологией как таковой.

Следовательно, и сама дифференциация основных психологических «составляющих» деятельности, представленная, в частности, как совокупность ее основных функциональных блоков и являющаяся, фактически, главным положением всей структурно-морфологической парадигмы разработки теории деятельности, обретает свой комплексный и объективный критерий. В свете данного критерия эта дифференциация раскрывается уже не только как гносеологическое средство описания и изучения деятельности, а как естественная и онтологически представленная психическая реальность. Функциональные блоки, явившиеся исходно дифференцированными на базе, преимущественно, эмпирико-феноменологических критериев и оснований обнаруживают – именно через соответствие с совокупностью интегральных процессов свой истинный, то есть онтологический статус. Одновременно и совокупность интегральных процессов эксплицирует свой очень важный модус: она является комплексным и, повторяем, онтологически представленным – объективным критерием для дифференциации самих этих «составляющих», функциональных блоков деятельности. Становится понятным, как и почему именно они синтезируются в целостность – в психологическую систему деятельности. Фактически, все вышеизложенное означает, что через совокупность интегральных процессов, вообще – с позиций концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности осуществляется концептуальное расширение и представлений по проблеме деятельности в целом.

В плане констатации основных следствий, к которым привело развитие представлений об интегральных процессах регуляции деятельности, особо подчеркнем еще некоторые – дополнительные по от-

ношению к уже охарактеризованным положениям. Так, во-первых, если представления о функциональных блоках системы деятельности, равно как и сами эти понятия, несут, в основном, характер *гносеологических* конструктов, то в понятиях интегральных процессов фиксируется уже иной – существенно более приближенный к *онтологии* психического пласт его содержания. Являясь собственно процессуальными образованиями, они, собственно говоря, и представляют собой то, в чем, через что и за счет чего осуществляется реальное функционирование психического в целом и его регулятивные функции по отношению к деятельности. Процессуальность есть онтология самого функционирования, которое и составляет содержание психического в целом [167]. Поэтому переход от структурно-функциональной парадигмы к функционально-динамической во многом тождественен переходу от гносеологических способов экспликации психического к онтологическим. Следовательно, анализ интегральных процессов – это в значительной степени и есть анализ самой онтологии деятельности, ее собственно психологического содержания.

Во-вторых, постановка в центр исследования структурно-функциональной организации деятельности понятия интегральных процессов является решающим условием и принципиальным средством перехода от *статических* схем ее анализа к *динамическим* схемам. Как известно, явно недостаточный учет традиционными подходами динамического аспекта вообще является одним из основных их недостатков. Организация деятельности рассматривается именно как относительно статическая структура, но не как структурно-функциональное образование, то есть такое, в организацию которого органично и совершенно объективно, атрибутивно включено временная координата. Деятельность рассматривалась и продолжает рассматриваться в них с позиций представлений о системах синхронического, а не диахронического типа. Сама же категория системности реализуется при этом лишь в одном ее, хотя и важнейшем, но все же не единственном, модуле – как синхроническая системность. Понятие же временной – *темпоральной системности*, равно как и сопряженные с ней закономерности временной организации, остаются слабо реализованными. С позиций представлений об интегральных процессах эти существенные ограничения в значительной степени оказываются возможным преодолеть, поскольку они как раз и являются подчеркнуто процессуальными

образованиями (по определению) и, следовательно, системами темпорального типа. Сама же деятельности – уже не декларативно, а реально эксплицируется как аналогичное – процессуальное образование и, следовательно, как система темпорального типа. Через интегральные процессы и посредством их анализа в теорию деятельности органично включается важнейшая категория реальности, важнейшее ее измерение – временное. Сам же ее анализ получает реальные возможности для экспликации тех – возможно, очень значимых закономерностей, которые обусловлены этой координатой.

В-третьих, все интегральные процессы обладают объективно присущей процессуальности как таковой *сукцессированностью*, развернутостью и, следовательно, существенно большей степенью их доступности для экспликации, нежели практически полностью симультанные и имплицитно представленные структурные блоки деятельности. Следовательно, они открывают более благоприятные возможности для экспликации содержания регуляции деятельности, то есть для реализации ее психологического анализа.

Наконец, в-четвертых, подчеркнем и то, что, являясь существенно более синтетическими – комплексными по составу и интегративными по организации, они тем самым характеризуются и меньшей степенью аналитичности, нежели все иные – традиционно выделяемые классы процессов. Вместе с тем, следует учитывать и то, что, выступая интегративными на одном уровне, они в то же время, сохраняют и свою известную аналогичность на другом – более обобщенном уровне психической организации. Это означает что, строго говоря, все они также являются продуктами декомпозиции исходно представленного целого – системы деятельности и ее психической регуляции, а не самостоятельными, отчлененными друг от друга образованиями, которые, синтезируясь, это целое и порождают. В этой связи можно сказать и так: будучи продуктами декомпозиции, они, тем не менее, так сказать «стремятся к возврату» в свое исходное бытие – в качестве частей целого. Им, следовательно, атрибутивно присущ своего рода потенциал синтетичности, тенденция к интеграции друг с другом; их суть состоит в том, чтобы эту синтетичность актуализировать, а тем самым – вступать друг с другом во взаимодействия. Ниже мы возвратимся к этому – весьма существенному обстоятельству; пока же зафиксируем его как таковое.

2.3.2. Компетенции как структурные единицы информационной деятельности

Развитие представлений, сложившихся как в структурно-морфологической, так и в функционально-динамической парадигме, как можно видеть из проведенного выше анализа, привело к значимому в теоретическом плане результату. Кроме того, необходимо учитывать и то, что он явился необходимым следствием синтеза указанных парадигм с таким значимым направлением исследований, каковым выступили исследования в области компетентностного подхода. Не останавливаясь сколько-нибудь подробно на этой – практически необозримой теме, отметим лишь те ее аспекты, которые необходимы в плане реализации основных целей данной работы.

Во-первых, как уже отмечалось, психологическая система деятельности характеризуется очень явной инвариантностью – общностью состава и содержания ее основных «составляющих» и их архитектоники по отношению к различиям в видах, типах и даже классах профессиональной деятельности. Эта инвариантность, в свою очередь, обуславливает, что по отношению к очень разным видам, типам и классам деятельности существует столь же инвариантный, воспроизводимый набор определенных базовых *компетенций*, объективно необходимых для их реализации. Ими являются компетенции в области целеобразования, мотивирования, информационного содержания деятельности, принятия решения, планирования и программирования деятельности, в области профессионально-важных качеств, контроля, самоконтроля и др. Они (и это наиболее важно в данном контексте) не носят характера непосредственной связи с какой-либо конкретной деятельностью, а имеют деятельностно-неспецифический характер. Это – общие компетенции, выходящие за пределы какой-либо конкретной деятельности. Поэтому они выступают и как своего рода метадеятельностные образования [163]. Исходя из этого, можно, по-видимому, говорить о существовании некоторой совокупности компетенций, носящих наддеятельностный и надпредметный характер. Они являются общедеятельностными и формируются как продукты и результаты генезиса общей архитектоники психологической системы деятельности.

Во-вторых, отсюда следует вывод наиболее принципиального плана: комплексным и, главное, – объективным *критерием* для диф-

ференциации общего состава базовых деятельностных компетенций выступает общая архитектоника психологической системы деятельности [104, 105, 163, 201]. Это вытекает из того принципиального факта, что уже сам по себе состав и содержание, а также общая организация профессиональных компетенций в каждой конкретной деятельности, фактически, полностью изоморфна ее психологической структуре.

В-третьих, особо следует подчеркнуть еще одно обстоятельство, которое носит более имплицитный, но не менее важный характер и которое обычно явно недооценивается по сравнению с другими – в том числе, и отмеченными выше. Тезис о том, что психологическая система деятельности является объективным – онтологически представленным основанием и даже – комплексным критерием для дифференциации и упорядочивании совокупности базовых деятельностных компетенций, недопустимо трактовать в упрощенном и потому некорректном виде. Речь, в действительности, должна идти о том, что такого рода основанием является именно система деятельности, то есть общая организация ее блоков, а не их аддитивная совокупность, не их сумма. Это означает, что экспликация и дифференциация компетенций должна осуществляется не только на основе их соотношения с суммой этих блоков и уж тем более не поточно (по принципу «один блок – одна компетенция»), а существенно иначе – по более сложному принципу, который адекватен действительности. Дело в том, что базовые деятельностные компетенции могут выступать и реально выступают не только как производные от того или иного блока в *отдельности* (хотя это является очень важным и, не исключено, наиболее значимым случаем). Они могут выступать производными и от эффектов их *взаимодействия*, соорганизации, порождаясь возникающими вследствие этого синергетическими эффектами. При этом напомним, что сама суть блоков (равно как и интегральных процессов) состоит в том, что с онтологической точки зрения они выступают аспектами, сторонами единого целого. В силу этого, они так сказать «постоянно стремятся» к возврату к этой целостности; им присущ достаточно мощный потенциал синтетичности, проявляющийся в множественных взаимодействиях интегративного типа. Следовательно, в реальности они «работают» именно как части целого, как компоненты системы, а объективно присущие их совокупности эффекты системности не могут не про-

являться в их функционировании в целом – в том числе, и в аспекте генерирования образований различного типа – в частности, базовых компетенций. Поэтому общим и комплексным основанием для дифференциации и организации базовых компетенций деятельности является именно система блоков, а не их сумма. Следовательно, и общая совокупность компетенций является производной как от блоков по отдельности, так и от эффектов их организации. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим в этой связи, что отсюда следует важное предположение. По всей вероятности, вся совокупность базовых компетенций деятельности дифференцируется в соответствии с констатированной выше закономерностью на две группы. Первая – это те, которые соотносятся с каждым блоком в отдельности, а вторая – те, которые соотносятся с эффектами их взаимодействия, являясь синтетическими по своей сути и, следовательно, более комплексными, а в известной мере – и вторичными по отношению к предыдущей группе.

В данном контексте нельзя, разумеется, оставить без внимания и еще один аспект данной проблемы. Хорошо известно, что сам компетентностный подход, являясь очень крупным и многоаспектным междисциплинарным направлением, характеризуется выраженной неоднородностью, а нередко и противоречивостью его базовых положений, а также определенным отставанием теоретического осмысления рассматриваемых в нем вопросов от их собственно прикладных аспектов [54, 163, 167]. В целом ему присущи те черты (эмпиризм, эклектизм, прагматизм, аналитичность), которые, как известно из методологии науки, являются индикаторами недостаточной теоретической зрелости. Одним из проявлений этого как раз и являются те недостатки, которые эксплицируются в плане решения основного вопроса – о критериях дифференциации и последующей систематизации базовых компетенций деятельности. В плане его решения доминирует явный эмпиризм и опора на те критерии (если они вообще формулируются), которые носят подчеркнуто практический – точнее деятельностно-специфицированный характер и которые коренятся именно в содержании той или иной исследуемой в каждом конкретном случае деятельности. Это тот путь, который обычно обозначается как *эмпирический* (движение «снизу – вверх»). Однако, другой – существенно более обоснованный и корректный способ, обозначаемый как *теоретический* (движение

«сверху – вниз»), предполагающий вначале формулировку критерия определения компетенций и лишь затем их основанную на нем дифференциацию, представлен в несопоставимо меньшей степени. В связи с этим, в адрес компетентностного подхода, а в еще большей степени – в адрес дифференцируемых при исследовании конкретных видов деятельности наборов компетенций высказываются многочисленные упреки. Указывается, в частности, на их излишнюю прагматичность, на эклектичность, на неполноту или, напротив, избыточность и др.

Соглашаясь с некоторыми из этих упреков, мы считаем необходимым подчеркнуть иное обстоятельство. Дело в том, что сама – трудно преодолеваемая прагматичность общего «духа» компетентностного подхода и, соответственно, трудно изживаемая эклектичность и прагматичность способов определения компетенций должна рассматриваться и как свидетельство *реальности* – жизненности, значимости именно тех «единиц», которые сложились в нем для изучения деятельности и особенно – для ее оптимизации. Это, разумеется сами компетенции как базовые «составляющие» такого рода исследования. Их существенное преимущество состоит, к тому же, еще и в том, что они являются достаточно операционализируемыми и конструктивными в плане реального изучения деятельности. Они, как уже отмечалось выше, в значительно большей степени объективируемы и доступны аналитическим процедурам. Наконец, то, что они, несмотря на постоянную критику за их «нетеоретичность», постоянно и упорно воспроизводятся именно как конструктивное средство исследования деятельности, должно пониматься как свидетельство успешного прохождения ими «проверки практикой» – они оказались верифицированными ей. И наоборот, если бы они не были дифференцированы в практике анализа деятельности и ее оптимизации и не закрепились бы как их средства, то это являлось бы лучшим свидетельством их необоснованности и искусственности. Поэтому сама прагматичность как доминирующая черта современного состояния компетентностного подхода (рассматриваемая обычно как антитеза теоретичности и, следовательно, недостаток), в действительности, должна быть понята и как его существенная положительная черта.

Итак, можно видеть, что в ходе проведенного анализа было выявлено и проинтерпретировано глубинное подобие, доходящее до степени изоморфизма – практически конгруэнтность трех базовых

психологических конструктов. С одной стороны, – это изоморфизм системы функциональных блоков деятельности и системы интегральных процессов ее психической регуляции. С другой стороны, это изоморфизм системы функциональных блоков и базовых компетенций деятельности. При этом напомним также, что сами интегральные процессы – это, как показано выше, и есть реальная онтология деятельности, ее содержание в главном – функциональном (и потому временном, процессуальном) модусе. Следовательно, это и есть предмет психологического анализа как таковой в его максимально репрезентативном виде. В силу этого, простой синтез двух констатированных изоморфизмов – даже посредством чисто логической операции транзитивности – с необходимостью приводит к следующему заключению. Система базовых компетенций – это и есть то, в чем и через что представлена и проявляется реальная онтология деятельности; сами же компетенции – как части этого содержания – не только могут, но и с необходимостью должны быть проинтерпретированы как действительные части этого содержания. Другими словами, есть все основания считать, что именно они и являются подлинными *единицами* самого целого, то есть наиболее репрезентативными единицами структурно-функциональной организации деятельности.

Тем самым, новое и достаточно обоснованное решение получает наиболее общая и классическая проблема теории деятельности в целом и ее психологического анализа, в особенности, – проблема единиц анализа. Такими единицами, по-видимому, и являются базовые компетенции деятельности. Компетенции по определению являются именно интегративными образованиями, в которых синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» («знания – умения – навыки»). Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются «истинными носителями» этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа.

Одновременно, они являются все же и достаточно локальными образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпози-

ции, а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенным», условно выделенными в гносеологическом целях и т. п. аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми *функциональными задачами*, на решение которых она направлена и совокупность которых составляет ее содержание как таковое. Кроме того, крайне важно, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой дифференциации этих «единиц», поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основных функциональных задач деятельности.

В связи с этим, как мы уже отмечали, представляется странным, что компетентностный подход до сих пор «обходит вниманием» наиболее фундаментальную теоретическую проблему самой этой парадигмы – проблему структурных «единиц» деятельности, проблему основных вариантов ее декомпозиции на отдельные «составляющие». Однако, именно интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной (достаточно дифференцированной, но одновременно – и интегративной по своей природе) «единицы» деятельности, показывает конструктивность и перспективность реализации этой методологии по отношению к разработке теории деятельности.

С этих позиций, далее, эксплицируется еще одно – достаточно принципиальное положение, имеющее, к тому же и очевидную прикладную, точнее процедурную направленность. Как отмечалось выше, проблема единиц анализа деятельности в целом в ее общем виде характеризуется множественностью – поливариативностью способов ее решения. Более того, она, по-видимому, она не только не имеет, но и не должна иметь какого-либо одного – так называемого «единственного правильного» решения. Дело в том, что, наряду с атрибутивной поливариативностью, ее решение обязательно должно учитывать принцип целевого назначения: в данном случае – его направленность на реализацию самого психологического анализа деятельности. Он должен быть не только направлен на какую-либо конкретную цель, но и сам должен быть практически реализуем. Следовательно, наряду с необходимой теоретической обоснованностью, единица анализа должна быть и достаточно операционализируемой – допускающей на ее основе разработку и осуществление процедур психологического анализа. Другими слова-

ми, она должна быть доступна работе с ней как средством декомпозиции деятельности и ее последующего рассмотрения в самых разных прикладных целях. В свою очередь, это означает, что она должна быть достаточно эксплицированной, то есть представленной во внешних – *объективированных* проявлениях, доступных последующей фиксации. Одновременно она должна быть и достаточно *субъективируемой*, то есть допускать осознание и последующую фиксацию информации «внутреннего» плана. Как известно, наиболее традиционным и «подходящим кандидатом» на эту роль является действие; однако, как показано выше, а также в целом ряде исследований, ее использование в аналитических целях практически ничего не дает для раскрытия реального содержания большинства видов деятельности, в особенности – сложных, интеллектуально-насыщенных. В противоположность этому использование в качестве такой единицы анализа компетенций во многом преодолевает данный недостаток, позволяя в большей степени, базируясь на «внешнем», проникнуть во «внутреннее». Дело в том, что она, основываясь на понятии функциональных блоков деятельности и интегральных процессов ее психической регуляции (и, разумеется, на той реальности, которая в них зафиксирована), в гораздо более полной и доступной форме реализует известный «путь» от явления к сущности, от феноменального к ноуменальному; поясним сказанное. Действительно, «носителями» наиболее важных, глубинных механизмов и иных операционных средств деятельности являются те структурно-функциональные образования, которые соотносятся с базовыми блоками системы деятельности. Именно в них представлены, так сказать, терминальные предметы и конечные задачи психологического анализа деятельности, связанные с выявлением и объяснением ее наиболее глубины закономерностей и механизмов. Однако именно они же и именно по этим же причинам являются и наиболее имплицитными, практически никак не представленными ни объективно, ни даже субъективно.

Как следует из представленных выше материалов, в силу изоморфизма их совокупности и системы интегральных процессов, они непосредственно проявляются в организации последних, в их содержании, равно как и в иных важных атрибутах. Однако, по понятным и вполне естественным причинам они – именно как процессуальные образования характеризуются существенно большей степенью *развернутости*, сукцессированности, а потому в большей степени

объективируемы и субъективируемы. Они в большей степени являются реальными предметами анализа, а не гносеологическими конструктами (как сами функциональные блоки). Далее, не менее важно и то, что аналогичный изоморфизм, как показано выше, существует и между ними самими и системой базовых компетенций. Подчеркнем при этом также обстоятельство весьма принципиального плана, которое, однако, по не совсем ясным причинам обычно вообще никак не учитывается в теории деятельности, а также в ее психологическом анализе. Дело в том, что между интегральными процессами и компетенциями существуют те же самые принципиальные отношения, которые характерны между образованиями процессуального и результативного типа. Данное положение зафиксировано в одном из важных методологических принципов – в принципе единства процессуального и результативного. Согласно ему, раскрытие самой процессуальности не только возможно, но и необходимо по опосредствованному типу – через анализ итоговых, то есть результативных феноменов. В силу этого та реальна онтология деятельности, которая представлена в интегральных процессах и которая, в свою очередь, является столь же реальным воплощением и проявлением функционирования блоков деятельности как ее наиболее глубинных и важных механизмов, эксплицируется на результативном уровне именно в компетенциях – через них и в них. Они, следовательно, в наиболее принципиальных чертах, действительно, отражают и воплощают реальное содержание деятельности, взятой как на уровне ее онтологии, так и на уровне тех механизмов, которые образуют эту онтологию.

Наконец, не менее значимо, что этот – третий член «триады» (совокупности трех ключевых понятий: функциональные блоки – интегральные процессы – базовые компетенции) в очень существенной степени доступен экспликации, а тем самым в значительно большей степени выступает в качестве реального – операционализируемого и процедурно осуществимого средства анализа деятельности. Причем, такая операционализация происходит без существенной потери содержания анализируемого целого – самой деятельности и ее основных «составляющих». Это, в свою очередь, обеспечивается описанным выше взаимным изоморфизмом всех членов данной «триады». Тем самым, как можно видеть, предложенный вариант решения проблемы единиц анализа позволяет дать общее по смыслу (и, к тому

же, теоретически обоснованное), но вполне конкретное по содержанию решение и проблемы *реализуемости* самих этих единиц как практически пригодных – операциональных средств его проведения. В этом, поверяем, состоит один из значимых – собственно прикладных аспектов предложенного варианта решения данной проблемы.

Данный вариант, наряду с его прикладным звучанием, имеет еще и ряд следствий собственно теоретического характера, а главное из них состоит, по нашему мнению, в следующем. На первый взгляд, может сложиться впечатление о том, что он не вполне обоснован по достаточно простой причине: реальное многообразие компетенций большинства видов деятельности особенно – сложных как по количеству, так особенно по содержанию существенно богаче того, которое раскрывается с позиций сформулированных выше представлений. К числу последних, как можно видеть из проведенного рассмотрения, относятся компетенции по реализации таких – критически важных для организации и реализации деятельности функций, как целеобразование, мотивирование и самомотивирование, принятие решений, планирование, прогнозирование, программирование, контроль, коррекция. Именно они и являются с его позиций базовыми – наиболее значимыми для организации деятельности. В связи с этим, собственно говоря, и возникает реальное и достаточно острое противоречие, которое не только нельзя замалчивать и делать вид, что его нет, но, напротив, на нем надо акцентировать особое внимание и сделать его предметом прिवоротного рассмотрения. Дело в том, что, в действительности, оно является вовсе не аргументом «против» сформулированных выше представлений, а важным обстоятельством «за» них, позволяя выявить некоторые новые и существенные особенности организации деятельности.

В самом деле, выше мы показали, что реальной – онтологически представленной основой для дифференциации состава и содержания базовых компетенций деятельности выступает именно система ее психической регуляции, образованная, в свою очередь, целостной организацией основных функциональных блоков. Именно она и является поэтому реальной – онтологически представленной основой как для дифференциации базовых компетенций деятельности, так и для их структурирования, организации. Однако следует учитывать, что такая обусловленность состава компетенций со стороны психологической

системы деятельности, проявляющаяся, в частности, в изоморфизме интегральных процессов ее регуляции деятельности (и, соответственно, лежащих в основе их функционирования структурных «составляющих» деятельности – ее основных блоков), с одной стороны, и компетенций, с другой, носит весьма сложный и опосредствованный характер. Она, как отмечалось, не сводится только к попарному, точечному их соответствию. Наряду с этим, она существует и в более сложном плане – в плане детерминации компетенций со стороны синергетических эффектов – «эффектов системности», возникающих вследствие их соорганизации в системе. Мы уже отмечали выше, что, поскольку блоки деятельности – это именно «части целого» и они онтологически представлены в ней в их целостности и во взаимодействии друг с другом, то между ними складываются множественные и очень сильные взаимодействия именно системного типа. Эти взаимодействия, в свою очередь, столь же естественно приводят к генерации и реализации синергетических эффектов, к порождению новых качеств – системных по своей природе. Они, в свою очередь, позволяют резко расширить общий потенциал системы, поскольку позволяют обеспечить известный «выход за наличное», то есть приводят к расширению потенциала системы за счет ее организации, а не за счет привнесения каких-либо ресурсов извне. Все это – по существу, аксиомы системной методологии. Однако, именно поэтому – в силу их очень высокой степени обобщенности и инвариантности, они воплощены и в организации основных блоков системы деятельности.

Отсюда вытекает весьма значимое следствие: сама организация, которая так характерна для этих блоков, приводит к порождению эффектов системности; синергетические механизмы генерируют совокупность дополнительных детерминант для формирования все новых и все более сложных компетенций. Базовые компетенции, которые, действительно, соотносятся с каждым из блоков, тем самым обогащаются за счет возникновения новых образований – новых, более синтетических компетенций. Они формируются не на основе отдельных блоков, а на основе тех эффектов, которые возникают в результате их синтеза, организации. Эти – более комплексные и составные по своей сути компетенции можно обозначить разными терминами – производные, вторичные, терминальные и пр. Дело, однако, не в их терминологическом оформлении, а в сути. Все они также производны от системы

интегральных процессов и функциональных блоков, но не в плане их попарного – «точечного» соответствия с ними. Они производны в том смысле, что с несомненностью также выступают эффектами и результативными правлеными их функционирования, но уже в целом. Иными словами, они являются продуктами детерминации со стороны их системной организации. Они имеют поэтому собственно системную, а не аналитическую (как базовые компетенции) детерминацию. Понятно, что совокупность этих вторичных, производных компетенций существенно шире и разнообразнее; она и существенно большей степени отражает конкретное содержание той или иной деятельности в каждом отдельном случае, ее специфику в целом. Более того, она вообще формируется под влиянием преимущественно деятельностной детерминации.

Констатируя это, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Дело в том, что все эти вторичные, производные компетенции, в конечном итоге, базируются на первичных – базовых компетенциях, точнее, на их синтезе. В онтологическом плане – в аспекте реализующих их механизмов и средств они не выходят за пределы того, что уже представлено в общей структуре психической регуляции – в психологической системе деятельности и ее блоках. «Прибавка» же в содержании и составе компетенции осуществляется за счет организации первичных, базовых компетенций – за счет их комплексирования, организации и возникающих вследствие этого эффектов синергетического типа, за счет механизмов порождения системных качеств. Как принято выражаться в подобных случаях, «природа не могла позволить себе роскоши» предусмотреть в организации психики существования большого числа компетенций, каждый из которых соответствовал бы какой-либо конкретной деятельности. Она пошла по совершенно иному пути, обеспечив базовый и универсальный набор таких средств (компетенций), на основе которого, однако, могут складываться их практически необозримые варианты – комбинации, паттерны; они и являются релевантными каждой конкретной деятельности. Базовые – первичные компетенции – это своего рода «алфавит», на основе которого формируются очень разные и весьма многочисленные составы вторичных компетенций и которые носят уже деятельностно-специфический характер.

В связи с этим, возникает вполне естественный вопрос: что же, собственно говоря, выступает в качестве причины – источника, детер-

минанты такой соорганизации, комплексирования базовых компетенций? Ответ на него, однако, достаточно очевиден и полностью соответствует как методологии системности, так и деятельностной реальности в ее истинном, а не симплифицированном виде. Дело в том, что любая деятельность, в особенности, сложная, обладает атрибутом целенаправленности, который, в свою очередь, предполагает объективную необходимость дифференциации общей цели деятельности на совокупность, точнее – на организованное множество подцелей разного уровня обобщенности. При этом такая дифференциация осуществляется в соответствии с функциональным принципом: каждая подцель конституируется на основе ее соотнесения с той или иной деятельностной ситуацией, задачей. Они, в свою очередь, являются, как правило, достаточно инвариантными – повторяющимися, деятельностно-специфическими и составляют содержание деятельности как таковое, а также обуславливают ее трудности и соответственно – набор требований к осуществляющему их субъекту (то есть компетенций).

Другими словами, именно они, точнее – необходимость их преодоления и выступают как детерминанты для комплексирования базовых компетенций. *Функциональные задачи* по организации и реализации деятельности, выступают детерминантами для определения состав необходимых компетенций и способов их соорганизации. Используя системную терминологию, можно сказать и так: цель – решение тех или иных функциональных задач – выступает как системообразующий фактор для селекции и соорганизации базовых компетенций. При этом они будут включаться в решение этих задач лишь в том аспекте и в той мере, в какой этой необходимо в каждом конкретном случае, то есть по отношению к каждой из основных деятельностно-специфических функциональных задач. В результате этого и на основе этого, собственно говоря, и складываются более сложные паттерны базовых компетенций; они образуют совокупность вторичных, производных, вторичных компетенций. Их многообразиие, в свою очередь, очень характерно для различных видов и типов деятельности, проявляясь феноменологически весьма полно и демонстративно. Вместе с тем, за этим многообразием (которое, кстати говоря, является наиболее важной причиной эклектизма в определении перечня компетенций) необходимо видеть его истинную причину. Оно, в конечном итоге, сохраняет свою детерминиро-

ванность со стороны системой базовых – первичных компетенций. Сами же вторичные компетенции выступают не «онтологически новыми» по отношению к ней, а являются продуктами их организации – синергетическими эффектами такой организации. Поэтому с онтологической точки зрения в психической регуляции деятельности нет и не может быть ничего иного, кроме системы ее базовых компетенций. Однако, в операционном – функциональном смысле это «новое», конечно, не только возникает, но и составляет большую часть всех компетенций. Повторяем, однако, что оно является следствием системных эффектов, генерируется организацией и интеграцией все тех же базовых компетенций. Подчеркнем также, что с этих позиций раскрывается глубинная связь и естественное взаимодействие двух очень общих и важных методологических подходов – *компетентностного* и *ситуационного*. Сама же компетентностная проблематика органично синтезируется с парадигмой ситуационизма. В свою очередь, именно такой синтез является обязательным условием и важным средством решения основной проблемы психологического анализа деятельности – проблемы определения его единиц.

В этом плане нельзя, конечно, не напомнить и о том, что именно такой способ – точнее, критерий определения системы деятельностных компетенций уже был успешно реализован по отношению одной из самых сложных деятельностей – *педагогической*. Действительно, например, в работах [73, 101, 104], их дифференциация была осуществлена именно на его основе, а затем эксплицированные компетенции были конкретизированы до следующего уровня – до уровня, на котором представлены именно функциональные задачи. Не менее показательно и доказательно и то, что аналогичный в принципе подход, хотя и представленный в существенной иной терминологии, созвучен и наиболее значимому и традиционному способу анализа еще одной очень значимой во всех отношениях деятельности – *управленческой*. Он обычно обозначается как классический, административный, функциональный. Его сущность состоит в том, что деятельность дифференцируется на основные «составляющие» – базовые управленческие функции [246]. Соответственно этому, и основные управленческие компетенции обычно соотносятся с этими функциями, а каждая из компетенций, фактически, равнозначна, способности конструктивной реализации той или иной из этих функций. Однако,

они, как показано нами в [95], именно по своему «функционалу» – по тем целям, на которые направлена их реализация, практически изоморфны процессуальным образованиям, зафиксированными в понятии интегральных процессов. В свою очередь, каждая из базовых управленческих функций представляет собой именно определенную – качественно специфическую по содержанию группу функциональных задач, состав и содержание которых непосредственно вытекает из самой деятельности. Тем самым, вновь можно видеть, что основные управленческие компетенции, которые как раз и соотносятся с базовыми управленческими функциями, опять-таки конкретизируются до уровня функциональных задач. Они, в свою очередь, в высокой степени являются эксплицированными и в столь же явной степени могут выступать в качестве конструктивных и, главное, – несложно реализуемых средств анализа деятельности.

С этих позиций становится очевидным также, что соотношение базовых (первичных) и производных (вторичных) компетенций не только может, но обязательно должно быть проинтерпретировано и как соотношение компонентов и их комплексов, точнее некоторых формирующихся целостностей. Фактически, речь при этом может идти о том, что они – эти «паттерны» эксплицируются как определенные подсистемы, образующие в совокупности общий состав всех компетенций деятельности. Правомерность и конструктивность такого подхода обосновывается еще и тем, что он очень полно и точно соответствует сформулированным в системной методологии и многократно продемонстрировавшим свою корректность представлениям об основных принципах и критериях уровневой дифференциации систем в целом.

Показательно (и доказательно), что именно они в очень явной форме эксплицируются на основе развитых представлений относительно общей организации компетенций, а значит – и их организации. Действительно, легко видеть, что базовые – первичные компетенции эксплицируются в качестве именно исходных компонентов, которые уже несут на себе все основные характеристики компетенций как таковых, но, в то же время являются унитарными, а не составными, не комплексными. Они поэтому удовлетворяют всем параметрам, которыми атрибутивно характеризуются компоненты системы. Поэтому они составляют один из уровней в организации их общей совокупности – *компонентный*. Далее, вторичные, производные компе-

тенции, являющиеся продуктами комплексирования первичных, эксплицируются как определенные паттерны – подсистемы, складывающиеся для решения основных функциональных задач деятельности под системообразующей детерминацией основных деятельностных подцелей. Они поэтому образуют еще один качественно специфический уровень общей организации компетенций – *субсистемный*. В свою очередь, они также подлежат самоорганизации и интеграции, образуя в итоге общую совокупность компетенций – как первичных, так и вторичных. В результате они синтезируются в наиболее обобщенное образование, которое обычно обозначается понятием компетентности. Оно – именно потому, что является наиболее целостным и обобщенным, соотносится уже с иным, качественно специфическим уровнем – собственно *системным*. Кроме того, следует учитывать, что одной из своеобразных аксиом компетентного подхода, даже – его «изюминкой» является тезис о несводимости компетенций к аддитивной совокупности их частей – того, что в них входит и из чего они состоят. Обычно такими частями рассматриваются составляющие так называемой «ЗУНовской триады» (знания, умения, навыки), а также специальные способности. Однако вся суть дела состоит в том, что они, будучи абсолютно необходимы для деятельности, сами по себе – так сказать по отдельности (или даже – суммативно) еще недостаточны для ее эффективной реализации. Это, собственно говоря, и зафиксировано в тезисе об интегративной природе компетенций как таковых. Иными совами, есть все основания дифференцировать еще один уровень общей организации компетенций, на котором локализованы их основные элементы; это – собственное *элементный* уровень. Наконец, как показывают исследования, выполненные в последнее время, наряду со всеми отмеченными типами компетенций, существует, по всей вероятности, и еще одна – достаточно имплицитная, но важная компетенция. Ее суть заключается в возможности субъекта *воздействовать* на свои же собственные компетенции – как в плане произвольной регуляции их ситуативного проявления, так и в плане целенаправленного влияния на их развитие. Это – своего рода компетенция по формированию и развитию собственных компетенций, а также регуляции меры их актуального проявления, то есть метакомпетенция. Поэтому нетрудно видеть, что ее сущность и функциональное предназначение

эксплицируют ее естественное соотношение с еще одним уровнем общей структурной организации компетенций – *метасистемным*.

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать следующее заключение обобщающего плана. К настоящему времени сложились все необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить новый вариант решения главной проблемы психологического анализа деятельности – проблемы определения его основных единиц. Он непосредственно обусловлен как логикой развития самой теории деятельности, так и теми запросами и социальными заказами, которые диктуются практикой, прежде всего, – практикой профессиональной деятельности, связанной с возникновением качественно новых видов и классов деятельности в целом и с широким распространением одного из наиболее важных и перспективных среди них субъектно-информационного. В этих целях должны быть привлечены те данные, которыми располагает получивший широкое распространение как в теории, так и на практике компетентностный подход. Синтез его базовых положений с основными положениями психологической теории деятельности позволяет констатировать обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. По-видимому, наиболее адекватной и психологически корректной трактовкой компетенции как раз и является ее понимание в качестве основной, базовой единицы структурно-функциональной организации деятельности, а также ее генетической динамики. Компетенции по определению являются именно интегративными образованиями, в которых синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» (знания – умения – навыки), а также специальные и общие способности. Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются «истинными носителями» этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа.

Вместе с тем – и это также явилось итогом проведенного выше анализа – они являются все же и достаточно локальными образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпозиции, а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенными, условно вы-

деленными в гносеологическом целях и т. п. аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми функциональными задачами, на решение которых она направлена и совокупность которых и составляет ее содержание как таковое. Кроме того, важно, и то, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой их дифференциации, поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основных функциональных задач деятельности. Очень существенно, далее, что в компетенциях представлены в неразрывном – интегрированном виде все три основных плана деятельности, отраженные в известной «деятельностной формуле» (субъект, объект, процесс деятельности). Действительно, компетенции – это неразрывный синтез субъектных характеристик (поскольку они являются системными качествами, формирующимися в результате интеграции трех – субъектных по своей сути компонентов «ЗУНовской триады»). В то же время, в них объективно репрезентировано объективное содержание деятельности (ее функциональных задач и «материализованных» средств, на основе которых возможно их решение), а также важнейшие характеристики собственно процесса деятельности.

С этих позиций в значительной мере объясняется парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что компетентностный подход, базирующийся на деятельностной парадигме, до сих пор практически не ассимилировал ее наиболее фундаментальную проблему – проблему структурных единиц деятельности. В противоположность этому интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной единицы деятельности, вскрывает конструктивность и перспективность такого подхода по отношению к разработке теории деятельности.

Итак, можно считать, что сформулированный выше подход является достаточно конструктивным, поскольку на его основе возможна минимизация ряда трудностей как теоретического, так и прикладного плана. В частности, с его позиций оказалось возможным предложить новое – более комплексное, нежели все иные подходы, решение проблемы структурной организации деятельностных компетенций, выявить их обобщенную деятельностную структуру – точнее, *макроструктуру*. С позиций данного решения она представляет собой иерархическую организацию пяти основных уровней.

Базовые – первичные компетенции эксплицируются в качестве исходных компонентов, которые уже несут на себе все основные характеристики компетенций как таковых, но, в то же время, являются исходными, а их психологическая природа обусловлена следующим принципиальным обстоятельством. Психологическая система деятельности, как известно, характеризуется очень явной инвариантностью – общностью состава и содержания ее основных «составляющих» и их архитектоники по отношению к различиям в видах, типах и даже классах профессиональной деятельности [201]. Эта инвариантность, в свою очередь, обуславливает то, что по отношению к очень разным видам, типам и классам деятельности существует столь же инвариантный набор определенных базовых компетенций, объективно необходимых для их реализации. Ими являются компетенции в области целеобразования, мотивирования, информационного содержания деятельности, принятия решения, планирования и программирования деятельности, в области профессионально-важных качеств, контроля, самоконтроля и др. Они, являясь базовыми, выступают как первичные и потому – исходные. Они составляют один из уровней в организации их общей совокупности – *компонентный*. Далее, вторичные, производные компетенции, являющиеся продуктами комплексирования первичных, эксплицируются как определенные паттерны – подсистемы, складывающиеся для решения основных функциональных задач деятельности под системообразующей детерминацией основных деятельностных подделей. Они поэтому образуют еще один качественно специфический уровень общей организации компетенций – *субсистемный*. В свою очередь, они также подлежат соорганизации и интеграции, образуя в итоге общую совокупность компетенций – как первичных, так и вторичных. В результате они синтезируются в наиболее обобщенное образование, которое обычно обозначается понятием *компетентности*. Оно – именно потому, что является наиболее целостным и обобщенным, соотносится уже с иным, качественно специфическим уровнем – собственно *системным*. Кроме того, следует учитывать, что одной из своеобразных аксиом компетентностного подхода, даже – его «изюминкой» является тезис о несводимости компетенций к аддитивной совокупности их частей – того, что в них входит и из чего они состоят. Обычно такими частями рассматриваются составляющие отмеченной выше «ЗУНовской триады» (знания, умения, навыки), а также специальные способности. Однако вся суть дела со-

стоит в том, что они, будучи абсолютно необходимы для деятельности, сами по себе – так сказать, по отдельности (и даже – суммативно) еще недостаточны для ее эффективной реализации. Это, собственно говоря, и зафиксировано в тезисе об интегративной природе компетенций как таковых. Иными совами, есть все основания дифференцировать еще один уровень общей организации компетенций, на котором локализованы их основные элементы; это – собственное *элементный* уровень. Наконец, как показывают исследования, выполненные в последнее время, наряду со всеми отмеченными уровнями и типами компетенций, существует, по всей вероятности, и еще одна – достаточно имплицитная, но важная компетенция. Ее суть заключается в возможности субъекта воздействовать на свои же собственные компетенции – как в плане произвольной регуляции их ситуативного проявления, так и в плане целенаправленного влияния на их развитие. Это – своего рода компетенция по формированию и развитию собственных компетенций, а также регуляции меры их актуального проявления, то есть, фактически, *метакомпетенция*. Поэтому она соотносится с еще одним уровнем общей структурной организации компетенций – *метасистемным*.

Таким образом, с позиций сформулированных представлений оказывается возможным дать естественную и достаточно полную экспликацию всей совокупности деятельностных компетенций, реализовав при этом один из важнейших принципов организации психических структур – *уровневый*. Согласно этому решению, общая система компетенций раскрывается как построенная по структурно-уровневому принципу и включающая совокупность соорганизованных в целостную иерархию пяти основных уровней. Такое решение позволяет, следовательно, установить и проинтерпретировать наиболее обобщенную структуру компетенций, то есть их *макроструктуру*. Вместе с тем, как известно из методологии психологического исследования, выявление макроструктурной организации предмета исследования с необходимостью ставит и следующий вопрос – об определении его *микроструктурной* организации. Главная задача такого исследования состоит в том, чтобы выявить особенности и закономерности собственной – так сказать «внутренней» организации предмета исследования. Иначе говоря, возникает еще одна – также важная задача, состоящая в том, чтобы попытаться выявить и объяснить закономерности организации компетенций как таковых, их собственную структуру.

2.3.3. Микроструктурная организация компетенций информационной деятельности

Показательно, а в плане обоснования конструктивности развиваемых здесь представлений – и доказательно, что эта задача также получает свое вполне естественное решение с их позиций; а его сущность состоит в следующем. Так, прежде всего, отметим, что при ее решении необходимо учитывать принцип преемственности основных подходов, которые были сформулированы по отношению к нему. В этом плане очень явно дифференцируются, как известно, два основных подхода – традиционный («ЗУНовский») и относительно более новый – компетентностный [54, 163, 167]. Вместе с тем, логика их развертывания приводят к необходимости осознания того, что они должны быть проинтерпретированы как *частные* и переходные в рамках иного, более *обобщенного* подхода. Он, в свою очередь, должен строиться не на основе принципов оценочности и альтернативности, а на основе принципов дополнительности и интерактивности.

Следует учитывать и еще одну важную закономерность гносеологического плана, впервые охарактеризованную Л. М. Веккером и заключающуюся в следующем. «Полюса» континуума некоторой исследуемой качественной определенности (его «крайние точки») распознаются, как правило, и легче, и раньше, чем его середина, то есть промежуточные значения континуума [26]. Так и психологическое познание вначале «распознает» некоторые локальные – парциальные проявления, то есть некоторые «точки» (явления) в рамках какого-либо класса качественной определенности. Затем, однако, оно приходит к постановке вопроса о возможном существовании самого континуума изменений внутри границ этой качественной определенности. В свете этой закономерности вырисовывается следующая логика развития теоретических представлений по данной проблеме. Сама дифференциация трех базовых частей «ЗУНовской триады» (знаний, умений и навыков) очень отчетливо соотносится с зафиксированным выше – так сказать «точечным» подходом к изучаемому явлению. Согласно ему, в общем предмете выделяются – распознаются те или иные его частные, парциальные проявления. Они дают ему аналогичную – исходную и первичную, но неразвернутую, то есть именно парциальную экспликацию. Вместе с тем, дальнейшая логика осмысления и экспликации истинного содержания предмета тре-

бует трактовки этих – «точечных», парциальных проявлений уже не как единственно существующих, а как локальных частей некоторого континуума иных форм существования и проявлений предмета. Возникает необходимость перехода от парциального и, следовательно, аналитического по духу и смыслу подхода к нему к иной, более совершенной его экспликации – континуальной. Здесь происходит осознание того, что на данном континууме, возможно, локализованы и иные, неизвестные пока, но реально существующие – промежуточные, переходные формы изучаемого предмета. Сам же он, следовательно, не сводится к изначально дифференцированным его проявлениям. Важнейшим и наиболее очевидным индикатором данной закономерности как раз и является вопрос о том, каким образом соотносятся компетенции и компетентность в целом с теми – уже дифференцированными ранее парциальными составляющими, то есть со знаниями, умениями, навыками; где – в каких интервалах континуума они локализируются?

Очень показательно, однако, что решение этих и аналогичных им по смыслу вопросов требует, далее, и перехода к принципиально иной форме (и стадии) экспликации теоретических представлений о предмете исследования – от континуальной к иерархической; поясним сказанное. Как показывает опыт разработки большого числа важных теоретических проблем психологии (впрочем, не только психологии), отдельные «составляющие» предмета, отдельные – парциальные его проявления, зафиксированные в континуальном подходе, как правило, в дальнейшем, то есть при более углубленном исследовании, обнаруживают свой собственно уровневый статус [26, 95]. Они раскрываются как основные *уровни* в его общей структурной организации. Следовательно, и вопрос об их взаимосвязях и согласовании должен решаться по типу выявления межуровневых взаимодействий между ними, а для этого – их выявления и, следовательно, экспликации всего предмета как структурно-уровневого образования. Тем самым, на данной стадии познания континуальная экспликация предмета исследования трансформируется в иерархическую, структурно-уровневую. Сам континуум как горизонтальная – одномерная, «плоская», а потому уплощенная и, соответственно, упрощенная экспликация предмета трансформируется в иную форму. Это – *иерархическая*, то есть многоуровневая, и, следовательно, многомерная, а потому существенно более сложная его экспликацию, в большей мере отражающую его реальную сложность.

Данный подход должен обязательно учитывать, что решающую и даже – конституирующую роль в организации эффективной психической регуляции деятельности играют закономерности и механизмы собственно *осознаваемого*, произвольного плана и, следовательно, те – специфические для нее детерминанты, на основе которых она реализуется. В их качестве вступает, прежде всего, вся совокупность (точнее – система) профессиональных знаний, профессионального опыта в целом. Вместе с тем, формы и средства репрезентации самих знаний в профессиональной деятельности характеризуются принципиальной гетерогенностью, а их генезис и развитие в процессе освоения деятельности приводит к становлению принципиально различных форм репрезентации профессионального опыта. Эти формы, в свою очередь, дифференцируются по базовому критерию – критерию характера и полноты включенности в них механизмов осознаваемого контроля, произвольной регуляции их использования как таковой. С этих позиций становится достаточно очевидной следующая очень важная, на наш взгляд, особенность, которая, однако, не учитывается пока в должной степени.

Как известно, в ходе освоения профессиональной деятельности имеют место две основные тенденции, точнее – два основных направления становления и формирования профессионального опыта субъекта. Первый предполагает опору на традиционно изучающийся и считающийся основным механизм *автоматизации*, выработки навыков, перевода регуляции на неосознаваемый уровень. Тем самым, уже этот процесс (и, соответственно, механизм, реализующий его действие) вскрывает важнейшее обстоятельство. Оно состоит в том, что в основе соотношения форм репрезентации профессионального опыта лежит, по-видимому, механизм межуровневых взаимодействий, то есть собственно иерархический принцип. Действительно, произвольно контролируемые на основе тех или иных профессиональных знаний акты их применения, выступают изначально именно как осознаваемо, произвольно контролируемые, то есть именно как умения. Они затем, однако, могут трансформироваться и, как правило, трансформируются в структуры иного уровня. Они становятся автоматизированными, неосознаваемыми «составляющими» регуляции деятельности – навыками.

Наряду с этим, как показано в работах [86, 96], существует и второе, также важное и несводимое к первому направление формирования профессионального опыта. Это – генезис особой и качественно специфиче-

ской формы репрезентации, обозначенной нами как *метасознательная* форма. Она качественно – принципиально отличается от автоматизированной, то есть неосознаваемой формы. Суть этих различий состоит в том, что в ней информация, знания сохраняются в *той же* самом виде и во всей специфичности их содержания, в каком они были представлены в момент их актуального использования, то есть в момент их осознания. *Метасознательная* форма репрезентации – это не память на ситуации, события, информацию, а *память на их осознание*²⁶. В этой форме предусмотрены также и специальные средства, блокирующие перевод знаний в автоматизированную, неосознаваемую форму их использования, которая была бы – по понятным причинам – равносильна ее деструкции. Вместе с тем, она актуально может и не быть репрезентированной, то есть не представленной на осознаваемом уровне. Поэтому, сохраняя все основные атрибуты объективах знаний, то есть воспроизводя в себе все их содержание, она фиксирует и хранит их в такой форме, которая не «загружает» уровень осознаваемой регуляции. В силу этого, она должна быть проинтерпретирована как форма иного уровнявого статуса, нежели осознаваемая, произвольно применяемая информации.

Тем самым, можно видеть, что складывается следующая ситуация. С одной стороны, процессы осознаваемого, произвольно контролируемого применения тех или иных знаний эквивалентны феномену умений как таковых. Умения – это и есть осуществление действий или иных деятельностных актов со-знанием дела; умения – это и есть «действия с умом», то есть базирующиеся на знаниях. С другой стороны, будучи интегрированными в метасознательную форму, огромные массивы информации, профессиональных знаний также могут оказывать очень сильное влияние на организацию деятельности, но не быть при этом актуально репрезентированными в сознании. Они выступают в форме, близкой к той, которая зафиксирована в понятиях «тихих операторов» [142, 302], имплицитных знаний, «подразумеваемых данных» [117, 212]. В этой форме знания также подвергаются глубочайшей, качественной трансформации, но не по типу редукции их качественной определенности (свойства осознаваемости),

²⁶ В этом плане чрезвычайно показательным является, например, определение памяти, которое дается в словаре В. И. Даля: «Свойство души хранить, помнить *сознанье* о быломъ» (выделено нами – А. К.) [43].

а по типу ее сохранения и даже усиления. Кроме того, уже сам факт этих глубоких, то есть именно качественных трансформации означает, что они обретают при этом иной уровневый статус.

Таким образом, все три «составляющие» классической «ЗУНовской триады» – знания, умения и навыки раскрываются с этих позиций в новом качестве, с новой точки зрения. Они эксплицируются как уровни организации, точнее – как *уровни осознаваемого*, произвольного мониторинга за использованием в процессе регуляции информации, на основе которой и строится сама регуляция. Так, умения образуют своего рода «срединный» уровень, на котором активно и актуально используются механизмы и собственно осознаваемого и неосознаваемого использования знаний, а также иных средств регуляции. Умения, как известно, это и есть то, что сочетает в себе оба уровня регуляции – осознаваемый и неосознаваемый. Далее, столь же очевидно, что навыки, как вторая составляющая «триады», непосредственно и естественным образом соотносятся с низшим уровнем регуляции, на котором представлены исключительно неосознаваемые ее механизмы. Наконец, собственно знания – знания в истинном, развернутом и «не испытывавшем» автоматизацию виде, сохраняющие все содержательные характеристики, локализируются на высшем уровне – уровне метасознательной формы.

Вместе с тем, уровневая экспликация компонентов «ЗУНовской триады», являющаяся достаточно значимой сама по себе (поскольку она вскрывает факт наличия у них не только глубоких эмпирико-феноменологических различий, но и различий в их качественном модусе, то есть в их уровне статусе), приводит к постановке и новых вопросов. Наиболее важными из них являются следующие вопросы. Во-первых, вопрос о том *критерии*, который лежит в основе дифференциации уровней и на котором основывается вся их структурно-уровневая, иерархическая организация. Во-вторых, вопрос о возможности существования в пределах этой иерархии *новых*, не описанных пока уровней.

При их решении нельзя, конечно, пройти мимо наиболее очевидного факта, который, однако, обычно не учитывается должным образом ни при теоретическом осмыслении проблемы структуры компетенций, ни при изучении организации знаний, умений и навыков. Он заключается в том, что, как бы сложны и комплексны ни были отдельные «составляющие» этой триады, они (по определению) являются все же именно отдельными, частными компонентами

некоторого более обобщенного образования. В реальных – естественных условиях деятельности все они представлены не как аналитически выделенные и условно дифференцируемые сущности, то есть не в их отчлененности друг от друга, а всегда целостно, синтетически – системно. Другими словами, исходной формой их существования является именно форма целостности, в которой они представлены в неразрывно взаимосвязанном виде, в их онтологическом единстве.

В связи с этим, эксплицируется объективная необходимость дифференциации не просто еще одного уровня в их общей структурной организации, а уровня, являющегося и онтологически исходным, и гносеологически наиболее содержательным, богатым, а потому наиболее важным в плане раскрытия общих закономерностей организации профессионального опыта. Это – *общесистемный* уровень, на котором представлена вся совокупность традиционно дифференцируемых регуляторов деятельности, взятая в полноте и естественности их организации, в их целостном – не нарушенном аналитическими процедурами виде. На нем в результате именно интеграции, а не агрегации компонентов всех нижележащих уровней (на которых, соответственно, локализованы три базовых компонента этой триады – знания, умения, навыков), формируется и сам феномен *компетентности* как таковой. Вполне закономерно поэтому, что именно такой его – собственно интегративный статус является вполне очевидной эмпирико-феноменологической характеристикой. Сама же его трактовка как интегративного образования получает все большее признание.

В свете предложенной выше трактовки эта эмпирико-феноменологическая картина получает свое естественное и даже необходимое объяснение. Дело том, что с ее позиций данное образование раскрывается как высший уровень в организации профессионального опыта, который не может не быть интегративным по самой своей сути. Тем самым, и общая иерархия уровней организации профессионального опыта расширятся до четырехуровневой структуры. Четвертым – дополнительным по отношению к трем уже охарактеризованным в ней как раз и выступает *общесистемный* уровень.

Являясь, действительно, существенно большей степенью приближения к реальной сложности организации компетенций, эта – четырехуровневая структура все же еще не в полной мере раскрывает ее содержание в целом. Дело в том, что, одной стороны, компетент-

ность, будучи сложнейшим и, как показано выше, многоуровневым образованием, действительно, выступает как относительно самостоятельная система. Однако, с другой стороны, она все же (как, впрочем, и любая иная система) онтологически включена в состав и содержание еще более общей целостности, более общей системы. Последняя выступает по отношению к ней как метасистема. Во взаимодействии с метасистемой, однако, любая система новые грани, свойства, особенности и закономерности – новые качественные спецификации, невыводимые из самой системы [122]. Однако, для целого ряда систем (а в особенности – для психологических) складывается еще более сложная картина взаимодействий системы и метасистемы. Дело в том, что некоторые и, повторяем, прежде всего, психологические системы принадлежат к специфическому классу систем; он был обозначен нами как класс систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В связи с этим, можно предположить, что компетентность как системное образование, принадлежит к данному классу и воплощает в себе все его основные особенности.

Предпринимая попытку его верификации, необходимо отметить следующие – достаточно важные и, в то же время, вполне очевидные обстоятельства как эмпирико-феноменологического, так и теоретического планов. Во-первых, компетентность по самой своей природе является, как известно, инструментальным, функциональным образованием. Она выступает комплексом средств для обеспечения эффективности деятельности, а посредством этого и для решения целого ряда иных личностных задач. Кроме того, вне определенного – более общего контекста, более широкой целостности, она не просто утрачивает смысл, но и, фактически, деструктурируется. Другими словами, она всегда (онтологически) представлена как объективно необходимая составляющая некоторого метасистемного образования. Во-вторых, одна из специфических особенностей компетентности как системы состоит в том, что она входит, причем, не только с гносеологической точки зрения, а реально, то есть онтологически одновременно, как минимум, в две метасистемы – в деятельность и в личность субъекта этой деятельности.

Таким образом, компетенции, выступая системными образованиями, в то же время, объективно включены в состав двух указанных выше метасистем [96, 101]. Они обретают во взаимодействии с ними свои основные качественные характеристики, свою качественную опреде-

ленность в целом. Во взаимодействии с метасистемами конституируется еще один – достаточно специфический и качественно самостоятельный уровень организации любой системы, в том числе, разумеется, и компетентности, обозначаемый как метасистемный уровень. Вместе с тем, по отношению к компетентности как системному образованию можно констатировать и дополнительные – также специфические закономерности ее соотношений с более общими по отношению к ней метасистемами. Дело в том, что целый ряд важнейших «составляющих» самих этих метасистем оказывается функционально представленными в ней самой. Они, фактически, оказываются органично *включенными* в состав и содержание самой компетентности (как системы, которая объективно сама входит в них). Более того, эти «составляющие» метасистем, включаясь – «встраиваясь» в систему компетентности, играют в ней ведущую и определяющую роль. Они выступают одними из их важнейших конституирующих «составляющих».

Так, если рассматривать соотношение системы компетентности с одной из указанных метасистем – личностью субъекта, то, безусловно, в качестве наиболее демонстративных из таких «составляющих» являются *способности* личности. Они не только оказываются функционально представленными в системе компетентности, но и играют в ней определяющую роль. Вместе с тем, «встраиваясь» в систему компетентности, они выступают не столько, так сказать, самостоятельно (как ее отдельные «составляющие»), сколько в ином качестве. Они определяют и регулируют качество реализации всех иных ее «составляющие», всех иных рассмотренных выше уровней. Другими словами, они существенным и, более того, именно определяющим образом влияют на них: на их состав, на содержание профессиональных знаний, на характер и меру сформированности профессиональных умений, на становление «репертуара» профессиональных навыков. Особенно сильное влияние в последнем случае оказывает такая общая способность, как обучаемость.

Кроме того, по всей вероятности, функцией от меры развития способностей в целом и профессиональных способностей, в особенности, является и степень интегрированности всех трех традиционных «составляющих» компетентности – знаний, умений, навыков. Иначе говоря, от них зависит степень их соорганизованности в рамках общей структурно-уровневой организации системы компетентности.

При этом следует учитывать также, что в функции способностей могут выступать не только собственно способности (так сказать, в узком смысле данного понятия), но и ряд иных личностных образований. Так, в частности, в их качестве могут вступать и реально выступают когнитивные стили, которые, как показано в исследованиях М. А. Холодной, влияют не только на процессуальные характеристики, но и на результативные параметры деятельности и поведения [198].

В результате складывается следующая картина. Метасистема (личность) функционально «встраивается» в саму систему компетентности и, более того, во многом ее и конституирует. Тем самым, эта система демонстрирует свой статус как принадлежащая к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот уровень оказывается локализованным внутри самой системы компетентности и, более того, локализуется на «вершине» общей иерархии ее уровней. Он выступает еще одним – пятым уровнем, наряду с четырьмя уже рассмотренными. Посредством этого, достаточно естественным образом решается весьма дискуссионная проблема соотношения компетентности и способностей. Последние оказываются локализованными на особом, качественно специфическом и при этом – высшем и определяющем иерархическом уровне системы компетентности. Способности «находят» на метасистемном уровне иерархической организации компетентности свое естественное место. Однако и сам этот уровень обретает «в лице» способностей главные детерминанты для своей функциональной роли в общей организации системы компетентности.

Сходные в принципе закономерности обнаруживаются и при рассмотрении системы компетентности в плане ее взаимодействий с другой основной метасистемой – с самой деятельностью. Их общий смысл заключается в том, что компетенции (и система компетентности в целом), с одной стороны, являются инструментальными средствами деятельности. С другой стороны, обслуживая ее, они одновременно и сами оказываются в состоянии использовать – мультиплицировать в себе средства и механизмы деятельности, ее потенциал в целях обеспечения своего собственного функционирования. И именно этот очень важный механизм – механизм мультиплицирования [14] проявляется в нескольких основных планах.

Во-первых, уже сам по себе состав и содержание, а также общая организация профессиональных компетенций в каждой конкретной

деятельности, фактически, полностью определяется психологической структурой последней [163]. Действительно, выше мы показали, что комплексным и, что также очень важно, – объективным критерием для дифференциации общего состава компетенций, образующих систему компетентности, выступает общая архитектура психологической системы деятельности. Но это и означает, что вся метасистема (деятельности) функционально не только *влияет* на содержание и состав компетенций, но и как бы *повторяет* – мультиплицирует себя в их общей структуре. Содержание и состав, структура и функциональная организация всей совокупности компетенции, образующих систему компетентности, решающим образом – причем, повторяем, совершенно объективно обусловлены именно психологической системой деятельности в целом. Метасистема (деятельность), фактически, не просто «встраивается» в систему (компетентность), но и *конституирует* ее.

Во-вторых, как уже отмечалось, в концепции системогенеза профессиональной деятельности показано, что психологическая система деятельности характеризуется очень явной инвариантностью – общностью состава и содержания ее основных «составляющих» и их архитектоники по отношению к различиям в видах и даже типах профессиональной деятельности [157]. Эта инвариантность, в свою очередь, обуславливает, что по отношению к очень разным видам и типам деятельности существует столь же инвариантный, воспроизводимый набор определенных базовых компетенций, объективно необходимых для их реализации. Напомним также, что ими являются компетенции в области целеобразования, информационного содержания деятельности, принятия решения, планирования и программирования деятельности, в области профессионально-важных качеств, контроля, самоконтроля и др. Они (и это наиболее важно в данном контексте) не носят характера непосредственной связи с какой-либо конкретной деятельностью, а имеют деятельностно-неспецифический характер. Это – общие компетенции, выходящие за пределы какой-либо конкретной деятельности. Поэтому они выступают и как своего рода метадеятельностные образования [163]. Исходя из этого, был сделан вывод о существовании некоторой совокупности компетенций, носящих наддеятельностный и надпредметный характер. Они являются общедеятельностными, или метадеятельностными (в смысле – выходящими за пределы отдельно взятой деятель-

ности – отсюда и префикс «мета»). Они формируются как продукты и результаты генезиса общей архитектоники психологической системы деятельности. Тем самым они опять-таки выступают итоговым эффектом функционального включения, «встраивания» в систему компетентности самой метасистемы – деятельности.

В-третьих, можно констатировать и еще одну важную закономерность, которая наиболее явно представлена при достаточно высоком уровне сформированности компетентности по отношению, в основном, к сложным видам деятельности. Она заключается в том, что процесс формирования отдельных компетенций и компетентности в целом может разворачиваться не только, так сказать, стихийно. Данный процесс может быть и предметом специально организованных, целенаправленных воздействий. Кроме того, он может выступать и предметом самоформирования – специальной активности субъекта, направленной на это формирование. В этом случае активность субъекта, направленная на формирование компетентности, может принимать и, как правило, принимает достаточно сложный и развернутый характер. Она воплощает в себе все основные черты и атрибуты деятельности как таковой; выступает, по существу, как «деятельность по формированию компетентности». Вместе с тем, очевидно, что индивидуальная мера выраженности такой способности – к построению, к специальному целенаправленному формированию системы собственно деятельностных компетенций, может достаточно существенно различаться. В связи с этим, можно, по-видимому, сделать следующее заключение. Наряду с компетентностью так сказать «первого порядка», существует, по всей вероятности, и некоторая – достаточно имплицитная, но важная компетентность «второго порядка». Ее суть заключается в том, что субъект обладает возможностями – своеобразной компетентностью в плане *воздействия* на свою же собственную компетентность по отношению к той или иной конкретной деятельности, по отношению к ее целенаправленному развитию. Аналогичный по смыслу феномен уже достаточно давно был дифференцирован по отношению к процессу обучения: известно, что необходимо не только и не просто *учить*, но и *учить учиться*. В плане феномена компетентности это означает, что недостаточно формировать только «первичную» компетентность. По-видимому, необходимо также и формирование своего рода метакомпетентности – компетентности по формированию и развитию собственных

компетентностей. Такая метакомпетентность строится на основе архитектоники психологической системы деятельности, то есть развертывается как весьма сложная по своей организации.

Итак, можно видеть, что в плане соотношения с еще одной метасистемой – с деятельностью обнаруживается тот же статус компетентности как системного образования. Она выступает как представитель качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот уровень оказывается, действительно, локализованным внутри самой системы компетентности, расположен на ее «вершине». Тем самым, в еще большей степени подтверждается сформулированное выше предположение о структурно-уровневом строении, об иерархичности организации общего феномена компетентности. Эта организация обретает достаточно стройный и завершенный вид, включающий пять основных уровней, охарактеризованных выше.

На его высшем – метасистемном уровне локализованы специфические образования, принадлежащие к более общим целостностям (то есть к метасистемам – к личности и деятельности). Они, однако, функционально включены, «встроены» и в содержание самой компетентности. Прежде всего, это способности личности и основные функциональные блоки психологической системы деятельности. На втором уровне – общесистемном локализованы феномены общей координации всех основных и традиционно дифференцируемых «составляющих», входящих в состав компетентности – знаний, умений, навыков. Такая интеграция приводит к специфически системным феноменам, то есть к синергетическим эффектам. Она поэтому дает определенную «функциональную прибавку», которая не позволяет редуцировать этот уровень до аддитивной совокупности, то есть до агрегативного множества указанных «составляющих». Механизмы их интеграции дают на выходе аналогичный – также интегративный по своей сути феномен компетентности как таковой. Три других уровня образованы, соответственно, каждой из традиционно дифференцированных «составляющих»; это уровни знаний, умений и навыков.

На основе проведенного анализа можно сделать заключение обобщающего плана, согласно которому феномен компетентности построен на основе *структурно-уровневого* принципа. С этих позиций оказывается возможной экспликация общего состава и конкретного содержания его основных уровней, а также закономерности их координации.

Существенно и то, что частные, парциальные, хотя, конечно, и очень важные, «составляющие» общего феномена компетентности, предстают уже не только как отдельные его *части*, а как воедино связанные компоненты целого и, более того, как его уровни. В такой форме, то есть при достижении уровня целостной организации, сама компетентность обретает полноту своего содержания и свой истинный потенциал.

В связи с представленной выше уровневой экспликацией *микроструктурной* организации компетенций необходимо, по нашему мнению, специально остановиться и на еще одном – достаточно существенном вопросе, смысл которого состоит в следующем. С одной стороны, все представленные выше материалы вскрывают, действительно, очень сложную и внутренне гетерогенную структурную организацию компетенций. Однако, с другой стороны, даже несмотря на всю их сложность, они не перестают быть и частями – составляющими еще более общей и сложной целостности – самой деятельности, не утрачивают статус ее базовых единиц, то есть компонентов. В силу этого, необходимо детализировать само положение о них именно как основных единицах деятельности – ее компонентах, но уже с учетом тех представлений, которые раскрывают их микроструктурную организацию.

На наш взгляд, такая необходимость имеет принципиальное значение. Дело в том, что само это понятие нередко используется не в его строгом значении, а достаточно размыто, аморфно и концептуально неопределенно; ему, а также определению его границ не уделяется обычно специального внимания. В результате этого очень часто под компонентом понимается, фактически, любая часть той или иной анализируемой целостности. Например, очень типичным и показательным в этом отношении является синонимическое использование понятий компонента и элемента, хотя это – совершенно разные качественно специфические по отношению друг к другу образования. В наиболее строгом и непосредственном смысле под компонентом следует понимать такую относительно простейшую «составляющую» системы, которая еще обладает всеми основными характеристиками самой системы, «несет в себе» все основные атрибуты ее качественной определенности. Отсюда следует, в частности, что *компоненты* (по определению) уже сами по себе являются достаточно сложными, именно *комплексными* образованиями. Они, в свою очередь, также состоят из определенных образований, но уже иного уровня, иного порядка сложности. Последними как раз и яв-

ляются отдельные элементы. В отличие от компонентов, они уже утрачивают атрибуты качественной определенности той системы, в которую они включены. Вместе с тем, истинная сложность соотношений компонентов и элементов состоит в том, что вторые объективно необходимы для конституирования первых; однако сами по себе (то есть как некоторая агрегативная сумма) еще недостаточны для этого. Они обязательно должны быть подвергнуты определенной, дополнительной организации и лишь при этом условии, то есть синтезируясь друг с другом, приводят к формированию компонентов.

Другой типичной ошибкой является применение понятия компонента для обозначения таких частей системы, которые выступают уже не относительно более простыми по отношению к ним (как элементы), а более сложными образованиями. Дело в том, что в составе любой системы обнаруживаются, наряду с компонентами и элементами, также и их достаточно сложноорганизованные синтезы, паттерны. Чаще всего для их характеристики наиболее адекватным оказывается термин «подсистема» (субсистема). Тем не менее, нередко и они – эти уже заведомо более сложноорганизованные образования также обозначаются понятием компонента.

Еще одним фактором, также негативно сказывающимся на разработке проблемы структурной организации систем, является целый ряд традиционно сложившихся и закрепившихся понятийных стереотипов в отношении использования данного термина, в его доминирующей трактовке. Эти стереотипы нередко сопровождаются и зауженной, неточной или неполной трактовкой данного понятия, что также ведет к ошибкам или неточностям в его использовании. Все они были достаточно подробно проанализированы выше, на основе чего сформулированы те требования, которым должны удовлетворять компоненты системы как таковые. Эти требования задают необходимые методологические ориентиры для использования понятия компонента в психологических исследованиях в целом и при разработке проблемы деятельности²⁷. Их учет содействует более точному и корректному пониманию

²⁷ Напомним, что проведенный выше анализ данного вопроса позволил сформулировать следующие – освоенные требования. Во-первых, компонент – это не только исходная «единица» целого, его так сказать «строительный материал», то есть то, что подлежит организации и интеграции в системе, но

компонентов как базовых единиц системы. Кроме того, с их позиций становится очевидным, что исторически сложившиеся, ставшие традиционными и прочно укоренившиеся в научном обиходе представления о содержании понятия компонента, а также о связях и отношениях между компонентами (как частями) и системой (как целым) не вполне отвечают реальной сложности этого понятия и его отношений с систе-

и сам по себе является продуктом организации и интеграции – комплексным, сложноорганизованным образованием. Во-вторых, компоненты – это не качественно гомогенные образования, а образования, принципиально гетерогенные, обеспечивающие тем самым «внутреннее разнообразие» систем как необходимое условие их реальной сложности и внутренней дифференцированной. В-третьих, множество компонентов любой системы является не только принципиально «счетным» – конечным, предельным, но и в большинстве случаев – достаточно ограниченным. За счет такой компактности множества компонентов обеспечивается баланс между интеграционными и дифференцирующими механизмами внутри самих систем. В-четвертых, компонент – это принципиально динамическое образование, могущее менять режимы своего функционирования в зависимости от условий, в которых находится сама система. Одни и те же компоненты могут быть при этом представлены принципиально вариативно – с разной степенью развернутости и сложности. В-пятых, компоненты могут и не быть паритетными по своему статусу в рамках системы, а локализоваться на разных уровнях ее организации. Более того, учитывая предыдущую особенность, один и тот же компонент может быть локализован на разных уровнях организации системы, в зависимости от степени его развернутости, то есть – от режима его функционирования. В-шестых, в качестве компонентов системы могут выступать лишь такие образования, которые – на фоне их существенных содержательных различий – все же обладают и чертами принципиальной общности, которая, однако, часто обнаруживается на более глубоком уровне их анализа. Иными словами, компоненты обязательно должны быть сопоставимыми, сравнимыми, подобными в некоторых их наиболее существенных чертах. В-седьмых, между компонентами могут устанавливаться не только внешние связи, но и связи по типу включения. Это, в свою очередь, является прямым следствием одного из наиболее общих принципов организации сложноорганизованных систем – их неаддитивности, недизъюнктивности. В-восьмых, не всегда компоненты являются более простыми образованиями, нежели та целостность, в которую они входят. В ряде случаев компоненты могут быть либо вполне сопоставимыми, однопорядковыми по сложности с самой системой, либо даже превосходить ее.

мой. В самом деле, образования, которые, действительно, выступают в статусе структурных компонентов, прежде всего, должны удовлетворять основному – формальному признаку компонента, предписываемому содержанием общесистемного критерия-дискриминатора уровня дифференциации систем. Согласно ему, как отмечалось выше, под компонентами целого понимаются такие входящие в него образования, которые еще обладают основными качественными характеристиками, ведущими атрибутами самого целого; «несут в себе» его качественную определенность, в отличие от элементов, которые уже утрачивают эту качественную определенность. Уровень компонентов – это уровень, по одну сторону от которого еще сохраняется качественная определенность, а по другую – она уже утрачивается; следовательно, это своего рода «пограничный» уровень сохранения качественной определенности системы. Вместе с тем, это определение является, хотя и необходимым, но еще недостаточным для полного раскрытия содержательной специфики компонентов в целом и компонентов сознания, в частности; оно должно быть дополнено теми параметрами, которые были выявлены в ходе проведенного выше анализа.

Все сказанное весьма рельефно проявляется именно по отношению к компетенциям как основным единицам структурной организации деятельности, а одновременно, содействует более полному и точному раскрытию их психологической природы. Действительно, это очень демонстративно эксплицируется уже по отношению к первому из охарактеризованных выше основных признаков компонентов. Любая компетенция с высокой степенью отчетливости разрывается с позиций сформулированных представлений отнюдь не только как исходная «единица» целого, но и сама является продуктом организации и *интеграции* – комплексным, сложноорганизованным образованием. Далее, компетенции столь же рельефно эксплицируются не как качественно гомогенные образования, а образования, принципиально *гетерогенные*. Тем самым обеспечивается внутреннее разнообразие» системы деятельности как необходимое условие ее реальной сложности²⁸. Вся совокупность компетенций является, хотя и достаточно обширной, но все же принципиально ограничен-

²⁸ Очевидна аналогия с принципом «необходимого разнообразия» У. Р. Эшби [211]

ной – *компактной* и вполне обозримой. За счет такой компактности обеспечивается баланс между интеграционными и дифференцирующими механизмами внутри системы деятельности. Кроме того, на компетенции как базовые единицы деятельности распространяется и еще одна важная и также эксплицированная выше особенность. Они выступают как принципиально *динамические* образования, могущие менять режимы своего функционирования в зависимости от условий, в которых находится сама система. Это достигается за счет представленности в структуре компетенций соответствующих регулятивных механизмов, главным из которых как раз и является наличие в этой структуре особого метауровня, на котором локализована специфическая их группа – метакомпетенции. Наряду с этим, компетенции как базовые структурные компоненты деятельности отнюдь не паритетны и по своему статусу, поскольку воплощают в своей организации уровневый и, соответственно, – *иерархический* принцип. Отметим также, что в свете проведенного рассмотрения с очевидностью эксплицируется и то, что между компетенциями как базовыми компонентами устанавливаются множественные связи особого типа – не только так сказать внешние связи, но и связи по типу включения. Это, в свою очередь, является прямым следствием одного из наиболее общих принципов организации сложноорганизованных систем – их *неаддитивности*, недизъюнктивности.

Необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, отражающее существенную, по нашему мнению, особенность сформулированных выше представлений и состоящее в следующем. С одной стороны, все они, базируясь на представлениях о психологической структуре деятельности как таковой, с необходимостью имеют достаточно *общий* характер, то есть релевантны широкому кругу видов и типов деятельности. С другой стороны, степень их релевантности, точнее – полноты, с которой они реализуются в отношении различных видов и типов деятельности, все же *различна*; она возрастает по мере их усложнения. Поскольку деятельности именно субъектно-информационного класса являются одними из наиболее сложных, мера полноты их проявления в них также является наибольшей. Данное заключение, являясь обоснованным в гносеологическом плане, требует его реализации по отношению к исследованию деятельностей субъектно-информационного класса.

2.4. Обоснование процедуры психологического анализа информационной деятельности

Переходя к рассмотрению этого вопроса, отметим, что наиболее очевидным проявлением конструктивности данного заключения является то, что оно позволяет предложить общий по смыслу и конкретный по содержанию вариант решения одной из наиболее острых проблем, систематически возникающих при исследовании деятельностей субъектно-информационного класса в целом и деятельностей, базирующихся на компьютерной технике, в особенности. Она состоит в том, что к настоящему времени дифференцировано очень большое, трудно-обозримое множество компетенций, связанных с этой деятельностью; предложены их многочисленные классификации и таксономизации; разработаны многочисленные их перечни, что само по себе является позитивным фактом. Вместе с тем, именно это их обилие и гетерогенность порождает определенные негативные черты сложившейся ситуации. Они состоят в том, что это множество представляет собой слабо упорядоченную совокупность – недостаточно систематизированный и, по существу, *агрегативный* комплекс. Иными словами до сих пор отсутствует какая-либо единая и достаточно общая *систематика* компетенций данной деятельности. В свою очередь, за этим негативным фактом необходимо видеть его наиболее важную – глубинную причину. Она, на наш взгляд, состоит в том, что до настоящего времени не выработан *критерий* такой систематизации, удовлетворяющий двум основным требованиям. Во-первых, он должен носить не только общий, но и теоретически обоснованный характер. Во-вторых, он должен быть релевантен атрибутивной природе того явления, которое и подлежит систематизации на его основе – в данном случае природе компетенций. Однако, вполне очевидно и то, что, поскольку они являются образованиями собственно психологической природы, то и искомым критерий также должен базироваться на аналогичных, то есть также психологических закономерностях и основаниях. В свете этого вполне очевидно, что таким критерием как раз и должна выступать собственная структурная организация компетенций в общей организации деятельности, точнее – их *макроструктурная* организация. Она, в свою очередь, базируясь на уровневом принципе, естественным и даже необходимым образом приводит к дифференциации пяти

основных групп компетенций, каждая из которых соотносится с тем или иным уровнем их общей макроструктурной организации и которые были охарактеризованы выше. Тем самым можно видеть, что сформулированные представления о компетенциях как базовых единицах структурной организации деятельности, равно как и основных единицах ее психологического анализа, а также об их общей организации, оказываются достаточно конструктивными. Они позволяют предложить обобщающее решение одного из ключевых вопросов теории и практики изучения информационных деятельностей – вопроса о разработке их общей *систематики*. Тем самым в значительной степени устраняется тот эмпирический хаос, который характерен для существующих сегодня представлений, а они сами подвергаются необходимой *концептуальной* упорядоченности.

Еще одним и также значимым, по нашему мнению, следствием сформулированных представлений, носящим, правда, более имплицитный и скрытый от обнаружения характер, является следующее положение. Базируясь на сформулированных выше заключениях, а также на данных, представленных в целом ряде других наших работ [98, 99], можно сделать вывод о том, что существуют глубинное, очень органичное подобие, доходящее до степени изоморфизма, между макроструктурной организацией системы *компетенций* деятельности и структурно-уровневым строением самой *деятельности*. Это соответствие проявляется уже в том, что количество уровней в обеих структурах *одинаково*, а относительно высшие уровни одной структуры (компетенций) конгруэнтны аналогичным, то есть также высшим уровням другой структуры (деятельностной). Так, в частности, очевидно прямое и очень явное соответствие навыков как составляющих элементного уровня организации компетенций и аналогичного – низшего уровня в структуре деятельности – уровня операций. Точно так же и высший уровень общей структуры компетенций, на котором локализованы метакомпетенции релевантен высшему уровню организации деятельности – метадеятельностному. Аналогичные – «парные» соответствия существуют и между всеми другими уровнями компетенций, с одной стороны, и деятельности, с другой. Так, очень показательным в этом плане является соответствие вторичных компетенций и инфрадеятельностного уровня организации деятельности. Действительно, сама суть этих компетенций состоит

в том, что они являются продуктами комплексирования и синтезирования «первичных» базовых компетенций под системообразующим фактором тех или иных функциональных задач деятельности. Поэтому они выступают как их определенные подсистемы. Однако и психологическая природа инфрадеятельностного уровня состоит принципиально в том же самом: на нем локализованы определенные комплексы – паттерны действий, складывающиеся для преодоления тех или иных ситуаций, то есть также подсистемы действий.

Отсюда, однако, с необходимостью следует вывод еще более общего и принципиального плана. Он состоит в том, что, поскольку структурно-уровневая организация компетенций, фактически, изоморфна уровневой организации самой деятельности, то ее установление и раскрытие в значительной степени тождественно раскрытию психологического содержания самой деятельности. Причем, важно и то, что за счет этого устанавливается не какая-либо – пусть и очень важная, но все же частная закономерность организации и содержания деятельности, а ее объективно *главный* аспект – структурно-уровневый, иерархический. Вскрывается та объективно главная и онтологически представленная закономерность, которая лежит в самом основании деятельности – ее *иерархическое*, вертикальное строение, которое, в свою очередь, является важнейшим атрибутом системной организации как таковой. Тем самым можно видеть, что через анализ структурной организации компетенций открывается реальный путь к экспликации объективно главного атрибута организации деятельности как таковой – системности этой организации. Понятие анализа деятельности как системы не только наполняется дополнительным и вполне определенным содержанием, но и эксплицируется конкретный – практически реализуемый способ осуществления такого анализа, который можно обозначить как *компетентностно-опосредствованный* анализ.

Высокая степень реализуемости такого подхода к осуществлению психологического анализа профессиональной деятельности в целом и ее субъектно-информационных видов, в особенности, обусловлена, однако, еще одним обстоятельством, выступающим, в свою очередь, непосредственным следствием сформулированных выше представлений. Так, мы уже отмечали, что наиболее специфичными каждой конкретной деятельности – так сказать деятельностно-специфичными являются именно вторичные – производные компетенции.

Они, к тому же, более многочисленны и разнообразны, отражая всю палитру особенностей и закономерностей деятельности, равно как и ее содержания. Однако это же означает, что именно они являются и наиболее *репрезентативными* в плане экспликации *в них* и *через них* содержания и организации деятельности как таковой в целом. Они – своего рода предикторы и индикаторы этого содержания и этой организации, своеобразные маркеры и «ключи» к его раскрытию, то есть, фактически, к ее психологическому анализу. Последнее связано еще и с тем, что по отношению к генезису вторичных компетенций действует одна их наиболее общих закономерностей системного типа, рассмотренная выше и дающая ответ на вопрос, *что* именно выступает в качестве причины – источника, детерминанты соорганизации, комплексирования базовых (первичных) компетенций и порождения в результат вторичных компетенций. Причем, ответ на него полностью соответствует как методологии системности, так и деятельностной реальности в ее истинном, а не симплифицированном виде и может быть резюмирован следующим образом²⁹.

Дифференциации общей цели деятельности на множество подцелей разного уровня обобщенности осуществляется в соответствии с функциональным принципом: каждая подцель конституируется на основе ее соотнесения с той или иной деятельностной ситуацией, задачей. Они, в свою очередь, и составляют содержание деятельности как таковое, а также обуславливают ее трудности и соответственно – набор требований к осуществляющему их субъекту (то есть компетенций). *Функциональные задачи* по организации и реализации деятельности, выступают детерминантами для определения состав необходимых компетенций и способов их соорганизации. Цель – решение тех или иных функциональных задач – выступает как системообразующий фактор для селекции и соорганизации базовых компетенций. В результате этого и на основе этого, собственно говоря, и складываются более сложные паттерны базовых компетенций; они образуют совокупность вторичных, производных, вторичных компетенций. Их многообразии, в свою очередь, очень характерно для различных видов и типов деятельности, проявляясь феноменологически весьма полно и демонстративно. Подчеркнем также, что с этих позиций раскрывается глубинная

²⁹ Напомним, что в более развернутой форме он представлен в [95]

связь и естественное взаимодействие двух очень общих и важных методологических подходов – компетентностного и ситуационного.

Наконец, важно и то, что за счет всего этого достигается существенно бóльшая степень реализуемости процедуры психологического анализа деятельности. Вся методология и техника эмпирико-профессиографического и феноменологического плана, разработанная в этих подходах (в особенности, в ситуационном), не только может, но и обязательно должна быть реализована при разработке процедур анализа деятельности. При этом направленность такого анализа вполне очевидна: от эксплицитно представленных – объективированных феноменов, сопряженных с решением основных функциональных задач, к установлению необходимых для этого компетенций и далее – к установлению и объяснению их собственного содержания, носящего уже психологический, имплицитно не представленный – субъективированный характер.

Свидетельством правомерности такого подхода являются и многочисленные данные, полученные, так сказать, с совершенно другого направления – не от теории, а от практики. Дело в том, что фактически, все существующие сегодня описания наиболее сложных видов деятельности в целом и деятельностей, базирующихся на компьютерной технике, в особенности, представлены «на языке» компетенций. И это, на наш взгляд, совершенно закономерно, поскольку именно они несут на себе основное содержание этих видов деятельности; они, в силу этого, наиболее пригодны – реализуемы в плане его экспликации. Причем, в этом статусе они релевантны решению практически всех основных задач, которые являются наиболее распространенными – типичными для прикладных психологических разработок, вообще для психологической оптимизации деятельности. На «языке» компетенций работают исследователи, занимающиеся и аттестацией персонала, и отбором сотрудников, и тем более – их подготовкой, обучением. На этом же «языке» обычно объективировано и нормативное содержание деятельности.

Подобные – практико-ориентированные и процедурно-операционализируемые аспекты компетенций можно перечислять и далее; важнее, однако, подчеркнуть общий смысл всех этих экспликаций. Он заключается в том, что здесь имеет место очень явная конвергенция и взаимодополнение двух основных исследовательских стра-

тегий (полезная для них обеих). С одной стороны, это стратегия, точнее – подход, обозначаемый как *теоретический*; он и был реализован выше. С другой стороны, это *эмпирический* подход, идущий в данном случае, однако, не столько от эмпирики как таковой, сколько от практики (причем, в основном, не психологической, а производственной). Эти подходы конвергируют в понятии компетенции и, соответственно, в той реальности, которая им обозначается, что в итоге и дает их *синтез*. Возникающие в результате этого синергетические эффекты очень важны и полезны как для теории, так и для практики. Первая обретает новый и вполне конкретный путь к формированию так необходимого ей экологически валидного эмпирического базиса, а также конкретные процедурные средства «проникновения» в этот базис. Вторая обретает столь же необходимые ей интерпретационные средства, позволяющие заглянуть за феноменологический фасад деятельностных явлений и выявить имплицитно представленные в них закономерности психической регуляции деятельности. Тем самым понятие компетенции раскрывается и как важнейшее связующее, опосредствующее звено между теорией деятельности и практикой ее психологического анализа, как ключ для проникновения через феноменологию к сущности, как «концептуальный мост» между различными теоретическими подходами (деятельностным, ситуационным, компетентностным).

Показательным проявлением такой конвергенции, которая – подчеркиваем – прослеживается в отношении очень разных путей и подходов, выступает и еще одно обстоятельство. Оно вообще является, пожалуй, наиболее демонстративным и выступающим, фактически, как олицетворение всех исследований в области сложных видов деятельности, в особенности, компьютерных и состоит в следующем. В настоящее время стало не только общепризнанным, но и, по существу, аксиоматичным, причем, не только и даже не столько в науке, но и на практике и даже «в общественном мнении» разделение всех компетенций на два типа. Это их дифференциация на «жесткие» и «мягкие» навыки (*hard-skills* и *soft-skills*) [60, 123, 181, 191, 199, 250, 155, 193]. Возникнув отнюдь не в самой психологии и даже не в исследованиях иных научных дисциплин, а имея сугубо практические основания, она, однако, очень хорошо прижилась и продемонстрировала свою конструктивность. Однако до сих пор она все же недоста-

точно осмыслена с теоретических позиций, в особенности, – в работах психологического плана. Вместе с тем, такое – вполне естественное и даже необходимое осмысление не только возможно, но и необходимо именно с позиций сформулированных выше взглядов. Действительно, как можно видеть из представленных материалов, один из уровней макроструктурной организации компетенций (причем, не просто «один из», то есть рядовой, а высший и, следовательно, главный) как раз и соответствует категории метакомпетенций. Тем самым эмпирически установленный феномен метакомпетенций (soft-skills) находит свое естественное и органично присущее его природе место в общей структуре компетенций и, соответственно, деятельности. Он, тем самым, получает необходимые средства для его теоретической экспликации и собственно психологического объяснения. Одновременно и сам этот уровень, равно как и понятие метакомпетенций, оформившееся исходно именно в теоретических исследованиях, находит свое подтверждение и, следовательно, – доказательство в практически-ориентированных разработках. Теория и практика взаимно верифицируют друг друга, подтверждая тем самым и объясняя важнейший феномен метакомпетенций как таковой. Более того, посредством этого находит свое подтверждение и еще более общий подход, сформулированный нами ранее – метасистемный [80]. Дело в том, что сами метакомпетенции – даже с чисто формальной и просто этимологической точки зрения являются образованиями, в известной степени выходящими за пределы той системы, которую они, в действительности, и «обслуживают» – деятельности. Они не связаны напрямую с ее содержанием и организацией, с ее технологией и операционным содержанием, хотя и необходимы для нее. Тем самым, они, являясь наддеятельностными и потому – надсистемными образованиями, выступают как проявления именно метасистемной организации деятельности.

Сформулированные выше представления создают необходимые и во многом достаточные условия для перехода к рассмотрению еще одной значимой как в теоретическом, так и особенно в практическом отношении задачи. Ее сущность состоит в том, чтобы осуществить попытку разработки и обоснования уже не *общего* теоретико-методологического подхода к проблеме психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса, а *конкретной – практико-ориентированной процедуры* его осуществления. Как извест-

но, данная задача вообще является одной из основных и наиболее специфичных в рамках всего комплексного междисциплинарного направления, обозначаемого понятием психологического анализа деятельности. Известно также, что при ее решении в общем плане – по отношению ко многим иным, нежели данный класс действий, оформился целый ряд подходов и вариантов создания такого рода процедур; сложились также и определенные традиции и опыта их реализации. Это, например, алгоритмический анализ деятельности, ее структурно-психологический анализ, систмогенетический анализ и др. Вместе с тем, по отношению к этому классу – даже несмотря на очевидную и подробно рассмотренную выше его значимость, данная задача не только не решена, но и практически даже не сформулирована как самостоятельная. Подчеркнем также, что при современном уровне представлений относительно данного класса, пожалуй, преждевременно говорить о создании какой-либо *завершенной* и так сказать «отшлифованной» процедуры анализа, подвергшейся полной алгоритмизации и принявший «жесткий» – нормативный, процедурный характер. Это – скорее, хотя и не совсем далекая, но все же перспектива исследований и разработок в данной области; пока же уместнее говорить лишь о той или иной степени приближения к ее решению – хочется надеяться, достаточно существенному.

Наконец, следует учитывать и то, что эта задача является именно практико-ориентированной – она не столь теоретична и методологична, как рассмотренная выше задача разработки общего подхода к исследованию данного класса. Однако именно это обстоятельство означает, что она характеризуется не только не меньшей сложностью, нежели первая, но, напротив, – большей сложностью. Действительно, сама суть практических задач как таковых, в отличие от подчеркнуто теоретических проблем, состоит в том, что они являются более комплексными и многоаспектными, а потому – в известном смысле и в определенном аспекте и более сложными. Как правило, при их решении возникает большое число трудностей и препятствий, связанных с известной проблемой доведения теории до практики³⁰. При их реше-

³⁰ В этом плане можно привести аналогию, которая, впрочем, является более, чем просто аналогия, с тем, каким образом оценивал сравнительную сложность «ума теоретического» и «ума практического» Б. М. Теплов.

нии те недоработки теоретического плана, которые в иных условиях могут оставаться незамеченными или терпящими свою нерешенность, начинают проявляться со всей очевидностью. Без их преодоления практико-ориентированные задачи могут и не допускать своего конструктивного рашения. Сама практика высвечивает недоработки теории и заставляет вновь обращаться к ним, выступая тем самым определенным и существенным фактором развития последней.

Далее, необходимо подчеркнуть, что решение данной комплексной задачи должно осуществиться с опорой на ряд требований – принципов; основными из них являются следующие принципы.

Во-первых, это, конечно, принцип *теоретической обоснованности*, согласно которому аналитические процедуры, направленные, в основном, на решение практических задач, должны, тем не менее, обязательно быть теоретически фундированными и, более того, отражать и воплощать основные – прежде всего, современные теоретические представления в области психологии деятельности, а также в пограничных с ней областях.

Во-вторых, это и принцип *практической реализуемости*, предписывающий необходимость создания таких процедур, которые были бы именно реализуемыми, осуществимыми, а не только теоретически обоснованными. При этом следует учитывать и хорошо известное правило, согласно которому требования теоретической обоснованности и практической реализуемости отнюдь не всегда

Проводя сравнительную характеристику теоретического и практического мышления, (в терминологии Б. М. Теплова «ума практического и теоретического») он указывает: «Если уж и устанавливать градации деятельности по трудности и сложности требований, предъявляемых ими к уму, то придется признать, что с точки зрения многообразия, а иногда и внутренней противоречивости интеллектуальных задач, а также жесткости условий, в которых протекает умственная работа, первые места должны занять высшие формы практической деятельности. Умственная работа ученого, строго говоря, проще, яснее, спокойнее (это не значит обязательно «легче»), чем умственная работа политического деятеля или полководца. Но, конечно, установление такого рода градаций – дело в значительной мере искусственное. Главное не в них, а в том, чтобы полностью осознать психологическое своеобразие и огромную сложность и важность проблемы практического мышления» [188]. В этом же смысле может быть понято и известное выражение «Дьявол в деталях».

находятся в отношениях я гармонии, но напротив, часто выступают как противоречащие и даже антагонистичные по отношению друг другу. В результате нередко сами процедуры выступают как определенный компромисс между тем, «как хотелось бы» с точки зрения теоретических соображений, и как «можно в действительности» их реализовать с точки зрения жестких условий практики и наличного уровня методического инструментария анализа деятельности.

В-третьих, это принцип *преемственности* вновь разрабатываемой процедуры по отношению к тем, которые уже были созданы ранее и прошли успешную проверку длительной практикой их применения. В частности, это процедура психологического анализа деятельности, разработанная в рамках концепции системогенеза и включающая шесть основных уровней (этапов) его реализации, Традиции, сложившиеся во всех них, безусловно, должны быть учтены; однако, наиболее обоснованной и действенной среди них является процедура, разработанная в рамках концепции системогенеза деятельности, в связи с чем мы будем рассматривать ее как наиболее релевантную решаемым здесь задачам.

В-четвертых, это принцип *адаптируемости*, предполагающий возможность создания такой процедуры, которая, с одной стороны, была бы достаточно обобщенной, а потому – реализуемой по отношению к достаточно широкому кругу конкретных видов деятельности. Однако, с другой стороны, она должна быть специфицируемой – допускать свою конкретизацию и даже определенную трансформацию в направлении учета особенностей тех или иных конкретных видов деятельности.

В-пятых, это и известный принцип *целевого назначения*, состоящий в том, что общая процедура анализа должна допускать необходимую спецификацию уже не только в отношении тех или иных видов деятельности, но и в отношении конкретных решаемых каждый раз задач. Известно также, что к числу основных и наиболее типичных среди такого рода задач относятся организация профотбора, профаттестации, профобучения, а также рационализация деятельности.

В-шестых, это принцип *системности*, который уже не раз обсуждался выше и который предписывает необходимость осуществления анализа деятельности с позиций всего арсенала системного подхода. Причем, он должен быть реализован в его современных вариантах и, прежде всего, в том варианте, который сформулирован выше и обозначится как метасистемный подход.

В-седьмых, это принцип уровневого, точнее *структурно-уровневого анализа* как в его общем виде, так и в виде, специфицированном по отношению к уровневой организации самой деятельности. Он обусловлен тем, что деятельность как система базируется именно на этом принципе, а наиболее действенные из существующих аналитических процедур также поострены на его основе, что адекватно отображает в гносеологическом плане реальную онтологию самой деятельности.

В-восьмых, это известный принцип *отчуждаемости* разрабатываемой процедуры от самого разработчика, предписывающий необходимость доведения ее до такой степени реализуемости, при которой она допускала бы свое применение любым квалифицированным пользователем, а не только ее автором.

Все эти принципы, наряду с некоторыми иными – более частными, но также значимыми требованиями, к которым мы будем обращаться по ходу дальнейшего изложения, должны быть обязательно учтены при обосновании процедуры аналитического типа и, более того, – выступить как основа ее разработки.

В плане такой реализации в целом и особенно – первого из отмеченных принципов (теоретической обоснованности) целесообразно напомнить и о тех ключевых положениях собственно методологического плана, которые были сформулированы выше. Разумеется, это следует осуществить в отношении не всех, а лишь так сказать о «главнейших среди главных», то есть именно ключевых, без которых сама процедура была бы невозможной. Во-первых, в качестве основной единицы анализа деятельности субъектно-информационного класса должна выступать такая структурно-функциональная ее составляющая, которая ранее не фигурировала в этом статусе, но которая явным образом эксплицировала именно его по ходу всего проведенного выше рассмотрения. В качестве таких единиц должны выступать базовые компетенции данной деятельности. Во-вторых, общая совокупность деятельностных компетенций синтезирована в целостную структуру, организованную на основе уровневого принципа и образует систему, включающую пять основных уровней. В-третьих, данная структура изоморфна базовой структурно-уровневой организации деятельности в целом; основные уровни первой конгруэнтны базовым уровням второй. Следовательно, через анализ структуры компетенций открывается благоприятные возможности для раскрытия содержания уровней самой деятельности в ее

объективно главном – структурно-уровневом, иерархическом аспекте. Фактически, компетенции раскрываются как ключ к раскрытию содержания деятельности в целом, а их структура – к раскрытию ее организации. В-четвертых, не только система компетенций в целом образует определенную макроструктуру, но они и сами также имеют сложную закономерным образом организованную структурную организацию – микроструктуру, включающую пять основных уровней. В-пятых, это и положение, согласно которому должен быть реализован новый подход к пониманию самой сути анализа как такового и к решению его базовой проблемы – проблемы декомпозиции целого на части. Напомним, что суть состоит в том, что между ними могут существовать не только отношения включения – аддитивности, но и отношения мультиплицирования – неаддитивности. В-шестых, это положение, согласно которому существует принципиальный изоморфизм базовых, первичных компетенций и основных функциональных блоков психологической системы деятельности. Более того первые выступают как производные от вторых. Следовательно, через раскрытие базовых компетенций в ходе анализа деятельности открывается принципиальная возможность и раскрытия само структурно-функциональной организации деятельности, взятой, однако, уже не в ее уровневом, «вертикальном» плане, а ее «горизонтальном» плане – в качестве системы сорганизованных паритетных функциональных блоков. В-седьмых, это положение, согласно которому по отношению к деятельности субъектно-информационного класса складывается картина, при которой практически все ее содержание, взятое именно в принципиальном виде, отождествляется с тем, что иногда обозначается как «внутренний план» деятельности, а в более общем виде – как подсистема ее психической регуляции. Она, однако, фактически, изоморфна, как показано выше, общей структуре компетенций. Следовательно, ее раскрытие – это и есть реальное средство для экспликации содержания деятельности в целом.

Итак, *основная идея*, на которой базируется предлагаемая аналитическая процедура, состоит в следующем. Основными структурными единицами деятельности субъектно-информационного класса и, соответственно, основными единицами ее анализа являются основные деятельностные компетенции. Они выступают ее реальными – онтологически представленными компонентами, базовыми носителями ее качественной определенности, то есть того главного, что есть в любом предмете иссле-

дования³¹. Кроме того, эта единица адекватно отражает истинную специфичность деятельности как системного образования – принадлежность к категории системных комплексов. Следовательно, и ее базовая единица также должна быть по необходимости *комплексной*, что и представлено в понятии *компетенции*; она также характеризуется собственной сложной организацией. Причем, те «составляющие», которые ее образуют, соотносятся с основными «составляющими» самой деятельности как системокомплексного образования. В ней, следовательно, деятельность эксплицируется во всех основных планах – предметном, действенном, субъектном, процессуальном. Вместе с тем, только к ним, эта качественная определенность не сводится и ими не исчерпывается. Дело в том, что они образуют в своей совокупности определенную организацию, вследствие чего порождаются новые качественные особенности и характеристики, новые атрибутивные черты данной деятельности. В свою очередь, сама эта организация базируется на структурно-уровневом, иерархическом принципе, а общая система компетенций включает пять основных уровней. Поскольку, однако, она принципиально изоморфна структуре основных уровней самой деятельности, то через нее открывается доступ к экспликации структуры деятельности в целом. Макроструктура компетенций – это ключ к раскрытию структуры самой деятельности в ее объективно главном – структурно-уровневом строении, что равнозначно возможности экспликации содержания и организации деятельности в целом. Следовательно, общий поход к анализу данной деятельности должен базироваться на базовом конструкте – на понятии компетенции и той многоплановой реальности, которая в нем зафиксирована.

Следует учитывать также и то – весьма значимое, прежде всего, в плане обеспечения практической реализуемости аналитической процедуры обстоятельство, которое уже отмечалось выше и состоит в следующем. В рамках их внепсихологического изучения и проектирования деятельности, равно как ее оптимизации и обучения ей, уже сложился целый ряд важных подходов³². В ходе их реализации

³¹ Как известно, именно качество есть «тождественная со своей сущностью определенность»; качество – это то, благодаря чему нечто является тем, чем оно является» [36].

³² Данное обстоятельство выступает еще одним проявлением весьма типичной для деятельностей субъектно-информационного класса особенно-

получены важные результаты, которые, несмотря на их эмпиричность и недостаточную теоретичность (а в действительности, благодаря ей), отражают очень существенные особенности данной деятельности. Они должны отнюдь не игнорироваться, а напротив служить важным источником и даже основой для решения собственно психологических задач в целом и разработки аналитических процедур ее изучения, в частности.

Кроме того, анализ должен быть и столь же принципиально *уровневым*, поскольку он требует дифференцированного рассмотрения всех пяти уровней макроструктурной организации компетенций как средства раскрытия особенностей соответствующих им уровней деятельности. Все сказанное, собственно говоря, и предписывает ту логику, на основе которой должна быть реализована разработка данной процедуры, а также дана ее характеристика.

Итак, преднамеренно схематизируя и даже упрощая сформулированные выше – исходные положения, можно заключить, что сущность разрабатываемой аналитической процедуры должна состоять в раскрытии содержания и организации всей совокупности деятельностных компетенций. В них и *через* них воплощается и, соответственно, эксплицируется – причем, не только самому ее субъекту, но и «внешнему наблюдателю» основное и наиболее специфическое содержание. Тем самым, их анализ – это, собственно говоря, во многом и есть анализ всей деятельности. Они, выступая базовыми носителями качественной определенности деятельности, являются не только ее основами *компонентами*, но и основными «единицами» ее *декомпозиции*, а также и ее интеграции в целостность. В то же время, они и сами – но уже на ином, более глубоком уровне рассмотрения являются подчеркнута синтетическими, то есть интегративными образованиями, поскольку, как показано выше, имеют достаточно сложную собственную микроструктуру. Важно и то, что она включает себя те «составляющие», которые также традиционно используются в содержании аналитических процедур изучения деятельности, поскольку они соотносятся с основными «составляющими» самой деятельности. Это, как отмечалось выше, цель деятельности, мотивация к ней, ее информационная основа, прятие

сти. Она заключается в том, что очень богатый материал, который может быть использован для психологического анализа деятельности, уже получен иных – внепсихологических способами экспликации ее содержания.

решений, профессионально-важные качества, ее исполнительская часть, контроль, коррекция и др.

При реализации сформулированных выше установок возникает, однако, важный вопрос, который, впрочем, характерен для подобных случаев в целом и имеет общий характер. Он состоит в выборе и обосновании *последовательности* – логики и временной развертки реализации самих аналитических процедур, а по отношению к рассматриваемой проблеме состоит в следующем. С одной стороны, представленные материалы обосновывают необходимость раскрытия всей совокупности деятельностных компетенций, локализованных на пяти основных уровнях их макроструктурной организации – элементарном, компонентном, субсистемном, общесистемном и метасистемном. С другой стороны, возникает закономерный и важный именно в организационном плане вопрос о том, какова должна быть последовательность такого рассмотрения – с какого уровня макроструктурной организации она должна начинаться и почему? Какова должна быть дальнейшая последовательность, то есть к каким уровням необходимо перейти далее и какими уровнями она должна завершаться? При решении данной задачи возможны несколько вариантов – сценариев развертывания анализа и, соответственно, структуры самой процедуры. Во-первых, возможен такой – наиболее очевидный, на первый взгляд, путь, который весьма часто реализуется в аналитических процедурах и который обозначается выражением «снизу – вверх», то есть от простого к сложному. Он предписывает рассматривать в качестве начального относительно наиболее простой уровень, на котором – в нашем случае локализованы основные элементы компетенций, то есть собственно элементный уровень макроструктуры компетенций. Далее, он предусматривает последовательное перемещение анализа вверх – сначала к анализу базовых, первичных компетенций, затем – к анализу вторичных компетенций. После этого – к анализу феномена компетентности в целом и, наконец, к анализу категории метакомпетенций. Во-вторых, возможен и противоположный сценарий, обозначаемый как движение «сверху – вниз», а его сущность состоит в том, что вначале анализируются компетенции высшего уровня их макроструктурной организации – метасистемные. Затем анализ распространяется на общедеятельностный феномен компетентности, далее, на уровни «вторичных», «первичных» компетенций и, наконец,

на базовый уровень их организации. В-третьих, возможен и принципиально иной сценарий – менее очевидный, но вполне обоснованный с точки зрения самой сущности аналитических процедур в целом и достаточно распространенный в психологических исследованиях.

Он состоит в том, что не только за основу того или иного подхода к анализу в целом, но и в качестве руководства для определения логики его развертывания берется базовая единица анализируемого целого – его основные компоненты. Следовательно, по отношению к анализу деятельностей субъектно-информационного класса, согласно этому варианту, в качестве начального должно выступить рассмотрение того уровня макроструктурной организации, который обозначен как компонентный. Далее, анализ должен реализовываться как по направлению «вверх» – по отношению к уровням, локализованным над ним, а также «вниз» – по направлению к нижележащему уровню. Разумеется, все эти варианты вполне реализуемы – возможны и по отношению к анализу деятельностей субъектно-информационного класса в целом и тех, которые базируются на компьютерной технике. Однако, как убедительно свидетельствует опыт их практического изучения, равно как и соображения теоретического плана, сформулированные выше, более обоснован и продуктивен иной сценарий развертывания анализа, другая организация его процедуры.

По ходу всего проведенного выше рассмотрения мы постоянно подчеркивали следующее – весьма важное не только в теоретическом, но и в практическом отношении обстоятельство. Основным носителем содержания и организации анализируемой деятельности, ее наиболее полной и рельефно представленной экспликацией является тот уровень макроструктурной организации компетенций (и самой деятельности), который соотносится с субсистемным значением критерия-дискриминатора их дифференциации. Напомним, что на нем локализованы те компетенции, которые были обозначены нами понятием «вторичных», производных (синтетических, интегральных) компетенций. В самом деле, на данном уровне локализованы компетенции, специфика которых состоит в максимальном полном соответствии с основными функциональными задачами деятельности, совокупность которых во многом репрезентирует содержание и организацию в целом и, более того, вообще образован ими. В еще более общем плане они могут быть проинтерпретированы как частный случай общедеятельностной

(и общесистемной закономерности), согласно которой именно субсистемный уровень организации является наиболее полным и богатым содержанием уровнем во всей организации самих систем.

В результате проведенного выше анализа, а также в работах [77, 78, 84, 86, 88, 93, 95, 96] было показано, что он характеризуется следующими основными особенностями. Во-первых, данный уровень соотносится (и вообще дифференцируется) не на основе критерия его соответствия либо с мотивом (как деятельность в целом), либо с целью (как действие). Он релевантен качественно иному, но столь же общему и важному понятию – понятию *ситуации* и, следовательно, объективно дифференцируется именно на основе критерия соответствия с ним. Именно объективная ситуация, репрезентируемая субъектом как проблема, является общей и основной детерминантой его существования и функционирования.

Во-вторых, он предельно *динамичен*, поскольку порождается и изменяется в зависимости от требований и специфики объективных ситуаций (для преодоления которых он и формируется). Деятельность как органическая целостность, как «живая система» постоянно порождает некоторые функциональные органы, направленные на обеспечение ее основных функций, для преодоления основных объективных ситуаций, в которых она реализуется [37, 44]. Порождение таких «органов» – подсистем действий, а также их реализация – это и есть, собственно говоря, сам процесс деятельности.

В-третьих, он принципиально *гетерогенен*, поскольку включает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. Соответственно этому – в зависимости от сложности – он может быть более близок либо к уровню деятельности, либо к уровню действия. Принципиальная качественная гетерогенность и большая вариативность сложности позволяют поэтому говорить о данном уровне как о неплоском уровне, как об уровне-диапазоне. Он, строго говоря, представляет собой иерархию структурно различных подуровней.

Далее, весьма значимо – прежде всего, в плане практической реализуемости и то, что именно эта категория компетенций является *наиболее эксплицированной* – как субъективно, так и объективно. В первом из этих аспектов – субъективном данное обстоятельство обусловлено высокой степенью развернутости – сукцессированности такого рода компетенций, которая, в свою очередь, является следствием их достаточно высокой сложности и, соответственно, необходимо-

стью активного субъектного контроля как за их формированием, так и за ситуационной реализацией. Во втором – объективном плане данное обстоятельство связано с тем, что, как отмечалось выше, именно на «языке» компетенций в целом и данной их категории, в особенности, представлены нормативные описания и экспликации деятельности в целом. Деятельность вообще получает свою нормативную экспликацию через содержание компетенций данной категории. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим также, что существуют и иные причины того, чтобы рассматривать ее в качестве первой в последовательности разрабатываемой процедуры.

Итак, с очевидностью выявляется необходимость реализации четвертого сценария, который предписывает в качестве первого этапа анализа рассмотрение «вторичных» компетенций, локализованных на субсистемном уровне их макроструктурной организации. При этом очень показательно и значимо, что обоснованность такого выбора подтверждается весьма непосредственно и, фактически, с первых шагов его реализации. Более того, она соответствует и целому ряду традиций анализа сложных систем, которые сложились ранее. Главные из них состоят в следующем. Как уже отмечалось, при его реализации следует исходить из базового положения системной методологии, согласно которому системообразующим фактором практически любой системы – в том числе, разумеется, и деятельности выступает ее цель. Однако столь же аксиоматичным является и положение, согласно которому при реальном функционировании систем она объективно дифференцируется и предстает как закономерно организованная совокупность *подцелей*. Причем, эта совокупность обычно также строится по иерархическому принципу, включая подцели разного уровня обобщенности, конкретизации, детализации. По отношению к организации деятельности эта общая закономерность получает столь же общее по смыслу, но конкретное по содержанию воплощение. Действительно, основные подцели деятельности, как правило, или практически всегда соотносятся с теми основными *функциональными задачами*, которые, в свою очередь, составляют содержание деятельности и решение которых необходимо для ее реализации. Общая цель деятельности может быть достигнута посредством реализации тех подцелей, которые соотносятся с основным функциональными задачами, возникающими по ходу ее выполнения. Для каждой из них та или иная подцель также будет вы-

ступать в качестве системообразующего фактора активности субъекта. При этом в плане обсуждаемых здесь вопросов наиболее важно то, что каждая функциональная задача может быть решена с существенно разной степенью эффективности, а она, в свою очередь, непосредственно определяется тем потенциалом субъекта, который и зафиксирован в понятии компетенции. Более того, сами компетенции как своего рода оценочный конструкт являются производными от меры эффективности решения субъектом основных функциональных задач. В этом плане сами понятия функциональных задач и компетенций являются атрибутивно взаимологаемыми и взаимопроизводными; они, фактически, вообще могут существовать только в связанном друг с другом виде, обретая смысл лишь в соотношении друг с другом.

Существенно и то, что любая реальная деятельностьная задача, зафиксированная в понятии функциональных задач, является столь же атрибутивно комплексной и сложной, требующей опоры на целый ряд детерминант и средств. Однако, именно такая сложность, компетенций как раз и является основным специфическим свойством не только исходных – базовых, но в еще большей степени – комплексных, «вторичных», интегральных.

Понятие функциональных задач и, соответственно, и то содержание, которое в нем зафиксировано, является конструктивным средством анализа, обеспечивающим его реализуемость, еще по одной важной причине. Она состоит в том, что нормативное содержание деятельности, как правило, эксплицируется в них и *через* них: для того, чтобы охарактеризовать содержание деятельности, требования к ней и пр., необходимо, прежде всего, определить совокупность того, *что* должен делать субъект и *как* он это должен делать. В силу этого, нормативные описания деятельности очень часто представлены именно как система функциональных задач – как *функционал* субъекта. Сам же функционал – это и есть во многом реальная экспликация содержания деятельности в целом и субъектно-информационной деятельности, в частности.

Более того, именно это определяющее обстоятельство уже было зафиксировано ранее к другому основному классу деятельностей – субъект-субъектному и, в особенности, к его наиболее репрезентативному представителю – управленческой деятельности. Ее содержание, согласно доминирующему в теории, «классическому» – функциональному подходу как раз и эксплицируется чрез категорию базовых управ-

ленческих функций, которые являются различными по содержанию, но сходными по назначению системами задач, решаемых управленцем в процессе ее реализации. Они и составляют функционал субъекта по ее осуществлению. Можно видеть, таким образом, что данное обстоятельство является одним из многочисленных проявлений сформулированного выше принципа преемственности в разработке процедур аналитического типа – в данном случае по отношению к функциональной парадигме анализа субъект-субъектного класса деятельностей.

Итак, можно заключить, что именно совокупность основных функциональных задач является комплексным основанием для определения состава «вторичных» компетенций как основных носителей качественной определенности деятельности в целом. Данное обстоятельство, в свою очередь, создает основу для обеспечения практической реализуемости аналитических процедур данной деятельности. Оно представляется и наиболее значимым, поскольку синтезирует в себе аргументы теоретического характера и реально сложившуюся, многократно верифицированную практику организации данной деятельности. Действительно, эта практика убедительно свидетельствует о том, что наиболее распространенным средством экспликации содержания и организации деятельности, а также требований к субъекту при ее осуществлении, является ее описание в виде известной *матрицы компетенций*. Более того, эта матрица является и средством экспликации требований к освоению тех или иных учебных курсов в вузе, в профессиональной подготовке, а не только при реализации сформированной деятельности. И хотя такого рода матрицы иногда подвергаются критическим оценкам за их якобы «недостаточную теоретичность», а в ряде моментов и за их эклектичность, тем не менее, они многократно показали свою практичность и релевантность именно прикладным задачам. Поэтому их надо не столько критиковать, сколько понимать их истинный статус: они являются вовсе не объяснительным средством раскрытия закономерностей деятельностей, а *описательным* средством, которым эксплицируется истинное содержание деятельности и которое должно рассматриваться не как конечный, а как исходный пункт на пути ее изучения и объяснения закономерностей ее организации.

В данной связи можно привести большое количество таких «матричных представлений», например, следующее.

Таблица 2

Матрица профессиональных компетенций программиста

Теоретическая подготовка				
	2 ⁿ (Уровень 0)	n ² (Уровень 1)	n (Уровень 2)	log(n) (Уровень 3)
Структуры данных	Не может объяснить разницы между Array (массивом) и LinkedList (связным списком)	Способен объяснить принцип работы массивов, списков, словарей и спользовать их для решения практических задач	Осознаёт, какие компромиссы между объёмом занимаемой памяти и быстродействием имеют место в базовых структурах данных, какие операции и почему легче выполнять для массивов, а какие — для списков. Может реализовать хеш-таблиц и разреженный коллизий в них. Приоритетные очереди и способы их реализации.	Знает и понимает продвинутые структуры данных: B-деревья, бинарные и фибоначчи-кучи, красно-чёрных деревья, «квыорачивающиеся» (Spray) деревья, слоёные списки (skip lists), пре-фиксные и суффиксные деревья и т. п.
Алгоритмы	Не способен найти среднее значение чисел в массиве (сложно поверить, но случаются и такие кандидаты)	Знает основные алгоритмы сортировки, поиска, обхода и выборки данных.	Деревья и Графы. Простые «жадные» алгоритмы и алгоритмы вида «разделяй-и-властвуй» (вроде QuickSort). Способен понять смысл обозначения уровней в этой матрице.	Способен распознать и программно решить задачи динамического программирования, хорошо знает алгоритмы работы с графами, вычислительные алгоритмы. Способен распознать класс сложности задачи и т. п.
Системное программирование	Не знает, что такое компилятор, сборщик или интерпретатор.	Базовое понимание компиляторов, сборщиков и интерпретаторов. Понимает, что такое машинный код, и как всё работает на аппаратном уровне. Некоторые знания в сфере виртуальной памяти	Понимает отличия пользовательского режима от режима ядра, многопоточность, примитивы синхронизации и то, как они реализованы. Способен читать машинный код. Понимает работу сетей, сетевые протоколы и программирование уровня сокетов.	Понимает отличия пользовательского режима от режима ядра, многопоточность, примитивы синхронизации и то, как они реализованы. Способен читать машинный код. Понимает работу и программирование уровня сокетов.

Продолжение табл. 2

Инфраструктура разработки				
	2 ⁿ (Уровень 0)	n ² (Уровень 1)	n (Уровень 2)	log(n) (Уровень 3)
Системы контроля версий	Архивные папки по датам	VSS и начинающий пользователь CVS/SVN	Имеет опыт в использовании возможностей CVS или SVN, умеет создавать ветки и сливать, настраивать свойства репозитория и т. п.	Знаком с распределёнными системами контроля версий. Пробовал Bzr/Mercurial/Darcs/Git
Автоматизация сборки	Умеет собирать из ИСР (Интегрированная среда разработки – IDE)	Умеет собирать из командной строки	Может настроить скрипт для сборки системы	Может настроить скрипт для сборки системы, а также генерации документации, установочных пакетов, заметок о выпуске и для установки соответствующих меток в системе контроля версий.
Знание средств разработки	Ограничено «родной» ИСР (IDE) (VS.Net, Eclipse и т. п.)	Знает о некоторых альтернативных средствах, представляет возможность других ИСР.	Хорошее знание редакторов, отладчиков, ИСР, свободных альтернатив и т. п. Приветствуется знание, например, программ из списка Скотта Хансельмана	Сам автор утилит и скриптов, желательно опубликованных.
Работа со средой разработки (IDE)	Использует ИСР для правки текстов.	Детальнее знаком с интерфейсом, способен эффективно пользоваться средой посредством меню.	Знаком с горячими клавишами для часто используемых операций.	Создаёт собственные макросы и расширения.
Написание сценариев	Не приходилось писать сценариев	Командные скрипты ОС, JS for scripting	Perl/Python/Ruby/VBScript/Powershell	Создал и опубликовал повторно используемые сценарии.

Продолжение табл. 2

Программирование				
	2 ⁿ (Уровень 0)	n ² (Уровень 1)	n (Уровень 2)	log(n) (Уровень 3)
Изначальная позиция задачи/декомпозиция	«Линейное» кодирование; повторное использование путём копирования вставки.	Способен разбить задачу на несколько функций	Способен создать повторно используемые функции/объекты, которые решают общую задачу	Используя соответствующие структуры данных и алгоритмы получает обобщённый/объектно-ориентированный код, в котором инкапсулированы и нужным образом выделены те аспекты задачи, которые могут измениться.
Исходные системы	Не мыслит шире уровня отдельного класса/файла	Способен декомпонировать задачу и спроектировать решение, но оставаясь в рамках той же технологии/платформы.	Способен проектировать системы, простирающиеся на несколько технологий/платформ.	Способен представлять и проектировать сложные системы из множества продуктов с интеграцией с внешними системами.
Организация кода в рамках файла	Никаких признаков организации кода	Методы структурированы логически или по уровням видимости	Код оформлен в регионы и достаточен прокомментирован	Файл чётко структурирован, документирован, все пробелы и новые строки расставлены в соответствии со стандартом кодирования. Файл выглядит идеальным.
Организация кода между файлами	Не принимает во внимание организацию файлов в папке.	Связанные файлы структурированы в папки.	Каждый файл имеет чёткую единственную цель, например, определение реализации одной возможности и т. п.	Организация кода на физическом уровне соответствует дизайну. Просмотр имён файлов и папок даёт представление об архитектуре данного фрагмента системы.

Продолжение табл. 2

Программирование				
	2 ⁿ (Уровень 0)	n ² (Уровень 1)	n (Уровень 2)	log(n) (Уровень 3)
Организация проектов в решении	Разделение на проекты практически отсутствует (на-пример, и слои UI, и логика, и данные – в одном проекте)	Базовое разделение проектов по уровням.	Бинарные внешние сборки, документация, внешний код, результаты сборки – всё логично организовано в соответствующие папки. Контролирует зависимость между проектами.	Физическое расположение исходников в дереве соответствует логической структуре и организации системы. Просмотр имён файлов и папок даёт представление об архитектуре сис-темы.
Читаемость кода	Однобуквенные имена	Смысловые имена для файлов, переменных, методов, классов и т. п.	Нет длинных функций, необычный код, исправления ошибок, предположения – прокомментированы	Допущения верифицируются с помощью Assert или контрактов кода. Поток выполнения выглядит естественно, нет слишком глубокой вложенности условий или вызовов.
Навыки общения	Не может донести мысли/идеи коллегам. Орфографические и грамматические ошибки.	Может донести мысли/идеи коллегам. Грамотная речь и письмо.	Способен эффективно обсуждать архитектурные и прочие детали с коллегами.	Способен понимать и сообщать мысли/архитектурные идеи/спецификации в непротиворечивой форме и в общении ориентируется на контекст (на понимание собеседниками друг друга). Может обучать других.
Автоматизированное тестирование	Считает, что всё тестирование – работа тестировщика	Пишет автоматические тесты, приходит к созданию хороших тестов для уже написанного кода	Пишет код в манере РЧТ (разработка через тестирование, TDD)	Способен настроить автоматизированные функциональные, нагрузочные и тесты интерфейса.

Продолжение табл. 2

Программирование				
	2 ⁿ (Уровень 0)	n ² (Уровень 1)	n (Уровень 2)	log(n) (Уровень 3)
Защитное кодирование	Не понимает, что это такое	Проверяет все пере- данные параметры, декларативно проверя- ет допущения в коде.	Проверяет возвращаемые значения и проверяет на исключения код, кото- рый может их выбросить.	Имеет собственную библиотеку для защитного кодирования, пишет модульные тесты для проверки работы в случае некорректных условий.
Обработка ошибок	Кодирует в рас- чёте на отсут- ствие ошибок.	Базовая обработка кода, который может выбросить исключение/ сгенерировать ошибку.	Убеждается, что ошибки/исключения оставляют программу в коррект- ном состоянии, освобождаются все ресурсы, требующие освобождения: память, подключения и др.	Старается не допустить возникнове- ния исключений путём упреждаю- щих проверок, поддерживает общую стратегию обработки исключений во всех слоях приложения. Предлагает набор общих правил для обработки исключений во всей системе.
Отношение к требованиям	Берёт требова- ния и реализует их формально	Ставит вопросы по упущенным нюансам в требованиях	Понимает общую картину и указы- вает на целые сферы, которые нужно уточнить/дописать	Способен предложить лучшие альтернативы предлагаемым ре- шениям исходя из личного опыта
Базы данных	Считает базой данных Excel	Знаком с основными концепциями, нормали- зацией, АСНД, транзак- циями, и способен пи- сать простые запросы.	Способен проектировать хорошие нормализованные схемы, учитывая при этом типичные запросы, которые будут производиться. Профессиональ- но использует отображения (View), храняемые процедуры, триггеры и типы, определяемые пользователем. Понимает отличие кластерных ин- дексов от некластерных. Профессио- нально использует средства объек- тно-реляционного отображения.	Способен осуществлять базовое администрирование БД, на-стройку производительности и оптимиза- цию индексов. Создавать сложные запросы, заменять использование курсоров на выражения SQL. Пред- ставляет, как данные и индексы физически организованы. Пони- мает, как база может быть зеркали- рована, реплицируема. Понимает, как работает двухфазная фиксация (commit).

Окончание табл. 2

Опыт				
	2 ⁿ (Уровень 0)	n ² (Уровень 1)	n (Уровень 2)	log(n) (Уровень 3)
Профессионально используемые языки	Императивные или объектно-ориентированные	Императивные, объектно-ориентированные и декларативные (SQL). Понимает отличия статической и динамической, сильной и слабой типизации. Статический вывод типов.	Функциональные. Ленивые вычисления (континуации, continuations)	Параллельные (Erlang, Oz) и логические (Prolog)
Самообразование и развитие				
Исфера интересов/Круги интересов	Императивные или объектно-ориентированные	Императивные, объектно-ориентированные и декларативные (SQL). Понимает отличия статической и динамической, сильной и слабой типизации. Статический вывод типов.	Функциональные. Ленивые вычисления (континуации, continuations)	Параллельные (Erlang, Oz) и логические (Prolog)
«Знакомство с технологиями «на гребне волны»	Не следит за новыми выпусками платформ, сред разработки и т. п.	Ознакамливается с планами выпусков, представляет, о каких продуктах идёт речь	Загружает предварительные версии продуктов, читает статьи, руководства.	Экспериментирует с предварительными версиями, создаёт пробные решения. Опубликовывает интересные результаты для сообщества.

Показательно и то, что уже в рамках таких представлений эмпирически и даже стихийно – под влиянием практической потребности сложились попытки дифференциации самих компетенций и определения того, каково их собственное содержание. Обычно это содержание сводится к тому, что должен «знать и уметь» субъект, чем он должен «владеть». К данному положению мы возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения.

Далее, очень важной и, по существу, атрибутивной чертой деятельности как таковой является и то, что условия ее реализации характеризуются принципиальной изменчивостью, поливариативностью – причем, такой, которая является объективной детерминантной базовых средств ее организации. Однако это означает, что основные функциональные задачи также реализуются не в идентичных условиях, а в условиях принципиально *вариативных*, каждый раз представленных по-разному. Поэтому способность адаптации к такого рода изменениям, способность реализовывать свой компетенционный потенциал не абстрактно, а конкретно – соотносясь со спецификой актуальных условий является важнейшей чертой системы компетенций всей организации деятельности. В силу этого, в деятельности компетенции реально представлены не только в отношении тех или иных функциональных задач, но и в отношении спецификации этих задач к корректным условиям их реализации. Существует также несколько важнейших параметров, в отношении которых происходит спецификации условий. Это – различия в ответственности, во временных условиях, в ресурсных возможностях и пр. Другими словами, в каждом конкретном случае субъект не только решает ту или иную функциональную задачу, но и делает это, соотносясь со всем комплексом динамично трансформирующихся внешних и внутренних условий, то есть преодолевает ту или иную деятельностьную ситуацию. Ситуация – это и есть задача, данная в конкретных условиях. По отношению к каждой из конечного множества функциональных задач существует также конечное (и весьма небольшое) количество параметров, по которым меняются условия их реализации.

Тем самым вторым шагом конкретизации приводимого анализа является детализация самих функциональных задач в аспекте основных режимных факторов их реализации. Каждая задача получает свою спецификацию по отношению к ним, а в каждом из этих специфицированных проявлений «вторичные» компетенции также будут закономер-

ном образом трансформироваться, адаптироваться к ним. Можно видеть, что учет этих – принципиальных особенностей позволяет реально синтезировать два крупных подхода к анализу деятельности (и не только) – компетентностный и ситуационный. Основной «единицей» экспликации содержания деятельности – но уже не внутреннего, а внешнего в этом плане выступает фундаментальное понятие ситуации. Представляется не вполне понятным, почему теория деятельности длительное время, фактически, не ассимилировала данное понятие, хотя во многих иных направлениях психологии оно давно и прочно вошло в них как объяснительное средств. Следовательно, терминальным пунктом дифференциации «вторичных» компетенций должна выступать не их дифференциация на основе критерия соответствия с функциональными задачами, а на основе критерия соответствия с *деятельностными ситуациями*, которые, однако, сами производны от основных функциональных задач. Другими словами, функциональный анализ должен быть дополнен и углублен также и анализом ситуационным. Он дает, хотя и менее обобщенное, но более конкретное и потому – практичное знание о деятельности и базовых компетенциях, что особенно важно для прикладных целей, в отношении которых чаще всего и реализуется ее анализ.

Важно подчеркнуть и еще одно – вытекающее из сказанного обстоятельство, которое пока будет зафиксировано как факт и к специальному анализу которого мы возвратился ниже. Оно состоит в том, что по отношению к преодолению каждой из основных деятельностных ситуаций выявляется определенный набор компетенций. Он является более широким, нежели совокупность компетенций, дифференцируемых на основе соответствия с функциональными задачами. Дело в том, что по отношению к каждой из конкретных и наиболее типичных ситуаций могут складываться и, как правило, складываются новые, дополнительные требования к субъекту, необходимые для эффективного преодоления, но несводимые к тем компетенциям, которые релевантны решению основных функциональных задач в нормативных условиях, то есть в нормативных ситуациях. Кроме того, этот набор ситуационно-релевантных компетенций будет включать и определенные повторы самих «вторичных» компетенций, когда они и те же из них необходимы для выхода их нескольких ситуаций.

Данная закономерность позволяет реализовать по отношению к разрабатываемой процедуре еще одно – важное процедурное средство,

сложившееся в психологическом анализе положение, обозначаемое как методический прием *частотно-значимостной селекции*. В общем плане его сущность состоит в определении частоты встречаемости в деятельности того или иного ее компонента (средства, способа, действия, информационного признака и мн. др.) и выявлении на основе этого его значимости для нее. По отношению к процедуре психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса в целом и компьютерных деятельностей, в особенности, он обретает следующую форму. Как отмечалось выше, общая совокупность «вторичных» компетенций, представленных в том наборе, который необходим для преодоления типичных ситуаций деятельности, включает их *дублирование* – повторы, так как некоторые или даже многие из них необходимы для выхода из более, чем одной ситуации. Причем, по отношению к разным «вторичным» компетенциям число таких повторов существенно различается. Одни компетенции характеризуются относительно малой повторяемостью или даже дублируются всего один раз; другие компетенции, напротив, имеют множественные повторы. Однако именно это обстоятельство выступает объективным *индикатором* различной значимости – роли, которую играют различные «вторичные» компетенции в организации деятельности. И именно количество повторов, то есть степень их представленности выступает показателем их значимости в организации деятельности. Следовательно, простое распределение компетенций по частоте их встречаемости может служить индикатором – объективным показателем их роли в ее организации. Это дает аналогичный – также *объективный* критерий для определения степени значимости отдельных «вторичных» компетенций, что весьма важно для решения целого ряда практико-ориентированных задач.

При реализации уровня анализа, на котором осуществляется экспликация состава и содержания «вторичных» компетенций, следует учитывать и еще одно значимое положение теоретического плана. Каждая из них (будь то либо компетенция, соотносимая с основными функциональными задачами, либо с типичными деятельностными ситуациями) является, как отмечалось выше, комплексной по составу и интегративной по механизмам и, следовательно, достаточно сложной. В силу этого, она не может быть реализована в сколько-нибудь простой форме – прежде всего, в форме отдельного действия, локального акта психической регуляции и т. п. Напротив, ее реализация предполагает

достаточно сукцессированный процесс, развёртывающийся на основе определенных принципов организации. Сама же эта организация, как показано в целом ряде исследований, строится на основе того *регулятивного инварианта*, который был охарактеризован выше. В своем наиболее развернутом виде он представлен как основа построения и организации деятельности в целом; он, однако, многократно воспроизводится в каждой из ее основных «составляющих», что и зафиксировано в очень важном механизме мультиплицирования деятельности в ее компонентах, в ее основных функциональных блоках.

Показательно, что данная закономерность зафиксирована и в исследованиях, выполненных совершенно с других методологических оснований и на других типах деятельности. Так, она отражена в понятии «управленческого кольца», сущность которого состоит в том, что реализация каждой из основных управленческих функций требует опоры на те операционно-процессуальные средства, которые как раз и образуют содержание регулятивного инварианта. Она же отражена и в самом понятии регулятивного инварианта, который, как показано в работах [94, 100], лежит в основе не только организации той или иной деятельности, но и организации, фактически, любого относительно сложного поведенческого акта. Последние структурируются таким образом, чтобы воплощать в себе данный инвариант и тем самым обретают собственно деятельностьную форму. Так, например, любой сколь-нибудь сложный поведенческий акт с необходимостью структурируется – в том числе и в плане его временной организации на основе такого рода регулятивного инварианта, то есть включает в себя такие компоненты, как целеобразование, антиципирование результатов, информационное обеспечение, принятие решения, прогнозирование, планирование, контроль, коррекцию.

Отсюда следует, что структурная организация, равно как и содержание и состав, а также процессуальная – «временная развертка» реализации каждой «вторичной» компетенции также базируется на данном инварианте. Деятельность как целое мультиплицирует базовые принципы своей организации на свои части – на организацию тех паттернов действий, которые необходимы для решения ее основных функциональных задач. Однако именно это же означает, что реализация каждой из них предполагает опору на все основные «составляющие» самого регулятивного инварианта. При этом важно то, что он включает в себя имен-

но те компоненты, которые однозначно соотносятся с функциональными блоками системы деятельности. Вместе с тем, как мы показали выше, именно их совокупность и выступает комплексным критерием для дифференциации базовых («первичных») компетенций. Следовательно, после того, как сами «вторичные» компетенции будут установлены, не только возможен, но и необходим следующий шаг – рассмотрение их собственного состава и содержания. Наиболее существенно то, что состав базовых компетенций, входящих во «вторичные» компетенции, будет практически идентичным. Однако то, в какой мере и какой форме, с какой степенью полноты, в какой спецификации и пр. они будут представлены при этом в каждой из «вторичных» компетенций также будет существенно различаться. Они будут насыщаться тем специфическим содержанием, которое определяется самим «вторичными» компетенциями. Так, например, реализация функциональных задач, связанных с определением наиболее оптимальных средств ПО, будет предполагать относительно большую представленность в структуре советуемой – «вторичной» компетенции такой базовой компетенции, каковой выступает компетенция в области информационного обеспечения деятельности. Однако, реализация иных функциональных задач – например, связанных с поддержанием необходимого качества текущей деятельности, предполагает преимущественную опору на иную базовую компетенции, связанную с другим функциональным блоком психологической системы деятельности – блоком контроля.

Наряду со своей теоретической обоснованностью, данное обстоятельство весьма значимо и в процедурном плане. Дело в том, что на его основе становится возможным *следующий* шаг анализа, реализация следующего его уровня. Его основным предметом выступает анализ не «вторичных» компетенций, а экспликация и раскрытие самих базовых, «первичных» компетенций, характеристика сущности которых была дана выше. Его основанная идея состоит в том, чтобы осуществить обобщение всех тех спецификаций, которые претерпевает каждая из «первичных» компетенций посредством их вхождения во «вторичные» компетенции. В результате этого, собственно говоря, и определяется общее содержание каждой из базовых компетенций. Можно видеть, что при такой логике анализа они вовсе не постулируются априорно – искусственно и умозрительно, носят не спекулятивный характер, а, напротив, а являются продуктами декомпозиции некоторых более общих

целостностей, в которых они обретают полноту своего содержания. В частности, процессы и средства программирования своих действий субъектом объективно включены, фактически, в любую из «вторичных» компетенций. Однако то, каким образом – как конкретно, в каком аспекте, в каком специфическом содержании это будет происходить, в решающей степени зависит от содержания самой «вторичной» компетенции – специфицируется им. И таких спецификаций будет столько же, сколько самих «вторичных» компетенций дифференцируется в деятельности. Вместе с тем, синтез этих спецификаций позволяет установить содержание самой базовой компетенции, связанной с реализацией функций программирования в деятельности.

Данное обстоятельство имеет, по нашему мнению, наиболее принципиальное значение. Дело в том, что посредством реализованной выше логики, фактически, оказываться возможным – причем, повторяем, не априорно и умозрительно, а именно эмпирически установить содержание каждой из базовых компетенций. Являясь значимым и сам по себе, данный результат открывает, однако, возможность для следующего шага. Дело в том, что, как это обосновано в сформулированном выше методологическом подходе к реализации психологического анализа деятельности, каждая из базовых компетенций однозначно и полно, естественным и необходимым образом соотносится с тем или иным основным *функциональным блоком* психологической системы деятельности. В свою очередь, состав ее функциональных блоков, является комплексным критерием дифференциации базовых компетенций как таковых. Однако, на основе этого можно заключить, что решение задачи раскрытия содержания «первичных» – базовых компетенций, фактически, тождественно, раскрытию содержания самих функциональных блоков. Причем, таким образом оказывается возможным раскрытие не только тех или иных блоков по отдельности, а всей их совокупности, которая, в свою очередь, образует психологическую систему деятельности в целом. Другими словами, посредством этого оказывается возможным решение ключевой задачи всего анализа деятельности – выявление состава и содержания того базового конструкта, посредством которого осуществляется ее максимально полная и теоретически корректная экспликация – понятия психологической системы деятельности, равно как и той реальности, которая в нем зафиксирована.

Такая экспликация полностью соответствует современным представлениям об организации деятельности как таковой, зафиксированным в наиболее разработанных подходах к ее изучению. Кроме того, следует помнить и об основном императиве анализа деятельности – его главной задаче, состоящей в том, что он должен обеспечивать экспликацию деятельности в аспекте ее содержания и состава, организации и динамики именно как специфически системного образования. Другими словами, проанализировать деятельность, то есть реализовать ее психологический анализ, – это практически то же самое, что произвести ее раскрытие через собственно системную экспликацию. Конкретно это означает, что анализ деятельности может считаться реализованным тогда, когда она будет эксплицирована и охарактеризована как психологическая система, образованная инвариантной совокупностью ее основных «составляющих» – функциональных блоков в их специфическом содержании. В связи с этим, необходимо зафиксировать и еще одно обстоятельство. Если предыдущий уровень анализа, направленный на выявление «первичных» компетенций, приводил в итоге к выявлению специфического *операционно-технологического* содержания деятельности, то данный уровень – но уже через экспликацию «первичных» компетенций приводит к выявлению собственно психологического содержания. В силу этого, предыдущий уровень может быть условно обозначен как *нормативно-технологический*, а данный уровень – как *дескриптивно-психологический*.

Наконец, необходимо учитывать и еще одно положение сформулированного выше теоретико-методологического подхода. Оно, напомним, состоит в том, что в основе обеспечения каждого функционального блока лежит вполне определенное комплексное процессуальное средство – тот или иной интегральный процесс. Следовательно, через выявление и изучение базовых «первичных» компетенций открывается возможность и для экспликации еще одного значимого плана организации анализируемой деятельности – уже не структурно-морфологического, а функционально-динамического. Он, как показано выше, раскрывается через понятие интегральных процессов психической регуляции деятельности, а сами эти процессы лежат в основе процессуальной организации деятельности. Немаловажно и то, что они, являясь сукцессированными и потому – интроспективно представленными в весьма отчетливой форме образованиями, доступны техникам,

основанным на методе самонаблюдения и тех его вариантах, которые специфичны исследованиям в области профессиональной деятельности. Следовательно, посредством их исследования деятельность не только раскрывается в дополнительном и важном плане, но и открывается своим содержанием для такого рода исследования.

Итак, обобщая, можно заключить, что реализация данного уровня психологического анализа деятельности позволяет решить его объективно главную задачу – выявить и проинтерпретировать содержание и организацию той онтологически представленной основы, на базе которой он и реализуется – психологическую систему этой деятельности, представленную как совокупность воедино организованных «составляющих». Вместе с тем, эта задача, являясь, безусловно, главной, выступает все же не единственной, поскольку существует ряд также значимых задач, позволяющих углубить представления об анализируемой деятельности. К их числу относятся, в частности, такие задачи, которые являются главными на предыдущем уровне анализа, так и те, которые составляют сущность еще одного уровня и, соответственно, этапа анализа. Особо значимыми эти задачи становятся в тех случаях, когда анализу подвергаются относительно наиболее сложные виды и классы деятельности, в особенности тот, который является основным предметом исследования в данной работе (субъектно-информационный в целом и его компьютерные разновидности, в частности). К рассмотрению данного уровня теперь и необходимо перейти, тем более, что вся совокупность представленных выше материалов не только создает все необходимые предпосылки для этого, но и требует продолжения, точнее – углубления и детализации анализа.

Переходя к характеристике данного уровня (и этапа) психологического анализа деятельности, реализуемой на компьютерной основе, необходимо подчеркнуть два ключевых обстоятельства, которые, с одной стороны, являются его предпосылками и детерминантами, а с другой, определяют его основные задачи и специфическое содержание. Первое из них носит, в основном, теоретический характер и состоит в следующем. Как можно видеть из представленных выше материалов, основным результатом предыдущего уровня явилось установление и характеристика базовых – «первичных» компетенций деятельности, то есть основных «единиц», посредством которых эксплицируется ее качественная определенность и, соответственно, на языке которых осуществляется

ее наиболее корректная экспликация. Однако именно поэтому они выступают и базовыми компонентами деятельности, то есть образуют в своей совокупности компонентный уровень ее структурной организации. Они – именно как компоненты являются, в то же время, с необходимостью комплексными – составными по содержанию и интегративными по организации образованиями. В сформулированном выше подходе данное обстоятельство отражено в том, что, наряду с *макроструктурной* организацией, компетенции как раз и характеризуется указанной – сложной «внутренней» организацией, которая зафиксирована в понятии их *микроструктурной* организации. Она детально охарактеризована в параграфе 2.3.3.. Однако это означает, что дальнейшая логика и последовательность анализа должна осуществляться именно в его углублении (в непосредственном смысле), то есть в переходе от рассмотрения макроструктурной организации компетенций к выявлению их микроструктурной организации, к определению тех закономерностей, которые лежат в ее основе. Необходимые средства такого углубления также содержатся в развитых выше представлениях, поскольку они эксплицируют принципиальное – структурно-уровневое строение компетенций и раскрывают, какие именно «составляющие» образуют их структуру и содержание. В их качестве выступают «составляющие» того, что обычно обозначается как ЗУНовская триада, то есть знания, умения и навыки. Следовательно, на их экспликацию и описание и должен быть направлен анализ на данном уровне его реализации.

Второе основное исходное обстоятельство имеет, наоборот, преимущественно практические «корни», поскольку оно сложилось, прежде всего, как результат обобщения реальной практики организации деятельности, базирующихся на компьютерной технике. Кроме того, важно подчеркнуть, что оно имеет внепсихологический характер и, более того, изначально оформилось не как следствие каких-либо теоретических результатов вообще, а именно как практически обусловленное. Вместе с тем, оно по своему «духу» – смыслы и принципиальному содержанию удивительным образом конгруэнтно самой сути предыдущего – собственно теоретического и, более того, подчеркнуто психологического обстоятельства. Это – частный случай достаточно общей закономерности, согласно которой при изучении данной деятельности выявляется своеобразный феномен «сходимости» теоретических результатов ее исследования и практических – эмпирически складываю-

щихся представлений о ней и о требованиях к ее реализации³³. Действительно, как отмечалось выше, в качестве основных «составляющих» микроструктурной организации компетенций выступают части ЗУНовской триады. Они, следовательно, и должны быть использованы в качестве основных ориентиров для проведения анализа на данном уровне.

Не менее известно, что именно по отношению к деятельности, базирующихся на компьютерной технике, сложилось и еще одно – важное и достаточно емкое, хотя не вполне четкое понятие – понятие цифровых навыков (*digital-skills*)³⁴. Причем, в особой интерпретации нуждается употребление в данном контексте самого понятия навыков. Дело в том, что, с одной стороны, в этом заключен прямой – весьма глубокий смысл, состоящий в том, что через него предпринимается попытка экспликации некоторых – именно базовых, исходных «составляющих» регуляции этой деятельности; того, на чем с необходимостью основываются все иные ее – более комплексные регуляторы. С другой стороны, следует учитывать, что само это понятие возникло отнюдь не как психологическое. Поэтому оно вовсе не претендует на то, чтобы соответствовать тем атрибутам, которые дифференцированы в психологии по отношению к навыкам в их строгом, то есть собственно психологическом смысле – как к автоматизированным, неосознаваемым «составляющим» действий. Оно имеет своим содержанием, фактически, всю совокупность ее базовых регуляторов, которые выступают специфическими средствами именно этой деятельности. Они воплощают в себе основные – необходимые для ее осуществления субъектные средства. Тем самым, оно

³³ Напомним, что в качестве еще одного – также очень характерного проявления данной особенности является рассмотренная выше с психологической точки зрения дифференциация двух важнейших категорий деятельностных компетенций – *hard-skills* и *soft-skills*, которая исходно сложилась, однако, отнюдь не в психологических подходах, а имеет, в основном, практико-ориентированную обусловленность.

³⁴ Они вообще рассматриваются сегодня как «новый английский», то есть как необходимое средство деятельности и социальных взаимодействий. К ним относятся, в частности, знание основ кибербезопасности, безопасность интернет-вещей, работа с данными, цифровой этикет, самообучаемость и адаптивность. понимание цифровых трендов, владение мессенджерами, умение пользоваться таск-трекерами, знание статистики, умение пользоваться Excel, владение BI-инструментами, умение управлять проектами [199, 213, 214, 291].

синтезирует в себе широкий спектр такого рода требований, включая и те образования, которые на языке психологии не только не являются ими, но и принципиально им не соответствуют – умения и даже знания. Вследствие этого возникает принципиальный вопрос – можно ли вообще в психологических исследованиях использовать данное понятие, поскольку оно очевидным образом не согласуется с важными психологическими обстоятельствами? По нашему мнению, выход из этого противоречия, в действительности, существует и состоит в следующем.

По отношению к понятию элемента и в науке в целом и в психологии, в частности, к сожалению, сложилась своеобразная «презумпция простоты». Ее смысл в том, что под элементом – вольно или нет – подразумевается нечто обязательно простое, именно элементарное, заведомо менее сложное, нежели все иные «составляющие» системы. Вместе с тем, данные многих научных дисциплин, равно как и результаты развития самой системной методологии, все более убедительно свидетельствуют о том, что такая точка зрения может быть и неверна, точнее неполна³⁵. В силу этого, дифференциация понятия элемента должна производиться не по критерию «простоты-сложности», а по иному – так сказать *композиционному* критерию. Согласно ему, в качестве элементов необходимо рассматривать то, из чего формируются компоненты как основные единицы качественной определенности системы. Это означает, что искомый критерий должен быть не *абсолютным*, а *относительным*. В этом случае не только снимается противоречие между теоретически ожидаемой простотой элементов и систематически выявляемой огромной их сложностью, но такое противоречие даже не возникает. В качестве элементов с этих позиций может выступать любое, в том числе, и очень сложное образование. Однако, в любом случае это такое образование, которое, будучи необходимым для порождения компонентов системы, еще недостаточно для этого. Оно должно быть дополнено иными элементами, и лишь в результате син-

³⁵ Так, например, весьма показательной в этом отношении является соотношение степени сложности группы (как целого) и ее «составляющих» – элементов, в качестве которых выступают ее члены – отдельные индивиды. Совершенно очевидно, что степень сложности последних, то есть сложность их личностной организации несопоставимо больше, нежели сложность самой групповой формы организации.

теза с ними может приводить к поражению самих компонентов. Нетрудно видеть, что с этих позиций естественным образом объясняется то, почему и даже зачем в качестве «составляющих» – элементов компетенций могут выступать такие предельно сложные сущности как знания и уж тем более – несколько менее сложные, но все же также дифференцированные образования – умения, а не только навыки. Более того, с этих позиций эксплицируется и объясняется ключевая особенность компетенций, которая постоянно упоминается – фиксируется на практике и в теории и которая выступает их критическим специфицирующим признаком (*differencia specifica*). Знания – как бы они ни были сложны и развернуты – сами по себе еще недостаточны для возникновения компетенций. «Знать» и «быть в состоянии», то есть быть компетентным – это, как известно, не одно и то же. Аналогичным образом, и обладание навыками также не тождественно компетенции, поскольку последняя предполагает возможность адаптации деятельности к изменяющимся условиям и, соответственно, – изменения самих навыков, их приспособления под них, а это требует уже иных средств, чем те, которые соотносятся с понятием новиков. Вместе с тем, подчеркнем еще раз, что во внепсихологических подходах понятие, фактически, включает в себя все три «составляющих» ЗУНовской триады. По нашему мнению, в свете изложенного, такое использование целесообразно отнюдь не критиковать за его «непсихологичность», а напротив – понимая его определенную условность, использовать как важное средство психологического анализа. Однако именно это и означает, что при его проведении необходимо по возможности более полно использовать тот потенциал (в основном, конечно, описательный, что, однако, точно соответствует дескриптивным целям аналитических процедур), которым обладает понятие. Важно и то, что именно с использованием данного понятия и опорой на эту номенклатуру представлено подавляющее большинство всех материалов, которые получены при экспликации базовых требований к пользователям компьютерной техники, вообще – к компьютерной культуре в целом.

Итак, можно заключить, что, с одной стороны, действительно, главным предметом анализа на данном уровне должны выступать основные «составляющие» микроструктурной организации компетенций – прежде всего, части ЗУНовской триады. С другой стороны, в качестве наиболее конструктивного и, к тому же, максимально реализу-

емого конкретного средства их экспликации необходимо использовать понятие *digital-skills* и то содержание, которое в него вкладывается в широком смысле. Оно систематически представлено и в нормативных документах, регламентирующих содержание и организацию деятельности, а также ее материальную часть – саму технику и ее характеристику, а также требования к пользователю. За счет этого оказывается возможным в очень существенной степени расширить ту информацию, которая может быть получена в результате психологического анализа деятельности. Вскрывается большая пласт содержания этой деятельности, а также требований к ее субъектным детерминантам. Причем, именно через них – опосредствованно открываются возможности и для выявления особенностей самой деятельности.

Констатируя это, нельзя не отметить существенное, но обычно не эксплицирующееся обстоятельство, имеющее, правда, более общий и теоретический характер. Дело в том, что по отношению к деятельности, базирующимся на компьютерной технике, складывается весьма специфическая и не вполне характерная для многих иных видов деятельности ситуация. То, что обозначается понятием *digital-skills* и что составляет основу – базис ее реализации формируется у субъекта этой деятельности не в результате ее освоения, не как его продукт, а наоборот, во многом *предшествует* ей. Однако, как полагается аксиоматичным в психологии, навыки, вообще – операции являются продуктом освоения деятельности; субъект *приходит* к ним в результате освоения деятельности. Вместе с тем, освоение компьютерных деятельностей, напротив, не только базируется на уже во многом сформированных *digital-skills*, но и вообще становится возможным лишь в том случае, если они сформированы в достаточном виде. Более того, одна из характерных особенностей «цифрового поколения» в том и состоит, что эти навыки формируются очень рано и в достаточно выраженном виде еще задолго до профессиональной деятельности – в рамках иных типов деятельности, причем, не только учебной, но и игровой. При освоении профессиональной деятельности они не столько формируются, сколько подвергаются трансформации и спецификации в соответствии с содержанием осваиваемой деятельности, а также совокупности требований к ней. Одна из ключевых проблем при этом, как известно, заключается в том, что формирующиеся на допрофессиональной стадии *digital-skills* вовсе не всегда и не обязательно складываются в их опти-

мальном виде – особенно конгруэнтным требованиям профессиональной деятельности. Это вообще является одной из главных проблем и трудностей. Тем не менее, это составляет неотъемлемый атрибут самих digital-skills и их роли в организации профессиональной деятельности. К данной трудности мы еще возвратимся в ходе последующего изложения. Кроме того, следует учитывать, что по самому своему существу digital-skills соотносятся не с какой-либо одной конкретной деятельностью, а со многими из них, то есть имеют наддеятельностный характер. Это в очередной раз демонстрирует отмечавшееся обстоятельство, согласно которому так называемый «низший» уровень, на котором локализованы элементы какой-либо целостности (в данном случае – компетенции), вовсе не является наиболее простыми, а напротив, может являться и весьма сложными. Такими и являются и digital-skills, поскольку они, фактически, обеспечивают возможность переноса средств и способов реализации деятельности с одного вида на другой, а база digital-skills – это основа для компьютерной мобильности личности.

Итак, выше были рассмотрены три уровня психологического анализа тех видов деятельности, которые базируются на компьютерных технологиях и, соответственно три этапа процедуры его осуществления (субсистемный, компонентный и элементный). Тем самым была реализована логика анализа, которая состоит в перемещении его плоскости от относительно более высоких уровней (в данном случае – от субсистемного, связанного с раскрытием «вторичных» компетенций) макроструктуры компетенций к относительно ниже локализованным уровням. Ими являются компонентный и элементный уровни этой организации, образованные, соответственно, «первичными» компетенциями, а также их базовыми «составляющими», то есть их элементами (частями ЗУНовской триады). В результате этого пока не реализованными остаются еще два уровня (общесистемный и метасистемный), которые и должны составить содержание следующих этапов его осуществления. Следовательно, последующий анализ должен быть направлен, с одной стороны, на раскрытие и характеристику общесистемного уровня макроструктурной организации компетенций, на котором локализовано максимально обобщенное интегративное образование, обозначаемое понятием компетентности. С другой стороны, он должен быть направлен на тот уровень, на котором локализованы наддеятельностные, точнее – метадеятельностные образования ком-

петентного типа, локализованные, соответственно, на метасистемном уровне их структурной организации. Разумеется, в этом плане сразу же возникает закономерный вопрос – *что именно* представляют собой такого рода метакомпетенции в целом и по отношению к деятельности этого типа, в особенности? Каковы не только эмпирические референты этих компетенций, но и та реальность, которая зафиксирована в них? Ниже мы предпримем попытку ответа на него.

Кроме того, возникает и вопрос о том, какова должна быть последовательность реализации дальнейшего анализа – какой из указанных уровней должен рассматриваться вначале, а какой в завершении. На первый взгляд, представляются, что при этом должно быть реализовано так сказать обратное движение – от ниже локализованного уровня к более высоко локализованному. Иными словами, эта последовательность предполагает первоочередное обращение к общесистемному уровню, а затем – к метасистемному. В пользу этого существуют и дополнительные веские аргументы. Они состоят в том, что уже рассмотренные уровни в своей совокупности, то есть в синтезе друг с другом как раз образуют состав самого системного уровня. Он, согласно императивам системной методологии является производными от тех уровней, которые локализованы под ним и которые его составляют. И лишь после этого необходимо перейти к рассмотрению метасистемного уровня общей структуры компетенций.

Вместе с тем, реальная и достаточно обширная практика анализа тех видов деятельности, которые базируются на компьютерной технике, весь опыт исследования этой деятельности в целом – причем, не только и даже не столько собственно психологический, а также требования к ее субъекту, с очевидностью вскрывают иное – очень важное обстоятельство. Оно свидетельствует о необходимости иной логики развертывания анализа и состоит в очень распространенном в настоящее время тезисе, сущность которого состоит в следующем. Компетентность профессионала не может быть сведена только к тем «составляющим», которые обозначаются понятием *hard-skills* и которые локализованы на собственно деятельностных уровнях – тех, которые были рассмотрены выше. Очень важной «составляющей» компетентности выступает также и то, что – в обобщенном виде обозначается понятием «мягких навыков» (*soft-skills*) и включает в себя такие компетенции, которые имеют наддеятельностный характер, не выводятся из содержания самой

деятельности и не сводятся к нему. Высказывается даже мнение, согласно которому общая результативность деятельностей данного типа более чем наполовину определяется именно soft-skills. И даже если в этом утверждении есть некоторое преувеличение, то в любом случае оно отражает несомненную реальность важной роли такого рода образований в ее осуществлении. Очень показательно, а в контексте нашего похода – и доказательно, что синонимом понятия soft-skills является именно понятие метакомпетенций, то есть тех их разновидностей, которые составляют содержание метасистемного уровня их макроструктурной организации. Они выступают реально действующими и весьма сильными детерминантами ее организации, то есть включаются в общую систему компетенций, детерминирующих деятельность. Причем, они не просто включаются в нее и тем самым – выступают как «составляющие» самого системного уровня их организации, но в значительной степени влияют на все иные компетенции – на их содержание меру выраженности и в особенности на их организацию³⁶.

Это положение со всей убедительностью вскрывает обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. Компетентность как таковая не может быть сведена только к тем компетенциям, которые имеют непосредственно деятельностный характер и которые обозначаются понятием. В ее собственный состав – содержание и организацию входят и наддеятельностные компетенции – то, что обозначается как метакомпетенции. Они составляют поэтому неотъемлемую часть компетентности как таковой и без их рассмотрения корректная и сколько-нибудь полная ее экспликация практически невозможна. Отсюда, однако, с необходимостью следует вывод, согласно которому прежде чем реализовывать тот уровень анализа, который обозначен как общесистемный и на котором локализована компетентность, необходимо осуществить анализ на ином уровне – метасистемном. На нем локализованы soft-skills, конституирующие его содержание. Более того, именно для того, чтобы анализ самого системного уровня был достаточно полным, он должен

³⁶ В этом плане необходимо вновь констатировать то уже неоднократно отмечавшееся и весьма важное положение, согласно которому реальная практика компьютерных деятельностей, а также обобщение опыта работы с ней, осуществляемое отнюдь не в рамках психологической проблематики, представляет ценнейший материал для решения собственно психологических задач.

базироваться на результатах анализа метасистемного уровня, поскольку сами метакомпетенции органично входят в состав первого.

Таким образом, все эти аргументы предписывают необходимость продолжения анализа посредством перехода не к общесистемному уровню, а к метасистемному уровню, на котором локализованы. При этом, конечно, возникает целый ряд трудностей, обусловленных двумя основными причинами. Во-первых, само понятие *soft-skills* сложилось отнюдь не как собственно психологическое и закрепилось не только и даже не столько в психологической литературе. В результате этого, его собственно психологическое содержание остается во многом неопределенным, неэксплицированным с точки зрения традиционной понятийной системы психологии, недостаточно соотношенным с ее базовой проблематикой. Во-вторых, приходится учитывать и крайне выраженный эмпиризм в данной области, проявляющийся, прежде всего, в большом количестве и разноплановости дифференцируемых *soft-skills*, а также их перечней, классификаций. Данная область исследований и практических разработок находится сегодня на претеоретической стадии, характеризующейся чертами эмпиричности, эклектичности, мозаичности, прагматизма и пр. Само по себе это неплохо; важно лишь помнить о том, что данная стадия должна быть с необходимостью дополнена и преодолена посредством перехода к собственно теоретической стадии, на которой осуществляется осмысление и интерпретация того богатейшего эмпирического материала, который накоплен на предыдущей стадии разработки.

Следует отметить, что даже несмотря на такую «пестроту» и несистематизированность, все же дифференцируется относительно постоянный их набор, который чаще всего включает в себя следующие «составляющие»: коммуникативные навыки, социальный интеллект, умение работать в команде, критическое мышление, клиентоориентированность, саморегуляция, принятие решений, тайм-менеджмент, эмоциональный интеллект, работа в режиме неопределенности, самоанализ и саморефлексия. В силу этого, он и должен быть рассмотрен в качестве ориентира для реализации психологического анализа деятельности на данном уровне. Это означает, что содержание его процедуры на нем должно включать экспликацию и интерпретацию указанных метакомпетенций, а также их роли в организации деятельности в целом. Причем, данная процедура должна обязательно учитывать и те спецификации,

которым отвергаются в соответствии со своеобразием анализируемой деятельности. Следует подчеркнуть также, что необходимость их анализа отчетливо проявляется, конечно, не только по отношению к деятельности, базирующихся на компьютерной технике, но и в отношении многих иных видов деятельности, в особенности, наиболее сложных, то есть имеет общий характер. Однако важно отметить и то, что именно в отношении этой деятельности данная необходимость предстает с наибольшей очевидностью. Тем самым, ее исследование выступает своего рода стимулом для развития методологии психологического анализа деятельности, а также для самого компетентного подхода.

Итак, реализация анализа на данном уровне позволяет в итоге выявить и проинтерпретировать одну из основных категорий общего состава компетенций – soft-skills, то есть метакомпетенции. Их специфика состоит еще и в том, что они отнюдь не выводятся из нижележащих уровней – не выступают продуктами их интеграции и не сводятся к итоговым эффектам этой интеграции, не являются производными от их синтеза. Напротив, они сами оказывают организующее – детерминирующее влияние на них, выступают как системообразующие для всех ниже локализованных уровней их организации, оказывают на них организующее вилюйские.

В теоретическом плане важно, что по отношению к метакомпетенциям эксплицируется дополнительная значимая закономерность, состоящая в следующем. С одной стороны, их традиционно дифференцируемый состав является не только множественным, но также и принципиально гетерогенным. Именно в силу этого он включает в себя такие «составляющие», которые соотносятся практически со всем основными подсистемами самой психики, с ее базовыми процессами и структурами, а не только с ее когнитивное-операционными средствами. Так, в него с несомненностью входят базовые компоненты самой когнитивной подсистемы – в особенности, знания. Однако в него входят и базовые «составляющие» второй основной подсистемы – регулятивной: это, скажем, навыки саморегуляции, тайм-менеджмент и др. Не менее очевидна и представленность компонентов третьей базовой подсистемы – коммуникативной, что отражено, в частности, во включении в их состав социального интеллекта, умения работать в команде. Наряду с этим, и иные – важнейшие «составляющие» психологического плана также эксплицируются в них; это и компоненты эмо-

ционального плана (эмоциональный интеллект), и собственного мотивационные компоненты, в первую очередь, категория метамотивов, мотивации достижения; и волевые компоненты и др. Вся их совокупность выступает тем самым в качестве регуляторов деятельности. Однако посредством этого выявляется еще одно принципиальное обстоятельство.

Выше – при описании общего подхода к раскрытию психологической специфики компьютерных деятельностей была раскрыта ее значимая особенность. Она заключается в том, что эта деятельность имеет принципиально метакогнитивный характер. Однако в свете сказанного по отношению к выявлению действительного содержания метакомпетенций вырисовывается еще одно принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что в качестве реальных детерминант, оказывающих организующее влияние на эту деятельность, выступают отнюдь не только факторы собственно когнитивного плана, хотя и они сохраняют свое влияние, но и факторы многих иных типов – мотивационных, волевых, эмоциональных. Причем, они выполняют ту же самую функциональную роль, что и факторы собственно когнитивного плана – функцию организации этой деятельности. Сама она – как подчеркнуто когнитивная, то есть атрибутивно связанная с переработкой информации, организуется обширной совокупностью факторов, которые имеют не только когнитивное содержание, но соотносятся с иными базовыми «составляющими» психики. Они поэтому также должны быть с необходимостью включены в состав собственно метакогнитивных ее регуляторов. Само понятие метакогнитивной регуляции при этом существенно расширяется, но именно через такое расширение обретает свой более приближенный к реальности вид и более действенный характер. К этому важнейшему, по нашему мнению, мы еще возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения.

Однако, не менее очевидно и то, что в общем составе метакомпетенций представлены, точнее – воплощены в нем и такие «оставляющие», которые атрибутивно локализованы не в самой системе деятельности, а в тех более общих целостностях, в которые она сама включена, то есть в метасистемах по отношению к ней. Основные из них уже рассмотрены в главе 1. Это, прежде всего, метасистема личности субъекта деятельности, представленная в составе метакомпетенций, например, такими ее качествами, как коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект и др. Это, далее, и метасистема социума

в целом, представленная в составе метакомпетенций таким интегральным образованием, которые специфично именно взаимодействием с ним – социальным интеллектом. Это и еще одна метасистема, в которую объективно включена индивидуальная деятельность – совместная деятельность, представленная еще одной категорией метакомпетенций – например, умением работать в команде. Иными словами, те метасистемы, которые выступают более общими по отношению к самой системе деятельности и к структурной организации компетенций, сами начинают включаться – функционально входить в нее как органичные «составляющие». Они имеют так сказать двойную локализацию: принадлежат и самим метасистемам, и включены в состав системы деятельности в целом и ее компетенций, в особенности. К данному принципиальному обстоятельству, особо значимому в плане сформулированного метасистемного подхода, мы также возвратимся ниже – при рассмотрении следующего уровня анализа и этапа его процедуры, к которому теперь необходимо перейти.

В соответствие со сформулированными выше представлениями о макроструктурной организации компетенций, им является собственно системный уровень, который соотносится с наиболее обобщенным по статусу и максимально интегративным образованием, которое обозначается понятием компетентности. В силу этого, содержанием общей процедуры анализа деятельности на нем должно выступить раскрытие содержания и организации, а также общих и специфических особенностей данного феномена³⁷. На первый взгляд, данное обстоятельство представляется весьма очевидным, а вытекающая из него основная задача – как, хотя и сложная в реализации, но понятная в плане ее смысла. Вместе с тем, при более внимательном рассмотрении она предстает уже не как «понятная и очевидная», а наоборот, как весьма сложная даже в плане ее постановки и смысла, а в известной мере – как внутренне противоречивая и даже отчасти как парадоксальная. Дело в том, что она состоит в изучении такого феномена, который по самой своей сути является принципиально *интегративным*, целостным образованием и во-

³⁷ Иными словами, на нем предмет исследования берется в его интегративном проявлении, в целостном виде, что и составляет его собственно системный модуль, являющийся, как известно, исходным для любого системно-ориентированного изучения.

обще обретает свою качественную определенность именно вследствие механизмов интегративного типа – в результате развертывания средств и иных средств синтетического (а не аналитического) плана. Следовательно, он по самой своей природе не только не соответствует идеологии анализа как такового, но, напротив, *противоположен* этой идеологии. Он не только «сопротивляется» анализу, но последний вообще противопоказан ему, поскольку он по определению приводит к деструкции самого предмета³⁸. В результате фиксации этого – в принципе несложного, но странным образом не учитывающего пока обстоятельства возникает следующая альтернатива. С одной стороны, исходя из сказанного, появляются весомые аргументы в пользу того, чтобы вообще исключить данный феномен из сферы анализа, поскольку последний, повторяем, не является релевантным его природе. Однако, такое исключение вряд ли может содействовать углублению представлений об изучаемой деятельности. С другой стороны, именно это – нацеленность любых гносеологических процедур на получение возможно большей информации об изучаемом предмете позволяет предположить, что он все же должен быть сохранен и подвергнут исследованию, но посредством уже не строгого анализа, а иными средствами, иной направленности самого исследования. В связи с этим, возникает принципиальный вопрос: какова должна быть эта направленность и на что в первую очередь должно быть направлено развертывание общей процедуры на данном уровне (этапе)? Что должно выступить его предметом (а не объектом, поскольку вопрос о нем очевиден – им является сама деятельность)?

По нашему мнению, именно такая постановка данной проблемы содержит в себе и определенные предпосылки для ее решения. Действительно, как следует из представленных выше материалов, реализация данного уровня не только не является исходной, но напротив, – она выступает как завершающий этап общей процедуры. Следовательно, ее реализация уже подготовлена всеми иными уровнями (этапами); она уже предполагает возмодность опоры на всю выявленную в них систему компетенций, а через них – и на содержание анализируемой деятельности, которое уже раскрыто в весьма полной степени. Сама совокупность компетенций предстает здесь уже не как исходное,

³⁸ В этом плане уместно вспомнить известное выражение И. Гете: «Анализ убивает целое».

а потому – синкретическое множество, не как нерасчлененная целостность, а наоборот, – как целостность, уже дифференцированная – аналитически-расчлененная и поэтому наполненная конкретным содержанием. Следовательно, общая направленность исследования должна быть – именно для того, чтобы привести к получению качественно новой информации о ней – прямо *противоположной* той, которая уже реализована на иных – подчеркнуто аналитических уровнях и этапах. Она должна быть не собственно декомпозиционной, а *композиционной*; не аналитической, а *синтетической*, а сам анализ деятельности должен быть дополнен *синтезом* деятельности. При этом сам синтез также должен быть понят как анализ, но в широком смысле – не как синоним декомпозиции, а как синоним исследования в целом. Общая задача формулируется, следовательно, не по аналитическому, а по синтетическому типу: необходимо осуществить не декомпозицию деятельности и на основе нее получить информацию о деятельности, а, напротив, выявить, каким образом и как конкретно интегративные – синтетические средства приводят к генерации ее нового содержания, а их раскрытие – к новым знаниям о ней. Каково содержание собственно системного уровня микроструктурной организации компетенций и, соответственно, деятельности, несводимое к содержанию всех иных ее уровней, а также их аддитивной совокупности? Какова та «системная прибавка», которая генерируется интегративными механизмами? Вообще, каково специфическое содержание той организации, которую обретают компетенции на уровне их целостной – системной организации и предстают как феномен компетентности? Иными словами, что есть в компетентности такое, чего бы не было в компетенциях по отдельности и в их аддитивной совокупности?³⁹

В данной связи показательно, что постановка этих вопросов, а также попытка предложить вариант их решения достаточно непосредственным образом приводит, к необходимости корректировки базового

³⁹ Можно водить, что данная проблема связана с одним из основных положений системной методологии – с положением о существовании особой категории качеств – системных, а также с вопросом о тех механизмах, корыте лежат в основе их генезиса. Они обеспечивают, в конечном счете, возникновение принципиально новых особенностей у целостности, несводимых к аддитивной совокупности качеств, которыми характеризуются его части.

конструкта исследования – понятия системы. Действительно, и в самом системном подходе, и в теории систем, и в системном анализе сложилась очень общая, прочная и устойчивая традиция рассматривать систему именно как продукт интеграции некоторых частей в целостность, как продукт синтеза и объединения, соорганизации и структурирования. В результате этого, как полагается с точки зрения данной традиции, и формируются все те атрибуты, которые специфичны системной форме организации. Ими являются целостность, неаддитивность состава – супераддитивность, интегративность организации, синергетичность функционирования и др. Подчеркнем, что сама интеграция разворачивается, согласно этим представлениям, именно в пространстве тех *внутренне* локализованных «составляющих», которые и образуют содержание системы, имеют *интрасистемную* локализацию. Разумеется, такая точка зрения не только в целом верна, но и максимально согласуется со «здравым смыслом», она проста и понятна, а потому – приятна и удобна. Более того, она достаточна для решения очень многих исследовательских и прикладных задач, а потому – и закрепились традиционно.

Однако, вся совокупность представленных выше данных достаточно непосредственно свидетельствует о том, что она не может считаться абсолютной, полным и исчерпывающим образом соответствующей сложной реальности организации систем. Действительно, эти материалы с высокой степенью отчетливости свидетельствуют о том, что общая совокупность компетенций, синтезированная в целостность и предстающая как системное образование – как феномен компетентности, отнюдь не сводится только к их аддитивной совокупности. Поэтому она не может быть эксплицирована исключительно как продукт их *собственной* интеграции. Очень существенная часть содержания и потенциала компетентности определяется не теми компетенциями, которые локализованы внутри системы деятельности (*hard-skills*), а вне ее – в тех метасистемах, в которые реально включена сама система деятельности. Это максимально отчетливо представлено именно по отношению к деятельности, базирующимся на компьютерной технике (впрочем, и для целого ряда других сложных деятельностей информационного плана), и эксплицировано в понятии *soft-skills*. Более того, само это понятие является очень веским аргументом и даже доказательством того, что компетентность как система вовсе не сводится только к результирующим эффектам интеграции ее внутренних компонентов

(первичных и вторичных компетенций), но обязательно предполагает также синтез, интеграцию *экстрасистемных* компонентов – частей тех метасистем, в которые включена сама система. Пора, на наш взгляд, не только со всей отчетливостью осознать, но и реализовать следующее важнейшее обстоятельство. Общесистемный уровень организации, на котором представлена не та или иная гносеологическая декомпозиция целостности, а сама она в ее онтологическом статусе, в реальном и ненарушенным познавательными процедурами виде, включают в себя не только ее внутреннее содержание, но и эффекты ее взаимодействия с более общими целостностями – с метасистемами. Такого рода эффекты и, следовательно, – обуславливающие и порождающие их «составляющие» этих метасистем органично и объективно включаются в состав и содержание функционирования систем на максимально интегративном уровне их организации – то есть на общесистемном уровне. Системы не могут быть поняты лишь как продукты так сказать интеграции «внутреннего», но только как продукты интеграции и «внешнего». Само «внешнее» функционально представлено в той интеграции, которая и лежит в основе формирования систем. Понятно, что такого рода вывод и вообще – представленная трактовка категории системы несколько нетрадиционна, хотя она естественным образом расширяет представления об интегративных механизмах, лежащих в основе системообразования. Система – продукт интеграции не только «внутреннего», но и «внешнего». Складывается ситуация, при которой само «внешнее» оказывается функционально представленным в составе «внутреннего», включено в функционирование систем как его объективная «составляющая». Повторяем, что эти – казалось бы, сугубо методологические положения находят яркое и очевидное проявление именно в анализе деятельности рассматриваемых видов. Оно заключается в несомненном факте включенности *soft-skills* в общий состав компетенций и, следовательно, в структуру компетентности как системного образования.

Вместе с тем, нетрудно видеть и еще более принципиальное обстоятельство. Дело в том, что эти заключения очевидным и очень полным, естественным образом соответствуют тем методологическим представлениям, которые были сформулированы в главе 1 и составляют суть метасистемного подхода. Его основная идея как раз и заключается в том, что для определенного класса систем в их собственный состав и содержание могут функционально включаться – «встраивать-

ся» в те метасистемы, объективными составляющими они сами являются. Таким образом, можно констатировать полную «сходимость» – конвергенцию теоретических представлений и эмпирических фактов, методологии и практики. Они выполняет взаимоверифицирующую функцию по отношению друг к другу. Подчеркнем также, что степень очевидности данного обстоятельства максимальна именно по отношению к сложным видам деятельности в целом и компьютерным деятельности, в особенности. В общем плане оно проявляется в функциональном включении и, следовательно, в аналогичном «встраивании» в систему деятельности тех метасистем, в которые она сама объективно включена. В результате этого складывается ситуация, при которой сами эти деятельности выступают уже не только как предмет исследования, но и их анализ, реализуемый именно с позиций компетентного подхода, выполняет собственно методологическую функцию. Их исследование выступает как метод развития психологической теории деятельности в целом и расширения представлений о ней, формулируемых с позиций системного и метасистемного подходов. В более общем плане можно заключить, что практически все очень многочисленные и разнородные исследования, реализуемые в понятиях *hard-skills* и *soft-skills*, а также вся эта парадигма, равно как и обобщение практического опыта ее реализации, является очень важным и комплексным верификатором тех методологических представлений, которые и составляют суть метасистемного подхода. Причем, повторяем, степень полноты и очевидности такого соответствия достаточно велика. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что данное обстоятельство, имея, повторяем, общий методологически характер, тем не менее, вполне очевидно проявляется и в собственно практическом плане, что будет продемонстрировано ниже.

Второе основное направление анализа деятельностных компетенций на общесистемном уровне их организации, то есть в плане их синтеза с феноменом компетентности, также предписывается наиболее общими императивами системной методологии в целом и состоит в следующем. Выше мы уже отмечали, что важнейший аспект этого исследования состоит в раскрытии механизмов интеграции частей в целое и тех эффектов, которые порождаются ей – синтетических, синергетических. Однако столь же важно и то, что эти эффекты находят свое результирующее проявление в особой категории качеств – в *системных*

качествах. Они как раз и образуют в своей совокупности специфическое содержание общесистемного уровня организации. Аналогичным образом обстоит дело и по отношению к системе компетенций, равно как и деятельности в целом. Следовательно, обнаружение и интерпретация системных качеств должно выступить еще одним – также важнейшим направлением анализа деятельности на данном уровне рассмотрения. В этом плане значимо и то, что такого рода установка полностью соответствует тем методологическим императивам, которые сложились в системной методологии и в самом метасистемном подходе. Действительно, как можно видеть из материалов, представленных в главе 1, одним из основных этапов реализации этого является интегративный план исследования. Он как раз и направлен на выявление и интерпретацию системных качеств исследуемого объекта.

Наконец, отметим еще одно – также значимое положение, которое необходимо учитывать при определении специфики и кованых задач данного уровня анализа. Выше уже подчеркивалось, что одной из специфических особенностей предлагаемого подхода к организации процедуры психологического анализа деятельности является то, что она раскрывается и исследуется не только и не столько прямо – непосредственно, с применением традиционных аналитических методов, сколько посредством анализа общей структуры компетенций, то есть *опосредствованно*. При этом сами компетенции выступают уже не только в своем исходном статусе – как *предметы* исследования, но и в роли средств анализа – в их *методическом* статусе. В свою очередь, данное положение носит отнюдь не умозрительный характер, а вытекает из значимой и обоснованной выше закономерности, согласно которой структурно-уровневая организация деятельности в целом и, соответственно, ее содержание, фактически, изоморфна макроструктурной организации компетенций. Именно поэтому данная макроструктура, являясь своеобразным «зеркалом» общей структуры деятельности, может и должна рассматриваться как комплексное средство ее аналога. Однако следует подчеркнуть и то, что эта – общая закономерность имеет и еще одно хотя и частное, но важное проявление. Дело в том, что не только компетенции отдельных уровней, но и их *общая* совокупность, интегрированная в целостность и выступающая как компетентность, также должна пониматься именно в этом плане. Она – компетентность – может быть использована не только как предмет анализ, но и как его методическое средство. *Через* нее

и в ней, а также во взаимосвязанных с ней феноменах нередко проявляются важные стороны анализируемой деятельности в целом; поэтому она и высыпает как средство их раскрытия⁴⁰.

Итак, с очевидностью эксплицируется обстоятельство принципиального плана: еще одним основным направлением реализации анализа деятельностных компетенций, а также и самой деятельности, должно рассматриваться выявление и объяснение системных качеств, генерируемых в результате действия интегративных механизмов их организации. Именно они и составляют специфическое содержание общесистемного уровня. В связи с этим, возникает, однако, вопрос – каким образом эта категория качеств представлена по отношению к деятельности в общем плане? Каким образом она специфицируется в деятельности, базирующихся на компьютерной технике? Каковы психологические референты этих качеств и что они могут дать в плане выявления ее содержания и организации? Как эти качества представлены не только по отношению к деятельности, но и к системе компетенций? Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, мы считаем целесообразным акцентировать внимание на следующих основных обстоятельствах.

В наиболее общем плане к решению данного вопроса необходимо привлечь понятие так называемых основных *атрибутов* деятельности – ее общих психологических особенностей. К ним относятся свойства целенаправленности, предметности, целостности, адаптируемости и др. Они, однако, фиксируясь как таковые, в дальнейшем, как правило, не подвергаются специальному изучению, а полагаются как в принципе понятные и изученные, а потому – не нуждающиеся в дополнительном методологическом осмыслении. Однако, при попытке такого осмысления с очевидностью вскрывается обстоятельство принципиального плана – они не только могут, но и должны быть проинтерпретированы именно как обобщенные, а потому интегративные по сути и системные по статусу качества деятельности. В итоге именно они и составляют ее качественную определенность, специфицируют ее как систему. Вместе с тем, являясь таковыми – именно предельно общими, атрибутивными для деятельности, они должны подвергнуться необходимой конкретизации в каждом отдельно взятом случае – при

⁴⁰ Как конкретно данное обстоятельство может быть реализовано, будет показано в главе 3.

изучении того или иного класса деятельностей, в частности, субъектно-информационного. Иными словами, возникает важная не только в теоретическом, но и в прикладном плане задача, состоящая в выявлении системных качеств этих деятельностей, равно как их места и роли в ее организации. Они могут носить и менее обобщенный характер, нежели уже установленные и указанные выше атрибуты деятельности. Однако это вовсе не отменяет их статуса – статуса системных качеств. Более того, они могут иметь не меньшее, а большее значение для теоретического анализа и практической оптимизации деятельности именно из-за их более конкретного, операционального статуса.

Констатируя данное обстоятельство, необходимо сделать важное пояснение. Дело в том, что обращаясь к понятию системных качеств, мы сталкиваемся с очень общей и очень сложной проблемой *качественного анализа* как такового, которая возникает при обращении к иным их категориям. Она состоит в том, что сами качества атрибутивно сопряжены с тем, качествами *чего* они являются и какой носитель лежит в их основе. Иными словами, они всегда сопряжены с иными – более глубинными детерминантами и факторами, процессами и механизмами – с тем, что и выступает их онтологической базой. Однако именно поэтому через них и открывается путь к ним самим, они высыпают как средство проникновения в их содержание. В силу этого, возникает известная задача прихода от *качеств* носителя к *носителю* качеств [26]. Собственно говоря, именно поэтому анализ любых качеств – это одновременно и анализ сопряженных с ними аспектов носителя, то есть содержательных аспектов самой деятельности в целом и компетенций (а также компетентности), в особенности. Более того, зачастую фиксация того или иного системного качества является лишь исходным шагом на пути проникновения в суть иных – лежащих в их основе и генерируемых их механизмов и процессов.

Данное обстоятельство непосредственным образом проявляется и по отношению к рассматриваемой здесь задаче – к реализации интегративного уровня организации компетенций – общей компетентности личности как средства анализа деятельности. Действительно, одним из основных и наиболее ярких проявлений компетентности как таковой является общепсихологическое явление *индивидуализации*, поскольку именно она позволяет максимально полно реализовать истинный потенциал каждой личности, осуществив при этом фасилитацию ее сильных

сторон и ингибицию ее ограничений. Как итоговый эффект индивидуализации складывается тот или иной индивидуальный стиль деятельности. Естественно, что компетентность не сводится только к индивидуализации; однако, она все же выступает важным аспектом первой. Вместе с тем, такие процессы могут реализовываться лишь в том случае, если они предполагают опору на всю систему деятельностных компетенций, на их так сказать обобщенную и синхронизированную вовлеченность в деятельность. Дело в том, что сама фасилитация одних компетенций выступает следствием недостаточной представленности других, а они, следовательно, являются стимулами такой фасилитации. Одновременно, недостаточно представленные компетенции также должны быть каким-либо образом оптимизированы, что требует вовлечения в этот процесс иных компетенций. Другими словами, сама индивидуализация в аспекте компетентностного «измерения» – это специфически системное явление (и механизм), то есть феномен, который может реализовываться лишь с опорой на всю совокупность компетенций, развертываться в пространстве всей их системы. И именно в силу этого возникают специфические для этих случаев интегративные эффекты, одним из которых и выступает феномен индивидуализации. Следовательно, через его установление в деятельности, равно как и интерпретацию основных вариантов такой индивидуализации, открывается возможность для выявления различных паттернов компетенций – вариантов их целостной организации. Они, в свою очередь, позволяют установить стилевые различия в реализации деятельности, а также самым – раскрыть ее важные стороны. В этом плане показательным и то, что сравнительный анализ различных стилей деятельности уже достаточно давно и продуктивно используется именно как средство ее психологического анализа.

Следует учитывать, что сам феномен индивидуализации, несмотря на его значимость, выступает все же относительно первым – так сказать, поверхностным проявлением еще более имплицитного и также интегративного по сути механизма *компенсации*. Индивидуализация в целом как раз и направлена на то, чтобы осуществить максимизацию сильных сторон и минимизацию слабых сторон самой индивидуальности. В свою очередь, раскрытие конкретных механизмов компенсаторного типа осуществляется – в общем случае – через установление связей фасилитирующего типа между теми или иными качествами, способностями личности как по отдельности, так и на всем их

множестве. Аналогичная картина имеет место и на уровне интеграции системы компетенций – на уровне компетентности. Он как раз и является своеобразным «пространством», в котором реализуется вся система компенсаторных отношений и лежащих в их основе механизмов. Следовательно, через выявление и изучение феноменов компенсации как специфически интегративных также открываются возможности для получения важной информации о деятельности.

Наряду с этим, в русле психологического анализа деятельности сформулировано еще одно положение, которое также необходимо учитывать при реализации данного уровня изучения общей совокупности компетенций. Оно состоит в том, что важной гранью так называемого «распредмечивания» деятельности, ее освоения выступает не только «присвоение» субъектом ее нормативного содержания, но и его *трансформация* со стороны субъекта. Она может носить различный характер, а одним из ее сценариев является обогащение нормативно-одобренного способа деятельности новыми, не представленными в нем, особенностями и средствами. Имеет место выход за пределы ее нормативного содержания, который обусловлен, в свою очередь, индивидуальным «портретом» самого субъекта – прежде всего, его коимпетентным потенциалом. Если этот потенциал позволяет осуществить такого рода обогащение, то оно и происходит, а само наднормативное содержание деятельности выступает в этом случае как «зеркало» компетентностного портрета субъекта и через него открывается возможность для анализа как компетенций, так и деятельности в целом. Наднормативное содержание компетенций и деятельности, интегративный по сути феномен обогащения деятельности новым содержанием, а также интерпретация этого содержания – все это важные средства анализа деятельности и они также должны быть реализованы в ходе ее исследования. Такое обогащение происходит по отношению к различным компонентам деятельности; оно, в частности, весьма выражено по отношению к отдельным компетенциям и к их обобщенному уровню организации, на котором локализована компетентность как интегративное образование.

Итак, выше мы остановились на трех значимых по их функциональной роли и интегративных по механизмам феноменах деятельностного плана – индивидуализации, компенсации и обогащении нормативного содержания деятельности. Они, будучи неразрывно сопряжены с деятельностным потенциалом самого субъекта – с его основными

компетенциями и компетентностью в целом и, более того, являясь порожденными ими, должны использоваться как методическое средство проникновения в само содержание компетенций, а через них – деятельности. Вместе с тем, существуют и иные также интегративные по их механизмам феномены деятельностного плана, которые также должны быть отмечены в этом ряду. Это, в частности, – явления *адаптируемости* деятельности под изменяющиеся условия, феномен *минимизации* «психофизиологической цены» деятельности, феномен *оперативности* и др. Они также должны быть использованы в методических целях – как средство экспликации их детерминант одними из главных, среди которых как раз и являются различия в степени представленности и в содержании как отдельных компетенций так и компетентности в целом.

По отношению к деятельности, базирующимся на компьютерной технике, особую значимость обретает еще одно явление, которое обозначается как феномен *элиминации*. Его сущность – в наиболее общем плане состоит в субъективной тенденции и объективной возможности исключения из структуры деятельности тех или иных ее «составляющих» или же к их замене на реализацию иных, функционально сходных с ними средств. Особо выражено это явление по отношению к такому значимому компоненту деятельности, как процессы принятия решения. Данный феномен, в силу его относительно наибольшей выраженности по отношению к сложным видам деятельности и, в частности, к тем, которые принадлежат к их субъектно-информационному классу, станет предметом специального анализа в главе 3.

Итак, можно заключить, что реализация в деятельностно-аналитических целях того потенциала, который заложен в понятии системных качеств, равно как и возможности проникновения через них в те интегративно механизмы, которые их и порождают, выступает одним из важных средств раскрытия содержания самой деятельности. Наиболее значимо в данном отношении то, что все такого рода явления, поскольку они выступают атрибутивно интегративными, могут реализовываться только на аналогичном по статусу уровне. Это уровень, на котором представлена общая организация всей совокупности компетенций и результативным проявлением которого выступает компетентность как их интегративный эффект.

Констатируя это, необходимо обратить, однако, особое внимание на еще одно положение, также непосредственно вытекающее

из сути сформулированного выше методологического подхода к анализу деятельности – метасистемного. Оно состоит в том, что в данном подходе сформулированы и развиты представления, согласно которым для определенного класса систем южную роль в их организации играют не только традиционно выделяемые категории качеств (материальные, функциональные, системные), но и иные – более сложные и недостаточно изученные пока категории. Одной из них выступают категория *метасистемных качеств*, а их сущность была охарактеризована выше (см. параграф 1.1.).

Оценивая категорию метасистемных качеств в целом и принимая попытку реализации заложенного в них объяснительного потенциала по отношению к анализу деятельности компьютерного типа, необходимо, по нашему мнению, обратить особое внимание на следующее очень показательное обстоятельство. Выше мы достаточно подробно охарактеризовали весьма своеобразные отношения, которые складываются в ней между двумя категориями компетенций – *hard-skills* и *soft-skills*. Было констатировано также, что сама суть первых состоит в их интрасистемной представленности, то есть в их локализации внутри системы деятельности. Сущность же вторых состоит в их экстрасистемной, то есть метасистемной локализации, поскольку они соотносятся с более общими целостностями, в которые объективно включена система деятельности. Однако, специфика организации того класса систем, к которым принадлежит деятельность в том и состоит, что они обладают способностью к функциональному включению в свой состав – «встраиванию» метасистем. За счет этого качества последней становятся собственными качествами первой. Этот механизм подробно описан в наших работах, а его смысл состоит в том, что, благодаря ему, система оказывается в состоянии реализовывать – использовать в своих собственных целях и тот несопоставимо больший потенциал, присущий самим метасистемам, в которые они объективно включены. Специфика метасистемных качеств состоит в том, что они являются результатом транспонирования в содержание какой-либо системы тех качественных характеристик, которые исходно присущи не ей самой, а тем метасистемам, в которые она онтологически включена и которые имеют более общий по отношению к ней характер. Иными словами, это – качества самой метасистемы, обретшие, однако, своего рода «превращенную

форму» – транспонированные в иную систему и обретшие в ней свое удвоенное бытие, «вторичную» форму существования.

Все рассмотренные явления не только принципиально подобны тем сложнейшим процессам, которые разворачивается в плане взаимодействия двух категорий компетенций, но выступают их объяснительным средством, поскольку вскрывают конкретные по содержанию механизмы того, почему и как они реализуются. Это означает также, что и сам метасистемный подход в целом, а также одно из его базовых понятий – понятие метасистемных качеств с высокой степенью очевидности эксплицирует и их правомерность и их объяснений потенциал. Следовательно, данная категория качеств и обуславливающие ее механизма также должны составить одно из средств реализации психологического анализа компьютерных деятельностей.

Продолжая рассмотрение данного уровня анализа деятельности, необходимо напомнить об одном из исходных положений, на котором он основывается. Оно состоит в неразрывной связи понятия компетентности и всего этого подхода с генетическими направлениям психологических исследований. Реализуя его, необходимо подчеркнуть также, что важной гранью понятия компетентности является его так сказать принципиально *генетическая* природа: Компетентность это обязательно нечто такое, что выступает продуктом и результативным эффектом определенного процесса формирования, генеза – в данном случае профессиогенеза. Следовательно, она не только допускает, но и, фактически, требует реализация в аналитических целях собственно генетического потенциала. Причем, такая реализация переставляется относительно более понятной и традиционной, нежели многие иные аспекты компетентностного анализа. Дело в том, что в психологии профессиональной деятельности в целом и в рамках одного из наиболее разработанных ее направлений – концепции системогенеза, в частности, существует целый ряд приемов реализация генетического похода в деятельностно-аналитических целях. Однако пока все они адаптированы ко многим иным «составляющим» деятельности, но не к категориям компетенций и компетентности. Вместе с тем, есть основания полагать, что они могут быть реализованы и по отношению к ним. Общим подходом при этом должен выступить сравнительный анализ деятельности на разных уровнях ее сформированности с последующей интерпретацией результатов. Конкретно это означает проведение диагностики степени

компетентности на разных этапах освоения деятельности и последующий сравнительный анализ ее содержания и организации. В этих же целях может быть использован и такой также традиционный для психологии профессиональной деятельности прием, как метод *полярных групп*. В более общем плане необходимо реализовать и прием, который был разработан нами ранее – метод *деятельностного зондирования*. В случае анализа компетентности он может быть реализован, скажем, как сравнительный анализ деятельности – ее зондирование посредством дифференциации выборки по различным параметрам – возрасту, полу, демографическим характеристикам. Каждое такое расщепление позволяет осуществлять сравнительный анализ содержания компетентностного уровня в дифференцируемых группах, а тем самым получать дополнительную информацию о деятельности.

Кроме того, подчеркнем еще одно обстоятельство, представляющееся достаточно очевидным, но странным образом не учитывающееся и не реализующееся в полной мере в практике психологического анализа деятельности. Оно особо рельефно проявляется при его реализации в аспекте компетентностной обусловленности. С одной стороны, действительно, сам феномен компетентности является важным и базовым *предметом* этого анализа – то есть тем, на что он направлен. Однако, с другой стороны, этот же феномен целесообразно использовать и в ином статусе, в ином функциональном предназначении – не как предмет, а как *средство* анализа. Дело в том, что именно он, точнее – субъект, обладающий его высоким уровнем как никто другой именно компетентен в анализируемой деятельности. Следовательно, он и его компетентность является решающим условием получения важной и наиболее имплицитной информации о ней. Это означает, что важнейшим каналом ее получения – средством анализа деятельности должно рассматриваться привлечение так сказать «субъектов компетентности» к анализу ее самой. Данный прием не нов в целом, но по отношению к анализу компетенций он особо важен. Его можно обозначить по-разному, что не меняет его сути – комплексной, синтетической, поскольку он базируется на нескольких методах одновременно – методах фокусированного интервью, самонаблюдения, трудовом методе и др.

Необходимо отметить и еще одну важную особенность организации компетентности как специфически генетического феномена. Она тесно связана с рассмотренным явлением обогащения деятельности

наднормативным содержанием и достаточно очевидно представлена именно в сложных видах деятельности, поскольку по функциональному назначению направлена на подгонку к возможностям субъекта и выступает формой феномена оперативности. Достаточно большой опыт практического изучения деятельностей, базирующихся на компьютерной технике, показывает, что очень характерной для ее освоения выступает формирование комплекса специфических операционных средств, направленных на ее оптимизацию. Они подробно, хотя и на феноменологическом уровне, описаны в соответствующей литературе, закреплены в компьютерном фольклоре [31, 32, 40, 60, 123, 191, 199, 213, 214]. Вместе с тем, их существование и использование в качестве средств анализа деятельности не может быть сведено только к их фиксации и пониманию именно как проявлений ее содержания – как феноменов. Действительная их роль состоит в том, что они, как правило, выходят за феноменологический уровень и обретают совершенно иной статус. Однако, он может быть эксплицирован только при условии их адекватного понимания уже не как феноменов, а как операционных *средств* реализации деятельности. Этот весьма значимый аспект анализа деятельности в целом и его процедурной организации станет предметом рассмотрения в следующей главе. Пока же подчеркнем лишь одно – уже завершающее обстоятельство, которое также необходимо учитывать при реализации компетентностного уровня анализа как стрелую его осуществления. По ходу освоения деятельности происходит, как отмечалось, формирование целой системы операционных средства ее реализации, обладающих разным уровнем обобщенности. При этом наиболее интегративным среди них выступает формирование индивидуально-специфического и репрезентирующего деятельность в целом образования, которое имеет длительную историю изучения в психологии труда и разные терминологические обрамления. Это понятия оперативного образа, концептуальной модели деятельности, информационной модели. Вместе с тем, как показано нами в [95], наиболее релевантным психологической природе данного образования является, пожалуй, максимально обобщенный термин – *ментальная репрезентация деятельности* (МРД). Это – обобщенное, интегративное образование, синтезирующее в себе, фактически, всю объективно-представленную информацию о деятельности. Формирование данной репрезентации является ключевым процессом, обеспе-

чивающим обретение объектом собственно деятельностного статуса, его «вхождение» в состав и содержание деятельности, в ее структурную и функциональную организацию. В нем содержится вся исходно представленная в объективированном виде, но затем «распредмеченная» и освоенная – перенесенная во внутренний план информация, характеризующая все аспекты содержания и организации деятельности. Принципиальным моментом при этом является то, что она строится в процессе взаимодействия личности с внешним, объективированным – предметным содержанием деятельности по тем же самым – общим и универсальным, инвариантным и базовым закономерностям, по которым разворачиваются все иные формы взаимодействия. Иными словами, это наиболее общие и универсальные закономерности и механизмы функционирования психики в целом. Именно в нем аккумулярована важнейшая и максимально операционализованная информация о содержании деятельности; кроме того, оно максимально репрезентирует феномен компетентности как таковой. В силу этого, анализ содержания МРД также должен выступить важным методическим средством реализации анализа деятельности и системы ее компетенций на данном уровне рассмотрения.

Итак, выше были рассмотрены основные направления реализации общесистемного уровня анализа совокупности деятельностных компетенций, на котором представлена их интегративная целостность, закрепленная в понятии компетентности. Тем самым реализованным оказался и пятый этап общей процедуры их анализа, который, соответственно, посвящен исследованию также завершающего уровня их организации. Это означает, что охарактеризованной оказалась вся эта процедура, включающая именно пять базовых уровней. Подчеркнем также, что структура этих уровней, как обосновано выше, изоморфна общей структурно-уровневой организации деятельности. Следовательно, первая – после ее экспликации и интерпретации создает необходимые и достаточные условия для экспликации второй, что и является наиболее важной задачей психологического анализа деятельности как такового.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что по ходу рассмотрения данного уровня систематически закономерным образом эксплицировался ряд обстоятельств, требующих дополнительного и достаточно пристального внимания. Все они в итоге свидетельствуют о своего рода необычности данного уровня относительно тех традиций, которые

сложились в психологическом анализе деятельности. Главная из них состоит в том, что по самой своей сути – атрибутивно данный уровень сопряжен с такими деятельностными образованиями, которые является принципиально интегративным, синтетическим, а их качественная определенность может быть установлена и изучена поэтому только адекватными этой природе средствами – также интегративными, то есть не аналитическими, а *синтетическими*. Тем самым с очевидностью вскрывается их противоположность самой идеологии анализа в его строгом смысле. Данный термин, тем не менее, может быть сохранен, но лишь в его расширенном смысле – как синоним исследования в целом. Он здесь расформируется не в противоположность в *психологический синтез* деятельности. Он сопряжен с раскрытием таких принципиально интегративных образований, которые играют очень важную роль в организации деятельности, но не выявляются процедурами собственно аналитического типа, например, с ментальной репрезентацией деятельности. В этом плане возникает принципиальный вопрос – каковы должны быть контуры нового подхода к исследованию профессиональной деятельности – ее уже не психологического анализа, а психологического синтеза? Как должен быть осуществлен «обратный» ход исследования – реконструкция на основе декомпозированных компонентов деятельности самой исходной целостности – деятельности в ее собственно системном измерении? Данное обстоятельство требует, повторяем, специального рассмотрения, что и будет осуществлено в следующей главе.

Завершая общую характеристику основных уровней (этапов) психологического анализа деятельности, ориентированную на те ее виды, которые базируются на компьютерной технике, представляется целесообразным дифференцировать в его общем содержание собственно *процедурный*, «технический» аспект и резюмировать его в *алгоритме* реализации базовых шагов такого анализа.

1. Функциональный анализ деятельности, направленный на выявление и характеристику «вторичных» компетенций, соотносящихся с данной деятельностью (hard-анализ).

1.1. Характеристика основных целей деятельности.

1.2. Дифференциация этих целей на подцели.

1.3. Определение функциональных задач, сопряженных с реализацией каждой подцели.

1.4. Определение спецификаций решения функциональных задач в соответствии с основными режимными факторами деятельности (базовыми ситуациями).

1.5. Установление набора «вторичных» компетенций оп отношению к каждой из базовых деятельностных ситуаций.

1.6. Реализация метода «частотно-значимостной селекции» по отношению к совокупности выявленных «вторичных» компетенций.

2. Структурный анализ деятельности, направленный на выявление и характеристику базовых – «первичных» деятельностных компетенций.

2.1. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций целеобразования.

2.2. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций самомотивирования.

2.3. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций по отношению к информационной основе деятельности.

2.4. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в области принятия решения.

2.5. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций по отношению к планированию и программированию.

2.6. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в совокупности индивидуальных качеств.

2.7. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в плане ее исполнительской части.

2.8. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в области самоконтроля.

2.9. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в области коррекционных действий.

3. Микроструктурный анализ базовых деятельностных компетенций (digital-анализ).

4. Установление и характеристика совокупности метакомпетенций деятельности (soft-анализ)

5. Компетеностный анализ деятельности.

Кроме того, данную процедуру можно представить в виде следующей схемы.

**Основные уровни процедуры психологического анализа
информационной деятельности**

<i>Значение критерия-дискриминатора</i>	<i>Предмет анализа</i>	<i>Уровень анализа</i>
Метасистемное	Метакомпетенции – «мягкие» навыки (soft-skills)	soft-анализ
Общесистемное	Феноменология компетентности	Компетентностный анализ
Субсистемное	Функциональные компетенции – «жесткие» навыки (hard-skills)	Функциональный анализ (hard-анализ)
Компонентное	Базовые компетенции	Структурный анализ
Элементное	ЗУНовская триада	Digital-анализ

Глава 3. Феноменологический подход к психологическому анализу информационной деятельности

3.1. Постановка проблемы исследования

Вся совокупность материалов, представленных в предыдущей главе, позволила предложить новый подход к решению проблемы психологического анализа деятельности – и в целом, и ее субъектно-информационного класса, в частности, а также конкретную процедуру его реализации, построению на основе уровневого принципа. Одновременно, эти результаты не только *решают* целый ряд вопросов, связанных с методологией психологического анализа деятельности, но и *ставят* новые – не менее принципиальные вопросы, приводят к формулировке новых теоретических проблем, которые также должны составить предмет рассмотрения. Сама логика развертывания предложенного подхода требует обращения к таким вопросам, которые носят не вполне традиционный для общей парадигмы анализа деятельности характер, но, тем не менее, непосредственно связаны с его углублением, а также с развитием его методологических основ. В связи с этим, основная задача данной главы заключается в попытке постановки и решения такого рода вопросов. Напомним, что все они явились непосредственным следствием разработки той процедуры анализа, которая была рассмотрена в предыдущей главе и в особенности – одного из ее этапов, предметом которого является интегративное проявление всей системы компетенций – компетентность, то есть их совокупность на соответствующем – общесистемном уровне.

В плане реализации данной задачи необходимо, по нашему мнению, напомнить о сути тех результатов, а также – новых, порожденных ими вопросов, к постановке которых привело рассмотрение, осуществленное в предыдущей главе,

Во-первых, это некоторая противоречивость и даже парадоксальность – своего рода «несовместимость» самой сути компетентности как принципиально интегративного образования, синтетического по своим механизмам, с одной стороны, а анализа, то есть принципиально декомпозиционной процедуры с другой. Здесь мы

сталкиваемся с тем случаем, когда предмет исследования принципиально не конгруэнтен методу исследования.

Во-вторых, в связи именно с этим, сам термин «анализ деятельности» во многом утрачивает свое строгое значение и трансформируется в расширенное значение – как синоним исследования в целом. Однако, это – принципиально иное исследование, сопряженное не столько с декомпозицией целого, сколько с его реконструкцией – воссозданием той системы, которая и была декомпозирована аналитическими процедурами, то есть с психологическим синтезом деятельности.

В-третьих, сказанное вовсе не означает так сказать невозможности включения данного уровня в сферу рассмотрения. В действительности, все обстоит противоположным образом и он не только должен быть включен в эту сферу, но и составляет ее, фактически, основной предмет, но с одним уточнением. Такое исследование должно быть направлено на экспликацию тех собственно интегративных эффектов и механизмов, которые лежат в основе общесистемной организации деятельности и которые сопряжены с ее интегративным «измерением».

В-четвертых, отсюда следует, что важнейшим методологическим императивом дальнейшего исследования деятельности должно выступить осознание того факта, что сам системный подход, на котором базируется предложенная процедура, является, хотя и очень общим, но все же частным случаем еще более общей методологии – методологии *качественного анализа*. Он, как известно, столь же атрибутивно сопряжен с выявлением и изучением основных категорий качеств исследуемого предмета – в особенности максимально сложных, то есть собственно системных. Именно системные качества – это основной и наиболее специфический предмет качественного анализа, направленный на раскрытие интегративного «измерения» исследуемого предмета.

В-пятых, особая значимость такого рода исследования обусловлена тем, что именно в системных качествах максимально полно и многомерно воплощается не «та или иная» сторона исследуемого предмета, а его объективно основное содержание – *его качественная определенность*. Известно, что именно системные качества – это и есть те средства, в которых она воплощается.

В-шестых, одной из специфических особенностей предлагаемого подхода к организации процедуры психологического анализа дея-

тельности является то, что она раскрывается и исследуется не только и не столько прямо – непосредственно, с применением традиционных аналитических методов, сколько посредством анализа общей структуры компетенций, то есть опосредствованно. При этом сами компетенции выступают уже не только в своем исходном статусе – как предметы исследования, но и в роли средств анализа – в их методическом статусе. В свою очередь, данное положение носит отнюдь не умозрительный характер, а вытекает из значимой и обоснованной выше закономерности, согласно которой структурно-уровневая организация деятельности в целом и, соответственно, ее содержание, фактически, изоморфна макроструктурной организации компетенций. Именно поэтому данная макроструктура, являясь своеобразным «зеркалом» общей структуры деятельности, может и должна рассматриваться как комплексное средство ее анализа. Однако, эта – общая закономерность имеет свое частное, хотя также важное проявление. Компетентность также может быть использована не только как предмет анализа, но и как его методическое средство. Через нее и в ней, а также во взаимосвязанных с ней феноменах нередко проявляются важные стороны анализируемой деятельности в целом; поэтому она и выступает как средство их раскрытия.

В-седьмых, необходимо учитывать и определенную противоречивость и даже неполную ясность самого предмета анализа на данном уровне. Дело в том, что он включает в себя все те категории компетенций, которые уже были рассмотрены на иных уровнях анализа и, казалось бы, не содержит ничего нового как предмет рассмотрения. Поэтому и его реализация в качестве особого этапа также, на первый взгляд, представляется избыточной. Однако, это, конечно, совершенно не так, поскольку специфика – качественная определенность данного уровня состоит не в суммативном объединении, не в агрегативном суммировании компетенций, а в тех обобщенных эффектах, которые порождены синтезом всей их системы.

В-восьмых, показательно и то, что необходимость обращения именно к такого рода интегративным механизмам и феноменам выдвигает на первый план исследование наиболее интегративных и, в то же время, имплицитных – собственно психологических аспектов деятельности. Они связаны не с ее внешним – предметно-действенным планом, а с ее внутренним планом, с собственно психологическим содержанием. Можно сказать, что именно на данном уровне сам анализ становится

подчеркнуто психологическим, что, однако, обуславливает и его существенно бóльшую сложность. В частности, он предполагает необходимость обращения к таким образованиям, которые, оставаясь, конечно, предметом психологии труда, в то же время, носят пограничный характер с исследованиями общепсихологического плана – в частности, с исследования в когнитивной психологии. Это – образования интегративного типа, репрезентирующие деятельность в целом и ее основные «составляющие» – в первую очередь, то, что было обозначено выше как ментальная репрезентация деятельности. В более широком плане – это проблема, связанная с выяснением того, как система деятельности порождает в ходе генезиса механизмы ее презентации субъекту? Как она репрезентируется в субъектном плане и каким образом эти репрезентации выступают в качестве основного регулятора деятельности? Каким образом деятельность не только объективируется и может быть изучена через ее объективированные проявления (а именно это и составляет суть традиционных подходов к психологическому анализу деятельности), но и субъективируется? Соответственно, какие возможности открывает исследование таких субъективаций? Далее, если продолжить принятую выше логику анализа, то необходимо, конечно, принять во внимание и еще один – пожалуй, наиболее общий способ дифференциации психики и, соответственно, – структурирования предмета психологии. Это, разумеется, дифференциация на осознаваемое и неосознаваемое, сознательное и бессознательное. Очень показательно, что и она не только непосредственно эксплицируется в современных представлениях о предмете метакогнитивизма, но и сам он также в значительной мере содействует углублению этих представлений. Действительно, проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного, хотя и была сформулирована относительно недавно, но составляет сегодня одну из важнейших в метакогнитивизме. Наиболее общим и принципиальным – традиционным и широко обсуждаемым в литературе, а в то же время – и наиболее острым в теоретическом отношении является вопрос о том, могут ли быть в принципе метакогнитивные процессы бессознательными? Может ли метапознание осуществляться без участия сознания и реализовываться на неосознаваемом уровне организации психики? Или же метапознание – это целиком и полностью прерогатива сознательного а потому субъективно регулируемого и контролируемого уровня ее организации? По отношению к данному вопросу в настоящее

время существуют различные варианты его решения и она станет предметом нашего специального рассмотрения в параграфе 3.3.2.

Наконец, в-девятых, уровень, на котором локализована компетентность в целом, соответствует общесистемному значению критерия-дискриминатора, служащего основанием для дифференциации уровней. Это означает, что на данном уровне имеет место, по существу, максимальная из возможных – полная интеграция всех базовых «оставляющих» операционных и иных детерминант, на основе которых и осуществляется организация деятельности, а также ее психическая регуляция. Однако это же означает, что такого рода организация и регуляция может осуществляться лишь в том случае, если в нее вовлекается аналогичное по степени интегративности образование, в котором представлен синтез всех основных «составляющих» смой психики, точнее – которое и состоит в таком синтезе. Таким образованием, естественно, выступает *сознание* как таковое, уровень осознаваемой, *произвольной* регуляции деятельности. На нем имеет место, фактически, самопрезентация деятельности, представленная, в частности, в том операционном образовании, которое было описано выше и обозначено как ментальная репрезентация деятельности. Эта само-репрезентация составляет и «внутреннюю картину» деятельности, характеризующуюся, как известно, очень высокой степенью сложности и дифференцированности. Она – и это очень важно подчеркнуть, наиболее выражена именно по отношению к сложным видам и типам деятельности, а ее степень пропорциональна именно их сложности. Вообще, необходимо отметить и то, на первый взгляд, очевидное, но именно поэтому – обоснованное и требующее специального анализа положение, согласно которому такая самопрезентация не просто пропорциональна сложности репрезентируемого. Она в высокой степени изоморфна ему, то есть выступает его точным репрезентантом. В нем полно и точно, в дифференцированном, но одновременно и интегрированном виде представлена важнейшая часть всей информации, характеризующей специфически психологическое содержание деятельности. Следовательно, его раскрытие должно быть понято как важнейшее и, по существу, труднозаменимое средство самого психологического анализа. Вместе с тем, по понятным и естественным причинам такой анализ является существенно более сложным, нежели рассмотрение практически всех иных компонентов деятельности. Это

связано с тем, что он, в отличие от анализа последних, сопряжен с раскрытием имплицитных – объективно не представленных компонентов деятельности. Они являются принципиально не объективированными, тогда как первые – характеризующие внешнюю, предметно-действенную сторону деятельности столь же очевидно объективированы. Однако они все же принципиально субъективируемы и, более того, составляют самую суть субъективности, точнее субъектности как таковой. Следовательно, они могут быть использованы как средство проникновения в состав и содержание психической регуляции деятельности – но не посредством объективно-ориентированных процедур ее анализа, а посредством субъективно-ориентированных процедур.

Все сказанное означает, что содержание деятельности, особенно – взятое на обобщенном уровне его репрезентации субъектом не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, составляет суть самой этой феноменологической данности. Деятельность принципиально репрезентируется субъекту именно как ее *феноменология*; она дана ему вовсе не в ее закономерностях и механизмах, а именно в том, что и обозначается как «деятельностная феноменология». Она представлена первично и исходно именно как феномен – разумеется, в широком значении данного понятия. Следовательно, именно ее анализ как таковой, то есть, фактически, анализ на феноменологическом уровне, или *феноменологический анализ* должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа. Однако, данный вывод столь же важен и необходим для его реализации, сколь и труден в плане ее осуществления, а потому нередко упускается в ходе исследования деятельности. Дело в том, что он требует обращения к наиболее сложно исследуемым сущностям, которые носят имплицитный, необъективированный характер. Вместе с тем, степень такой необходимости и, фактически, незаменимости, является наибольшей именно по отношению к тем деталям, которые практически полностью реализуются именно в этом – внутреннем плане. В них внешняя предметно-действенная сторона не только редуцирована, но и просто не релевантна задачам раскрытия ее истинного содержания; она не является их репрезентантом. По отношению к ним вообще фактически невозможно проникнуть через внешнее к внутреннему.

В связи с этим, однако, возникают три принципиальных вопроса, точнее, три проблемы достаточно общего характера. Первая из них состоит в том, что, как известно, по отношению к понятию феноменологии в целом и к феноменологическому анализу, в частности, традиционно сложилось не вполне позитивное отношение именно по причине их «фнеменологичности». Полагается, что они сопряжены именно с уровнем явлений, феноменов – то есть с относительно поверхностными аспектами исследуемого объекта, которые отнюдь не обеспечивают проникновения в их сущность и не могут выступать как конструктивные гносеологические средства. Особенно явно эта традиция представлена именно в деятельностной проблематике и в разработке процедур психологического анализа деятельности. Сам термин «феноменологический анализ» имеет подчеркнута негативную коннотацию. Вместе с тем, хорошо известно, что по отношению к целому ряду иных очень важных психологических проблем и предметов изучения он не только очень традиционен и, по существу, незаменим [155, 280]. Он имеет обратную – выраженно позитивную оценку и зарекомендовал себя как действенное средство их исследования. Опыт, сложившейся при этом, должен быть учтен, а существующие техники его реализации также должны ассимилироваться психологическим анализом деятельности.

Второй из возникающих при этом вопросов и атрибутивно сопряженный с только что рассмотренным, состоит в следующем. Действительно, как только что констатировано по отношению к понятию феномена сложилось отношение, которое не только имеет преимущественно негативную в плане его гносеологических возможностей коннотацию, но и в значительной мере граничит с еще одной его трактовкой. Она означает его понимание в качестве своего рода эпифеномена – как того, что только сопровождает нечто иное, более существенное и достойное изучения, локализованное на уровне сущности. Это, впрочем, давняя гносеологическая проблема, которая имеет длительную историю своего развития и множество вариантов ее решения. Однако, по отношению к деятельностной проблематике (впрочем, и по отношению ко многим иным предметам психологического исследования) возникает следующий вполне естественный вопрос. Если деятельностная феноменология столь содержательна и развернута, если деятельность, действительно, очень полно и точно отображается на уровне ее субъектной репрезентации, то, по-видимому, это не только не случайно, но и закономерно и, более того,

выступает как важнейшее операционное средство ее реализации. Иными словами, деятельностная феноменология – это отнюдь не совокупность эпифеноменов, лишь сопровождающих ее, а закономерный и необходимый арсенал реально действующих детерминант и, возможно средств и даже базовых механизмов ее осуществления. Сами феномены, фиксируемые в ходе анализа деятельности, не исключено, могут выступать и реально вступают как операционные средства ее реализации, как средства организации и регуляции деятельности. На первый взгляд, такое предположение представляется чересчур смелым, однако, не будем торопиться с выводами и обратимся к его верификации ниже. Пока же отметим еще одно обстоятельство, препятствующее трактовке деятельностных феноменов в этой функции. Оно, как известно состоит в принципиальном возражении против возможности выполнения феноменами как таковыми каких-либо функций по отношению к сущностным основам того или иного образования, структуры, процесса, качества. Данное возражение может быть сформулировано в следующем виде. Как проявление, понятое как принципиально *вторичное* (феномен) может управлять явлением, выступающим *первичным* по отношению к нему и обуславливающим его, то есть к его сущностным основам?

Третья и наиболее общая трудность, имеющая, фактически, уже не только психологическое, но и философское содержание, состоит в следующем. Действительно, в собственно философском плане она, как известно, зафиксирована в общей проблеме соотношения *феноменального* и *ноуменального* в гносеологии. Однако, она имеет и столь же важное психологическое содержание, поскольку сопряжена с одной из наиболее «жгучих» проблем всей психологии – с проблемой самосензитивности психики, самоданности ее себе посредством механизмов сознания. Сама суть сознания, его атрибутивная природа такова, что в нем и через него психика репрезентирована себе именно как феномен, но не как ноумен. Это означает, что она дана именно как некоторая совокупность, точнее, система итоговых, результативных проявлений и эффектов, но не как совокупность тех механизмов, в которые лежат в их основе. В самом деле, как мы неоднократно отмечали в предыдущих работах [76, 86, 95], важнейшая и, по существу, атрибутивная особенность психики состоит в принципиальной неданности субъекту – неосознаваемости тех механизмов и вообще сущностных детерминант, по которым она функционирует. Однако именно это же проявляется и в организации деятельности,

а не только психики, вернее – *постольку и в деятельности», поскольку в самой психики»* (так как последняя и выступает как ее регулятор). Несмотря на это, все же каким-то образом оказывается возможным очень эффективное управление, регуляция, точнее саморегуляция психикой самой себя в целом и деятельности, в частности. Иными словами, каким-то образом феноменальная данность оказывается достаточной для реализации операционных функций. Однако это возможно только в том случае, если сами феномены могут выступать в качестве собственно операционных средств, преодолевать свой статус как феноменов и эпифеноменов, а поэтому локализуются уже не только на уровне явлений, но и на уровне сущности, выступают как элементы ее сущностных основ. Естественно, что при этом возникает еще более сложный вопрос – как это возможно и как такая функция реализуется? Пока на него отсутствует развернутый ответ, но уже сама его постановка может являться стимулом для дальнейших исследований. Понятно также, что данная проблема сопряжена с еще одной важной проблемой – соотношения декларативных и процедуральных знаний, а в еще более общем плане – с проблемой соотношения познания и действия.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что сама деятельностная феноменология, составляющая основное содержание ментальной репрезентации деятельности, и образующая внутренний план деятельности, не только может, но и должна быть понята как носитель собственно операционных средств и механизмов деятельности, как система реально действующих и сильных детерминант ее реализации. Следовательно, она также должна с необходимостью составить один из аспектов психологического анализа деятельности. Раскрытие и интерпретация феноменологии деятельности выступает как одна из важных, но традиционно невовлекаемых в существующие процедуры его осуществления. Данный пробел, разумеется, должен быть минимизирован, а в перспективе и ликвидирован. Без этого трудно рассчитывать на должную глубину проникновения в истинное – имплицитное содержание деятельности, в базовые субъектные детерминанты ее осуществлено, то есть во все, что и составляет данность деятельности самому субъекту, ее внутреннюю картину, зафиксированную в понятии ментальной репрезентации деятельности.

Наконец, необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, имеющее столь же общий характер. Нетрудно видеть, что все изложенные выше аргументы и соображения приводят, в итоге, к очень общей и тра-

диционной проблеме адекватности *интроспективных* техник и метода самонаблюдения в целом. В этом плане следует зафиксировать двойственную ситуацию. С одной стороны, в настоящее время существует целый ряд приемов и методов, которые в той или иной мере базируются на интроспективных техниках (см. обзор в [65]). С другой стороны, не менее характерно, что понятие интроспекции, в основном, связывается с совершенно иными сферами психологического исследования, чем деятельностная проблематика, особенно в ее прикладном проявлении. До настоящего времени, фактически, отсутствует своего рода *интроспективная психология деятельности*, хотя все необходимые и естественные предпосылки для этого имеются и они были отчасти эксплицированы выше. Есть основания полагать, что она может оказаться не менее конструктивной, чем сама интроспективная психология, сыгравшая, как известно, определяющую роль в развитии психологии в целом.

Итак, в свете изложенного выявляется настоятельная необходимость включения деятельностной феноменологии в качестве обязательной «составляющей» в процедуру ее психологического анализа. Подчеркнем, что к этой необходимости привела собственная логика развертывания представлений о том, каким образом может быть усовершенствован психологический анализ деятельности по отношению к наиболее сложным видам деятельности и какую роль в этом может сыграть сформулированный нами подход к его реализации, базирующийся на понятиях компетенций и компетентности. В процедурном плане это означает, что в качестве ориентиров для анализа – в качестве поисковых компонентов должны выступить те специфически деятельностные феномены, которые включены в нее и которые выполняют операционные функции по отношению к ней. Мы возвратимся к данному выводу в процессе дальнейшего изложения, поскольку предварительно следует остановиться на еще одном – также очень демонстративном в плане проводимого рассмотрения направлении исследований.

3.2. Феноменологическое направление в метакогнитивизме

В главе 2 была дана подробная характеристика психологической специфики деятельностей, базирующихся на компьютерных технологиях и являющихся наиболее репрезентативными по отношению к их

субъектно-информационному классу. Было показано, что одной из наиболее специфических ее особенностей является то, что она выступает атрибутивно *метакогнитивной*. В силу этого, по понятным причинам важным методологическим средством ее исследования должна выступить реализация тех базовых положений, которые сформулированы в самом метакогнитивизме. И именно в этом плане очень показательно то, что в нем оформилось и приобрело статус одного из важнейших то направление, которое сопряжено именно с выявлением и объяснением феноменов метакогнитивного плана – феноменологическое направление. Метакогнитивные феномены – это один из наиболее известных в нем предметов изучения, а некоторые из них стали практически элементами общей культуры, вошли в естественный язык. Например, это феномен «на кончике языка». В целом оно является достаточно разработанным и его результаты, безусловно, должны быть учтены также при экспликации деятельностной феноменологии.

Общая палитра выявленных к настоящему времени метакогнитивных феноменов достаточно широка. Наиболее известными среди них являются, в частности, следующие феномены: Feeling of Knowing – FOK (чувство знания); Ease-of-learning» – EOL (стратегии дифференциации усваиваемого материала по параметру «легкости-трудности» и их выстраивание от первых ко вторым); феноменологические характеристики двух базовых метакогнитивных процессов – Metatinking и Metamemory (метамышления и мтеапамяти); Metacognitive reasoning – установление и приписывание причинности усваиваемым явлениям; Judgments of Learning – JOL (стратегии личностной репрезентации усваиваемого материала); Region of Proximal Learning – основная метакогнитивная стратегия, предполагающая максимизацию уже известных знаний в усваиваемом материале; стратегии; Study Time Allocation – стратегии распределения времени в процессе обучения в ходе освоения того или иного материала; феномены «метакогнитивной петли» (Metacognitive Loop) и гиперкоррекции (Hypercorrection effect); показатели уровня субъектности (level of agency); предикторы метакогнитивного мониторинга «планирование действий» и «самопроверка эффективности»; Action monitoring – выявление различий между получившимися в итоге показателями деятельности и ожидаемыми результатами; Metacognition in Computation – феномен, состоящий в использовании различных приемов и стратегий, в частности, мнемотехник, в процес-

се решения задач; Metalanguage – понятия, характеризующего выработку и реализацию различных стратегий построения высказываний; self-system – самооценочное представление субъекта, представляющее интегрированную подсистему личности, поддерживающую ее метакогнитивные функции; метакогнитивные чувства (МКЧ); «основной метакогнитивный парадокс» – эффект Даннинга-Крюгера, а также феномены «метакогнитивной блокады» (metacognitive block) и «моратория рефлексивности» (moratorium reflexivities).

Учет всех результатов, которые получены в данном направлении, предполагает необходимость оценки – возможно, и не лишенной критичности, того состояния, которым оно характеризуется в настоящее время. Для того, чтобы он был наиболее продуктивным, необходимо видеть не только несомненные положительные стороны данного направления, но и те – объективно присущие ему пока ограничения, которые через их осознание, фиксацию и преодоление могут выступить стимулами его дальнейшего развития. Знание слабых мест – это первый шаг к их устранению. И наоборот, без их минимизации продуктивный учет результатов данного направления весьма затруднителен. При рассмотрении данного вопроса мы будем базироваться на материалах, представленных в параграфе 2.2., а также в целом ряде предыдущих работ [79, 87].

Действительно, осуществленный в них анализ показывает, что данному направлению, равно как и всему метакогнитивизму в целом, в настоящее время присущи черты, свидетельствующие не только о его новаторском характере, но и о том, что он имеет большие, но пока не реализованные в полной мере перспективы развития. Они, в свою очередь, связаны с теми вопросами и трудностями, к которым привело его развитие, но которые остаются пока не преодоленными. Так, общеизвестно, что метакогнитивизм возник и представляет собой в настоящее время, прежде всего, логическое развитие базовых методологических и теоретических положений когнитивной психологии. Он является поэтому разделом общей и экспериментальной психологии, а его отношения с иными направлениями психологии более опосредствованны. Это в полной мере, а, быть может, и в наибольшей степени относится к психологической теории деятельности в целом и к психологии профессиональной деятельности, в особенности. В целом, несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость проблемати-

ки метакогнитивизма, она до сих пор разработана явно недостаточно, а общий уровень ее развития явно не соответствует этой высокой значимости. Такое несоответствие обусловлено двумя главными причинами. С одной стороны, – относительно небольшим временем существования данного направления, что объективно не позволяет пока ему достичь высокого уровня зрелости, развитости. С другой стороны, метакогнитивизму, равно как и когнитивной психологии в целом, присуща характерная методологическая особенность, которая очень часто является главной причиной их критической оценки, и, в действительности, обуславливает их существенную теоретическую ограниченность. Она состоит в том, что имеет место достаточно явный (а часто – и намеренно культивируемый) разрыв когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в частности, с психологической теорией деятельности, с изучением целостной деятельности, поведения. Эти две причины во многом обусловили специфику современных представлений о метакогнитивных процессах, характеризующихся следующими особенностями.

Во-первых, это, конечно, очень большое разнообразие и широта спектра исследований и, как следствие этого, – огромный объем эмпирических материалов в данной области. В них раскрыты многие важные и интересные закономерности, феномены и свойства метакогнитивных процессов. Однако подавляющему большинству исследований свойственна очевидная локальность их проблематики, а потому – отчетливый аспектный их характер. Они, в основном, направлены на исследование различных частных явлений и закономерностей. В целом, поэтому данная проблема более развита «вширь», нежели «вглубь», в связи с чем для нее пока характерен экстенсивный тип развития.

Во-вторых, это наличие множества частных теоретических подходов и концепций метакогнитивных процессов, исходно ограниченных каким-либо аспектом этой общей проблемы (то есть своего рода «теорий среднего радиуса действия»). Это, прежде всего, наиболее ранняя в историческом плане «концепция метапознания» Дж. Флейвелла (с которой вообще принято связывать возникновение метакогнитивизма как такового) [308]; представления о метакомпонентах общей структуры интеллекта Р. Стернберга [191, 192]; теория «когнитивных метаоператоров» Д. Дёрнера [240]; иерархическая модель метакогнитивных процессов М. Феррари (по [247]); концепция «когнитивного мониторинга» Т. Нельсона и Л. Наренса [178]; «теория человека о душе» Г. Уэллмена

[325]; представления о структуре и стратегияльном составе метамышления А. Брауна [225–227]; концепции «метарегулятивных функций» М. Лефебр-Пинара [274], а также У. Шнайдера и М. Прессли [306]; концепция «синтетических метапроцессов» Р. Джермена [262]; исследования в области кортикального представительства метакогнитивных процессов К. Фогеля, М. Ваврика, П. Уолтона (по [89]); «рефлексивные концепции» метапознания У. Брюера, У. Каралиотаса, Д. Шенка, К. Лина (см. обзор в [89]); концепция структуры метакогнитивного опыта М. А. Холодной [197, 198]; теория «метаархитектоники сознания» Э. Блэки и С. Спенса (по [89]). Далее, это и большое число частных концепций генетической направленности, разработанных в русле идеологии «метакогнитивного обучения» (Л. Редер, Х. Майер, А. Уэллс и др. [279, 301]), равно как и еще более частные концепции, посвященные исследованиям какого-либо отдельного метакогнитивного процесса (В. Хаак, К. Хольм, К. Вагнер, Д. МакДермотт, Ч. Тересен, Д. Махони, У. Мишель, Ф. Канфер, Л. Гримм [230, 254, 281, 309]).

В-третьих, для современного состояния данной проблемы достаточно характерно и то, что практически отсутствуют целостные, обобщающие концепции, систематизирующие и интерпретирующие полученные в его рамках результаты. Имеет место явное доминирование частных концепций над их синтезом в обобщающие теоретические представления. В связи с этим, а также по причинам иного порядка (историческим, гносеологическим, методологическим) ощутимо проявляются следующие – характерные и обобщенные особенности данного направления. Это – отчетливый эмпиризм, состоящий в резком преобладании темпов развития экспериментального базиса метакогнитивизма над его теоретическим осмыслением. Далее, это и достаточно явный эклектизм в обобщении и интерпретации полученных результатов, а также в общем подходе к развитию представлений о метакогнитивных процессах. Кроме того, это – частый и даже намеренно культивируемый прагматизм некоторых направлений метакогнитивизма, особенно – метакогнитивного обучения и развития. Наконец, это – и явно недостаточная пока синтезированность основных достижений метакогнитивизма с базовыми категориями и концепциями общей психологии; некоторая, а иногда – и намеренно подчеркиваемая «автономность» развития данного направления.

Все это обуславливает в итоге отчетливую «мозаичность» теоретических представлений, недостаточную систематизированность

эмпирического базиса современного метакогнитивизма. Указанные черты – эмпиризм, эклектизм, прагматизм, аспектность нельзя, однако, трактовать лишь с оценочных позиций, то есть в качестве «ярлыков». Они должны быть поняты как особенности естественного и объективного плана, свидетельствующие о переходном, развивающемся состоянии данного направления.

В-четвертых, для исследований метакогнитивных процессов характерен и своего рода предметоцентризм, когда эти процессы рассматриваются, в основном, автономно – «сами по себе» (в их качественной определенности), а не как реальные компоненты более широкой целостности – системы (деятельности, поведения). Это приводит к несинтезированнойности представлений о метакогнитивных процессах с психологией деятельности, о чем уже было сказано выше. Ее мощный эвристический потенциал остается поэтому недостаточно востребованным психологией метакогнитивизма. Тем самым обнаруживается и главная, на наш взгляд, особенность современного состояния данной проблемы – аналитический, то есть преимущественно внедеятельностный (а значит – и не вполне экологичный) подход к ее разработке.

Наконец, в-пятых, фактически не решен один из наиболее общих и принципиальных вопросов – вопрос о психологическом статусе метакогнитивных процессов, о содержании и границах данного понятия, о составе и содержании класса метакогнитивных процессов. Само понятие «метакогнитивные процессы» используется сейчас, в основном, как собирательный термин, обозначающий очень разные по многим параметрам процессы. Нерешенность вопроса о статусе метакогнитивных процессов порождает неопределенность их места в понятийной системе психологии, а также обуславливает нерешенность ряда ключевых вопросов, сформулированных, но остающихся до сих пор без ответа, в метакогнитивизме. Без их решения затруднительно или даже – невозможно дальнейшее продуктивное развитие метакогнитивизма как такового. Все отмеченные обстоятельства зримо проявляются и по отношению к тому состоянию, которое характерно для феноменологического направления метакогнитивизма. Ему присущи следующие основные особенности.

Во-первых, подчеркнута внедеятельностный характер данного направления обуславливает нерешенность одной из главных и даже «критически значимых» проблем всего метакогнитивизма – проблемы *экологической валидности* его эмпирического базиса и, соответственно,

основанных на них теоретических заключений. Она состоит в недоказанности правомерности переноса тех результатов, которые получены в экспериментальных, то есть внедеятельностных условиях, на реальные, естественные условия деятельности, прежде всего, профессиональной. Эта проблема имеет общий характер и присуща многим важным сферам психологического исследования. В частности, она остро сформулирована в психологической теории принятия решения, где доказано, что многие из установленных экспериментально решенческих феноменов значимо трансформируются в экологически валидных, естественных условиях – прежде всего, в условиях деятельности [95]. Следовательно, возникает важная проблема экологизации эмпирического базиса данного направления в целом и его феноменологических основ, в особенности.

Во-вторых, строго говоря, пока нет достаточных оснований полагать, что существующая номенклатура метакогнитивных феноменов является достаточно полной и тем более описанной исчерпывающим образом. Скорее, наоборот, в силу относительной молодости всего этого направления, есть основания полагать, что существуют и иные по отношению к известным, но значимые феномены метакогнитивного плана. Следовательно, возникает задача расширения феноменологического базиса как такового.

В-третьих, решение данной задачи сопряжено с необходимостью преодоления еще одной трудности, которая, вместе с тем, выступает и предпосылкой для ее преодоления. Дело в том, что переход от внедеятельностного исследования метакогнитивных феноменов к их исследованию в контексте реальной деятельности во многом тождествен трансформации аналитического способа их изучения в системный. Действительно, такой переход, фактически, и означает включение предмета исследования – метакогнитивных феноменов в контекст той реально существующей системы, в которой они обретают всю полноту своих особенностей, компонентами которой они является. Однако тем самым создаются принципиальные условия для обнаружения тех феноменов и эффектов, которые порождены эффектами системности, то есть возникают как следствие включения некоторых сущностей – в данном случае метакогнитивных детерминант в более общие целостности – системы по отношению к ним, в данном случае в систему деятельности. Исследование метакогнитивных феноменов должно быть не только непосредственным, но и деятельностно-опосредствованным.

В-четвертых, несколько предваряя дальнейшее изложение, подчеркнем и еще одно обстоятельство. Как показывают уже выполненные к настоящему времени исследования, в контексте естественной деятельности, наряду с *метакогнитивными* феноменами, существуют и аналогичные им в функциональном отношении явления, имеющие, однако, несколько иной генезис и направленность – феномены *метарегулятивного* плана. Это явления, которые заключаются уже не в том, что они выступают как феноменологические следствия «когниции относительно когниции», а как следствия «когниции относительно регуляции». Есть также данные, свидетельствующие об аналогичных явлениях, соотносящихся с коммуникативными функциями – о метакоммуникативных феноменах. Иными словами, все эти данные позволяют предположить, что общая сфера феноменологии не исчерпывается только явлениями метакогнитивного плана, которые, скорее, выступают лишь первым из установленных, но не единственным классом феноменологических проявлений. Следовательно, возникает еще одна задача, связанная с их выявлением и исследованием.

В-пятых, даже та совокупность метакогнитивных феноменов, которая установлена в настоящее время, не подвергнута должной систематизации и не представлена в виде хотя бы относительно упорядоченной целостности, а представляет собой агрегативное множество отдельных явлений. В свою очередь, это является прямым следствием того, что данная проблема находится на аналитическом уровне своей разработки. В силу этого, возникает еще одна задача – систематизация как уже известных, так и вновь устанавливаемых феноменов, а на основе этого – возможно, обнаружением и аналогичных – не описанных до настоящего времени закономерностей их организации.

В-шестых, данное направление имеет феноменологический характер не только по его предмету – тому, на что оно направлено, но и по доминирующему способу разработки. Он предполагает не столько объяснительную ориентацию, сколько ориентацию констатационную, дескриптивную. В результате этого, нерешенным остается, пожалуй, главный и наиболее имплицитный, но и принципиальный вопрос – вопрос об общем смысле и функциональном предназначении всех этих феноменов. Это и вопрос о переходе от их исследования как явлений к раскрытию их сущности. Действительно, как было отмечено выше, если они, действительно, не только существуют, но достаточно широко и си-

стематически представлены в психической организации, то они должны иметь какой-либо очень важный смысл – функциональное предназначение. Одновременно они должны выступать и следствиями каких-либо также значимых детерминант, закономерностей организации психики. Вместе с тем, данный вопрос – уже собственно объяснительной направленности остается пока на втором плане исследований. Следовательно, он также должен быть подвергнут приоритетному рассмотрению.

Все эти положения установочного плана должны выступить как исходные для развертывания исследований на стыке феноменологического направления метакогнитивизма и проблематики психологического анализа деятельности. Они, с одной стороны, могут содействовать расширению существующих представлений о феноменологии метакогнитивных процессов, а с другой, являются необходимой (хотя пока и недостаточной) основой для углубления представлений, «сложившихся в самом психологическом анализе деятельности, что непосредственно связано с основными задачами данной работы. В силу этого, представляется необходимым подвергнуть специальному и, по возможности, детализированному рассмотрению вопрос о сути – принципиальном смысле и основном функциональном предназначении феноменологии метакогнитивных явлений в целом и их роли в организации деятельности, в частности. Значимость такого рассмотрения становится еще более очевидной и в связи с результатами проведенного выше анализа. Он показал, что данный вопрос имеет, по-видимому, более глубокий смысл и более богатое содержание, нежели это полагается традиционно – в том числе, и в самом метакогнитивизме в целом и его феноменологическом направлении в частности. Напомним, что об этом свидетельствуют и те трудности вопросы принципиального плана, которые возникают при попытках методологического осмысления сути метакогнитивных феноменов. Действительно, в итоге их фиксации и анализа складывается устойчивое ощущение, а затем – и убеждение, согласно которому сама проблема феноменологического содержания метакогнитивных явлений имеет весьма глубокий и не в полной мере эксплицированный смысл. Они постоянно преодолевают свой исходный статус – свою атрибутивную феноменологичность и заставляют оценивать их уже не только как «поверхностные», вторичные, производные явления. По-нашему мнению, экспликации их истинного смысла и значения могут содействовать следующие положения.

Прежде всего, то мнение, согласно которому феноменологическое направление является частью метакогнитивизма как такового, является, хотя в целом верным, но недостаточно точным и глубоким, не отражающим его сути. В действительности, реальная ситуация является в известном смысле противоположной: сам метакогнитивизм в целом в значительной мере как раз и является *следствием феноменологии*, которая присуща метакогнитивным явлениям. Он вообще возник и возможен как некоторая реальность вследствие феноменологической представленности этих явлений. Дело в том, что они обладают базовой и определяющей, атрибутивной чертой – их осознаваемым характером, причем, не просто «обладают» им, но и составляют само содержание и суть свойства, точнее – способности осознания. Они не просто лежат в основе рефлексии как процессуальной основы сознания, но и являются ее парциальными процессуальными компонентами. Тем самым, они, фактически, выступают и конкретными процессуальными средствами, а отчасти – и механизмами, обеспечивающими фундаментальное свойство психики – ее самосензитивность. Через них и посредством них она обладает атрибутом саморепрезентированности. В свою очередь, данное свойство субъективно эксплицировано как феноменологическая данность психики самой себе. Она, однако, может реализовать это свойство только посредством ее феноменологической представленности – она дана самой себе отнюдь не в ее средствах и механизмах, не как ноумен, а в тех итоговых результативных эффектах, к которым они приводят – в феноменах. Она принципиально феноменальна, что и составляет базу и принципиальную возможность для ее познания и самопознания. Все ее содержание обретает существование только постольку, поскольку феноменально представлено. Следовательно, доступ к этому содержанию может быть лишь принципиально феноменально-опосредствованным.

Подчеркнем, что это – одно из наиболее общих положений как собственно психологического, так и философского плана. Оно является специальным и основным предметом рассмотрения в интроспективной психологии, равно как и в феноменологическом направлении психологии в целом. Однако тем самым раскрывается истинное – беспрецедентное значение феноменологического плана анализа для психологического познания в целом и даже для возможности существования психологии как науки. Он эксплицируется как главная причина самой их возможности, а также как исходный, базовый этап факти-

чески любого психологического исследования. Он же эксплицируется и в качестве главного средства формирования эмпирического базиса для решения многих психологических проблем. При этом следует учитывать, что практически все основные сферы и «составляющие» самого психического имеют свои резульативные, итоговые эффекты, которые и представлены как его феноменология. Следовательно, они могут выступать именно как общее средство проникновения к первым. Понятно также, что при этом речь может идти о феноменологии именно в ее широком и потому – истинном значении, заключающемся в их соотнесенности практически со всеми «составляющими» психического, а не в их приуроченности только к каким-либо локальным, частным, хотя и интересным явлениям. Однако, к сожалению, именно узкое значение понятия феноменологии по отношению к метакогнитивной проблематике доминирует в настоящее время.

Логическим следствием данного вывода является и то, что общая сфера метакогнитивной феноменологии не может быть сведена только к ее приуроченности к собственно когнитивной подсистеме психики, только к когниции (что, впрочем, терминологически закреплено в самом понятии «метакогнитивная феноменология»). Как убедительно свидетельствуют многочисленные исследования, эта феноменология распространяется и на реализацию иных фикций – прежде всего, регулятивных и коммуникативных. Более того, фактически, все процессы и явления, реализующиеся в психике и сопровождающиеся их осознанием, с необходимостью включают в свой состав именно эти компоненты. Они, соответственно, порождают специфически метакогнитивную феноменологию, через которую они же сами во многом и раскрываются как субъекту, так и их исследованию. То содержание, которое обычно вкладывается в понятие «исследование произвольной (осознаваемой) регуляции деятельности и поведения», во многом базируется на этой феноменологии или даже просто заключается в ее изучении – по крайней мере, служит первым его этапом. Кроме того, через такое расширение представлений о феноменологическом содержании метакогнитивизма оказывается возможным минимизировать один из его главных недостатков, который весьма существенно сдерживает его развитие – констатированный выше внедеятельностный характер. Метарегулятивные и метакоммуникативные феномены – это и есть те эффекты, которые специфичны деятельностным, поведенческим контекстам; обращение

к ним позволяет преодолеть аналитичность современного состояния самого метакогнитивизма. В этой связи следует отметить обстоятельство более общего плана. Дело в том, что данное заключение приводит к необходимости существенной корректировки сложившихся представлений о самом предмете метакогнитивизма в целом, заставляет зримо осознать зауженный характер сложившихся традиционных представлений о нем и в значительной степени их преодолеть; поясним сказанное.

В ряде наших работ было обосновано положение, согласно которому содержание предмета метакогнитивизма конгруэнтно одной из наиболее фундаментальных дифференциаций самой психики (и соответственно, – того, как она «отображается» на уровне предмета психологии) – выделению в ней трех основных подсистем – когнитивной, регулятивной и коммуникативной [79, 84]. Эта конгруэнтность проявляется в существовании трех базовых типов самой рефлексии – когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Однако, как показано в этих же работах, аналогичное соответствие имеет место и по отношению к еще одной очень общей дифференциации – дифференциации основных классов психических процессов – когнитивных, эмоциональных и мотивационных. Дело в том, что, наряду с собственно метакогнитивными процессами, в настоящее время выделяются и метаэмоциональные, а также метамотивационные процессы.

Очень показательным (а в плане развиваемых здесь представлений – и доказательным) является следующее принципиальное обстоятельство. Дело в том, что, наряду с уже рассмотренными, дифференциациями, в психологии существует и еще одна – пожалуй, наиболее крупная дифференциация содержания психического в целом. Это, разумеется, ее дифференциация на классическую «триаду составляющих» – на процессы, свойства, состояния. Обращение к ней позволяет эксплицировать еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма.

Действительно, в нем очень оживленно дискутируется вопрос о так называемых метакогнитивных качествах личности. При этом, как правило, гласно или нет, но, фактически, императивно принимается установка на поиск тех или иных «особых» метакогнитивных качеств. Складывается впечатление, что такого качества – это нечто особое, автономизированное как от всех других качеств, так и от процессов. Такой поиск, однако, оказывается, как правило, малопродуктивным и не приводит к дифференциации каких-либо метакогнитивных

качеств, ортогональных по отношению к уже известным. Более того, он обычно демонстрирует явную – причем, неразрывную, атрибутивную их связь с теми или иными метакогнитивными процессами. По нашему мнению, в основу решения данной проблемы должен быть положен один из фундаментальных методологических принципов – принцип единства процессуального и результативного уровней анализа. Согласно этому принципу, любой психический процесс имеет свои результативные проявления. Любой процесс так или иначе «кристаллизуется» в свойстве – в качестве которое индицирует индивидуальную меру его развития. Не существует каких-либо отдельных качеств (отдельных от процессов), и вообще – функционально-генетическая парадигма гласит, что любой процесс является основанием для того или иного качества [8]. Качества – это те же процессы, но взятые в их результативном проявлении. Если с этой точки зрения подойти к пониманию метакогнитивных качеств, складывается та же самая ситуация, которая является аксиоматичной для других отраслей психологии. Согласно ей, метакогнитивные качества есть не что иное как индивидуальная мера развития того или иного когнитивного процесса. Метакогнитивные процессы имеют – также, как и когнитивные процессы – индивидуальную меру выраженности; она, в свою очередь, и индицирует то или иное метакогнитивное качество; точнее – она и является им.

Аналогичная связь процессов и свойств, функций и результата позволяет эксплицировать и еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма. Выше уже отмечалась функционально-генетическая парадигма, сложившаяся в русле проблемы способностей. Согласно ей, способности определяются индивидуальной меры развития – сформированности тех или иных функциональных систем, которые и проявляются в продуктивности деятельности [202]. Способности как качества выступают результативным проявлением определенного процессуального обеспечения – лежащих в их основе функциональных систем. Тем самым, способности как качества (но в данном случае уже метакогнитивного плана) также могут и должны быть дифференцированы на основе их соответствия с тем или иным метакогнитивным процессом. Метакогнитивные способности есть не что иное как индивидуальный уровень выраженности, сформированности отдельных сторон метакогнитивной сферы. В этой связи очень показательными являются те исследования, в ко-

торых обоснована необходимость и доказана конструктивность дифференциации особой категории способностей, обозначенных нами как метакогнитивные способности [94]. Таким образом, не только категория процессов, но и категория свойств как второй член классической «психологической триады», оказывается включенной в общее содержание предмета метакогнитивизма.

Констатируя это, нельзя, однако, забывать, что пока не учтенным остается еще один компонент данной «триады» – состояния. На первый взгляд представляется, что здесь имеют место наиболее принципиальные трудности его ассимиляции предметом метакогнитивизма. В действительности же, напротив, именно по отношению к нему такая ассимиляция является самой естественной и очевидной. Дело в том, что наиболее фундаментальное метакогнитивное состояние не просто очень «хорошо известно», но оно, собственно говоря, и составляет «самость» – субъектность как таковую; образует ощущение личностью своего «Я», саморепрезентацию внутреннего мира. Более того, оно во многом просто и конституирует этот мир, а соответственно – и личность. Это, разумеется, состояние сознания. Если подойти к трактовке сознания с позиции категории состояния, то сама этимология слова «со-знание» – как раз и будет означать состояние знания. Оно может быть представлено на разных уровнях, быть представлено в различных формах (саморефлексия, медитация, самопогружение и пр.). Ярким примером в этом плане могут служить известные взгляды С. Л. Рубинштейна по проблеме самосозерцания [173].

Сознание – это всегда осознание чего-либо, в том числе и «прежде всего» – осознание содержания внутреннего мира. И в этом плане оно не может не быть принципиально вторичным – и по отношению к самому этому содержанию, и тем более – по отношению к объективной реальности, получившей первичную репрезентацию во внутреннем мире. Кроме того, следует подчеркнуть, что и любое конкретное состояние имеет два пласта – это и некоторый физиологический пласт, но это и рефлексирование данного состояния. Можно находиться в том или ином состоянии – ощущать, но можно его также и осознавать. Любое состояние – но уже не только как некий «психофизиологический фон», а как фрагмент субъективной – психической реальности, взятой в полноте ее, дано в рефлексивном обрамлении. В этом плане оно должно быть проинтер-

претировано как производное от психофизиологического «тона» – как «вторичное» по отношению к нему.

Таким образом, что еще одна базовая дифференциация психики на триаду компонентов «процессы, свойства, состояния» – вполне однозначно, причем совершенно естественным образом эксплицируется в содержании предмета метакогнитивизма. Однако и сам этот предмет обретает через данную триаду комплексное и столь же естественное основание для его дифференциации и интерпретации. Особо следует зафиксировать и еще одно – очень существенное, по нашему мнению, обстоятельство. Такая интерпретация развивает и углубляет представления, зафиксированные в данной триаде, показывая, что, наряду с первичными процессами, свойствами, состояниями, существуют еще и вторичные процессы, свойства, состояния. Именно таким – наложенным принципом организации обладают и сами метакогнитивные феномены (здесь мы сохраняем традиционное название этих феноменов, хотя речь идет о более широкой сфере). Эта феноменология также принципиально наложена, но уже на всю систему основных «составляющих» общего предмета метакогнитивизма. Однако отсюда следует, что именно через нее открывается доступ к изучению всей этой системы. Феноменология раскрывается не только как предмет исследования, но и как метод, точнее – общая методология. Данное обстоятельство, впрочем, давно и прочно осознано в ряде иных направлений психологии, но парадоксальным образом не вполне учитывается в таком направлении, которое является, пожалуй, наиболее феноменологичным и вообще – составляет основу феноменальности как таковой. Оно должно быть минимизировано.

Осмысление феноменологического направления метакогнитивизма требует, далее, обращения и к еще одному вопросу общего характера. Выше мы уже отмечали, что важной и трудной проблемой психологического познания в целом является вопрос о том, как идеальное (осознаваемое) может реализовывать управляющие функции по отношению к материальному? Как некоторые следствия (представленные на уровне сознание, то есть в феноменальном плане результаты) могут воздействовать на средства и механизмы, лежащие в их основе? Как феноменальное может управлять ноуменальным? Именно эти вопросы, однако, возникают и при рассмотрении самих метакогнитивных феноменов. Каким образом они могут вступать в той функции, которая обычно остается не раскрытой – инструментальной? Можно предпо-

ложить, что они вообще возникли и существуют лишь постольку, поскольку реализуют ее – поскольку они полезны для функционирования психического. Только в этом случае они перестают быть эпифеноменами и раскрываются как средства его организации, как необходимые механизмы его существования. Однако в связи с данным выводом возникает еще один вопрос – как это оказывается возможным? Как они из феноменов трансформируются в противоположное им – в средства функционирования, из явления в сущность? Следовательно, эти вопросу также должны составить предмет рассмотрения.

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать следующие заключения, которые, с одной стороны, обобщают представленные материалы, а с другой, выступают как ориентиры для дальнейшего исследования метакогнитивной феноменологии в профессиональной деятельности. Во-первых, анализ метакогнитивных феноменов должен рассматриваться не как второстепенный и вторичный – производный и частный, а напротив, как исходный и определяющий, как важнейший в плане формирования всего эмпирического базиса решения большинства теоретических и прикладных проблем. Во-вторых, само понятие метакогнитивной феноменологии должно быть скорректировано и существенно расширено. В нее должны войти все феномены, сопряженные с осознанной регуляцией деятельности, а не только собственно метакогнитивные феномены. В-третьих, необходимо попытаться ответить на ключевой вопрос – каким образом эти феномены реализуют собственно операционный статус?

При попытке решения этих вопросов, то есть, фактически, при определении стратегии реализации феноменологического аспекта исследования и, соответственно, – логики дальнейшего изложения, возникает, однако, еще одна проблема. Она связана с тем, на основе чего – каких критериев или, по крайней мере, ориентиров это должно осуществляться? Какова должна быть система изложения и вообще – должна ли она быть? По нашему мнению, в данном отношении следует руководствоваться следующим соображением.

Во-первых, сама суть феноменологии любого исследуемого предмета, области изучения в том и состоит, что она выступает как исходная, базовая и принципиально не подверженная (точнее – не долженствующая этому) каким-либо систематизаторским процедурам. Напротив, она должна сохранять свою исходную, естественную и нередко про-

тиворечивую многомерность, неупорядоченность, сопротивляемость любым априорным схематизациям. Лишь в этом случае сам предмет не будет исходно обеднен и редуцирован. Как выражался в этой свахи Б. Ф. Ломов, «в этот вопрос не надо вносить преждевременную ясность». И лишь только после этого и, более того, на основе этого, не только возможна, но и необходима систематизация феноменологии, поиск и реализация критерия (критериев), позволяющих ее структурировать. Однако, какие-то ориентиры реализации этого аспекта все же должны быть, иначе сама она становится невозможной. В силу этого, есть основания полагать, что в их качестве целесообразно использовать максимально простой и естественный, но в то же время – операциональный ориентир, который можно обозначить как движение «от простого к сложному». Это означает, что экспликация феноменов метакогнитивного плана должна разворачиваться в направлении от относительно более простых (конечно, лишь относительно) к более сложным. Целесообразность этого связана еще и с тем, что по отношению ко многим иным сферам феноменологии психического относительно более сложные явления не только включают в себя менее сложные, но и базируются на них. В силу этого, их рассмотрение должно быть именно таким – поступательным, то есть «снизу – вверх», но не наоборот.

Во-вторых, следует учитывать саму природу феноменологии как таковой – ее вторичность, производность от уровня сущности, то есть от тех причин – механизмов, которые ее порождают. В силу этого, есть основания полагать, что вся картина феноменологических проявлений, равно как и их возможная структура не только может, но и должна быть производной от той системы, в которой они существуют – от системы деятельности в целом и от базового принципа организации – структурно-уровневого. Это означает, что общая совокупность феноменов должна каким-либо образом – пусть и не прямо, а опосредствованно, но воплощать в себе принципы структурно-уровневой организации.

В-третьих, реализуя попытку поиска такого рода феноменов, следует помнить о том, что все же конечным пунктом их анализа выступает не установление самого их факта, а выявление их смысла – сути функциональной роли, которую они выполняют в деятельности и, следовательно, причин, по которым они возникают.

В-четвертых, при экспликации совокупности метакогнитивных феноменов следует реализовать своего рода встречное движение двух ее

способов. С одной стороны, необходимо базироваться на всех данных, уже существующих в исследованиях и эксплицирующих известные феномены, то есть реализовать движение «от теории». С другой стороны, анализ должен быть с необходимостью деятельностно-специфическим, то есть базироваться на общих и специфических особенностях исследуемого класса деятельностей. Это – движение «от практики».

Наконец, в-пятых, следует дифференцировать два отмеченных выше значения самого понятия феноменов – широкое и узкое. Второе из них является традиционным и состоит в фиксации только тех явлений, которые установлены в самом метакогнитивизме и имеют специфически метакогнитивную природу. За пределами метакогниции они, фактически, не представлены. Второе значение фиксирует существенно большую сферу феноменологических проявлений, которые исходно установлены не только на исследовании метакогнитивной сферы и имеют существенно более широкую сферы действия, не являясь исключительно метакогнитивными. Они, однако, могут реализовывать свои функции также и в отношении метакогниции. Иными словами, это тот случай, когда более широкое и адекватное определение предметной сферы предполагает реализацию операционального подхода, состоящего в том, что в качестве представителей этой сферы выступают все образования, которые могут выступать в той или иной функции. Аналогично, и в состав метакогнитивной феноменологии входят не только сами феномены такого плана, но и многочисленные иные феноменологические проявления психического, которые могут выступать в той же функции, что и первые – эксплицировать организацию и динамику метакогнитивной сферы.

3.3. Содержание и состав метакогнитивной феноменологии информационной деятельности

3.3.1. Метакогнитивные чувства*

Очень показательным, что именно при такой постановке рассматриваемой проблемы она получает действенный стимул для своей разработки, а также для формулировки одного из конкретных вариантов ее решения и для начала его реализации. Дело в том, что и в самом метакогнитивизме,

* Параграф написан совместно с А. А. Карповым.

и в ряде смежных с ним областей исследований уже достаточно давно оформилась группа явлений, которые весьма полно и точно – естественным образом удовлетворяют критериям, сформулированным выше по отношению к этим феноменам. Они должны рассматриваться как исходные, то есть относительно наименее сложные и потому – базовые. Это, разумеется, группа феноменов, обозначаемых чаще всего понятием *метакогнитивных чувств* – МКЧ [190, 219, 221, 234, 235, 238, 239]. Они могут по-разному определяться, но имеют очевидную общность своей атрибутивной природы, которая состоит в том, что ими являются именно чувства, ощущения. В этом плане необходимо подчеркнуть, что именно они выступили и, пожалуй, наиболее ранним предметом изучения в метакогнитивизме, а впоследствии стали одними из наиболее показательных среди всех явлений, составляющих его предмет. Иными словами, они выступили исходными не только в плане своей «базовости», относительной простоты, но и в плане того, что с них во многом и началось развитие всего этого направления. Здесь имеет место то, что в гносеологии обозначается как единство логического и исторического и что выступает важнейшим свидетельством их, действительно, фундаментального значения в общей феноменологии метакогнитивизма.

Развертывание исследований этих феноменов привело к тому, что в настоящее время дифференцировано весьма большое их количество, характеризующееся, к тому же, высокой гетерогенностью. Наиболее известными среди них являются следующие феномены: феномена «на кончике языка» (tip of the tongue; TOT); чувство знакомости (feeling of familiarity); чувство знания (feeling of knowing); чувство незнания/чувство сомнения (feeling of not knowing/feeling of uncertainty); чувство на кончике носа (tip of the nose; olfactory metacognition); ощущение провала в памяти (blank-in-the-mind experience); суждения о легкости изучения (ease of learning judgements); суждения о выученном (judgments of learning); суждения второго порядка о суждениях о выученном (second-order judgments about judgments of learning); чувство компетентности (feelings of competence); оценка решаемости (judgment of solvability); чувство сложности (feeling of difficulty); чувство близости к решению / чувство теплоты (feeling of warmth); инсайт, «Ага!»-переживание (insight, Ahaexperience); субъективное переживание тупика (subjective impasse); чувство уверенности (feeling of confidence); чувство контроля (sense of agency); чувство удовлетворенности (feeling of satisfaction); отсле-

живание источника мониторинг реальности (source monitoring / reality monitoring); суждения «помню»/«знаю» (remember/know judgments); чувство правильности (feelings of rightness); чувство ошибочности (feeling of error); ложное озарение/чувство «я знал это заранее!» (hindsight bias / the knew-it-all-along effect); дежавю (déjà vu); дежавекю (déjà vécu) жамевю (jamais vu); дежареве (déjà rêvé) [234, 235, 238, 239, 252, 256, 263, 272, 276–278, 288, 289, 290, 300, 311, 312, 313, 314, 319].

Анализ этих, а также иных феноменов подобного рода позволяет выявить ряд характерных особенностей, присущих тем представлениям, которые сложились относительно этой группы в настоящее время и которые должны учитываться при решении основных задач данной работы. Так, во-первых, обращает на себя внимание их достаточно большое количество – множественность феноменов данной группы. Во-вторых, они столь же подчеркнуто гетерогенны и охватывают самые различные сфер организации психического – начиная от относительно менее сложных и заканчивая весьма сложными и комплексными. В-третьих, данная особенность является следствием еще одной их черты – производности, своего рода вторичности по отношению к иным структурам и процессам, образованиям и феноменам. В-четвертых, само по себе это является и свидетельством их своего рода распределенности по всей структуре психического, их своеобразной диссипативности. В-пятых, обращает на себя внимание и тот факт, что до настоящего времени вся их совокупность представлена именно как совокупность – как агрегативное множество, но не как некоторая упорядоченная и структурированная целостность, как нечто, уже подвергшееся классификации – иными словами как определенная качественно специфичная система. Можно видеть, что все эти особенности в существенной мере воспроизводят и даже «повторяют» те черты, которые свойственны метакогнитивизму в целом (эклетицизм, мозаичность, описательность и пр.) и которые свидетельствуют о больших, но пока во многом не реализованных возможностях его развития. Они – отчетливый индикатор его нахождения на преимущественно аналитической, а не системной стадии развития, которая как раз и характеризуется доминированием эмпиризма, эклетицизма, дескриптивности, мозаичности и пр. Безусловно, что данное обстоятельство также заслуживает внимания, в связи с чем ниже мы возвратимся к нему, точнее – к выявлению общего смысла сложившейся в этой области ситуации.

Необходимо констатировать, что по отношению к этой группе феноменов можно дифференцировать два основных подхода к их общей трактовке и, соответственно, два способа их определения. Первый – это «жесткий» подход, подразумевающий их строгое определение и, соответственно, эксплицирующий их узкое значение. Он состоит в том, что в данную группу включаются лишь те феномены, которые обладают ярко выраженной специфичностью и автономностью – своего рода самодостаточностью, а также широкой сферой действия. Второй – «мягкий» подход состоит в том, что в данную группу включаются, фактически, все феномены, которые так или иначе сопровождают многие иные процессы и явления и которые выступают как феноменологические репрезентанты последних. Это – все то, что составляет феноменологический фасад, точнее – обеспечивает чувственную данность многих иных (а не исключено и всех) психических процессов и структур, качеств и свойств, состояний и явлений. Складывается ситуация, когда очень трудно, если вообще возможно, дифференцировать какое-либо значимое из них, которое не сопровождалось бы их ощущением и, соответственно, не составляло бы «чувство о них» как метакогнитивное. К данному – также важному, по нашему мнению, обстоятельству мы также возвратимся ниже. Можно видеть, что здесь мы в очередной раз встречаемся с очень характерной для метакогнитивизма особенностью – с наличием двух значений у целого ряда его базовых понятий – узкого и широкого. Такая ситуация, в свою очередь, провоцирует вопрос: какое из них более корректно? Он уже обсуждался выше по отношению и к другой категории метакогнитивных терминов к тем понятиям, в которых зафиксированы основные экспликации его общего предмета. Общий ответ на его состоит, на наш взгляд, в том, что второе – расширительное значение, несколько проигрывая в точности, дает несопоставимо больший выигрыш в его конструктивности – в тех возможностях, которое оно открывает для решения задач не только интерпретационного, но и поискового плана. В силу этого, именно его мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Перспективность такой трактовки как раз и проявляется в том, что именно с ее позиций эксплицируются не только проявления традиционно установленных МКЧ в рассматриваемом классе деятельности, но и дополнительные по отношению к ним феномены данной группы. Кроме того, выявляются и те тенденции, которым они

подвергаются под влиянием специфически деятельностной детерминации. Так, в частности в результате специального проведенного нами психологического анализа ряда разновидностей деятельности, базирующейся на компьютерной технике, были дифференцированы следующие феномены данной группы.

Во-первых, это феномен, который можно обозначить как *чувство компетенции*. Он состоит в субъективной уверенности в том, что та или иная компетенция может быть реализована в данной ситуации; что она не просто и не только есть у самого субъекта (и это наличие ощущается – чувствуется им), но и то, что она достаточна для реализации деятельности. Причем, такое ощущение (чувство) представлено обычно как некоторое фоновое состояние; реализуется без развернутой осознанной оценки и фиксации, что также очень специфичной именно для метакогнитивных чувств, в отличие от более сложных и комплексных феноменов. Это – свидетельство их локализации на иерархически относительно низших уровнях организации деятельности и ее психического обеспечения, в том числе – и неосознаваемых. Данный феномен очень важен, прежде всего, именно в практическом плане – в плане организации и конкретной реализации деятельности в целом и в плане ее процессуальной, темпоральной организации, в особенности. Он позволяет без специальных затрат, достаточно естественным и относительно несложным путем переходить от решения одних функциональных задач к другим, поскольку инициирует субъективную уверенность в их осуществимости, реализуемости и, соответственно, – к возможности их не только постановки, но и непосредственного выполнения. Иными словами, он обеспечивает то, что в свое время было удачно обозначено А. Р. Лурией в понятии «кинетической мелодии» [137] (правда, в данном случае речь должна идти, скорее, не о кинетической, а о деятельностной мелодии). Причем, поскольку речь идет именно о чувстве, то данный процесс может реализовываться вне специального осознаваемого, произвольного контроля и, соответственно, не загружает высшие уровни регуляции деятельности, что чрезвычайно выгодно во многих отношениях.

Далее, следует отметить, что этот феномен, казалось бы, во многом подобен уже зафиксированному в теории феномену «чувства компетентности». Данное обстоятельство не только нельзя замалчивать, но напротив, его необходимо подвернуть специальной оценке, поскольку

оно выступает аргументов не «против» дифференциации еще одной разновидности метакогнитивных чувств, а аргументом «за» это и, более того, является очень показательным в плане общего решения рассматриваемой проблемы. Дело в том, что в феномене чувства компетенции речь идет не об общем – глобальном и потому недифференцированном ощущении субъекта своей компетентности в какой-либо обширной области – в том числе и какой-либо деятельности, не о том, что он ощущает себя «в состоянии что-либо реализовывать с должной эффективностью», а о существенно ином феномене. Он носит гораздо более дифференцированный характер, соотносится не с уровнем компетентности в целом, а с уровнем, на котором локализованы отдельные, специальные компетенции, соответствующие, в свою очередь, основным функциональным задачам деятельности. Отсюда вытекают два важных следствия. Первое: именно потому, что данный феномен локализуется на качественно ином уровне организации деятельности и, соответственно, системы компетенций – не общесистемном, а субсистемном, то и сам он должен трактоваться как качественно специфический, несводимый к феномену «чувства компетентности». Второе: он имеет очень выраженную собственно деятельностную детерминацию, поскольку определяющим фактором его генезиса выступает специфически совокупность функциональных задач деятельности, которая, собственно говоря, и составляет ее саму. Выявляется еще она важная грань его качественного своеобразия – он выступает уже не только как метакогнитивный, но и как метарегулятивный. В этом плане проявляется и еще одна общая закономерность специфически деятельностной феноменологии метакогнитивных явлений. Они, включаясь в структуру деятельности, в значительной степени сохраняют свой исходный смысл, но, в то же время, и качественно трансформируются – специфицируются под влиянием собственно деятельностной детерминации. Данная закономерность весьма значима в том плане, что она эксплицирует сосуществование в общей феноменологической картине двух рядов закономерностей – общих и специфических, точнее – деятельностно-специфических; заставляет не противопоставлять их, а рассматривать как взаимодополнительные.

Во-вторых, дифференцируется и еще один специфически деятельностный феномен, который можно обозначить как *чувство реализуемости*. Данный феномен не следует смешивать с известным свойством реализуемости как базовым свойством так называемого

практического мышления. Он носит еще более дифференцированный и деятельностно-специфицированный характер, чем предыдущий феномен, хотя, в то же время, операционально схож с ним. Действительно, если предыдущий феномен соотносится с достаточно крупными деятельностными фрагментами – основными функциональными задачами по ее осуществлению, то данный феномен является существенно более локальным, но – именно поэтому и более распространенным, чаще инициирующимся в деятельности. Дело в том, что он состоит в субъективном ощущении того, что любая из возникающих задач, проблем, вопросов, трудностей и пр., а не только функциональных, принципиально решается в данных конкретных условиях – причем, без развернутой аргументации и даже без сколько-нибудь отчетливого осознания этого факта. По отношению к данному феномену следует констатировать ситуацию, подобную той, которая зафиксирована и для предыдущего феномена. Действительно, данный феномен, казалось бы, весьма сходен с описанным в теории феноменом «чувства решаемости». Однако последний имеет гораздо более общее значение и даже иной смысл. Он заключается не в чувстве подвластности какой-либо конкретной задачи решения – причем, именно «здесь и теперь», а в принципиальной оценке того, что какая-либо задача вообще может быть решена – причем, не обязательно самим субъектом.

В соответствии с этим – вторым феноменом, субъект вначале делает заключение относительно ее принципиальной решаемости, причем, без осознаваемой экспликации конкретных аргументов в пользу этого, и лишь затем находит способы такого решения. По отношению к данному феномену очень важным представляется то, что он является весьма адекватным и, более того, очень точным средством самооценки субъективных возможностей как таковых. Он, несмотря на свой симультантный и не вполне осознаваемый, а часто – вообще неосознаваемый характер, весьма эффективен (и именно это является причиной его существования вообще). В этом плане показательными являются результаты одного из выполненных нами исследований. Его замысел и сущность самих результатов заключаются в следующем.

В исследовании приняли участие 60 испытуемых – слушателей курсов повышения управленческой компетенции. После их окончания, как это и предусматривалось учебной программой, проводился итоговый экзамен, основным – причем, количественно измеримым

показателем которого, как раз и являлся итоговый аттестационный балл. Вместе с тем, в данном случае он представлялся не в традиционной – 5-балльной оценочной шкале, а в иной шкале – размерностью в 100 баллов, то есть, фактически, в так называемой «шкале *процента успешности* (компетентности)», которая, как показано в ряде исследований весьма позитивно зарекомендовала себя [69]. Тем самым он индигировал уровень «первичных» знаний в данной предметной области.

Кроме того, в данном исследовании в качестве одной из его двух основных переменных рассматривались не только «первичные», но и «вторичные» знания (метазнания). Количественный предиктор «вторичных» знаний определялся следующим образом. Испытуемым предъявлялись задания, на которых в символической форме презентировались те или иные управленческие ситуации. Они должны были в течение заранее оговоренного и достаточно малого времени экспозиции (10 с) определить, реально ли с их стороны предложить конкретное решение данной ситуации в течение определенного – и также оговоренного времени. Подчеркнем, что в инструкции подчеркивалось не то, способны ли они вообще решить ту или иную ситуацию, а сделать это именно за отведенное время. Тем самым снимались многие опасности, связанные с возникновением целого ряда «побочных переменных». В частности, за счет этого испытуемые рассматривали данное задание не как «измерение их умственных способностей *вообще*», а как возможность решения задач именно за «*короткое время*». Важно и то, что оценка со стороны испытуемых являлась не «общей» (по типу «да-нет»), а количественно выраженной – они приписывали определенный балл (по 7-балльной шкале) степени своей уверенности. Затем эти *субъективно прогнозируемые* оценки усреднялись и коррелировались с данными *объективной регистрации* (то есть с процентом правильно решенных ситуаций). Полученный, таким образом, коэффициент и рассматривался в качестве объективного показателя точности «чувства знания» (которое в данном случае выявляло точность самооценки испытуемыми своих знаний в плане их достаточности для решения тех или иных ситуаций). За счет этого каждая из двух переменных принимала количественно представимый вид. Это допускало их дифференциацию на два «полярных» уровня – минимальный и максимальный, что как раз и требуется с точки зрения методологии факторного исследова-

ния. В результате этого факторная матрица данного исследования выглядела следующим образом (см. рис. 1).

		З	
		-	+
МЗ	-	З ⁻ , МЗ ⁻	З ⁺ , МЗ ⁻
	+	З ⁻ , МЗ ⁺	З ⁺ , МЗ ⁺

Рис. 1. План исследования взаимосвязи двух типов знаний («первичных» и «вторичных») – соответственно, З и МЗ

Далее, все полученные по такой процедуре результаты обрабатывались на основе метода дисперсионного анализа. Произведенные расчеты позволяют сделать следующие основные заключения.

Во-первых, значимыми в статистическом отношении оказались величины дисперсии, обусловленные каждым из двух исследуемых факторов по отдельности (соответственно, 34 % и 18 %). Следовательно, оба они оказывают значимое *автономное* влияние на результаты деятельности.

Во-вторых, значимой оказалась и величина дисперсии, обусловленная взаимодействием этих факторов – 14 % ($p = 0,05$). Это непосредственно указывает на то, что во взаимодействии этих факторов возникают новые – дополнительные, то есть именно синергетические эффекты, порождается новое функциональное содержание и соответственно, дополнительный потенциал, несводимый, то есть нередуцируемый к аддитивной совокупности самих синтезируемых фактов. В свою очередь, это является и столь же непосредственным указанием на самостоятельность и качественную специфичность самого изучаемого здесь компонента метакогнитивной сферы, но уже не процессуального, а «знаниевого» типа.

В-третьих, очень показательны и соотношения количественных значений трех типов дисперсий. Наибольшей из них, как это и следовало ожидать, является величина автономной дисперсии, обусловленная первым фактором (34 %). Это указывает на то, что ведущим – главным детерминирующим фактором эффективности выполнения

деятельности является именно уровень «первичных» знаний. На втором месте по величине оказалась дисперсия, соотносимая со вторым фактором (18 %) и только на третьем – дисперсия, обусловленная их взаимодействием (14 %). Следовательно, можно заключить, что по отношению к результативным («знаниевым») компонентам эффекты синергии представлены в достаточно существенно форме.

Затем по отношению к этим результатам был реализован иной способ обработки – методология факторного планирования и соответствующей, то есть также факторной обработки результатов. Все данные, согласно подобной методологии, представляются в виде таблицы «факторных декомпозиций», которая в данном случае имеет следующий вид (см. рис. 2).

		3		
		-	+	
МЗ	-	34	58	46
	+	42	78	60
		38	68	

Рис. 2. Результаты исследования взаимосвязи «первичных» и «вторичных» знаний (метазнаний). *Примечания:* 3 и МЗ – соответственно, «первичные» и «вторичные» знания; «-» и «+» – соответственно, минимальный и максимальный их уровень; 38 и 68 – средние значения по столбцам; 46 и 60 – средние значения по строкам

После этого результаты обрабатывались по той процедуре, которая предусмотрена данным методом: определяются автономные величины влияния каждого фактора, а также степень и характер взаимодействия между ними. В итоге произведенных расчетов были получены следующие основные результаты.

Во-первых, величины автономных влияний каждого фактора на результаты деятельности оказались статистически значимыми (соответственно, для фактора «3»: $68 - 38 = 30$ единиц критерия; для фактора «МЗ»: $60 - 46 = 14$ единиц критерия). Это хорошо согласуется с аналогичными данными, полученными методом дисперси-

онного анализа; наряду с этим, следует подчеркнуть, что именно такая согласованность выводов, полученных на основе использования разных методов, является важным средством их взаимоверификации и, следовательно, способом подтверждения их правоты.

Во-вторых, значимым оказался и коэффициент взаимодействия этих факторов, определяемый по методу вычисления «разности двух разностей» [38]:

$$k_{M3Z} = (34 - 58) - (42 - 78) = -12$$

Данный факт также должен рассматриваться как непосредственное указание на то, что они оказывают не только самостоятельное – автономное влияние на результаты деятельности, но и закономерным образом, причем – достаточно сильно взаимодействуют друг с другом в процессе этого воздействия. Как известно из методологии факторного эксперимента, это означает следующее: тот или иной фактор, помимо того, что он непосредственно влияет на результат, может еще и влиять на то, каким образом и с какой силой влияет на результат другой фактор. Тем самым он оказывает не только прямое, но и косвенное – опосредствованное влияние на результат – через изменение меры того, как на результат влияет другой фактор. Именно это и проявилось в нашем исследовании. Действительно, как можно видеть из представленных данных, повышение значений фактора «МЗ» приводит к тому, что сила влияния другого фактора – «З» также возрастает. Тем самым один фактор оказывает фасилитирующее – усиливающее влияние на то, каким образом на результат влияет другой фактор. В свою очередь, и возрастание фактора «З» также приводит к увеличению силы влияния на результаты другого фактора – «МЗ». Он также фасилитирует, усиливает его влияние на результаты деятельности. Иными словами, в данном случае обнаруживается тот тип взаимодействия между факторами (в данном случае), который обозначается в методологии эксперимента понятием *«расходящегося»* взаимодействия. Его смысл, как известно, состоит в том, что факторы оказывают взаимофасилитирующее влияние друг на друга в плане их влияния на «зависимую» переменную исследования. Иными словами, возрастание значений каждого фактора приводит к усилению влияния на «зависимую» переменную другого фактора.

По нашему мнению, обнаружение именно этого типа взаимодействия позволяет установить еще одну – наиболее имплицитную особенность взаимодействия «первичных» и «вторичных» знаний. Она носит

не вполне прогнозируемый с точки зрения априорных ожиданий характер, поскольку в известной мере противоречит известному феномену Даннинга-Крюгера, который, в свою очередь, считается доказанным в необходимой степени [380]. Напомним, что суть данного феномена состоит в субъективно искаженной *переоценке* лицами с относительно менее развитыми метакогнитивным потенциалом своих истинных возможностей, а также в *недооценке* своих возможностей лицами с относительно наиболее высоким метакогнитивным потенциалом. Вместе с тем, полученные результаты показывают, что с повышением уровня «первичных» знаний степень достоверности и объективной адекватности «вторичных» знаний (то есть самого «чувства знания») отнюдь не снижается, а наоборот возрастает. Это означает, что точность «вторичных» знаний, правильность «чувства знания» является не обратной, а прямой функцией от уровня представленности «первичных» знаний. Другими словами, чем большим объемом «первичных» знаний обладает субъект, тем более точными являются его метакогнитивные суждения по поводу своих знаний; тем более адекватными становятся сами «вторичные» знания. В связи с этим возникает необходимость устранения или, по крайней объяснения выявленного противоречия данного результата с отмеченным выше феноменом Даннинга-Крюгера. Вместе с тем, при более внимательном рассмотрении оказывается, что между ними нет никакого противоречия, а речь должна идти вовсе не о выборе того, какой из этих вариантов правильный, а какой ошибочный. Дело в другом: сам этот классический эффект должен быть подвергнут необходимому *уточнению* и дифференциации именно с учетом полученных нами данных. Действительно, как можно видеть из них, он справедлив только для *субъективных* оценок «первичных» и особенно «вторичных» знаний – для оценок степени их представленности и субъективной уверенности в них. Однако когда речь идет об *объективной* стороне дела, то есть о том, каким образом те и другие оказывают свое детерминирующее воздействие на результаты деятельности, картина является существенно иной. «Первичные» знания вовсе не ингибируют, а наоборот, фасилитируют воздействие на деятельность «вторичных» знаний. В свою очередь, и сами «вторичные» знания, хотя и в меньшей степени, о также фасислитерируют позитивное влияние на деятельность «первичных» знаний. Это и проявляется в типе взаимодействия между ними, который принадлежит к расходящемуся взаимодействию.

Таким образом, наряду с еще одним доказательством значимости и качественной специфичности этого феномена, данное исследование свидетельствует и еще об одном важном обстоятельстве. Оно состоит в том, что этот феномен так сказать «выходит» за свои исходно феноменологией рамки, перестает быть только феноменом и начинает выступать как реальное и весьма действенное операционное средство организации деятельности. Данное обстоятельство также заслуживает дополнительного внимания, в силу чего мы возвратились к нему ниже.

Далее, был дифференцирован и еще один феномен, принадлежащий к данной группе и выраженный достаточно очевидным образом, но одновременно связанный с трудностями его терминологического обрамления. В силу этого, при его характеристике мы сконцентрируем внимание на его собственно содержательной стороне и не претендуем на точность и строгость того термина, которым он обозначается. Он состоит в том, что в процессе решения тех или иных задач переход от одних его этапов к другим может происходить и реально, как правило, происходит без наличия сколько-нибудь представленных, оформленных и осознанных условий, посылок. По отношению к нему может быть применен термин *«неконтролируемых умозаключений»* (точнее – не полностью контролируемых). Он осуществляется не по типу вывода, а по типу *«квазивывода»*, носит отнюдь не детерминистский, а вероятностный точнее – эвристико-вероятностный характер. Иными словами, он базируется не столько на когнитивных детерминантах и тем более рационалистических аргументах, сколько именно на *чувствах*. Это – своего рода «ощущение возможности перехода» как такового от одного этапа решения к другому, от одной фазы преодоления ситуации к другой; ощущение так сказать возможности «двигаться дальше» в направлении решения. Понятно, что некоторые аналоги данного феномена также были зафиксированы в исследованиях, в основном, мышления, особенно – творческого, в психологии интуиции. Однако данный феномен, базируясь, безусловно, на тех механизмах, которые описаны в этих исследованиях, носит гораздо более «приземленный», то есть деятельность-специфицированный характер. Это так сказать «интуиция в действии», *практическая интуиция*. В его результате сам процесс решения, равно как и его когнитивные основы, обретают главные свойства – беглость, гибкость, оперативность, а его общая производительность существенно возрастает. Естественно, за это приходится

платить ценой снижения надежности результатов процесса когнитивной переработки при таком способе его осуществления. Подчеркнем особо, что за счет такого чувства достигается возможность так сказать безболезненной, легкой и естественной «склейки» разных этапов когнитивной переработки в случае выхода из тех или иных ситуаций, а в результат и его реализуемости. В силу указанных особенностей механизм, лежащий в основе данного феномена, может быть обозначен как *симультианизация* мышления, а сам он как «чувство перехода», которое и обуславливает возможность ускорения – симультианизации мышления посредством фасилитации смены его этапов⁴¹.

В плане характеристики данного феномена следует констатировать и ту его особенность, которая имеет общий характер и даже смысл по отношению ко всем спецификациям МКЧ в деятельности именно информационного класса. Дело в том, что он очевидным образом связан с одной из атрибутивных ее особенностей – с резким повышением ее информационной емкости – с качественным возрастанием объема информации, требующей переработки, а также со столь же качественными, принципиальными изменениями ее динамических характеристик. Все это требует несколько иного (или даже существенно иного) способа и типа организации мышления, нежели в других видах деятельности. Оно «должно успевать» и за скоростью, темпом деятельности, и соответствовать объему информации, требующей переработки. Причем, такое соответствие, естественно, не должно нарушать объективные ограничения, присущие когнитивной сфере в целом и мышлению, в особенности. Один из способов обеспечения этого как раз и состоит в придании мышлению свойства *оперативности* – разумеется, с некоторым ущербом по отношению к его строгости и корректности, логической грамотности и пр. При этом, конечно, возникает закономерный вопрос – правильно ли это? Насколько это опасно для деятельности? Насколько это соответствует постулату рациональности как базовому в организации когнитивных процессов, в том числе, и в деятельности? Предельно упрощая, можно сформулировать этот вопрос и так: хорошо это или плохо? Для того, чтобы дать, по возможности, обоснован-

⁴¹ Прибегая вновь к метафоре А. Р. Лурии – к выражению «кинетическая мелодия», по отношению к рассматриваемому феномену можно говорить о «процессуальной мелодии».

ный ответ на него, целесообразно прибегнуть к следующей аналогии, взятой, кстати, также из «компьютерной области», которая, впрочем, является более, чем просто аналогия. Общеизвестно, что в ходе «гаджет-опосредствованного» общения сложился и продолжает развиваться весьма специфический язык, способ формулировки передаваемой информации. Он характеризуется сокращенностью, лаконичностью, неполным написанием слов и фраз, их заменой на суррогаты и мн. др. Строго говоря, это, конечно, искажение правильного языка и потому означает некую «неправильность». Однако с другой точки зрения он вполне объясним и оправдан – он работает в тех условиях, для которых предназначен и которые предполагают приоритетную реализацию самого факта передачи информации – хотя бы в принципе, с минимальной степенью понятности. В этом плане гораздо «правильнее» исказить корректные и грамотные формулировки, но за счет такого искажения придать самому сообщению реализуемость и даже саму возможность, нежели пытаться соблюсти все лингвистические нормативы, но сделать само сообщение невозможным или чрезмерно трудным.

Таким образом, можно заключить, что в составе и содержании, структуре и организации деятельности, базирующейся на компьютерной технике, действительно, возникают новые, качественно специфические феномены метакогнитивного плана, которые, в то же время, обладают атрибутивной общностью с категорией метакогнитивных чувств. Причем, как можно заключить из представленных выше материалов, они выходят за свои исходные рамки – феноменов как таковых, поскольку эксплицируются и в качестве значимых детерминант деятельности. Все это заставляет предположить, что и сама категория МКЧ как первой группы метакогнитивных феноменов, представленных в деятельности, также не только воспроизводится, но и усиливает свое значение и роль в ее организации.

В пользу данного предположения свидетельствует и еще один комплекс аргументов, вытекающий из результатов специально проведенного нами исследования. Его общий замысел состоял в том, чтобы выявить, насколько вообще, согласно мнению профессионалов высокой квалификации, представлены традиционно описанные МКЧ в их деятельности. В этих целях нами был разработан и реализован специальный методический прием, обозначенный как *рефлексивно-феноменологическое интервью* (РФИ), а его сущность как раз и заключалась

в том, чтобы эксплицировать перед респондентами сущность тех или иных МКЧ, а затем получить от них оценки степени их представленности в их собственной деятельности. В итоге его реализации был получен следующий – наиболее общий и принципиальный результат. Оказалось, что в подавляющем большинстве случаев (то есть по отношению к большинству видов чувств и по отношению к большинству респондентов) имеет место значимое в статистическом отношении превышение степени их выраженности по сравнению с контрольной выборкой. Это с очевидностью свидетельствует о том, что функциональная роль МКЧ в информационной деятельности и ее детерминационная роль является достаточно выраженной. В связи с этим, вновь возникает уже отмеченный вопрос – почему? Почему именно категория МКЧ как первая из разновидностей метакогнитивных феноменов фасилитируется в деятельности данного класса? Каковы причины этого и возможные механизмы такого рода фасилитации?

По нашему мнению, в отношении данного вопроса могут быть сформулированы следующие положения, содействующие его решению. Как известно, определяющей и даже атрибутивной, по мнению большинства исследователей, особенностью всех метакогнитивных феноменов и процессов является их принципиально осознаваемый характер. Они выступают как явления, обязательно предполагающие выход на высший уровень организации психического – на уровень сознания, на уровень осознанной произвольной регуляции. Они в свете этого вообще трактуются как средства повышения функционального ресурса субъекта за счет формирования метауровня переработки информации, который как раз и сопряжен (именно как метауровень) с механизмами осознания – выхода за наличное. Безусловно, такой подход и, соответственно, эксплицирующийся в нем механизм ресурсного расширения является в целом обоснованным и реально действующим. Он во многих случаях приводит к существенному повышению качества когнитивных процессов и достигаемых результатов. Вместе с тем, нельзя не видеть и другого обстоятельства – того, что этот выигрыш (как и любой другой) не только сопряжен с определенными проигрышами, но и достигается именно за счет них. По отношению к рассматриваемому вопросу этот выигрыш – в качестве осознаваемого контура переработки информации путем возникновения его метауровня приводит, как показано во многих исследованиях, в том числе, и наших, к реципрокному снижению

функциональной роли механизмов и средств, сопряженных с неосознаваемым контуром переработки. Фасилитация метакогниции не только связана с известной ингибцией всего того, что сопряжено с иными уровнями переработки (и что можно обозначить как субкогниция), но и достигается в значительной степени за счет нее. Однако справедливо и обратное: фасилитация самой субкогниции в целом и неосознаваемых механизмов переработки информации, в особенности, может достигаться за счет ингибции самой метакогниции. Конкретно, это означает, что, если в структуре метакогнитивного обеспечения начинают доминировать именно чувства, то роль неосознаваемых механизмов и средств также существенно возрастает.

В связи с этим, подчеркнем, что здесь мы в первый (но далеко не в последний) раз сталкиваемся с одним из наиболее важных и, по нашему мнению, – фундаментальных механизмов метакогнитивной регуляции деятельности в целом и даже с необходимостью кардинальной корректировки смысла метакогниции как таковой. Истинное значение и общая палитра метакогниции в целом и конкретных средств ее осуществления вовсе не сводятся только к их фасилитации в деятельности. Оказывается, что они могут и ингибироваться в деятельности, что, однако, выступает адаптивным и важным средством повышения ее организованности. В частности, эта ингибция обеспечивается за счет того, что в структуре самих метакогнитивных феноменов представлена такая группа, которая как раз и обеспечивает возможность усиления иных, нежели осознаваемые, средств организации – прежде всего, неосознаваемых. Особо значимо то, что именно такие механизмы наиболее важны именно для рассматриваемого класса деятельностей в силу их атрибутивных особенностей – прежде всего, повышения ее информационной емкости. В том случае, если такие механизмы не представлены и если существенная часть всей переработки не переведена на неосознаваемый уровень, то субъект оказывается практически не в состоянии справляться большими массивами информации. В силу этого, доминирующий вектор их трансформаций в деятельности, базирующихся на основе компьютерной техники, заключается в их максимизации. Она, в свою очередь, происходит по двум направлениям. Первое – фасилитация уже описанных МКЧ, а второе – возникновение новых деятельностно-специфических МКЧ, адекватных ее содержанию и условиям в целом и информационной емкости, в особенности.

Подобного рода трансформации, как можно видеть из представленных материалов, не сводятся только к двум этим типам – фасилитации (усилению) и ингибции (редуцированию). Дело в том, что, наряду с ними, в деятельности под влиянием ее специфической детерминации возникают и качественно новые феномены метакогнитивного плана, которые не были установлены до настоящего времени. Это в частности, более сложные, чем МКЧ, феномены, «редукции рефлексивности», «моратория рефлексивности», которые станут предметом рассмотрения ниже. Одной из основных причин этого является то, что практически все их исследования были проведены на подчеркнутах внедеятельностных, а потому – абстрактных и экологически не вполне валидных условиях.

Далее, как свидетельствуют данные рефлексивно-феноменологического интервью, некоторые типы МКЧ практически не отмечаются респондентами как знакомые им и, тем более, встречающиеся в их деятельности. Следовательно, имеет место не только редуцирование, но и полная редукция некоторых феноменов метакогнитивного плана. Наконец, можно констатировать и закономерность наиболее сложного, но и наиболее интересного плана, состоящую в следующем. В структуре целостной деятельности, а не аналитически, феномены МКЧ могут выполнять и такие функции, которые им не только не свойственны исходно, но и в известной мере – противоположны им. Действительно, сама суть МКЧ именно как чувств состоит в том, что они носят принципиально иной, чем это считается аксиоматичным в метакогнитивизме характер. В своей значительной части они носят не только неразвернутый в процессуальном смысле – не сукцессированный характер, но и отнюдь не сопровождаются развернутым осознанием. Более того, они направлены на максимизацию ресурсного потенциала субъекта не за счет формирования метауровня переработки информации, а за счет ее переноса на неосознаваемые уровни. Метакогниция, являясь порождением сознания и его «продолжением» и развитием, построена, однако, таким образом, что может не только усиливать себя, но и инвертировать характер детерминации – с осознаваемого на неосознаваемый. В результате можно видеть, что общий спектр направлений, по которым происходит трансформация метакогнитивных феноменов, включает пять основных типов – *фасилитацию, ингибцию, возникновение новых феноменов, редукцию и инверсию.*

Очень показательно, что эти же пять типов трансформаций феноменов были установлены нам ранее по отношению таковому важному процессу организации деятельности, как процесс *принятия решения*. Сопряженная с ним феноменология также закономерным образом трансформируется под влиянием деятельностной детерминации, а целый ряд базовых решенческих феноменов существенно видоизменяется вплоть до их инверсии. Наконец, в этом плане показательно и то, что аналогичная ситуация была выявлена нами и по отношению к тому, каким образом метакогнитивные факторы, то есть, фактически, рефлексивные детерминанты могут оказывать трансформирующее воздействие на систему *индивидуальных качеств* личности. В исследовании [102] было показано, что рефлексивность, действительно, оказывает существенное и многоплановое влияние на актуальное проявление индивидуальных качеств. Она раскрывается и как своего рода «качество по контролю за качествами», поскольку она может регулировать актуальную меру их проявления. Рефлексивность эксплицируется и как своеобразное метакачество. Эмпирическими референтами такого влияния выступают общепсихологические феномены произвольной фасилитации и ингибиции того или иного свойства, явления психической компенсации и др. В этом проявляется одна из основных функций рефлексивности – трансформационная, состоящая в возможности изменения уровня проявления иных качеств и тем самым – характера их влияния на деятельность⁴².

Вся совокупность представленных выше материалов, а также попытка их интерпретации, позволяет, по нашему мнению сделать еще одно заключение – уже относительно наиболее общего порядка, направленного на выявление принципиального смысла всех феноменов данной группы (впрочем, по-видимому, не только ее, но и феноменов иных групп и классов). Действительно, как отмечалось выше и что систематически подчеркивается практически всеми исследователями, одной из ярких черт данной группы является их принципиальная множественность – гетерогенность, а также производность от очень многих иных структур психики. Они обладают известным в науке свойством, удачно обозначенным М. Мексоном как свойство «вездесущести» [144]. В их широком значении они сопровождают,

⁴² К данному вопросу мы возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения – при раскрытии содержания метакогнитивных феноменов следующей группы.

фактически, все грани психического, являясь субъективными репрезентантами, средствами их чувственной данности. Складывается ситуация, близкая к той, которая обозначается понятие «дурной бесконечности» – какой бы предмет ни попадал во внимание исследователя, он непременно сопровождается его ощущаемостью со стороны субъекта. Они не просто даны, субъект, но во многом и образуют эту данность, а в результате – и феноменологическую репрезентированность психического субъекту. Проявляясь уже по отношению к относительно наименее сложным типам метакогнитивных феноменов – МКЧ, данное обстоятельство, как будет показано ниже, с еще большей отчетливостью эксплицируется по отношению ко всем иным – в том числе, и наиболее сложным метакогнитивным феноменам. За всем этим, по нашему мнению, необходимо видеть истинный смысл данной закономерности и принципиальное значение всех феноменов данного плана. По-видимому, все они являются частными проявлениями и, более того, парциальными механизмами, обеспечивающими в совокупности одно из наиболее важных, загадочных и фундаментальных свойств психики – свойство *самосензитивности*, самоданности, саморепрезентированности. Они атрибутивно сопряжены и с собственно рефлексивными процессами и меланомами организации психики, что позволит сформулировать ряд дополнительных суждений, способствующих раскрытию этого свойства.

В заключение рассмотрения феноменов данной группы подчеркнем еще одно обстоятельство. При современном уровне разработанности проблемы метакогнитивной феноменологии в целом и ее представленности в структуре деятельности, в особенности, речь может идти не столько о том, чтобы эксплицировать ее в полном виде, сколько о том, чтобы сформулировать общий подход к решению этой проблемы, а также предпринять попытку его реализации, равно как определить наиболее перспективные направления дальнейшего поиска. Именно это и было осуществлено в представленных выше материалах в отношении первой группы метакогнитивных феноменов – метакогнитивных чувств. И именно такой установки мы будем придерживаться в ходе дальнейшего анализа, направленного на экспликацию иных групп метакогнитивных феноменов.

3.3.2. Процессуальные феномены*

Вся совокупность представленных выше материалов создает необходимые и во многом достаточные предпосылки для дифференциации еще одной группы феноменологических проявлений метакогнитивного плана, являющейся столь же специфической, но одновременно – и качественно определенной, как и она сама. Дело в том, что проанализированная выше группа феноменов обладает глубинными и множественными связями самого разного характера – логическими, генетическими, историческими, традиционными с еще одной группой феноменов, которая, в то же время, эксплицируются с не меньшей очевидностью, чем она. В наиболее общем и принципиальном плане эта – вторая группа метакогнитивных феноменов – и в целом, и в ее преломлении по отношению к профессиональной деятельности (в том числе и информационного класса) соотносится уже не с категорией чувств, а с категорией *процессов*. Они – эти феномены локализуются, следовательно, на качественно ином и более сложном уровне структурной организации психики – процессуальном, чем и обусловлены их качественные отличия от уже рассмотренных феноменов. Вместе с тем, данное обстоятельство вскрывает и принципиальную – структурную, функциональную, генетическую и пр., преемственность данной группы к предыдущей. Дело в том, что ее отношения с предыдущей группой, фактически, воспроизводят все содержание межуровневых взаимодействий двух базовых уровней организации психики. С одной стороны, это уровень сенсорно-перцептивной организации психики, обеспечивающий, прежде всего, *чувственное* познание; с другой стороны, это процессуальный уровень ее организации, реализующий уже практически всю палитру *когнитивных* функций. Кроме того, данная группа характеризуется принципиальными и очевидными связями с предыдущей и в историческом, точнее – в историко-традиционном плане, поскольку она сопряжена с таким конструктом метакогнитивного направления, который является не менее, а пожалуй еще более традиционным и типичным, очень рано оформившимся в нем, нежели категория метакогнитивных чувств. Им, разумеется, является базовый конструкт всего этого направления – понятие метакогнитивных процессов.

* Параграф написан совместно с А. А. Карповым.

Более того, именно с данного конструкта в целом и двух его наиболее известных экспликаций – понятий метамышления и метапамяти вообще началось его развитие. Следовательно, в самом общем и принципиальном плане смысл и содержание всех феноменов данной группы как раз и состоит в том, что они соотносятся с уровнем процессуальной организации психики, с теми метапроцессуальными образованиями, которые формируются и функционируют на нем – прежде всего, повторяем, с метамышлением и метапамятью. Далее, данная группа характеризуется закономерными связями с предыдущей и в еще одном отношении – логическом, композиционном. Дело в том, что за основу экспликации всей метакогнитивной феноменологии нами был взят критерий их поступательного усложнения, движение так сказать от простого к сложному. В связи с этим, не только вполне очевидно, но и совершенно логично, что такое движение как раз и приводит с логической необходимостью к переходу от относительно менее сложного уровня к относительно более сложному – процессуальному. Наконец, между этими двумя группами существует и еще более имплицитные связи и отношения, которые одновременно выступают как проявления важной категории закономерностей организации психического – закономерностей *межуровневых* переходов и взаимодействий. Действительно, эти две группы и, соответственно, два уровня, с которыми они сопряжены, являются отнюдь не автономными, независимыми друг от друга, а напротив, характеризуются теснейшими взаимодействиями. Причем, очень характерно, что в основе такого рода взаимодействий лежит очень важный феномен, точнее – механизм, описанный в наших предыдущих работах и состоящий в следующем. В составе процессуального уровня представлен такой его компонент – сами ощущения, чувства, который одновременно является и ощущением, и процессом. Через это – уникально присущее ощущениям свойство и достигается «сплав» двух базовых уровней психического.

Итак, вторая основная группа метакогнитивных феноменов в наиболее общем и принципиальном плане сопряжена с основными метакогнитивными *процессами* и выступает как производная от их содержания и динамики. В свою очередь, это означает – опять-таки в самом общем плане, что ее основное содержание как раз и образовано теми феноменами, которые эксплицированы в метакогнитивизме и которые составляют одно из наиболее традиционных направлений в нем – феноменологическое. Разумеется, данное обстоятельство

заслуживает особого внимания, поскольку оно создает возможности для использования всего того богатого материала, который уже накоплен в этом направлении, для опоры на весь – также обширный опыт исследований и полученные в них данные. Фактически, в своей основной части весь феноменологический и даже – эмпирический базис метакогнитивизма образован теми результатами, которые получены именно при исследовании метакогнитивных процессов.

Нельзя не видеть и того, что в этом же обстоятельстве содержатся – хотя и в достаточно имплицитном виде, важные предпосылки и даже ориентиры для углубления и развития сложившихся традиционных представлений, для расширения общей феноменологической картины метакогнитивных явлений. Дело в том, что два указанных выше базовых конструкта – понятия метамышления и метапамяти, действительно, явились исходными (их еще обозначают как рудиментарные) для всего метакогнитивизма, а впоследствии именно вокруг них и происходило его становление и развитие. Однако, в ходе этого развития – по мере углубления представлений о сути и содержании метакогнитивной сферы становилось все более очевидным и то, что процессуальное содержание метакогниции, скорее всего, не сводится только к этим двум процессуальным образованиям, а включает иные – столь же значимые, но качественно отличные от них процессы. Развертывание исследований в данном направлении – в направлении поиска и установления дополнительных по отношению к известным метакогнитивных процессов, реализованное в последние годы, в том числе – и в наших работах [82, 83, 86, 87, 95, 99], подтвердило предположение об их существовании и позволило в итоге значительно расширить общий спектр процессуальных образований такого рода. Результаты этих исследований достаточно подробно освещены в указанных работах, что освобождает нас от необходимости их дублирования здесь; вместе с тем, те из них, которые имеют наиболее непосредственное и принципиальное значение для задач данной работы должны быть все же отмечены.

Как мы уже подчеркивали при характеристике содержания предмета современного метакогнитивизма, собственная логика его развития привела к необходимости концептуального расширения самой его сферы и обращения уже не только к *метакогнитивным* процессам, но и к *метарегулятивным*, *метаэмоциональным*, *метамотивационным* процессам. Тем самым общая категория метапроцессов подверглась

существенному обогащению. Однако, наряду с этим, необходимо дифференцировать и еще один вектор концептуального расширения представлений о процессуальном составе и содержании метакогнитивной сферы, также реализованный нами в специальном цикле работ. Смысл такого расширения может быть эксплицирован следующим образом. Так, предпринятая нами в [86] попытка систематизации состава вторичных процессов, выявила следующее значимое обстоятельство. Все их классы совершенно естественным образом соотносятся с основными – традиционно выделяемыми классами психических процессов в целом, то есть с первичными процессами (когнитивными, эмоциональными, мотивационными). В этом проявляется органичная преемственность категорий первичных и вторичных процессов и, более того, производность вторичных процессов по отношению к первичным. Сами же вторичные процессы отнюдь не «добавляются» и «дополнительно включаются» внешним образом в процессуальный состав психики. Напротив, они выступают органичными и естественными продуктами синтеза самих первичных процессов, результатом их организации и интеграции. Следовательно, наиболее общим и, в то же время, – обоснованным критерием для систематизации вторичных процессов должно выступать их комплексное соответствие с основными компонентами базового по отношению к ним уровня – уровня первичных процессов. С позиций данного критерия общий состав должен быть систематизирован, а все входящие в него классы процессов – проинтерпретированы следующим образом.

Во-первых, достаточно отчетливо дифференцируются две группы вторичных психических процессов, непосредственно соотносящихся с классом когнитивных процессов и выступающих продуктами их специфической организации. Первая из них образована классом процессов, который был обозначен нами как класс когнитивных *автоточесов*. Каждый из них соотносится с тем или иным первичным когнитивным процессом и представляет собой синтез двух основных модусов этих процессов – как операторов и как операндов, а в более общем плане единство двух их функций – инструментальной и онтологической. Тем самым каждый из когнитивных процессов выступает в удвоенной форме: предстает как единство субъективной и объективной реальности, как единство операционального и субстанционального. Именно данный феномен, а также обеспечивающие его механизмы

и лежат, по-видимому, в основе базовой – атрибутивной характеристики сознания – свойства самопрезентированности. Конечно, при этом пока во многом нераскрытыми остаются конкретные «механизмы этого механизма»; однако сам факт определяющей роли «феномена удвоения» посредством трансформации первичных когнитивных процессов во вторичные то есть в когнитивные автопроцессы, по-видимому, можно считать доказанным. С его позиций процессуальное содержание сознания, точнее – «процессуальное ядро» этого содержания как раз и раскрывается как *гетерархия когнитивных автопроцессов*.

Вторая группа, также непосредственно соотносящаяся с когнитивными процессами, образована традиционно дифференцирующимся классом метакогнитивных процессов. Более того, к сожалению, приходится констатировать не вполне корректную традицию соотнесения всех вторичных процессов только с метакогнитивными процессами, и даже ее исчерпанность ими. Дело в том, что в понятии вторичных – метакогнитивных процессов зафиксирован лишь один, хотя и очень важный их модус – *операторный*, суть которого состоит в том, что они в их процессуальном содержании рассматриваются как комплекс специфических операционных средств, направленных на организацию самих же когнитивных процессов. Однако, другой также определяющий их модус – *операндный* при этом не включается в содержание метакогнитивных процессов. В связи с этим, можно сделать два заключения. С одной стороны, без сомнения, метакогнитивные процессы – это один из важнейших классов вторичных процессов в целом. Однако, с другой стороны, при более детальном рассмотрении нельзя не видеть и того факта, что все метакогнитивные процессы это, строго говоря, составляющие когнитивных автопроцессов. Последние же выступают по отношению к ним как более общие, поскольку фиксируют не только операторный, но и операндный их модус; раскрывают содержание «вторичных» когнитивных процессов и в операторной и в операндной форме, и в инструментальной и в онтологической функции одновременно. Более того, можно вполне обоснованно считать, что и сами метакогнитивные процессы обретают свойство самопрезентированности лишь благодаря тому, что они выступают как составляющие когнитивных автопроцессов.

Во-вторых, столь же отчетливо дифференцируются и две группы вторичных процессов, непосредственно соотносящихся уже

не с базовыми когнитивными процессами, и не с когнитивной функцией психики в целом, а с ее регулятивной функцией. Первая из них образована классом *интегральных процессов* психической регуляции деятельности и поведения, подробная характеристика которых была представлена выше. Особо следует подчеркнуть, что во всем многообразии качественных особенностей этих процессов доминирующую роль играют две их черты, особенно значимые в плане рассматриваемых здесь вопросов. Так, все эти процессы по определению являются комплексными, синтетическими (именно интегральными), выступающими как продукты и результаты синтеза ряда иных – «первичных» процессов. Тем самым они являются именно атрибутивно «вторичными» процессами. Далее, в состав любого из них объективно входят, хотя и с разной степенью полноты, по существу, все классы первичных психических процессов, в том числе, разумеется, и первичные когнитивные процессы. Они, однако, представлены в интегральных процессах также в синтезированном виде, в том числе и в виде «вторичных» когнитивных процессов. Поэтому интегральные процессы в силу их синтетической природы, обязательно включают в свой состав и вторичные когнитивные процессы в целом, а также когнитивные автопроцессы, в частности. Именно это обстоятельство и обеспечивает феноменологически бесспорную осознаваемость этих процессов, то есть самопрезентированность.

Далее, вторая группа вторичных регулятивных процессов, формирующаяся, впрочем, на основе первой группы как продукт дальнейшего усложнения и организации входящих в нее процессов, обозначается как метарегулятивные процессы. Их атрибутивный признак состоит в том, что все они выступают продуктом «удвоения» самих интегральных процессов, то есть результатом реализации по отношению к каждому из них операционных средств самих этих процессов. В качестве примеров процессов такого рода «удвоения» интегральных процессов (то есть метарегулятивных процессов) выступают, скажем, известные процессы *метарешений*, *метопланирования*, *метаконтроля* и др. Все они – причем, даже в еще более явной и эксплицированной форме воспроизводят в себе две отмеченные выше главные особенности интегральных процессов – их синтетический, интегративный характер (то есть статус «вторичных») и включенность в них когнитивных автопроцессов, а следовательно, и их самопрезентированность.

В-третьих, аналогичная в принципиальных чертах картина может быть констатирована и по отношению к еще одному базовому классу первичных психических процессов – *мотивационных*. Здесь также на базе первичных процессуальных мотивационных образований могут складываться и реально складываются более комплексные, синтетические процессуальные образования, которые зафиксированы в понятии *метамотивационных* процессов. Следовательно, по этому признаку они также должны быть включены в состав вторичных психических процессов.

Наконец, в-четвертых, общий принцип «межпроцессуальной организации», заключающийся в синтезе первичных процессов и формировании на его основе вторичных процессов действует и по отношению к *эмоциональным* процессам. В связи с этим, появляются основания для дифференциации еще одного класса вторичных процессов – *метаэмоциональных*.

Таким образом, проведенный выше анализ позволяет зафиксировать три основных особенности метапроцессов как таковых, независимо от их видовой специфики. Во-первых, они носят принципиально неединичный характер, то есть предполагают синтез, как минимум, двух первичных процессов. Причем, в ряде случаев он носит характер «удвоения» самого первичного процесса (память о памяти – метاپамять, мышление о мышлении – метамышление). Во-вторых, все метапроцессы предполагают ту или иную организацию первичных процессов. Для этого, однако, используются операционные средства, заложенные в системе самих психических процессов. Такая организация возможна в том случае, если часть процессов выступит в своей инструментально» функции, а другая – в онтологической функции. Проще говоря, одни процессы должны быть направлены на организацию как таковую, а другие должны предоставлять материал для этого. Вместе с тем, этот материал должен быть адекватно воспринят – репрезентирован, что предполагает своеобразную «чувствительность» метапроцессов к первичным процессам, представленность в них механизмов самосензитивности. В-третьих, общая совокупность метапроцессов оказывается чрезвычайно гетерогенной не только по составу, но и по степени их сложности и по мере комплексности. Собственно говоря, эти три – ключевые особенности всех метапроцессов и придают им очевидное своеобразие по отношению к первичным процессам, обуславливают

недопустимость их редуцирования до класса первичных процессов, а также их существования как именно специфического класса и уровня интеграции в общей системе психических процессов.

Следует подчеркнуть, что по отношению к двум из указанных выше классов вторичных психических процессов – метамотивационным и метаэмоциональным, имеет место более сложная картина их включенности в процессуальное содержание сознания, чем та, которая характерна для метакогнитивных и метарегулятивных процессов. Дело в том, что в состав последних с необходимостью входят когнитивные автопроцессы, чем и достигается у них свойство самопрезентированности. Тем самым обеспечивается их непосредственная включенность в процессуальное обеспечение сознания.

По отношению к метамотивационным и метаэмоциональным процессам этого сказать никак нельзя, поскольку ни первые, ни вторые не включают в свой состав когнитивные автопроцессы. При этом, однако, действует несколько иная и еще более общая закономерность организации процессуального содержания психики в целом и каждого из его аспектов, частности, состоящая в следующем. Любой психический процесс может быть представлен и реально выступает, как показано выше, в единстве двух базовых модусов, двух функций – инструментальной и онтологической. Последнее означает, что те собственно процессуальные возможности и средства, которые атрибутивно присущи ему, могут реализовываться и по отношению к его же собственному содержанию. Такая реализация – «удвоение» процесса и обуславливает порождение нового качества, трансформацию первичного процесса во вторичный. Данное свойство является, повторяем, общим для всех классов психических процессов, в том числе – и для мотивационных, и для эмоциональных. Вместе с тем, оно может быть реализовано в двух формах. Если такая организация развертывается на множестве «первичных» когнитивных процессов или же – на множестве регулятивных процессов, которые также включают в себя «первичные» когнитивных процессы, то она с необходимостью предполагает вхождение в ее состав и когнитивных автопроцессов. Это и обеспечивает наличие у метакогнитивных и метарегулятивных процессов качества самопрезентированности, выступает основанием для их непосредственного включения в процессуальный состав сознания как такового. В связи с этим, по отношению к когнитивным и регулятивным процессам функция их самоорганиза-

ции непосредственно приводит к свойству их самопрезентированности; самоорганизация трансформируется в самопрезентацию.

Вместе с тем, по отношению к классам первичных мотивационных и эмоциональных процессов этого сказать никак нельзя, поскольку их самоорганизация приводит лишь к их усложнению – при сохранении, однако, у них общего и исходного качества (и в том и в другом случае «внекогнитивного»). Следовательно, их усложнение, самоорганизация сами по себе еще не ведут непосредственно к возникновению качества самопрезентированности. В таком случае, однако, возникает совершенно естественный вопрос: каким же образом он и также оказываются самопрезентированными, осознанными, образуют «непосредственную субъектную данность»? Предпринимаемая попытка ответа на данный вопрос, следует обратить внимание на важную закономерность организации «вторичных» психических процессов, обнаруживаемые, однако, не в плане анализа каждого из их классов «по отдельности», а в плане взаимодействия этих классов. Она состоит в том, что интегративные, синтетические эффекты, приводящие в итоге к формированию вторичных процессов, реально действуют и феноменологически проявляются не только так сказать во «внутриклассовой» плоскости, то есть в плоскости самоорганизации процессов одного и того же класса, но и в «межклассовой» плоскости. Другими словами, вторичные психические процессы могут выступать и реально выступают как эффекты комплексирования и интеграции «первичных» процессов разных классов. Данное обстоятельство в общем плане достаточно давно осознано в психологии и, более того, составляет одну из ее «аксиом»; оно многократно зафиксировано в понятийном и концептуальном аппарате психологии. Это, например, известный тезис о «единстве познания и аффекта», то есть, фактически, – о вхождении когнитивных компонентов в само содержание эмоциональных процессов (и наоборот). Это – и вхождение механизмов осознания, то есть также – когнитивных, в содержание мотивов и мотивационных процессов. Тем самым вторичные процессы двух классов – мотивационные и эмоциональные также обретают свойство самопрезентированности, но уже не за счет «внутриклассовой», а за счет «межклассовой» интеграции – за счет вхождения в их состав «вторичных» когнитивных процессов в целом и когнитивных автопроцессов, в особенности. Тем самым,

они, входя в процессуальное содержание «вторичных» – метамотивационных и метаэмоциональных процессов, обеспечивает по отношению к ним реализацию свойства самопрезентированности.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа проблема систематизации и структурной организации всего множества вторичных процессов решается достаточно естественным образом. Такое решение может быть представлено в виде следующей матрицы вторичных психических процессов (см. таблицу 4).

Таблица 4

Матрица вторичных психических процессов

<i>Основные классы психических процессов</i>	<i>Когнитивные</i>	<i>Регулятивные</i>	<i>Эмоциональные</i>	<i>Мотивационные</i>
Когнитивные	1	2	3	4
Регулятивные		5	6	7
Эмоциональные			8	9
Мотивационные				10

Можно видеть, что общее множество вторичных процессов является производным от эффектов взаимодействия иных, прежде всего, первичных психических процессов всех традиционно дифференцированных классов. Оно при этом включает два подмножества. Одно из них локализовано в соответствующих ячейках матрицы, образующих ее диагональ (№№ 1, 5, 8, 10). Это такие вторичные процессы, которые являются эффектом самоорганизации «внутриклассового» типа и включают в свой состав когнитивные автопроцессы, метакогнитивные процессы, интегральные процессы, метарегулятивные процессы, метамотивационные и метаэмоциональные процессы. Другое подмножество включает в свой состав такие вторичные процессы, которые, напротив, являются эффектом «межклассовой» организации и интеграции первичных психических процессов. Они локализованы в ячейку» матрицы, расположенных над ее диагональю. Так, например, ячейка № 3 включает широко изучающиеся процессы синтетического (то есть именно метапроцессуального) плана, наиболее обобщающим термином для обозначения которых является понятие когнитивного мониторинга за эмоциями и эмоциональными процессами. Они наиболее

интенсивно изучаются в настоящее время в исследованиях эмоционального интеллекта. Еще одной – очень показательной в плане рассматриваемой схемы является содержание ячейки № 4 – в ней локализованы процессы организации мотивационной сферы личности. Вся их совокупность приводит к двум фундаментальным эффектам, к двум закономерностям. Во-первых, вся мотивационная сфера личности обретает целостность организации и основные черты системности строения, что отражено в базовых принципах ее организации (иерархичности, смысловой интеграции, динамичности и др. [141]). Во-вторых, благодаря, прежде всего, когнитивным механизмам и, соответственно, когнитивным процессам достигается синтез и взаимообратимость двух важнейших типов детерминации поведения и деятельности – собственно мотивационной и стимульной, а в более широком плане – синтез «мотивации влечения» и «мотивации долженствования».

В плане иллюстрации положения о «межклассовой» интеграции как источника порождения метапроцессов показательно, далее, содержание ячейки № 9. Дело в том, что очень часто однажды пережитая положительная эмоция, закрепленная затем в эмоциональной памяти, может становиться и реально становится очень сильным мотивом для того, чтобы ее вновь испытать. Тем самым «на стыке» мотивационных и эмоциональных процессов формируется качественно новое процессуальное образование, несводимое ни к одному из двух его «составляющих» и имеющее поэтому метапроцессуальную природу.

Итак, можно видеть, что картина метапроцессов является достаточно дифференцированной и включает целый ряд их основных классов и разновидностей. Вместе с тем, на наш взгляд, было бы преждевременным полагать, что даже такая – повторяем, существенно более дифференцированная картина, нежели это полагается традиционно (то есть сведение всех метапроцессов лишь к метакогнитивным процессам), является окончательной и завершенной. Тому есть, как минимум, две главные причины. Во-первых, в основу предложенной классификации, отображающей структуру метапроцессов, положена базовая дифференциация всех первичных процессов на когнитивные, регулятивные, мотивационные, эмоциональные. И хотя именно эти классы первичных процессов, действительно, являются основными, все же нет достаточных оснований полагать, что они (то есть – известные в настоящее время) исчерпывают все процессуальное содержание пси-

хики. Во-вторых, мы вполне отдаем отчет и в том, что предложенная систематика, базирующаяся на комбинации четырех базовых классов первичных процессов, хотя и возможна (а исходя из современного состояния данной проблемы – и наиболее естественна), она, по-видимому, не является единственно возможной. Допустимы и иные варианты построения такого рода систематики, которые, не исключено, приведут к выявлению дополнительных классов метапроцессов.

Все изложенное свидетельствует о том, что основа – процессуальная база для порождения феноменологии метакогнитивного плана существенно расширяется, поскольку в нее включаются качественно новые процессуальные образования. И именно потому, что они являются качественно специфическими, в них и через них возникают соответствующие им – также новые феномены метакогнитивного плана (см. ниже).

Представленная выше – существенно расширенная процессуальная база метакогнитивных феноменов не только открывает новые перспективы для поиска дополнительных по отношению к известным феноменов, но и позволяет несколько иначе, чем это принято традиционно, осмыслить уже известные феномены. Кроме того, и сами эти феномены раскрываются в дополнительной функции – в качестве средств раскрытия особенностей и закономерностей организации самих процессов, в которых они порождаются и реализуются. *Анализ феноменов трансформируется в феноменологический анализ.*

Эти заключения достаточно общего и, в основном, методологического плана, имеют, однако, самое непосредственное отношение к сути рассматриваемых здесь вопросов и, к тому же, очевидностью эксплицируют те эмпирические референты, в которых они проявляются и которые, в свою очередь, верифицируют их обоснованность и конструктивность. В этом плане, пожалуй, наиболее демонстративным является такой широко известный феномен (впрочем, не только феномен, но и операционное средство), как *мнемотехника*. В связи с этим нам придется обратиться к вопросам достаточно общего плана. На первый взгляд, такие вопросы не связаны непосредственно с основными задачами данного изложения, но, в действительности, без обращения к ним решение этих задач практически невозможно.

Как известно, одним из наиболее общих положений, сформулированных при изучении психических процессов, является положение, согласно которому сущность любого процессуально-психологическо-

го образования, а также его содержание, взятое и в его качественной определенности, и в его качественной специфичности, связано именно с его *операционным составом* и, фактически, детерминировано им. Известно также, что особенно явно это представлено по отношению к когнитивным процессам. Так, полагается, что сама суть любого психического процесса в целом и специфика каждого из них, в отдельности, определяется его собственно операционным составом. О психических процессах как таковых вообще можно говорить лишь в том случае, если в предмете того или иного психологического исследования феноменологически зафиксирован операционный состав как таковой. И наоборот, наличие операционного состава являться критически значимым» – атрибутивным признаком для отнесения того или иного предмета психологического исследования именно к категории психических процессов. Именно наличие операционного состава составляет сущность любого психического процесса. Операционный состав вообще в определяющей мере конституирует качественную определенность содержания любого психического процесса. Он же обуславливает и качественную специфичность любого психического процесса по отношению ко всем иным процессам. И наоборот, отсутствие этого атрибута является наилучшим и наиболее надежным индикатором не-принадлежности того или иного предмета исследования к категории психических процессов.

Следовательно, операционный состав, образующий основное содержание любого процесса, выступает и таким его аспектом, который является не только объективно основным, но и во многом конституирует его. Поэтому именно через обращение к понятию операционного состава и через его приоритетное исследование – в том числе и в плане его временной организации открываются наиболее благоприятные перспективы для исследования психических процессов. Данное положение вновь подчеркивает ведущую и определяющую роль именно операций для раскрытия содержанию любого процесса, равно как и для определения специфики их связей и отношений друг с другом.

Необходимо учитывать и еще одну важную закономерность процессуальной организации, которая состоит в том, что базовые психические процессы могут не только менять, но и, фактически, инвертировать свой исходный статус активных операционных образований, становясь относительно пассивными образованиями. Это составляет суть феномена операндно-операторной обратимости, состоящего в том, что исход-

ный статус процессов – операционный трансформируется во вторичный статус – операндный. Как отмечал в этой связи С. Л. Рубинштейн, психические процессы – это не только то, *чем познается*, но и то, *что познается* [174]. В результате процессы обретают новую и, по существу, уникальную способность быть направленными и реализованными в отношении самих же себя. Вместе с тем, как показано в наших работах, не только мышление или память в целом», но и любая их локальная (но одновременно – и базовая) «составляющая», то есть операция, обретает способность к «удвоению». На основе этого могут складываться и реально складываются операции «второго» порядка – *метаоперации*, а также, по-видимому, и операции еще более высоких порядков.

Базовыми «единицами» этих процессов – их основными структурными компонентами, как это и предписывается теоретическими представлениями, сложившимися в психологии мышления, выступают отдельные мыслительные операции. Точнее, в этом качестве выступают не все из них, а те, которые дифференцированы в качестве именно основных – исходных, «первичных» и которые составляют основу традиционных представлений об операционном составе мышления (как известно, это операции анализа, синтеза, конкретизации, абстрагирования, обобщения, сравнения и др.).

Из сказанного следует также, что именно операции выступают базовыми компонентами организации процессуально-психологических образований. В связи с этим, следует обязательно учитывать, что одним из важнейших свойств самих компонентов систем – в том числе, процессуальных, являются имманентно присущие им генеративно-порождающие интенции – своего рода способность к саморазвитию, к самотрансформации и порождению на этой основе новых структурных образующих. Особо важно при этом, что необходимые и достаточные условия для этого содержатся в самой совокупности компонентов: новые структурные уровни формируются не за счет «привнесения» нового содержания извне, а именно за счет новой организации совокупности компонентов. Однако, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что именно это не только имеет место в организации процесса метамышления, но и составляет самую его суть; поясним сказанное. Мы уже отмечали один из основных механизмов, выявленных и охарактеризованных в исследованиях метакогнитивных процессов и обозначаемый как механизм операндно-операторной обратимости. Он состоит в том,

что первичные когнитивные процессы могут реализовываться в отношении их же самих; они при этом трансформируются из активных операторов в относительно пассивные операнды. Однако то же самое имеет место не только к процессам в целом, но и к тем «составляющим», их которых они образованы. Тем самым, возникает важнейший по своей значимости и последствиям феномен «удвоения» операций: их комплексирования и возникновения качественно новых процессуальных образований – «вторичных», производных, то есть, по существу, метаопераций.

Вместе с тем, именно за счет этого порождается и новое качество, возникает новая качественная определенность: если первичные операции или операции «первого порядка» образуют качественную определенность мышления, то метаоперации лежат в основе порождения иной качественной определенности – содержания метамышления. Причем, порождение этой новой качественной определенности происходит без привлечения каких-либо дополнительных процессуальных и операционных средств, а осуществляется за счет своих собственных ресурсов – на основе указанного выше механизма.

Однако именно это же имеет место в метаоперационной форме организации переработки информации. Вследствие этого, появляются новые – уникальные и практически неограниченные возможности процедуральной организации переработки информации, образованные различными вариантами синтезирования «первичных» операций. Сам же состав метаопераций выступает как значительно более обширный, чем состав «первичных» операций. Более того, он, как подчеркивалось выше, является принципиально открытым, поскольку предполагает возможность возникновения все новых паттернов, образуемых синтезами «первичных» компонентов (в данном случае – операций).

Следует учитывать, что новые операционные образования могут генерироваться не только на основе принципа комплексирования уже существующих – известных в теории мышления базовых операций, но и на основе порождения новых операционных образований. При этом, однако, следует учитывать факт недостаточной разработанности самой проблемы дифференциации базовых мыслительных операций, а также нерешенность вопроса о достаточности их традиционного набора, равно как и об отсутствии критерия определения такой достаточности. Далее, в данной связи возникает и еще один важный вопрос: следует ли дифференцировать эти – базовые операции от иных, более вари-

тивных и производных от них и формируемых на их основе? Наряду с этим, такого рода операции, усложняясь и специфицируясь, могут все более сближаться с теми, которые известны в психологии мышления и обозначаются понятием *эвристик*. И здесь можно провести аналогию между рассмотренными генеративно-порождающими эффектами мыслительного плана и аналогичными процессами в мнемической сфере. Не исключено, что в перспективе возможна разработка представлений о своеобразном «мыслительном аналоге» понятия мнемотехники, которое можно обозначить как *когитотехника*.

Наконец, генеративно-порождающие процессы могут развертываться и в еще более специфицированном виде, приводя к формированию уже не только эвристик, но и тех или иных обобщенных способов, стратегий когнитивного и метакогнитивного плана. По-видимому, мышление, обращенное на себя, реализуют продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении преобразования самого себя. С этой точки зрения метамышление – это и есть своеобразный «функциональный орган», порождаемый мышлением как средство его же собственного усиления, расширения потенциала. Оно выступает как продукт «оборачивания» его же операционно-процессуального содержания на самого себя и продуцирования на этой основе новых возможностей.

Более того, по нашему мнению, на основе этого можно высказать и еще одно предположение. По-видимому, в силу принципиальной общности рассмотренных механизмов генеративно-порождающего плана по отношению ко всем когнитивным процессам, направленным на их «самостроительство», в структуре каждого из них формируется специфический и дополнительный по отношению к набору их базовых операций операционный фонд. Как уже отмечалось, наиболее явно он представлен по отношению к мнемическим процессам и зафиксирован в понятии мнемотехники. Однако, он не менее очевиден и для мышления, выступая в форме когитотехники в целом и эвристик, в частности. Общей чертой всех этих операционных образований является то, что они выступают продуктом операционной обратимости – направленности базовых когнитивных операций на их самих и формировании на основе этого новых продуктивных операций. В силу этого, они могут быть объединены общим понятием *метатехники*.

С позиций развитых выше представлений достаточно неожиданно, на первый взгляд, стороной раскрывается один из наиболее важных механизмов функциональной организации мышления, охарактеризованный в свое время С. Л. Рубинштейном. Это механизм, который сам автор обозначал как «анализ через синтез» и который он рассматривал не просто как важный, а как «основной нерв мышления». Его суть, как известно, состоит в следующем. «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом как бы «вычерпывается» все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [173]. Обратим, однако, внимание на то, что сутью и специфическим содержанием самого этого «нерва», то есть, фактически, «механизмом самого этого механизма», а следовательно, – и его объяснением являются не что иное как описанные выше закономерности метаоперационного плана. Действительно, трудно не видеть того очевидного факта, что содержанием и сутью «анализа через синтез» как раз и является комплексирование двух базовых мыслительных операций – анализа и синтеза. Со всей очевидностью вскрывается то – важнейшее обстоятельство, что сам этот «нерв» фактически и является метаоперационным образованием.

В свою очередь, данный факт позволяет выявить и обстоятельство еще более общего и принципиального характера. Оно состоит в том, что, наряду с указанным и уже известным метаоперационным образованием, в психологии мышления достаточно давно дифференцированы и иные – подобные ему образования. Это, в частности такие составные, то есть метаоперационные образования, как, скажем, конкретизирующая абстракция или описанный в [174] «синтез через анализ». Таким образом, эти – установленные независимо от развиваемых здесь представлений результаты являются важными аргументами в пользу обоснованности самих этих представлений. С их позиций становится очевидным, что в психологии мышления уже давно складывались эмпирические предпосылки, а одновременно – и доказательства существования качественно специфического уровня его организации – метаоперационного.

Констатируя это, необходимо, однако, сделать следующее – принципиально важное, на наш взгляд, уточнение. Дело в том, что все рас-

смотренные случаи связаны с комплексированием лишь тех операций, которые входят в процессуальное содержание только самого процесса мышления. Однако сама суть метакогнитивных процессов состоит еще и в том, что в их форме какой-либо первичный когнитивный процесс может реализовываться не только в отношении самого себя, в результате чего и возникают наиболее известные из них – метапамять, метамышление. Дело еще и в том, что тот или иной когнитивный процесс может реализовываться в отношении *других* когнитивных процессов [86]. Поэтому, наряду с метакогнитивными автопроцессами, существуют еще и метакогнитивные гетеропроцессы [95]. Так, наиболее явной иллюстрацией этого является уже отмечавшаяся мнемотехника. По самой своей сути она представляет собой синтез операционного состава двух разных «первичных» когнитивных процессов – памяти и мышления.

В результате этого формирующиеся метакогнитивные операционные паттерны еще более усложняются, а их общий состав существенно расширяется. Однако, истинная суть имеющих место трансформаций и процессуального обогащения состоит даже не в этом (хотя такое расширение также очень важно и само по себе). Дело еще и в том, что, как мы уже отмечали, возникает совершенно новая разновидность самих метакогнитивных процессов – *гетеропроцессы*. В них, точнее – в их совокупности каждый первичный когнитивный процесс оказывается (потенциально или реально) направленным в отношении всех иных. Причем, это, разумеется, в первую очередь относится именно к процессу мышления. Оно также может направляться не только на само себя (в результате чего и возникает метамышление), но и на все иные когнитивные процессы. Более того, такая переориентация может происходить не только в отношении когнитивных процессов, но и в отношении процессов всех иных классов – мотивационных, эмоциональных, волевых, регулятивных, коммуникативных и пр.

Необходимо обратить внимание и на еще одно достаточно значимое положение. Дело в том, что детерминационное влияние одних операций на другие (точнее – операций принадлежащих к разным когнитивным процессам) может быть принципиально разным – противоположным по направленности. С одной стороны, операции – например, мнемические могут «привлекать и эксплуатировать» в целях своей оптимизации операции, соотносящиеся с другими процессами – скажем, с мышлением и тем самым оказывать на них детерминаци-

онное влияние. В результате этого, собственно говоря, и возникает феномен мнемотехники как таковой. Аналогичным образом, по отношению к перцептивным операциям и к перцепции в целом также могут привлекаться операционные средства мышления, что в итоге приводит к известным феноменам когнитивной схематизации самой перцепции. Мыслительные операции могут «накладываться» и на операционный состав воображения, что в итоге также приводит к хорошо известным феноменам имагинативного плана – агглютинации, гиперболизации и пр. Подчеркнем, что такого рода наложение носит, в основном, произвольный – меткогнитивно контролируемый характер, является субъектно управляемым, а потому – субъективным и, следовательно, принципиально подверженным аберрациям.

Однако, с другой стороны, такое межоперационное взаимодействие может носить и противоположный характер по своей направленности – не снизу-вверх, а сверху-вниз. Причем, оно является еще более характерным и представленным – настолько обычным, что перестает замечаться и учитываться. Действительно, мышление и его операционный состав как процессуальное образование, локализованное на высшем уровне когнитивной иерархии и объективно базирующееся на всех нижележащих уровнях, столь же объективно и обязательно вовлекает в себя в процесс своей реализации все операции, присущие процессам, локализованным на них. Имеет место все то же заимствование, но представленное уже не в виде субъектно-контролируемого метакогнитивного процесса, а в виде объективно развертывающего синтезирования операций практически всех ниже-локализованных когнитивных процессов. Более того, мышление во многом вообще и состоит в таком синтезе, что, впрочем, не только не меняет сути дела, но наоборот подчеркивает общность данного принципа.

Вся совокупность такого рода переориентаций, фактически, и означает самопрезентацию психикой своего же собственно содержания в целом – то, что в более традиционной терминологии обозначается понятием *рефлексии*. Необходимо учитывать также, что именно этот макропроцесс является таким средством, благодаря которому обеспечивается именно целостное самовосприятие (саморепрезентация) психикой самой себя. В составе рефлексии метакогнитивные процессы, синтезируясь в целостность, обретают новую качественную определенность; они выступают целостно, то есть в форме самого этого макропроцесса.

С позиций сформулированных выше представлений открываются, в частности, дополнительные возможности для решения одного из самых трудных и запутанных вопросов всей теории психических процессов. Это вопрос о принципиальной невозможности четкого и строгого – так сказать дизъюнктивного разделения отдельных процессов друг от друга, невозможность их дифференциации «в чистом виде», в автономной друг от друга форме и пр. В еще более общем плане эта же трудность заключается в принципиальной «полносвязности» всей системы психических процессов, в их организации по типу «абсолютного целого». Вместе с тем, с позиций представлений о сути и специфичности тех метаопераций, которые формируются не в пределах одного и того же когнитивного процесса, а во взаимодействии с ними, данный вопрос становится несколько более понятным. Более того, выделяются и конкретные средства, а в определенном смысле – и механизмы такой «взаимовключенности» и принципиальной неразделимости. Дело в том, что каждая из метаопераций такого рода – это и есть относительно простейший синтез двух каких-либо когнитивных процессов. Причем, такого рода синтезы могут реализовываться в отношении каждой возможной пары когнитивных процессов. Кроме того, с этих позиций наполняется неожиданно глубоким смыслом одно – высказывающееся рядом авторов положение [269]. Согласно ему, понятие метакогнитивных процессов выступает своеобразным «клеем», синтезирующим отдельные направления их исследований. Действительно, одна из наиболее характерных черт метакогнитивизма заключается в том, что оно стало связующим звеном и своеобразным «мостом» между многими современными направлениями психологических исследований. Так, в частности, оно вступает связующим звеном между психологией памяти и психологией принятия решений; между исследованиями обучаемости и проблемой мотивации; между проблемой научения и когнитивной психологией и др. Дело, однако, заключается еще и в том, что о такого рода «клее» необходимо говорить не только так сказать в гносеологическом смысле – как средстве синтеза тех или иных исследовательских направлений, но и в онтологическом смысле. Метакогнитивные процессы выступают в качестве средств синтеза когнитивных процессов друг с другом, равно как и их интеграции в целостную систему. Именно метакогнитивные гетеропроцессы как раз и являются базовыми средствами такой интеграции.

Итак, выше мы остановились на вопросах достаточно общего плана, обращение к которым, однако, совершенно необходимо, поскольку без этого практически невозможно уяснить истинный смысл наиболее значимых феноменов и закономерностей метакогнитивных процессов в целом и процессов метамышления и меапамяти, в частности. В результате проведенного анализа, действительно, эксплицируются те базовые средства и частично – механизмы, которые обеспечивают генезис и функционирование этих процессов, равно как и установление их конкретных операционных средств, фенологическими проявлениями которых выступают, в том числе, известные средства мнемотехнического типа.

Вместе с тем, на основе проведенного анализа можно сделать и ряд дополнительных и также значимых в контексте главных задач данной работы заключений. Дело в том, что именно анализ этой группы, то есть процессуальных феноменов метакогнитивного плана, взятый на обобщенном уровне их представленности – их интеграции в целостность, каковой выступает макропроцесс *рефлексии*, позволяет существенно расширить сферу проводимого здесь рассмотрения. Так, при анализе феноменов первой группы был зафиксирован факт, согласно которому метакогнитивные, то есть собственно рефлексивные детерминанты могут оказывать *трансформирующее* влияние на меру и характер действия тех закономерностей, которые лежат в основе целого ряда значимых компонентов психики – в частности, процессов приятия решения и индивидуальных качеств личности. Сами эти закономерности обретают в итоге такого влияния своего рода вторичную – рефлексивно-опосредствованную форму, а рефлексия эксплицируется как мощный фактор расширения всей феноменологической картину психического. В силу важности данного аспекта рефлексивной детерминации феноменологии психического, представляется целесообразным остановиться на нем подробнее.

По нашему мнению, необходимо со всей определенностью не только осознать, но и реализовать в целях осуществления феноменологического анализа метакогнитивных феноменов следующее – очень общее и именно поэтому – фундаментальное положение. Именно рефлексия как базовое процессуальное средство сознания и есть главный источник – своего рода «порождающий» процесс практически для любого феномена метакогнитивного плана. В силу этого, она сама по себе и есть не что иное как носитель всей феноменологии психического,

точнее, она сама – это и есть феноменология, взятая в ее непосредственном виде и в ее сущностных характеристиках. Будучи неразрывно – атрибутивно сопряженной с сознанием, она в целом и любое парциальное ее проявление является метакогнитивным именно по определению: сознание и все, что его составляет – это всегда нечто представленное именно со-знанием, то есть сопряженное с неким первичным носителем, в модусе которого выступает именно знание. В этом плане со-знание – это и есть всегда метазнание; осознание всегда предполагает то, что ему подлежит. Со-знание всегда некая метаплоскость по отношению к знаниям. В этом плане можно говорить и о том, что сам метакогнитивизм – это, фактически, ренессанс психологии сознания, но на современном уровне представлений о нем – представлений гораздо более дифференцированных и богатых по содержанию, но сходных по сути с ней самой. Аналогичным образом, и та роль, которую играет рефлексия, а шире – и осознанная регуляция по отношению к деятельности также беспрецедентна. Практически все то, что составляет содержание такой – осознанной регуляции деятельности, одновременно не только может, но и должно трактоваться как специфически метакогнитивная феноменология. В этом плане все исследования рефлексивной детерминации деятельности – это одновременно и исследования ее метакогнитивных сторон – в том числе, и ее феноменологии, взятой метакогнитивном «измерении». И именно это обстоятельство должно быть основным для определения сути и направленности дальнейшего рассмотрения феноменов данной группы, определяя, в частности, необходимость его детализированного и достаточно развернутого анализа на основе именно базовой калории рефлексии.

Действительно, в представленных выше материалах было показано, что степень рефлексивной детерминации – ее влияния настолько велика, что она может не только трансформировать действие тех или иных закономерностей, но и полностью блокировать их, ингибировать проявление того или иного качества или даже менять характер (направленность) его влияния на противоположный. Иными словами, рефлексивность значимо регулирует и характер, и уровень проявления многих других закономерностей и качеств субъекта. Кроме того, и влияние на деятельность иных – средовых и ситуационных факторов также опосредствуется, как правило, рефлексивным контролем. В силу этого, в реальных условиях и профессиональной деятельности, и в ситуациях по-

вседневного поведения проявления любого индивидуального качества выступают не абсолютными – стабильными, стационарными, а принципиально вариативными – рефлексивно-относительными. Характер и степень рефлексивного контроля значимо детерминируют диагностируемый и вообще – наблюдаемый уровень проявления любого индивидуального качества и поэтому – в определенном смысле входит в состав индивидуального качества, в понятие уровня его развития.

Наряду с этим, принцип рефлексивной относительности должен быть реализован и по отношению к самому свойству рефлексивности. Субъект может рефлексивно контролировать характер и степень интенсивности самого «рефлексивного мониторинга» за своей деятельностью и тем самым – значимо влиять на ее организацию, на процессуальные характеристики и результативные параметры. В плане изучения данной закономерности существенный интерес представляет ряд выполненных в последнее время работ [73, 74, 75, 79, 82, 87, 89, 102, 105]. В них показано, что истинная сложность и реальная многоплановость рефлексивной детерминации по отношению к ней же самой состоит не только в том, что субъект может фасилитировать ее действие (и тогда возникает то, что обычно обозначается как рефлексия «второго порядка», рефлексия «третьего порядка» и др.), но и ингибировать ее. В ряде случаев такая ингибция может быть выражена настолько, что, фактически, имеет место блокада этих механизмов [69]. В результате этого происходит своего рода «аннигиляция» рефлексивного контроля за организацией деятельности. Можно видеть, что данный феномен функционально подобен известной «эвристике блокады когнитивного контроля». Однако в нем речь идет о блокаде именно метакогнитивного контроля.

Все представленные выше материалы весьма рельефно и комплексно свидетельствуют о существовании следующей – по-видимому, фундаментальной по своему смыслу закономерности. Характер и даже сама мера проявления тех или иных закономерностей, равно как и индивидуальных качеств не только не является, но и не должна являться стационарной, неизменной, но напротив, она должна выступать как ситуационно-зависимая и личностно-регулируемая. При этом ведущую и определяющую – собственно регулятивную роль в том, каким образом будет представлена эта мера, играют средства и механизмы собственно рефлексивного плана. Следовательно, не только можно, но и необходимо считать, что должны существовать и такие средства – такие способ-

ности, качества, свойства – вообще такие возможности, которые обеспечивали бы все это. Другими словами, возникает вполне обоснованное предположение, согласно которому должны существовать определенные средства, механизмы, процессы и пр., проявляющиеся, соответственно, в тех или иных качествах как их итоговых эффектах, которые направлены на то, чтобы регулировать характер и меру проявления всех других качеств. Это своего рода качества, позволяющие «распоряжаться своими качествами» – «вторичные» качества. Они направлены на то, чтобы максимально эффективно использовать арсенал иных – так сказать, «первичных» качеств. По отношению к ним также должно быть применено именно это понятие – понятие качества, поскольку такого рода образования, несомненно, составляют очень важную сторону субъектной регуляции поведения и, следовательно, важную грань самой субъектности, а потому со столь же очевидной несомненностью входят в состав всей качественной определенности личности. Они эксплицируют то, в какой мере и в каком аспекте, а также с какой полнотой субъект владеет своими качествами; в какой мере он выступает именно субъектом своей качественной определенности, своей самости (которая в значительной мере и образована всей системой его индивидуальных качеств). Кроме того, очень важно подчеркнуть и то, что именно данное понятие – понятия индивидуальных качеств атрибутивно сопряжено еще и с принципиальными различиями в мере выраженности. Следовательно, эти «вторичные» качества также должны иметь ее, что вполне адекватно отражает саму их суть – непреложный с эмпирической точки зрения и феноменологически очень явный факт существенных, а порой и кардинальных индивидуальных различий в том, насколько представлены различия индивидов в способности владеть своими качествами. Это – различия в способности изменять характер и меру их проявлений в зависимости от ситуации (а в более обыденной терминологии, например, «владеть собой», «управлять собой» и пр.). «Вторичные» качества, так же как первичные», по-видимому, имеют индивидуальную меру выраженности, сформированности; тем самым, они удовлетворяют всем атрибутивным свойствам и критериям индивидуальных качеств как таковых. По отношению к ним вполне может быть применен и термин метакачества, поскольку они выступают именно метаобразованиями, а «предметом их приложения» выступают опять-таки качества, но «первичные». Причем, данный термин должен быть проинтерпретирован

не только в том смысле, что они являются более сложными, нежели иные качества, а в том плане, что они выступают именно как производные, «вторичные» и направленные на такие образования, которые сами также являются качествами.

Следует, конечно, подчеркнуть, что степень широты и систематичности – так сказать, повсеместности и распространенности проявления этих качеств, а также их роль в организации реального поведения, деятельности и общения такова, что возникает еще более принципиальный вопрос. Что вообще – по отношению к конкретному индивиду следует считать, так сказать, его истинными качествами? Либо это качества, еще *не подвергнутые* контролю со стороны «вторичных» качеств и не прошедшие «цензуру» с их стороны, равно как и процедуры рефлексивного опосредствования? Либо же это те их проявления (в том числе и в мере выраженности), которые уже выступают *эффектами влияния* с их стороны? Но в таком случае возникает другой – еще более сложный вопрос: по отношению к каким ситуациям и личностным контекстам рассматривать вариации этой меры. Так, например, возникает вопрос: что именно следует считать истинным («настоящим») уровнем развития свойства интернальности? Либо общую интернальность, либо то или иное ее основное проявление (но тогда возникает вопрос о том, что же именно является таким – «основным» проявлением)? Дело в том, что данное свойство, равно, как, впрочем, и целый ряд иных личностных качеств, обладает свойством парциальности: оно представлено в значимо разной мере выраженности по отношению к различным жизненным сферам (например, бытовой сфере, отношению к здоровью, профессиональной сфере и др.). Наконец, возникает и максимально общий и наиболее принципиальный вопрос: что вообще образует личность? Либо это система ее «первичных» качеств, либо же это совокупность тех вариаций – тех «превращенных форм» качеств, которые генерируются посредством наложения на них «вторичных» качеств⁴³. Во всем этом, по нашему мнению, находит проявление одна из наиболее общих и важных закономерностей рефлексивной, метакогнитивной регуляции психики и ее регулятивных функций по отношению к деятельности.

⁴³ В этом плане очень показательна этимология понятия «личность». Личность – это одновременно и то, что *раскрывает*, эксплицирует человека, то есть его *лицо*, и то, что *скрывает*, прячет маской, являясь его *личиною*.

Итак, можно видеть, что детерминационная роль рефлексивности (как свойства личности) и рефлексии (как психического процесса, точнее – макропроцесса) не просто является очень выраженной и комплексной, но и характеризуется развернутой системой присущих ей достаточно инвариантных закономерностей, а также особенностей и феноменологических эффектов. Очень показательно и то, что по отношению к этим закономерностям существенно более адекватен именно термин «система», а не «совокупность», поскольку все они не являются не только независимыми друг от друга или просто – рядоположенными, но, напротив, характеризуются чертами внутренней согласованности и взаимодополняемости. Данное обстоятельство уже само по себе является достаточно веским основанием для предположения о том, что все эти детерминационные закономерности также детерминированы чем-либо, то есть имеют какую-либо более общую для них, хотя и имплицитную причину (или причины); что они сами детерминируются ей. Тем самым, возникает необходимость объяснения этих данных. Разумеется, в силу высокой сложности рассматриваемых вопросов, такое объяснение может быть лишь тем или иным приближением к решению поставленной задачи, но никак не исчерпывающим ее решением; вместе с тем, попытка его осуществления совершенно необходима, что и составит предмет дальнейшего рассмотрения.

Решение сформулированных вопросов осложняется еще и тем, что при их исследовании все еще продолжают доминировать эмпирические подходы и описательные схемы изучения. Однако, недостаточно раскрытым остается ключевой вопрос – вопрос о сути, специфике и механизмах, а также конкретных средствах реализации рефлексивной регуляции как таковой. Он не только остается явно недостаточно раскрытым, но и находится как бы «на периферии» исследований. Последнее объясняется, конечно, отнюдь не тем, что его значимость не осознается исследователями, а тем, что он объективно наиболее сложен и, следовательно, труднее доступен изучению, что и «выталкивает» его на второй план исследовательской практики.

Переходя к попытке рассмотрения данного вопроса, в качестве отправного пункта необходимо, на наш взгляд, констатировать общий смысл, сложившийся к настоящему времени ситуации в отношении рефлексивной регуляции ситуации. Он состоит в следующем. В общетеоретическом и методологическом плане вполне отчетливо осознает-

ся, что параметр рефлексивности в целом является не просто «очень важным» в плане обеспечения деятельности и поведения, а часто – вообще основным и наиболее специфическим. Именно он придает сложность, многогранность, противоречивость и, в конечном итоге, – уникальность тому, что обычно обозначается понятием «осознанная, произвольная регуляция деятельности». Следовательно, исходя из значимости и уникальности данного параметра, можно было бы ожидать и аналогичного – комплексного и всеобъемлющего его проявления в системе закономерностей организации деятельности, поведения, структуры личности. Этого, однако, не наблюдается, а современная психология (и общая, и социальная, и управленческая) располагает непропорционально малым объемом конкретных, а тем более – эмпирически и экспериментально установленных закономерностей, обусловленных параметром рефлексивности, и связывающих его с иными характеристиками деятельности, поведения, личности. Очень многие связи между базовыми характеристиками деятельности и рефлексивности, личности и рефлексивности остаются не эксплицированными в явном виде. Но в таком случае и возникает резонный вопрос: почему же, несмотря на свою практически единодушно разделяемую исследователями – огромную и уникальную роль, рефлексия как процесс и рефлексивность как личностное свойство так скупо и фрагментарно представлена в системе известных сегодня закономерностей? Означает ли это, что такого рода закономерностей, действительно, мало? Или же рефлексивно-обусловленные закономерности все же достаточно многочисленны и очень существенны, но сами они – «иные», чем те, которые описаны в традиционном эмпирическом базисе общей и социальной психологии и именно эта «инаковость» блокирует их выявление и изучение?

На наш взгляд, можно предложить следующее решение сформулированных вопросов. По всей вероятности, многие (а не исключено – и подавляющее большинство) закономерности психики оказываются «представленными дважды» в ее целостной организации, проходят два этапа своего функционального генезиса. Они, вследствие этого, принимают две формы своего существования и проявления. С одной стороны, они, разумеется, существуют, проявляются и выявляются «сами по себе» – в их объективном бытии, как атрибуты психического, вне зависимости от рефлексивной, осознанной регуляции, то есть – именно *объективно*. Но с другой стороны, эти же закономерности могут «улавливаться»

субъектом – подмечаться и фиксироваться им как нечто повторяющееся, стабильное, устойчивое в его «внутренней жизни». Она идентифицируется как нечто такое, что может способствовать организации им своего поведения, а в результате – оптимизации меры его адаптивности, эффективности. Объективные – «первичные» закономерности сами становятся предметом их «отражения», восприятия субъектом, что и обеспечивается рефлексией как таковой, вообще – составляет ее суть (а, возможно, – и главное предназначение). Но в этом случае открывается принципиальная возможность не только для рефлексивной фиксации действия тех или иных закономерностей, но и для активного воздействия на них, возможность для регулирования меры их выраженности.

Субъект (повторяем – именно благодаря свойству рефлексивности) оказывается в состоянии частично управлять самими закономерностями своего функционирования, или, по крайней мере, влиять на них. Это, собственно, и есть один из механизмов того, что традиционно обозначается понятием «произвольной регуляции деятельности». Понятно, однако, что характер такого рефлексивного (произвольного) влияния будет уже принципиально иным по сравнению с «первичными» – объективными закономерностями. Он будет именно субъективным, а еще точнее – субъектным. Это – своего рода «вторичные», субъектные закономерности; они образуют систему собственно рефлексивных закономерностей. Им присущи две основные особенности. Во-первых, это – именно «вторичные» закономерности, закономерности «второго порядка»; закономерности трансформации иных – исходных, базовых закономерностей. Они как бы «накладываются» на другие – «первичные», то есть базовые закономерности и видоизменяют их. Во-вторых, это – субъектные, а потому – принципиально подверженные субъективным абберациям закономерности. Они характеризуются, в силу этого, значительно меньшей стабильностью, строгостью, инвариантностью и просто – степенью соблюдения принципа «строгой рациональности». Этим, в частности, объясняется существенно бóльшая «размытость» и менее строгий характер рефлексивных закономерностей.

Необходимо подчеркнуть, что «вторичные» – субъектные закономерности, к каковым принадлежит большинство рефлексивно-детерминированных закономерностей, не являются субъективными в прямом смысле. Они объективны, но в более сложном плане – в плане того, что они «прошли опосредствование субъектом», прело-

мились через систему его рефлексивных механизмов. Более того, эти «вторичные» – субъектные закономерности можно рассматривать и как высшее проявление объективных закономерностей, поскольку они наиболее специфичны и адекватны сложнейшему из всех существующих объектов познания – человеку, а вне их установления и понимания его познание просто невозможно. Эти закономерности, в основе которых лежат генеративная, трансформационная, модулирующая и иные функции рефлексии (см. ниже), и есть в значительной степени содержание *субъектности* как таковой. Система указанных закономерностей в существенной мере образует содержание функционирования субъекта, содержание его «процессуального» бытия.

Рассмотренная проблема имеет, разумеется, и более общее – фактически, гносеологическое, философское содержание. Речь при этом идет о соотношении, взаимодействии в функционировании одной и той же системы (психики) двух категорий законов – *объективных* и *субъективных*. Развитые выше представления способствуют ее решению, по крайней мере, в двух планах.

Во-первых, свойство рефлексивности и процессы рефлексии должны быть поняты как своего рода «мост» между двумя типами закономерностей. В своей генетической и трансформационной функции рефлексия детерминирует генезис субъективных закономерностей на базе объективных. Но в своей регулятивной функции рефлексия выступает как средство субъектной координации меры проявления объективных закономерностей.

Во-вторых, становится понятным, почему благодаря именно рефлексии и сознанию в целом поведение человека часто так «непохоже» на «объективно-детерминированное» функционирование многих иных систем; почему оно нередко так непредсказуемо, противоречиво и даже – иррационально, «непонятно». Дело в том, что в структуре психики, фактически, тесно переплетаются две системы механизмов ее функциональной организации – объективная и субъективная. Причем, вторая может в известных пределах регулировать первую. Содержанием этой второй системы и выступают собственно рефлексивные процессы и механизмы. Чем более развита рефлексивность, тем в большей степени доминирует «вторая система» регуляции; тем в большей степени поведение субъекта приобретает опосредствованный, «непредсказуемый» характер. Все это эмпирически

проявляется в свойстве произвольности поведения и деятельности. Вторая система может не только регулировать меру проявления закономерностей первой, но и «открывать» – эксплицировать их субъекту для возможного произвольного «использования»⁴⁴. Это – одна из граней генеративно-порождающей функции рефлексии.

Наконец, в-третьих, новый и высший тип закономерностей организации психики – рефлексивный (и тем самым – субъектный по определению) – по-новому раскрывает закономерности нижележащих уровней (объективные)⁴⁵. Более того, последние становятся при этом принципиально управляемыми (хотя, конечно, в известных пределах); они выступают в инструментальной роли. Субъект «оказывается в состоянии» – через рефлексия – управлять не только своим поведением, но и частично самими закономерностями, по которым строится поведение.

Отсюда, далее, следует достаточно естественное объяснение отмеченного выше парадокса, согласно которому степень важности проблемы рефлексии совершенно несоизмерима с тем эмпирическим базисом закономерностей, которые установлены в психологии по отношению к ней. Малое число конкретных закономерностей, описанных в психологии по отношению к рефлексии, не означает, что их на самом деле мало и они поэтому малозначимы. Дело в другом: сами закономерности рефлексивных процессов – это, так сказать, «другие» закономерности – закономерности, в основном, «вторичные» (а не «первичные»), субъектные (а не объектные). Их суть в значительной мере и состоит в том, что через них субъект регулирует, а частично – и порождает («раскрывает в себе») иные – базовые, объективные закономерности и особенности самого себя. В рефлексивных закономерностях поэтому интегрируются и синтезируются, «сталкиваются» многие иные закономерности. Рефлексивные закономерности носят поэтому не локальный, а интегративный характер. Они не проявляются непосредственно и не действуют прямо – по прин-

⁴⁴ Это обстоятельство нашло отражение и в «обыденной», «житейской» психологии, а также получило закрепление в естественном языке (ср., например, выражение «человек открывает в себе неожиданные стороны» и т. п.).

⁴⁵ В этом отношении уместно вновь вспомнить известное положение С. Л. Рубинштейна, отмечавшего, что с возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства» [173]

ципу «фактор (причина) – результат (следствие)». Их действие существенно более опосредствованно; они должны быть интерпретированы (в плане их общего статуса) как интегративные закономерности.

В свете сказанного можно уточнить и содержание понятия «уровень рефлексивности». Во-первых, с этих позиций рефлексия раскрывается не только как процесс, но и как свойство субъекта. Но как таковое оно может выступать и реально выступает также и в функции способности. На основе рефлексии как процесса формируется рефлексивность как способность и как личностное свойство. Оно, будучи, разумеется, предельно своеобразным и даже – уникальным, все же подчиняется наиболее общему закону – имеет индивидуальную меру выраженности. Причем, эта мера принципиально квантифицируема, то есть может быть диагностирована и количественно определена [76]. Свойство рефлексивности, подобно всем иным психическим качествам, континуально.

Вывод о существовании различий в индивидуальной мере выраженности, то есть, фактически, о наличии свойства континуальности у рефлексии имеет, на наш взгляд, и важное собственно методологическое значение. Отметим два наиболее существенных в этом плане положения.

Во-первых, лишь благодаря наличию некоторого диапазона вариативности, то есть – некоторого континуума изменений ее меры оказывается возможным использовать параметр рефлексивности в конкретных экспериментальных исследованиях в качестве своеобразной независимой переменной. Она тем самым выступает в качестве своего рода «аргумента» в ходе поиска тех или иных функциональных зависимостей. Это могут быть самые разные типы зависимостей – статистические, факторные, корреляционные и др. Все они, однако, допускают свое обнаружение и изучение лишь при условии принципиальной квантифицируемости рефлексивности.

Во-вторых, следует обязательно учитывать и тот общепринятый факт, что само свойство рефлексивности является максимально обобщенным, интегративным психическим качеством. Оно однопорядково по сложности сознанию в целом. В связи с этим, очевидно, что качество рефлексивности должно быть проинтерпретировано как одно из проявлений максимально сложных, то есть системных качеств психики. Однако если оно имеет индивидуальную меру выраженности, континуально и варьирует в определенном диапазоне, то можно уточ-

нить и общеметодологические представления о системных качествах как таковых. С этой точки зрения оказывается, что сами системные качества как третья основная категория качеств (наряду с материальными и функциональными) также могут быть континуальными. Они не подчиняются закону «все или ничего» (либо их нет, либо они есть). Они могут присутствовать у системы с разной степенью выраженности. Более того, эта мера может, вероятно, изменяться в ходе генезиса систем, а изменение меры выраженности указанных качеств – составляет один из важнейших аспектов системогенеза как такового.

Разумеется, содержание понятия «уровень рефлексивности» не исчерпывается лишь отмеченными выше факторами. Важным при раскрытии его содержания является вопрос о типах, о качественных вариантах воздействия рефлексивных регуляторов на меру и характер тех или иных базовых закономерностей. Базируясь на результатах комплекса проведенных в этом плане исследований, мы считаем возможным предложить один из вариантов общего решения данной проблемы. Суть такого решения состоит в том, что существует определенная и вполне закономерная таксономия трансформаций базовых, «первичных» (и описанных как в общей, так и в социальной психологии) закономерностей под детерминирующим воздействием рефлексивных факторов. Основными вариантами – типами такого рода трансформаций являются следующие.

1. *Ослабление* меры выраженности – своего рода ингибция тех или иных закономерностей, зависимостей. Например, широко известный феномен психической компенсации с этой точки зрения есть не что иное, как одно из проявлений данного варианта⁴⁶. Примеры «смягчающего» влияния рефлексии на проявление негативных личностных черт и на недостаточный уровень развития способностей многочисленны и широко известны⁴⁷. Отметим, например, позитивную роль рефлексии в выборе и фиксации субъектом таких общеуправленче-

⁴⁶ В целом феномен психической компенсации, разумеется, не сводится к тому аспекту, который является предметом анализа в данном контексте.

⁴⁷ Как гласит известное выражение: «осознанный недостаток – уже не недостаток». В этом плане можно привести и известный случай с Б. Шоу. Когда у него спросили, как стать мудрым, он ответил: «Для этого надо старательно прятать глупые мысли».

ских стилей, которые наиболее адекватны его личностному симптому-комплексу. Вместе с тем, ингибирующее влияние рефлексии не всегда, конечно, является позитивным. Оно будет таковым, если ингибиции подвергается какая-либо негативная черта. Однако известно, что рефлексивность может и отрицательно влиять, например, на проявление интеллектуальных способностей в деятельности, в особенности – управленческой. В этом случае она ингибирует позитивное влияние интеллекта и является тем самым негативным фактором [113].

2. *Усиление* – гипертрофия закономерностей, их своеобразный «катализ». Известно, например, что эффективность индивидуальной деятельности в общем случае связана с мерой нейротизма личности отрицательной зависимостью. Эта связь, вместе с тем, является не прямой, а опосредствованной; она опосредствуется многими иными «промежуточными переменными», которые либо фасилитируют, либо ингибируют ее. Одним из факторов собственно фасилитирующего плана, усиливающих негативное воздействие нейротизма на эффективность индивидуальной деятельности как раз и является рефлексивность. В наших исследованиях было показано, что степень негативного влияния нейротизма на различные показатели деятельности зависит от меры рефлексивности [76]. Высокорефлексивные индивиды характеризуются большим негативным влиянием нейротизма на эффективность деятельности. Аналогичное по смыслу, но противоположное по направленности влияние рефлексивного фактора рассмотрено выше в отношении влияния интеллекта на совместимость. Фактор рефлексивности стимулирует – фасилитирует позитивное влияние интеллекта на срабатываемость участников совместной деятельности.

3. В тех случаях, когда два рассмотренных типа трансформаций (ингибирующий и фасилитирующий) выражены в своем предельном виде, возникают новые типы изменений. Одним из них является полная *блокада* действия тех или иных закономерностей, приводящая к их редукции.

4. *Инверсия*, то есть обретение закономерностями и (или) феноменами вида, обратного по отношению к тому, в котором они были первоначально установлены и традиционно интерпретируются. Это – один из наиболее показательных и своего рода «эксклюзивных» типов трансформационной функции рефлексивных процессов. Он, фактически, свидетельствует о том, что под их воздействием те или иные закономерности

сти и феномены могут достаточно радикально менять форму своего существования и выступать уже не только в своей прямой, но и в обратной форме⁴⁸. Феноменологические проявления указанной функции достаточно многообразны. Ограничимся здесь лишь двумя иллюстрациями.

Одним из наиболее простых и в то же время – показательных случаев является известный и экспериментально доказанный факт подверженности большей части феноменов теории решений в целом и теории управленческих решений, в частности, рефлексивному – произвольному контролю [160]. Суть данного явления состоит в том, что уже само по себе осознание субъектом того или иного феномена, «то есть знание о его существовании», может менять и, как правило, меняет характер действия этого феномена. Причем, эти изменения могут носить кардинальный характер – вплоть до «переворачивания» исходных феноменов, то есть до их инверсии. Например, широко известный феномен «первого впечатления» у лиц с высокоразвитой рефлексивностью может вначале ослабевать, а затем – и трансформироваться в обратный феномен – в явление «недоверия первому впечатлению». Аналогичным трансформациям подвержено и другое – также широко известное явление – «феномен Ирвина»⁴⁹. Знание о нем, то есть, фактически «рефлексия по его поводу», приводит чаще всего именно к его «оборачиванию», то есть к инверсии.

Еще один пример – фундаментальное общепсихологическое явление оперативности отражения. Как известно, функциональный генезис произвольной регуляции деятельности приводит на достаточно высоком уровне профессионализации к формированию особых – интегративных образований – оперативных образов. Подчеркнем, что одну из главных ролей в этом генезисе играет именно произвольная регуляция, а также те рефлексивные процессы и механизмы, на которых она строится. Формирующийся оперативный образ обладает, однако, рядом свойств, которые

⁴⁸ С позиции системной методологии данное явление предстает следующим образом: включаясь в определенную систему – в систему рефлексивной регуляции, та или иная закономерность выступает уже не только в своей прямой, но и в превращенной форме.

⁴⁹ Напомним, что данный феномен заключается в переоценке вероятности наступления позитивного, приятного, субъективно-желательного события по сравнению с негативным, неприятным, субъективно-нежелательным.

должны быть поняты как следствие инверсионного влияния рефлексии. Например, это свойство «функциональной деформации»: одни – деятельностно-значимые фрагменты образа могут приобретать гипертрофированную представленность, другие (не значимые) становятся, фактически, субъективно игнорируемыми. При этом часто из образа «выпадает» именно то, что с чисто объективной, «физической» точки зрения является наиболее важным, заслуживающим восприятия⁵⁰.

5. *Возникновение новых* закономерностей под влиянием фактора рефлексии и различий в мере его выраженности. Вопрос об этом типе детерминации рефлексивных процессов наиболее сложен. Дело в том, что в структурно-функциональной организации психики чрезвычайно трудно или даже вообще невозможно разделить «рефлексивно-детерминированные» и «нерефлексивно-детерминированные» закономерности, явления, процессы, механизмы. В нормально функционирующей психике, в состоянии сознания эти два ряда закономерностей и процессов слиты воедино, и лишь благодаря этому синтезу достигается самоё нормальное функционирование психики. Поэтому можно считать, что подавляющее большинство закономерностей и механизмов так или иначе опосредствуется указанными детерминантами, как бы «порождается» ими – по крайней мере, в том виде, в каком они представлены на уровне произвольной, то есть рефлексивной регуляции деятельности и поведения.

Вместе с тем, на наш взгляд, следует провести и определенную дифференциацию такого рода закономерностей. При этом можно, по-видимому, выделить следующие их основные группы. Во-первых, это те естественные спецификации, которым подвергается большинство иных закономерностей под влиянием рефлексивной детерминации. Наиболее общим и показательным примером такого рода влияний выступают глубокие и множественные различия в протекании психических процессов на осознаваемом и неосознаваемом уровнях; при произвольной регуляции за ними и без таковой. В этом плане очень характерны, например, различия произвольной и произвольной

⁵⁰ Приведем несколько упрощенный, но показательный пример. Шахматисты, проведшие несколько часов за доской и практически непрерывно воспринимающие фигуры, после партии часто не могут сказать, из какого материала сделаны фигуры.

памяти [99]. Во-вторых, это – все специфические типы влияния рефлексивного фактора и меры его выраженности, которые проявляются в описанных выше четырех типах трансформаций. В-третьих, это – собственные – «внутренние» законы рефлексивной регуляции как таковой; то, что и составляет специфический предмет психологии рефлексии. По отношению к деятельности и поведению эти закономерности обретают, например, статус закономерностей «произвольной регуляции»; они изучаются в соответствующих разделах общей и прикладной психологии. По отношению к когнитивной психологии в целом и к психологии интеллекта, в частности, они же обычно рассматриваются как особенности метакогнитивной регуляции. Наконец, специфически рефлексивные закономерности могут приводить и к формированию определенных структур – регуляторов деятельности, поведения и общения. В качестве характерного примера такого рода структур можно указать на феномен «Я-зеркального» в деятельности руководителя.

Итак, сама суть этой рефлексивной регуляции состоит в том, что посредством нее оказывается возможным воздействие на иные – также присущие психике функциональные закономерности, а частично и управление ими. Субъект (повторяем – именно благодаря свойству рефлексивности) оказывается в состоянии частично управлять самими закономерностями своего функционирования, или, по крайней мере, влиять на них. Понятно, однако, что характер такого рефлексивного («произвольного») влияния будет уже принципиально иным по сравнению с «первичными» – объективными закономерностями. Он будет именно субъективным, а еще точнее – субъектным. Это – «вторичные», субъектные закономерности; они образуют систему собственно рефлексивных закономерностей.

В результате всего изложенного формируется достаточно развернутая и вполне закономерная *таксономия* трансформаций базовых, «первичных» закономерностей (подробно описанных в различных направлениях психологии) под детерминирующим воздействием рефлексивных факторов. Основные варианты такого рода трансформаций были охарактеризованы выше; к ним относятся ослабление меры выраженности – ингибция, усиление этой меры – гипертрофия, блока, редукция, инверсия, а также возникновение (генерация) новых закономерностей.

Обобщая сказанное, можно заключить, что рефлексии присуща особая функция, точнее – макрофункция, которую можно обозначить

как – *трансформационная*. В своем ситуативном проявлении она видоизменяет характер действия многих иных закономерностей и феноменов. Ее наличие – это одновременно и своеобразный «отход от строгой объективности» в действии психических закономерностей, и повышение меры субъектности регуляции деятельности, поведения, общения. Существование данной функции определяет собой наличие некоторого «поля субъектности» развертывания закономерностей регуляции деятельности и поведения, возможность субъектного влияния на них.

Однако эта же функция может иметь и надситуативные проявления. И тогда она выступает основой для иной – собственно генеративной функции. Рефлексия «над деятельностью», «над собой», «над своим положением в социальной среде» и т. д. – это, конечно, не только и не столько констатация чего-либо, а средство развития деятельности и личности, изменения ее статуса. Рефлексивные паузы, моменты отстранения от ситуации, усилия, направленные на то, чтобы разобраться в себе, а также все иные, однопорядковые с ними феномены, выполняют функцию генезиса, развития. Поэтому личность (и все формы ее взаимодействия с миром), *проявляясь* в рефлексии, в рефлексии же и *формируются* – точно так же как через это развиваются формы взаимодействия личности с действительностью.

В едином процессе функционирования психики, в регуляции деятельности и любой иной личностной активности сосуществуют и тесно переплетаются две качественно разные функциональных закономерностей. С одной стороны, это функциональные закономерности, присущие системе первично – те, по которым она функционирует, «работает»; это – ее атрибутивные, так сказать аутохтонные закономерности. С другой стороны, это специфически рефлексивно-обусловленные закономерности активного влияния на характер действия самих этих – «первичных» закономерностей. Причем, трансформации «первичных» закономерностей отнюдь не случайны, а также – вполне закономерны. Поэтому можно и нужно говорить о существовании «закономерностей трансформации закономерностей», о закономерностей «второго порядка». Психика (и ее закономерности), используя выражение М. К. Мамардашвили, с одной стороны, просто «бытийствует» [139]; с другой стороны, проходя «рефлексивное опосредствование», она может частично управлять закономерностями этого бытия, влиять на них, а в определенных границах – и гене-

рировать новые закономерности. Последнее составляет содержание специфической – генеративной функции рефлексии.

Вместе с тем, только этим вся истинная сложность рефлексивной регуляции не исчерпывается; поясним сказанное. Как было показано выше, для рефлексивной регуляции, для рефлексии (как процесса) и рефлексивности (как свойства) в целом характерно наличие двух важнейших функций – трансформационной и генеративной. Последняя, однако, может проявляться не только в ситуационном плане и не только так сказать на микроинтервалах генетического развития; она не менее, а быть может, и более характерна по отношению к макровременным интервалам этого развития, то есть к онтогенезу в целом. В этом плане и на этом «временном интервале» обнаруживаются, однако, новые особенности генетического плана, к которым приводит рефлексивная регуляция как таковая. Именно рефлексивность является свойством, позволяющим психике дифференцировать, выделить и зафиксировать в самой себе те или иные стороны своей качественной определенности; репрезентировать их затем как свои собственные свойства.

Во всем этом проявляется генеративно-порождающий потенциал рефлексивности; она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, «распознаванию», а в известной мере – и в формировании других свойств и качеств, к их осознанию и репрезентации как своих и образующих его «самость», то есть субъектность как таковую. Мера дифференцированности психики на структурные компоненты (любого плана – в частности, индивидуальные качества, личностные конструкты, компоненты ментального опыта и пр.), как можно видеть из представленных результатов, прямо и достаточно сильно связана с уровнем рефлексивности; и «когнитивная», и «личностная» и любая иная сложность (в частности, сложность Я-концепции) определяется этим уровнем. Однако эта сложность должна быть адекватно сорганизована – лишь в этом случае она будет эффективной (продуктивной, адаптивной). Вместе с тем, необходимо учитывать и то, что существуют определенные – объективно присущие психике ограничения любого плана – в частности, интегративного. Причем, эти ограничения также имеют индивидуальную меру выраженности и, как показали наши исследования, значимо коррелируют с уровнем общего интеллекта [113]. В тех случаях, когда мера дифференцированности (определяемая рефлексивностью и коррелирующая

с ней) начинает превосходить «порог когнитивного ресурса», коррелирующего с интеллектом, возникает негативный дисбаланс и инициируются контрпродуктивные эффекты. При этом интегративные процессы и механизмы, метафорически выражаясь, как бы «не справляются» с мерой дифференцированности и, соответственно, – с объемом информации, поступающей по «рефлексивному каналу».

С одной стороны (и это выступает проявлением интегрирующей функции), в зависимости от общего уровня рефлексивности меняются те структуры – синтезы, паттерны, в которых онтологически представлены индивидуальные качества субъекта и обеспечивающие их процессуальные средства; меняется их интегрированность и координированность. Важной функцией, а не исключено, – и сутью рефлексивности как психического свойства являются присущие ей возможности организации и координации иных качеств субъекта – и когнитивных, и личностных. Рефлексия как психическое свойство – это данность субъекту не только каждого отдельно взятого качества, а всех их, причем – в комплексе, что феноменологически репрезентируется как «ощущение Я» – в его целостности, нерасчлененности, многоаспектности.

С другой стороны, именно рефлексивность является свойством, позволяющим психике дифференцировать, выделить и зафиксировать в самой себе те или иные стороны своей качественной определенности; репрезентировать их затем как свои собственные свойства. В этом проявляется генеративно-порождающий потенциал рефлексивности: она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, «распознаванию», а в известной степени – и к формированию новых своих качеств; к их осознанию и репрезентации как своих и образующих «самость» психики, то есть, фактически, субъектность как таковую. Метакогнитивные процессы, образующие в своей совокупности рефлексию, – это такие процессуальные средства, овладевая которыми субъект в значительной степени и становится таковым: обретает «самость», субъектность не только по отношению к внешнему миру, но и к миру внутреннему – к своей собственной психике, к ее содержанию (а частично – и к операционным средствам). Последнее связано с тем, что по своей природе и функциональному предназначению метакогнитивные процессы атрибутивно направлены на регуляцию и организацию именно этого содержания.

Представления о трансформационной и генеративной функциях рефлексии, а также о лежащих в их основе интеграционно-дифференциальных средствах, позволяют сделать некоторые дополнительные заключения. Как было показано выше, степень дифференцированности психики на отдельные компоненты любого плана – индивидуальные качества, личностные конструкты, компоненты ментального опыта и пр. непосредственно связана со степенью развития рефлексивности. Однако – и это также отмечалось выше – сама возникающая вследствие дифференциации сложность должна быть адекватно сорганизована: лишь в этом случае она будет эффективной (продуктивной, адаптивной). Если интегративные процессы и механизмы, метафорически выражаясь, «не справляются» с мерой дифференцированности и, соответственно, – с объемом информации, поступающей по «рефлексивному каналу», возникают множественные контрпродуктивные эффекты. Данный феномен может проявляться как в ситуационном плане, так и в плане общего онтогенетического развития индивида. Так, его проявления в первом из этих планов были охарактеризованы в рассмотренных выше эффектах контрпродуктивного влияния рефлексивности на результативные параметры деятельности и отдельные ее аспекты, а также на мыслительные процессы. Второй из этих планов проявляется в существенном снижении общей эффективности степени адаптированности (как социальной, так и профессиональной) у лиц с очень высокими степенями развития рефлексивности, обуславливающими явное доминирование дифференцирующей функции и приводящее к недостаточной интегрированности внутреннего мира в сочетании с его богатством и сложностью [83]. Данное явление было обозначено нами как эффект «рефлексивно обусловленной дезадаптированности».

В связи с общей проблемой рефлексивной детерминации должно быть рассмотрено такое фундаментальное явление, как феномен психической *компенсации*. Он, формируясь в ходе развития психики в целом, находит свое наиболее демонстративное и рельефное проявление именно в феноменах рефлексивной регуляции, рефлексивного контроля за деятельностью, поведением, а также в общей феноменологии рефлексивной организации психики. Так, именно осознание тех или иных «слабых сторон», недостатков тех или иных процессов, дефицитов в уровне развития тех или иных личностных и ког-

нитивных качеств является, как известно, важнейшей предпосылкой и «первым шагом» в их преодолении, то есть в их компенсации. Данная закономерность, как известно, зафиксирована и в известной формуле: «осознанный недостаток – это уже не недостаток». Существуют и многие иные иллюстрации и «формулы» действия механизма компенсации, имеющие, однако, общую природу, главную роль в которой играют именно рефлексивные средства.

Детализированный анализ форм и функций, закономерностей и механизмов рефлексивной детерминации деятельности и личностных структур позволяет, далее, сформулировать ряд положений, направленных на объяснение и теоретическую интерпретацию одного из ключевых и своего рода «сквозных» результатов эмпирических и экспериментальных исследований. Речь идет о постоянно обнаруживающейся в ходе изучения закономерностей рефлексивной регуляции зависимости «типа оптимума». Причем, она представлена настолько широко, а мера ее обобщенности, в силу этого, столь выражена, что можно говорить, по-видимому, и своего рода «законе оптимума» – как основополагающем для объяснения рефлексивных феноменов. Предпринимая попытку интерпретации его смысла и объективной необходимости для организации психики в целом, можно отметить следующее. Как известно, в терминологическом аппарате психологии, наряду с понятием рефлексии, существует и понятие саморефлексии – «рефлексии над рефлексией». Данное понятие в целом однопорядково иным терминам, широко использующимися, например, в метакогнитивизме – «память о памяти» (метапамять), «мышление о мышлении» (метамышление); его можно обозначит также термином «метарефлексия». В свою очередь, она, как известно, также может быть различной по своему порядку – рефлексией «второго порядка», «третьего порядка». Вместе с тем, при этом следует обратить внимание на две – достаточно существенные, на наш взгляд, особенности.

Первая из них заключается в том, что переход от «просто рефлексии» к рефлексии «второго порядка», а далее – к рефлексии «третьего» и иных порядков не изменяет атрибутивно присущего «просто рефлексии» качества – качества осознаваемости. Оно может видоизменяться по степени так сказать «изошренности», утонченности, субъективной развернутости и глубине, то есть именно количественно, но не качественно, не в принципе. Другими словами, метареф-

лексия любого порядка не приводит к возникновению какого-либо нового качества, «нового сознания», а развертывается в пределах сохранения исходного качества осознаваемости. В связи с этим, по-видимому, именно данное качество является – по каким-то причинам – последним из доступных субъективной репрезентации качеств психического. В этом плане определенный интерес представляют результаты одного из выполненных нам ранее исследований [102].

В его основу легло вполне обоснованное с содержательной точки зрения предположение, согласно которому индивидуальными различиями характеризуется не только рефлексия «первого порядка», но существуют и индивидуальные различия в способности к реализации рефлексии «второго», «третьего» и, возможно, иных порядков. Более того, в силу принципиальной общности операционных механизмов рефлексии, можно допустить и то, что индивидуальная мера рефлексивности должна быть закономерно связана со способностью к реализации рефлексии «второго», третьего» и иных порядков.

В целях исследования рефлексии «второго», «третьего» и других порядков нами совместно с В. В. Пономаревой была разработана специальная экспериментальная методика [76]. Ее суть состоит в том, что моделировались такие ситуации, в которых испытуемые должны были осуществлять рефлексию разного порядка сложности – второго, третьего, четвертого. Сами ситуации задавались посредством определенных текстовых фрагментов, в конце которых испытуемому предлагались «незаконченные предложения», завершение которых как раз и входило в их обязанности и требовало рефлексии разных порядков. Так, например, для рефлексии «первого порядка» этими предложениями были следующие: «Думая, со стороны ситуация выглядела ...»; «Во время разговора я чувствовал себя ...». Для рефлексии «второго порядка» – «Возможно, он воспринял эту ситуацию ...»; «Думаю, он считает свое поведение ...». Для рефлексии «третьего порядка» – «Думаю, он знает, что я считаю его ..., так как ...» и др. В ходе реализации данной методики определялась, прежде всего, сама возможность осуществления испытуемыми рефлексии «второго», «третьего», четвертого» порядков. Эта возможность проявлялась в том, могли или нет испытуемые адекватно воспринять и понять ситуацию, а затем завершить «незаконченные предложения». В результате все испытуемые были дифференцированы на подгруппы – в зависимости от их способности к реализации рефлексии разных по-

рядков. Затем для каждой из этих подгрупп была определена средняя рефлексивность (а также ее дисперсия по подгруппе). Полученные данные представлены на рис. 3.

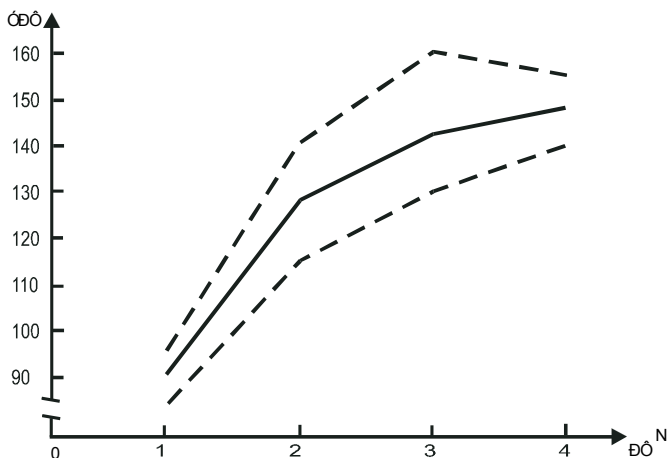

Рис. 3. Значения индивидуальной меры развития рефлексивности в группах испытуемых, способных к рефлексии различных порядков. Обозначения: РФН – доступный испытуемым «порядок рефлексивности» (см. в тексте); УРФ – уровень развития рефлексивности (в баллах методики); пунктиром обозначены границы разброса значений уровня рефлексивности

Анализ этих данных позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, между способностью к реализации рефлексии разных порядков сложности и индивидуальной мерой развития рефлексивности существует закономерная связь. При этом, чем выше способность к реализации рефлексии высших порядков, тем выше и индивидуальная мера рефлексивности. Данный результат является прямым подтверждением высказанного выше предположения о наличии закономерной связи между «просто» рефлексией (то есть рефлексией в ее традиционном понимании – как рефлексии «первого порядка») и типами рефлексии более высоких порядков сложности.

Во-вторых, степень вариативности данной зависимости различна при реализации рефлексии разных порядков. Вариативность минимальна при рефлексии низшего и высшего (из доступных испытуе-

мым) порядков, но наоборот, – максимальна при реализации рефлексии «средних порядков» – второго и третьего. Это означает, что рефлексия низшего порядка достаточно строго сопряжена только с относительно низким уровнем рефлексивности, а возможность реализации рефлексии высшего (четвертого) порядка – только с очень высокой рефлексивностью. И, напротив, рефлексия «второго» и «третьего» порядков доступна для лиц с достаточно большим разбросом в индивидуальной мере развития рефлексивности. Отсюда следует, в частности, что именно рефлексия «второго» и «третьего» порядков как доступная индивиду (не ниже, но и не выше) наиболее представлена в популяции.

Второе обстоятельство заключается в том, что субъект очень редко и достаточно «неохотно» прибегает к рефлексии «второго» и уж тем более «третьего» порядка, хотя, повторяем и способен в принципе к их реализации. Более того, как опять следует из их результатов, большинство испытуемых вообще не способны к рефлексии выше «третьего» порядка [149]. Это означает, что, по всей вероятности, существует некоторый предел – «порог рефлексивности», то есть определенный ее «порядок сложности», выше которого она просто невозможна. Однако при этом возникает вполне резонный вопрос – почему? Почему психика в целом и сознание, в частности, самим фактом его существования как бы «накладывают запрет» на свое эволюционное развитие (как в фило-, так и в антропогенезе), то есть на возникновение рефлексивных процессов все более высоких порядков сложности? В силу каких причин не сформировалась возможность и способность осуществления рефлексивного контроля и управления процессов осознания этих – еще более высоких порядков? Это тем более непонятно, что именно такие – более «высокие порядки» являются (по определению) и наиболее мощными, наиболее эффективными. Предпринимая попытку ответа на него, необходимо, на наш взгляд, вновь обратиться к тем материалам, которые были представлены выше и раскрывают особенности рефлексивной регуляции как таковой. Дело в том, что специфика рефлексивных закономерностей как раз и состоит в соединении в их составе, в синтезе двух категорий закономерностей – «первичных» (объективных, не подвластных осознаваемому контролю) и «вторичных» (субъективных, а значит – субъективных). Они – при соблюдении оптимальной пропорции между ними – оказываются наиболее действенными в своем совокупном проявлении. Однако, если вторая категория

(субъектная) начинает доминировать над первой, то складываются прямые и возрастающие параллельно с увеличением этого доминирования предпосылки для отхода от собственно объективных закономерностей, от «строгой рациональности». Последнее, в частности, проявляется в описанных выше эффектах контрпродуктивного влияния гипертрофированной рефлексивности на результативные параметры деятельности, на функционирование психических процессов, а также на иные, исследованные выше образования. Следовательно, сам «порог рефлексивности» – это объективно необходимое и эволюционно возникшее средство, не допускающее вытеснение закономерностями второй категории закономерностей первой категории. Это – средство обеспечения баланса между ними, а в результате – отношений синергии между ними; средство «охраны» психического от порожденных им же самим представлений о своих собственных закономерностях и их использования в целях своего функционирования.

Наконец, при интерпретации полученных результатов необходимо учитывать и еще одно обстоятельство достаточно общего, а потому – важного характера, эксплицирующееся при исследовании влияния факторов метакогнитивного плана на иные основные компоненты психики. Каким бы образом ни трактовать их природу и сущность, с какой бы степенью полноты и адекватности ни были раскрыты их механизмы и закономерности, нельзя не признать того основополагающего факта, что эти их собственные, так сказать аутохтонные механизмы и закономерности существуют. Они являются онтологически представленными, то есть объективно существующими и характеризуют его как специфическую, качественно определенную систему. Она – именно как таковая функционирует именно «по ним» и «согласно им», а его эффективность, в том числе и индивидуальная мера развития, определяется, главным образом, ими. Вместе с тем, психологическая специфика всех метакогнитивных процессов и качеств состоит в том, что они являются осознаваемо регулируемыми (напомним, что иногда высказывается предположение, согласно которому некоторые из них могут носить и неосознаваемый характер [301]).

Однако в любом случае нельзя отрицать и другого важнейшего факта: они в целом и в основной своей массе не только и не просто направлены на контроль за реализацией всех иных психических функций, но характеризуются именно осознаваемым, то есть субъек-

тно контролируемым характером. Они субъектны, а потому – и *субъективны*. Поэтому в самой их природе заложена принципиальная возможность «отхода» от объективности действия тех – повторяем, аутохтонных закономерностей и механизмов, по которым они функционируют. Однако отсюда с необходимостью следует, что они могут быть либо более адекватны задачам организации и реализации этих функций, либо менее адекватны им. Во втором случае субъектный контроль во все большей мере трансформируется в субъективный, а, следовательно, – и не вполне объективный. Две категории детерминант реализации психических функций (собственные – аутохтонные, то есть объективные, и субъектные, а потому – субъективные) могут интерферировать друг с другом, что и выступает ингибитором этих функций. Именно это и эксплицируется при высокой степени метакогнитивного контроля – прежде всего, при высоких значениях структурной организации метакогнитивных параметров.

Метакогнитивный контроль психических функций и процессов, выступая атрибутивно осознаваемым и являясь в целом безусловным благом на достаточно большом интервале его меры, может, однако, трансформироваться в свою противоположность. Такая ситуация приводит к необходимости перераспределения общего субъектного ресурса и на реализацию метакогнитивного контроля, что оказывает негативное влияние на иные функции. Если такая ситуация является характерной для личности и переходит так сказать в «хроническую форму», то метакогнитивный гиперконтроль становится отрицательным фактором, порождая известные феномены метакогнитивной петли, метакогнитивного гиперперфекционизма.

В заключение подчеркнем, что в наиболее общем плане все вышеизложенное вплотную подводит к одной из наиболее имплицитных, но одновременно – и крайне значимых и сложных проблем, связанных с раскрытием специфики собственно психических закономерностей как таковых и своеобразия характера их действия. Это, естественно, проблема соотношения двух категорий закономерностей – *объективных* и *субъективных*. Они эксплицируются как собственные – аутохтонные закономерности организации и функционирования психики (носящие объективный характер) и закономерности осознаваемого (метакогнитивного) контроля – субъектные по своей сути, а потому и субъективные. Истинная сложность данной проблемы состоит еще и в том, что

вторые отнюдь не рядоположены первым, а напротив, – являются производными от них, ими же и порождаются. Если соотношение между ними является адекватным, то есть не характеризуется явным доминированием какой-то одной из них (и, соответственно, «подавлением» другой) то между ними складываются отношения синергии. Именно это и проявляется на тех значениях степени структурированности, интегрированности метакогнитивных параметров, которые являются, хотя и высокими, но все же не предельными. Это положение обретает в свете сказанного достаточно общее – методологическое звучание, поскольку он явным образом эксплицирует тот потенциал, который заложен в концептуальном синтезе традиционной общепсихологической проблематики и метакогнитивизма.

Очень доказательными в этой связи являются и те исследования, которые проводятся в последнее время в самом метакогнитивизме, точнее – то целое достаточно крупное направление, которое как раз и сопряжено с проблемой возможности неосознаваемых метакогнитивных феноменов и иных их проявлений – в частности, процессов. Проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного была сформулирована относительно недавно – прежде всего, в работах L. M. Reder и C. D. Schunn, а позже M. K. Spohn и L. M. Reder [300]. Ими был обоснован тезис, согласно которому значительная часть метакогнитивного контроля поведения осуществляется косвенным образом или автоматически, без сознательного контроля, а выбор стратегии является скорее бессознательным метакогнитивным процессом. Вместе с тем, G. Graham и K. Neisser определяют метапознание как убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»), также допускали возможность существования бессознательного метапознания (по [89]). Для понимания связи метапознания и сознания целесообразно также рассмотрение определения метапознания в терминах рефлексии, убеждений и установок второго порядка. С одной стороны, накоплено уже достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что люди могут бессознательно иметь убеждения и установки даже первого порядка. Вследствие этого, вполне логично предположить, что убеждения и установки второго порядка также могут быть бессознательными. С другой стороны, мысль о бессознательных рефлексивных убеждениях можно рассматривать и как сомнительную; так, G. Graham и K. Neisser показали, что наиболее

характерным для человека является осознанное убеждение второго порядка об осознанном убеждении первого порядка.

Вместе с тем, в работах М. К. Spehn и L. M. Reder было получено множество фактов, подтверждающих, что метакогнитивный мониторинг и контроль могут «проходить и по ту сторону» сознания (по [89]). В целом, их исследования показали, что активное изучение различных сторон вопроса может усилить мнение субъекта относительно своего «чувства знания» (как суждения о вероятности полной актуализации определенной информации, хранящейся в памяти), предположительно посредством углубления сигнальных знаний. Кроме того, подобное активное изучение может также затрагивать и выбор стратегии. Эти авторы считают, что эксперименты доказывают, что «выбор стратегии это скорее бессознательный метакогнитивный процесс; или, если метапознание предполагает осознание, – тогда это имплицитный процесс. Еще один подход, предложенный В. W. Kobes, состоит в том, чтобы заменить понятие «бессознательное чувство знания» на понятие «бессознательный мониторинг», так как стали возникать споры относительно того, могут ли чувства быть бессознательными: хотя чувства и могут быть результатом бессознательных процессов, сами они являются сознательными, феноменальными состояниями (по [89]).

Наиболее общий смысл, который объединяет практически все предлагаемые варианты, состоит в следующем. Бессознательные факторы (процессы, механизмы, процессы и пр.) играют определенную функциональную роль в организации и осуществлении метакогнитивных процессов и метапознание в целом. Они, однако, представлены в них вместе с иными – осознаваемыми средствами и, более того, соподчинены им. В целом же – в его полном объеме метапознание, согласно большинству теоретических подходов, не допускает свою реализацию на уровне бессознательного. Констатируя это, все же недопустимо и упрощать ситуацию, поскольку в последнее время все чаще высказываются и иные мнения по этому вопросу, а на данную проблему переносится вся сложность, которой характеризуются проблема соотношения сознательного и бессознательного.

Проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного, хотя и была сформулирована относительно недавно, но составляет сегодня одну из важнейших в метакогнитивизме. Наиболее общим и принципиальным при этом является, как отмечалось выше,

вопрос о том, могут ли быть в принципе метакогнитивные процессы бессознательными? Может ли метапознание осуществляться без участия сознания и реализовываться на неосознаваемом уровне организации психики? Или же метапознание – это целиком и полностью прерогатива сознательного а, потому субъективно регулируемого и контролируемого уровня ее организации? По отношению к данному вопросу в настоящее время существуют различные варианты его решения. Во всех этих вопросах как «в капле воды» проявляется недостаточная теоретическая зрелость, а нередко – противоречивость и неопределенность концептуального содержания и понятийного аппарата метакогнитивного направления в целом. Это проявляется не только в недостаточной обоснованности предлагаемых способов решения отмеченного, но и даже в неполной корректности его постановки. Обычно данный вопрос формулируется в следующем виде: могут ли метакогнитивные процессы (а шире – и метапознание как таковое) осуществляться на бессознательном уровне? Другая – более «мягкая», но уже существенно отличающаяся от первой, хотя и столь же традиционная его постановка выглядит следующим образом. Включены ли в метакогнитивные процессы механизмы и иные средства, имеющие характер неосознаваемых? Играют ли бессознательные средства и иные операционные составляющие какую-либо роль в метакогнитивных процессах (и повторяем, метапознании в целом)? Выполняют ли они какую-либо контролируемую и организующую функцию по отношению к нему? При попытке решения этих вопросов, на наш взгляд, необходимо руководствоваться следующим. Метакогнитивные процессы, как уже отмечалось выше, являются принципиально гетерогенными не только по своему составу и содержанию, но, не исключено, – и по принципам своей организации. Так, они не только допускают, но и требуют своей интерпретации в двух существенно различных, но взаимодополняющих друг друга планах. С одной стороны, они должны быть, разумеется, проинтерпретированы с тех позиций, сложились исходно и отражают уже отмечавшиеся выше так называемые «рудиментарные» определения метакогнитивных процессов («мышление о мышлении» – метамышление, «память о памяти» – метапамять и пр.). Их неотъемлемой чертой является то, что в них фиксируется не только факт «вторичности» и производности метакогнитивных процессов от «первичных» процессов, но и их атрибутивная субъектность –

понимание их именно в качестве специфических средств, осознаваемо и целенаправленно реализуемых субъектом в отношении своих же собственных когнитивных функций. Понятно, что при таком понимании уровень осознаваемой регуляции включается в содержание метакогнитивных процессов, фактически, по определению, является атрибутивно присущим им. Естественно поэтому, что при таком определении ни метапознание в целом, ни каждый из составляющих его метакогнитивных процессов (и иных структур и образований) не могут реализовываться на неосознаваемом уровне организации психического. Однако, с другой стороны, метакогнитивные процессы – как, действительно, вторичные, а значит – интегративные и синтетические еще и в плане большей степени их сложности и меры их интегративности уровня достигаемой в них системности строения. Причем, те интегративные – системообразующие средства и механизмы, которые обеспечивают их более высокую сложность и комплексность организации могут носить (и, как правило, носят) совершенно объективный характер – они реализуются на основе присущих психики общих – именно объективно присущих ей закономерностей функционального и процессуального плана. Вполне закономерно, что последние являются именно объективными, они существуют и реализуются «сами по себе», не требуя субъектного, а значит – и субъективного вмешательства в них (и уж тем более – их субъектного и, следовательно, осознаваемо контролируемого осуществления). В силу этого, следует заключить, что механизмы и средства организации и структурирования многих вторичных процессов не только могут, но и обязательно должны реализовываться на неосознаваемом уровне – за счет именно бессознательных и, следовательно, объективных средств и закономерностей. Тем самым последние совершенно органично включаются в общий состав и содержание вторичных, в том числе – и метакогнитивных процессов; более того, они соотносятся именно с собственно процессуальными средствами их реализации.

При такой их интерпретации становится очевидным (и, добавим, вполне закономерным), что ведущую – структурообразующую и организующую функцию по отношению к вторичным процессам должны выполнять и реально выполняют именно механизмы объективного, не предполагающего субъектный и, следовательно, осознаваемый контроль характера. В силу этого, бессознательные средства и механизмы, носящие объективный характер, не просто «включаются»

в реализацию метакогнитивных процессов (равно как и иных вторичных процессов), но и играют ведущую, определяющую роль в их структурировании из иных – первичных процессов. В этом плане само понятие метапроцессов означает, прежде всего, существование процессов иных порядков и уровней интеграции; вместе с тем, сама интеграции как их основа реализуется на основе неосознаваемых – объективно присущих психическому закономерностей и средств ее реализации. Очевидно также, что вторичные процессы не только могут, но и должны быть бессознательными. Они, однако, являются таковыми по механизмам их реализации, то есть именно в аспекте их собственно процессуального обеспечения, так сказать – по «технологии». Однако они же являются атрибутивно сознаваемыми в плане их результативного содержания – того, к чему приводит действие бессознательных, объективных механизмов, лежащих в основе их интеграции. И в этом своем результативном модусе они доступны репрезентации на уровне сознания и, следовательно, столь же доступны для произвольного, то есть субъектно контролируемого осуществления.

В этой связи становится очевидной необходимостью и в достаточно существенной корректировке самого понятия бессознательного. Его само точнее было бы обозначить более нейтральным (но одновременно – и более общим) термином «неосознаваемое». Дело в том, что неосознаваемая сфера психики включает, по-видимому, и такие процессы, которые не только не проще, чем те процессы, которые осознаются, но и сложнее, чем они. С этих позиций достаточно хорошо интерпретируются и те представления, которые зафиксированы в еще одной – известной и широко обсуждаемой дифференциации психического – на бессознательное, сознательное и сверхсознательное. В этой же связи необходимо отметить и термин, предложенный В. М. Аллахвердовым, – протосознательные процессы (то есть те, которые в значительной мере и регулируют осознаваемые процессы, но сами по себе не осознаются) [6]. На наш взгляд, их было бы точнее обозначить как метасознательные процессы, поскольку они по степени своей сложности являются заведомо более, а не менее сложными, нежели процессы осознаваемого контура. Поэтому метасознательные процессы выступают по отношению к ним не как *прото*процессы, а именно как *мета*процессы. Эти процессы, по-видимому, в принципе не допускают своего перевода в осознаваемую форму. Весь «трагизм» исследовательской

ситуации, связанной с их пониманием и объяснением, заключается в том, что они не только *не объективируемы* (в этом они ничем не отличаются от всех иных компонентов психического). Дело еще и в том, что они столь же принципиально *не субъективируемы*. Однако в таком случае и возникает принципиальнейший вопрос: как же их изучать? Как они могут быть доступны познанию, если в отношении них «не работает» даже интроспекция? И вообще – как они могут быть эксплицированы и раскрыты в плане их содержания? Пока это практически полностью не ясно; не ясно даже то, как их вообще можно представить – как «помыслить» о них? Однако то, что нельзя понять сейчас, не означает, что этого нельзя будет понять никогда. И здесь необходимо вспомнить известное выражение Л. Д. Ландау: «Мощь современной науки заключается в том, что мы можем понять то, что не можем представить» [125]. Если метакогнитивизм в целом представляет собой, по существу, ренессанс психологии сознания, то одно из его направлений – исследование метакогнитивных чувств и неосознаваемых компонентов когнитивных процессов представляет собой в известной степени *ренессанс психологии бессознательного*, а также знаменует новую постановку острейшей проблемы соотношения первого со вторым.

Далее, продолжая рассмотрение, необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство. При анализе рефлексивных феноменов и процессов, хотя и принято отмечать, что они являются разнородными, но, тем не менее, сама эта разнородность не становится предметом самостоятельного и специального анализа, не ставится вопрос о ее причинах и смысле. Вместе с тем, трудно не видеть, что мера этой гетерогенности настолько велика, а проявления ее настолько очевидны и феноменологически бесспорны, что невольно возникает вопрос о наличии некоторых существенных причин, лежащих в ее основе. Диапазон различий рефлексивных процессов и феноменов поистине беспрецедентен: от элементарного смутного «самоощущения» до предельно развернутых, утонченных и даже изощренных форм самопознания. И именно эта – чрезвычайно высокая степень гетерогенности рефлексивных процессов и феноменов служила и продолжает служить одной из главных причин, главных трудностей для адекватной концептуализации процесса рефлексии как такового, взятого в его полноте и качественной определенности.

На наш взгляд, именно в этой – повторяем, чрезвычайно высокой гетерогенности рефлексии как раз и заключается разгадка ее

природы, «ключ» к решению проблемы ее процессуального статуса. По нашему мнению, представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что до сих пор в этом многообразии процессуальных проявлений рефлексии не распознана и не зафиксирована одна важнейшая закономерность. Как известно, в терминологическом аппарате психологии, а также в естественном языке сложился целый ряд понятий и выражений, фиксирующих различные процессуальные проявления рефлексии. Это, прежде всего, следующие понятия: самоощущение, самовосприятие, аутопредставления, «самонаправленное» внимание, метавоображение, память о памяти – метапамять, мышление о мышлении – метамышление. Обратим специально внимание на то, что все эти процессы, согласно современной трактовке, как раз и относятся к категории метакогнитивных процессов, а в своей совокупности составляют ее важнейшую часть. Нетрудно видеть, что в этих (а также и иных – более дифференцированных) понятиях зафиксированы не просто различные процессуальные проявления рефлексии, а ее различные уровни, соотносящиеся с различными видами основных когнитивных процессов. Последние, как известно, организованы на основе уровневого принципа и поэтому выступают не просто отдельными видами, а именно уровнями.

Другими словами, отсюда следует достаточно значимый, на наш взгляд, вывод: рефлексия как процесс, выступая, как показано выше, одним из макроуровней в общей организации психики, сама построена по уровневому принципу. Она тем самым воспроизводит в своем уровне строении основные уровни когнитивной иерархии в целом, с тем или иным базовым уровнем когнитивной иерархии. Когнитивная иерархия «в лице» рефлексии оборачивается на внутреннее содержание психики и выполняет те же самые функции, которые эта иерархия реализует по отношению к познанию внешней среды. В связи с этим, можно, по-видимому, говорить о двух формах, о двух модусах когнитивной иерархии в целом – внешне-ориентированной и внутренне-ориентированной. Экономичность и «мудрость» организации психики проявляется в том, что в ней складываются не две разные системы ориентации во внешней и внутренней среде, а одна такая система, проявляющаяся, правда, в существенно разных формах [86].

С позиций такого подхода оказывается возможным, однако, не только дать более полную и дифференцированную характеристику процес-

сов рефлексии, но и в определенной мере уточнить и расширить представления о принципах структурно-уровневой организации психических процессов как таковых. При реализации этих принципов в психологических исследованиях стало своего рода аксиоматичным прямое соотношение и даже – взаимополагаемость структурно-уровневой организации и иерархичности ее построения. Проще говоря, если есть уровни, то они не только синтезированы в структуру, но последняя, реализуя некоторую систему функций, обязательно должна быть интегрирована в иерархию. Вместе с тем, изучение психологической природы рефлексии показывает, что это, по-видимому, хотя и очень важный, но все же частный случай соотношения принципов структурно-уровневой организации и иерархичности. Они, действительно, предполагают друг друга в том случае, если некоторая система непосредственно реализует управляющие, регулятивные функции. Их, кстати, может реализовать и сама рефлексия, взятая в ее регулятивном модусе (см. далее). Однако в своей атрибутивно исходной форме суть рефлексии состоит несколько в ином.

С одной стороны, это процесс, имеющий как бы противоположную по отношению к непосредственному управлению и регуляции природу: он (по определению) «прерывает» поведенческий континуум, приостанавливая его непосредственное осуществление. Тем самым он выступает в своем уже не регулятивном, а в собственном когнитивном модусе. Но, с другой стороны, и это главное, решая такую – принципиально иную задачу (не управления непосредственно, а самопрезентации), рефлексия не может и, по-видимому, не должна строиться иерархически, хотя и продолжает сохранять структурно-уровневый принцип организации; поясним сказанное. Дело в том, что среди всех процессов, входящих в состав рефлексии (начиная от самоощущения и кончая метамышлением) в принципе нельзя выделить какой-либо «наиболее важный» и потому – находящийся на вершине ее иерархии процесс. Для рефлексии как процессуального средства сознания (и для сознания в целом) самоощущение психикой самой себя не менее, а быть может, – и более значимо, нежели, например, способность «помыслить о себе» (то есть – метамышление). Суть рефлексии состоит в том, что, благодаря ей, достигается ощущение полноты и как бы исчерпанности репрезентации внутреннего мира – во всем многообразии его проявлений, в том числе – и процессуальных. Эта репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы, взятые в их «вторичной» форме – в форме метапроцессов.

Следовательно, имеет место ситуация, при которой структурно-уровневый принцип организации психических процессов сохраняется, а принцип их иерархичности – нет. Тем самым появляются основания для заключения, согласно которому первый не всегда и не «автоматически» сопряжен со вторым, а он, в свою очередь есть лишь частное проявление первого. В системе рефлексивных процессов уровни структуры (отдельные процессы) оказываются равнозначными (или, по крайней мере, однопорядковыми), а «полнота осознания Я» предполагает опору на все эти уровни одновременно и в равной степени. В силу этого, по отношению к собственно когнитивной рефлексии (как ее основному модулю) более адекватен уже не иерархический, а *гетерархический* принцип организации. Подчеркнем, что мысли о гетерархичности организации уже высказывались ранее; однако это делалось по отношению к системе когнитивных процессов, но не по отношению к рефлексии. На наш взгляд, психологическая природа рефлексии такова, что по отношению к ней подобные мысли не только «могут быть высказаны»: они не могут не быть высказаны. Рефлексия, действительно, выступает важнейшим интегратором системы психических процессов. Вместе с тем, суть этой интеграции заключается в том, что, с одной стороны, она развертывается не на основе принципа иерархии, а на основе принципа гетерархии. С другой стороны, «предметом» интеграции в ней выступают основные психические процессы в их так сказать «удвоенном бытии», в их превращенных формах – в виде метакогнитивных, вторичных процессов.

Таким образом, гетерархическая организация метакогнитивных процессов, лежащих в основе рефлексии, включает совокупность разнородных процессуальных средств, сформировавшихся в ходе эволюции фундаментального свойства психики – свойства сензитивности к самой себе, к своему содержанию, то есть свойства самосензитивности. С этих позиций достаточно отчетливо раскрываются две важные психологические особенности самой рефлексии. Во-первых, понятая в широком смысле, рефлексия обладает принципиальной гетерогенностью, поскольку ее процессы представлены в разных плоскостях метакогнитивной гетерархии. Традиционное понимание рефлексии фиксирует лишь ее наиболее развернутую (и уже поэтому – не единственную) форму, в основе которой лежит метамышление. Во-вторых, само свойство рефлексивности (и процесс рефлексии как процессуальное проявление этого свойства) должно быть понято как видовое

по отношению к более общему и атрибутивно присущему психике свойству самосензитивности – «чувствительности к себе» как родовому, элементарные проявления которого наблюдаются уже в самых простейших сенсорных процессах. С этой особенностью связано и то, что любой когнитивный процесс выступает не только в своей исходной форме и главном функциональном предназначении – как средство переработки информации. Он может выступать также и как объект активных трансформационных воздействий со стороны других психических процессов и даже – со стороны самого себя.

В этой связи очень характерно и показательно именно то, что первыми понятиями – первыми теоретическими конструктами, которые возникли в метакогнитивизме и знаменовали его становление как самостоятельной дисциплины, явились понятия метапамяти и метамышления. Так, например, метапамять – это память относительно своей памяти; это память об ограничениях, возможностях, стилевых особенностях и др. своей памяти. Кстати, именно в связи с этим происходит фундаментальная дифференциация – разделение так называемых первичных процессов (то есть традиционно изучающихся когнитивных процессов) и вторичных процессов (метакогнитивных). Тем самым был создан прецедент, который заставил обратить внимание на то, что, возможно, и другие первичные процессы имеют свое *alter ego* – «свой» вторичный процесс. Он направлен на него же самого и обеспечивает его психическую репрезентирует (точнее – саморепрезентацию). В свою очередь, эта саморепрезентация и реализуется через совокупность вторичных» то есть метакогнитивных, рефлексивных по своей сути процессов и механизмов, лежащих в их основе. Таким образом, логика развития метакогнитивизма уже на достаточно ранних этапах его развития вновь привела к проблеме рефлексии, к исследованию процессуального обеспечения сознания. Наряду с этим, необходимо, на наш взгляд, обратить специальное внимание и на еще один важный аспект общей проблемы предмета метакогнитивизма. Так, общеизвестным и общепринятым в нем является положение, согласно которому при определении метакогнитивных процессов, равно как и при их исследовании, акцент делается их именно процессуальной стороне (что, конечно, вполне естественно и даже необходимо). Метакогнитивные процессы – это, прежде всего, именно процессы. Вместе с тем, их истинное содержание выходит за пределы только такого понимания, а сами они являются существен-

но более сложными. Дело в том, что в них, фактически, каждый из основных первичных процессов удваивает свой исходный статус. Он становится не только процессом как таковым, но и тем, на что он сам же и направляется, в отношении чего реализует свой процессуальный потенциал. Тем самым кардинально меняется и существенно усложняется общее понимание метакогнитивных процессов как основного объекта изучения в метакогнитивизме. Выше мы уже отмечали, что при этом происходит любопытная трансформация самих этих объектов», на которую обычно обращается незаслуженно малое внимание. Как правило, акцент делается только на том, что психические процессы могут выступать и начинают реально выступать как оператор по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов. Однако, не менее, а быть может, – и более важно то, что, становясь операторами по отношению к самим себе, первичные процессы) качественно меняют свой исходный и естественный статус – становятся операндами. Они трансформируются из того, *чем познается* в то, *что познается*. Понимание природы и смысла синтеза этих двух модусов в одних и тех же когнитивных процессах является, по-видимому, одним из путей к разгадке природы сознания. Поэтому значение метакогнитивизма заключается не только в том, что в нем был выявлен качественно новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо. Дело еще и в том, что благодаря им, сами первичные процессы стали доступными исследованию (по крайней мере – в принципе) в совершенно ином качестве – не как операторы, а как операнды. Реальная сложность психического в целом, а особенно – психических процессов такова, что они принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как «отражающее» и как «отражаемое»; и как «порождающее» и как «порождаемое». Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Именно это лежит в основе уже описанного выше механизма операндно-операторной обратимости указанных модусов.

Сама суть метакогнитивных процессов заключается в том, что они направлены не внешней средой, а на среду, так сказать, «внутреннюю», то есть, прежде всего, на сами «первичные» процессы («память о памяти» – метапамять, «мышлении о мышлении» – метамышление и др.). Реализуя свой модус как операторов по отношению к ней

(то есть по отношению к самим себе – к когнитивным процессам), они не только обретают тот модус, который обычно фиксируется и изучается в метакогнитивизме – «вторичных» процессов, но и сами начинают выступать в качественно иной форме, в качественно ином модусе – как операнды. Поскольку они, выступая как операнды, начинают репрезентироваться в них же самих, они и начинают осознаваться, становятся репрезентированными в сознании как таковые. Именно поэтому более глубокий смысл основных результатов метакогнитивизма заключается не в том, что в нем выявлен и описан особый класс психических процессов – «вторичные» процессы, а в том, что именно благодаря им достигается взаимообратимость двух базовых модусов психических процессов и, следовательно, сами они репрезентируются в сознании как его основные содержательные компоненты.

Именно метакогнитивные процессы (и метапроцессы в целом) как раз и являются основными операционными средствами такой обратимости. Психические процессы не могут менять свой исходный статус (как операторов) вне и помимо возникновения метапроцессов. Это положение можно сформулировать и по-другому: метапроцессы в целом и метакогнитивные процессы, в особенности, – это и есть средства трансформации психических процессов из одного статуса (операторов) в другой (операндов). На наш взгляд, все это является одним из главных механизмов феномена саморепрезентированности психики самой себе, что во многом эквивалентно феномену сознания в целом. В свою очередь, сама обратимость является – по определению – динамическим явлением (точнее – механизмом). Выступая в этом – исходном статусе (как операторы), но по отношению к самим же себе, они трансформируют «первичные» процессы в иной статус – в статус операндов. Поэтому-то и сами «первичные» процессы, обретая статус «операндов», благодаря становлению и функционированию метапроцессов, репрезентируются (точнее – саморепрезентируются) как «чувственная ткань» самого сознания, как нечто непосредственно данное и субъективно неоспоримое.

Синхронизированность этих двух функций (и, соответственно, модусов) когнитивных процессов, а также их чередование означает, что всем когнитивным процессам присуще не только единство указанных модусов, но и их взаимообратимость. Именно она и обеспечивает, в конечном счете, тот фундаментальный факт (точнее – механизм), согласно которому через когнитивные процессы оказывает-

ся возможным доступ к содержанию психического, к содержанию, а частично – и к процессуальным средствам сознания. С позиций изложенных представлений раскрывается еще большая сложность организации системы когнитивных процессов. Все они, порождая своей собственной организацией «вторичные» процессы и трансформируя поэтому самих же себя в операнды, тем самым, фактически, приводят к возникновению новой и обладающей глубочайшей качественной спецификой реальности. Она, однако, также доступна репрезентации, поскольку сами «вторичные» процессы как раз и обеспечивают ее, а тем самым конституируют эту – субъективную реальность.

Итак, выше была рассмотрена вторая группа феноменологических проявлений метакогнитивного плана – собственно *процессуальных*. В итоге такого рассмотрения можно сделать следующие заключения обещающего плана.

Во-первых, со всей очевидностью выявляется факт наиболее принципиального плана, состоящий в том, что и вторая группа метакогнитивных феноменов, соотносящаяся с уровнем метакогнитивных процессов (а не чувств), реализует, в конечном итоге, важнейшую и, фактически, основополагающую функцию – обеспечение самосензитивности, саморепрезентированности, самоданности психического. Через эти феномены, в них и посредством них обеспечивается существование еще одного важного канала репрезентации субъекту его внутреннего мира, содержания психического. Однако, это уже значительно более сложные средств и формы репрезентации, нежели метакогнитивные чувства, – причем, нередко утонченные и даже изощренные. Собственно говоря, они и составляют то, что обычно именуется рефлексивной данностью психики самой себе, составляет сущность рефлексии, а также – ее богатейшую феноменологию.

Во-вторых, с не меньшей очевидностью вскрывается и тот факт, согласно которому все феномены этой группы, равно как и предыдущей, перерастают свой исходный статус, поскольку могут реализовывать также собственно операционные функции. Их осознание и фиксация, а затем реализация в деятельности – важное операционное средство ее психической регуляции.

В-третьих, в генезисе феноменов данной группы активное участие принимает не только собственно субъектная детерминация, но и детерминация специфически деятельностная. Действительно, конкретные средства мнемотехнического плана, равно как и более общие средства,

обозначенные понятием метатехники, а в еще большей степени – их содержание в решающей степени обусловлены именно содержанием деятельности и ее условиями. По своему смыслу и функциональному предназначению все средства метатехнического плана являются общими, а по конкретному содержанию – глубоко специфичными, прежде всего, по отношению к той деятельности, в отношении которой они формируются. Кроме того, эти средства являются и предельно индивидуализированными; они не *задаются* извне, а *создаются* самим субъектом, отражая и воплощая тем самым его индивидуальные возможности и ограничения, на усиление первых и на преодоление вторых они и направлены.

В-четвертых, тем самым эксплицируется и главное предназначение этих феноменов – их направленность на расширение субъектного потенциала, функционального ресурса. Это происходит за счет формирования метауровня организации психических процессов и «эксплуатации» тех феноменов, которые им порождаются.

В-пятых, по отношению и к этой группе можно констатировать закономерность, согласно которой в деятельности – прежде всего, относительно наиболее сложной, в том числе – и базирующейся на компьютерной технике, имеет место множественная *трансформация* тех феноменов, которые были исходно установлены на внедеятельностных, не вполне экологически валидных условиях. Эта трансформация осуществляется по пяти основным направлениям. Первое из них состоит в том, что ряд феноменов метакогнитивного плана подвергается фасислитации – они становятся более выраженными и обретают большую функциональную роль в деятельности. Так, скажем, сама по себе необходимость и, соответственно, степень выраженности средств мнемотехнического плана существенно возрастает именно под влиянием жестких требований профессиональной деятельности. Она возрастает под влиянием фактора информационной загруженности, а, следовательно, повышенной нагрузки именно на мнемические процессы. Второе направление состоит в том, что феномены данной группы могут, напротив, ингибироваться, ослабевать, снижая свою функциональную роль в деятельности. Так, в частности, резко снижается выраженностью так называемого управляющего контроля, особенно представленного в произвольной форме, а на его смену приходит иная форма мониторинга процесса деятельности, зафиксированная в теории как «состояние агенсу». Третье направление состоит в том, что в структуре деятельности – в противовес внедеятельностным

условиям, возникают качественно новые – специфически деятельностные феномены, которые принципиально не могут быть обнаружены на внедеятельностных условиях. Наиболее характерным представителем такого рода феноменов выступают все те феноменологически проявления, которые сопровождают реализации уже не метакогнитивных, а метарегулятивных процессов. Четвертое направление состоит в том, что метакогнитивные феномены – в том числе, и очень известные, типичные могут, фактически, полностью редуцироваться – исключаться из регуляции деятельности. Причем, речь идет и о таких феноменах, которые сами по себе являются – хотя и в иных контекстах – очень важными и продуктивными. В данном отношении очень показателен, например, широко известный *феномен созерцания*. Он, являясь исходно метакогнитивным и сопряженным именно с уровнем процессуальной, рефлексивной регуляции психики, а также выступая как очень значимый для саморазвития личности, в конкретно-деятельностных условиях, фактически, полностью редуцируется – причем, по вполне понятным и не нуждающимся в дополнительных объяснениях причинам. Пятое направление – это радикальное изменение исходного характера метакогнитивных феноменов, когда они подвергаются инверсии. В этом плане очень показательны практически все феномены рефлексивного контроля за деятельностью, которые могут выступать не только в своей прямой, но и в обратной форме. Данное обстоятельство уже неоднократно подчеркивалось нами по ходу предшествующего изложения, поскольку оно имеет столь же принципиальный, сколько и общий характер, пронизывая многие виды деятельности, особенно сложные. Так, по отношению к управленческой деятельности оно зафиксировано в понятии *антирефлексии* и представлено как *PP-феномен* (то есть феномен редукции рефлексивности) [69]. По отношению к правоохранительной деятельности оно же отражено в термине «моратория рефлексивности» (по [113]).

Однако оно – причем, с еще большей степенью выраженности представлено и в деятельности, базирующихся на основе компьютерной технике. Ниже мы более подробно остановились на этом важном моменте; пока же отметим, что данная деятельность зачастую предполагает не столько опору на собственно рефлексивные средства, сколько их элиминацию. Можно сказать и более категорично: данная деятельность во многом принципиально *арефлексивна* или даже *антирефлексивна*, что связано со следующими обстоятельствами. Первое:

взаимодействие с компьютером не только нетождественное взаимодействие с «другими» субъектами, но и противоположно им по параметру именно рефлексивности. Используя терминологию Дж. Фон Неймана и О. Моргенштерна, можно считать что это – не «рефлексивная игра», а «игра с природой» [150]. Такое взаимодействие практически полностью исключает моменты рефлексивных отношений, вернее – не требует их. Второе: поскольку данная деятельность характеризуется высокой когнитивной нагрузкой, многозадачностью, высокой информационной емкостью, то в ней остается мало места для реализации рефлексивных функций. Ресурсный потенциал субъекта – прежде всего, когнитивный практически полностью расходуется на реализацию именно базовых – когнитивных функций, а не на реализацию функций вторичного, метакогнитивного плана. Третье: приходится учитывать и очень типичный для компьютерных деятельностей феномен так сказать отраженного, возвратного типа (он станет предметом рассмотрения в дальнейшем), состоящий в следующем. Деятельность с компьютером стимулирует формирование таких средств ее осуществления, которые присущи работе самого компьютера (что и зафиксировано в понятии возвратных феноменов). Однако эта работа практически полностью лишена рефлексивной окрашенности, что обычно обозначается как ее «машинообразность». Следовательно, возвращаясь к субъекту, такая антирефлексивная организация деятельности провоцирует и соответствующую редукцию рефлексивных средств самой деятельности субъекта.

Наконец, в-шестых, целесообразно зафиксировать и еще одну закономерность, представленную, правда, пока как тенденция, но которая, как будет показано в дальнейшем, действительно, имеет общий характер. Она состоит в том, что для каждой группы метакогнитивных феноменов, по-видимому, существует такой, который является наиболее важным и репрезентативным по отношению к ней и к деятельности в целом. Это – своего рода базовый феномен, с которым сопряжены все иные феномены. Так, по отношению к первой группе это, разумеется, феномен чувства компетенции, поскольку он в наибольшей мере релевантен основной структурной единице всей деятельности – компетенции. По отношению ко второй группе в качестве такого базового феномена выступает явление, обозначенное как феномен когнитотехники или метатехники, поскольку он в концентрированном виде воплощает в себе ведущий принцип всех метакогнитивных процессов – удвоение

их операционных возможностей. Это и происходит за счет таких техник, которые позволяют использовать либо возможности самих процессов в отношении своей собственной оптимизации, либо возможности других процессов в этих же целях.

Таким образом, выше были рассмотрены две группы феноменологических проявлений метакогнитивного плана, имеющих место в деятельности, базирующихся на компьютерной технике. Первая включает те феномены, которые обычно обозначаются понятием мета когнитивных чувств (МКЧ), а вторая – те феномены, которые сопряжены с более сложными – собственно процессуальными образованиями – с метакогнитивными процессами. В целях продолжения анализа и перехода к иным – также значимым феноменам необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. С одной стороны, эти группы достаточно существенно – качественно различны в плане состава и содержания образующих их феноменов, которые вообще, как можно видеть из представленных выше материалов, соотносятся с качественно разными уровнями организации психики в целом. Однако, с другой стороны, не менее важно и то, что эти группы обладают и принципиальным, хотя и более имплицитным сходством, фактически, тождеством своей атрибутивной природы (не говоря уже об общности их функционального предназначения). Оно проявляется в том, что обе эти группы включают в себя такие феномены, которые сопряжены именно с метакогнитивными процессами и структурами, образованиями и явлениями, а в более широком плане с *когнитивной* подсистемой психики. Они выполняют именно метакогнитивные функции и вообще – максимально конгруэнтны самому «духу» идеологии метакогнитивизма. Данное обстоятельство, впрочем, настолько очевидно, что на него уже не обращается должного внимания; вместе с тем, его методологическая рефлексия позволяет дифференцировать еще одну значимую группу феноменов, к рассмотрению которой теперь и необходимо перейти.

3.3.3. Метакогнитивные эвристики

Как показывает анализ проблематики метакогнитивизма, реализуемой не по отношению к абстрактным – *внедействительностным* условиям, то есть не по отношению к экологически не валидным условиям, а по отношению к профессиональной деятельности, реализуемой в есте-

ственных условиях, общая феноменологическая картина этих явлений существенно расширяется и обогащается. Действительно, как мы неоднократно подчеркивали по ходу предшествующего изложения и как это достаточно подробно охарактеризовано в ряде наших работ, наряду с процессами собственно метакогнитивного плана, необходима дифференциация и однопорядковых с ними по принципам организации, но иных по функциональной направленности процессов – *метарегулятивных*. Именно они играют не просто важную, но во многом – определяющую роль в организации деятельности – особенно профессиональной и, прежде всего, тех ее видов, которые характеризуются наибольшей сложностью. К ним и относятся деятельности, синтезированные в субъектно-информационный класс в целом, а также реализуемые на основе компьютерной техники, в особенности. Кроме того, данное обстоятельство особо значимо еще и в собственно методологическом плане. Оно является общим по смыслу, но конкретным по содержанию проявлением магистральной линии эволюции самого метакогнитивизма. Это – переход от аналитической стадии его развития к системной. На первой из них доминирует внедеятельностная парадигма его развития. Вторая, наоборот, требует включения предмета исследования в ту объективно представленную целостность (систему), в которой он обретает всю полноту своих качественных характеристик, – в деятельность. В связи с этим, есть все основания полагать, что реализация и этого класса процессов в деятельности – метарегулятивных, равно как и реализация регулятивных функций иных процессов, связанных с организацией деятельности в целом, также будет выступать источником новых, дополнительных по отношению к описанным феноменов. Кроме того, возникает и предположение, согласно которому эти феномены будут существенно – качественно отличаться от уже рассмотренных, поскольку они сопряжены с качественно иными процессами и иными по направленности функциями – не собственно когнитивными, а *регулятивными*.

В связи со сказанным, возникает, однако, весьма «неудобный», но очень важный вопрос, имеющий принципиальное значение для всех рассматриваемых здесь задач. Действительно, если эти феномены уже априорно – по определению носят не метакогнитивный, а метарегулятивный характер, то можно ли их вообще включать в сферу проводимого здесь анализа, то есть в сферу собственно метакогнитивной феноменологии? По нашему мнению, этот – действительно, сложный

и принципиальный вопрос не только нельзя замалчивать, но напротив, его следует особо акцентировать, поскольку попытки его решения как раз и приводят к существенному расширению общей феноменологической картины метапроцессуальной регуляции деятельности данного класса и особенно – базирующейся на компьютерной технике. Мы полагаем, что можно предложить следующий вариант его решения. Атрибутная природа этой деятельности заключается в ее информационном характере, в ее направленности на работу с информацией – на ее переработку и на оперирование с ней. Однако это же означает, что она столь же принципиально и даже атрибутивно выступает именно как когнитивная по своей сути – как система активности, направленная на реализацию практически исключительно когнитивных функций. Причем, данная деятельность так сказать «двойка когнитивна». Она когнитивна со стороны ее внесубъектной «составляющей» – предмета и средств труда, каковым и выступает сам компьютер. Однако, она же когнитивна и со стороны собственно субъектной «составляющей», поскольку практически все функции ее субъекта, фактически, сводятся к когниции взятой, правда, в широком смысле. Но если это так – если вся эта деятельность атрибутивно когнитивна, то и все то, что направлено на ее организацию и регуляцию, что «руководит и управляет» ей, то есть ее собственно психическая регуляция обретает столь же атрибутивно метакогнитивный характер. Когнитивная регуляция когнитивной деятельности – это, собственно говоря, и есть метакогниция, представленная в ее атрибутивном виде.

Отсюда с такой же необходимостью следует и еще одно заключение. Если вся данная деятельность атрибутивно метакогнитивна, то и любой из эксплицируемых в ней феноменов также с необходимостью является соответствующим этой ее природе, то есть также является метакогнитивным. Причем, очень характерно, что и те феномены, которые сопряжены с реализацией собственно регулятивных функций по ее организации, также с необходимостью выступают и как метакогнитивные, поскольку они направлены, в конечном итоге, на ее обеспечение как исходно когнитивной. Другими словами, даже те процессы и действия, которые имеют исходно регулятивный характер и сохраняют его во многих иных видах деятельности, в данном классе деятельности, выступают уже в качественно ином модусе – как метакогнитивные, поскольку они направлены на оптимизацию функций и на решение

задач атрибутивно когнитивного плана. По нашему мнению, данное обстоятельство вообще следует рассматривать как наиболее принципиальное в плане выявления истинной специфики метапроцессуальной регуляции деятельностей субъектно-информационного класса. Он позволяет вскрыть истинное содержание и действительную широту этой регуляции – в особенности, ее несводимость только к традиционному классу метакогнитивных процессов и к необходимости включения в нее метапроцессов иного плана – в особенности метарегулятивных.

Следует учитывать и еще одно обстоятельство принципиального плана. Дело в том, что сама по себе реализация регулятивных функций по отношению к деятельности, имеющей подчеркнута когнитивную природу, с необходимостью обретает не только метакогнитивный, но и метаоперационный характер. Это означает, что их реализация может осуществляться и такими средствами, которые носят уже не собственно процессуальный характер, а являются более сложными и комплексонами, – в том числе, и реализуемыми на более сложно-организованных деятельностных уровнях. Иными словами, она может реализовываться не только в собственно процессуальном виде, но и в иных формах – в частности, в операционной и действенной. Следовательно, искомые феномены также с необходимостью должны быть сопряжены не только с собственно процессуальной регуляцией деятельности, но и с теми метапроцессуальными ее формами, которые играют большую роль в ее организации – прежде всего, операционной и, в особенности, *действенной*. Не только процессы, направленные на ее организацию, эксплицируют свой статус как метакогнитивных, но также операции и действия, направленные на это же, предстают в аналогичном статусе.

Показательно и доказательно, что все вышеизложенное с высокой степенью очевидности и наглядности проявляется именно по отношению к рассматриваемому классу деятельностей. Важно и то, что сам характер такого подтверждения выходит за рамки так сказать только теоретической аргументации, но является и подчеркнута практическим, коренящимся в многообразной практике компьютерных деятельностей. Более того, именно прикладная верифицируемость высказанных соображений представлена даже в еще большей мере, нежели аргументация теоретического плана; она составляет существенную часть всей так называемой «компьютерной субкультуры», образует важную часть профессионального опыта IT-специалистов, «золотой

фонд» этого опыта и вообще во многом определяет их профессионализм как таковой. Речь при этом идет, разумеется, о том что, хотя и обозначается по-разному, но имеет принципиально сходный и даже единый смысл – о тех *наднормативных* операционных средствах, которые генерируются в процессе профессионализации, в основном, самим субъектом и которые позволяют оптимизировать организацию и реализацию деятельности. Эти средства обозначаются разными терминами – понятиями эвристик, неформальных правил, профессиональных приемов, «техник», топ-навыков, профессиональных хитростей и пр. Очень показательны, что все они не только порождаются самими профессионалами – теми, кто осуществляет эту деятельность. Более того, они практически всегда и описываются самими профессионалами, составляя многочисленные перечни которыми «пестрит» Интернет, равно как и соответствующая литература, в том числе, и дидактическая. В этом плане, конечно, можно было высказать претензии, связанные с их якобы недостаточной научностью, эмпиричностью, прагматичностью, с их эклектизмом, а иногда и с поверхностным характером. Дело, однако, заключается совсем в другом – в том, что они как нельзя лучше отражают «то, как это обстоит на самом деле» – реальную действительность, повседневную практику деятельности. Более того, поскольку весь опыт дифференциации такого рода приемов связан с мнениями специалистов высокой квалификации – высококомпетентных специалистов, то он носит весьма верифицированный характер, является истинным и обоснованным.

В этом плане субъектно-информационный класс деятельности, взятый в его наиболее репрезентативный экспликацию – в деятельности, базирующихся на IT-технологиях, раскрывается еще одной очень специфической гранью. Дело в том, что являясь объективно наиболее сложным и, что также очень существенно, максимально когнитивно-насыщенным, он предполагает обязательное наличие соответствующих ему компетенций у его субъектов. Не приходится доказывать, что именно сообщество IT-специалистов – это одна из наиболее высококвалифицированных профессиональных групп, характеризующаяся высоким уровнем интеллектуального потенциала. Но именно потому, что они являются столь очевидными носителями профессиональных компетенций, являясь высококомпетентными в профессиональном и когнитивном плане, они же могут, а на наш взгляд – должны с высокой степенью

эффективности реализовывать и еще одну миссию. Они могут выступать не только экспертами по отношению к этой деятельности в целом и к ее собственно психологическому исследованию, в частности, но и фактически самим ее исследователями – по крайней мере в звене создания эмпирического базиса такого исследования. Они сами вполне могут реализовывать функции психолога – пусть и «житейского», практического по отношению к ней. Решающим условием этого как раз и являются сочетание у них высокой компетенции в отношении своей деятельности (несопоставимой с компетенцией любого «внешнего наблюдателя» – в том числе, и профессионального психолога) и столь же очевидно высоких эвристических возможностей, обусловленных высоким уровнем интеллектуального и общекультурного развития. Именно это, кстати говоря, и проявляются в существовании большого числа попыток рефлексии собственной деятельности со стороны этих специалистов, зафиксированных, в том числе, и в литературных источниках, а также в «компьютерном фольклоре» и в «цифровой субкультуре». Кроме того важно учитывать и то, что сами профессиональные психологи, практически вся деятельность которых в настоящее время также фактически неразрывно связана с IT-технологиями, также могут рефлексировать свой опыт работы с ними. По отношению к ним они реализуют тем самым известный трудовой метод, но взятый в его современной экспликации – по отношению к деятельности субъектно-информационного класса. За счет этого возникает еще один – весьма важный и конструктивный канал формирования эмпирического базиса исследования данного класса. Можно видеть, что с одной стороны, IT-специалисты, как никто другой, способны к реализации функций практического психолога-исследователя по отношению к своей деятельности. Однако, с другой стороны, и сами профессиональные психологи, в известной степени выступают и как IT-специалисты, как IT-психологи. Тем самым, они также оказываются в состоянии выступать как эффективные реализаторы трудового метода, который, как известно, дает очень богатую и содержательную информацию о профессиональной деятельности.

В этой деятельности создается своего рода наднормативный операционный фонд тех средств, которые позволяют оптимизировать ее психологическое обеспечение. Подчеркнем также, что он, хотя и весьма гетерогенен по составу и конкретному содержанию самих операционных средств, но включает в себя принципиально сходные по функ-

циональной направленности средства. В целях удобства дальнейшего изложения из всех используемых для их обозначения терминов мы остановимся на понятии *эвристик*, тем более, что оно попользуется чаще всего. Наряду с этим, в целях их экспликации был реализован разработанный нами методический прием *эвристической беседы* [62]⁵¹.

Как известно, эвристики – это правила, которые позволяют быстро и эффективно принимать решения, справляться с проблемами и оценивать актуальное положение дел. Эти правила определяют однозначные стратегии поведения в неоднозначных ситуациях. Существование таких правил сокращает время принятия решений и позволяет действовать быстро, без постоянных размышлений о том, как следовало бы поступить. Эвристики полезны во многих ситуациях, но их применение может приводить к когнитивным искажениям и неверным выводам. Еще в 50-х годах двадцатого века Г. Саймон установил, что при осуществление задач рационального выбора, способности правильно оценить ситуацию заметно ограничены [307]. Рациональные решения предполагают взвешивание таких факторов, как потенциальные издержки и возможные выгоды, но человек, как правило, не имеет достаточно времени и информации, чтобы взвесить все за и против. В свою очередь, эти и многие иные – принципиально сходные с ними проявления ограничивающего плана, а также осмысление того, каким образом они влияют на процессы переработки информации, послужили основой для сформулированной им теории ограниченной рациональности (ТОР). Эти исследование получили развитие в работах А. Тверски и Д. Канемана, которые были посвящены когнитивным искажениям, влияющих на оценки и суждения [265]. Когнитивные искажения и ограничения вынуждают полагаться на такие ментальные стратегии, которые упрощают объективные ситуации и помогают выходить из них.

⁵¹ Она включала, в частности, обсуждение с респондентами следующих тем и вопросов. Как Вы можете охарактеризовать свою деятельность? С какими сложностями на работе вам приходилось сталкиваться? Как решали поставленные задачи? Если вы сталкиваетесь с новым поручением, то с чего начинаете выполнение задачи? Профессионал в вашей области, он какой? Какими характеристиками должен обладать? Что помогло вам разобраться в вашей профессии? Достичь высоких результатов? Что позволяет вам экономить время при выполнении поручений? Какие методы для этого используете?

Эвристики позволяют достичь нескольких эффектов. Так, они позволяют минимизировать усилия. Согласно этой точке зрения, люди используют эвристики в результате проявления своего рода когнитивной лени. Применение эвристики уменьшает когнитивные усилия, необходимые для выбора и принятия решений. Далее, это и эффект «подмены понятий»: люди склонны заменять сложные и многозначные вопросы аналогичными, но более простыми. Эвристики фасилируют как процессы принятия решения, так и поиск выхода из проблемных ситуаций. Они позволяют минимизировать противоречие между большим объемом поступающей извне и ограниченностью возможностей самого субъекта. Чтобы справиться с огромным информационным потоком, субъект полагается на такие ментальные стратегии, которые позволяют упростить ситуацию. Наиболее известными являются эвристика доступности и эвристика репрезентативности.

Эвристика доступности базируется на том, что легче актуализируется из памяти.

Эвристика репрезентативности предполагает сравнение актуальной ситуации с наиболее типичным ментальным образом. Процесс использования эвристик подвержен влиянию эмоций, которые испытывает человек в момент оценки сложной ситуации. Исследования показали, что люди с большей вероятностью воспринимают выгодные решения и оценивают его риски как низкие, когда находятся в хорошем настроении. С другой стороны, отрицательные эмоции заставляют людей сосредоточиться на потенциальных недостатках решения, а не на возможных преимуществах.

Хотя эвристики ускоряют процесс решения проблем и принятия решений, они могут стать причиной ошибок. Эвристики также могут способствовать возникновению стереотипов и предрассудков. Поскольку человек использует эвристики для оценки и классификации людей, он часто игнорирует более релевантную информацию и создает стереотипные категоризации, которые не соответствуют действительности. Зная, как работают эвристики, и осознавая, что они могут приводить к искажениям восприятия, субъект может использовать их более эффективно. Наряду с отмеченными, выделяют и иные эвристики.

Эвристика редукции сложности. Это – один из способов достижения ожидаемого результата состоит в решении более простой проблемы, являющейся частью исходной проблемы.

Эвристика схематизации. В случае возникновения трудностей с пониманием проблемы, полезно дать ей схематическое представление – «картинку».

Эвристика квазирешения. Она гласит следующее: «Если вы не можете найти решение, попробуйте предположить, что у вас есть решение, и посмотрите, что вы можете из него извлечь (работать в обратном направлении)».

Эвристикам конкретизации. Если проблема абстрактная, ее целесообразно конкретизировать до частного случая.

Эвристика обобщения («парадокс изобретателя») предписывает следующее. «Попробуйте сначала решить более общую проблему, поскольку это поможет в решении более частной».

Эвристика «микропланов» гласит следующее: «Записывайте результаты, которых вы хотите достичь в ближайшие полчаса или час, а в конце этого отрезка времени подведите итоги. В дальнейшем такие «микропланы» можно будет составлять мысленно».

Эвристика ускорения. Состоит в произвольном преднамеренном повышении темпа переработки информации с тем расчетом, что симульганизация этого процесса будет активизировать неосознаваемые средства его реализации. Данная эвристика нуждается в дополнительном комментарии. Дело в том, что умение быстро работать за компьютером – это, прежде всего, привычка. Человек, не имеющий такой привычки, регулярно будет отвлекаться от своего занятия, поддаваться лени и апатии, а скорость его работы зачастую будет зависеть от настроения. Ниже приведено несколько рекомендаций, которые помогут выработать привычку к быстрой и продуктивной работе:

1. Постоянно прикладывайте сознательные усилия к тому, чтобы «ускориться». Возможно, что в самом начале это будет не очень приятно, но именно так часто и бывает с новыми привычками.

2. Скорость должна быть высокой, но не настолько высокой, чтобы страдало качество. В первую очередь следует научиться быстро выполнять те операции, которые не требуют размышлений и особого внимания: перемещение файлов, запуск программ и т. д.

3. Боритесь с отвлечениями. Старайтесь убирать или отключать все, что отвлекает от работы: телевизор, радио, почту, социальные сети, мессенджеры, всплывающие сообщения. Избегайте во время

работы ярких впечатлений и сильных эмоций, иначе ваши мысли будут постоянно к ним возвращаться.

4. Ориентируйтесь на результат, а не на процесс – это дисциплинирует и не дает отвлекаться. Для этого составьте список результатов и целей, которых вы хотите достичь в течение рабочего дня, и периодически в него заглядывайте.

5. Если вы вдруг задумались, отвлеклись, увязли в ненужных деталях или «поймали себя» на неоправданно медленной работе, спокойно вернитесь к быстрому темпу. При этом не следует себя за это как-то ругать или осуждать.

Наряду с этим, представлен и еще один набор эвристик подобного рода, которые, с одной стороны, имеют достаточно общую сферу, а с другой, очень характерны и для информационной деятельности.

Эвристика сокращения усилий (Effort reduction heuristic), состоит в использовании разнообразных средств, направленных на минимизацию когнитивной сложности.

Эвристика воздействия используется при оценке рисков и преимуществ чего-либо в зависимости от положительных или отрицательных чувств, которые люди связывают со стимулом. Также может считаться интуитивным решением, поскольку, если интуитивное ощущение правильное, то польза высока, а риски низкие.

Эвристика якорения (anchoring and adjustment heuristic) заключается в склонности больше полагаться на первую часть информация, предлагаемая («якорь») при принятии решений.

Эвристика усилия (Effort heuristic). Заключается в том, то ценность объекта определяется количеством усилий, затраченных на создание объекта. Объекты, на создание которых ушло больше времени, более ценны, в то время как объекты, на создание которых ушло меньше времени, считаются менее ценными. Также относится к тому, сколько усилий прилагается для достижения продукта. Это можно рассматривать как разницу между работой и получением объекта и поиском объекта на обочине улицы.

Эвристика знакомства (Familiarity heuristic). Ментальное средство, применяемое к различным ситуациям, в которых люди предполагают, что обстоятельства, лежащие в основе их поведения в прошлом, все еще сохраняются в настоящей ситуации и что прошлое поведение, таким образом, можно правильно применить к новой ситуации.

Эвристика наивной диверсификации (Naive diversification). Заключается в том, что при просьбе сформулировать несколько вариантов одновременно, люди склонны к большему разнообразию, чем при последовательном принятии однотипных решений.

Эвристика пика (End rule). Состоит в том, что опыт события оценивается по ощущениям пика события и не более того. Обычно не каждое событие рассматривается как завершенное, а то, что ощущалось в кульминации, было ли событие приятным или неприятным для наблюдателя. Все остальные чувства не теряются, но не используются. Это также может включать, как долго произошло событие.

Эвристики дефицита. (Scarcity heuristic). Состоит в том, что чем сложнее получить предмет или информацию, тем большую ценность они имеют. Это может привести к системным ошибкам или когнитивной предвзятости.

Эвристика моделирования (Simulation heuristic). Представляет собой упрощенную ментальную стратегию, в которой люди определяют вероятность того, что событие произойдет, исходя из того, насколько легко мысленно представить происходящее событие.

Эвристика контроля – систематическое включение контрольных операций в текущий процесс как средство выявления не только отклонений от его нормативной реализации, но и постановки новых задач, решение которых может оказаться полезным в дальнейшем.

Эвристика беглости (Fluency heuristic). Если один объект обрабатывается плавнее или быстрее другого, то этот объект имеет более высокое значение в отношении рассматриваемого вопроса. Другими словами, чем более умело или изящно идея передается, тем вероятней, что её следует рассматривать серьезно, независимо от того, логична она или нет.

Эвристика взгляда (Gaze heuristic). Эвристика, согласно которой эффективность переработки информации может быть повышена при максимальной концентрации внимания («взгляда») на либо одной переменной с полным игнорированием всех иных.

Эвристика «горячего заблуждения» («Ошибка игрока»). Состоит в мнении, что для случайных независимых событий, чем ниже частота исхода в недавнем прошлом, тем выше вероятность такого исхода в будущем.

Эвристика распознавания (Recognition heuristic). Если один из двух объектов один распознан, а другой нет, то следует сделать

вывод, что распознанный объект имеет более высокое значение по отношению к деятельности.

Эвристика подобия (Similarity heuristic). Заключается в вынесении суждений на основе сходства между текущими ситуациями и другими ситуациями или прототипами этих ситуаций. В общем случае эвристика подобия представляет собой адаптивную стратегию. Цель эвристики подобия – максимизировать продуктивность за счет благоприятного опыта, не повторяя неблагоприятный опыт. Решения, основанные на том, насколько благоприятным или неблагоприятным кажется настоящее, основываются на том, насколько прошлое было похоже на текущую ситуацию.

Эвристика подстановки атрибутов (Attribute substitution). Эвристика, известная также как предвзятость замещения, – это процесс, который, как считается, лежит в основе ряда когнитивных предубеждений и иллюзий восприятия. Это происходит, когда человек должен сделать суждение (о целевом атрибуте), которое является вычислительно сложным, и вместо этого заменяет более легко вычисляемый эвристический атрибут. Полагается, что эта замена имеет место в автоматической интуитивной системе суждения, а не в рефлексивной системе. В частности, когда кто-то пытается ответить на сложный вопрос, он может фактически ответить на связанный, но другой вопрос, не осознавая, что произошла замена. Это объясняет, почему люди могут не осознавать свои собственные предубеждения и почему предубеждения сохраняются, даже когда субъект осведомлен о них.

Далее, возможен и еще один способ дифференциации эвристик. Так, в процессе бесед были выявлены своего рода «мысленные ярлыки», которые способствуют быстрому и с минимальным приложением умственных усилий принятию решений, вынесению суждений, быстрому решению проблемы, совладанию со стрессовыми ситуациями и др.

Эвристика ментального упрощения, с помощью которой IT-специалисты быстрее и эффективнее классифицируют объекты в соответствии с тем, насколько эти объекты подобны какому-то типичному примеру из их практики. Отмечается, что эвристика репрезентативности часто приводит к ошибкам в оценке вероятности события или последовательности событий. Например, при написании простого кода даже опытный программист может допустить ошибку, забыв о том, что надо следить за начальными значениями переменных. В большинстве языков до того, как вы что-то поместите в выделенную область

памяти, там будет храниться остаточный «мусор», то есть любой двоичный код, который остался в ячейках до начала работы программы.

Прайминг-эффект, эффект предшествования или фокусирование установки является механизмом имплицитной памяти, обеспечивающим неосознанное и непреднамеренное влияние однократного воздействия стимула, какого-либо вида на реакцию на последующий стимул. Выделяют перцептивный, семантический и концептуальный прайминг. Если сотрудник недавно столкнулся с определенной ошибкой, например, в работе программы, разобрался в ее причине, то при последующем возникновении ошибки в этой программе у него возникнет установка на ту же самую причину, то есть он пойдет привычным алгоритмом устранять ошибку. На практике такое работает не всегда. Например, бухгалтер, работая в программе СБИС, не мог сформировать отчет. Ошибка была в работе программы, и ее смогли устранить программисты. На следующий раз при неудавшейся попытке составления отчета оказалось, что ошибка заключалась в неверной работе самого специалиста с программой.

Наибольший интерес в деятельности IT специалистов представляет перцептивный прайминг. Основная сфера действия перцептивного прайминга – задачи зрительного поиска, в которых человеку необходимо отыскать определенный целевой объект среди множества сходных зрительных объектов. Если целевой объект отличается от остальных уникальным физическим признаком (например, при участии воображения и узнавания, когда по нескольким ключевым штрихам IT-специалист понимает, какой код программы перед нами представлен), то время его поиска не зависит от общего количества стимулов. Феноменально такой стимул «выскакивает» из стимульного поля, и человек мгновенно обнаруживает его. Если же он отличается от остальных несколькими признаками, то поиск требует участия механизмов внимания и осуществляется последовательно и тем медленнее, чем больше зрительных объектов находится перед человеком. Описанные примеры сопоставимы с примерами поиска геометрических фигур, предъявляемых в экспериментах Дж. Вольфа. Рекламные сообщения не существуют сами по себе в отрыве от носителей. На эффективность рекламы в СМИ влияют несколько различных факторов.

Эвристика привязки и приспособления – ментальный прием, который уже встречался в предыдущих классификациях как эффект

якоря. Он заключается в том, что любое число, на которое мы обратили внимание перед тем, как провели оценку неизвестной величины, влияет на величину нашей оценки. Примером такой установки может служить программирование на старом языке для уже новой системы. Когда сотрудник по причине отвлечения или забывания, возвращаясь к работе, использует старый и привычный код, который и служит тем самым якорем. Зачастую эвристика привязки может привести к ошибкам в деятельности.

Эвристика распознавания – эта ментальная модель, которая также отмечалась выше и опирается только на распознавание знакомых объектов в не знакомом (непривычном) массиве данных. Это приводит к проверяемому предсказанию, что люди, которые полагаются на него, будут игнорировать сильные, противоречивые сигналы (т. е. не делать компромиссов; так называемые не компенсирующие выводы). Данная эвристика проявляется в тех областях, где существует корреляция между критерием и распознаванием. Например, прогнозирование географических свойств, спортивных событий, маркетинг. В случае IT-деятельности и конкретно работы программиста это может быть прогнозирование успешности конкретного кода для данной программы, для копирайтера – это выбор правильного тона письма или статьи в зависимости от читающей аудитории, для тестировщика – определение ошибки в системе, сайте, программе.

Кроме того, в деятельности IT-специалистов обнаружены метаэвристики – стратегии, которые «управляют» процессом поиска решения. Цель метаэвристики состоит в эффективном исследовании пространства поиска для нахождения (почти) оптимальных решений. Метаэвристические алгоритмы варьируют от простых процедур локального поиска до сложных процессов обучения; алгоритмы являются приближенными и, как правило, недетерминированными; могут включать механизмы избегания попадания в ловушку в ограниченном области пространства поиска. Метаэвристики могут быть описаны на абстрактном уровне (то есть они не предназначены для решения конкретных задач), а также могут использовать предметно-ориентированных знания в виде эвристик, которые находятся под контролем стратегии верхнего уровня.

Современные метаэвристики используют сохраненный в памяти опыт поиска решения для управления поиском. Метаэвристики

предполагают методы локального поиска (МЛП), который обычно позволяет найти локальный оптимум. К основным методам МЛП относятся метод имитации отжига, табу-поиск, процедура жадного рандомизированного адаптивного поиска (GRASP – Greedy Randomized Adaptive Search Procedure) метод поиска чередующихся окрестностей (VNS – Variable Neighborhood Search).

Наиболее частые эвристики:

Жадный алгоритм – алгоритм, заключающийся в принятии локально оптимальных решений на каждом этапе, допуская, что конечное решение также окажется оптимальным.

Ограниченный перебор только перспективных вариантов – существует класс задач, в которых из некоторого количества вариантов необходимо выбрать наиболее оптимальный. Для таких задач далеко не всегда удастся найти алгоритм, который позволил бы получить решение без анализа всех или большого количества комбинаций исходных данных, то есть без осуществления перебора. Осуществление полного перебора требует много времени. Потому на практике используется ограниченный перебор наиболее перспективных вариантов.

Последовательное улучшение («локальный поиск») в том числе в сочетании с вероятностным выбором – специалист не пытается решить задачу сразу и наскоком. Он выбирает одну небольшую подзадачу, находит оптимальное для неё решение, после переходит к следующей. Так происходит постепенное улучшение конечного продукта путем локального поиска.

Для исследования феноменов метакогнитивного плана, имеющих место в деятельности информационного класса, определение значение имеет и подход Дж. Миллера к дифференциации стратегий преодоления информационной перегрузки, которые также следует рассматривать как эвристические средства ее оптимизации.

Бездействие – произвольная временная остановка обработки информации.

Ошибочная обработка информации.

Выбор очередности – откладывание обработки некоторых видов информации в надежде вернуться к ним позднее.

Фильтрация – пренебрежение некоторыми видами информации во время обработки других, более приоритетных.

Приблизительная точность – за счет снижения точности обработки информации увеличивается скорость.

Множественная обработка – распределение процессов обработки информации, если это представляется возможным.

Избегание – уход от решения задач, связанных с обработкой информации.

Далее, обращаясь к попытке осмысления феномена эвристик в деятельности данного класса, мы с необходимостью сталкиваемся с самим – весьма сложным и глубоким, но одновременно не вполне четко определенным понятием эвристики как таковым. Оно имеет непростую судьбу в психологии, сложную историю становления и развития, характеризуется полемичностью и составляет особую специальную тему. Не вдаваясь во все тонкости данного вопроса, остановимся лишь на тех сторонах данного феномена, которые непосредственно сопряжены с рассматриваемыми здесь вопросами.

Во-первых, пожалуй, главной особенностью эвристик – особенно важной в плане раскрытия содержания и феноменологии метапроцессуальной регуляции, является то, что они носят принципиально *вторичный* характер. Они практически никогда не являются самостоятельными образованиями – самодостаточными, терминальными операционными средствами, но выступают как то, что «накладывается» на иные операционные образования процессы, действия, операции и оптимизирует – фасилитирует их. По отношению к ним – правда, с известной долей условности, но фактически обоснованно может быть применен и широко используемый сейчас термин надпредметных действий. Следовательно, они по самой своей сути выступают не как операционные, а как метаоперационные образования; они локализованы не на уровне непосредственного исполнения, а на метауровне по отношению к нему. Однако если учесть, то в данной деятельности само это исполнение является собственно когнитивным, то и сами эвристики обретают статус метакогнитивных образований, порождающих сопряженную с ним феноменологию – также метакогнитивную.

Во-вторых, важной чертой эвристик является и то, что они сами по себе не гарантируют получение необходимого результата, но *облегчают* его достижение, в чем проявляется их не строго детерминистский, а вероятностный характер. Причем, они облегчают его не только в смысле фасилитации самого поиска – в качестве «подсказок» того,

как его достичь, но и в прямом смысле – в смысле снижения психологических затрат на его получение. Именно поэтому опытный профессионал, который как раз и характеризуется наиболее полной реализацией эвристического арсенала, работает с относительно меньшими затратами, чем неопытный работник.

В-третьих, еще одной особенностью эвристик является то, что они часто являются результатом *собственной* активности субъекта по освоению и оптимизации своей деятельности – они «плод» его активности. Другими словами, они зачастую не задаются извне, а создаются сами субъектом. Отсюда вытекает, как минимум, два следствия. Первое – они носят предельно индивидуализированный и потому – удобный для самого субъекта характер, позволяя ему максимизировать опору на свои сильные стороны и минимизировать свои слабые места. Иначе говоря, они выступают и мощным средством обеспечения одного из важнейших свойств деятельности – оперативности. Второе – на них в полной мере распространяется фундаментальный феномен асимметрии оценки «своего и чужого». Он, как известно, состоит в субъективно завышенной оценке своих собственных результатов по сравнению с объективной и в недооценке результатов, полученных другими. Сказанное не означает, конечно, что эвристики не могут задаваться извне и не быть предметом специального формирования. Как раз напротив, ряд из них может и должен выступать в этом качестве, что, кстати говоря, и происходит в действительности, а их усвоение составляет существенную часть ряда дидактических программ.

В-четвертых, как было показано уже в самых первых работах по проблеме эвристик, они обладают принципиальной *двойственностью* – они одновременно являются и правильными и неправильными. Они могут быть «неправильными» в том смысле, что нередко не соответствуют постулату строгой рациональности, корректности выводов и пр. В этом плане, например, эвристика доступности вовсе не является рациональной по своей сути, а скорее, наоборот, выступает явным когнитивным искажением. Однако они все же правильны в том смысле, что в тех или иных конкретных условиях часто выступают фактически ее единственно возможными – принципиально реализуемыми средствами организации действий, способами переработки информации. Так, в теории принятия решения еще со времен Г. Саймона сформулирован парадоксальный, на первый взгляд, но верный по сути

тезис, согласно которому человек вообще может принимать решения только постольку, поскольку он ошибается, что и проявляется в использовании эвристик [307]. Он отмечал в этой связи, что «человек не настолько иррационален, чтобы всегда поступать рационально».

В-пятых, эвристики обладают и еще одной особенностью, к рассмотрению которой мы возвратимся ниже, но которую целесообразно зафиксировать уже сейчас. Они выступают именно как *наднормативные* образования – как то, что исходно не представлено в нормативном содержании деятельности, а является продуктом его обогащения субъектом деятельности.

Все эти наиболее характерные особенности эвристик, равно как и иные – более локальные их свойства, весьма отчетливо и полно эксплицируются как в ходе психологического анализа деятельности информационного класса, так и при специальном реферировании соответствующей литературы, в которой, как мы отмечали, представлены разнообразные их перечни и списки.

Итак, действительно, вся совокупность эвристик предстает как весьма гетерогенная по многим параметрам одновременно. Среди этих параметров, однако, целесообразно особо выделить такой, который связан со степенью их обобщенности, комплексности и, соответственно, сложности. В самом деле, как можно видеть, вся их совокупность образует достаточно широкий континуум, начиная от сравнительно несложных «эвристических приемов» и заканчивая операционными средствами, приближающимися по своей комплексности к категории стратегий реализации действий, а также построения всей деятельности в целом. Более того, поскольку речь идет именно о параметре комплексности, синтетичности, то вся их совокупность может и должна быть представлена не в континуальной (плоскостной) форме, а в вертикальном – иерархическом виде, как множество образований, упорядоченных на основе структурно-уровневого принципа. В результате такого представления вся их эмпирически выявленная картина предстает как упорядоченная организованная система, что, кстати говоря, способствует решению одной из острых проблем – проблемы их классификации.

Далее, в плане основных задач данной работы важно и то, что феномен эвристик в целом и содержание каждой из них, в частности, может и должен быть включен в традиционную проблематику именно психологического анализа деятельности. Более того, такое включение

является не только необходимым, но и очень органичным; поясним сказанное. Дело в том, что одной из основных, а по нашему мнению – и определяющей особенностью эвристик как таковых является то, что они имеют принципиально *наднормативный* характер. Отсюда, собственно говоря, и следует, что они носят именно наддеятельностный, то есть метадеятельностный характер; это требует их включения в общий состав метаоперационной регуляции деятельности. Однако не менее значимо и то, что сама их суть и функциональное предназначение корректно и рельефно эксплицируются посредством двух базовых понятий теории психологического анализа деятельности – понятий нормативно-одобренного способа деятельности (НОСД) и индивидуального способа деятельности (ИСПД), а также трансформации первого во второй. В самом деле, с этих позиций процесс профессионализации предстает как трансформация нормативного способа деятельности в индивидуальный. Такая трансформация, в свою очередь, предполагает несколько направлений реализации. Во-первых, из НОСД исключаются те или иные его элементы, что, впрочем, является наиболее негативным сценарием и не приводит к эффективному освоению деятельности, свидетельствуя зачастую о неспособности того или иного индивида к ней. Во-вторых, содержание нормативного и индивидуального способов могут, фактически, совпадать, что обеспечивает реализацию деятельности на среднем уровне эффективности. В-третьих, индивидуальный способ может обогащать содержание нормативного за счет того, что индивид в процессе распрямления деятельности формирует новые индивидуально специфические операционные средства, к каковым относятся, в частности, и эвристики. Нормативный способ трансформируется в наднормативный.

Таким образом, с очевидностью эксплицируется обстоятельство наиболее принципиального плана: феномен эвристик, будучи атрибутивно метаоперационным, а значит и метакогнитивным, является, фактически, важнейшей гранью и конкретным воплощением еще более общего феномена наднормативности. Он, в свою очередь, имеет несколько экспликаций в психологических исследованиях. Это в частности, исследования наднормативной активности личности, изучение надситуативного поведения, проблема самоактуализации личности как следствия присущих ей наднормативных интенций и др. В наиболее общем плане данное свойство сопряжено с фундамент-

ными атрибутами сознания – со свойствами интенциональности, трансцендентальности и эмерджентности. Следовательно, в свете сказанного феномен эвристик демонстрирует свой истинный и весьма глубокий смысл, поскольку он раскрывается как она из граней фундаментального общепсихологического феномена (а одновременно и закономерности, механизма) наднормативности. Однако это же позволяет и даже заставляют привлечь к его интерпретации те данные, которые существуют в психологии в целом. Наконец, сама психология наднормативности обогащается новой – пока не вовлеченной в ее область сферой исследования – метакогнитивной феноменологией, представленной, в частности, в одном из наиболее перспективных классов деятельности – субъектно-информационном.

Итак, выше была дана характеристика еще одной – третьей основной группы феноменологических проявлений метакогнитивного плана, которые имеют место в деятельности субъектно-информационного класса в целом и деятельности, базирующихся на основе компьютерной технике. Обобщая эти материалы, можно сделать следующие заключения относительно основных особенностей феноменов данной группы. Во-первых, они – в своей совокупности характеризуются очень выраженной множественностью. Она, в свою очередь, заключается в их очень большом количестве, а также в высокой степени гетерогенности, причем, по целому ряду оснований. В результате их совокупность предстает не просто как обширная, но и как, фактически, беспрецедентная по своему объему. Во-вторых, очень яркой особенностью данной группы является то, что все они так сказать «преодолевают» свой исходный статус – как специфически меткогнитивных и выступают в значительной их части как метарегулятивные, как сопряженные уже не с реализацией когнитивных функций, а иных функций – регулятивных. Однако их специфичность в том и состоит, что, выступая этом статусе, они не только не утрачивают и исходного статуса как метакогнитивных, но наоборот усиливают его. Дело в том, что сама деятельность субъектно-информационного класса в целом и базирующаяся на основе компьютерной технике, как подчеркивалось выше, атрибутивно когнитивна – причем, с двух «полюсов» одновременно. С объектного «полюса», то есть в плане предмета и средств труда она, поскольку носит исключительно информационный характер, то есть сопряжена с переработкой

и преобразованием информации, выступает и как столь же когнитивная. Однако, и с субъектного «полюса» она также исключительно когнитивная, поскольку практически все ее содержание состоит в реализации именно когнитивных функций. Следовательно, по отношению к ней – как исходно и первично когнитивной любой возникающей феномен должен быть проинтерпретирован и как метакогнитивный. Другими словами, это означает, что здесь имеет место фундаментальное гносеологическое явление удвоения качественной определенности (удвоения качеств). Любой деятельностный феномен (равно как и иная деятельностная сущность), сохраняя в этом классе деятельности свой исходный статус – выступая в своей первичной качественной определенности, в то же время обретает и качественную специфичность, которая как раз и состоит в том, что они эксплицируются в качестве метакогнитивных регуляторов деятельности. Соответственно, и все сопряженные с ними феномены также окрашиваются в тона этой специфичности.

В-третьих, и в значительной мере в силу предыдущего обстоятельства, по отношению к ним наиболее сильна собственно деятельностная детерминация. Они хотя, конечно, и сохраняют детерминацию со стороны субъектных характеристик, но все же в относительно большей степени генерируются под влиянием факторов объектного плана – условий и содержания деятельности.

В-четвертых, они обладают и очень выраженной индивидуализированностью, которая также проявляется в двух основных планах. С одной стороны, они подчеркнута индивидуальны в своем конкретном проявлении именно потому, что формируются так сказать «под особенности» субъекта и предполагают опору на его сильные стороны и компенсацию слабых сторон. С другой стороны, они индивидуализированы в том смысле, что зачастую не задаются извне, а создаются самим субъектом, в силу чего на них переносится фундаментальный психологически феномен асимметрии «своего – чужого», который имеет широкую сферу действия и силу влияния.

В-пятых, они обладают выраженной генетической, точнее – профессиогенетической относительностью, поскольку степень их представленности в деятельности пропорциональна мере ее освоенности. Более того, эта мера вообще может служить в качестве объективного критерия степени профессионализма.

В-шестых, по отношению к ним в полной мере выполняется и еще одна – уже констатированная и общая для предыдущих групп особенность. Она состоит в том, что под влиянием специфически деятельностной детерминации те феномены, которые установлены в метакогнитивизме и в смежных с ним направлениях, подвергаются множественной трансформации. Она, в свою очередь, развертывается по пяти основным направлениям. Первое состоит в том, что некоторые феномены подвергаются усилению, фасилитации – например, эвристика доступности, поскольку здесь она обретает так сказать «распределенную» форму, когда та или иная информация не столько актуализируется из прошлого опыта, а находится через поисковые системы. Однако, в силу того, что данная деятельность притекает, как правило, в условиях дефицита времени, то и оценка тех информационных источников, которые более доступны, также субъективного завышается. Второе направление состоит в том, что ряд других феноменов, наоборот, ослабевает, ингибируется. Например, известная эвристика контроля в значительной мере редуцируется, уступая место доминированию известного состояния «бдительности» как также контроля, но септического, реализуемого на фоновых уровнях деятельности. Третье направление состоит в том, что известные феномены (в данном случае – эвристики) вообще могут исключаться из деятельности, редуцироваться. Например, такое известное и важное для многих деятельностей операционное средство, как эвристика рефлексивных пауз здесь, фактически, не представлена, а на смену ей приходит во многом противоположная эвристика ускорения, которая, напротив, минимизирует роль рефлексивности. Четвертое направление состоит том, что в деятельности возникают качественно новые, не известные пока феномены эвристического плана. Классическим примером этого является известное «правило Гугла», которое предписывают необходимость «постоянного забывания» информации, а для этого выработки соответствующих операционных средств. Наконец, пятое направление состоит в том, что некоторые – правда, немногие феномены могут менять свой исходный статус – инвертироваться. В частности, известная эвристика «расширения поиска» или эвристика контекстуализации инвертируются и предстают в виде противоположности – как «эвристика взгляда», которая по своему содержанию, напротив, направлена на ограничение фокусировки перцептивного и иного сканирования.

В-седьмых, имеет место и еще одна черта общности данной группы с феноменами, входящими в уже проанализированные группы. Она состоит в том, что в каждой из них выделяется какой-либо главный, базовый феномен, имеющий определяющее значение и максимально полно репрезентирующий специфику группы. По отношению к третьей группе таким феноменом выступает, разумеется, феномен наднормативности, характеристика которого также дана выше. Он как нельзя лучше эксплицирует истинное содержание и основное функциональное предназначение всех феноменов этой группы.

Все эти, а также иные – раскрытые и проинтерпретированные выше особенности феноменологических проявлений метакогнитивного плана данной группы, выявляя их качественное своеобразие, в то же время, создают необходимые и во многом достаточные предпосылки для того, чтобы эксплицировать еще одну – также значимую их группу.

3.3.4. Компетентностные феномены

Как можно видеть из представленной выше характеристики, все рассмотренные феномены характеризуются такими чертами, как принципиальная множественность и гетерогенность; деятельностно-специфический характер детерминации; выраженная операциональность – преимущественно регулятивная, а не собственно когнитивная направленность; соотносимость не с декларативными, а с процедуральными знаниями; производность как от отдельных действий, так и от их комплексов – паттернов, связанных с решением тех или иных деятельностных задач. Однако за всем этим следует видеть и обстоятельство еще более общего и принципиального плана, которое вскрывает их наиболее глубинную детерминанту, равно как и наиболее имплицитный, а поэтому – и наиболее значимый критерий их дифференциации и синтеза в качественно специфическую группу феноменов. Дело в том, что все они, фактически, непосредственно и полно – естественным образом соотносятся с одним из рассмотренных классов деятельностных компетенций – с «вторичными», производными компетенциями, сопряженными со структурой основных функциональных задач, образующих, в свою очередь, основное содержание всей деятельности. Напомним, их сущность состоит в том, что они являются продуктами и результатами интеграции базовых – «первичных» компетенций, осуществля-

ющейся в целях обеспечения основных функциональных задач деятельности. Не менее показательно и важно то, что на несколько другом «языке», носящем в большей степени внепсихологический характер, они же образуют, пожалуй, основной класс «навыков», то есть, фактически, компетенций данной деятельности – *hard-skills* («жестких навыков»). Одновременно это обстоятельство, как отмечалось выше, также должно рассматриваться как важнейшее верифицирующее средство по отношению к правомерности самой их дифференциации.

Вместе с тем, сущность сформулированного нами в предыдущей главе подхода к экспликации общей совокупности деятельностных компетенций в целом и компетенций деятельностей субъектно-информационного класса, в особенности, состоит в том, что он воплощает в себе принципы структурно-уровневой организации. Сама эта совокупность представляет собой целостную систему, построенную по уровневому принципу, включающую пять основных, качественно специфических уровней и, соответственно, пять основных категорий компетенций. Согласно данному подходу «вторичные» компетенции как раз и локализируются на одном из этих уровней, точнее, образуют его. Они, однако, образуют не всю их иерархию, а лишь один из ее уровней. Имея собственно интегративное строение, описываемое понятием микроструктурной организации, они, в то же время, подвергаются организации, интеграции и сами выступают «составляющими» еще более общей целостности, в качестве которой выступает максимально обобщенное личностно-деятельностное образование, обозначаемое понятием *компетентности*. Оно соотносится уже не с основными функциональными задачами деятельности, а со всей деятельностью, то есть не с субсистемным уровнем ее организации, а с общесистемным уровнем.

Значимо и то, что этот уровень – именно как качественно специфическое деятельностное образование, несводимое ко всем иным уровням, характеризуется собственной качественной определенностью и в аспекте состава и содержания компетенций, равно как и принципов их организации. В плане основных задач проводимого здесь анализа это означает что компетентность как образование, сопряженное с реализацией деятельности в целом, хотя и предполагает интеграцию в своем составе всех специальных компетенций, но не сводится к ним, а характеризуется наличием собственной качественной определенности. Она, в свою очередь, определяется теми детерминанта-

ми, которые соотносятся уже не преимущественно с деятельностными факторами, не с требованиями к ее реализации, а с факторами «внутреннего», субъектного – имплицитного плана, то есть с собственно психологическими детерминантами. Собственно говоря, именно это обстоятельство и выступило как один из основных результатов того анализа, который был проведен выше и который позволил установить общий принцип дифференциации состава и содержания, а также принципов организации компетентности как максимально интегративного деятельностно-личностного образования. Суть предложенного решения, напомним, как раз и состоит в том, что компетентность является интегративным эффектом системной организации всей совокупности специальных компетенций, а определяющую роль в ее организации играют механизмы системного типа – генерация системных качеств и возникновение синергетических эффектов. Именно они и обуславливают качественную определенность компетентности в целом, ее несводимость к аддитивной совокупности отдельных компетенций.

Следовательно, в качестве главного ориентира для дальнейшей дифференциации феноменов метакогнитивного плана должен выступить переход от уровня специальных компетенций к уровню базовых компетенций, которые, как можно видеть, и образуют состав и содержание, а также организацию компетентности в целом. Данную задачу можно представить и в более операционализированном виде: существуют ли и, если да, то какие именно феномены метакогнитивного плана, которые сопряжены с основными – базовыми компетенциями, а также с их целостной структурой, эксплицирующийся в компетентности как таковой? Наконец, и эта формулировка также может быть конкретизирована, а задача приведена к виду, который предполагает выявление и интерпретацию тех феноменов, которые сопряжены с каждым из основных функциональных блоков психологической системы деятельности, поскольку совокупность самих базовых компетенций производна от них. Кроме того, важно учитывать и еще одно обстоятельство: общее содержание компетентности, хотя и базируется на всей совокупности базовых компетенций, не сводится к их аддитивному множеству. В ней, как отмечалось выше, – именно в силу присущих ей интегративных принципов организации, генерируется новое содержание, возникают новые качественные проявления, в основе которых лежит механизм формирования системных качеств, механизмы синергетического типа. Впрочем,

данные механизмы имеют и более явную и понятную экспликацию, поскольку в их основе, как показано в исследованиях, в частности, выполненных и нами, лежат те межблоковые взаимодействия, которые очень характерны для организации психологической системы деятельности в целом. Ее общее содержание вовсе не сводится к сумме содержаний ее функциональных блоков. Очень существенная его часть образована теми эффектами, которые возникают как результаты межблоковых взаимодействий. Так, например, не просто очень важное, но определяющее деятельностное образование – личностный смысл деятельности локализуется вовсе не внутри какого-либо ее функционального блока, а выступает продуктом взаимодействия блоков мотивации и цели. В силу этого, и компетентность как интегративное образование также не сводится к аддитивной совокупности базовых деятельностных компетенций. В связи с этим, искомые феномены еще одной – рассматриваемой здесь группы также должны иметь двойную детерминацию. С одной стороны, они могут порождаться реализацией каждой из базовых компетенций и их совокупности. С другой стороны, они могут порождаться и теми эффектами, которые объективно возникают как следствие их интеграции, комплексного проявления в деятельности и характеризовать компетентность в целом – быть ее феноменологическими проявлениями.

Все эти теоретико-методологические положения, которые, в свою очередь, составляют сущность сформулированного в главе 2 подхода к дифференциации состава и структуры деятельностных компетенций, создают необходимую основу для решения овсяной рассматриваемой здесь задачи. Он состоит в дифференциации тех феноменов метакогнитивного плана, которые сопряжены с уровнем базовых компетенций в отдельности, а также с их интегративной целостностью – компетентностью. В плане ее решения необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что она носит существенно более сложный характер, нежели рассмотренная выше задача экспликации феноменов предыдущей группы – по крайней мере, в силу двух основных причин. Во-первых, она предполагает необходимость обращения к таким аспектам анализа, которые носят существенно более имплицитный, скрытый от анализа характер – к собственно психологической структуре деятельности. Более того, именно в силу такой имплицитности, а также по причине целого ряда иных традиций, данный аспект остается, фактически, не разработан по отношению к деятельностям субъектно-информационного класса,

в связи с чем очень затруднительно или даже практически невозможно базироваться на каком-либо уже существующем эмпирическом материале. Во-вторых, и в значительной степени именно по этой же причине, при решении данной задачи нет возможности использовать те материалы, которые носят внепсихологический характер и которые «выросли» из реальной практики данной деятельности (напомним, что именно это, напротив, было очень характерно для решения задачи выявления феноменов предыдущей группы). В связи с этим, на современном – явно недостаточном уровне разработанности данной проблемы весьма трудно рассчитывать на ее сколько-нибудь полное решение. Объективная ситуация такова, что речь пока может идти лишь о том или ином приближении к ее решению, а также о формулировке подходов и ориентиров для ее дальнейшего развития. Тем не менее, несмотря на ее сложность и недостаточную разработанность, данную задачу все же рано или поздно предстоит решать, поскольку без этого вряд ли возможно ощутимое продвижение в реализации феноменологического анализа метакогнитивного обеспечения деятельности субъектно-информационного класса. В этом плане, на наш взгляд, могут быть сформулированы следующие положения, содействующие решению данной задачи.

Прежде всего, необходимо учитывать одну из основных и наиболее специфических – по существу, атрибутивных особенностей данной деятельности, которая была достаточно подробно рассмотрена в главе 2. Она состоит в том, что эта деятельность носит не только принципиально метакогнитивный, но и столь же метарегулятивный характер. Действительно, трудно не видеть того очевидного и, фактически, определяющего для понимания ее психологической природы обстоятельства, что она во многом заключается в «организации работы» иной сущности, нежели сам субъект труда, – компьютера, в регуляции и управлении его функционированием. Тем самым, она обретает принципиально метарегулятивные атрибуты. Субъект регулирует не только, а зачастую – не столько свою деятельность, сколько «деятельность» (строго говоря, конечно, функционирование), реализуемую иной сущностью, – компьютером. Она тем самым обретает описанные в теории черты метадеятельностной организации, поскольку становится «деятельностью с деятельностью», точнее – деятельностью по организации деятельности – метадеятельностью. В этом плане можно, по нашему мнению, констатировать очень глубинное сходство данной деятельности с ор-

ганизацией и природой очень важного представителя иного класса деятельностей (субъект-субъектного) – управленческой. Как известно, сама суть этой деятельности носит принципиально опосредствованный характер: сам руководитель не только обычно не связан непосредственно с реализацией исполнительских терминальных функций деятельности, но и не должен быть с ними связан. Он регулирует не исполнение, а то, как его осуществляют другие – исполнители. В этой связи уместно напомнить об одном из определений данной деятельности, сформулированное М. П. Фоллет: «управление – это выполнение работы руками других людей» (по [76])⁵². Конечно, эта аналогия, как, впрочем, и любая иная, является неполной и по необходимости условной. Вместе с тем, она все же вскрывает общие глубинные особенности организации деятельностей этих двух классов.

Продолжая эту аналогию, можно видеть также, что деятельность, базирующаяся на основе компьютерной техники, обретает и ряд существенных черт, свойственных совместной деятельности как таковой, причем, отнюдь не паритетной, а организованной на основе иерархического принципа. В ней, как и в любой совместной деятельности, наличествуют, как минимум два ее реализатора, причем, один из них является ведущим, а другой ведомым, что аналогично отношениям «руководства-подчинения». Конечно, мы вполне отдаем себе отчет в известной метафоричности и условности такой аналогии; однако все же она отнюдь не лишена смысла в плане раскрытия специфики данной деятельности.

С этих позиций, раскрывающих метарегулятивную и совместно-построенную природу данной деятельности, с достаточной очевидностью вскрывается факт, носящий уже более конкретный характер и непосредственно способствующий решению задачи выявления

⁵² Как отмечает У. Брэддик, «Ничего сверхъестественного в менеджменте нет. Мы все привыкли управлять своей собственной жизнью – мы должны решать, что мы хотим получить от жизни. Мы планируем, как использовать наше время и энергию с тем, чтобы достичь поставленных целей с наименьшими усилиями. Время от времени мы должны анализировать наши успехи. Мы должны принимать сложные решения о направлениях, приоритетах, конфликтных ситуациях и препятствиях. Мы должны стараться помогать в трудную минуту, нам следует объединяться с другими. Управление организацией включает именно эти действия и процессы» [23].

искомых феноменологических проявлений метакогнитивного плана. Будучи «совместной», данная деятельность выступает и как своего рода распределенная между ее субъектом и ее средством. Истинная специфичность этой деятельности состоит в том, что само средство» выступает в качестве аналога субъекта, становясь своего рода *квази-субъектом*. В еще более конкретной и прозаической формулировке это означает, что в данной деятельности мы сталкиваемся с очень общим и в принципе давно и традиционно изучающимся феноменом, который обычно обозначается как *распределение* функций между человеком и машиной. Данный феномен и вообще – сопряженная с ним проблематика оформились, как известно, в связи с началом исследований в области инженерной психологии, с исследованиями деятельности оператора. Однако можно видеть, что обращение к исследованию деятельностей субъектно-информационного класса требует этого же, знаменуя своего рода ренессанс данной проблематики, но на совершенно ином уровне сложности и качественного своеобразия.

Именно такое распределение в целом и передача многих функций и задач от субъекта труда к средству труда (которое само становится квазисубъектом) и является наиболее характерным и специфичным для данной деятельности. Причем, важно и то, что такое распределение имеет множественный, но одновременно – и вполне упорядоченный характер; поясним сказанное. Дело в том, что в данном случае речь идет не о только о так сказать переносе тех или иных деятельностных фикций «вообще» – в целом и недифференцировано, неупорядоченно, а о переносе совершенно структурированном. Эта структурированность обеспечивается тем, что переносу подлежат те основные группы функций, которые и составляют основное содержание каждого из базовых функциональных блоков психологической системы деятельности. Напомним, что в их качестве выступают блоки целеобразования, мотивации, информационной основы, принятия решения, профессионально-важных качеств, планирования программирования, исполнительской части, контроля и коррекции. Однако, именно те функции, которые реализуются каждым из них, равно как и их общая совокупность, как раз и передаются от субъекта труда к его квазисубъекту. Это, прежде всего, функции (и сопряженные с ними функциональные задачи) информационного обеспечения, включающие как поиск информации, так и ее обработку, выработки и принятия решений, программирова-

ния, планирования, исполнения решений, контроля, коррекции и др. По нашему мнению, фундаментальным по своей значимости является обстоятельство (которое само по себе не только хорошо известно, но и составляет одну из основ всей компьютерной техники, ее общую идеологию), согласно которому в ней происходит своего рода «удвоение функций». Так, например, ее эффективность в аспекте информационного обеспечения зависит не столько от того, насколько субъект владеет той или иной информацией, сколько от его способности находить нужную информацию. Однако для этого – что является наиболее существенным – он должен владеть информацией о том, где и как можно найти необходимую информацию. Фактически, складывается ситуация, при которой субъект работает не только с информацией непосредственно, а с *метаинформацией*. Эффективность его деятельности в решающей степени зависит не от функции информационного обеспечения, а от функции ее метаинформационного обеспечения. Причем, первая реализуется компьютером, тогда как вторая – субъектом.

Не менее показательна в этом плане и еще одна важнейшая функция по обеспечению деятельности – программирование. Сама суть компьютерной деятельности в том и состоит, что субъект вовсе не должен составлять и тем более реализовывать ту или иную программу (что, напротив, составляет важнейшую сторону всех иных типов деятельности). Он должен знать уже существующие программы, уметь выбирать оптимальные из них и в дальнейшем – контролировать их реализацию. Вновь имеет место «удвоение функций», а со стороны субъекта исходная функция программирования трансформируется в фикцию *метапрограммирования*, тогда как сама исходная функция, точнее, ее реализации остается за компьютером. Программирование «удваивается», трансформируясь в метапрограммирование.

Столь же показательна, а в известном смысле – и максимально демонстративна трансформация еще одной базовой деятельностью функции – контрольной. Она, как может быть, никакая иная, не подвержена чисто технически возможностям ее передачи компьютеру. Наиболее простым и одновременно распространенным средством этого является встроенная практически в каждый персональный компьютер система коррекции грамматических и иных текстовых ошибок. Ей, однако, тоже надо уметь пользоваться – контролировать осуществление ей контрольных функций. Следовательно, субъект

реализует не контроль как таковой непосредственно, а *контроль контроля* – то каким образом квазисубъект (компьютер) реализует непосредственные контрольные функции. Данная функция также «удваивается», трансформируясь со стороны субъекта в функцию *метаконтроля*, но оставаясь со стороны квазисубъекта функцией контроля.

Аналогичная в принципе ситуация складывается и в отношении еще одной, быть может, определяющей деятельностной функции – выработки и принятия решений. Хорошо известно, что многие современные системы управления, базирующиеся на компьютерных технологиях, как раз и предполагают, в первую очередь, возможность оптимизации данной функции, в том числе, и за счет в значительной мере автономных от субъекта процедур принятия решения. Конечно, в связи с этим, возникает важная и дискуссионная проблема относительно допустимых границ передачи функций по принятию решений от субъекта к квазисубъекту; о том, насколько это можно и нужно делать – даже в том случае, если технически это возможно? Понятно, что данная проблема имеет множество иных аспектов – не только, повторяем, технических, но и иных – моральных, гуманитарных, социальных и даже философских. Однако суть дела от этого не меняется и состоит в том, что с высокой степенью отчетливостью констатируется все та же принципиальная картина – возникновение феномена «удвоения» функций. С одной стороны, она, разумеется, сохраняется в своем исходно первичном виде – как функция выработки и принятия решений. С другой стороны, она сама начинает регулироваться и управляться, контролироваться и корректироваться, трансформируясь в функцию реализации *метарешений*. Первая реализуется квазисубъектом, а вторая субъектом. Смысл метарешенческой функции состоит в том, какую процедуру собственно решений выбрать и в том, чтобы решить, возможно ли окончательное принятие уже выработанного – предложенного программой решения? Возникает фундаментальный феномен метарешений, который, впрочем, имеет аналоги в выполненных ранее исследованиях управленческой деятельности, а также иных – в основном, сложных типов профессиональной деятельности [77].

Можно, разумеется, дальше продолжать рассмотрение феноменов подобного рода, имеющих общий смысл и важное значение для понимания специфичности содержания компьютерной деятельности. Однако, уже представленных материалов, по-видимому, вполне

достаточно для того, чтобы этот общий смысл был выявлен. В связи с этим, ограничимся лишь одной также типичной иллюстрацией сказанного. Известно, что очень многие или даже подавляющее большинство программ и процедур функционирования приложений, вообще – всех компьютерных технологий обладает встроенными в них системами корректирующего типа. Их предназначение в том и состоит, чтобы реализовывать коррекционные функции в значительной мере автономно от субъекта – автоматически. Они предполагают процедуры детекции ошибок или ее неоптимальностей, их типизацию, алгоритмы поиска вариантов корректировки, выбор и реализацию ситуативно лучшего из них. Самому же субъекту, в связи с этим отводится иная роль – реализация функции по обеспечению указанной – первично-корректировочной функции, контроль за ней и при необходимости – ее корректировка. Тем самым вновь имеет место феномен «удвоения» функций – но здесь корректировочной. Она, сохраняясь в первичном виде, реализуется компьютером. Однако, она же, но во вторичном виде – как функция *метакоррекции* реализуется самим субъектом деятельности. Наконец, отметим еще одно обстоятельство, также имеющее непосредственное отношение к сути рассматриваемой закономерности. Дело в том, что каждая из основных деятельностных функций является очень общей – по существу, стратегической задачей. Она с необходимостью подвергается конкретизации в зависимости от актуально складывающейся ситуации, трансформируясь в совокупность тактических вариантов ее осуществления. Однако и при их реализации суть дела остается прежней, поскольку каждый из них также предполагает распределение общей функции на ту часть, которая транспортируется квазисубъекту, и ту, которая остается обязанностью самого субъекта.

По нашему мнению, именно эта – охарактеризованная выше *распределенная* организация (и даже природа) компьютерной деятельности в целом, а также порожаемое ей «удвоение» функций, в результате которого возникают метафункциональные образования, как раз и является главной детерминантной генезиса целого ряда феноменов метакогнитивного плана. Основными и наиболее специфичными по отношению к этой группе являются следующие феномены, а также сопряженные с ними деятельностные явления более общего плана.

Прежде всего, с высокой степенью отчетливости эксплицируется явление, которое можно обозначить как феномен *гиперделегирования*

функций. Он состоит в том, что, в силу принципиальной возможности реализации деятельностных функций за счет технических средств и, главное, – знания субъекте об этом, имеет место тенденция к избыточному и часто неоправданному переносу их реализации на эти средства. Оно сопровождается уверенностью субъекта не только в возможности, но и в необходимости этого, поскольку он полагает, что «техника сделает это лучше». Безусловно, границы допустимого переноса функций всегда условны и подвижны, однако, они все же объективно заданы возможностями самой техники. Нарушение этих пределов ведет к очевидным дефектам и в реализации деятельности. Данный феномен имеет важную метакогнитивную «составляющую», поскольку он базируется, в конечном счете, на знании о том, что функция может и даже должна быть распределена, а мера осознания этого знания, то есть метакогниция оценка и выступает источником данного феномена.

С этим феноменом сопряжено и еще одно явление, которое можно обозначить как феномен *гипердоверия*. Он состоит в неоправданном и зачастую паже не критическом отношении к тем результатам, которые предоставляет субъекту функционирование компьютера. Они не только рассматриваются как верные, но и не нуждающиеся ни в проверке, ни просто в понимании их смысла⁵³. Данный феномен также подчеркнуто метакогнитивен, однако, так сказать, «с обратным знаком»: здесь он представлен как «знание о том, что не следует подвергаться сомнению некоторый – предоставленный компьютером результата».

Показательно и то, что оба этих феномена могут представлять и в инверсионном виде – в своей противоположности. Так, феномен гиперделегирования может быть представлен в негативной форме – как феномен *гиперделегирования*, что по понятным причинам приводит к неоправданной перегрузке субъекта выполнением и таких фикций,

⁵³ Например, очень часто в специальной литературе при представлении результатов статистически обработки данных автор приводит величины корреляции с точностью до шестого знака после запятой, хотя понятно, что это совершенно бессмысленно, поскольку уже третий знак практически ничего не означает. Наиболее примечательно, именно то, что вопрос о правомерности и вообще о наличии смысла в таком представлении автором даже не ставится («это компьютер так почитал»). Иногда для обозначения этих явлений используются и очень резкие выражения типа «компьютерного идиотизма».

которые вполне могли бы быть реализованы техническими средствами. В свою очередь, феномен гипердоверия также может оборачиваться и представлять в инверсионной форме – как феномен *гиподоверия*, что так приводит к необоснованным дополнительным и зачастую навязчивым попыткам коррекции тех или иных аспектов функционирования компьютера. В связи с этим, необходимо отметить, что уже по отношению к этим феноменам выявляется важная особенность всей метакогнитивной феноменологии данной группы – их двойственность, существеннее как в прямой, так и в инверсионной форме – *биполярность*, амбивалентность. Данная особенность, как будет показано в дальнейшем, характерна и иным феноменам этой группы.

При более углубленном рассмотрении феномена гиперделегирования вскрывается обстоятельство еще более принципиального плана. Оно эксплицирует его общий характер, а также тесную связь с рядом иных – уже известных и важных феноменов организации профессиональной деятельности. Дело в том, что по своему смыслу и психологической природе он, представленный, однако, в его максимизированном проявлении, близок и функционально подобен известному и имеющему фундаментальные значения для организации сложных видов деятельности феномену *уходов*. В силу значимости данного положения, на нем представляется целесообразным остановиться несколько более подробно. Действительно, вначале в психологической теории принятия решения, а затем и в иных направлениях был установлен очень общий и значимый феномен, получивший обозначение феномена *элиминативного поведения*, или феномена элиминации, а его содержание может быть описано следующим образом.

Как показал проведенный в главе 2 анализ интегральных – специфически регулятивных процессов, они составляют достаточно специфическую группу. Она, к сожалению, пока раскрыта в относительно меньшей степени, а ее своеобразие состоит в том, что интегральные процессы могут выступать и реально выступают операционными средствами организации самих себя [63, 64]. Напомним также, что наиболее демонстративным примером этого могут служить, в частности, процессы метарешения, то есть процессы принятия субъектом решения о том, идти ему на решение как таковое, или же попытаться уйти от него, от самой необходимости его принятия.

В плане их исследования установлен ряд важных психологических закономерностей, фактов и феноменов; сложились некоторые новые понятия и термины. Действительно, как показано нами в [61, 70, 73, 77], при психологическом изучении практически всех видов профессиональной управленческой деятельности изначально и с достаточной высокой степенью очевидности и эксплицированности обнаруживаются процессы (и другие средства), направленные на то, чтобы избежать самой необходимости в принятии решений. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности первоначально наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как оказалось, нарастающая со стажем [43, 46] тенденция к исключению, к элиминации из структуры деятельности процессов принятия решения и к их замене другими средствами организации деятельности. Уже феноменологически можно видеть, что субъект обычно рассматривает принятие решения как одно из наиболее нежелательных средств организации деятельности (скорее всего, из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны (например, из-за дефицита времени), либо не срабатывают (многокритериальность задачи, несопоставимость критериев и др.). Напомним также, что более подробная характеристика данного феномена представлена в параграфе. Наиболее значимо то, что вся охарактеризованная выше и очень богатая, развернутая феноменология, связанная с процессами метарешений, безусловно, не может быть игнорирована при раскрытии процессуально-психологического содержания деятельности. Она очень органично входит в него.

Аналогичным образом обстоит, однако, дело в отношении всех иных метарегулятивных процессов, входящих в данную группу. Действительно еще один процесс, эксплицирующийся при анализе общего процессуального содержания деятельности и сходный по своему статусу с только что рассмотренным – это процесс метапланирования. Он связан с выбором и (или) формулировкой, а также с последующей реализацией той или иной стратегии планирования как такового. Определение стратегии и вообще внесение «стратегической упорядоченности», а значит и плановости в действия планирования – это и есть специфическое «процессуальное ядро» метапланирования. В качестве еще одного метапроцесса данного типа можно отметить процессы метаконтроля; их суть заключается в следующем. Во-первых, еще до начала реализации какого-либо «деятельностного цикла», до реше-

ния той или иной поведенческой задачи развертываются определенные процессы, направленные на определение степени, меры – так сказать интенсивности контрольных функций, которые потребует их реализация и которые необходимы (или целесообразны) с субъективной точки зрения. Во-вторых, уже по ходу такой реализации имеют место операции сличения осуществляемого контроля с теми установками, которые были определены в отношении него до ее начала и, при необходимости, в него вносятся соответствующие коррективы.

Однако, в свете представленных выше материалов, а также обширного литературного материала, есть веские основания для предположения, согласно которому данный феномен отнюдь не исчерпывается лишь тремя деятельностными функциями – подготовки и принятия решения, планирования и контроля, но распространяется и на другие базовые функции, то есть имеет общий характер. Это особо оправданно и обоснованно именно по отношению к компьютерной деятельности, поскольку именно она как никакая иная создает объективные возможности реализации существенной части этих функций автономно от субъекта. Следовательно, в ней «есть на что переносить» реализацию функций. Более того, такой перенос просто необходим, а без него деятельность вообще невозможна. Однако, и у него есть границы допустимости, превышение которых как раз и означает действие феномена ухода. Ниже мы возвратимся к этому феномену, поскольку, как будет показано в дальнейшем, он имеет еще одно важное следствие феноменологического плана.

Наряду с этим, специальное и очень пристальное внимание должно быть уделено еще одной подгруппе феноменов (именно подгруппе, поскольку она включает целый ряд сходных феноменов), также обусловленных констатированием выше особенностями анализируемой деятельности – прежде всего, ее распределенным характером. Причем, характерно и доказательно то, что не только аналогия, но и прямые указания на существование этих феноменов систематически встречаются в исследованиях данной деятельности, а в еще большей степени – в ее реальной практике. В наиболее общем виде они могут быть обозначены как явления *антропоморфизма*, а их сущность состоит в следующем. И в ментальной репрезентации деятельности, формирующейся у субъекта, и в разнообразных языковых формах и выражениях, и в его общем отношении к средству своего труда у него складывается вполне опре-

деленная установка. Это установка на отношение к нему «как к человеку», точнее – как к некоторой одушевленной сущности, как «к другому», который наделен многими особенностями, которыми обладает он сам. Это – своего рода очеловечивание, одушевление средства своего труда. Примеры иллюстрации этого феномена, точнее, повторяем, целой группы феноменов повсеместны и широко представлены, известны и весьма красочно описаны в литературе. Очень характерно и то, что они, как отмечалось, закреплены в профессиональных терминах, языковых формах. Уже само по себе выражение «компьютер работает» выступает наиболее простым и доказательным примером антропоморфизма. Конечно, никакой компьютер не может работать в том смысле, что под работой понимается деятельность. Однако именно в этой коннотации данное выражение чаще всего и употребляется. Причем, доказательно и то, что по отношению к этой «работе» используются те эпитеты и оценки, которым обычно подвергается реальная деятельность и ее субъект: барахлит, халтурит, ошибается, зависает и др. В его адрес возникают обвинения, порождаются чувства, рождается агрессия, а также зависимость от него. В еще более общем плане этот феномен проявляется и в том, что на представления о возможностях компьютера переносятся собственные представления субъекта относительно того, как он сам работает. Транспонируется то, каким образом субъект представляет свое собственное мышление, решение им проблем, переработку информации, принятие решения и пр. Ментальная репрезентация деятельности в целом и роли компьютера в ней в значительной мере повторяет те особенности, которые характерны и для ментальной самопрезентации. Субъект антропоморфирует компьютер таким образом и в таком содержании, которое свойственно его представлению о своем внутреннем мире. Складывающееся отношение к нему во многом является калькой самоотношения субъекта к самому себе.

Представляет интерес и еще один феномен подобного рода, который, с одной стороны, сходен с предыдущим, а с другой, и в известном смысле противоположен ему. Его можно обозначить как явление *отчуждения*, состоящее в следующем. В процессе взаимодействия с компьютером действительно, формируется определенная установка к нему как «к другому». Однако он может наделяться и такими чертами, которые не только отсутствуют у самого субъекта, но наоборот противоположны ему, чужды ему. То, как «работает» компьютер и как он оценивается, со-

гласно данному феномену, подвергается либо нейтральной, либо критической оценке и выносится за «пределы ответственности» самого субъекта.

Необходимым следствием всех отмеченных феноменов выступает еще одно – более комплексное явление. С одной стороны, все они эксплицируют наделение техники субъектными характеристиками и установку на нее как на «другого». Однако, в силу того, что в результате этого возникают определенные отношения между субъектом и квази-субъектом, порождается и аналог системы межличностных взаимодействий, а вследствие этого – и обширная палитра социально-психологических феноменов (точнее – квази-социальных). В связи с этим, можно говорить о своего рода социальной психологии компьютерной деятельности – конечно с большой долей условности и даже метафоричности.

Можно констатировать и еще одну подгруппу феноменов, которая в известном смысле является «зеркальной» по отношению к предыдущей и состоит в следующем. Психологический анализ деятельности информационного класса и, что еще более показательно, анализ специфических особенностей личности ее субъекта убедительно свидетельствует о том, что имеет место не только наделение компьютера «чеховскими качествами», но и противоположное явление – трансформация личностных качеств в направлении их сближения с особенностями самого компьютера. Можно говорить не только о феномене антропоморфизации компьютера, но и о явлении *компьютеризации личности*. Данный феномен, впрочем, достаточно давно зафиксирован и в литературе, и на уровне житейской психологии; существуют многочисленные варианты дифференциации личностных особенностей субъектов компьютерной деятельности – их портреты. Кроме того, сложился и ряд терминов для обозначения данного явления и его последствий, а также тех феноменов, которые возникают вследствие него. Это, например, явление «машинообразности» поведения, феномена «заалгоримизованности мышления» понятие компьютерного мышления, 5g-мышления. Еще более представлены те личностные характеристики, которые возникают вследствие этого и обозначатся в своей совокупности как «цифровая личность». В еще более общем плане данный феномен является частным случаем общепсихологического явления профессиональных деформаций личности. Правда, на наш взгляд, этот термин не вполне удачен, поскольку само понятие деформаций несет преимущественно негативный смысл, тогда как, в действительности,

многие трансформации личности под влиянием деятельности имеют позитивный смысл и являются важным адаптивным средством приспособления личности к деятельности, личностной оперативностью. Подчеркнем также, что по отношению к двум рассмотренным выше подгруппам вновь проявляется констатированная выше обобщающая закономерность – биполярность феноменологии данной группы, то есть представленность как в прямой, так и обратной форме.

Продолжая анализ феноменологической картины явлений данной группы, необходимо возвратиться к уже рассмотренному выше – общему и важному феномену уходов и эксплицировать те дополнительные последствия, к которым он приводит. Анализу и эмпирическому исследованию этих последствий была посвящена одна из выполненных нами работ, материалы которой будут использованы в ходе проводимого здесь анализа [105]. Систематические – так сказать «хронические» уходы, причем, как правило, не вполне оправданные, становясь привычкой и формируя определенную личностно-профессиональную установку, закрепляются и фиксируются как своего рода «норма деятельности». Причем, эта тенденция провоцируется тем сильнее, чем более совершенна сама компьютерная база – как такая, которая предоставляет все большие возможности для уходов – для переложения все большей части деятельностных функций на нее. В результате этого возникает обобщенный феномен отчуждения средств труда от его субъекта. Причем, «хитрость» заключается в том, что такое отчуждение не только негативно, но напротив – позитивно в известных пределах и даже объективно необходимо; оно вообще во многом и является конечной целью компьютеризации как таковой – «разгрузки» субъекта. Однако оно же, становясь хроническим – привычным и само собой разумеющимся, приводит к своего рода автономизации работы компьютера от субъекта, работающего с ним. Причем, такая утрата «легка и приятна» самому субъекту – она освобождает его от многих усилий по реализации деятельности. Однако вследствие этого возникает еще одно достаточно общее, но уже, в основном негативное явление. Оно, по нашему мнению, может быть обозначено как *редукция субъектности*. Причем, оно, равно как и фактическое обоснование его существования, а также особенности его генезиса как раз и выступило предметом отмеченного выше исследования. Поскольку данный феномен является не только достаточно существенным и общим, но и весьма репрезентативным

по отношению ко всей расстраиваемой здесь группе феноменов, то представляется целесообразным более подробно остановиться на одном из его исследований [105]. Его замысел и процедуру, а также смысл полученных в нем результатов можно резюмировать следующим образом.

Так, в плане обоснования его замысла необходимо отметить следующие основные положения. Происходящие сегодня масштабные процессы трансформации сферы образования, обусловленные комплексным внедрением в нее компьютерных технологий, порождают широкий спектр проблем, начиная от очень общих – по существу, философских и заканчивая конкретно-научными, а также практико-ориентированными. Все они широко обсуждаются в современной литературе, составляя «передний край» развития многих направлений и разработок. Особую и во много определяющую группу среди них составляют проблемы собственно психологического и психолого-педагогического плана [11, 15, 24, 40]. К числу важнейших среди них относятся, в частности, проблема разработки наиболее эффективных дидактических средств, базирующихся на компьютерной базе; проблема влияния *компьютерных технологий* на формирование личности обучающегося; проблемы, связанные с экспликацией воспитательного потенциала цифровых технологий; проблемы, обусловленные переходом на дистанционные формы обучения и мн. др. [169, 189]. В ходе их разработки к настоящему времени получен целый ряд важных результатов как теоретического, так и прикладного характера, которые, фактически, приводят к становлению нового научного направления, обозначаемого по-разному, но имеющему общий и вполне определенный смысл: цифровая педагогика, компьютерная дидактика, ИТ-организованное обучение и пр. [218, 228, 233, 236]. Комплексный теоретико-методологический анализ этих исследований позволяет выделить некоторые важные особенности и тенденции их развития – в том числе, и такие, которые остаются пока без должного внимания.

Так, очень явной – демонстративной и общей тенденцией подавляющего большинства проводимых исследований выступает подчеркнуто приоритетное внимание к тем проблемам, обусловленным внедрением компьютерных технологий, которые соотносятся, прежде всего, с личностью самого обучающегося. Все они также весьма многочисленны и разнообразны; составляют «сердцевину» компьютерно-ориентированной дидактики. Это, в частности, проблема разработки конструктивных средств и форм дистанционного обучения; пробле-

ма создания эффективных обучающих и развивающих программ; проблема разработки средств индивидуальной поддержки образовательного процесса; проблема дифференциации индивидуальных качеств, обучающихся, фасилитирующих (или ингибирующих) внедрение цифровых технологий; проблема генезиса когнитивной и личностной сферы обучающихся под их воздействием и др. Вместе с тем, пока без должного внимания остается не менее значимая и обширная сфера проблематики, связанная с влиянием цифровизации сферы образования в целом и внедрением компьютерных средств обучения (КСО), в особенности, на личность *обучающего*, равно как и с влиянием ее самой на организацию и эффективность образовательного процесса. Причем, конечно, нельзя сказать, что подобного рода исследования отсутствуют вообще: речь идет именно об их явно недостаточной представленности – непропорциональной значимости самой этой проблемы. Спектр возникающих при этом проблем также весьма широко и гетерогенен. Это, в частности, проблема определения личностных качеств педагога, обуславливающих его готовность и возможности эффективного использования компьютерных технологий; проблема мотивационной готовности к их использованию проблема формирования компьютерной компетенции педагога; и пр. Определяющее место среди них принадлежит именно первой из отмеченных проблем – исследованию индивидуальных и личностных качеств обучающего как критически значимых субъектных детерминант его деятельности.

Разумеется, и эта относительно более конкретизированная проблема также является очень объемной и комплексной, включающей целый ряд значимых аспектов. При их выявлении, равно как и при определении приоритетов в их изучении, необходимо, по нашему мнению, учитывать два следующих важных положения. Во-первых, роль субъектных детерминант в целом и личностных качеств, в особенности, в обеспечении результативных параметров профессиональной деятельности является пропорциональной сложности самой деятельности: чем более сложной она выступает, тем выше ее детерминационная зависимость от индивидуальных и личностных качеств [102]. Во-вторых, при возрастании сложности деятельности все большую детерминационную роль в ее и обеспечении ее конечных результатов, играют относительно наиболее сложные субъектные детерминанты в целом и индивидуальные качества, в частности [102]. К ним, как известно, относятся и такие качества, ко-

торые пока явно недостаточно исследуются в контексте проблематики педагогической деятельности в целом и проблематики компьютеризации образования, в особенности. Это – качества и иные субъектные детерминанты, носящие *метакогнитивный* характер и являющиеся основным предметом исследования в важном направлении когнитивной психологии – в метакогнитивизме. Кроме того, необходимо учитывать и явно выраженную – по существу, атрибутивную специфику педагогической деятельности. Сама ее сущность – в наиболее общем и принципиальном плане – состоит в трансляции *знаний* от одних поколений к другим, в воспроизведении систем знаний и социально-выработанного опыта. Следовательно, по своему содержанию и направленности, то есть по своему предмету она выступает как деятельность по формированию знаний. Именно они, как показано в метакогнитивизме, являются важнейшей «составляющей» всего операндного состава психики, то есть фактически, ее содержания. Наряду с этим, и конечным – итоговым результатом педагогической деятельности выступает формирование не только знаний, но и *процессов* и механизмов их формирования. Тем самым можно видеть, что в составе этой деятельности очень естественным образом дифференцируется и такая составляющая, которая непосредственно соотносится с еще одной предметной сферой метакогнитивизма – с метакогнитивными процессами. Она обозначается как операционная составляющая предмета метакогнитивизма. Таким образом, важнейшие атрибуты педагогической деятельности во многом повторяют и репрезентируют аналогичные по значимости – важнейшие черты всего метакогнитивизма. В ней воспроизводятся – причем, очень естественным и органичным образом обе основные составляющие самого предмета метакогнитивизма – *операндная* и *операционная* [101].

Синтезируя эти два положения можно обоснованно предположить, что исследование именно метакогнитивных качеств и детерминант будет в значимой степени способствовать разработке проблематики, связанной с внедрением компьютерных технологий в образовательный процесс. Задача их изучения предстает как весьма значимая и в теоретическом и в практическом плане; в силу этого, именно она и выступила как основная для представленного ниже исследования. В целях операционализации этой – общей задачи и приведения ее к виду, доступному эмпирическому исследованию, необходимо учитывать два следующих методологических положения. Во-первых, роль метакогнитивных факторов в организации

деятельности, тем больше, чем более сложной и содержательно насыщенной являются она сама [88]. В особенности это относится к интеллектуально насыщенным, то есть именно «когнитивно-нагруженным» видам деятельности. Во-вторых, столь же очевидно, что именно включение в деятельность КСО приводит к обогащению ее собственно когнитивного – «знаниевого» содержания, а также ее операционной составляющей, состоящей в оперировании с системами знаний. Следовательно, есть все основания предполагать, что в результате внедрения КСО в деятельность роль метакогнитивных детерминант также будет изменяться, причем – вполне ожидаемым образом: она, скорее всего, также будет возрастать.

В связи с этим, вполне очевидным представляется общий принцип верификации данного предположения. Он состоит в том, чтобы подвергнуть сравнительному рассмотрению роль метакогнитивных детерминант в организации деятельности в двух вариантах ее организации. Первый вариант – традиционная организация, не предполагающая комплексное использование КСО, а второй, напротив, предполагает такое использование. Необходимо подчеркнуть также, что в данном исследовании, направленном на изучение метакогнитивных детерминант деятельности, ему должны быть подвергнуты не столько индивидуальные *качества* субъекта метакогнитивного характера, а несколько иные субъектные детерминанты. Ими является более операциональные и традиционные для метакогнитивизма параметры метакогнитивной сферы субъекта, которые установлены в нем и рассматриваются как ее основные компоненты. Это, в частности, метакогнитивные знания (знания о познании), декларативные знания, процедуральные знания, условные знания, стратегии метакогнитивной регуляции, стратегии управления информацией, мониторинг понимания, метакогнитивная включенность в деятельность, стратегии самопроверки и др. [233, 237, 243]. Именно они (а не обобщенные и стабильные образования – индивидуальные качества) существенно более сензитивны к деятельностной детерминации, – в том числе, и по отношению к различиям в ее организации и условиях. Это и делает их наиболее релевантными основным задачам данного исследования.

Итак, в свете вышеизложенного, вырисовывается как общая *цель* исследования, так и основная *гипотеза*, на основе которой оно должно проводиться, равно как и общая логика ее верификации. Их смысл состоит в том, что при обогащении содержания деятельности вследствие внедрения в нее КСО, функциональная роль метакогнитивных детерминант бу-

дет закономерным образом трансформироваться и, скорее всего, возрастать. Для верификации данного предположения необходимо подвергнуть сравнительному анализу эту роль в двух – отмеченных выше вариантах организации деятельности. Подчеркнем также, что на первый взгляд, сформулированное предположение представляется вполне ожидаемым. Однако не будем пока торопиться с заключениями, поскольку, как показывают многочисленные исследования, в том числе – и выполненные нами, роль метакогнитивных детерминант в общем случае является весьма сложной и неоднозначной, сочетая в себе моменты как фасилитирующего, так и ингибирующего плана. Особенно явно это представлено, например, по отношению к организации деятельности управленческого типа [69].

В процедурном отношении исследование было организовано всеобъемлющим образом. В общей сложности в нем принимало участие 132 человека, практически равномерно распределенные по половому признаку (70 мужчин и 62 женщины), – преподаватели вузов Ярославля и Москвы. Респонденты, давшие согласие на участие, заполняли блок опросников в электронном виде Google-формы, в том числе, и дистанционно. На первом этапе исследования были сформированы две группы обследуемых лиц. Первая включала тех лиц, которые не характеризовались активным использованием КСО (64 человека), а вторая, напротив, включала тех, кто активно и комплексно использовал их в своей деятельности (68 человек). В этих целях нами был реализован следующий прием. Вначале использовалось сочетание методов экспертного оценивания и метода «полярных» (контрастных) групп. Оно предполагало предварительное экспертное оценивание степени использования обследуемыми КСО. В связи с этим, следует, конечно, учитывать следующее – достаточно существенное обстоятельство. Как известно, в настоящее время общий спектр КСО весьма широк, многообразен и гетерогенен причем, по целому ряду параметров. Кроме того, и формы, равно как и организационные рамки их использования, также достаточно диверсифицированы, с трудом поддаваясь строгой систематизации. Вместе с тем, все же выделяются следующие – наиболее часто реализуемые КСО, степень использования которых и являлась предметом оценивания со стороны экспертов в данном исследовании. Это, прежде всего, следующие КСО: компьютерный учебный курс; компьютерный учебник; компьютерный задачник; компьютерный тренажер; компьютерный лабораторный практикум; компьютерный справочник; мультимедийное учебное занятие; основные варианты дис-

танционного обучения, в том числе лекционные онлайн-курсы – как общедоступные, так и авторские; различные средства компьютерной презентации, графики и симуляции; релевантный предметному содержанию курсов видеоконтент; использование дидактических средств гейм-типа (геймификация), в том числе, и обучающих игр; средств интерактивного взаимодействия диалогового плана, а в ряде случаев и такие интегральные КСО, как, например, комплексные педагогические программные средства и др. Подчеркнем также, что в каждом индивидуальном случае речь идет, разумеется, но обо всем объеме этих средств или даже – о его сколько-нибудь существенной части, а лишь о некоторых из них.

Использовались следующие показатели их использования: частота использования в учебном процессе, уровень владения применяемыми средствами, оценка их эффективности, количество используемых форм КСО. Экспертная оценка проводилась наиболее квалифицированными преподавателями, в том числе, – и отвечающими за организацию учебного процесса на факультетах. Каждый обследуемый оценивался тремя экспертами по 7-балльной шкале по трем указанным выше критериям, а затем результаты усреднялись, что и давало итоговую оценку. На основе оценивания выборка была дифференцирована, как это предполагает метод «полярных групп», на три подгруппы – «верхнюю», «среднюю» и «нижнюю». В первую из них вошли испытуемые, наиболее активно практикующие КСО; результаты именно этой группы и были подвергнуты детализированному анализу. Однако, такой анализ проводился не в плане сопоставления полученных в ней результатов с «нижней» группой, где активность использования КСО была минимальной, а с иной группой, точнее – с результатами, полученными на группе, сформированной по иному основанию, что обусловлено следующей причиной. Дело в том, что и в «нижней» группе показатели экспертного оценивания оказались достаточно существенными и, что наиболее важно, не отличающимися существенно от «верхней» группы значимо в статистическом отношении. Это связано, прежде всего, с теми радикальными изменениями в организации учебного процесса и требований к нему, которые обусловлены известными ситуацией пандемии и массовым переходом на дистанционные формы обучения. В силу этого, даже с чисто нормативной – организационной точки зрения степень использования КСО существенно уравнивалась. Для преодоления данной трудности нами были использованы те данные, которые были получены ранее на сопоставимой выборке

в «допандемический» период и подвергнуты реинтерпретации в соответствии с задачами данного исследования. При этом подчеркнем, что такого рода использование имело как позитивные, так и негативные стороны. К первым относится то, что оно в значительной степени повышало его «чистоту», поскольку было проведено независимо от целей данного исследования – причем, что еще более существенно, в таких условиях, которые по вполне естественным причинам характеризовались минимальным уровнем использования КСО. Соответственно, эти результаты в значительно меньшей степени отражают воздействия на организацию деятельности КСО и являются существенно более репрезентативными в плане проведения на их основе сравнительного анализа. К негативным обстоятельствам относится то, что при отборе метакогнитивных детерминант, подлежащих исследованию, мы по вполне понятным причинам были вынуждены ограничиваться только теми, которые уже исследовались ранее. Это вносило ограничения в общую совокупность метакогнитивных детерминант, которые стали предметом исследования (и которую, конечно же, желательно было бы в принципе расширить).

Таблица 5

<i>Характеристики испытуемых</i>				
<i>Переменная</i>	<i>Выборка в целом (N = 132)</i>	<i>Группы испытуемых</i>		
		<i>1 группа (n = 64)</i>	<i>2 группа (n = 68)</i>	<i>p</i>
Пол				
мужчины	70 (53.0 %)	31 (44.3 %)	39 (55.7 %)	.000
женщины	62 (47.0 %)	33 (53.2 %)	29 (46.8 %)	.709
Возраст				
< 30 года	31 (23.5 %)	10 (32.3 %)	21 (67.7 %)	.000
31–45 лет	47 (35.6 %)	21 (44.7 %)	26 (55.3 %)	.560
46–60 лет	33 (25.0 %)	21 (63.7 %)	12 (36.3 %)	.000
> 60 лет	23 (17.4 %)	13 (56.5 %)	10 (43.5 %)	.128
Стаж работы				
< 5 лет	41 (31.1 %)	27 (65.9 %)	14 (34.1 %)	.000
5–15 лет	32 (24.2 %)	18 (56.3 %)	14 (43.7 %)	.151
15–25 лет	34 (25.8 %)	14 (41.2 %)	18 (58.8 %)	.130
> 25 лет	23 (17.4 %)	13 (56.5 %)	10 (43.5 %)	

<i>Характеристики испытуемых</i>				
<i>Переменная</i>	<i>Выборка в целом (N = 132)</i>	<i>Группы испытуемых</i>		
		<i>1 группа (n = 64)</i>	<i>2 группа (n = 68)</i>	<i>p</i>
Квалификационная категория				
ассистенты	28 (21.2 %)	10 (35.8 %)	18 (64.2 %)	.000
старшие преподаватели	32 (24.2 %)	13 (40.6 %)	19 (59.4 %)	.000
доценты	38 (28.8 %)	18 (47.4 %)	20 (52.6 %)	.277
профессора	14 (10.6 %)	6 (42.9 %)	8 (57.1 %)	.133

Примечание: p – асимптотический уровень значимости различий по тесту Хи-квадрат Пирсона.

Далее, по отношению к обеим группам был получен комплекс эмпирических, и прежде всего диагностических данных относительно индивидуальной меры развития у входящих в них испытуемых ряда основных параметров метакогнитивной сферы. В этих целях диагностировались следующие основные параметры (с указанием методик их определения):

– Метакогнитивная осознанность деятельности (посредством методики *Metacognitive Awareness Inventory* (Г. Шроу, Р. Деннисон [303] – MAI)). Она включает две шкалы: 1) Метакогнитивные знания (*knowledge about cognition*⁵⁴) – КС, которая содержит 3 субшкалы: декларативные знания (*declarative knowledge* – DK), процедурные знания (*procedural knowledge* – PK), и условные знания (*conditional knowledge* – СК); 2) Метакогнитивная регуляция (*regulation of cognition* – RC); она содержит 5 субшкал: планирование (*planning* – PL), стратегии управления информацией (*information management strategies* – IMS), мониторинг понимания (*comprehension monitoring* – CM), стратегии отладки (*debugging strategies* – DS), оценка (*evaluation* – EV). Подчеркнем также, что многие авторы в недавних исследованиях подтвердили валидность двухфакторной структуры MAI, то есть обоснованность использования в диагностических целях только двух интегральных

⁵⁴ Следуя существующей в метакогнитивизме традиции, мы приводим обозначения шкал и параметров на английском языке; это же относится и к применяемым далее аббревиатурам.

шкал данной методики; в силу этого, в нашем исследовании они и были использованы как основные.

– Опросник Д. Эверсон (по [89]), имеющий четыре шкалы: метакогнитивная включенность в деятельность (metacognitive awareness – MAI), использование стратегий (using strategies – US) планирование действий (action planning – AP), самопроверка (self-test – ST).

– Методика диагностики индивидуальной меры развития рефлексивности [94]; она позволяет диагностировать следующие парциальные компоненты рефлексивности: ауторефлексию – AR, социорефлексию – SR, а также интегральный показатель развития общей рефлексивности – IR.

– Индивидуальная мера развития метамышления (metathinking – MT) как базового метакогнитивного процесса (по разработанной в [95] методике);

– Индивидуальная мера развития метапамяти (metamemory – MM) как еще одного основного метакогнитивного процесса (по разработанной в [69] методике);

– Индивидуальная мера представленности процессов метарешений (metadecision – MD) по методике, также разработанной нами [95].

Далее, важно иметь в виду, что изучение метакогнитивных и метарегулятивных детерминант должно быть организовано в соответствии и с общей логикой реализации базовых исследовательских императивов в целом. Одним из важнейших среди них выступает сочетание двух основных этапов (и, соответственно, уровней) исследования – *аналитического* и *структурного*. На первом из них устанавливаются и интерпретируются локальные – парциальные закономерности, соотносящиеся с отдельными исследуемыми параметрами. Затем должен быть реализован качественно иной – более «мощный» способ и, соответственно, уровень обработки результатов – структурно-психологический. Он направлен на установление эффектов и закономерностей собственно структурного и, далее, системного плана, эксплицирующих синергетические воздействия всей структуры исследуемых параметров на организацию деятельности. В этих целях были реализованы такие методы, как определение и анализ матриц интеркорреляций исследуемых параметров; нахождение структурограмм значимо коррелирующих параметров и их последующий анализ; определение индексов структурной организации (см. далее) получаемых коррелограмм, а также их сопоставление на пред-

мет гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 . Напомним, что метод определения индексов структурной организации состоит в следующем. К ним относятся индекс *когерентности* структуры (ИКС), индекс *дивергентности* (дифференцированности) структуры (ИДС) и индекс *организованности* структуры (ИОС). ИКС определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости; ИДС – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; ИОС – как функция соотношения общего количества и значимости положительных и отрицательных связей, то есть как разница значений ИКС и ИДС. При этом учитываются связи, значимые при $p < 0,01$ приписывается «весовой» коэффициент 3 балла, при $p < 0,05$ приписывается «весовой» коэффициент 2 балла. Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что и дает значения указанных индексов⁵⁵.

Подчеркнем, что вся совокупность диагностированных параметров дифференцировалась на две группы. В первую входят те, которые имеют отчетливую *метакогнитивную* направленность и функциональное предназначение (метакогнитивные знания – КС, метакогнитивная включенность в деятельность – МАИ, ауторефлексия – АР, социорефлексия – SR, интегральный показатель развития общей рефлексивности – IR, метамышление – МТ, метапамять – ММ. Во вторую входят те, которые имеют иную и в известной мере противоположную направленность – *метарегулятивную*. К ним относятся регуляция познания – РС, использование стратегий – US; планирование действий – АР; самопроверка – ST; процессы метарешений – MD. Отметим также, что общее число параметров, входящих в эти группы одинаково – по 6 единиц, что необходимо для корректности их сравнительного анализа.

В итоге реализации всех этих процедур были получены следующие основные результаты. Так, в таблице 2 представлены средние значения диагностированных параметров в двух группах испытуемых. Как можно видеть из этих данных, существуют заметные различия в мере выраженности исследованных параметров в двух группах. В наиболее общем плане это, по нашему мнению, вполне естественно, поскольку, как отмечалось выше, исследованию были подвергнуты

⁵⁵ Использование именно этих «весовых» значений (3 и 2) обусловлено тем, что в ряде случаев данный метод применяется и с учетом связей, значимых при $p < 0,10$, которым необходимо приписывать еще меньший коэффициент – 1.

ты, в основном, именно субъектные детерминанты метакогнитивного плана, а не индивидуальные качества как таковые.

Таблица 6

Значения диагностированных параметров в 2-х группах испытуемых

<i>Характеристики испытуемых</i>				
<i>Переменная</i>	<i>Выборка в целом (N = 132)</i>	<i>Группы испытуемых</i>		
		<i>1 группа (n = 64)</i>	<i>2 группа (n = 68)</i>	<i>p</i>
КС	64.25 (5.971)	67.08 (6.221)	61.41 (7.630)	.000
AR	26-67	53.84 (5.214)	45.41 (4.920)	.000
SR	25-57	48.44 (6.018)	39.20 (6.005)	.000
IR	99-168	140.66 (11.200)	128.88 (9.444)	.000
MT	10-27	16.20 (4.150)	14.60 (4.022)	.051
MM	8-30	26.44 (6.020)	25.49 (6.016)	.159
RC	134.18 (9.884)	123.36 (10.574)	131.02 (7.787)	.000
MAI	21-65	43.44 (6.012)	47.39 (5.004)	.117
AP	7-18	12.43 (3.500)	16.20 (5.050)	.000
US	13-20	16.65 (5.019)	15.26 (4.013)	.035
ST	3-19	11.00(4.011)	11.66 (3..200)	.555
MD	50-76	56.79 (7.018)	59.66 (7.605)	.155

Примечания: КС – метакогнитивные знания (шкала методики Metacognitive Awareness Inventory), AR – ауторефлексия, SR – социорефлексия, IR – интегральный-показатель общей рефлексивности, RC – метакогнитивная регуляция (регуляция познания), MAI – метакогнитивная включенность в деятельность, US – использование стратегий, AP – планирование действий, ST – самопроверка, MT – метамышление, MM – метапамять, MD – метарешения; p – асимптотическая значимость различий по тесту Манна-Уитни; значения $p < 0.05$ выделены полужирным шрифтом.

Первые, в отличие от вторых, характеризуются большей вариативностью – изменяемостью и «подстраиваемостью» под деятельностные и иные ситуационные воздействия. Они существенно более сензитивны к ним, нежели индивидуальные и личностные качества, отличающиеся, напротив, значимо большей инвариантностью – стабильностью, в том числе, и по отношению к деятельностной детерминации (хотя и она по отношению к ним, конечно, также существует).

Обращает на себя внимание и тот факт, что – но уже в значительной степени вопреки априорным предположениям – доминирующей тенденцией этих различий является не повышение уровня представленности исследованных параметров в группе, интенсивно использующих компьютерные технологии, а наоборот – достаточно ощутимое *снижение* этой меры. Оно прослеживается по 5 из 6 параметров, а по 4 из них является статистически достоверными на достаточно высоком уровне значимости – не ниже $p < 0.05$. Далее, что касается сравнительной меры выраженности параметров метарегулятивного плана, то по отношению к ним, напротив, – хотя и менее заметно – но прослеживается противоположная тенденция. Она имеет двоякий характер. С одной стороны, практически не представлено снижение уровня параметров во второй группе (за исключением US). С другой стороны, по отношению к 4 из 6 параметров имеет место возрастание меры их представленности, которое в 2 случаях является статистически значимым на уровне $p < 0.05$. Следовательно, уже на этом – первом, то есть аналитическом уровне исследования необходимо зафиксировать два основных факта, которые, являясь достаточно выраженными, требуют соответствующего осмысления. Первый состоит в том, что, действительно, *имеют место различия* в двух обследованных группах как таковые. Они, однако, – и это, пожалуй, не менее существенно, имеют не вполне прогнозированный априорно характер, не вполне соответствуя традиционным представлениям. Второй факт состоит в том, что выявленные трансформации носят подчеркнуто *диверсифицированный* характер, являясь даже в известной степени противоположными по отношению к двум типам самих исследованных параметров – метакогнитивным и метарегулятивным. Данное обстоятельство также заслуживает специального внимания и объяснения, что и будет осуществлено ниже.

Далее, в соответствии с общей процедурой исследования, после реализации его первого уровня (аналитического) был осуществлен второй уровень – структурный. В результате были определены матрицы индекорреляций диагностированных параметров в двух группах испытуемых, на основе которых построены структурограммы этих параметров в этих группах. Они представлены на рис. 4а и 4б.

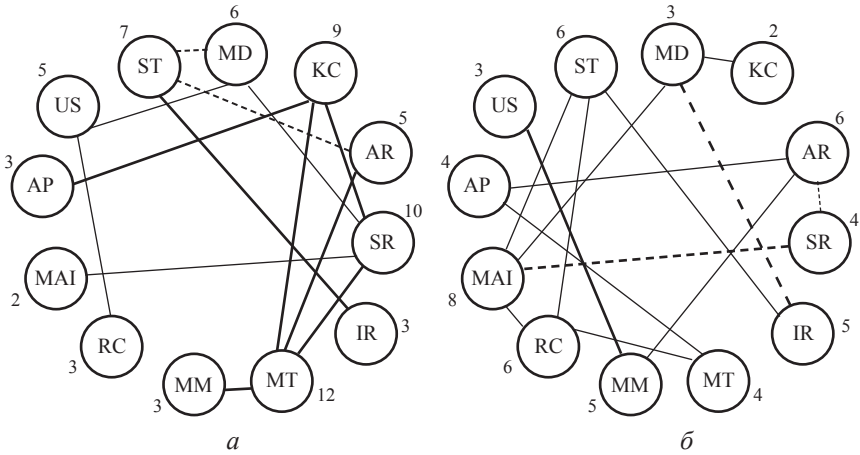

Рис. 4а и 4б. Структурограммы метакогнитивных и метарегулятивных параметров в 1 (а) и 2 (б) группах. Обозначения параметров те же, что табл. 6; жирная линия – связи, значимые при $p < 0.01$, полужирная линия – связи, значимые при $p < 0.05$; пунктиром обозначены отрицательные связи; рядом с каждым параметром указан его «вес» в структуре; значения индексов: для 1 группы – ИКС = 26; ИДС = 4, ИОС = 22; для 2 группы – ИКС = 19, ИДС = 7, ИОС = 12

Представленные результаты позволяют зафиксировать следующие основные факты. Во-первых, имеют место достаточно существенные различия в значениях индексов структурной организации в обследованных группах – прежде всего, по наиболее обобщенному и репрезентативному из них – индексу общей организованности (соответственно, 22 и 12). Причем, они являются, фактически, не процентными, а *кратными*, поскольку во второй группе ИОС практически в 2 раза меньше, чем в первой. Значения других индексов также весьма заметны (соответственно, для ИКС – 26 и 19, для ИДС – 7 и 4).

Во-вторых, выявляется и еще один факт, который, вместе с тем, также не вполне согласуется с априорными предположениями. Он состоит в том, что индекс организованности во второй группе ниже, чем в первой (а не выше, что можно было бы прогнозировать априорно). Действительно, как показано во многих исследованиях, в том числе – и выполненных нами, именно этот индекс является сопряженным со степенью сложности и развернутости психологического содержания той активности, в особенности – деятельностной, по отношению к ко-

торой он диагностируется [102]. В связи с этим, можно было бы предполагать, что он будет выше именно во второй группе, поскольку она – по степени содержательности является более сложной, нежели в первой. Однако, как можно видеть, полученные результаты не только не согласуются с этим положением, но и являются, фактически, инверсионными по отношению к нему. Отметим также, что во второй группе значимо выше и индекс дифференцированности: это также свидетельствует о меньшей степени организованности структуры параметров в ней и это также не вполне согласуется с априорными предположениями.

В-третьих, сравнение матриц интеркорреляций, на основе которых были построены представленные структурограммы, по критерию χ^2 показало их статически достоверную (при $p < 0.05$) *гомогенность*. Это означает, что структуры основных метакогнитивных и метарегулятивных параметров в двух группах являются однородными (а не разнородными, как можно было бы ожидать, исходя из существенности различий в степени развернутости и содержательности деятельности), то есть принципиально сходными. Другими словами, они различаются не «в принципе», то есть не *качественно*, а лишь в степени их развитости, сформированности – лишь *количественно*, в мере. Следовательно, использование КСО является такой детерминантой, которая обуславливает не качественные – радикальные различия в структуре метакогнитивной регуляции деятельности, а лишь количественные ее трансформации, то есть различия только в *мере* представленности эффектов структурного плана. Данное обстоятельство также, по нашему мнению, заслуживает специального внимания при дальнейшем обсуждении.

В-четвертых, итогом реализации структурно-психологического уровня анализа является еще один результат. Как известно, в этой методологии предусмотрено выявление так называемых *базовых* параметров исследуемых структур (в данном случае – основных параметров метакогнитивного и метарегулятивного плана). В их качестве выступают те качества и иные субъектные параметры, которые характеризуются наибольшим структурным «весом» (на рис. 1а и 1б значения «весов» указаны около каждого параметра). Можно видеть, что они в целом существенно *различны*; причем, по отношению к их перечням можно констатировать еще одну – также заслуживающую внимание закономерность. В первой группе в качестве базовых выступают, преимущественно, параметры *метакогнитивного* плана (МТ – метамышление,

SR – социорефлексия, КС – метакогнитивные знания), а во второй – параметры *метарегулятивной* направленности (МАИ – метакогнитивная включенность, РС – метакогнитивная регуляция, СТ – самопроверка). Данное обстоятельство также нуждается в объяснении.

Переходя к интерпретации полученных результатов, представляется целесообразным, прежде всего, обобщить всю их совокупность и на этой основе определить те *главные* тенденции, которые в них проявляются, равно как и те закономерности, которые, по-видимому, лежат в их основе. В этом плане можно видеть, что доминирующей тенденцией – фактически, основным смыслом всех этих результатов является следующее наиболее общее, но не вполне прогнозировавшееся априорно обстоятельство. Во второй группе испытуемых (то есть у тех, которые наиболее активно использовали КСО) мера представленности базовых параметров метакогнитивного плана не повышается, как это можно было бы ожидать исходя из существующих в настоящее время представлений, а наоборот, – *снижается*, причем, в достаточно явном виде. Подчеркнем также, что речь идет именно о параметрах метакогнитивного, а не метарегулятивного плана. Последние, напротив, не только не снижаются, но и имеют тенденцию *повышения* степени выраженности. Исходя из существующих в настоящее время представлений, вполне логично было бы ожидать несколько иных результатов. В самом деле, одно из наиболее общих положений методологического характера заключается в том, что степень содержательности и развернутости психологического обеспечения профессиональной деятельности в целом, равно как и уровень развития его отдельных компонентов, пропорционален сложности и психологической содержательности самой этой деятельности. Следовательно, усложнение деятельности посредством включения в нее средств КСО объективно должно было бы приводить и к возрастанию меры представленности таких ее базовых психических регуляторов, каковыми являются метакогнитивные детерминанты. Кроме того, еще одно – также общепринятое методологическое положение состоит в том, что в деятельности развиваются именно те свойства субъекта, которые релевантны ей самой – ее сути и природе, содержанию и специфике. Следовательно, и в этом плане можно было ожидать, что насыщение деятельности специфически информационными компонентами, которое и оставляет суть компьютеризации, также будет в первую очередь стимулировать приоритетное развитие тех компонентов психической

регуляции, которые наиболее конгруэнтны этой информационной, то есть, фактически, когнитивной специфике. К числу важнейших из них относятся факторы метакогнитивного плана.

Вместе с тем, при более детальном анализе полученных данных оказывается, что в них не только нет никакого противоречия, но, напротив, они являются вполне естественными и даже необходимыми. Действительно, все сказанное выше относительно усложнения деятельности, повышении степени ее содержательности, меры опосредствованности и др. является объективно правильным, но только в одной «системе координат» – в той, которая и фиксируется в понятии *объективности*. Иными словами, она является таковой именно с объективной точки зрения – в целом, то есть в ее полном объеме и во всей комплексности ее содержания и организации. Однако с другой точки зрения, в другой «системе координат» – собственно *субъективной*, точнее, субъектной она эксплицируется существенно иначе и предстает уже не как более сложная, развернутая и богатая содержанием, а наоборот, – как в определенной степени симплифицированная по отношению к ее объективному виду. Это связано с целым рядом вполне естественных причин как более общего, так и более частного, хотя также важного характера. Так, прежде всего, сама суть компьютерных технологий, применяемых, в том числе, и в образовательном процессе, состоит в том, чтобы передать им реализация часть собственно деятельностных функций и задач, выполняемых без нее самим субъектом. Как известно, именно это – транспонирование деятельностных функций и задач от *субъекта* деятельности к *средствам* ее реализации и составляет самую суть КСО. В результате этого то, что реализовывалось ранее самим субъектом, перестает быть его прерогативой. Отметим также, что в этом плане прослеживается очень явная аналогия (которая, по-видимому, является более чем просто аналогия) данной особенности с теми процессами, которые происходили в связи с комплексной механизацией и автоматизацией физического труда: они также имели своим смыслом и главным функциональным предназначением передачу целого ряда деятельностных функций средствам реализации деятельности. Подчеркнем также, что это – не какая-либо частная тенденция, а одна из главных и, по существу, атрибутивных черт всей организации деятельности, порождаемых компьютерными технологиями. В результате этого определенная и достаточно существенная часть всей деятельности, фактически, переста-

ет выступать как непосредственная прерогатива ее истинного субъекта; возникает некоторый аналог феномена отчуждения (который, конечно, в своем исходном виде имеет совершенно иные детерминанты и существенно иное содержание, но предстает как функционально сходный с отмеченным выше явлением). Причем, необходимо подчеркнуть, что такой перенос касается не только каких-либо частных и вспомогательных – сугубо технологических и операционных «составляющих» деятельности, а ее основного содержания, связанного с информационными процессами – с процессами преобразования информации, с ее переработкой, в целом, то есть с самой ее сутью как имеющей подчеркнuto информационный характер. В результате объективно снижается и необходимость в контроле за реализацией этих – транспонированных функций и задач, причем, – контроля, прежде всего, осознаваемого, субъектного, то есть, фактически, именно метакогнитивного. Более того в известном смысле и в определенной мере он становится здесь даже негативным и *контрпродуктивным*, поскольку вступает в конфликтные отношения с информационными средствами компьютерных технологий, которые, как правило, являются заведомо более мощными в операционном отношении, интерферируя с ними, или даже ингибируя их. Аналог данного явления уже был зафиксирован в исследованиях компьютеризации и обозначен как феномен «снижения когнитивности». Однако, по отношению к предмету данного исследования можно и нужно говорить, по нашему мнению, о качественно ином, хотя и тесно связанным с ним, феномене *снижения метакогнитивности*. Другими словами, данный феномен соотносится именно со сферой метакогниции, но, конечно, не со всей когнитивной сферой и, тем более, – с психической регуляцией деятельности в целом. Кроме того, его нельзя, на наш взгляд, трактовать с оценочных позиций – как однозначно негативный и контрпродуктивный. Он свидетельствует не о симплификации когнитивного обеспечения и психической регуляции, а об их трансформации – об изменении их содержания и структуры, носящим достаточно глубинный и принципиальный характер. Более того, в известном смысле он может рассматриваться и как позитивный, то есть как адекватный ответ на качественные трансформации самой сути деятельности – ее содержания и организации, равно как и ее операционного обеспечения.

В пользу тезиса о такой адекватности и адаптивности убедительно и комплексно свидетельствует еще один полученный в исследова-

нии результат. Он состоит в том, что параметры не *метакогнитивного*, а собственно *метарегулятивного* плана во второй группе не только не снижаются, но, напротив, остаются, как минимум, на стабильном уровне, а частично даже *повышаются*. Это должно быть расценено как важное свидетельство сохранения и даже возрастания меры и – главное – эффективности *регулятивных* средств и механизмов реализации деятельности. Она, меняясь по характеру своей организации и когнитивному содержанию, а в известной мере – и упрощаясь субъективно, в то же время, не только не снижает степень своей регулятивной сложности, но и возрастает. В данной связи можно сказать и так: трансформация деятельности под влиянием КСО, обуславливающая перенос им ряда собственно когнитивных функций, порождает феномен снижения метакогнитивности. Однако эти средства не только не приводят к снижению так сказать «регулятивной сложности» деятельности, но и повышают ее (или, как минимум, сохраняют на исходном уровне).

Наряду с этим, отметим также, что аналогичная тенденция – определенная минимизация метакогнитивных компонентов деятельности имеет место и по отношению к иным аспектам ее организации. Причем, по отношению к некоторым из них она имеет даже еще более выраженный и явный, в том числе, – и зафиксированный эмпирически характер. Речь при этом, разумеется, идет о собственно *коммуникативных* – «общенческих» компонентах деятельности, а шире – о роли коммуникативной подсистемы психики в регуляции деятельности. Так, в частности, стало, фактически, трюизмом положение, согласно которому переход на дистанционные формы обучения, равно как и интернет-опосредствованное общение в целом, обусловили существенное снижение функциональной роли коммуникативных процессов и, соответственно, редукцию целого ряда индивидуальных качеств субъекта, связанных с их обеспечением.

При более детализированной интерпретации полученных результатов следует, далее, обязательно учитывать и специфику, точнее – атрибутивную психологическую природу самих метакогнитивных феноменов и процессов, качеств и факторов, а также их принципиальный смысл и основное функциональное предназначение. Действительно, как показано выше, а также в ряде других наших исследований, вся их совокупность не только входит в состав *рефлексии*, но и во многом конституирует его. Рефлексия же, в свою очередь, выступает процессуальной

основой *сознания* как такового. Тем самым, она позволяет психике дифференцировать – выделить и зафиксировать в самой себе те или иные стороны своей качественной определенности, а затем репрезентировать их как *свои собственные* свойства. В этом проявляется генеративно-порождающий потенциал рефлексии: она раскрывается как такое качество субъекта, суть которого состоит в его способности к экспликации, выявлению, «распознаванию», а в известной степени – и к формированию новых своих качеств; к их осознанию и репрезентации как своих и образующих «самость» психики, то есть, фактически, *субъектность* как таковую. Следовательно, меткогнитивные процессы, образующие в своей совокупности рефлексии, – это такие процессуальные средства, овладевая которыми, субъект в значительной степени и становится таковым; обретает «самость», субъектность не только по отношению к внешнему миру, но и к миру внутреннему – к своей собственной психике, к ее содержанию (а частично – и к операционным средствам). В связи с этим, необходимо учитывать также, что и в самом метакогнитивизме сложилось важное по смыслу и интегративное по содержанию понятие, которое фиксирует именно меру, степень субъектной вовлеченности – так сказать «погруженности» субъекта деятельности в нее саму, меру ее принадлежности самому субъекту. Это понятие *agency*; оно не имеет однозначного аналога в русском языке, но ближе всего по смыслу как раз и означает «субъектность» как таковую, точнее – меру этой субъектности. В связи с этим, можно заключить, что охарактеризованные выше трансформации выступают следствием причин еще более глубинного порядка, смысл которых состоит именно в снижении субъектности как таковой. На основе этого, можно, по-видимому, говорить о специфическом для информационного типа деятельности явлении – о феномене *редукции состояния agency* (reduction of agency – ROA). Он является, фактически, одним из индикаторов (а одновременно – и детерминантой) более общего феномена, который может быть обозначен как феномен *редукции субъектности*.

Со всей определенностью подчеркнем, что данный феномен ни в коем случае нельзя рассматривать с оценочных позиций и уж тем более – как только негативный. По нашему мнению, он должен быть проинтерпретирован, как вполне закономерная *адаптивная* реакция на качественные трансформации деятельности, возникающие под влиянием КСО и сопряженной с этим передачей ей ряда деятельностных

функций и задач. В результате этого снижается и уровень требований к метакогнитивному контролю за их реализацией, а в целом – и уровень требований ко всей метакогнитивной сфере субъекта. Более того, в целом ряде случаев собственно метакогнитивный контроль может выступать и как контрпродуктивный, поскольку он начинает интерферировать с реализацией тех функций, которые эффективнее реализует сама эта техника.

Сказанное имеет и еще одно – достаточно очевидное подтверждение в совокупности представленных выше результатов. Действительно, при переходе от аналитического уровня исследования к структурному было обнаружено следующее основное обстоятельство. Степень организованности, в том числе – и интегрированности всей совокупности параметров метакогнитивной сферы во второй группе испытуемых существенно *снижается*. Этот результат, казалось бы, также не вполне согласуется с традиционными представлениями и априорными прогнозами. Дело в том, что в метакогнитивизме сложился такой подход к интерпретации сути функциональной роли детерминант метакогнитивного плана, который стал в настоящее время и доминирующим, и чуть ли не само собой разумеющимся. Это – так называемый *ресурсный* подход. Его суть состоит в том, что метакогнитивные процессы и качества трактуются как средства расширения ресурсных возможностей субъекта, как операционные механизмы «приращения» когнитивного потенциала психики. Вместе с тем, в экологически валидных исследованиях, то есть тех, которые учитывают реальную – естественную, и прежде всего, деятельностьную детерминацию метакогнитивных феноменов, систематически обнаруживаются факты, свидетельствующие об ограниченности только такой трактовки. Они вскрывают не менее важный факт, состоящий в том, что параметры эффективности деятельности в общем случае связаны с мерой метакогнитивного контроля не отношениями *максимума*, а отношениями *оптимума*. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев эффективность деятельности, равно как и решения ее частных задач, максимальна при некотором среднем, хотя и достаточно выраженном, но все же не максимальном уровне метакогнитивного контроля. В силу этого, вся совокупность, точнее – система факторов метакогнитивного плана не всегда и не обязательно должна быть организована таким образом, чтобы непременно характеризоваться максимальной степенью интегрированности и тем

самым приводить к синергетическим эффектам, которые являются источником расширения функциональных ресурсов субъекта. Напомним, что именно это и составляет суть самого ресурсного подхода.

Реальность психического более сложна и неоднозначна – так сказать, «хитра», но именно потому и более адаптивна. Мера интегрированности как таковая «подстраивается» под те требования, которые диктуются характером содержания и организации деятельности. Если эти требования таковы, что они не только не требуют возможно большей интегрированности, но и наоборот, – диктуют ее снижение, то оно и происходит. Именно это и проявилось в представленных выше результатах. Во второй группе, испытуемых, то есть тех, которые функционируют именно в такого рода условиях, как раз и эксплицируется существенная редукция интегративных средств, проявляющаяся в снижении количественных значений структурных индексов позитивной направленности (ИКС и ИОС) и повышении индекса негативной направленности (ИДС). Наряду с этим, подчеркнем, что данная тенденция носит адаптивный характер, поскольку выступает как производная от характера организации самой деятельности, но не обусловлена какими-либо глубинными детерминантами собственно субъектного плана. Решающим свидетельством этого является то, что матрицы интеркорреляций, на основе которых построены представленные структурограммы, отличаются лишь *количественно* – в мере интегрированности, но не *качественно*, то есть не принципиально. Это, в свою очередь, следует из их гомогенности (а не гетерогенности), выявленной посредством критерия χ^2 . Они являются качественно однородными, но различаются в мере структурной организации и, следовательно, в представленности в них интегративных средств и механизмов.

Таким образом, на основе данного исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, использование КСО в профессиональной образовательной деятельности является значимой детерминантой характера и степени представленности в структуре ее психологического обеспечения ряда важных компонентов метакогнитивного плана. Следовательно, существует закономерность, согласно которой метакогнитивная сфера субъекта является сензитивной по отношению к представленности в деятельности этих средств. В свою очередь, это выступает одним из значимых адаптивных механизмов трансформации психической регуля-

ции деятельности под влиянием включения в нее принципиально новых средств организации, каковыми и выступают компьютерные технологии.

Во-вторых, данное влияние является не только значимым, но и комплексным, поскольку оно существует как в отношении факторов собственно метакогнитивного плана, так и в отношении факторов метарегулятивного плана.

В-третьих, обнаруженное влияние является также и принципиально диверсифицированным, так как его характер – мера и направленность является существенно различным в отношении двух указанных категорий факторов – метакогнитивных и метарегулятивных.

В-четвертых, под влиянием включения в организацию профессиональной образовательной деятельности КСО происходит значимое снижение степени выраженности ряда базовых компонентов метакогнитивного плана, что свидетельствует о тенденции достаточно общего плана – о снижении функциональной роли метакогнитивной регуляции под влиянием включения в деятельность этих средств.

В-пятых, по отношению к основным компонентам не метакогнитивного, а метарегулятивного плана выявляются существенно иная и во многом – противоположная тенденция. Она состоит в том, что включение в организацию деятельности КСО не только не приводит к значимому снижению функциональной роли в ней этих факторов, но имеет место даже ее определенное возрастание.

В-шестых, детерминационное влияние КСО на меру и характер представленности факторов метакогнитивного и метарегулятивного плана существует не только по отношению к каждому из них в отдельности (то есть на аналитическом уровне детерминации), но и в плане их интегративного влияния – на структурном уровне детерминации. Подтверждением этого является зависимость степени и характера общей структурной организации факторов метакогнитивного и метарегулятивного плана от факта представленности в организации деятельности КСО. Однако, вопреки априорным прогнозам, эта зависимость является не прямой, а обратной и состоит в том, что при высокой степени представленности в организации деятельности КСО степень структурной организации и, следовательно, интегрированности такого рода факторов не повышается, а наоборот, значимо понижается. Данный результат также можно интерпретировать как одно из проявлений отмеченного выше феномена редукции субъектности, поскольку сни-

жение степени структурной организации является важным индикатором снижения их функциональной роли в реализации деятельности.

В-седьмых, в качестве интегративного эффекта выявленных закономерностей имеет место определенное снижение степени субъектности личности в ее реализации под влиянием включения в деятельность КСО. Оно проявляется, в частности, в редукции одного из базовых и также интегративных по своей сути мета когнитивных состояний – состояния *agency*. Следовательно, можно констатировать не описанный до настоящего времени феномен метакогнитивного плана, который целесообразно обозначить рабочим термином *reduction of agency* (ROA). Его недопустимо, однако, интерпретировать с оценочных позиций – как негативный, поскольку он является вполне закономерной и естественной реакцией адаптивного типа на качественные трансформации в содержании самой деятельности в целом и на редукцию в ней целого ряда частных – операционных функций и задач вследствие включения в нее КСО.

Данный феномен соотносится именно с организацией деятельности в целом, равно как и с тем уровнем общей структуры компетенций, на котором локализовано их интерактивное проявление – компетентность. Это и эксплицирует его принадлежность к рассматриваемой здесь – четвертой основной группе феноменов метакогнитивного плана. Кроме того, в нем проявляется и преемственность данной группы по отношению к предыдущей. Действительно, если включенные в нее феномены соотносились с тем уровнем организации деятельности, который обозначается как *субсистемный* и на котором локализованы отдельные действия и их комплексы, то феномены данной группы соотносятся со следующим уровнем ее организации – с уровнем *автономной, целостной деятельности*, то есть с *общесистемным уровнем*.

Наконец, в еще одной из работ был рассмотрен, пожалуй, наиболее известный среди всех метакогнитивных феноменов – эффект Даннинга-Крюгера⁵⁶. В ней он был подвергнут своего рода «деятельностно-ге-

⁵⁶ Напомним, что это – метакогнитивное искажение, которое заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения и при этом не способны осознавать свои ошибки в силу низкого уровня своей квалификации. Это приводит к возникновению у них завышенных представлений о собственных способностях [272].

нетической спецификации». Конкретно это означает, что уровень своей компетентности оценивали две группы респондентов – IT-специалистов. Первая – это «новички», то есть лица с малым стажем и, соответственно, с объективно относительно наименьшим поэтом, когнитивным и метакогнитивным «багажом». Вторая – это «профессионалы», то есть лица с большим стажем и, соответственно, аналогичны объемом профессионального опыта и иных операционных возможностей. Эти две группы посредством специальной методики оценивали степень своей компетентности, а затем эти оценки сопоставлялись с теми, которые были получены в отношении этих же лиц внешними экспертами – посредством метода экспертного оценивания. В результате были установлены два основных факта. Первый из них состоит в том, что эффект Даннинга-Крюгера подтвердился и по отношению к изученным условиям – по отношению к деятельности субъектно-информационного класса. Вторым фактом является то, что степень выраженности данного эффекта оказалась пропорциональной стажу: чем он больше, точнее, чем большее различие в стаже сравниваемых групп, тем он выраженнее. Следовательно, можно говорить и о том, что данный эффект обладает свойством *генетической относительности*, а не является абсолютным.

Итак, выше были выявлены и рассмотрены основные феноменологические проявления метакогнитивного плана еще одной основной – четвертой группы. Все они обладают как несомненной общностью, то есть качественной определенностью, но одновременно – столь же явной качественной специфичностью по отношению к трем другим группам. В заключение проведенного анализа представляется целесообразным резюмировать эти их основные особенности.

Во-первых, это наиболее общая и, в то же время, явная, относительно несложно эксплицируемая особенность, которая, собственно говоря, и позволяет синтезировать их в качественно специфическую группу. Они соотносятся не с локальными «вторичными» компетенциями и уж тем более не с процессуальными и иными их «составляющими», а с базовыми – «первичными» компетенциями. Кроме того, они сопряжены с ними не только так сказать по отдельности, «поточечно», но обусловлены и эффектами их общей организации – их синтеза в интегративную целостность, каковой и выступает компетентность.

Во-вторых, они сопряжены не с понятием *hard-skills*, которое носит, в основном, внепсихологический характер (что, впрочем,

не умаляет ее значимости, а наоборот), а с иным, уже собственно психологическим понятием – базовых деятельностных компетенций. Именно они дифференцируются по подчеркнуто психологическому критерию – по критерию их соответствия с основными функциональными блоками, составляющими содержание психологической системы деятельности. Она, как известно, и образует онтологическую основу деятельности, ее собственно психологическое «ядро». Следовательно, и общее основание для их дифференциации является столь же объективным, сколь и обоснованным – им выступают системный критерий дифференциации компетенций на основе их соответствия с архитектурой психологической системы деятельности.

В-третьих, отсюда с очевидностью следует непосредственная связь, и более того, – прямая детерминация всех этих феноменов со стороны совершенно определенного уровня макроструктурой организации комплекций в целом, которая была охарактеризована во второй главе, – с уровнем деятельностной компетентности. Он, в свою очередь, имеет прямое соответствие и с одним их уровней общей структурной организации деятельности – с уровнем автономной деятельности, на котором она эксплицируется в ее общесистемном статусе. Однако именно с этим обстоятельством связано положение еще более общего характера: Данная группа феноменов является, по существу, еще одним проявлением и, в то же время, подтверждением наиболее общего принципа организации всей структуры компетенций. Следовательно, ее обнаружение и доказательство ее очень широкой представленности в деятельности необходимо рассматривать не только как значимое само по себе. Его следует понимать и как важное верифицирующее средство по отношению к сформулированным в главе 2 представлениям об общей структурной организации компетенций в деятельности субъектно-информационного класса. Действительно, если предыдущая группа феноменов естественным образом соотносилась с субсистемным уровнем их организации, на котором локализованы «вторичные» компетенции (а одновременно и являлась доказательством самого этого уровня), то данная группа столь же органично соотносится с иным уровнем этой же макроструктуры – общесистемным. Одновременно она же вступает и верифицирующим средством по отношению к обоснованию самого этого уровня. Таким образом, выявляется обстоятельство также весьма принципиального плана: содержание феноменологии «повторяет» структу-

ру компетенций. Она является адекватным «зеркалом» отражения вторых, что одновременно дает основания для дифференциации базовых групп самих феноменов, а также верифицирует правомерность структурно-уровневого принципа организации компетенций.

В-четвертых, можно видеть, что степень множественности и, соответственно, гетерогенности данной группы существенно меньше, чем предыдущей группы. Данная особенность также вполне естественна, поскольку сам количественный состав базовых компетенций деятельности существенно меньше, нежели состав «вторичных» компетенции. Он, однако, является более общим и инвариантным, воспроизводя в себе архитектуру деятельности как таковой, и включает инвариантный набор компетенций, имеющий, к тому же, наддеятельностный характер, то есть присущий и многим иным типам деятельности. Посредством этого раскрывается общность принципиальной системы компетенций по отношению к различным видам деятельности и, следовательно, сама информационная деятельность органично включается в общую компетентностную проблематику.

В-пятых, и в значительной мере именно по причине предыдущей особенности, все феномены данной группы имеют существенно более выраженную собственно психологическую детерминацию и в значительно меньшей степени испытывают воздействие со стороны деятельностно-специфических детерминант. В результате этого, содержание самих феноменов данной группы носит в существенно большей степени не деятельностно-специфический характер, а отражает особенности и атрибутивные черты собственно психической организации. Действительно, как можно видеть из представленного анализа феноменов данной группы, они в значительно большей степени воплощают в себе закономерности именно общепсихологического плана. Это, например, феномены, связанные с фундаментальным психологическим понятием (и реальностью, обозначаемым им) доверия. Это и феномены, связанные со столь же общим понятием делегирования, а также и с еще более общим и, по существу, пограничным с философски уровне понятием отчуждения и др. Это, далее, и феномены, которые носят так сказать личностно-окрашенный характер – например, феномены, связанные с профессиональным деформациями личности, с ее профессиогенезом. Наконец, это и феномены, выходящие даже за личностный уровень и сопряженные с уровнем социально-психологических детерминант.

В-шестых, по отношению к данной группе сохраняется и еще одна – общая для всех уже рассмотренных групп закономерность, состоящая в том, что и для нее, равно как и для других групп, вполне отчетливо дифференцируется какой-либо главный феномен, который в наибольшей мере репрезентирует ее содержание в целом. По отношению к данной группе это, разумеется, феномен уходов, который, в свою очередь, объективно обусловлен атрибутивной природой данной деятельности – ее распределенным характером, возможностью переноса существенной части деятельностных функций от субъекта труда к средствам его труда (то есть к компьютеру).

Наконец, в-седьмых, по отношению к данной группе в полной мере действует и еще одна – также общая закономерность, состоящая в том, что и они, равно как и феномены всех иных групп, подвержены в структуре целостной деятельности множественным и вполне систематическим трансформациям, происходящим по пяти основным направлениям. Первое – это ослабление, ингибция тех феноменов, которые были установлены традиционно и выявлены на внедеятельностных условиях. Проявления этого типа, пожалуй, наиболее многочисленны, а их сущность состоит в том, что вследствие гиперделегирования функций резко снижается мера метакогнитивного контроля за их реализацией в целом. Второе направление – это усиление, фасилитация феноменов метакогнитивного плана. В этом плане опять-таки весьма показательны феномены гипердоверия и гиперделегирования, поскольку сам их «*гипер*»-характер как раз и указывает на то, что в них имеет место увеличение чего-либо – в данном случае феноменов доверия и делегирования. Другим примером этого же направления является закономерная трансформация классического метакогнитивного феномена – эффекта Даннинга-Крюгера. Он также усиливается, но в несколько в ином плане – не в плане его детерминации общей когнитивной осведомленностью, а в генетическом плане. Это означает, что «новички», то есть те, кто объективно характеризуется относительно меньшим когнитивным и профессиональным багажом, склонны переоценивать его, а «профессионалы», наоборот, – его недооценивают по сравнению с объективными параметрами. Третье направление – это практически полная редукция, исчезновение из структуры деятельности каких-либо феноменов. Здесь вновь можно констатировать достаточно очевидную картину, поскольку в данной деятельности практически полностью редуцируют-

ся все феномены, сопряженные с одним из важных видов рефлексии – с социорефлексией. Это происходит в силу принципиальной арефлексивности данной деятельности, которая была подробно охарактеризована выше. Четвертое направление – это возникновение принципиально новых метакогнитивных феноменов, которые не были дифференцированы на внедеятельностных условиях. По отношению к нему характерно то, что именно оно как раз и является, пожалуй, наиболее представленным, а большинство из описанных выше феноменов связаны именно с ним. Так, это возникновение феноменов гипердоверия, гиперделегирование, развитие феномена отчуждения и др. И наконец, пятое направление – инверсия смысла и функциональной роли феноменов, установленных при исследовании иных видов деятельности при включении их в структуру деятельности, базирующейся на основе компьютерной техники. Здесь также можно привести вполне очевидный и, в то же время, очень значимый для организации деятельности феномен. Это, разумеется, тенденция к инверсии одной из наиболее общих закономерностей, согласно которой эффективность деятельности пропорциональна степени метакогнитивной включенности субъекта в ее реализацию. По отношению в рассматриваемой деятельности данная закономерность представлена в обратной форме, что означает определенную минимизацию метакогнитивного контроля как важный фактор повышения эффективности деятельности. Причем, в действительности, ситуация является, как показано в представленном выше исследовании, еще более сложной и комплексной, поскольку снижение собственно метакогнитивного контроля сопровождаются инверсионным по отношению к его сути контролем – уже не метакогнитивным, а метарегулятивным. Иными словами инвертируется не только сама зависимость, но и те детерминанты, которые ее обуславливают: эффективность деятельности становится пропорциональной уже не метакогнитивной включенности, а метарегулятивному слежению.

3.3.5. Метакомпетентностные феномены

Продолжая анализ феноменов метакогнитивного плана в деятельности субъектно-информационного класса и предпринимая попытку развития представлений в данной области, обратим внимание на то – уже не раз констатированное выше обстоятельство, согласно которому

итоги рассмотрения феноменов какой-либо группы создают необходимые предпосылки для перехода к экспликации какой-либо другой группы и даже требуют этого. Именно так обстоит дело и в отношении той ситуации, к которой привел анализ феноменов только что рассмотренной группы. Действительно, одним из его главных итогов явилось комплексное обоснование того, что общая совокупность феноменов метакогнитивного плана в целом, а также их дифференциация на основные группы тесным и вполне естественным – по существу, объективным образом сопряжена с макроструктурной организацией компетенций деятельности и с ее дифференциацией на основные уровни. Более того, есть все основания полагать, что именно эта макроструктура как раз и является объективно представленным комплексным основанием, точнее, системной детерминантной для генеза и последующего структурирования всей совокупности самих феноменов. Одним из наиболее явных и многоплановых подтверждений данного положения является прямое и непосредственное – органичное соответствие феноменов четвертой группы с общесистемным уровнем организации компетенций, на котором они синтезированы в максимально обобщенное личностно-деятельностное образование – компетентность. Аналогичным образом обстоит дело и с точно таким же соответствием третьей группы феноменов, которые однозначно и весьма очевидным образом сопряжены с еще одним базовым уровнем макроструктурной организации компетенций – субсистемным, эмпирическим референтом которого выступает, в частности, совокупности того, что обычно обозначается понятием *hard-skills* («жестких навыков»).

Вместе с тем, именно это наиболее принципиальное обстоятельство как раз и выступает необходимым основанием для продолжения анализа и, более того, выступает своеобразной подсказкой для определения того направления, в котором он должен осуществиться, задавая необходимые ориентиры поиска. В самом деле, если, существует подобие структуры основных групп феноменов с основными уровнями структурной организации компетенций, причем, подобие многоплановое, доходящее до степени изоморфизма, то вполне логично сделать следующее предположение. По всей видимости, не только не исключено, но весьма вероятно, что еще одни – не рассмотренный пока уровень их организации – метасистемный также может быть сопряжен с дополнительной, качественно специфической группой феноменов.

Напомним, что данный уровень был дифференцирован в результате анализа, проведенного в главе 2, а его сущность состоит в том, что на нем локализована совокупность *метакомпетенций* (soft-skills). Данный уровень глубоко специфичен и весьма существенно – принципиально отличается от всех иных уровней макроструктурной организации общей совокупности компетенций. И именно эта его выраженная специфичность позволяет и даже заставляет предположить, что он также может быть сопряжен с еще одной группой феноменологических проявлений метакогнитивной сферы. Данное заключение в свою очередь, может быть понято и как гипотеза, требующая своей верификации, что и должно составить предмет дальнейшего рассмотрения.

Вместе с тем, прежде чем непосредственно перейти к этому, необходимо, по нашему мнению, специально остановиться на некоторых положениях более общего – теоретико-методологического плана, поскольку они могут в существенной мере содействовать и решению самой этой задачи. Действительно, как уже неоднократно подчеркивалось выше, само понятие soft-skills, а также его дифференциация по отношению к понятию hard-skills (а также к понятию digital-skills) имеет, в основном, так сказать, внетеоретическое и, более того, внепсихологическое происхождение. Оно возникло не как следствие эволюции теоретических представлений в области профессиональной деятельности, а также сопряженных с ней направлений, а в силу логики развития самой этой деятельности – практики ее осуществления и эволюции ее видов и типов, форм и классов. Оно имеет потому, скорее, практически «корни». Однако все эти обстоятельства не только не делают его менее обоснованным, менее корректным в научном плане, но напротив, могут рассматриваться как важнейшие аргументы в пользу его обоснованности – жизненности, верифицированности практикой и оценкой этой практики со стороны социума. В дальнейшем данное понятие постепенно стало подвергаться осмыслению и с собственно методологических позиций, постепенно ассимилироваться и психологической проблематикой. Однако такую методологическую рефлексию пока нельзя считать достаточной – в полной мере разрывающей истинную природу и действительную многоплановость данного понятия, равно как и той реальности, которая им обозначается. Более того, пока, фактически, отсутствуют и сколько-нибудь оформленные и развитые

специальные методологические подходы, направленные на это. До настоящего времени практически отсутствует какая-либо специальная и тем более – психологическая теория в этой области; кроме того, задача разработки такого рода теории также не сформулирована в явном виде и не осознана как первоочередная необходимость.

На наш взгляд, в целях компенсации этого концептуального пробела можно использовать ряд ключевых положений, которые содержатся в сформулированном и охарактеризованном в главе принципе метасистемного подхода. Более того, несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что само по себе понятие *soft-skills* служит и важным аргументом в пользу обоснованности этих положений. Напомним, что основная идея данного подхода состоит в том, что в собственный состав и содержание систем могут функционально включаться – «встраиваться» в нее те более общие и онтологически представленные целостности, которые являются по отношению к ним метасистемами. Последние мультиплицируются в составе и содержание систем, резко расширяя их потенциал. Одним из наиболее репрезентативных представителей такого рода систем как раз и выступает профессиональная деятельность, что подробно обосновано параграфе 1.3. Показательно также, что данное положение, являясь важным итогом теоретического анализа, способствующим раскрытию сущности и деятельности, одновременно ставит и новые – не менее сложные вопросы, связанные, прежде всего с тем как конкретно – за счет каких именно средств и механизмов, на основе каких закономерностей и феноменов реализуется такое «встраивание»? Что именно выступает его эмпирико-феноменологическими референтами и деятельностными индикаторами? Какова так сказать «чувственная ткань» и реальное содержание, в том числе, и феноменологическое такого «встраивания» – фактически, мультиплицирования более общих метасистем в системе самой деятельности?

Показательно, что ответ именно на эти – ключевые для всего метасистемного подхода как раз и «подсказываются» посредством понятия *soft-skills*, а также его связями с понятием *hard-skills*. Действительно, первое из них обладает принципиальной двойственностью, двуединством своего статуса. С одной стороны, оно фиксирует в себе такие сущности, которые – по определению – локализованы вне самой деятельности, точнее – над ней и выступают как аспекты более общих целостностей – метасистем. Собственно говоря, именно на основе этого они вообще

и дифференцируются. Однако, с другой стороны, не менее характерно и то, что все они – также по определению и, соответственно, по содержанию выступают и как собственно деятельность образования. Причем, это отнюдь не рядовые компоненты деятельности, а во многом важнейшие и определяющие. Так, существуют данные, согласно которым эффективность информационной деятельности в большей степени определяется именно этой категорией факторов, а не категорией *hard-skills*.

Можно видеть, что тем самым возникает типичная очень показательная для принципа метасистемности ситуация. Нечто – в данном случае *soft-skills* имеет двойную локализацию. Они одновременно принадлежат и определенной метасистеме, и какой-либо из включенных в нее систем (в данном случае – деятельности). Однако, именно это и означает, что в данном случае эксплицируется базовое для всего метасистемного подхода явление. Это – «встраивание» метасистемы в систему, мультиплицирование первой во второй, которая за счет этого и обретает статус системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Наряду с этим, в плане проблематики проводимого здесь анализа не менее важно и показательно именно то, что уже полученные на его основе результаты как раз и эксплицируют конкретные по содержанию, но общие по смыслу средства такого «встраивания», такой мультипликации. В их качестве, как можно видеть из представленных материалов, выступает вся совокупность *soft-skills*. Тем самым, однако, и их дифференциация как таковая, а также их несомненная представленность во многих видах деятельности, их «жизненность и правдивость», а также их верифицированность всей практикой многих видов деятельности, выступает важнейшим доказательством обоснованности и корректности самих базовых положений метасистемного подхода. Фактически, имеет место конвергенция развития представлений в двух исходно совершенно не связанных друг с другом направлениях. С одной стороны, это подчеркнута методологические представления, сложившиеся в русле метасистемного подхода, равно как и в теоретических исследованиях, прежде всего, – психологических, выполнены на его основе. С другой стороны, это столь же подчеркнута практико-ориентированные разработки, направленные на оптимизацию профессиональной деятельности, носящие, к тому же, преимущественно не психологический, а организационный характер. Причем, такая конвергенция, как можно видеть из представленных материалов, настоль-

ко органична и глубока, а одновременно – и рельефна и доказательна в плане своих результатов, что можно говорить и о синтезе этих двух направлений. Этот синтез как раз и достигается через понятие *soft-skills*, точнее – посредством данного понятия и, разумеется, заслуживает его должной методологической рефлексии.

Итак, выше был предпринят достаточно развернутый экскурс в область теоретико-методологических представлений, сформулированных в метасистемном подходе. Несмотря на высокую степень обобщенности и, казалось бы, абстрактности этих положений, обращение к ним вовсе не является теоретически избыточным. Напротив, лишь при условии их учета могут быть с достаточной степенью полноты и корректности поняты многие значимые аспекты организации профессиональной деятельности, в том числе – и те, которые сопряжены с ее феноменологическим содержанием и которые составляют основной предмет проводимого в данной главе анализа. В плане их реализации именно по отношению к экспликации феноменологической картины деятельностей данного класса, на наш взгляд, могут быть высказаны следующие основные соображения.

Действительно, на основе проведенного анализа становится очевидным, что специфически деятельностные феномены метакогнитивного плана не только могут, но и должны быть каким-либо образом сопряжены с той категорией компетенций, которая и обозначается понятием *soft-skills*. Вместе с тем, истинная сложность их природы, равно как и их дифференциации от феноменов иных групп состоит в том, что они имеют весьма специфичную – двуединую детерминацию. Это означает, что в качестве их детерминант выступают не те факторы, которые локализованы внутри самой деятельности (интрадеятельностные факторы), но и не те, которые локализованы вне деятельности (экстрадеятельностные) по отдельности. Дело в том, что в качестве истинных их детерминант как раз и выступают эффекты взаимодействия первых со вторыми – те интегративные по природе и синергетические по механизмам эффекты, которые порождаются в этом взаимодействии. Иными словами этих детерминант нет ни внутри деятельности, ни вне нее: они возникают лишь как эффект взаимодействия интра- и экстрадеятельностных факторов. Причем, наиболее важно, что оно носит весьма сложный и отнюдь не механический, не внешний характер. Оно реализуется посредством механизма мультиплицирования некоторых

метасистем (в систему (деятельность)). Конкретно это означает, что действительным источникам данных феноменов, их реальной детерминационной базой выступают те взаимодействия, взаимоотношения, которые порождаются в результате *синтеза* двух базовых категорий компетенций – *soft-skills* и *hard-skills*. В связи с этим, всю их совокупность можно обозначить как *sh-феномены*. И именно с этих позиций – при таком способе решения проблемы, состоящей в определении ориентиров поиска этих феноменов, открываются реальные возможности для выявления их новых видов, составляющих содержание еще одной их качественно специфической группы.

Прежде чем перейти к их экспликации, необходимо напомнить о двух достаточно существенных обстоятельствах, которые уже рассматривались выше, но которые обретает особую значимость именно в связи с феноменами данной группы. Одно из них – в самом общем плане состоит в принципиальной сложности дизъюнктивной дифференциации – четкого и однозначного разделения общедетельностной феноменологии и той ее части, которая носит специфически метакогнитивный характер. Не повторяя результатов анализа данного вопроса, проведенного в параграфе 3.1., отметим лишь, что сам термин «метакогнитивные феномены» может использоваться двух коннотациях – узкой и широкой. В первой фиксируются лишь те феномены, которые имеют исключительно и явно выраженный метакогнитивный характер, которые непосредственно связаны с детерминантами метакогнитивного плана. Во второй фиксируются и те – уже менее метакогнитивно-специфические и в большей мере отражающие комплексную деятельностную детерминацию феномены, которые могут и не являться исходно метакогнитивными, но выступают *в функции* метакогнитивных детерминант ее организации. Другое положение состоит в том, что по отношению именно к тем деятельности, которые базируются на основе компьютерной технике, достаточно радикальным образом должен быть трансформирован сам подход пониманию сути метакогнитивных феноменов и вообще – всех иных детерминант метакогнитивного плана, к экспликации их статуса в целом. Напомним, что такая трансформация связана со следующими очень принципиальными обстоятельствами. Поскольку эта деятельность атрибутивно исходно когнитивна – непосредственно направлена на реализацию функций переработки информации, то есть собственно когнитивных функций, то практически все, что ее обеспечивает и регулирует – управляет ей, носит

метакогнитивный характер. Следовательно, с этих позиций во многом преодолевается та трудность, которая порождена двойной коннотацией самого понятия метакогнитивных феномена. Становится очевидной правомерность второй из них, а по отношению к организации именно этой деятельности как атрибутивно когнитивной, фактически, любая детерминанта, любой феномен обретает статус метакогнитивного. Поэтому и в качестве метакогнитивной феноменологии выступает, фактически, вся общедетельностная феноменология в целом. Учитывая эти положения, перейдем, далее, к попытке выявления и осмысления тех феноменов, которые, возможно, и образуют содержание еще одной их группы.

В этих целях, прежде всего, представляется необходимым ограничить сферу поиска, а для этого – определить состав и содержание самой категории soft-skills. Данная задача, с одной стороны, является относительно несложной, поскольку в настоящее время представлено множество конкретных вариантов их состава. Однако, с другой стороны, данная задача осложняется тем, что существующие перечни носят в значительной степени эклектический, не систематизированный и неструктурированный характер; они являются результатами обобщения практического опыта, но не итогом каких-либо теоретически обоснованных обобщений. Такого рода затруднения связаны и с тем, что, как правило, эти перечни предлагаются не профессиональными психологами, а потому носят и не вполне корректный с точки зрения психологической терминологии характер (а часто и выраженно некорректный). В них представлены сущности совершенно разного уровня обобщенности и уж, тем более, отсутствует критерий их дифференциации. Вместе с тем, несмотря на это, нельзя не отметить и того, что предлагаемые варианты наборов все же весьма сходны друг с другом; это является значимым свидетельством обоснованности и важности включенных в них «составляющих» и, что еще более значимо, принципиальной инвариантности их состава как для отдельных видов деятельности, так и для целых их классов. Конкретные варианты их дифференциации уже приводились выше; в дополнение к ним можно указать, скажем, на такой вариант их состава: коммуникация, критическое мышление, сервисность/клиентоориентированность, управление проектами, людьми и собой, наставничество и мониторинг, решение проблем, принятие решений, эмоциональный интеллект, ненасильственное общение, управление знаниями, работа в режиме неопределенности, бережливое

производство, экологическое мышление, самоанализ и саморефлексия. Кроме того, возможен и такой их набор: самоорганизация и самообразование, критическое мышление и логика, грамотность и язык, психологическая устойчивость, креативность и вдохновение.

Анализ этих и многих иных вариантов перечней позволяет выявить ряд значимых с точки зрения основных задач данной работы их особенностей. Они, в свою очередь, могут составить основу для их уже собственно теоретического осмысления – в том числе, и для экспликации дополнительных особенностей феноменологической картины деятельностей информационного класса. Так, практически во всех перечнях совершенно очевидным образом эксплицируется представленность трех базовых подсистем психики в целом – когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Действительно, такие soft-skills, как, скажем, «память», «внимание», «креативность», «навык решения проблем» непосредственным образом конкретизируют когнитивную подсистему. Другие soft-skills – такие, как, «целенаправленность и умение доводить дело до конца», «тайм-менеджмент» и др., столь же непосредственно сопряжены с регулятивной подсистемой. Наконец, такие soft-skills, как «навыки коммуникации», «умение вести переговоры» конкретизируют важнейшие черты и средства коммуникативной подсистемы.

Во-вторых, при несколько ином способе видения в этих перечнях эксплицируется их явная соотносимость и с «составляющими» психики, дифференцированными еще по одному основанию – на ее основные сферы. В частности, представленность в них такого компонента, как «эмоциональный интеллект» отчетливо указывает на представительство в них собственно эмоциональной сферы. Другой soft-skills – «саморазвитие» хотя и более опосредствовано, но явно соотносится с мотивационной сферой личности. Soft-skills «психологическая устойчивость» столь же явно базируется на детерминантах волевой сферы.

В-третьих, не менее явно в этих наборах представлены и такие факторы, которые соотносятся уже не особенностями индивидуально психики, с факторами интериндивидуального плана – с тем, что обозначается как «навыки межличностного взаимодействия», «умение работать в команде», «навыки установления контактов», а в целом – «социальный интеллект».

В-четвертых, при более детализированном анализе выявляется и сопряженность этой категории с еще одним фундаментальным «пластом» психической организации – с состояниями и с возможностью их регуляции. Это, скажем, все то же «умение управлять эмоциями» (и, следовательно, состояниями), «самоконтроль» и пр.

В-пятых, такой soft-skiills, как «саморазвитие» имеет тесную связь не только с профессионализацией как таковой, но и с возможностью влияния на еще один базовый «пласт» организации психики – индивидуальные, личностные качества. Кроме того, с ним же связано и еще – самообучение, что зафиксировано и в понятии как абсолютном императиве профессионала.

В-шестых, в существенной части всех soft-skiills или даже в их большинстве прямо или косвенно, но в очень существенной степени их детерминационного влияния представлены и те факторы, которые имеют уже надличностную – социальную и даже экологическую, «средовую» детерминацию.

Итак, можно вдеть, что, фактически, не остается ни одного сколько-нибудь значимого аспекта, ни одной существенной сферы организации психического, ни одной его базовой «составляющей», которая не была бы отражена в перечных soft-skiills. Более того, в них представлены факторы не только собственно психологического, но и внешнего – социального средового плана. И именно это обстоятельство, являясь очень общим и демонстративным, а потому – очень показательным заслуживает особого, специального внимания и интерпретации. На наш взгляд, именно оно как раз и свидетельствует наилучшим образом о том, что вся совокупность собственно профессиональных компетенций (hard-skiills), равно как и сопряженных с ними феноменов, представлена в реальности отнюдь не в автономном виде – не в «чистой» форме, а в структуре более общих и, пожалуй, еще более существенных детерминант – в структуре другой категории – soft-skiills. Однако, именно она, как это следует из только что сделанного заключения, фактически и является конкретным воплощением всех основных «составляющих» психики и личности (а также социума в целом). Следовательно, именно через взаимодействие и первые обретают свое истинное – конкретное, внутрисистемное бытие; они включаются в объективно представленный онтологический контекст, в котором заложены истинные детерминанты для их генезиса и существования в контекст

более общих метасистем – психики в целом, личности, социума. Однако, именно это же означает, что посредством включения в исследование категории soft-skills достигается возможность радикального – по существу, парадигмального изменения общего понимания первых – переход от их аналитического способа видения и от предметноцентрической парадигмы их изучения к системному способу их видения и, соответственно, к системцентрической парадигме изучения.

Отсюда, в свою очередь, вытекают два значимых, на наш взгляд, следствия. Во-первых, все основные разновидности soft-skills не только могут, но и должны быть проинтерпретированы в качестве факторов метакогнитивного плана, поскольку все они, в конечном итоге, направлены на оптимизацию другой категории компетенций – и которые носят принципиально когнитивный характер, имеют атрибутивно когнитивную природу. Причем, здесь происходит своеобразное и очень важное расширение самого понятия «метакогнитивные факторы», возможность которого, однако, уже прогнозировалась выше. В их качестве выступают, фактически, все основные «составляющие» более общих метасистем (личности, социума, процесса деятельности), поскольку они выполняют специфически метакогнитивные функции – они так или иначе, прямо или косвенно, но существенно детерминируют реализацию деятельности функций, которые, однако, имеют специфически когнитивное содержание. Поэтому и все soft-skills также могут и должны быть с необходимостью поняты и как метакогнитивные. Именно это обстоятельство, кстати говоря, эмпирически закрепились в самом термине, применяемом по отношению к ним – метакомпетенции. Причем, речь, конечно, идет не только об их влиянии на профессиональные компетенции так сказать «в принципе», но о совершенно конкретных формах и средствах такого влияния. Так, например, «навык саморегуляции», то есть умение контролировать свое состояние является мощнейшей внекогнитивной, то есть метакогнитивной детерминантной, позволяющей оптимизировать реализацию самих когнитивных функций, составляющих основное содержание информационной деятельности.

Во-вторых, не менее значимой, но существенно более имплицитной является еще одна особенность, закономерность, состоящая в следующем. Как известно, одной из аксиом системной методологии в целом является положение о существовании фундаментального феномена «удвоения качеств», согласно которому в составе целостной

системы то или иное явление – та или иная часть, наряду с сохранением ее качественной определенности, обретает еще и качественную специфичность. Однако именно это и имеет место по отношению к анализируемым здесь вопросам. Действительно, включаясь в более общий контекст – в более обобщенные метасистемы, в которых локализованы их детерминанты, *hard-skills* подвергаются воздействию с их стороны. В результате этого они, наряду с сохранением своей качественно определенной, обретают еще качественную специфичность – имеет место фундаментный феномен и манизм «удвоения качеств». И именно в этом, на наш взгляд, заключается основной принцип взаимодействия двух категорий компетенций – и, равно как и представленных в них деятельностных структур и образований, процессов и феноменов. *Soft-skills* оказывают свое влияние на деятельность не только и даже по большей части – не столько непосредственно, сколько опосредствованно. Это происходит за счет того, что они трансформируют и специфицируют детерминационное влияние на нее основных деятельностных компетенций – *hard-skills*. Однако принципиально сходным образом обстоит дело не только в отношении организации деятельности в целом, но и в отношении одного из основных ее аспектов – феноменологического. Специфика феноменов, обусловленных существованием *soft-skills*, заключается в том, что они также не столько прямо, сколько опосредствованно представлены в деятельности. Причем, это представительство как раз и состоит в том, что они трансформируют все иные – уже описанные группы феноменов; могут менять степень и даже направленность их влияния на деятельность. Поэтому и саму данную группу корректнее всего обозначить как *hs-феномены*: они порождаются не «внутри» *soft-skills* и не «внутри» *hard-skills*, а на их стыке, выступая синергетическими эффектами их интеграции, их синтетическим проявлением. Это означает, что по отношению к ним действует механизм системных качеств, который и порождает принципиально новое содержание. Оно отсутствует у отдельных частей (*soft-skills* и *hard-skills*) и у их аддитивной совокупности, но которое присуще только их интеграции. В связи с этим, конечно, возникает вполне закономерный вопрос – как именно это происходит? В чем конкретно состоят те синергетические эффекты, которые прогнозируются априорно на основе теоретических аргументов?

Какова так сказать «чувственная ткань» и конкретная эмпирика hs-феноменов?

Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, мы считаем необходимым подчеркнуть, что, в силу практически полной неразработанности данной проблемы, на современном уровне ее состояния очень трудно рассчитывать на ее сколько-нибудь развернутое решение. Иными словами, представленный выше подход является именно *подходом*, который задает направление поиска такого рода феноменов, но, конечно, не претендует на их исчерпывающую экспликацию. Кроме того, есть основания полагать, что конструктивным средством – методическим приемом для их экспликации может выступить определение тех *функций*, которые реализует их совокупность по отношению ко всем иным категориям компетенций и компетентности как их интегративному эффекту. Именно в результате их реализации и порождаются те феномены, которые составляют содержание данной группы. Основными среди них являются следующие функции.

Первую функцию – в самом общем виде можно обозначить как *регулятивную*, а ее смысл в принципе уже отмечался выше. Он состоит в том очень общем факте, согласно которому детерминационное влияние soft-skills может проявляется и, как правило, проявляются не только и даже не столько в их непосредственном воздействии, сколько опосредствованно – через их воздействие на компетенции иных типов (и, соответственно, уровней), а также на феномены, которые с ними сопряжены. Это влияние может состоять как в изменении меры выраженности, так и характера – направленности влияния последних. Иными словами, возникает своеобразное удвоение качества самих феноменов: они, сохраняя свою качественную определенность, в то же время, специфицируются под влиянием soft-skills, а в результате обретают еще и качественную специфичность, что и приводит в итоге к расширению и обогащению общей феноменологической картины деятельности информационного класса. В плане иллюстрации этой – очень общей закономерности можно привести большое число конкретных примеров. Так, скажем, она проявляется в широко известном феномене регуляции когнитивных функций со стороны факторов эмоционального плана (и вообще – в классической проблематике соотношения эмоционального и рационального). Конкретной экспликацией этого влияния в деятельности информационного типа как раз и выступает обуслов-

ленность, регуляция когниции со стороны одного из soft-skiills – эмоционального интеллекта в целом и его компонентов, в частности. Другая, столь же общая иллюстрация сказанного – это очень существенная регулятивная обусловленность всех деятельностных функций и когнитивных функций, в особенности, составляющих содержание данной деятельности, со стороны еще одного базового soft-skiills – «навыков саморегуляции» (самоуправления). Она состоит, в частности, в очень важной и общей способности опосредствованного влияния на оптимизацию или стабилизацию когнитивных функций за счет управления собственным состоянием. Именно на это, как известно, направлены разнообразные тренинги регуляции состояний. Еще более очевидно детерминационное влияние практически на все аспекты деятельности такого soft-skiills, каковым выступает «тайм-менеджмент», поскольку он сопряжен с организацией деятельности в соответствии с таким базовым и всепронизывающим «измерением» реальности, как время, лежащим в основе темпоральной организации деятельности.

Вторая основная функция может быть обозначена как генеративно-порождающая, в более общем плане – как *генетическая*. Она состоит в том, что вся совокупность soft-skiills оказывается мощнейшее детерминационное влияние не только на актуальное проявление тех или иных компетенций, а также практически всех иных сторон организации деятельности, но выступает и столь же сильным стимулом и, более того, конкретными средствами их развития, генезиса. Иными словами, их детерминационное влияние не сводится к уровню ситуационной обусловленности, а имеет надситуативный характер и распространяется на сферу генезиса, развития всех иных групп компетенций и основных компонентов структуры деятельности. Так, очень показательным в этом плане является один из важнейших soft-skiills, который занимает в их структуре очень специфическое и во многом определяющее место. Он может по-разному обозначаться, но имеет общий смысл – мотивационную направленность, а одновременно – и способность к постоянному саморазвитию и совершенствованию посредством систематического обучения и переобучения. Этот soft-skiills особо важен и специфичен именно для деятельности информационного класса, поскольку именно они наиболее динамичны, что требует постоянного соответствия субъекта их быстрым и радикальным трансформациям. Обычно этот soft-skiills связывают и с понятием *life-long-learning* («обучение через всю жизнь»), а в более

широком плане и с одной из общих способностей личности – обучаемостью. И именно в этом отношении очень характерно, что в метакогнитивизме эта связь также представлена и получила воплощение в исследованиях в целом и в тех метакогнитивных феноменах, которые сопряжены с обучением и обучаемостью. Действительно, в метакогнитивизме уставлен ряд феноменов, которые специфичны именно процессу обучения: «Ease-of-learning» – EOL (стратегии дифференциации усваиваемого материала по параметру «легкости-трудности» и их выстраивание от первых ко вторым); «Metacognitive reasoning» – установление и приписывание причинности усваиваемым явлениям; «Study Time Allocation» – распределение времени в процессе обучения в ходе освоения того или иного материала и др.; Region of Proximal Learning – базовая метакогнитивная стратегия, которая заключается в том, что при ассимиляции нового материала базируется на максимальном числе уже знакомых элементов. В еще более общем плане показательно то, что в структуре метакогнитивизма одно из определяющих мест принадлежит дидактическому направлению.

Третья и, по нашему мнению, основная функция может быть обозначена как *компенсаторная*, а ее содержание состоит в следующем. В психологии в целом и в тех ее направлениях, которые сопряжены с исследованиями профессиональной деятельности, в особенности, давно и хорошо известен факт, являющийся столь же общим, сколько и фундаментальным по своей значимости. Он состоит в том, что недостаточный уровень развития собственно деятельностных способностей может быть нивелирован или даже полностью компенсирован со стороны так сказать внедеятельностных факторов, которые, в свою очередь, могут являться крайне разнообразными. В еще более общем плане данный феномен представляет собой деятельностное воплощение фундаментального явления компенсации в целом. Однако трудно не видеть того – вполне очевидного обстоятельства, что именно он и составляет очень существенную часть всего соотношения soft-skills и hard-skills. Первые могут оказывать и, как правило, оказывают на вторые не только регулятивное или развивающее воздействие soft-skills, но и воздействие именно компенсаторного типа. Более того, сама эта компенсация состоит и во встречающейся нередко замене регуляции деятельности со стороны hard-skills на ее регуляцию со стороны soft-skills. В результате этого базовыми детерминантами деятельности начинают выступать именно soft-

skills, а не hard-skills. Конечно, в связи с этим возникает вопрос – хорошо это или нет? Мы пока оставляем его без ответа и констатируем как, хотя и не вполне желательную, но все же реальность.

Отметим также, что данное явление имеет и целый ряд иных – также описанных в общей и прикладной психологии экспликаций. Так, оно тесным образом сопряжено с проблемой соотношения общего и социального интеллекта в управленческой деятельности (впрочем, конечно, не только управленческой). Она состоит в том, что социальный интеллект оказывает позитивное влияние на управленческую деятельность, фасилитируя реализацию основных деятельностных функций. Однако, при недостаточной способности реализации последних, что, в свою очередь, как правило, обусловлено низкой квалификацией субъекта и недостаточностью его способностей, он выступает на первый план и начинает оказывать решающее влияние на ее организацию. Более того, он выступает и основным фактором карьеровой динамики субъекта, равно как и его адаптационных способностей по отношению к организационному функционированию. Причем, степень выраженности этого обратно пропорциональна степени эффективности самого организационного функционирования – так сказать его нормативности и нормальности состояния дел в ней. Она же распространяется и на социум в целом: чем в большей мере среди руководителей представлены лица с высоким общим интеллектом, тем эффективнее и социальная организация, и наоборот. Социальный интеллект – это, конечно, очень важное качество руководителя, но оно не может выступать заменой иных аспектов интеллекта, равно как и сопряженного с ним высокого профессионализма субъекта. Данная закономерность распространяется и на иные – в особенности, наиболее сложные типы деятельности, то есть имеет общий характер. Она, в конечном счете, состоит в том, что первые могут реализовывать и, как правило, реализует компенсаторные функции по отношению ко вторым. Если они представлены в недостаточной степени, такая компенсация может осуществляться за счет стимулирующее влияния первых на развитие вторых (это своего рода «продуктивная» компенсация). Однако она же может осуществляться и за счет подмены первыми вторых, что проявляется в выборе и селекции специфических стратегий и способов поведения (это своего рода контрпродуктивная компенсация – по отношению именно к деятельности, но не к самой личности). Подчеркнем также, что различные варианты такой контрпро-

дуктивной компенсации, состоящей в подмене базовых деятельностных и, соответственно, наиболее адекватных детерминант (то есть самих *hard-skills*) другими – внедеятельностными (то есть *soft-skills*) весьма полно и красочно описаны и на уровне художественного осмысления действительности – в частности, литературе, кинематографе.⁵⁷ При этом, даже несмотря на свою явную контропродуктивность, данный феномен является таким – подчеркнуто негативным только для деятельности, но не для личности. Для нее они, напротив, выступают важным, а иногда – и единственно возможным средством адаптации и вообще «выживания». При этом, – что также значимо в плане основных задач данной работы, он столь же подчеркнуто метакогнитивен, поскольку сама личность, прибегающая к нему, как правило, вполне отчетливо сознает свои слабые стороны и столь же осознанно стремится к реализации таких поведенческих сценариев, которые могли бы их компенсировать.

Четвертая функция, которая – и это следует отметить специально, тесно сопряженная с предыдущей, может быть означена как *адаптационная*. Она проявляется в двух основах планах, существенно отличающихся друг от друга, но в равной степени предполагающих необходимость опоры на *soft-skills*. Первый из них связан с профессионалкой и социальной адаптацией как таковой – с эффективностью приспособления к новым деятельностным и социальным условиям, с процессом «вхождения в коллектив» и приспособления к нему. По вполне понятным причинам именно *soft-skills* являются важными и нередко определяющими факторами такой адаптации – прежде всего, на ее начальных этапах. Второй аспект адаптационной функции состоит в том, что она лежит также и в основе важнейшей для многих наиболее сложных видов деятельности способности приспособления – адаптации по отношению к перманентным и достаточно быстрым изменениям ее самой. Это – своего рода способность «успевать за деятельностью», адаптироваться к ее трансформациям. В этом плане не приходится подробно аргументировать то – явное и предельно характерное обстоятельство, что мера динамичности деятельности и, соответственно, степень необ-

⁵⁷ В этом плане можно вспомнить главного персонажа известного фильма «Прохиндиада или бег на месте». В этом же ряду находится и не менее известный феномен «хорошего человека» – носителя многих *soft-skills*, но не обладающего в должной мере *hard-skills*.

ходимости в этой способности особенно велика именно по ношению к рассматриваемому здесь классу деятельности – информационному, компьютерному. В этом плане очень доказательно и то, что прямые аналогии и даже, фактически, конкретные средства такой адаптируемости представлены в составе сами soft-skills.

Пятая и также весьма специфичная для деятельностей рассматриваемого класса функция, реализуемая и приводящая к столь же специфическим феноменологическим проявлениям, может быть обозначена как *позиционная*, а ее смысл состоит в следующем. Как известно, в организационной психологии, а также в смежных с ней направлениях описан очень общий феномен, который также по-разному обозначается, но имеет сходный смысл. Он состоит в формировании и преднамеренном культивировании таких средств, которые направлены на становление и поддержание профессиональной идентичности, «особости» и уникальности своей профессии со стороны ее представителей, нередко гипертрофированной, но понятной и объяснимой в силу многих причин, в том числе, не только профессиональных, но и социальных, экономических, демографических и пр. Как было принято говорить в не столь отдаленном прошлом, это «чувство гордости за профессию». В результате формируются, в частности, своеобразные профессиональные сообщества, отличающиеся «от остальных» по ряду критериев и, что еще более важно, представители которых намеренно культивируют и поддерживают эту свою особость. Именно эта ситуация как раз и является очень показательной для рассматриваемого класса деятельностей. И в их собственной среде, и в социуме в целом складывается определенная система представлений об особости этого класса; о наличии у его представителей специфического набора личностных качеств; о важности или даже исключительности их миссии в современном обществе. Все это, в частности, отражено в известном слогане «мы делаем будущее». Однако, эта «особость» как раз во многом и обусловлена тем специфическим набором soft-skills, который дифференцируется по отношению к данному классу деятельностей. Следовательно, сам этот набор – фактически, личностный портрет IT-специалиста выполняет очень важную роль или даже миссию – он является средством указания на социальный статус и место данной деятельности в современном разделении труда, средством позиционирования работников этой сферы по отношению к представи-

телям иных профессий. Наконец, она является средством обеспечения их профессионалкой идентичности – их «братства». При этом данная функция очень важна и в собственно мотивационном плане, что особо значимо в связи с тем, что именно мотивация выступает определяющим фактором любой деятельности.

Итак, выше были охарактеризованы те основные функции, которые реализует в деятельности информационного типа совокупность soft-skills – как в плане их непосредственного воздействия на нее, так и в плане их опосредствованного влияния – через трансформацию с их стороны иных групп компетенций и сопряженных с ними феноменологических проявлений. В связи с этой дифференциацией возникает, однако, вполне закономерный вопрос – насколько она является полной? Исчерпывает ли она всю совокупность детерминационных воздействий, реализуемых совокупностью? По-видимому, в настоящее время пока нельзя говорить о том, что какая-либо дифференциация такого рода фикций – в том числе, и та, которая представлена выше, является полной. Скорее всего, возможна дифференциация и иных функций. Однако, и те, которые уже выделены и описаны выше, все же, должны быть рассмотрены как значимые и показательные.

Кроме того, возникает и еще один – также значимый вопрос: какое отношение имеет весь представленный выше материал, раскрывающий содержание этих функций, по отношению основным задачам данной работы в целом и в особенности – к выявлению собственно метакогнитивных детерминант и феноменов. Отвечая на него, мы считаем необходимым отметить два решающих аргумента, эксплицирующих такое непосредственное отношение. Во-первых, это уже неоднократно отмечавшееся обстоятельство наиболее принципиального и общего плана относительно атрибутивно когнитивной природы и содержания ИТ-деятельностей и, следовательно, о метакогнитивной сущности ее регуляции в целом. Она представляет собой когницию и регуляцию в отношении самой когниции. Во-вторых, в более конкретном плане, но – и на более глубоком уровне рассмотрения со всей отчетливостью эксплицируется и еще одно важное обстоятельство, демантирующее эту связь. Оно состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев, то есть в «типичном и обычном» варианте реализация всех отмеченных выше функций и в особенности определяющей и наиболее репрезентативной из них – компенсаторной осуществляется

при высоком уровне осознаваемого контроля. Она реализуется при четком осознании своих возможностей и ограничений, а также необходимостью использования первых как средств нивелирования вторых. Все это не только эксплицирует, но и со всей очевидностью подчеркивает роль именно факторов метакогнитивного плана в реализации всех рассмотренных функций. Вся совокупность hs-феноменов как раз типична и специфична тем, что сами соотношения hard-skill и soft-skills, как правило, подвергаются метакогнитивному контролю, а возникающие вследствие них феномены также метакогнитивно фиксируются, а затем используются личностью в свою деятельность. В силу этого, они органично вплетаются в общую феноменологическую картину этой деятельности, составляют ее важную часть, то есть выступают как еще одна основная группа феноменов метакогнитивного плана.

3.4. Общие особенности метакогнитивной феноменологии в информационной деятельности

В представленных выше материалах были рассмотрены те основные результаты, к которым приводит попытка решения одной из значимых задач психологического анализа деятельности информационного класса – выявления и интерпретации основных феноменов метакогнитивного плана, имеющих место в ней. Подводя итоги проведенному рассмотрению, представляется целесообразным резюмировать эти основные результаты и сделать заключения обобщающего плана.

Так, прежде всего, в качестве одного из них – именно как результата, причем, весьма значимого в контексте основных задач данной работы выступило обоснование необходимости достаточно радикального переосмысления общего статуса и, соответственно, принципиального отношения к самому понятию феноменологии деятельности в целом и ее феноменологического анализа, в частности. Дело в том, что содержание деятельности, особенно – взятое на обобщенном уровне его репрезентации субъектом не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, составляет суть самой этой феноменологической данности. Деятельность принципиально репрезентируется субъекту именно как ее феноменология; она дана ему вовсе не в закономерностях и механизмах, а именно в том, что и обозначается как «деятельностная феноменология». Она представлена

первично и исходно именно как феномен – разумеется, в широком значении данного понятия. Следовательно, именно ее анализ как таковой, то есть, фактически, анализ на феноменологическом уровне, или феноменологический анализ должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа.

Далее, еще одним результатом явилось определение ключевых особенностей той ситуации, которая сложилась в настоящее время относительно проблемы феноменологического состава метакогнитивного обеспечения профессиональной деятельности в целом и деятельности информационного класса, в частности. Уже при первом – «пилотажном» взгляде на нее с очевидностью обнаруживается целый ряд особенностей, которые свидетельствуют о ее явно недостаточной разработанности и, более того, о том, что она, фактически, даже не сформулирована как самостоятельная. Общая же совокупность феноменологических проявлений метакогнитивного плана представлена как неупорядоченное, слабоструктурированное и даже аморфное множество. Это свидетельствует о нахождении данной проблемы лишь на исходных фазах ее разработки. Еще более существенно и негативно то, что сам способ, общий подход к проблеме метакогнитивной феноменологии в целом и ее представленности в деятельности, в особенности, также пока не отличается теоретической зрелостью. Дело в том, что до настоящего времени в его разработке доминирует внедеятельностный подход, то есть, фактически, аналитическая парадигма исследования. Данное обстоятельство представляется наиболее принципиальным и оно поэтому выступило в качестве главного ориентира для предложенного выше решения рассматриваемой проблемы. Поэтому и само это решение следует рассматривать как один из вариантов трансформации аналитического способа (подхода) разработки проблемы метакогнитивной феноменологии, в том числе – и деятельностной, в системный подход.

Показательно, что реализация именно такого подхода, не только предполагающего, но и требующего деятельностно-опосредствованного исследования метакогнитивной феноменологии, оказалась достаточно конструктивной, поскольку привела к установлению целой совокупности результатов как общего, так и конкретного характера. В наиболее общем плане главный из полученных результатов состоит в том, что именно на основе данного подхода удалось выявить и проинтерпретировать развернутую совокупность феноменов метакогнитивного плана

в деятельности информационного типа. Показательно и то, что она является существенно более обширной, нежели та совокупность феноменов, которая выявлена и описана в настоящее время, поскольку включает в свой состав и не эксплицированные пока, но весьма значимые и показательные метакогнитивные феномены. Другими словами, оказалось возможным осуществить не только концептуальное расширение представлений о метакогнитивной сфере как регуляторе деятельности, но и расширение эмпирического базиса всей этой проблемы.

Вся эта – существенно расширенная феноменологическая картина предстает с позиций предложенного рашения уже не как агрегативная сумма, не как аддитивное их множество, то есть неупорядоченная номенклатура, а как структурированная, упорядоченная совокупность. Причем, такая структурированность выявляется в двух основных планах. Первый из них состоит в том, что вся совокупность метакогнитивных феноменов естественным образом структурируется в пять основных групп, каждая из которых обладает очевидной качественной определенностью, но одновременно – и качественной специфичностью. Это группы, включающие, соответственно, следующие типы метакогнитивных феноменов – метакогнитивные чувства, процессуальные феномены, метакогнитивные эвристики, компетентностные феномены, а также явления, обозначенные нами понятием *hs*-феноменов (то есть те, которые порождаются взаимодействием двух основных категорий компетенций информационной деятельности – *hard-skills* и *soft-skills*).

Существует и еще один план содержания всей феноменологической картины метакогнитивного характера. Он позволяет представить ее уже не только как закономерным образом структурированную совокупность, но и как столь же закономерным образом организованную целостность, то есть, фактически, как образование, в котором воплощены базовые принципы системной организации. Дело в том, что пять установленных групп феноменов однозначным и вполне естественным образом – органично и объективно сопряжены с основными уровнями макроструктурной организации деятельностных компетенций как базовых структурных единиц самой этой деятельности. Так, в частности, группа метакогнитивных эвристик однозначно соответствует уровню, на котором локализованы производные, «вторичные» деятельностные компетенции. Группа компетентностных феноменов столь же однозначно соответствует общесистемному уровню организации компетен-

ций, на котором они и синтезированы в максимально интегративное личностно-деятельностное образование – компетентность как таковую. Группа hs-феноменов не менее естественным образом сопряжена с еще одним уровнем макроструктурной организации компетенций, на котором локализованы метадеятельностные компетенции. В результате выявляется факт наиболее принципиального значения – подобие, достигающее до степени изоморфизма (или, по крайней мере, гомоморфизма) структуры метакогнитивных феноменов и макроструктурной организации компетенций. Отсюда вытекает ряд важных следствий.

Во-первых, становится очевидным, что сама метакогнитивная феноменология, взятая не в ее абстрактном виде, а в условиях конкретной деятельности, реализуемой в естественных и значит экологически валидных условиях, является закономерным организованным образованием. Она построена на основе структурно-уровневого принципа, который, в свою очередь, является основным и наиболее специфическим именно для системной формы организации. Следовательно, ее можно и нужно рассматривать как специфическую разновидность психологических систем, что и дает ей наиболее полную и корректную экспликацию. Показательной и то, что такая экспликация оказывается возможной лишь при смене внедеятельностного подхода к исследованию данной проблемы на деятельностно-опосредствованное исследование.

Во-вторых, становится очевидным также, что именно система основных деятельностных компетенций в целом и их макроструктура, в частности, как раз и является основным – объективно представленным и притом комплексным критерием для дифференциации и систематизации всей совокупности метакогнитивных феноменов. Тем самым впервые удастся выявить критически значимое основание для упорядочивания и систематизации всей их совокупности. Напомним, что именно эта задача является одной из наиболее острых, но не решенных в настоящее время в современном метакогнитивизме.

В-третьих, справедливо и обратное утверждение. Дело в том, что выявленное подобие уровневой организации смой метакогнитивной феноменологии и уровневой структуры деятельностных компетенций должно рассматривается и как одно из доказательств, причем, достаточно веских обоснованности сформулированных выше представлений об их микроструктурной организации. Эта организация, как и любая онтологически представленная сущность, дей-

ствительно, проявляется в определенной феноменологии (на уровне явлений). Именно это и происходит – но не синкретично и недифференцированно, а вполне закономерным образом – структурированно, то есть через определенные группы качественно определенных метакогнитивных феноменов. Поскольку они практически конгруэнтны уровням макроструктурной организации компетенций, то и сами эти уровни получают убедительное обоснование своей реальности, их действительного существования и роли в обеспечении деятельности.

В-четвертых, можно видеть также, что определяющее значение для установления всех этих закономерностей играет то понятие, которое было обосновано нами выше в качестве главного конструкта психологического анализа деятельности информационного класса – понятие компетенций. Следовательно, тот факт, что оно оказалось, действительно, конструктивным в плане решения задачи выявления общей метакогнитивной феноменологии деятельности, необходимо рассматривать и как подтверждение его обоснованности именно в качестве базовой структурной единицы организации деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что и сама – дифференцированная на основе структурно-уровневого принципа метакогнитивная феноменология деятельности информационного класса оказалась не только весьма обширной, но и принципиально гетерогенной, что и «положено» любому образованию, включающему качественно различные уровни и локализованные в них качественно различные сущности. Тем самым, в этой картине воплощены два типа гетерогонии – горизонтальная, состоящая в множественности феноменов внутри каждой группы, и вертикальная, состоящая в качественных различиях феноменов, принадлежащих к разным группам.

В качестве еще одного также значимого результата следует отметить и то, что в условиях реальной деятельности, осуществляемой в естественных условиях, то есть в экологически валидном виде, имеет место множественная, но при этом также упорядоченная картина трансформаций тех метакогнитивных явлений, которые были установлены на преимущественно внедеятельностных, абстрактных и искусственных условиях. Закономерный характер этих трансформаций заключается в том, что они – независимо от той группы, к которой они принадлежат, осуществляется по пяти инвариантным направлениям, по пяти основным типам. Конкретные иллюстрации этих трансформации также проа-

нализированы выше. Следовательно, в наиболее общем и принципиальном плане данный результат должен быть понят и как определенное – причем, весьма существенное приближение к решению одной из основных, критически значимых проблем всего современного метакогнитивизма – проблемы *экологической валидности* его эмпирического базиса, а также осуществляемых на его основе концептуальных обобщений.

Наконец, следует особо подчеркнуть и то, что эксплицированная картина характеризует высокую значимость феноменов метакогнитивного плана еще в одном важном аспекте. Дело в том, что именно эта – высокая значимость и столь же широкая и разветвленная совокупность такого рода феноменов с необходимостью приводит к постановке вопроса о ее общем смысле и назначении. Является ли она лишь совокупностью эпифеноменов – явлений, сопровождающие деятельность, или же она имеет иной, более глубокий смысл и реализует какие-либо значимые собственно организационные, активные функции по отношению к обеспечению деятельности? Это тем более обосновано, что в процессе осуществленного рассмотрения систематически обнаруживалось значимое, на наш взгляд, обстоятельство. Это – своеобразное удвоение статусов самих метакогнитивных феноменов, при котором они выступают не только в своей исходной форме – как феномены, но и во вторичной форме – как операционные средства ее реализации. В связи с этим, формулируются еще один значимый и во многом определяющий вопрос: в чем состоит истинное предназначение – смысл и функциональная роль всех феноменов метакогнитивного плана? Как они должны быть поняты не только в их исходном – именно феноменологическом статусе, но и, возможно, в иных – деятельностно-специфических модусах? Данный вопрос, следовательно, и должен составить теперь предмет специального рассмотрения.

3.5. Операционная природа метакогнитивных феноменов в информационной деятельности*

В этих целях нам придется, однако, с необходимостью опираться на положения несколько иного – более общего характера и общепсихологического плана, что, однако совершенно неодолимо для уясне-

* Параграф написан совместно с А. А. Карповым.

ния причин, лежащих в основе описанных выше закономерностей в целом и одной из главных среди них, состоящей в феномене «удвоения статусов» метакогнитивных феноменов. Причем, данный вопрос атрибутивно связан и с одним из основных и во многом определяющих разделов всей когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в особенности – процессуальным. Необходимо подчеркнуть, что именно этот аспект характеризуется сочетанием наибольшей значимости и наибольшей сложности. Его относительно наибольшая значимость объясняется тем – вполне объективным обстоятельством, что именно процессуальный аспект функциональной организации является непосредственной конкретизацией по отношению к предметам собственно психологического исследования главного и наиболее обобщенного атрибута (а одновременно – и параметра) любого функционирования – его бытия во времени. Оно предполагает раскрытие и объяснение основных особенностей собственно временной, то есть темпоральной организации изучаемого объекта. Кроме того, как отмечалось выше, по отношению к собственно психологическим объектам исследования в наиболее явном виде представлена еще одна закономерность: их функционирование всегда представлено в процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория функционирования и понятие процесса, фактически, взаимополагаемы и взаимообусловлены.

Следовательно, раскрытие особенностей собственно процессуальной организации психических явлений в значительной степени равнозначно реализации этого – одного из основных аспектов общего функционального плана исследования. Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что именно он, являясь объективно наиболее общим и важным, тем не менее, остается до сих пор по отношению к собственно метакогнитивной сфере в целом и к ее основным «составляющим» – метакогнитивным процессам разработанным явно недостаточным. Более того, он вообще не является, согласно сложившейся традиции, приоритетным в реализации функционального плана исследования. Это, в свою очередь, выступает непосредственным следствием его относительно наибольшей сложности, связанной с имплицитным характером самой процессуальной организации как таковой и, соответственно, со сложностями доступа к этой внутренней – собственно процессуальной организации.

Констатируя это, нельзя в то же время не отметить, что к настоящему времени сложились и определенные предпосылки, содействующие реализации данного аспекта исследования. Основными из них, по нашему мнению, являются следующие положения теоретического характера, сформулированные в общей теории систем и в когнитивной психологии. Так, одной из важнейших особенностей организации сложных систем является их способность использовать промежуточные результаты своего функционирования в качестве оснований (условий и факторов, детерминант и предпосылок) его организации, но на последующих этапах развертывания [86]. Результаты, генерируемые системой на какой-либо фазе функционирования, меняют свой статус и становятся факторами организации процесса, но уже на других, последующих его фазах [88]. Имеет место явление (точнее, по-видимому, механизм), обозначаемый как «погружение результата в процесс». Результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не результативными, а посылочными факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Важной особенностью такого рода систем является, однако, не только использование ими своих частных, «парциальных» результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале – активно порождаются именно для обеспечения такого функционирования, а затем и на основе этого – используются в нем.

Еще одна – также общая закономерность, которую необходимо учитывать при раскрытии специфики функциональной организации метакогнитивных процессов, состоит в следующем. Вследствие рассмотренной выше особенности, тот или иной психический процесс, в особенности – когнитивный предстает как перманентное обогащение и расширение его содержания за счет использования результатов, достигаемых на том или ином его этапе. Как отмечал в этой связи А. В. Брушлинский, характеризуя специфику процессуальной организации мышления, оно всегда – пусть и в минимальной степени сопряжено с поиском и нахождением нового, с постоянным самообогащением процесса своего развертывания [22]. В итоге имеет место то, что обозначается обычно как саморазвитие или даже как «самостроительство» Однако трудно не видеть, что в основе этого в значительной степени как раз и лежит отмеченная выше трансформация результатов

из своего первичного статуса во вторичный статус – в статус факторов и детерминант процессуального развертывания. В итоге любой психический процесс, в особенности, повторяем, когнитивный предстает и как постоянная трансформация тех или иных его «составляющих» из одного статуса другой – из результативного в процессуальный.

В более общем плане такая функциональная организация характерна, по существу, для любого сколько-нибудь сложноорганизованного процесса взаимодействия со средой и для любого развернутого процесса переработки информации. Действительно, как мы показали в [103], процесс решения задач строится именно на основе данного принципа, поскольку каждый последующий его этап обязательно предполагает трансформацию полученных на предыдущих этапах результатов в посылки – условия дальнейшего развертывания самого процесса. Любая сколько-нибудь сложная поведенческая задача, а также преодоление подавляющего большинства поведенческих ситуаций объективно не допускают возможности сделать это «сразу» – симультанно. Напротив, это оказывается возможным лишь на основе дифференциации общего решения или процесса преодоления той или иной ситуации на последовательность частных, локальных временных компонентов – этапов и последующей кумуляции получаемых при этом парциальных результатов, а также благодаря их использованию в качестве детерминант организации процесса функционирования.

Наконец, при раскрытии особенностей функциональной организации метакогнитивных процессов необходимо обязательно учитывать и еще одну их – важную и достаточно общую особенность, установленную в сформулированном нами ранее структурно-феноменологическом подходе к их исследованию [68]. Те основные явления и феномены, которые установлены в метакогнитивизме и составляют его суть, в действительности, могут выступать и реально выступают не только в их исходном статусе – как феномены, но и в еще одном и также очень важном статусе – вторичном, операционном. Это означает, что они могут распознаваться – «улавливаться» и осознаваться субъектом, а затем использоваться им в качестве средств организации деятельности и поведения, то есть в их операционном статусе. Обретая его и становясь средствами деятельности, они, фактически, включаются в саму ее структуру, составляя в своей совокупности важную часть всего ее содержания. В более общем плане это означает, что система (психика) порождая некоторые

эффекты и феномены своего функционирования, обладает способностью *использовать* их же в своем последующем функционировании, но уже в качестве средств оптимизации этого функционирования. Они обретают при этом свой «вторичный» статус – уже не объективно представленных феноменов и закономерностей, лежащих в основе организации деятельности, а субъективных средств, лежащих в основе ее реализации. Феномены (и закономерности) как результативные проявления и как нечто объективно представленное трансформируются в операционные и процессуальные средства реализации субъектом деятельности.

Таким образом, можно видеть, что данная закономерность является, фактически, одним из очень явных и, в то же время, важных и показательных частных проявлений той предельно общей закономерности, которая была охарактеризована выше. Вместе с тем, следует обязательно подчеркнуть, что по отношению к метакогнитивным процессам эта закономерность приобретает, как минимум, две новые и очень значимые специфические особенности. Во-первых, она становится здесь, по существу, максимально выраженной, получая свою представленность даже на феноменологическом уровне, то есть, выступая в качестве относительно самостоятельных феноменов и образований. Во-вторых, что еще более значимо, она переводится на уровень осознания: она, как показано выше, не только «распознается и улавливается» субъектом как нечто существующее и могущее использоваться в качестве операционного средства, но и реально используется им – причем, именно на осознаваемом уровне, на уровне собственно произвольной регуляции. В результате этого очень многочисленные феномены метакогнитивного плана перестают быть только лишь эпифеноменами и становятся реальными и действенными средствами собственно операционного плана. Подчеркнем также, что данная закономерность распространяется не только на наиболее традиционные и терминологически зафиксированные в литературе метакогнитивные феномены (например, на феномен «метакогнитивной петли»). Она имеет, по нашему мнению, гораздо более широкую сферу действия и охватывает собой, фактически, все те явления и средства, которые характеризуются следующей общей – определяющей особенностью. Они, порождаясь с необходимостью в ходе реализации тех или иных процессов, затем «распознаются и улавливаются» субъектом и, наконец, используются им в качестве операционных средств его оптимизации.

В частности, с этих позиций должны быть проинтерпретированы широко известные феномены и средства мнемотехнического плана; феномены и приемы еще более общего типа, выявленные нами в работе [103] и обозначенные понятием метатехнических средств. С этих же позиций должны быть проинтерпретированы и все иные – многочисленные средства и приемы оптимизации как отдельных процессов, так и деятельности в целом, которые имеют важнейший общий признак. Они, порождаясь в деятельности и ее процессуальной регуляции, могут менять свою первичную форму – форму результатов (следствий, эпифеноменов, «субъективных находок») на вторичную форму. Они начинают использоваться самим субъектом как то, что может оптимизировать деятельность и ее регуляцию. В этом плане по-новому предстают, например, все те результаты, которые выявлены и проинтерпретированы в очень важном, но, к сожалению, «не модном» в настоящее время направлении исследований, обозначаемым понятием «культуры умственного труда». В этом плане можно, по-видимому, говорить не только о классической феноменологии метакогнитивизма, но и о его своеобразной макрофеноменологии. Очень показательно в этой связи, что и такое – максимально общее и известное явление, как выработка на основе распознавания, а затем использования своих сильных и слабых сторон индивидуально-оптимального режима труда, а в более общем плане и индивидуального стиля деятельности, также предстает как проявление данной закономерности.

Можно видеть, что, пожалуй, главная особенность собственно функциональной организации метакогнитивных процессов состоит в следующем. Во-первых, в ней находит свое непосредственное воплощение не какая-либо, пусть важная, но все же относительно частная особенность функциональной организации всех процессуальных образований психики, а ее объективно главная закономерность – самообогащение, «самостроительство» процесса за счет использования промежуточных результатов в качестве факторов процессуального развертывания. Во-вторых, эта закономерность приобретает здесь качественно новую форму: она переводится на уровень осознаваемого, произвольно контролируемого использования. Причем, очень важно подчеркнуть, что именно это позволяет объяснить наличие у метакогнитивных процессов их важнейшего атрибута – их осознаваемого характера. Следовательно, метакогнитивные процессы раскрываются как закономерное следствие общей линии усложнения

функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный ее тип. Их функциональная организация раскрывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть – обуславливает их качественную специфичность. Основной смысл и главное функциональное предназначение такой – новой формы, как мы уже отмечали, состоит в том, что она порождает дополнительные возможности: она позволяет расширить общий когнитивный потенциал, а в конечном итоге, содействует и повышению ментальных ресурсов субъекта деятельности.

Следует подчеркнуть, что все это находит свое объективное проявление (а одновременно – и подтверждение) в наиболее общей и важной специфической именно для метакогнитивных процессов закономерности их функциональной организации. Она также уже была предметом нашего анализа и обозначается понятием операндно-операторной обратимости. Напомним, что ее сущность состоит в том, что психические процессы принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как «отражающее» и как «отражаемое» (точнее – и как порождающее и как порождаемое). Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Следовательно, наряду со всеми иными особенностями, именно она лежит в основе не только функциональной, но и собственно временной организации метакогнитивных процессов, поскольку любая «обратимость» может иметь только функциональный характер и объективно предполагает включение «временной координаты» в организацию процессов. В результате этого, в функциональной организации метакогнитивных процессов находит воплощение особый тип системности – временная, диахроническая системность, а сами они предстают как одна из разновидностей систем темпораль-

ного типа. Это и есть главная и наиболее общая особенность их функциональной организации, представленной в ее микропроцессуальном плане, то есть по отношению к каждому метакогнитивному процессу.

Необходимо отметить также, что наиболее общие и принципиальные особенности процессуально-психологической организации, действительно, очень полно проявляются в самой сути метакогнитивных процессов, поскольку она как раз и выступает еще одной – более сложной формой (и уровнем) такой организации. На ней основной принцип организации когнитивных процессов – принцип операндно-операторной обратимости достигает своей максимальной воплощенности и переводится на качественно новый уровень – уровень осознанной, произвольно регулируемой реализации. Кроме того, и необходимость в этом также наиболее выражена именно в деятельности субъектно-информационного класса, поскольку она, в силу своей высокой сложности, предъявляет наибольший «запрос» по отношению к когнитивному потенциалу субъекта, к его ментальным ресурсам. Тем самым она объективно стимулирует интенсификацию этой основной функции и даже «предназначения» всех когнитивных процессов – их направленность на расширение этого потенциала за счет интегративных эффектов, которые достигаются на уровне «вторичных», то есть метакогнитивных процессов.

Эти заключения вплотную подводят к еще более общей проблеме, заключающейся в понимании предельно сложного феномена знаний, в раскрытии его соотношений с сознанием. Она связана и с вопросом о принципах их организации и функционировании, а также с вопросом о механизмах актуализации знаний как производных от еще более глубинных механизмов осознания. Она сопряжена и с другим – быть может, наиболее принципиальным и предельно сложным вопросом – с вопросом о природе *идеального*, об идеальном как основной форме существования знаний. Более того, в общем плане, он, как известно, вообще является одним из самых «таинственных» вопросов всей психологии; его решение столь же неуловимо, как неосознано и само идеальное. Отдавая, конечно, полный отчет, в его беспрецедентной сложности, следует одновременно помнить и о том, что без его решения не могут быть раскрыты наиболее принципиальные вопросы осознаваемой регуляции деятельности. В связи с этим, представляется целесообразным и даже необходимым специально остановиться именно на нем. При этом следует базироваться также и на тех представле-

ниях, которые были сформулированы относительно специфического типа системности – временной, темпоральной и, соответственно, – о специфическом классе систем темпорального типа.

3.6. Метакогнитивные феномены и природа идеального*

Как показано в предыдущем параграфе, благодаря механизму временной системности, фактически, любой процесс может разворачиваться таким образом, что на каждом последующем его этапе в качестве содержательных посылок, условий реализуются те результаты, которые были получены на предшествующих этапах. Одним из наиболее отчетливых проявлений данного механизма как раз и выступает функциональная организация деятельности. Результат «распознается» системой, фиксируется в ней и затем трансформируется в содержание процесса, но уже на следующем «кванте» функционирования. Сам же процесс обретает способность использовать результаты своего собственного осуществления как операционные средства для разворачивания на последующих фазах реализации. Благодаря такому «погружению результата в процесс», достигается и своеобразная «чувствительность» к содержанию самого процесса (через возможность репрезентации и идентификации содержания промежуточных результатов), а также – возможность управления ходом процесса на основе уже полученных «парциальных» результатов. Наконец, именно благодаря этому достигается и сензитивность, чувствительность к самому содержанию процесса как таковому, что субъективно репрезентируется как данность процесса субъекту именно в аспекте его содержания.

Вместе с тем, если это, действительно, имеет место по отношению к любому – отдельно взятому процессу, то это же, но с еще большей степенью обоснованности справедливо и по отношению ко всей их системе, синтез которых и образует онтологию функционирования психики. Следовательно, на каждом последующем «такте» функционирования всей макросистемы процессов в этом функционировании оказывается представленным содержание предшествующего «такта». Оно репрезентировано именно как содержание – как результат предшествующего «такта». Тем самым, но уже не на уровне отдельно взятого процесса, а на уров-

* Материалы, представленные в данном параграфе, основаны на работе [86].

не всей их макросистемы (которая, повторяем, и составляет содержание функционирования психики) она обретает способность чувствительности по отношению к своему же собственному содержанию, то есть фундаментальное свойство самосензитивности. «Целое» (вся система процессов, составляющих содержание функционирования психики на предшествующем временном этапе), воплощаясь – фиксируясь и мультиплицируясь в результате этого функционирования (как его частном проявлении), затем – на следующем этапе и выступает именно как все это «целое», репрезентированное в результате предыдущего «такта». Можно видеть, что с позиций рассмотренного выше механизма временной системности по-новому формулируется и получает дополнительные возможности своего решения наиболее острая проблема психологии сознания, обозначаемая обычно как «проблема гомункулуса». По-видимому, психика «в лице» сознания обладает способностью к самосензитивности, «чувствительности» к своему собственному содержанию отнюдь не потому, что само сознание представляет собой некоторый «распознаватель» этого содержания. Эта способность в целом и сознание как ее проявление становятся возможными, благодаря именно временной организации функционирования психики. Суть такой организации заключается в том, что она же сама, но на последующих «тактах» функционирования как раз и включает – мультиплицирует результаты, то есть содержание функционирования на предшествующем «такте», а тем самым как бы декодирует, распознает свое же собственно содержание. Поэтому и решение ключевой проблемы психологии сознания – проблемы самосензитивности может быть осуществлено лишь через привлечение категории времени, через включение в организацию сознания «временной координаты», то есть на основе закономерностей его темпоральной организации.

При рассмотрении вопроса о принципах функциональной организации сознания представляется необходимым обращение к еще одному аспекту, состоящему в следующем. Как известно, во всем многообразии проблем и вопросов, возникающих при изучении закономерностей его функциональной организации, традиционно и практически «единодушно» выделяется такая проблема, которая рассматривается и как наиболее важная – «критически значимая» для этой организации в целом, и одновременно как наиболее сложная. Речь идет, разумеется, о проблеме, которая обычно формулируется как проблема *механизма осознания*. Ее суть заключается в том, чтобы выявить, как конкретно – с помощью

каких средств и процессов осуществляется переход от неосознаваемого к осознаваемому, как возникает само качество осознаваемости? Безусловно, взятая в ее полном объеме и в истинном масштабе, данная проблема, являющаяся, по существу, «ядром» всей психологии сознания, характеризуется беспрецедентной сложностью. Уровень этой сложности таков, что попытки ее решения могут носить по необходимости лишь характер того или иного приближения к нему, но, конечно, не претендовать на «полноту и окончательность». Более того, одной из характерных особенностей проблемы сознания в целом и проблемы «механизма осознания», в особенности, как раз и является то, что получение новых данных по ним зачастую не только не содействует более полному их объяснению, но напротив, — демонстрирует еще большую их сложность, нежели это представлялось исходно. Отдавая полный отчет в этом, необходимо, однако, помнить и о другом: без и «вне» попыток решения именно данной проблемы не только весьма затруднителен, но и вряд ли возможен ощутимый прогресс в разработке многих иных — также основных, но производных от нее проблем психологии сознания. В связи с этим, вполне очевидно, что конструктивность и обоснованность того или иного вновь предлагаемого объяснительного средства в значительной степени определяется тем, насколько он способствует решению именно данной ключевой проблемы.

Предпринимая попытку ее решения, сформулируем предварительно два — исходных положения, которые одновременно являются средствами необходимой операционализации общей проблемы и приведения ее к более конкретному виду. Первое из них заключается в том, что очень важная и, не исключено, определяющая роль в функциональной организации сознания принадлежит формированию и последующей реализации в этой организации особого типа качеств — системным, а также тем механизмам, которые, собственно говоря, и лежат в основе их формирования и реализации. Порождение — генерация этих качеств, а затем их реализация в функциональной организации сознания как ее операционных средств, лежит в основе собственно процессуальной динамики сознания и в значительной степени составляет самую ее суть.

Однако, если это так, то на функциональную организацию сознания, а также на его субъективно представленную феноменологию должны транспонироваться все те атрибутивные особенности и свойства, которыми характеризуются системные качества в целом. Важнейшим и наиболее специфическим среди такого рода атрибутов являет-

ся, как известно, уникально присущее системным качествам свойство, заключающееся в их так называемом *чувственно-сверхчувственном* характере. Они, характеризуя качественную определенность системы в целом и, более того, раскрывая и воплощая ее главные, наиболее интегративные черты, могут быть, вместе с тем, и не данными чувственному восприятию, то есть носить сверхчувственный характер. Эти качества, существуя реально, онтологически, тем не менее «не ощущаемы», а потому могут репрезентироваться лишь в «сверхчувственной», то есть собственно идеальной форме. Идеальное, следовательно, – это и есть доминантная и наиболее специфическая форма существования системных качеств как таковых. Форма их данности – принципиально иная, нежели чувственная данность; однако, от этого сам факт этой данности не перестает оставаться фактом.

Второе исходное положение носит еще более общий характер, поскольку конкретизирует по отношению к рассматриваемой проблеме не просто «один из» атрибутов сознания в целом, а его важнейший атрибут – свойство идеальности. Как бы ни трактовать сознание, с каких бы позиций его ни рассматривать, как бы ни эксплицировать его содержание и структуру, никуда не уйти от того фундаментального факта, что сама его суть – в его идеальной природе; в том, что результативно и феноменологически оно всегда дано лишь как идеальное. Понятия идеального и осознаваемого являются, фактически, взаимополагаемыми и естественным образом взаимодействующими. Любое содержание потому и осознается, что обретает форму идеального, переводится из любой иной формы репрезентации в психике именно в форму идеального. С этих позиций и само осознание должно быть проинтерпретировано как перевод «не-идеального» в идеальное; точнее – является им. Поэтому и общая проблема «механизма осознания» может быть конкретизирована до вопроса о механизмах трансформации «не-идеального» в идеальное.

Вместе с тем, истинная сложность этого вопроса заключается в том, что идеальное само по себе – именно потому, что оно является таковым – идеальным, в принципе недоступно прямому чувственному восприятию; оно по самой своей природе в принципе сверхчувственно. Однако, от того, что оно является сверхчувственным, то есть не данным чувственному восприятию, оно не только не перестает быть «фактом субъективной реальности», но, наоборот, начинает выступать как наиболее очевидная, феноменологически бесспорная часть этой

реальности (а строго говоря – и как вся она). Следовательно, идеальное дано субъекту, но дано принципиально иначе, нежели это возможно посредством чувственного восприятия. В свою очередь, это означает, что в структуре психики в целом и в функциональной организации сознания, в особенности, должны быть представлены такие средства и механизмы, которые обеспечивали бы собой эту – «иную данность», парадоксальную по своей сути: она, фактически, означает «чувствительность к нечувственному» (точнее, к сверхчувственному, то есть к идеальному); сензитивность к тому, для чего нет адекватных средств в самой сензитивности, то есть в сенсорно-перцептивной системе. В связи с этим и возникает ключевой вопрос – как же это возможно? Он, фактически, и является необходимой конкретизацией исходного, рассматриваемого здесь вопроса – вопроса о механизме осознания.

Таким образом, можно видеть, что два рассмотренных выше положения (о чувственно-сверхчувственном характере системных качеств как доминантной и наиболее специфической формы их существования, а также об особой – сверхчувственной форме данности идеального) являются не только теснейшим образом взаимосвязанными, но и, по существу, взаимополагаемыми. И именно эта их атрибутивная – органическая взаимосвязь позволяет предложить один из возможных вариантов решения общего вопроса о содержании процесса осознания, обычно формулируемого как проблема «механизма осознания».

Действительно, как мы уже отмечали, одной из основных особенностей системных (не исключено, что вообще – основной) является то, что они могут носить сверхчувственный характер. Они могут быть недоступными прямому чувственному восприятию и познанию; быть, так сказать, «внемодальными», точнее – «надмодальными». Кроме того, они могут обнаруживаться и «улавливаться» субъектом на основе и за счет выявления определенных инвариантов в «чувственной» информации – за счет ее интеграции, систематизации, структурирования. Они могут обнаруживаться также и в результате процедур концептуализации, идеализации и пр. Они, реально характеризую внешние объекты и принадлежа им, могут быть, в то же время, обнаруживаться субъектом не за счет их «прямого» чувственного восприятия, а лишь на основе переработки информации об иных качествах – материальных и функциональных, то есть качеств, доступных чувственному восприятию. Поэтому системные качества по необходимости имеют идеальную природу – идеаль-

ную в том смысле, что они выступают продуктом и результатом обработки чувственных (то есть субидеальных) данных.

В связи с этим, несколько иначе, чем это полагается традиционно, раскрывается само понятие идеального. С одной стороны, идеальное предстает как необходимое содержание системных качеств как таковых, как модус их существования (по крайней мере, – в психике). С другой стороны, в идеальном достигается своего рода синтез сверхчувственного (то есть не данного посредством чувственного восприятия) и данного психике. Ничто не обладает такой субъективной несомненностью как идеальное; оно дано психике, субъекту непосредственно. Таким образом, идеальное – это такой способ «улавливания» психикой системных качеств (как сверхчувственных по своей природе), который позволяет сделать их чувственными – но не в том смысле, что они начинают ощущаться какой-либо модальностью. Более того, можно предположить, что само идеальное как очень существенная компонента психики, как форма ее существования – это и есть отображение в ней системных качеств внешней среды. Если чувственное познание («до-идеальное») характеризуется сензитивностью по отношению к материальным и функциональным качествам, объективной реальности, то идеальное есть форма «отражения» и способ интрапсихического существования системных качеств внешнего мира. При этом обязательно следует учитывать, что именно системные качества являются не просто и не только «одним из» типов качеств внешней, объективной реальности, а наиболее обобщенным, интегративным и потому – наиболее значимым и наиболее насыщенным их типом (в плане информационного содержания, «информационной емкости»).

Следовательно, именно их адекватное и, по возможность, наиболее полное отображение является и наиболее значимым в плане обеспечения общего информационного взаимодействия со средой, в плане полноты ее репрезентации во «внутреннем мире». Для этого они должны восприниматься, «улавливаться» субъектом именно в их атрибутивных особенностях и характеристиках – в их интегративном, обобщенном, синтетическом статусе, то есть как свойства и проявления феноменов организации и целостности объектов «внешнего мира». Все это и оказывается возможным, благодаря тому, что они – именно в этой своей сверхчувственной природе адекватно отображаются, репрезентируются в психике в аналогичной – также сверхчувственной

природе – как идеальные и тем самым составляют его суть и содержание. Само же идеальное, его формирование и функционирование должно быть понято в этой связи как такой способ «улавливания» и репрезентации важнейших качеств внешнего мира – его системных качеств, который адекватен их природе, а потому обеспечивает и адекватность самого их восприятия и их последующего использования. Вместе с тем, пока остается не решенным очень важный вопрос – что же именно обеспечивает субъекту «чувствительность к сверхчувственному», то есть к идеальному? Почему оно не просто «ощущается», но и дано с максимальной степенью субъективной отчетливости и несомненности? Как оно становится содержанием сознания? По нашему мнению, можно предложить следующий – пока по необходимости гипотетический ответ на эти и производные от них вопросы.

Как было показано выше, само идеальное может быть интерпретировано как общее свойство репрезентирования системных качеств, как форма их отображения в психике. Однако это уже такая форма, которая, являясь системным качеством и, следовательно, сверхчувственным свойством, все же субъективно дана. Она презентирована, но, повторяем, не чувственно, а по иному – осознаваемо. Само идеальное дано лишь постольку, поскольку оно осознается, а механизм осознания – это и есть «доступ» к идеальному. Таким образом, сам механизм осознания, который так «понятен» субъективно и который так часто упоминается в психологической литературе, предстает именно как механизм – механизм презентации психикой важнейших свойств реальности – системных качеств. Они презентированы – даны субъективно непосредственно как идеальное, составляют содержание идеального и «ощущаются» как именно таковые, но по-особому – а модально, посредством осознания.

Итак, в свете проведенного выше анализа становится очевидным, что решение вопроса о сути «механизма осознания» должно быть непосредственно связано с еще одним вопросом, к которому этот анализ в итоге и привел. Его суть заключается в следующем: каким образом и за счет каких механизмов системные качества как сверхчувственные, а потому – представленные в идеальной форме и составляющие основу содержания сознания оказываются, однако, не просто «ощущаемым», но и составляют наиболее очевидную и непосредственную субъективную данность, то есть трансформируются из сверхчувственных в чувственные? Каким образом достигается,

казалось бы, недостижимое – обретение психикой «чувствительности к сверхчувственному», а значит – «не-чувственному»?

Не претендуя, разумеется, на полное решение данного – беспрецедентного по своей сложности вопроса, обратим, однако, внимание на ряд обстоятельств, которые могут содействовать такому решению. И идеальное в целом, и любая его «парциальная» составляющая, представленные в виде отдельных знаний (и их комплексов) есть не что иное, как форма существования и проявления в психике особых и очень специфических качеств – системных. Оно – идеальное потому и является таковым, то есть сверхчувственным, что воплощает в себе важнейший атрибут системных качеств как таковых – их сверхчувственный характер. Вместе с тем, будучи сверхчувственным, идеальное, однако, оказывается все же данным субъекту и поэтому – «ощущаемым» им, обретающим свойство чувствительности к нему.

Обратим, далее, внимание на то, что само понятие системных качеств как объяснительное, эвристическое средство необходимо рассматривать не только, так сказать, «само по себе» (что, впрочем, также немаловажно), но и в контексте с двумя другими основными типами качеств – материальными и функциональными, а также во взаимосвязи с ними. Именно «триада» основных категорий качеств – материальных, функциональных и системных является, как известно, необходимой и во многих случаях достаточной для раскрытия качественной определенности той или иной системы в целом. Кроме того, следует обязательно учитывать, что материальные и функциональные качества, в отличие от системных, как уже отмечалось выше, характеризуются противоположной по отношению к последним особенностью – они в принципе доступны чувственному восприятию, непосредственно ощущаемы. То же самое с полным правом можно констатировать, однако, и в отношении репрезентации психикой своих же собственных материальных и функциональных качеств. Материал психического представлен онтологически, то есть субстанционально, в частности, в форме содержания ощущений, образов – вообще всего так называемого «отраженного», то есть всех операндов, составляющих это содержание. Он – этот материал обладает несомненной чувственной данностью, непосредственно ощущается.

Аналогичной прямой «чувственной доступностью» – ощущаемостью характеризуются и собственно функциональные проявления психического. Действительно, не только содержание того или иного процесса

(начиная от ощущения и заканчивая мышлением) непосредственно дано субъекту, но аналогичной данностью обладает и сам факт развертывания того или иного процесса, сам факт его наличия, существования. Любой психический процесс как форма проявления того или иного функционального аспекта организации психики, факт его существования, а в значительной степени – и его операциональные характеристики и особенности также доступен чувственному восприятию. Он не только «дан субъекту», ощущается непосредственно, но во многом просто эквивалентен самой этой субъективной данности, то есть является ей. Следовательно, материальные и функциональные качества психики обладают общей фундаментальной особенностью – они характеризуются по отношению к субъективной реальности именно чувственной данностью, носят непосредственно воспринимаемый характер. И в этом они принципиально отличаются от системных качеств, которые, напротив, являются атрибутивно сверхчувственными. Вместе с тем, и они, как неоднократно подчеркивалось выше, также оказываются данными субъекту – «чувствуются» им, несмотря на их сверхчувственность и «неощущаемость».

Следует обязательно учитывать и то, что все три основных типа качеств (материальные, функциональное и системные) не только тесно взаимосвязаны, но и взаимообусловлены как в структурно-функциональном, так и в генетическом плане. Это означает, прежде всего, что качества более высокого порядка выступают как продукты и результаты организации качеств более низкого порядка. Так, функциональные качества – суть продукт и результат соорганизации компонентов какой-либо системы в процессе ее функционирования, а значит – и эффект соорганизации самих материальных качеств этой системы и ее компонентов. В свою очередь, соорганизация ряда частных функциональных проявлений системы (и, следовательно, ее функциональных качеств) в целостном процессе ее функционирования порождает и наиболее обобщенные, то есть собственно системные качества. Они тем самым выступают продуктами интеграции функциональных, а также – опосредствованно – и материальных качеств. В них, следовательно, представлены, хотя, разумеется, в «снятом виде», и материальные, и функциональные качества. Все это – своеобразные «аксиомы» системной методологии. Вместе с тем, при их реализации обычно делается акцент лишь на том аспекте взаимосвязи и взаимообусловленности качеств, который

был отмечен выше, то есть на том, как более сложные качества порождаются на основе менее сложных; как системные качества интегрируются из функциональных, а сами функциональные – из материальных. Не менее важен, однако, на наш взгляд, и другой – как бы противоположный, «зеркальный» по отношению к предыдущему, аспект общей организации трех типов качеств и их взаимодействий.

С достаточной долей обоснованности можно предположить, что в реальном функционировании систем, особенно – сложных и сверхсложных имеет место и трансформация качеств более высокого порядка в качества более низкого порядка – системных в функциональные, а также функциональных в материальные. Что касается второй из отмеченных трансформаций, то она имеет многочисленные и в принципе хорошо известные (в том числе и в психологии) референты и проявления, обозначаемые обычно обобщающим термином «кристаллизации функции в структуре». Однако, тот же самый в принципе механизм, по всей вероятности, характерен и для соотношения системных и функциональных качеств: первые также могут трансформироваться во вторые. Это означает, что система, характеризуясь своими наиболее обобщенными и интегративными качествами – системными, а зачастую и порождая их, оказывается в состоянии затем использовать их же, но уже как своего рода средства, как свои частные функциональные характеристики. Собственно говоря, именно эта – фундаментальная, на наш взгляд, особенность организации сверхсложных систем в очень отчетливой форме обнаруживается в проанализированной выше – также фундаментальной особенности их функциональной организации. Согласно данной особенности, эти системы обладают способностью не только к порождению какого-либо результата (характеризующегося обобщенными, то есть именно системными качествами), но и к последующему использованию этого результата, но уже в качестве условия для дальнейшего развертывания их функционирования. Тем самым механизм трансформации результата в процесс оказывается, фактически, эквивалентным, а точнее выступает следствием еще более глубинного механизма – механизма трансформации системных качеств в функциональные. Первые, характеризуя результат функционирования системы в целом на каком-либо интервале времени, а потому являются именно обобщенными (результативными) его характеристиками, то есть его системными качествами. Однако, они же, но на иных – последующих

этапах «фиксируются» системой и используются как операционные средства его дальнейшей функциональной организации, то есть начинают выступать уже как собственно функциональные качества.

Следовательно, можно видеть, что сама суть функциональной организации сложных систем, позволяющая обрести ее черты необходимой организованности, то есть выступить в собственно процессуальной форме, обязательно и объективно предполагает наличие двух взаимосвязанных механизмов. Первый – это описанный выше механизм транспонирования результатов процесса на том или ином этапе его развертывания в его содержание, в его условия и их использование в качестве операционных средств, но уже на последующих этапах. Второй – это механизм трансформации системных качеств в функциональные, а также сама способность к использованию первых в роли вторых. Кроме того, эти два механизма не только не являются автономными, но, напротив, механизм трансформации системных качеств в функциональные выступает, по всей вероятности, основой для существования механизма трансформации «парциальных» результатов процесса в само содержание этого процесса, в порождении им же самим все новых условий, средств, посылок для его развертывания.

На основе проведенного выше анализа можно сделать, вместе с тем, и вполне обоснованное заключение, непосредственно связанное с целью основного – рассматриваемого здесь вопроса. Действительно, если механизм трансформации системных качеств в функциональные не только имеет место, но и составляет основу функциональной организации систем, то становится возможным и обретение ими принципиального нового свойства, новой способности. Она состоит в чувствительности к своим же собственным системным качествам, к их «восприимчивости» и последующем использовании как операционных средств своей же функциональной организации. Это оказывается возможным благодаря тому, что сами системные качества, будучи, естественно, исходно сверхчувственными и поэтому невосприимчивыми на каком-либо интервале функционирования, затем – на последующем его этапе трансформируются в иной статус, в иную категорию качеств – в собственно функциональные. Последние, однако, как известно, уже характеризуются принципиальной доступностью именно чувственному восприятию, а потому «ощущаются» системой в непосредственном и полном объеме и с такой же степенью очевидности, субъективной данности. Система на основе

этого механизма получает, фактически, неограниченный доступ ко всему своему содержанию, в том числе – и к такому, которое представлено в форме ее наиболее интегративных, то есть именно системных качеств.

По отношению к психике это – представленное в форме ее системных качеств содержание как раз и репрезентировано как ее идеальное содержание в целом, являющееся одновременно и сутью содержания сознания. Тем самым, однако, и само идеальное (как сверхчувственное) обретает возможность быть чувственным. Достигается возможность, казалось бы, невозможного – «чувствительность к сверхчувственному». Сам же этот переход, точнее – трансформация системных качеств в функциональные и составляет, следовательно, основу механизма перехода того или иного содержания психического из неосознаваемой формы в осознаваемую форму, то есть основу «механизма осознания».

С позиций изложенных выше представлений вполне естественным и даже – необходимым образом решается также и еще один вопрос, традиционно дискутируемый в психологии сознания. Его суть заключается в следующем. «Механизм осознания», будучи, конечно, объективно очень сложным в аспекте его содержания, средств и тем более – психофизиологических процессов, обеспечивающих его, в то же время, обязательно должен быть достаточно прост, легок и естественен в плане его реализации субъектом. Более того, феноменологически несомненной данностью, обладающей высокой степенью очевидности, является то, что осознание практически всегда осуществляется именно так – достаточно легко и не требует ощутимых субъективных затрат. Тем самым возникает острое противоречие между реальной – онтологической, объективной сложностью процесса и «механизма осознания», с одной стороны, и его субъективной «простотой и легкостью», с другой.

Вместе с тем, данное противоречие в значительной степени преодолевается (или даже – не возникает), если учесть, что субъект овладевает этим механизмом и использует его не прямо, а косвенно, хотя, повторяем, и очень естественным образом – через использование результатов, данных непосредственно, в качестве условий и содержательных посылок, компонентов реализации самого процесса. Данность результатов в их содержательных характеристиках (что составляет несомненную и фундаментальную особенность организации психики) – это и есть прямая предпосылка и основное условие для реализации механизма трансформации системных качеств в функциональные, а следовательно, и для до-

стижения высокой степени легкости механизма осознания. Кроме того, с этих позиций несколько по-иному предстает и само понятие процесса в целом и процесса осознания, в особенности. Процессуальная форма организации сознания раскрывается как необходимое следствие и общее проявление фундаментального механизма трансформации системных качеств в функциональные. Существование системы «во времени», ее онтологически представленное бытие, порождая с необходимостью, то есть объективно, обобщающие результаты такого бытия – ее системные качества, столь же объективно требует их реализации в самом этом бытии, но уже в статусе иных – функциональных качеств.

Итак, подводя итоги проведенному анализу, можно заключить, что, действительно, важную роль в обеспечении процесса осознания играет описанный выше *механизм трансформации системных качеств в функциональные*. Он, пронизывая собой весь этот процесс, составляет важную грань и, не исключено, – основу самого «механизма осознания». Вместе с тем, его обнаружение и констатация очень значимой роли не только решает, но и ставят новые, дополнительные вопросы, а также, что еще более существенно, содержит необходимые предпосылки для их возможного решения. Ключевым и наиболее репрезентативным в плане общей, рассматриваемой здесь проблемы является, по-видимому, следующий вопрос, к постановке которого приводит осуществленный выше анализ и который можно сформулировать следующим образом.

С одной стороны, именно благодаря механизму трансформации системных качеств в функциональные достигается возможность перевода идеального как сверхчувственного в чувственное, а тем самым обеспечивается – пусть и специфическая, но все же именно ощущаемость идеального. В конечном счете, это становится возможным, благодаря тому, что сами функциональные качества, в отличие от системных, доступны чувственному восприятию, «ощущаемы». С другой стороны, данный вывод ставит не менее принципиальный вопрос о том, почему же, собственно говоря, функциональные качества обладают этим атрибутом – свойством их чувственной данности, ощущаемости. Как вообще следует понимать и интерпретировать тезис о функциональных качествах как чувственных, доступных непосредственному восприятию? Благодаря чему – каким более конкретным причинам и факторам, процессам и механизмам достигается эта «чувственность» (данность, ощущаемость)? Что означает сама эта чувственность, данность, ощущаемость? На осно-

ве всей совокупности представленных выше материалов можно предложить следующий вариант решения указанных вопросов.

Как следует из этих материалов, сам механизм трансформации системных качеств в функциональные непосредственно сопряжен с другим – также очень значимым механизмом. Это – механизм транспонирования результатов того или иного процесса в условия, то есть в содержательные послышки его же собственного развертывания, но на последующих этапах реализации. Его можно обозначить также как механизм «погружения результата в процесс». Более того, первый из этих механизмов является основой и конкретным средством реализации второго. Однако именно это и означает, что тот или иной результат, являясь «носителем» системных качеств всего процесса в целом, то есть, выступая его наиболее обобщенными – интегративными, именно результативными проявлением на каком-либо временном интервале, на другом, следующем интервале уже утрачивает статус «целого» и становится «частью» – условием, посылкой для дальнейшего развертывания процесса. При этом он, «погружаясь» в процесс, вместе с тем, конечно, сохраняет все те основные особенности и свойства, которые были присущи ему и которые характеризуют его как таковой. Если бы эти – достигаемые посредством предыдущего этапа особенности не сохранялись и не воспроизводились на последующих этапах процесса, то и само использование «результата в качестве условия процесса» было бы просто лишено смысла. Следовательно, становясь частью процесса, «погружаясь» в него, тот или иной результат сохраняет, хотя и в «снятом виде» основные его характеристики, присущие ему как таковому. И наоборот, эти характеристики начинают «окрашивать» собой все последующее развертывание процесса на иных этапах его осуществления.

Следует, конечно, учитывать и то, что основой, онтологической базой для реализации любого процесса осознания как раз и выступает вся система когнитивных процессов, представленных в их единстве и целостности. Поэтому и сам механизм «погружения» результата в процесс осуществляется не по отношению к какому-либо абстрактному и не вполне определенному процессу, а к процессу функционирования всей системы когнитивных процессов. Результаты, достигаемые на том или ином этапе осознания (или даже – в отдельные микроинтервалы времени), становятся тем самым объективными составляющими, содержательными компонентами процесса функционирования когни-

тивной подсистемы в целом и каждого из входящих в нее когнитивного процесса. Эти результаты оказываются воплощенными – презентированными субъекту именно посредством этих процессов – «в них» и «через них». Однако, как известно, любой когнитивный процесс имеет достаточно сложную собственную иерархически построенную, структурную организацию и базируется, в конечном счете, на тех или иных основных психических (и психофизиологических) функциях. Они, в свою очередь, выступают онтологической основой, базой для формирования и разветвления когнитивных процессов как таковых.

Из всего вышеизложенного следует достаточно существенное в плане рассматриваемых вопросов заключение. Любой осознаваемый результат, «погружаясь» в содержание процесса (но на последующих этапах его реализации, а потому – утрачивая статус «целого» и становясь «частью» процесса), подвергается двойкой, точнее двуединой трансформации. С одной стороны, он становится «частью» не какого-либо особого, самостоятельного и не вполне определенного процесса, а начинает выступать органической и естественной «составляющей» функционирования совокупности именно когнитивных процессов в целом. Он распределяется по всей этой совокупности, входит в состав каждого из когнитивных процессов и репрезентируется через них, «окрашиваясь» их собственным содержанием. С другой стороны, именно поэтому, то есть в силу того, что результат «погружается» в содержание вполне конкретных и качественно определенных процессов – когнитивных, обеспечивается и еще один эффект. Каждый из основных когнитивных процессов, как уже отмечалось, имеет в качестве своей онтологической основы ту или иную психическую функцию. Эти функции, выступая именно онтологической базой, основой каждого из процессов, являются в такой же степени психическими, в какой и психофизиологическими. Они лежат в основе обеспечения психических процессов, а потому и составляют в значительной степени само содержание – онтологию психического и обеспечивающих его психофизиологических механизмов. Они не только не требуют поэтому каких-либо «дополнительных средств» для того, чтобы стать «ощущаемыми» – данными чувственному восприятию, но как раз и составляют саму суть этой «ощущаемости», «чувственной данности». Они являются не только тем, благодаря чему достигается возможность чувственного восприятия чего-либо, но и составляют саму эту чувственность и «ощущаемость», поскольку выступают

функциональными аспектами самой онтологии психического. Другими словами, они не требуют дополнительных механизмов и средств обретения ими чувственности именно потому, что сами и являются ей.

Таким образом, можно видеть, что разворачивание механизма трансформации результатов в содержание процесса приводит, в конечном счете, к тому, что и сами результаты (представленные в виде системных качеств, в идеальной форме – как осознаваемое), оказываются представленными как «части» в содержании когнитивных процессов. Однако именно поэтому они – результаты, становясь «частями» указанных процессов и «погружаясь» в их содержание, объективно включаются и в разворачивание тех функциональных основ, на которых базируются сами эти процессы. Другими словами, результаты трансформируются не только в содержание процессов, но и в динамику тех функций, на основе которых реализуются сами эти процессы. Вместе с тем, сами эти функции не только «непосредственно даны», «чувственно ощущаемы» и воспринимаемы, но и являются по своей атрибутивной природе именно этой «чувственностью», несомненной данностью. Можно видеть, таким образом, что тем самым получает решение и исходный, сформулированный выше вопрос. Это вопрос о том, почему и как механизм трансформации системных качеств в функциональные, действительно, приводит к возможности чувственного восприятия первых? Становится более понятным, как и почему само идеальное, выступающее основой содержания и формой существования сознания и представленное в сверхчувственном виде, становится, тем не менее, доступным чувственному восприятию, обладает атрибутом феноменологической данности, субъективной очевидности.

Как следует из представленных материалов, системные качества, репрезентирующие собой идеальное как форму существования сознания, трансформируются в функциональные качества и получают воплощение в содержании когнитивных процессов и обеспечивающих их психических функций. Они обретают тем самым в этих функциях свою онтологическую базу. На основе этого вскрывается глубинная, атрибутивная связь самой категории функциональных качеств и базовых психических функций, на основе которых эти качества и становятся возможными. Функциональные качества психики в целом и сознания, в частности, потому и становятся возможными, а также непосредственно данными, «ощущаемыми», что в их основе лежит вся система основных пси-

хических функций. Эта глубинная и объективно представленная связь и взаимополагаемость функциональных качеств и психических функций, в конечном итоге, обеспечивает то, что сами функциональные качества, в отличие от системных, обладают чувственной данностью. Однако эта же связь обеспечивает и то, что само идеальное как модус существования системных качеств и основа содержания сознания также становится доступным чувственному восприятию, получает статус феноменологической данности. Сознание как идеальное становится, благодаря этому, одновременно и «чувственной» данностью; оно обретает статус субъективно ощущаемого», что и составляет важнейшую его черту в целом.

Наконец, подчеркнем, что все эти результаты подтверждают тот априорный прогноз, который был сделан относительно истинной роли и значения феноменологического анализа как базового и, по существу, незаменимого средства психологического исследования. По отношению к психологическому анализу деятельности эта роль раскрывается как определяющая в плане экспликации ее многопланово содержания, равно как и структурно-функциональных закономерностей, а также их объяснения. Содержание деятельности, особенно – взятое на обобщенном уровне его репрезентации субъектом не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, составляет суть самой этой феноменологической данности. Следовательно, именно ее анализ как таковой, то есть, фактически, анализ на феноменологическом уровне, или феноменологический анализ должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа. Существенно и то, что деятельностная феноменология – это отнюдь не совокупность эпифеноменов, лишь сопровождающих ее, а закономерный и необходимый арсенал реально действующих детерминант и, возможно средств и даже базовых механизмов ее осуществления.

Однако, как можно видеть из представленных выше материалов, его значение выходит за рамки только деятельностной проблематики, поскольку именно он приводит к постановке существенно более общих – точнее, общепсихологических проблем и, что еще более значимо, открывает новые возможности для их решения, которые были реализованы в данной главе.

Заключение

I

Подводя итоги данной работы и обобщая результаты представленных в ней исследований, необходимо выделить главные из них, а также резюмировать их общий смысл. Как известно, именно такие – обобщающие по своему характеру задачи традиционно рассматриваются в качестве основных и наиболее специфичных жанру «Заключения», определяют его место и назначение в структуре той или иной монографии. В целом это справедливо и по отношению к данному исследованию, что предписывает необходимость реализации, прежде всего, задач именно *обобщающего* плана. Вместе с тем, реализация именно этих – обобщающих по своему характеру и направленности задач является по отношению к данному исследованию достаточно специфичной. Дело в том, что их решение по отношению к основной проблеме этой книги объективно – тесным и непосредственным образом сопряжено с общей ситуацией, которая сложилась в той предметной области, которой она посвящена. Она включает в себя все те исследования, которые посвящены психологическому изучению обширной и стремительно расширяющейся сферы профессиональной деятельности, базирующейся на основе компьютерной техники. Она, в свою очередь, является наиболее репрезентативным представителем широкого класса деятельности – *субъектно-информационного*.

С одной стороны, она характеризуется несомненной актуальностью, высокой и даже определяющей значимостью как для развития теоретических вопросов психологии деятельности, так и ее прикладных направлений. Действительно, по отношению к ней практически отсутствует какая-либо необходимость в обосновании ее теоретической и практической значимости и, тем более, актуальности, поскольку для нее все эти атрибуты предельно очевидны. Важно и то, что именно ему принадлежит будущее; это ставит вопрос о его приоритетном изучении, а также о синтезе представлений о нем с психологической теорией деятельности. Он с очевидностью находится на «острие» прогресса видов и типов профессиональной деятельности – прогресса, масштабы и темпы которого не только велики, но и зачастую даже непредсказуемы. Его дальнейшая эволюция составляет не только ближайшую,

но и отдаленную перспективу развития профессиональной деятельности, причем, выраженную настолько, что в ряде случаев представления о ней вообще сводятся к постепенному вытеснению всех иных разновидностей профессиональной деятельности этим классом. Этим, собственно говоря, и обусловлено обращение к ее исследованию в данной работе.

В свою очередь, все это отражает одну из основных черт социо-экономического развития общества – объективно развертывающийся процесс эволюции и закономерной трансформации форм и видов, типов и классов профессиональной деятельности – то, что обычно обозначается понятием «филогенеза деятельности». Развертывание этой объективной по своей сути логики, собственно говоря, и привело к становлению субъектно-информационного класса деятельности. Его приоритетное изучение должно осуществляться при учете общей магистральной логики, которой характеризуется общая эволюция представлений в психологии труда и организационной психологии, а также и в психологической теории деятельности в целом. Она состоит в переходе от доминирования в общественном разделении труда субъект-объектных видов деятельности к субъект-субъектным видам, смена их роли и места в нем. Вместе с тем, развертывание этой объективной по своей сути логики нельзя считать завершенным: такая точка зрения является и недостаточно обоснованной, и не доказанной, и даже отчасти наивной. Ограничиваться ей – означает приуменьшать реальную сложность эволюции форм трудовой деятельности, ограничивать диапазон их прогресса и, фактически, во многом закрывать возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и разновидностей, а возможно, и классов. Она должна рассматриваться только как первая, но именно поэтому – лишь исходная, начальная ступень развития представлений об иных, также качественно своеобразных классах деятельности. Все это тем более актуально, что «мир деятельности» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением принципиально новых видов деятельности и способов ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их технологической составляющей. Возникает необходимость дифференциации еще одного качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – субъектно-информационного.

Однако с другой стороны, следует учитывать, что исследования данного класса, в силу их «молодости», находятся, на относительно раннем и, по существу, только начальном этапе своего развертывания, чем во многом и определяется сущность той ситуации, которая характерна сегодня для данной области. Она заключается в том, что по отношению к исследованию данного класса в настоящее время достаточно отчетливо эксплицируются те черты и особенности, которые характерны для одной из двух основных фаз развития научных представлений в той или иной области – *претеоретической*. Это – и наличие множества частных концепций, носящих, как правило, локальный характер и не охватывающих собой все содержание данной проблемы каким-либо единым концептуальным подходом и, соответственно, не приводящих к разработке целостных – обобщающих представлений в данной области. Это – и осязаемое преобладание эмпирико-экспериментальных аспектов данного направления над теоретико-методологическими аспектами. Это и очень характерные для собственно *аналитической* фазы развития научных проблем черты – аспектность, фрагментарность, «мозаичность», а нередко – и эклектизм в их разработке. Наконец, в наиболее общем плане это и доминирование аналитических подходов и способов ее разработки над комплексными и синтетическими, а тем более – *системно-ориентированными* подходами. Такая – аналитически-ориентированная фаза разработки данной проблемы, безусловно, не только имеет право на существование, но и является объективно необходимым этапом развития практически любых иных научных направлений в целом и, разумеется, исследований субъектно-информационного класса деятельности.

Вместе с тем, столь же естественно, что данная фаза логикой своей собственной эволюции с необходимостью приводит к возникновению целого ряда трудностей принципиального характера. В силу этого, на смену ей рано или поздно, но обязательно и объективно должен прийти иной этап – собственно *системный*. Сами же складывающиеся и развивающиеся при этом представления должны перейти с претеоретической фазы их развития на иной – *обобщенно-концептуальный* уровень, то есть на собственно теоретическую фазу их развития. В силу этого, наряду с указанной функцией – функцией *обобщения* полученных в данной работе результатов, в Заклучении необходима попытка реализовать и еще одну функцию. Она состоит в попытке концентрированного – не только обобщающего, но и по возможности,

интегрированного – целостного представления этих результатов, что могло бы составить прообраз – некий абрис будущей теории деятельности субъектно-информационного класса. Конечно, при современном уровне развития представлений в данной области речь может идти лишь о попытке такой концептуализации, о приближения к этой цели. Тем не менее, это все же необходимо, что мы и попытаемся сделать ниже. Этим обстоятельством обусловлена и специфика самого Заклучения – его развернутый и достаточно объемный характер.

Все это с очевидностью эксплицирует и основную тенденцию развития данной проблемы в целом, равно как и суть основной – по существу, стратегической задачи, связанной с ее дальнейшей разработкой. Это – задача перехода от преимущественно аналитической стали ее развития к собственно системной стадии. Она же, по существу, эквивалентна и задаче трансформации претеоретической фазы ее развития в иную – собственно теоретическую, обобщающе-концептуальную. В свою очередь, в свете всего этого становится достаточно понятным и основной, объективно-детерминированный «вектор» дальнейшего развития данной проблемы. Это – необходимость разработки и реализации *новых* методологических подходов к ней, имеющих уже не аналитическую, а собственно системную ориентацию, поскольку именно она позволяет трансформировать претеоретическую фазу ее разработки в собственно теоретическую. В свою очередь, реализация этой необходимости выдвигает на первый план важную в теоретическом отношении задачу. Она состоит в формулировке такого *методологического подхода*, который адекватен психологической природе данного класса деятельности, а также конструктивен в плане его исследования. Кроме того, данный подход должен учитывать три следующие – очень значимые в теоретико-методологическом отношении обстоятельства.

Во-первых, поскольку главным предметом его приложения является *деятельность*, взятая в одном из ее основных модусов – субъектно-информационном, то данный подход должен обязательно базироваться как на самой психологической теории деятельности в целом, так и на одной из ее практико-ориентированных конкретизаций, которое обозначается как психологический анализ профессиональной деятельности. Более того, он должен, не только основываться на них, но и по возможности содействовать их развитию. Во-вторых, поскольку само развитие этих двух крупных направлений, приведя на опреде-

ленном этапе своей собственной логикой к необходимости обращения к системной методологии, то данный подход должен обязательно основываться именно на ней. Вместе с тем, так как речь идет именно о современном этапе реализации данной методологии, то принцип системности должен быть реализован с обязательным учетом тех – достаточно существенных трансформаций, которые он претерпел в последние десятилетия. В-третьих, данный подход должен, естественно, учитывать не только эти трансформации, но и быть «чувствительным» – сензитивным к новым и новейшим тенденциям в развитии целого ряда базовых психологических направлений и тем результатам, которые в них получены. В частности, он должен учитывать те данные, которыми располагает в настоящее время оно из важнейших направлений когнитивной психологии – современный *метакогнитивизм*. Дело в том, что именно в данном направлении детальному изучению подвергаются те процессы, которые локализуются на высшем и, следовательно, важнейшем уровне психической регуляции в целом и деятельности, в частности, – на уровне осознаваемой, произвольной регуляции. Именно они играют определяющую роль в структурно-функциональной организации деятельности; поэтому именно их изучение является ключевым фактором раскрытия базовых закономерностей организации деятельности, в том числе, – и ее субъектно-информационного класса.

Именно такой подход был разработан нами в целом ряде предыдущих работ, что и позволило предпринять попытку его развития и реализации в этой книге по отношению к субъектно-информационному классу деятельности. Его основная черта состоит в том, что он как раз и позволяет реализовать по отношению к исследованию данного класса основные положения как психологической теории деятельности, взятой в ее современном виде, базовые положения системной методологии, эксплицированной на современном уровне ее развития, а также ключевые результаты, полученные в метакогнитивизме. При этом своего рода методологическим «ядром» данного подхода является обоснованный нами принцип метасистемности, а в более общем плане – *метасистемный подход* как один из постнеклассических вариантов системной методологии в целом.

В связи с этим, именно обоснование и развитие, а также спецификация данного подхода по отношению к задачам исследования субъектно-информационного класса деятельности выступило первым шагом

в реализации общего замысла данной работы. Все эти задачи потребовали специальной экспликации принципиального смысла и основного содержания самого метасистемного подхода, чему посвящена отдельная глава. Разумеется, при итоговом обобщении полученных результатов нет ни необходимости, ни возможности дублировать все полученные при этом результаты – тем более, что они уже рассмотрены в ней с должной степенью детализированности. Вместе с тем, на наш взгляд, не только целесообразно, но и необходимо еще раз акцентировать внимание на их принципиальном смысле, а также на их гносеологической роли в общем процессе исследования проблемы субъектно-информационного класса деятельности.

II

Сущность метасистемного подхода вытекает из экспликации, обоснования и объяснения следующего – фундаментального, на наш взгляд, обстоятельства. Наряду с системами традиционных классов, существует еще один – очень специфический класс системных образований Их атрибутивной особенностью является то, что та – объективно существующая и более общая по отношению к ним метасистема, в которую они сами онтологически включены, в о же время, оказывается функционально представленной в их собственном содержании. Разумеется, речь при этом идет не о прямом – так сказать «морфологическом» представительстве – не о том, что метасистема становится частью самой системы, а о представительстве сугубо *функциональном*. Другими словами, метасистема оказывается представленной в составе и содержании системы в лишь определенном – подчеркиваем, сугубо функциональном плане. Данное обстоятельство ведет к радикальным и множественным трансформациям всего содержания и базовых принципов структурно-функциональной организации систем, охарактеризованных в данной работе. В своей совокупности они и обуславливают существование особого качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Он является именно классом, поскольку включает в свой состав целый ряд основных типов и видов.

В контексте собственно психологической проблематики очень показательно, что, пожалуй, наиболее полным и репрезентативным представителем данного класса как раз и выступает психика в целом. Действительно, вся история развития психологии, все ее наиболее об-

щие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывают на существование базового и фундаментального, а не исключено, – и наиболее общего принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько «привычен и обычен», что подробно раскрывать его нет необходимости, а достаточно лишь указать на его смысл. Внешняя – объективная реальность (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде субъективной реальности – в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен. Более того, как известно, степень его неоспоримости и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т. д. Это, в частности, понятия внутренней информации, знаний, ментальных репрезентаций, когнитивных схем, опыта, образа мира, внутреннего мира, модели ситуации, субъективных репрезентаций, фреймов, скриптов и др.

Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность (и это раньше обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем бóльшие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая внешнеположена ей, оказывается представленной в структуре и содержании ее самой. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по самой своей сути и назначению должна быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Естественно, что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является

проблема того, как именно это происходит? Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности как «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений. Причем, – «не вызывает» в такой степени, что этот фундаментальный факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач. В частности, он очень слабо не учитывается и в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода, а также – что еще более негативно – в содержании самого системного подхода.

Итак, можно видеть, что сама сущность психического такова, что в его собственном содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено. Повторяем, что речь идет именно об определенной форме существования этой объективной реальности, а не об ее онтологической представленности в психике. Причем, чем более полным, адекватным и так сказать «глобальным» является такое представительство метасистемы в собственном содержании психики, тем «лучше для нее самой» – тем выше ее адаптационные и многие иные возможности. Другими словами, по отношению к психике метасистемный уровень имеет не только экстрасистемную представленность (как по отношению практически ко всем иным известным в настоящее время системам), но и интрасистемную представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает, в конечном итоге, внешнеположена ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью) получает в содержании самой психики свое «удвоенное бытие», свое «второе существование». Оно, разумеется, не тождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от исходного бытия метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер – имеют не материальную, а идеальную природу. И наоборот, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является родовым по отношению к каждому из них как видовому.

Все сказанное можно обозначить как *метасистемный принцип* функциональной организации психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает достаточно общий характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует собой не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы в целом, но и пронизывает собой многие другие – также важные, хотя и более частные аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу организации как к общему, может, вместе с тем, мультиплицировать его и в своих частных проявлениях. Этот – достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими общепсихологическими данными и результатами, в том числе – и полученными нами. Выполненные к настоящему времени исследования показывают, что метасистемный принцип лежит в основе организации не только психики в целом, но и многих, причем, – важнейших «составляющих» психики. Это, прежде всего, система психических процессов, общая совокупность способностей личности, процессы принятия решения, система психологических защит личности, сознание, структурно-функциональная организация системы деятельности, структурная организация личности, феномен организационной культуры и др. Тем самым получает свое обоснование и содержательное наполнение общий тезис, согласно которому и психика в целом, и ее основные «составляющие» базируются на основе принципа метасистемной организации. Следовательно, они должны быть проинтерпретированы как принадлежащие к особому и качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот общий для психики принцип воспроизводится – мультиплицируется и в основных ее «составляющих». В связи с этим, становится очевидным, что, реализуясь в целом ряде (точнее – во многих) подсистемах, данный принцип, действительно, демонстрирует свой статус как именно общего принципа организации.

Далее, необходимо подчеркнуть, что основные положения метасистемного подхода позволяют во многом по-новому поставить и в существенной степени решить целый ряд достаточно значимых вопросов, связанных с разработкой психологической теории *деятельности*

в целом и ее основных классов в частности. С точки зрения развитых в ней представлений деятельность эксплицируется как один из типичных представителей общего класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Наиболее принципиальным моментом этих представлений является то, что они позволяют существенно по-новому решить острую и во многом определяющую проблему соотношения индивидуальной и совместной деятельности – в том числе, и в плане их генетических связей и взаимопереходов. С их точки зрения индивидуальная деятельность формируется и развивается как процесс закономерного транспонирования содержания и принципов организации совместной деятельности в ее собственное содержание и организацию. Другими словами, та – исходно, объективно представленная и онтологически существующая метасистема (совместная деятельность), которая выступает первичной по отношению индивидуальной деятельности, сама оказывается представленной, но уже функционально в составе и организации индивидуальной деятельности. Более того, такое функциональное «встраивание» первой во вторую как раз и лежит в основе не только генезиса, но и, по существу, самого возникновения – порождения индивидуальной деятельности в целом.

Наряду с этим, следует учитывать, что раскрытие реальной сложности и даже уникальности таких отношений совместной и индивидуальной деятельности (прежде всего, повторяем, в их генетическом плане) возможно лишь с позиций трактовки ее реальной (а не симплифицированной) структурно-уровневой организации. Последняя образована, как было показано нами ранее в целом ряде работ, отнюдь не тремя – традиционно дифференцируемыми уровнями (то есть уровнями «автономной» деятельности, действий и операций). В действительности, она образована пятью основными уровнями ее структурной организации. При этом одним из них – причем, иерархически высшим является метадеятельностный уровень структурной организации. По своему содержанию данный уровень представляет собой персонафицированную и интернализованную совокупность основных регулятивных функций, которые выполняет совместная деятельность по отношению к индивидуальной. Он, фактически, есть не что иное как «квинт-эссенция» совместной деятельности, точнее – системы тех функций и процессов по организации частных (индивидуальных) деятельностей, которые придают самой совместной деятельности характер их интегра-

ции (в отличие от их простой агрегации). Другими словами, по своему содержанию и составу совокупность всех этих функций представляет собой одну из экспликаций общего *регулятивного инварианта*. Данный инвариант образован определенной совокупностью хронологически упорядоченных, специфически регулятивных по направленности и интегральных по организации психических процессов – целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля.

Следовательно, метадеятельностный уровень в целом – это индивидуальная форма существования основных регулятивных («управленческих») функций, которые изначально присущи и вообще атрибутивно характерны для совместной деятельности, составляют ее «ядро» и сущность. Однако тем самым метадеятельностный уровень (как уровень индивидуальной деятельности) воспроизводит – мультиплицирует в себе базовые особенности совместной деятельности (как той метасистемы, в которую исходно включена индивидуальная деятельность). Совместная деятельность как метасистема для индивидуальной деятельности «проникает» в индивидуальную деятельность через включение в нее основных регулятивных функций, свойственных самой совместной деятельности. Они и принимают в индивидуальной деятельности специфическую форму – форму саморегулятивных функций. В силу этого, можно и нужно говорить о «вращивании», то есть о функциональном включении («встраивании») метасистемы – совместной деятельности в систему индивидуальной деятельности. Последняя с необходимостью предстает поэтому как система со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наряду с этим, в общей структуре деятельности существует и еще один – качественно специфический уровень ее организации. Он не сводится к уровню отдельного действия, но и не возвышается до уровня автономной деятельности. Данный уровень заполняет собой тот диапазон (беспрецедентный по своей величине), который заключен между ними. Этот качественно специфический уровень организации обозначен нами как *инфрадеятельностный* уровень. Его суть состоит в том, что на нем локализованы не отдельные компоненты системы, а их комплексы – определенные синтезы, которые, в свою очередь, формируются как средства обеспечения основных функциональных задач, а шире – как средство обеспечения основных функций той или иной системы. В содержательном плане они близки к одному из фундаментальных понятий

системной методологии, а также и самой психологии – к понятию функциональных органов. В структурном плане они представляют собой определенные подсистемы, в которых как раз и осуществляется синтез определенной совокупности компонентов, необходимых и достаточных для обеспечения какой-либо из основных функций системы.

В данной связи необходимо, конечно, учитывать и еще одно – очень значимое и носящее совершенно объективный характер обстоятельство. Оно состоит в том, что наиболее общей, своего рода магистральной тенденцией развития типов и форм организации профессиональной деятельности как раз и является все более широкое распространение деятельностей именно субъектно-информационного характера. Решающим шагом в этом направлении является, разумеется, крупнейший технологический прорыв, приведший к беспрецедентному распространению компьютерных технологий. В целом – это переход общества в IT-эпоху, дополнение всех сфер жизни общества новым, пятым измерением реальности, метафорически обозначаемым, как известно, понятием «е-измерения». И именно субъектно-информационные виды деятельности со всей остротой и очевидностью обнаруживают явную недостаточность традиционных схем декомпозиции деятельности на ее основные структурные единицы – действия. Они эксплицируют недостаточную конструктивность (хотя, безусловно, сохраняющуюся правильность) дифференциации только уровней действий и автономной деятельности.

Эти – существенные, по-нашему мнению, положения открывают новые, дополнительные возможности и для раскрытия особенностей и закономерностей организации деятельности не только в структурном, но и в иных, также базовых планах ее организации – функциональном, генетическом и интегративном. Так, с этих позиций эксплицируется важнейшая – определяющая роль, которую играют в *функциональной* организации деятельности два качественно глубоко специфических класса процессов – *интегральные* и *метакогнитивные*. Они, выступая ведущими процессуальными регуляторами деятельности, во многом и определяют базовые закономерности ее функциональной организации. В связи с этим, в соответствующих разделах этой работы дана их развернутая характеристика в аспекте той роли, которую они выполняют в функциональной организации деятельности в целом и субъектно-информационного класса, в особенности.

Далее, еще одним общим и принципиальным итогом реализации функционального плана исследования деятельности явилось установление и всестороннее обоснование того, что она представляет собой систему не только традиционно изучающегося типа (субстанционального), но также и систему качественно иного типа – временную, *темпоральную* систему. В свою очередь, это потребовало обоснования еще более общего положения – положения о существовании темпоральных систем как таковых. Они являются еще одним объективно представленным классом системных образований, дополняющим собой классические, то есть субстанциональные системы. Само функционирование порождает системность, но не субстанциональную (так сказать синхроническую), а временную, то есть диахроническую, темпоральную. Последняя, в свою очередь, является основным и, по-видимому, наиболее совершенным средством организации процесса функционирования систем в целом и психики, равно как и ее основных «составляющих, в частности.

В еще одном и также базовом аспекте реализации метасистемного подхода – *генетическом* наиболее существенными представляются два основных результата. Во-первых, это положение, согласно которому сама индивидуальная деятельность формируется и развивается в более широком контексте – в контексте определенной метасистемы, в качества которой выступает совместная деятельность. Она воплощается – «встраивается» в структуру системы индивидуальной деятельности. Сама же индивидуальная деятельность тем самым формируется, а затем – функционирует как система со «встроенным» метасистемным уровнем. С этих позиций можно высказать общее предположение, согласно которому то, что традиционно обозначается в психологии как интериоризация (независимо от трактовок этого явления), в плане его механизмов как раз и представляет собой процесс встраивания метасистемного уровня в структуру индивидуальной деятельности, процесс формирования данного уровня в целом в общей структуре деятельности. Во-вторых, было обосновано и положение, согласно которому формирование и развития деятельности – и онтогенетическом, и в профессиогенетическом аспектах представляет собой особый тип развития, обозначенный понятием *метасистемогенеза*, характеристика которого также представлена в соответствующих разделах работы.

Наконец, в плане реализации еще одного основного аспекта исследования деятельности – *интегративного* также был установлен

существенный с точки зрения ее системной экспликации факт. Он позволяет дать ответ на наиболее принципиальный и даже критически значимый вопрос – о том, является ли деятельность системой в строгом смысле данного понятия? Правомерна ли по отношению к ней реализация самого конструкта «система» в его прямом и непосредственном смысле? Не является ли употребление словосочетания «деятельность как система» просто «понятийным стереотипом», удобным словесным штампом и своего рода «общим местом» – привычным и обычным, но не раскрывающим истинную сущность ее природы?

По нашему мнению, традиционно сложившаяся трактовка понятия «деятельность как система» должна быть существенно скорректирована, поскольку она принадлежит к качественно своеобразному и очень специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Их основной отличительной чертой является то, что более общая по отношению к ним целостность – метасистема (точнее, ряд метасистем) имеют не только «внешнюю» локализацию, но и в определенной мере и в определенном аспекте (функциональном) оказываются представленным в их собственном содержании и структуре. Метасистемы, в которые объективно, онтологически включена система деятельности и с которыми она взаимодействует, сами оказываются функционально репрезентированными в ее собственном содержании. Однако, по отношению к деятельности существует не одна, а как минимум, три основные метасистемы. В их качестве выступает, во-первых, сама личность субъекта деятельности; во-вторых, совокупность объективных факторов социальной микро- и макросреды (социума); в-третьих, сам процесс взаимодействия первой со вторыми, представляющий собой специфический тип систем – систему временного, собственно темпорального типа. Следовательно, в ней функционально представлены, «встроены» в нее содержательные, структурные и многие иные компоненты одновременно. Выступая в указанном качестве, то есть функционально включая в свой состав и содержание несколько метасистем одновременно, она с необходимостью раскрывается и как предельно гетерогенное, атрибутивно многокачественное образование. Она не дана изначально как целостность, а должна быть обеспечена в качестве таковой; она не может быть поэтому отнесена к категории так называемых «истинных систем». Для раскрытия ее действительного, реального качественно-го своеобразия более адекватным является другое системное поня-

тие – понятие *системного комплекса*. Деятельность является именно системным комплексом, синтезирующим в себе ряд иных системных образований. Сам этот синтез оказывается возможным, благодаря тому, что в деятельности заложены средства и механизмы, обеспечивающие обладает способностью функциональное включению их в ее состав и содержание, то есть к их функциональному «встраиванию» в себя.

Обоснование именно такого статуса деятельности – ее трактовка в качестве системного комплекса не только позволяет, но и, фактически, заставляет дать иную, нежели это принято традиционно, интерпретацию одного из важнейших понятий теории деятельности – понятия ее *структурной единицы*. С этих позиций эта единица может быть эксплицирована лишь как аналогичная по своей природе самой деятельности, то есть как комплексное, составное, синтетическое образование, но отнюдь не как унитарное недифференцированное образование. Она должна быть столь же *комплексна*, как и та целостность, *компонентом* которой она выступает – деятельность, являющаяся, в свою очередь, системным *комплексом*.

С данной проблемой связан еще один – очень значимый вопрос. Ее суть состоит в определении уже не того, из чего – из каких единиц состоит деятельность, а того, что означает само понятие «состоит»? Как соотносится само целое и его части, каковы принципы организации вторых в первом и пр. Проведенный анализ показал, что по отношению к деятельности эксплицируются не вполне обычные и привычные отношения между целым и его частями, то есть системой и ее компонентами. Суть этих отношений состоит в том, что на них не могут быть перенесены традиционно доминирующие представления об отношениях включения, об отношениях аддитивности. Согласно им, «целое состоит из своих частей», а они, в свою очередь, являются заведомо более простыми, чем все целое; они образуют само целое посредством своей интеграции и пр. Напротив, целое не состоит из своих частей, а *реализуется* в них и чрез них, мультиплицируя при этом на каждую из них существенную часть всего собственного содержания – повторяя и воспроизводя себя в них. В результате нередко часть может не уступать целому по степени своей сложности и организованности; может выступать равномошной ему, отражая в себе тем самым его собственные атрибутивные особенности – воплощая в себе его системные качества. Это означает, что деятельность в целом – в плане своих

базовых структурных компонентов *мультиплицируется* в своих «составляющих» – компонентах, окрашивая их в специфические для нее тона. На содержание и организацию компонентов (и, следовательно, на меру их сложности) транспонируется реальная сложность всей организации деятельности, что и придает истинную сложность им самим.

III

Все отмеченные выше основные положения метсистемного подхода, а также то, каком образом с его позиций эксплицируется проблема деятельности в целом, и составили основу для исследования главного предмета данной работы – деятельности субъектно-информационного класса. В этом плане весьма показательным, что именно данный подход позволяет дать вполне конкретный по содержанию, но одновременно – и достаточно общий по смыслу ответ на два ключевых в теоретическом отношении вопроса. Во-первых, – на вопрос о *критериях дифференциации* самого субъектно-информационного класса о двух других, также основных классов. Во-вторых, – на вопрос о наличии собственной *качественной определенности* данного класса и, соответственно, о тех основных особенностях и закономерностях, которые ее составляют. Так, при ответе на первый из них следует исходить из положения, согласно которому реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется через понятие «деятельностной формулы». В нем зафиксирована триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. В данной связи очень показательным (и доказательным) является следующее обстоятельство. Каждый из этих трех компонентов выступает в качестве базовой метасистемы, оказывающей наибольшее специфицирующее влияние на метакогнитивную сферу по отношению, соответственно, к трем разным классам деятельности; поясним сказанное. Так, по отношению к субъект-объектным деятельности ее собственно психологическое содержание обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется более общая по отношению к ней метасистема – индивидуальная психика самого *субъекта* деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такой специфицирующей метаси-

стемы выступает уже не субъектный, а *объектный* член этой формулы, поскольку для него главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные тем, что в его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Соответственно, и организация деятельности обретает ярко выраженную социо-ориентацию. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности.

Наряду с этим, именно такой же – общей и, по-видимому, фундаментальной, особенности подчиняется и тот класс деятельности, который рассматривается в данной работе – субъектно-информационный. В нем специфика психологического содержания деятельности в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы», то есть самим *процессом* деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении – в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику *процессу* деятельности субъектно-информационного класса придает, в основном, именно *процессор* как ключевой компонент всей компьютерной техники.

Столь явное и комплексное соответствие трех основных классов деятельности с тремя компонентами деятельностной триады – соответствием, носящее очень глубинный, принципиальный и многоаспектный – по существу, атрибутивный характер, не могло, разумеется, не проявиться и в собственном гносеологическом плане – в плане того, каким образом в разное время эксплицировался сам предмет психологии труда. Так, содержанием ее предмета на очень длительном этапе развития – начиная от возникновения и приблизительно до второй трети прошлого столетия были исследования, направленные на первый из основных классов – субъект-объектный. Это и есть, собственно говоря, традиционная, классическая психология труда. Вместе с тем, в дальнейшем в ее сферу во все большей мере начинают включаться и те виды деятельности, принципиально отличающиеся по многим параметрам от тех которые исследовались ранее. Иными словами, это те виды, относящиеся уже ко второму классу – субъект-субъектному. Следовательно,

и содержание предмета психологии труда также существенно трансформируется, что не только вполне закономерно, но и необходимо, а предмет исследования обретает здесь уже существенно иную экспликацию. Он, в частности, значительно расширяет свои границы, в результате чего возникают многочисленные «зоны перекрытия» с предметными сферами других психологических дисциплин – в особенности, с социальной и организационной психологией. Такая экспликация предмета характерна для того, этапа развития психологии труда, который, оформившись в последней трети прошлого столетия, продолжается поныне. Наконец, как показано в данной книге, а также в ряде наших работ, в настоящее время в сферу психологических исследований в целом и в сферу психологии труда, в особенности, во все большей степени включается (и должен включаться!) третий основной класс. Это – субъектно-информационный класс; он во все большей степени входит в содержание ее предмета и тем самым специфицирует его. Важно и то, что такая экспансия – это не только уже оформившаяся реальность, но и главная перспектива дальнейшего развития как самого мира профессий, так и эволюции содержания предмета психологии труда.

Показательно (и доказательно), что именно при такой конкретизации предмета исследования сразу же – очень непосредственно и вполне естественным образом выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана и фундаментального значения. Оно, однако, становится еще более зримым именно с позиций того методологического подхода, который был разработан нами и предложен как базовый для решения вопроса о дифференциации основных классов деятельности – в том числе, и субъектно-информационного. Это подход, базирующийся на синтезе психологической теории деятельности и современного *метакогнитивизма*. В общем виде данное положение заключается в удивительном подобии – в принципиальном сходстве и, так сказать, в максимальной *конгруэнтности* основных особенностей деятельности информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.) – вообще его «духа» и основного пафоса. Известно, что в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных процессов: это *операционное* направление, кото-

рое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом знания, но особого типа – «знания о знаниях», то есть метазнания: это *операндное* направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания».

Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного *аналога* и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом как реализатор процессов по управлению этими «первичными процессами», и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность не только *может* быть рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только может быть понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она *не может* быть понята никак иначе. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда – компьютер, которое по своей сути, фактически, выступает носителем целой системы процессов и системы знаний, баз данных. Они, однако, носят специфически информационный и в этом смысле – когнитивный характер, причем, взятые в их единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во внутреннем плане (в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во внешнем плане – в том числе, и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда. Можно видеть, что имеет место *принципиально новая* деятельностная реальность, которая никак не присуща двум традиционным классам и которая определяет качественное своеобразие третьего класса и его несводимость к первым двум. Эту реальность во всей ее полноте, сложности, а отчасти – и необычности еще предстоит понять и осознать.

Итак, сама суть подавляющего большинства видов деятельности, базирующихся на компьютерной технике, состоит в ее очень своеобразном именно с психологической точки зрения характере – метакогнитивном. В связи с этим, лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы охарактеризовать всю эту деятельность – и по сути,

и по содержанию, и по организации, равно как и по иным важным атрибутам, как *метакогнитивную*. Фактически, все ее содержание обретает именно этот статус. В результате этого те собственно операционные средства, которые наиболее релевантны природе деятельности как таковой, трансформируются из статуса *операторов* в статус *операндов*, то есть выступают уже не только как средства ее организации, сколько как то, на что направлена сама организация. Однако тем самым в структуре самой деятельности порождается новый уровень, связанный с этой организацией – *метауровень*, статус которого определяется его именно метадеятельностным характером. В силу этого, практически все содержание деятельности субъекта также обретает метакогнитивный характер, а в широком смысле данная деятельность также должна быть охарактеризована как метакогнитивная. Имеет место фундаментальный феномен, точнее механизм, описанный в системной методологии, – удвоение качеств. Любой ее компонент, сохраняя свой исходный модус – в качестве первичной «составляющей» ее операционного содержания, обретает, однако, новую спецификацию, новое качество – становится и носителем метакогнитивных средств и закономерностей.

IV

Данное – очень значимое, по нашему мнению, обстоятельство должно быть понято как одно из основных объяснительных средств психологического анализа данной деятельности. Оно позволяет выявить, каким образом методологические основания теории деятельности в целом и одного из ее направлений – психологического анализа деятельности, в особенности, могут быть эксплицированы по отношению к специфическому классу – субъектно-информационному; какие возможности открывают представления, сложившиеся в деятельностной проблематике, для раскрытия закономерностей его организации. Наконец, оно же позволяет реализовать и своего рода «встречное движение», то есть выявить, каким образом его исследование может содействовать развитию представлений, сложившихся в психологии деятельности – на ее методологическом, теоретическом и процедурно-методическом уровне.

Так, прежде всего с этих позиций открываются возможности для того, чтобы предложить новый вариант, пожалуй, основной и критически значимой проблемы психологического анализа деятельности

(равно как и все теории деятельности) – проблемы ее базовых структурных *единиц*. Согласно этому решению, в качестве таких единиц могут, а по нашему мнению, и должны рассматриваться базовые деятельностные *компетенции*. Такое решение непосредственно обусловлено как логикой развития самой теории деятельности, так и социальными заказами со стороны практики, прежде всего, – образовательной, связанной с профессиональной подготовкой, а в еще более общем плане – с широким распространением компетентностного подхода. Он, в свою очередь, непосредственно сопряжен с еще более общим – деятельностным подходом к обучению и образованию, к профессиональной подготовке в целом; выдвигает целый ряд достаточно острых теоретических и прикладных проблем, в том числе, – и перед психологией деятельности. Одной из ключевых среди них и является задача адекватной и корректной интерпретации самого понятия компетенции, а также его соотношения с понятием компетентности. По-видимому, наиболее адекватной и психологически корректной трактовкой компетенции как раз и является ее понимание в качестве основной, базовой «единицы» структурно-функциональной организации деятельности, а также ее генетической динамики. Компетенции, выступая базовыми структурными единицами деятельности – ее «составляющими», в то же время, – по определению являются интегративными образованиями, в которых синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» («знания – умения – навыки»). В этом плане совершенно неслучайно и очень показательное глубокое этимологическое родство понятий *компонента* и *компетентности* – и в том, и в другом, хотя и имплицитно, содержится идея интеграции, синтеза – комплексности и составного характера строения. Первые (компоненты) – это то, что составляет базу для любой развертывающейся на их множестве интеграции. Второе (компетентность) – это то, что формируется в результате синтеза; то, что имеет подчеркнуто интегративный характер. Кроме того, очень показательное в данной связи и то, что сам термин «умения», как правило, употребляется во множественном числе, что как раз и подчеркивает локальный их характер, возможность осуществления деятельности лишь на основе множества таких – локальных образований. Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются истинными носителями этой качественной

определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа.

Одновременно, они являются все же и достаточно локальными образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпозиции, а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенными, условно выделенным» в гносеологическим целях и т. п. аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми функциональными задачами, на решение которых она направлена и совокупность которых составляет ее содержание как таковое, конституирует его. Кроме того, важно и то, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой дифференциации этих «единиц», поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основных функциональных задач деятельности. Далее, очень существенно, что в компетенциях, как уже отмечалось, представлены в неразрывном – интегрированном виде все три основных плана деятельности, отраженные в так называемой «деятельностной триаде» (субъект, объект, процесс деятельности). Действительно, компетенции – это неразрывный синтез субъектных характеристик (поскольку они являются системными качествами, формирующимися в результате интеграции трех – субъектных по своей сути компонентов «ЗУНовской триады»). В то же время, в них объективно репрезентировано объективное содержание деятельности (ее функциональных задач и «материализованных» средств, на основе которых возможно их решение), а также важнейшие характеристики собственно процесса деятельности. Дело в том, что именно эти характеристики как раз и закреплены в нормативно-одобренном способе деятельности, который во многом и образован необходимыми для его реализации компетенциями.

Вообще говоря, представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что компетентностный подход, базирующийся, в свою очередь, на деятельностной парадигме, до сих пор обходит вниманием ее наиболее фундаментальную теоретическую проблему – проблему структурных единиц деятельности, основных вариантов ее декомпозиции на отдельные «составляющие». Данное обстоятельство может быть объяснено, на наш взгляд, именно тем, что в настоящее время намети-

лась достаточно выраженная тенденция к снижению интенсивности разработки собственно теоретических вопросов психологии деятельности – в особенности, с позиций системной методологии. И напротив, попытка интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной (достаточно дифференцированной, но одновременно – и интегративной по своей природе) «единицы» деятельности, показывает конструктивность и перспективность реализации этой методологии по отношению к разработке теории деятельности.

V

Данное обстоятельство наиболее релевантно именно по отношению к деятельности субъектно-информационного класса. Действительно, по всем своим атрибутам и вообще – по содержательным и структурным характеристикам эта деятельность не только вплотную приближается к тому, что обычно обозначается как ее внутренний план, как структура и содержание психической регуляции, но и вообще практически к ней сводится. Эта деятельность в целом во многом или даже – практически во всех ее основных моментах переходит во внутренний план, а ее структура и содержание становятся принципиально подобными структуре психической регуляции как таковой. То, что выступало по отношению ко всем иным видам и типам деятельности как ее регулятор, а соответственно, лишь ее часть, по отношению к субъектно-информационному классу становится всей деятельностью – по крайней мере, в ее атрибутивных чертах и основных механизмах реализации.

Следовательно, структура деятельности субъектно-информационного класса и, соответственно, система ее базовых единиц во многом повторяет или даже воспроизводит – *мультиплицирует* структуру психической регуляции как таковой. Поэтому анализ данной деятельности не только может, но и обязательно должен базироваться на структурной экспликации этой регуляции. Понятно, что данное заключение, с одной стороны, вскрывает еще большую сложность психологического анализа деятельности данного класса, поскольку сам его предмет и вообще практически вся его сфера переносятся в этот – внутренний план, становятся представленными именно в интрапсихической плоскости. Они, следовательно, становятся значительно менее эксплицированными

и доступными любым исследовательским процедурам. Анализ «внутреннего» – имплицитного существенно сложнее, нежели анализ «внешнего» – эксплицитного, что, кстати говоря, составляет и одну из основных трудностей всего психологического познания. Однако, с другой стороны, именно это же обстоятельство в определенной и, более того, весьма существенной степени облегчает анализ (хотя это может показаться, на первый взгляд, неправдоподобным). Дело в том, что констатированная выше конгруэнтность – практически, изоморфизм, доходящий до степени тождества, между структурой и содержанием психической регуляции деятельности и всей деятельностью может рассматриваться как ориентир для экспликации структуры деятельности субъектно-информационного класса в целом и, следовательно, как основа для ее анализа, равно как и для определения сути ее единиц. Дело в том, что в этом случае проведение анализа деятельности, фактически, равнозначно анализу структуры и содержания ее собственно психологического обеспечения. Оно, в свою очередь, представлено в ее закономерной организации и установлено в целом ряде подходов к ее экспликации.

В свою очередь, именно констатация этого – достаточно общего обстоятельства позволяет установить ряд значимых для решения основных задач данной работы закономерностей и особенностей структурно-функциональной организации деятельности субъектно-информационного класса. В этом плане, пожалуй, наиболее важным представляется выявление и объяснение глубинного подобия, доходящего до степени изоморфизма – практически конгруэнтности трех базовых психологических конструктов. С одной стороны, – это изоморфизм системы функциональных блоков деятельности и системы интегральных процессов ее психической регуляции. С другой стороны, это изоморфизм системы функциональных блоков и базовых компетенций деятельности. При этом следует помнить также, что сами интегральные процессы – это и есть реальная онтология деятельности, ее содержание в главном – функциональном (и потому временном, процессуальном) модусе. Следовательно, это и есть предмет психологического анализа как таковой в его максимально репрезентативном виде. В силу этого, простой синтез двух констатированных изоморфизмов – даже посредством чисто логической операции транзитивности с необходимостью приводит к следующему заключению. Система базовых компетенций – это и есть то, в чем и *через* что представлена и проявляется реальная онтология деятельно-

сти. Сами же компетенции – как части этого содержания – не только могут, но и с необходимостью должны быть проинтерпретированы как действительные части этого содержания. Другими словами, есть все основания считать, что именно они и являются *подлинными единицами* самого целого, то есть наиболее репрезентативными единицами структурно-функциональной организации деятельности.

Можно видеть, что новое и достаточно обоснованное решение получает наиболее общая и классическая проблема теории деятельности в целом и ее психологического анализа, в особенности, – проблема единиц анализа. Такими единицами, по-видимому, и являются базовые компетенции деятельности. Компетенции поэтому и являются «истинными носителями» этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа. Кроме того, психологическая структура деятельности – воедино организованная система ее основных функциональных блоков эксплицируется как комплексный, объективный критерий для дифференциации и основных – базовых (первичных) деятельностных компетенций. Ими и являются компетенции по реализации таких главных – критически важных для организации и реализации деятельности функций, как целеобразование, мотивирование и самомотивирование, принятие решений, планирование, прогнозирование, программирование, контроль, коррекция.

Конструктивность использования именно понятия компетенции в целях разработки проблематики психологического анализа деятельности проявляется и в еще одном значимом аспекте. В нем имеет место очень явная конвергенция и взаимодополнение двух основных исследовательских стратегий (полезная для них обеих). С одной стороны, это стратегия, точнее – подход, обозначаемый как *теоретический*; он и был реализован выше. С другой стороны, это *эмпирический* подход, идущий в данном случае, однако, не столько от эмпирики как таковой, сколько от практики (причем, в основном, не психологической, а производственной). Эти подходы конвергируют в понятии компетенции (и, соответственно, в той реальности, которая им обозначается), что в итоге и дает их синтез. Возникающие в результате этого синергетические эффекты очень важны и полезны как для теории, так и для практики. Первая обретает новый и вполне конкретный путь к формированию так необ-

ходимого ей *экологически валидного* эмпиричного базиса, а также конкретные процедурные средства «проникновения» в этот базис. Вторая обретает столь же необходимые ей интерпретационные средства, позволяющие заглянуть за феноменологический фасад деятельностных явлений и выявить имплицитно представленные в них закономерности психической регуляции деятельности. Тем самым понятие компетенции раскрывается и как важнейшее связующее, опосредствующее звено между теорией деятельности и практикой ее психологического анализа, как ключ для проникновения через феноменологию к сущности, как «концептуальный мост» между различными теоретическими подходами (деятельностным, ситуационным, компетентностным).

VI

Очень показательным проявлением такой конвергенции, которая прослеживается в отношении очень разных путей и подходов, выступает и еще одно обстоятельство. Оно вообще является, пожалуй, наиболее демонстративным и выступающим, фактически, как олицетворение всех исследований в области сложных видов деятельности, в особенности, компьютерных и состоит в следующем. В настоящее время стало не только общепризнанным, но и, по существу, аксиоматичным, причем, не только и даже не столько в науке, но и на практике, «в общественном мнении» разделение всех компетенций на два типа. Это их дифференциация на так называемые «жесткие» и «мягкие» навыки (*hard-skills* и *soft-skills*). Возникнув отнюдь не в самой психологии и даже не в исследованиях иных дисциплин, а имея, в основном, сугубо практические основания, она, однако, очень хорошо прижилась, продемонстрировав конструктивность. Однако до сих пор она все же недостаточно осмыслена с теоретических позиций, в особенности, – в работах психологического плана. Вместе с тем, такое – вполне естественное и даже необходимое осмысление не только возможно, но и необходимо именно с позиций сформулированных выше взглядов. Действительно, как можно видеть из представленных материалов, один из уровней макроструктурной организации компетенций (причем, не просто «один из», то есть рядовой, а высший и, следовательно, главный) как раз и соответствует категории метакомпетенций. Тем самым эмпирически установленный феномен метакомпетенций находит свое есте-

ственное и органично присущее его природе место в общей структуре компетенций и, соответственно, деятельности. Он получает необходимые средства для его теоретической экспликации и собственно психологического объяснения. Одновременно и сам этот уровень, равно как и понятие метакомпетенций, оформившееся исходно именно в теоретических исследованиях, находит свое подтверждение и, следовательно, – доказательство в практически-ориентированных разработках. Теория и практика взаимно верифицируют друг друга, подтверждая тем самым и объясняя важнейший феномен метакомпетенций как таковой. Более того, посредством этого находит свое подтверждение и еще более общий подход, сформулированный нами ранее – метасистемный. Дело в том, что сами метакомпетенции – даже с чисто формальной и просто этимологической точки зрения являются образованиями, в известной степени выходящими за пределы той системы, которую они, в действительности, и «обслуживают» – деятельности. Они не связаны напрямую с ее содержанием и организацией, с ее технологией и операционным содержанием, хотя и необходимы для нее. Тем самым, они, являясь наддеятельностными и потому – надсистемными образованиями, выступают как проявления именно метасистемной организации деятельности.

Данный вариант решения определения ключевых компетенций деятельности как ее основных структурных единиц приводит к постановке еще одной – сложной и даже острой в теоретическом плане проблемы. На первый взгляд, может сложиться впечатление о том, что он не вполне обоснован по достаточно простой причине: реальное многообразие компетенций большинства видов деятельности особенно – сложных как по количеству, так особенно по содержанию существенно богаче того, которое раскрывается с позиций сформулированных выше представлений. К числу последних, напомним, относятся компетенции по реализации таких – критически важных для организации и реализации деятельности функций, как целеобразование, мотивирование и самомотивирование, принятие решений, планирование, прогнозирование, программирование, контроль, коррекция.

Следует учитывать, что обусловленность состава компетенций со стороны психологической системы деятельности, проявляющаяся, в частности, в изоморфизме интегральных процессов ее регуляции деятельности (и, соответственно, лежащих в основе их функционирования структурных «составляющих» деятельности – ее основных блоков),

с одной стороны, и компетенций, с другой, носит весьма сложный и опосредствованный характер. Она, не сводится только к попарному, точечному их соответствию. Наряду с этим, она существует и в более сложном плане – в плане детерминации компетенций со стороны синергетических эффектов – эффектов системности, возникающих вследствие их соорганизации в системе. Эти взаимодействия, в свою очередь, столь же естественно приводят к генерации и реализации синергетических эффектов, к порождению новых качеств – системных по своей природе. Базовые компетенции, которые, действительно, соотносятся с каждым из блоков, тем самым обогащаются за счет возникновения новых образований – вторичных, более синтетических компетенций. Они формируются не на основе отдельных блоков, а на основе тех эффектов, которые возникают в результате их синтеза, организации. Эти – более комплексные и составные по своей сути компетенции можно обозначить разными терминами – производные, вторичные, терминальные и пр. Дело, однако, не в их терминологическом оформлении, а в сути. Все они также производны от системы интегральных процессов и функциональных блоков, но не в плане их попарного – «точечного» соответствия с ними. Они производны в том смысле, что с несомненностью также выступают эффектами и результативными правлеными их функционирования, но уже в целом.

Иными словами, они являются продуктами детерминации со стороны их системной организации. Они имеют поэтому собственно системную, а не аналитическую (как базовые компетенции) детерминацию. Понятно, что совокупность этих вторичных, производных компетенций существенно шире и разнообразнее; она и в значительно большей степени отражает конкретное содержание той или иной деятельности в каждом отдельном случае, ее специфику в целом. Более того, она вообще формируется под влиянием преимущественно деятельностной детерминации. Базовые – первичные компетенции это своего рода «алфавит», на основе которого формируются очень разные и весьма многочисленные составы вторичных компетенций и которые носят уже деятельностно-специфический характер. Причем, эта деятельностная детерминация реализуется посредством весьма общего и уже известного в теории деятельности принципа. Это – детерминация о стороны основных *функциональных задач* по организации и реализации деятельности, каждая из которых направлена на достижение какой-либо подцели деятельности. Используя системную терминологию, можно сказать и так: цель – реше-

ние тех или иных функциональных задач – выступает как *системообразующий* фактор для селекции и соорганизации базовых компетенций. При этом они будут включаться в решение этих задач лишь в том аспекте и в той мере, в какой этой необходимо в каждом конкретном случае, то есть по отношению к каждой из основных деятельностно-специфических функциональных задач. В результате этого и на основе этого, собственно говоря, и складываются более сложные *паттерны* базовых компетенций; они образуют совокупность вторичных, производных, вторичных компетенций. Их многообразие, в свою очередь, весьма велико и определяется множественностью функциональных задач. Подчеркнем также, что с этих позиций раскрывается глубинная связь и естественное взаимодействие двух очень общих и важных методологических подходов – компетентностного и ситуационного. Сама же компетентностная проблематика органично синтезируется с *парадигмой ситуационизма*. В свою очередь, именно такой синтез является обязательным условием и важным средством решения основной проблемы психологического анализа деятельности – проблемы определения его единиц.

VII

Показательно, что именно они в очень явной форме эксплицируются на основе развитых представлений о сути и организации компетенций. Действительно, легко видеть, что базовые – первичные компетенции эксплицируются в качестве именно исходных компонентов, которые уже несут на себе все основные характеристики компетенций как таковых, но, в то же время являются унитарными, а не составными, не комплексными. Они поэтому удовлетворяют всем параметрам, которыми атрибутивно характеризуются компоненты системы. Поэтому они составляют один из уровней в организации их общей совокупности – *компонентный*.

Вторичные, производные компетенции, являющиеся продуктами комплексов первичных, эксплицируются как определенные паттерны – подсистемы, складывающиеся для решения основных функциональных задач деятельности под системообразующей детерминацией основных деятельностных подцелей. Они поэтому образуют еще один качественно специфический уровень общей организации компетенций – *субсистемный*. В свою очередь, они также подлежат

организации и интеграции, образуя в итоге общую совокупность компетенций – как первичных, так и вторичных. В результате они синтезируются в наиболее обобщенное образование, которое обычно обозначается понятием компетентности. Оно – именно потому, что является наиболее целостным и обобщенным, соотносится уже с иным, качественно специфическим уровнем – собственно *системным*.

Кроме того, следует учитывать, что одной из своеобразных аксиом компетентного подхода, даже – его «изюминкой» является тезис о несводимости компетенций к аддитивной совокупности их частей – того, что в них входит и из чего они состоят. Обычно такими частями рассматриваются составляющие так называемой «ЗУНовской триады» (знания, умения, навыки), а также специальные способности. Однако вся суть дела состоит в том, что они, будучи абсолютно необходимы для деятельности, сами по себе – так сказать по отдельности (или даже – суммативно) еще недостаточны для ее эффективной реализации. Это, собственно говоря, и зафиксировано в тезисе об интегративной природе компетенций как таковых. Иными совами, есть все основания дифференцировать еще один уровень общей организации компетенций, на котором локализованы их основные элементы; это – собственное *элементный* уровень.

Наконец, наряду со всеми отмеченными типами компетенций, существует, по всей вероятности, и еще одна – достаточно имплицитная, но важная компетенция. Ее суть заключается в возможности субъекта воздействовать на свои же собственные компетенции – как в плане произвольной регуляции их ситуативного проявления, так и в плане целенаправленного влияния на их развитие. Это – своего рода компетенция по формированию и развитию собственных компетенций, а также регуляции меры их актуального проявления, то есть метакомпетенция. Поэтому нетрудно видеть, что ее сущность и функциональное предназначение эксплицируют ее естественное соотношение с еще одним уровнем общей структурной организации компетенций – *метасистемным*.

Таким образом, с позиций сформулированных представлений оказывается возможным дать естественную и достаточно полную экспликацию всей совокупности деятельностных компетенций, реализовав при этом один из важнейших принципов организации психических структур – *уровневый*. Согласно этому решению, общая система компетенций раскрывается как построенная по структурно-уровневому принципу и включающая совокупность соорганизованных

в единую *иерархию* пяти основных уровней. Такое решение позволяет, следовательно, установить и проинтерпретировать наиболее обобщенную структуру компетенций, то есть их *макроструктуру*.

Вместе с тем, с позиций такого подхода оказывается возможным предложить конкретный вариант решения и еще одного вопроса – о том, какова уже не макроструктурная организация компетенций, а их *микроструктурная* организация. Эта организация, также включает пять основных уровней. Так, на ее высшем – метасистемном уровне локализованы специфические образования, принадлежащие к более общим целостностям (то есть к метасистемам – к личности и деятельности). Они, однако, функционально включены, «встроены» и в содержание самой компетентности. Прежде всего, это способности личности и основные функциональные блоки психологической системы деятельности. На втором уровне – общесистемном локализованы феномены общей соорганизации всех основных и традиционно дифференцируемых «составляющих», входящих в состав компетентности – знаний, умений, навыков. Такая интеграция приводит к специфически системным феноменам, то есть к синергетическим эффектам. Она поэтому дает определенную «функциональную прибавку», которая не позволяет редуцировать этот уровень до аддитивной совокупности, то есть до агрегативного множества указанных «составляющих». Механизмы их интеграции дают на выходе аналогичный – также интегративный по своей сути феномен компетентности как таковой. Три других уровня образованы, соответственно, каждой из традиционно дифференцированных «составляющих»; это уровни знаний, умений и навыков.

Далее, еще одним и также значимым, по нашему мнению, следствием сформулированных представлений, носящим, правда, более имплицитный и скрытый от обнаружения характер, является следующее положение. Существуют глубинное, очень органичное подобие, доходящее до степени *изоморфизма*, между макроструктурной организацией системы компетенций деятельности и структурно-уровневым строением самой деятельности. Это соответствие проявляется уже в том, что количество уровней в обеих структурах *одинаково*, а относительно высшие уровни одной структуры (компетенций) конгруэнтны аналогичным, то есть также высшим уровням другой структуры (деятельностной). Так, в частности, очевидно прямое и очень явное соответствие навыков как составляющих элементного уровня организации компетенций и анало-

гичного, то есть низшего уровня в структуре деятельности – уровня операций. Точно так же и высший уровень общей структуры компетенций, на котором локализованы метакомпетенции релевантен высшему уровню организации деятельности – метадеятельностному. Аналогичные – «парные» соответствия существуют и между всеми другими уровнями компетенций, с одной стороны, и деятельности, с другой. Так, очень показательным в этом плане является соответствие вторичных компетенций и инфрадеятельностного уровня организации деятельности. Действительно, сама суть этих компетенций состоит в том, что они являются продуктами комплексирования и синтезирования «первичных» базовых компетенций под системообразующим фактором тех или иных функциональных задач деятельности. Поэтому они выступают как их определенные подсистемы. Однако и психологическая природа инфрадеятельностного уровня состоит принципиально в том же самом: на нем локализованы определенные комплексы – паттерны действий, складывающиеся для преодоления тех или иных ситуаций, то есть также подсистемы действий.

Отсюда, однако, с необходимостью следует вывод еще более общего и принципиального плана. Он состоит в том, что, поскольку структурно-уровневая организация компетенций, фактически, изоморфна уровневой организации самой деятельности, то ее установление и раскрытие в значительной степени тождественно раскрытию психологического содержания самой деятельности. Причем, важно и то, что за счет этого устанавливается не какая-либо – пусть и очень важная, но все же частная закономерность организации и содержания деятельности, а ее объективно *главный* аспект – структурно-уровневый, иерархический. Вскрывается та объективно главная и онтологически представленная закономерность, которая лежит в самом основании деятельности – ее иерархическое, вертикальное строение, которое, в свою очередь, является важнейшим атрибутом системной организации как таковой. Тем самым можно видеть, что через анализ структурной организации компетенций открывается реальный путь к экспликации объективно главного атрибута организации деятельности как таковой – системности этой организации. Понятие анализа деятельности как системы не только наполняется дополнительным и вполне определенным содержанием, но и эксплицируется конкретный – практически реализуемый способ осуществления такого анализа, который можно обозначить как *компетентностно-опосредствованный анализ*.

VIII

Все эти представления обеспечили необходимые и во многом достаточные условия для решения еще одной значимой как в теоретическом, так и особенно в практическом отношении задачи – разработки конкретной, практико-ориентированной *процедуры* психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса. Главная идея, на которой базируется эта аналитическая процедура, состоит в следующем. Основными структурными единицами деятельности субъектно-информационного класса и, соответственно, основными единицами ее анализа являются основные деятельностные компетенции. Они выступают ее реальными – онтологически представленными компонентами, базовыми носителями ее качественной определенности, то есть того «главного, что есть в любом предмете исследования». Кроме того, эта единица адекватно отражает истинную специфичность деятельности как системного образования, поскольку, как показано выше, она принадлежит к их особому типу – к системным комплексам. Следовательно, и ее базовая единица также должна быть по необходимости *комплексной*, что и представлено в понятии *компетенции*; она также характеризуется собственной сложной организацией. Причем, те «составляющие», которые ее образуют, соотносятся с основными «составляющими» самой деятельности как системокомплексного образования. В ней, следовательно, деятельность эксплицируется во всех основных планах – предметом, действенном, субъектном, процессуальном.

Вместе с тем, только к ним, эта качественная определенность не сводится и ими не исчерпывается. Дело в том, что они образуют в своей совокупности определенную организацию, вследствие чего порождаются новые качественные особенности и характеристик, новые атрибутивные черты данной деятельности. В свою очередь, сама эта организация базируется на структурно-уровневом, иерархичном принципе, а общая система компетенций включает пять основных уровней. Поскольку, однако, она принципиально изоморфна структуре основных уровней самой деятельности, то через нее открывается доступ к экспликации структуры деятельности в целом. Макроструктура компетенций – это *ключ* к раскрытию структуры самой деятельности в ее объективно главном – структурно-уровневом строении, что равнозначно возможности экспликации содержания и организации деятельности

в целом. Следовательно, общий поход к анализу данной деятельности должен базироваться на базовом конструкте – на понятии компетенции и той многоплановой реальности, которая в нем зафиксирована. Он должен быть компетенционным. Кроме того, анализ должен быть и столь же принципиально уровневыми, поскольку он требует дифференцированного рассмотрения всех пяти уровней макроструктурной организации самих компетенций как средства раскрытия особенностей базовых уровней деятельности, конгруэнтным им.

Учет именно этих требований, равно как и иных императивов, сложившихся в русле психологического анализа деятельности, позволил разработать конкретную процедуру его реализации, специфицированную по отношению к субъектно-информационному классу деятельности. Она образована пятью основными уровнями и соответственно, предполагает реализацию пяти основных этапов его реализации. Во-первых, это уровень *функционального* анализа деятельности, направленный на выявление и характеристика «вторичных», комплексных компетенций деятельности – того, что зафиксировано в понятии «жестких навыков» (*hard-анализ*). Во-вторых, это уровень *структурного* анализа деятельности, направленный на выявление и характеристику базовых – «первичных» деятельностных компетенций. В-третьих, это *микроструктурный* анализ базовых деятельностных компетенций (*digital-анализ*). В-четвертых, это уровень, на котором устанавливается и раскрывается совокупность метакомпетенций деятельности – «мягких навыков» (*soft-анализ*). В-пятых, это *компетентностный* анализ деятельности, на котором осуществляется экспликация содержания максимально интегративного деятельностно-личностного образования – компетентности.

IX

Разработка данной процедуры, равно как и последовательное развертывание многих иных направлений совершенствования психологического анализа деятельности приводит, однако, к постановке еще одного – в известной мере определяющего вопроса, к экспликации еще одной трудности принципиального порядка. Ее фиксация и, соответственно, попытки минимизации определили содержание третьей главы данной работы. Дело в том, что при обращении именно к субъектно-информационному классу деятельностей максимально затрудняется решение

основной задачи психологического анализа деятельности как такового – раскрытие ее содержания. Оно обретает здесь практически полностью имплицитный, скрытый от самого анализа характер, практически переставая быть объективированным. Однако это вовсе не означает возникновения «тупиковой» ситуации – невозможности анализа вообще. Напротив, он возможен, но уже в значительной степени только благодаря тому, что деятельность, не будучи объективированной, остается *субъективированной* – «открывающейся» самому ее субъекту. Осознание этого обстоятельства со всей остротой ставит вопрос о пересмотре традиционно сложившихся оценок роли *феноменологических* процедур исследования по отношению к профессиональной деятельности, основанных, в свою очередь, на интроспективных техниках, а также о разработке новых подходов к их реализации. Эти оценки должны обрести по отношению к ней их истинный – позитивный смысл, а сам феноменологический анализ должен быть рассмотрен как, по существу, *незаменимое* средство изучения – экспликации содержания деятельности.

Особенно явно это представлено по отношению к обобщенному уровню его репрезентации субъектом: на нем оно не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, составляет суть самой этой феноменологической данности. Деятельность принципиально репрезентируется субъекту именно как ее феноменология; она дана ему вовсе не в ее закономерностях и механизмах, а именно в том, что и обозначается как *деятельностная феноменология*. Она представлена первично и исходно именно как феномен – разумеется, в широком значении данного понятия. Следовательно, именно ее анализ как такового, то есть, феномена – *феноменологический* анализ должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа. Однако, данный вывод столь же важен и необходим для его реализации, сколь и труден в плане ее осуществления, а потому нередко не учитывается в ходе исследования деятельности. Дело в том, что он требует обращения к наиболее сложно исследуемым сущностям, которые носят имплицитный, не объективированный характер. Вместе с тем, степень такой необходимости и, фактически, незаменимости, является наибольшей именно по отношению к тем деятельности, которые практически полностью реализуются именно во внутреннем плане. В них внешняя предметно-действенная сторона не только редуцирова-

на, но и просто не релевантна задачам раскрытия ее истинного содержания, она не является их репрезентантом.

Нетрудно видеть, что все изложенные выше аргументы и соображения приводят, в итоге, к очень общей и традиционной проблеме адекватности *интроспективных* техник и метода самонаблюдения в целом. В этом плане следует зафиксировать двойственную ситуацию. С одной стороны, в настоящее время существует целый ряд техник и методов, которые в той или иной мере базируются на интроспективных техниках (трудовой метод, фокусированное интервью, феноменологический анализ и др.). С другой стороны, не менее характерно, что все же само понятие интроспекции, в основном, связывается с совершенно иными сферами психологического исследования, чем деятельностная проблематика, особенно в ее прикладном проявлении. До настоящего времени, фактически, отсутствует своего рода *интроспективная психология деятельности*, хотя все необходимые естественные предпосылки для этого имеются и они были отчасти эксплицированы выше. Поэтому есть основания полагать, что она может оказаться не менее конструктивной, чем сама интроспективная психология, сыгравшая, как известно, определяющую роль в развитии психологии в целом.

Итак, собственная логика разведывания представлений о том, каким образом может быть усовершенствован психологический анализ деятельности по отношению к наиболее сложным видам деятельности и какую роль в этом может сыграть сформулированный подход к его реализации, базирующийся на понятиях компетенций и компетентности, обуславливают необходимость использования в качестве его ориентиров специфически *деятельностных феноменов*. Они не только включены в нее, эксплицируя ее содержание, но и, по-видимому, выполняют в ней и иные – в том числе, и операционные функции. В этом плане очень показательным, что в самом метакогнитивизме оформилось и приобрело статус одного из важнейших то направление, которое сопряжено именно с выявлением и объяснением феноменов метакогнитивного плана, феноменологическое направление. Метагнитивные феномены – это один и наиболее известных и традиционных предметов изучения, а некоторые из них стали практически элементами общей культуры, вошли в естественный язык. Наряду с этим, нельзя не видеть и того, что использование этих результатов в целях разработки проблематики психологического анализа деятельности сдерживается обстоятельством

принципиального плана, также сопряженным с современным состоянием метакогнитивизме. Подчеркнуто внедеятельностный характер данного направление обуславливает нерешенность одной из главных и даже критически значимых проблем всего метакогнитивизма – проблемы *экологической водности* его эмпирического базиса и, соответственно, основанных на них теоретических заключений. Она состоит в недоказанности правомерности переноса тех результатов, которые получены в экспериментальных, то есть внедеятельностных условиях на реальные, естественные условия деятельности, прежде всего, профессиональной. Эта проблема, впрочем, имеет общий характер и присуща многим важным сферам психологического исследования. Следовательно, возникает важная задача экологизации эмпирического базиса данного направления в целом и его феноменологических основ, в особенности.

Наконец, необходимо учитывать, что сам метакогнитивизм как нескорая реальность вообще возможен именно вследствие феноменологической представленности этих явлений. Дело в том, что они обладают базовой и определяющей – атрибутивной чертой – их *осознаваемым* характером, причем, не просто «обладают» им, но и *составляют* само содержание и суть свойства точнее – способности осознания. Они не просто лежат в основе рефлексии как процессуальной основы сознания, но и являются ее парциальными процессуальными компонентами. Тем самым, они, фактически, выступают и конкретными процессуальными средствами, а отчасти механизмами, обеспечивающими фундаментальное свойство психики – ее *самосензитивность*. Через них и посредством них она обретает атрибут саморепрезентирванности. В свою очередь, данное свойство субъективно эксплицировано как феноменологическая данность психики самой себе. Она, однако, может реализовать это свойство только посредством ее феноменологической представленности – она дана самой себе отнюдь не в ее механизмах – не как *ноумен*, а в тех итоговых результативных эффектах, к которым они приводят – в *феноменах*. Она принципиально феноменальна, что и составляет базу и принципиальную возможность для ее познания и самопознания. Все ее содержание обретает существование только постольку, поскольку феноменально представлено. Следовательно, доступ к этому содержанию может быть лишь принципиально феноменально-опосредствованным. Подчеркнем, что это – одно из наиболее общих положений как собственно психологического, так

и философского плана. Оно является специальным и основным предметом рассмотрения в интроспективной психологии, равно как и в феноменологическом направлении психологии в целом. Однако тем самым раскрывается истинное – беспрецедентное значение феноменологического плана анализа для психологического познания в целом и даже для возможности существования психологии как науки. Он эксплицируется как главная причина самой их возможности, а также как исходный, базовый этап фактически любого психологического исследования. Он же эксплицируется и в качестве главного средства формирования эмпирического базиса для решения многих психологических проблем. При этом следует учитывать, что практически все основные сферы и «составляющие» самого психического имеют результативные, итоговые эффекты, которые и представлены как его феноменология.

При решении проблемы экспликации *метакогнитивной феноменологии* деятельности субъектно-информационного класса следует, естественно, учитывать природу феноменологии как таковой – ее *вторичность*, производность от уровня сущности, то есть от тех причин – механизмов, которые ее порождают. В силу этого, общая картина феноменологических проявлений, равно как и их возможная структура не только может, но и должна быть производной от той системы, в которой они генерируются и в которой они существуют – от системы деятельности в целом и от базового принципа организации – структурно-уровневого. Это означает, что общая совокупность феноменов должна – пусть и не прямо, а опосредствованно, но воплощать в себе принципы структурно-уровневой организации.

Х

На основе этих положений теоретико-методологического плана, действительно, оказалось возможным выявить и проинтерпретировать достаточно обширную – развернутую и множественную картину феноменологических проявлений метакогнитивного плана в деятельности субъектно-информационного класса. Показательно и то, что она является существенно более обширной, нежели та совокупность феноменов, которая выявлена и описана в настоящее время, поскольку включает в свой состав и не эксплицированные пока, но весьма значимые и показательные метакогнитивные феномены. Другими словами, оказалось

возможным осуществить не только *концептуальное расширение* представлений о метакогнитивной сфере как регуляторе деятельности, но и *расширение эмпирического* базиса всей этой проблемы.

Показательно, что вся эта – существенно расширенная феноменологическая картина предстает с позиций предложенного решения уже не как агрегативная сумма, не как аддитивное их множество, а как структурированная, упорядоченная совокупность. Причем, такая структурированность выявляется в двух основных планах. Первый из них состоит в том, что вся совокупность метакогнитивных феноменов естественным образом структурируется в пять основных групп, каждая из которых обладает очевидной качественной определенностью, но одновременно – и качественной специфичностью. Это группы, включающие, соответственно, следующие типы метакогнитивных феноменов – метакогнитивные *чувства*, *процессуальные* феномены, метакогнитивные *эвристики*, *общекомпетентностные* феномены, а также явления, обозначенные нами понятием *hs-феноменов* (то есть те, которые порождаются взаимодействием двух основных категорий компетенций информационной деятельности – *hard-skills* и *soft-skills*).

Наряду с этим, существует и еще один план содержания всей феноменологической картины метакогнитивного характера. Он позволяет представить ее уже не только как закономерным образом структурированную совокупность, но и как столь же закономерным образом организованную *целостность*, то есть, фактически, как образование, в котором воплощены базовые принципы системной организации. Дело в том, что пять установленных групп феноменов однозначным и вполне естественным образом – органично и объективно сопряжены с основными уровнями макроструктурной организации деятельностных компетенций как базовых структурных единиц самой этой деятельности; они, фактически, *изоморфны* ей. Так, группа метакогнитивных эвристик однозначно соответствует уровню, на котором локализованы производные, «вторичные» деятельностные компетенции. Группа общекомпетентностных феноменов столь же однозначно соответствует общесистемному уровню организации компетенций, на котором они и синтезированы в максимально интегративное личностно-деятельностное образование – компетентность как таковую. Группа *hs-феноменов* не менее естественным образом сопряжена с еще одним уровнем макроструктурной организации компетенций, на котором локализованы метадеятельностные

компетенции. В результате выявляется факт наиболее принципиального значения – подобие, доходящее до степени изоморфизма (или, по крайней мере, гомоморфизма) структуры метакогнитивных феноменов и макроструктурной организации компетенций. Отсюда вытекает ряд важных следствий. Во-первых, становится очевидным, что сама метакогнитивная феноменология, взятая не в ее абстрактном виде, а в условиях конкретной деятельности, реализуемой в естественных и значит экологически валидных условиях, является закономерно организованным образованием. Она построена на основе структурно-уровневого принципа, который, в свою очередь, является основным и наиболее специфическим именно для системной формы организации. Следовательно, ее можно и нужно рассматривать как специфическую разновидность психологических систем, что и дает ей наиболее полную и корректную экспликацию. Показательно и то, что такая экспликация оказывается возможной лишь при смене внедеятельностного подхода к исследованию данной проблемы на деятельностно-опосредствованное исследование.

Важно и то, что определяющее значение для установления всех этих закономерностей играет понятие, которое было обосновано выше в качестве главного конструкта психологического анализа деятельностей информационного класса – понятие *компетенций*. Следовательно, тот факт, что оно оказалось, действительно, конструктивным в плане решения задачи выявления общей метакогнитивной феноменологии деятельности, необходимо рассматривать и как подтверждение его обоснованности именно в качестве базовой структурной единицы организации деятельности.

XI

Наконец, быть может, наиболее существенным является то, что в свете полученных результатов эксплицированная феноменологическая картина раскрывается в еще одном – важном аспекте. Те основные явления и феномены, которые установлены в метакогнитивизме и составляют его суть, в действительности, могут выступать и реально выступают не только в их исходном статусе – как феномены, но и в еще одном и также очень важном статусе – вторичном, *операционном*. Это означает, что они могут распознаваться – «улавливаться» и осознаваться субъектом, а затем использоваться

им в качестве *средств* организации деятельности и поведения, то есть в их операционном статусе. Обретая его и становясь средствами деятельности, они, фактически, включаются в саму ее структуру, составляя в своей совокупности важную часть всего ее содержания, ни входят в общий арсенал ее регулятивных средств. В более общем плане это означает, что система (психика) порождая некоторые эффекты и феномены своего функционирования, обладает способностью использовать их же в своем последующем функционировании, но уже в качестве средств оптимизации этого функционирования. Они обретают при этом свой «вторичный» статус – уже не объективно представленных феноменов и закономерностей, лежащих в основе организации деятельности, а *субъективных средств*, лежащих в основе ее реализации. Феномены (и закономерности) как *результативные* проявления и как нечто объективно представленное трансформируются в операционные и *процессуальные* средства реализации деятельности. Это – своеобразное удвоение статусов самих метакогнитивных феноменов, при котором они выступают не только в своей исходной форме – как феномены, но и во вторичной форме – как операционные средства ее реализации. В результате этого очень многочисленные феномены метакогнитивного плана перестают быть только лишь эпифеноменами и становятся реальными и действенными средствами собственно операционного плана.

С этих позиций открывается возможность постановки и решения иных – еще более имплицитных и общих проблем организации психического – в частности, фундаментальной проблемы *самосензитивности* психики, механизмов ее саморепрезентированности. Дело в том, что именно феноменологические проявления, представленные, прежде всего, в совокупности самих метакогнитивных феноменов, как раз и выступают уже не только в качестве эпифеноменов, но и в качестве операционных средств, обеспечивающих данное свойство. Наряду с этим, дополнительный импульс получает и проблема *идеального* в целом и вопрос о тех механизмах, которые лежат в его основе, равно как и свойству его непосредственной данности. Она формулируется как проблема *чувствительности к идеальному*, а один из возможных вариантов ее решения также сформулирован в данной работе именно как следствие развертывания феноменологического анализа метакогнитивных явлений. Тем самым, однако,

подтверждается и тот прогноз, который был сделан относительно истинной роли и значения феноменологического анализа как базового и, по существу, незаменимого средства психологического исследования. По отношению к психологическому анализу детальности эта роль раскрывается как определяющая в плане экспликации – установления ее многопланового содержания, равно как и структурно-функциональных закономерностей, а также их объяснения. Содержание деятельности, особенно – взятое на обобщенном уровне его репрезентации субъектом не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, составляет суть самой этой феноменологической данности. Деятельность принципиально репрезентируется субъекту именно как ее феноменология; она дана ему вовсе не в ее закономерностях и механизмах, а именно в том, что и обозначается как «деятельностная феноменология». Она представлена первично и исходно именно как феномен – разумеется, в широком значении данного понятия. Следовательно, именно ее анализ как таковой, то есть, фактически, анализ на феноменологическом уровне, или феноменологический анализ должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа. Существенно и то, что деятельность феноменология – это отнюдь не совокупность эпифеноменов, лишь сопровождающих ее, а закономерный и необходимый арсенал реально действующих детерминант и, возможно средств и даже базовых механизмов ее осуществления. Сами феномены, фиксируемые в ходе анализа деятельности могут выступать и реально выступают как операционные средства ее реализации, как средства организации и регуляции деятельности.

Однако, как можно видеть из представленных выше материалов, значение феноменологического анализа выходит за рамки только деятельности проблематики, поскольку именно он, в конечном итоге, *через* нее приводит к постановке существенно более общих – точнее, *общепсихологических* проблем и, что еще более значимо, открывает новые дополнительные возможности для их решения.

Наконец, необходимо подчеркнуть и еще оно обстоятельство обобщающего плана. Все материалы данной книги были направлены на то, чтобы предпринять попытку реализации по отношению к исследованию субъектно-информационного класса деятельности

тех представлений, которые существуют в настоящее время в психологии. Однако по ходу всего этого анализа постоянно и достаточно явно обнаруживалась и его так сказать встречная направленность и своего рода его «вторая миссия». Она состоит в том, что сам этот – качественно специфический класс деятельности в целом, а также обращение к нему со стороны психологии, в частности, создает принципиально новое и очень обширное исследовательское пространство, приводя к постановке новых и весьма сложных проблем самого разного ранга и характера. При этом систематически обнаруживается также недостаточность существующих сегодня представлений, сложившихся традиционно относительно особенностей и законченностей структурно-функциональной организации деятельности и ее генетической динамики, а также относительно ее личностных детерминант и даже самого ее статуса. Этот класс знаменует не только возникновение принципиально новой деятельностной реальности, но и создает аналогичные – также принципиальные «вызовы» перед самой психологической наукой в целом и перед психологической теорией деятельности, в частности. Тем самым, он выступает и своеобразным «локомотивом» их развития, создавая для них зону не только их ближайшего, но и более отдаленного развития. В этом, собственно говоря, и находит свое проявление то единство теории и практики – взаимообогащение развивающихся теоретических представлений и эволюции мира деятельности, которое является наиболее общей детерминантной их развития.

Список литературы

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – Москва: Владос, 1994. – 336 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. – Москва: Наука, 1980. – 334 с.
3. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. – Санкт-Петербург, Речь, 2003. – 296 с.
4. Акопов Г. В. Проблема сознания в современной психологии: зарубежные подходы. – Самара, 2006. – 116 с.
5. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – Москва, Мир, 1974. – 272 с.
6. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. – Санкт-Петербург: ДНК, 2000. – 518 с.
7. Александров Ю. И. и др. Основы психофизиологии. – Москва: ИНФРА-М, 1997. – 430 с.
8. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. – Москва: Наука, 1978. – 380 с.
9. Анисимов О. С. Рефлексия и методология. – Москва: Экономика, 1991. – 415 с.
10. Анохин П. К. Избранные труды. – Москва: Наука, 1978. – 399 с.
11. Антонова Д. А., Оспенникова Е. В., Спирин Е. В. Цифровая трансформация системы образования // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Информационные компьютерные технологии в образовании. 2018. – № 14. – С. 5–37.
12. Арбиб М. Метафорический мозг. – Москва: Мир, 1976. – 420 с.
13. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – Москва: МГУ, 2002. – 480 с.
14. Аткинсон Р. Человеческая память. – Москва: Прогресс, 1980. – 528 с.
15. Бабикова Н. Н., Мальцева О. А., Старцева Е. Н., Туркина М. С. Исследование метакогнитивной осознанности студентов университета. Вестник Марийского государственного университета. 2018, 12(3), 9–16.
16. Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н. Системность Восприятие. Общение. – Москва: 2004. – 479 с.
17. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. Соч. Т. 3. – Санкт-Петербург: Изд-во М. И. Семенова, 1913. – 391 с.
18. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности. – Москва: Наука, 1990. – 495 с.
19. Бергаланфи Л., фон. Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – Москва: Прогресс, 1969. – С. 28–61.
20. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – Москва: Наука, 1973. – 270 с.
21. Болдачев А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. – Москва: УРСС, 2011. – 211 с.

22. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 269 с.
23. Брэддик У. Менеджмент в организации. – Москва: ИНФРА-М, 1998. – 312 с.
24. Бызова В. М., Перикова Е. И., Ловягина А. Е. Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов. Сибирский психологический журнал, 2019, (73), 126–140.
25. Веккер Л. М. Психические процессы. – Ленинград: ЛГУ, 1974, 1976; Т. 1. – 334 с.; Т. 2. – 341 с.
26. Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – Москва: Смысл, 2000. – 685 с.
27. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2-х т. Т. 1 – Москва: Академия, 2006. – 448 с.
28. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / под ред. И. М. Фейгенберга. – Москва: Наука, 1979. – 389 с.
29. Вершловский С. Г. Учитель о себе и профессии. – Ленинград: Наука, 1979. – 275 с.
30. Винер Н. Кибернетика и общество. – Москва: Издательство АСТ, 2019 – 288 с.
31. Войсунский А. Е., Бабаева Ю. Д. Одаренный ребенок за компьютером. – Москва: Сканрус, 2003. – 336 с.
32. Войсунский А. Е. Психология и Интернет. – Москва: Акрополь, 2010. – 439 с.
33. Воронкова О. Б. Информационные технологии в образовании. – Москва: Феникс, 2010. – 320 с.
34. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 4. – Москва: Педагогика, 1984. – 376 с.
35. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. – Ленинград: ЛГУ, 1979. – 211 с.
36. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Философия духа. – Москва: Мысль, 1977. Т. 3. – 471 с.
37. Гордеева Н. Д., Девишвили В. М., Зинченко В. П. Микроструктурный анализ исполнительской деятельности (методы и результаты). – Москва: ВНИИТЭ. 1975. – 174 с.
38. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. – Москва: МГУ, 1982 – 473 с.
39. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. – Москва: АСТ, 2008. – 352 с.
40. Гуманитарные исследования в Интернете / ред. А. Е. Войсунский. – Москва: Терра-Можайск, 2000. – 432 с.
41. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. – Москва: «Гнозис», РИГ «ЛОГОС», 1994. – 177 с.
42. Гюйо Ж.-М. Происхождение идеи времени. – Санкт-Петербург: Т-во «Знание», 1989. – 140 с.

43. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. – Москва: Русский язык, 1980, Т. 2. – 554 с
44. Деятельность: теория, методология, проблемы. – Москва: Политиздат, 1990. – 359 с.
45. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 316 с.
46. Донцов А. И. Феномен зависти. – Москва: Эксмо, 2015. – 520 с.
47. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – Москва: Лантерна, 1995. – 243 с.
48. Дубровский Д. И. Проблема идеального. – Москва: Мысль, 1983. – 228 с.
49. Жане П. Психологическая эволюция личности. – Москва: Академический проспект, 2009. – 300 с.
50. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 474 с.
51. Завалишина Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления. – Москва: Наука, 1985. – 219 с.
52. Занковский А. Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме – Москва: Институт психологии РАН, 2011. – 296 с.
53. Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. – Москва: Наука, 1966. – 114 с.
54. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2010 г. – 447 с.
55. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. 1975. – Москва: Наука, 1976. – С. 82–127.
56. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15–37.
57. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. – Москва: ВШЭ, 2010. – 582 с.
58. Зинченко Ю. П. Психология виртуальной реальности: монография. – Москва: МГУ, 2011. – 360 с.
59. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. – Самара, 1998. – 187 с.
60. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / сост. и ред. А. Е. Войскунский – Москва: Акрополь, 2009. – 279 с.
61. Исследование психологических механизмов принятия решения в процессе профессиональной подготовки операторов. Отчет о НИР № 165 / науч. рук. А. В. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 1985. – 214 с.
62. Калачева А. И. Волченкова А. А. Метакогнитивные аспекты деятельности IT-специалистов // Ярославский психологический вестник, 2021. – № 3 – С. 53–71.
63. Кант И. Критика чистого разума. – Москва: Республика, 1994. – 574 с.
64. Карабущенко Н. Б. Психология элит (теоретические основания). – Москва: Техпромграфика-М, 2012. – 288 с.

65. Керделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 272 с.
66. Карпов А. А. Метакогнитивный контроль регулятивных функций сознания // Мир психологии. – № 2 (94). – 2018. – С. 135–150.
67. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – 256 с.
68. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 208 с.
69. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. – Москва: Изд-во РАО, 2018. – 784 с.
70. Карпов А. В. Психологический анализ трудовой деятельности. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. – 198 с.
71. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. – Москва, Юрист, 1996. – 496 с.
72. Карпов А. В. Терещенко Н. Г. Психология управленческой деятельности. – Казань, Таглимат, 2006. – 286 с.
73. Карпов А. В. Психологический анализ деятельности как методологическая основа исследования педагогического мышления // Психология профессионального педагогического мышления – Москва: ИП РАН, 2003. – С. 31–73.
74. Карпов А. В. Психология менеджмента. Москва: Гардарики, 1999. – 546 с.
75. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 358 с.
76. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000 – 283 с.
77. Карпов А. В. Методологические основы психологии принятия решения. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 230 с.
78. Карпов А. В. Психология групповых решений. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 552 с.
79. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – 320 с.
80. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 602 с.
81. Карпов А. В., Ленъков С. Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. – Тверь, ТГУ, 2006. – 448 с.
82. Карпов А. В., Филатова О. В. Рефлексивность как детерминанта результативных параметров и стилевых характеристик деятельности исполнительского типа // Социальная психология XXI столетия. – Ярославль, 2003. Т. 1. – С. 309–314.
83. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 450 с.
84. Карпов А. В., Савина Н. Г. Психическое выгорание в деятельности руководителя. – Ярославль, ЯрГУ, 2008. – 390 с.
85. Карпов А. В. О субъектно-информационном классе деятельности. Человеческий фактор: Социальный психолог, 2018, (2(36)). – С. 12–22.

86. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. – Москва: Изд. Дом РАО, 2011. – 1080 с.
87. Карпов А. В. Рефлективная детерминация деятельности и личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2012. – 494 с.
88. Карпов А. В. Метасистемный подход как методологическая основа разработки проблемы личности / Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 62–73.
89. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 325 с.
90. Карпов А. В., Башаева Т. В. Метасистемный подход в исследовании генезиса когнитивных способностей. – Владимир, ВГУ, 2009. – 230 с.
91. Карпов А. В., Ященко Е. Ф. Психология способностей. – Челябинск, ЮГУ, 2007, 2003. – 325 с.
92. Карпов А. В., Петровская А. С. Психология эмоционального интеллекта. – Ярославль, ЯрГУ, 2007. – 325 с.
93. Карпов А. В. Принцип предикторной психодиагностики профессионально-важных качеств // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. 2009. – № 1. – С. 44–49.
94. Карпов А. В., Карпов А. А. Введение в метакогнитивную психологию. – Москва: МПСИ, 2018. – 600 с.
95. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти тт. – Москва: РАО, 2015.
96. Карпов А. В. Феномен и ноумен личности // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 111–121.
97. Карпов А. В., Карпов А. А. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 2. Когнитивное обеспечение. – Москва: Изд. Дом РАО, 2018. – 580 с.
98. Карпов А. В., Карпова Е. В., Субботина Л. Ю., Шадриков В. Д. Системогенез деятельности: игра, учение, труд. В 4-х тт. – Москва: РАО, 2017.
99. Карпов А. В., Карпова Е. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Метасистемный подход. Т. 1. – Москва: РАО, 2018. – 760 с.
100. Карпов А. В., Шадриков В. Д. Интегральная концепция системогенеза деятельности. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 352 с.
101. Карпов А. В. О соотношении психологического и педагогического знания – Москва: РАО, 2018. – 255 с.
102. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2017. – 640 с.
103. Карпов А. В., Карпов А. А. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 2. Когнитивное обеспечение. – Москва: Изд. Дом РАО, 2018. – 580 с.
104. Карпов А. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 3. Личностные детерминанты. – Москва: Изд. Дом РАО, 2018. – 620 с.

105. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В., Филиппова Ю. В. Специфика метакогнитивной регуляции образовательной деятельности в условиях применения компьютерных средств обучения // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 5 (53). – С. 334–353.

106. Карпов А. В., Рубцова Н. Е., Леньков С. Л. Метакогнитивная детерминация удовлетворенности работой в профессиях информационного типа // Российский психологический журнал. – 2021. – № 6.

107. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса (статья первая). Ярославский психологический вестник. 2021. № 3. С. 39-47.

108. Карпов А. В. Психология саморегуляции в исследованиях деятельности субъектно-информационного класса. Матер. Конф. «Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения акад. РАО О. А. Конопкина). – Москва, 2021.

109. Карпов А. В. Три периода и три парадигмы в эволюции психологии труда. Матер. всерос. конф. Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. Институт психологии РАН, 2021 (в печати).

110. Карпов А. В., Воронова Т. А. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени // Человеческий капитал. – 2021. – № 3.

111. Карпов А. В., Чемякина А. В. Психологическая специфика профессиональной деятельности субъектно-информационного класса // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3.

112. Карпов А. В., Карпова Е. В. Системогенез игровой деятельности: структурно-функциональная организация и генетическая динамика. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 533 с.

113. Карпов А. В. Структура и сущность субъективной реальности. В 2-х тт. – Москва: Изд. дом РАО, 2021.

114. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. – Ярославль, ЯГПУ, 2007. – 560 с.

115. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – Москва: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с

116. Климов Е. А. Психология профессионала. – Воронеж: МПСИ, 1996. – 400 с.

117. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – Москва: ПЕР СЭ, 2002. – 478 с.

118. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – Москва: Прогресс, 1979. – 504 с.

119. Конева Е. В. Мышление в профессиональном и жизненном опыте. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 384 с.

120. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – Москва: Наука, 1980. – 256 с.

121. Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. – Москва: Аспект Пресс, 2003. – 284 с.

122. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – Москва: Политиздат, 1984. – 464 с.
123. Кулагин В., Сухаревски А., Мефферт Ю. Digital@Scale: Настольная книга по цифровизации бизнеса. – Москва: Интеллектуальная Литература, 2019. – 293 с
124. Кунц Г., О’Доннел С. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. – Москва: Прогресс, 1981. – 302 с.
125. Ландау Л. Д. О фундаментальных проблемах // Theoretical physics in the 20 century: A memorial volume to W. Pauli N.Y.; L.: Interscience (1960). – 111 p.
126. Лафта Дж. К. Теория организаций. ТК Велби Проспект, 2006. – 416 с.
127. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание – Москва: Наука, 1980. – 340 с.
128. Леньков С. Л. Российская организационная культура: специфика с позиций метасистемного подхода // Журн. Практической психологии. – 2007. – № 4. – С. 37–49.
129. Леньков С. Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям. – Тверь: Тверской гос. ун-т. Доступ 30 апреля 2021.
130. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политиздат, 1975. – 334 с.
131. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. – Москва: Смысл, 2000. – 511 с.
132. Литвинов А. В., Иволина Т. В. Метакогниция: понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. – № 3. – 2013. – С. 59–68.
133. Ломов Б. Ф. Человек и техника. – Москва: Советское радио, 1966. – 526 с.
134. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – Москва: Наука, 1984. – 443 с.
135. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. – Москва: Наука, 1980. – 280 с
136. Люсин Д. В., Ушаков Д. В. Социальный интеллект, теория, измерение, исследования. – Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 176 с
137. Лурия А. Р. Язык и сознание. – Москва: МГУ, 1979. – 320 с.
138. Малых С. Б. Психогенетика: теория, методология, эксперимент. – Москва: Эпидавр, 2004. – 420 с.
139. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – Москва: Прогресс, 1992. – 412 с.
140. Манифест метапознания // Дистанционное интернет-образование. URL: <http://www.elitarium.ru>.
141. Маркс К. Капитал. – Москва: Политиздат, 1983. Т. 1, 2. – 1952 с.
142. Ментальная репрезентация. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 320 с.
143. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – Москва: Мир, 1973. – 334 с.

144. Мескон М., Альберт М., Хедури Ф. Основы менеджмента. – Москва: Дело, 1992. – 620 с.
145. Метапсихология вчера, сегодня, завтра. – Ростов-на-Дону: Ин-т управления, бизнеса и права, 2005. – 311 с.
146. Миллер Дж. Магическое число семь, плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. – Москва: Прогресс, 1964. – С. 192–226.
147. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. – Москва: Прогресс, 1965. – 192 с.
148. Мышление: процесс, деятельность, общение / отв. ред. А. В. Брушлинский. – Москва: Наука, 1982.
149. Научная организация труда и управления. – Москва, Наука, 1966. – 430 с.
150. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – Москва: Наука, 1970. – 601 с.
151. Нестик Т. А. Метакогнитивные функции персональной социальной сети// Экономические стратегии. – № 5. –2013. – С. 53–56.
152. Нечаев Н. Н. Избранное. Работы разных лет. – Москва: Логос-Принт, 2013. – 226 с.
153. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. Л.: ЛГУ, 1988. – 157 с.
154. Ньюстром Д., Дэвис К. Организационное поведение. Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 447 с.
155. Олишевский С. Е. Гуманистическая психология и феноменологический подход // Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – Москва: «Смысл», 1997. – С. 55–66.
156. Ошанин Д. А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии // Инженерная психология: теория, методология, практика. – Москва: Наука, 1977. – С. 134–149.
157. Панов В. И. Введение в психологию экологического сознания. – Москва: Наука, 2000. – 380 с.
158. Петренко В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 424 с.
159. Петровский В. А. Человек над ситуацией. – Москва: ВШЭ, 2010. – 560 с.
160. Познавательные процессы. – Москва: Педагогика, 1982. – 328 с.
161. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. – Москва: Наука, 1983. – 205 с.
162. Прист С. Теории сознания. – Москва, Идея-пресс, 2000. – 287 с.
163. Профессионализм современного педагога / под ред. В. Д. Шадрикова. – Москва, Логос, 2011. – 166 с.
164. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. – Москва: Институт психологии РАН, 1998. – 149 с.
165. Психология труда. Учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. – Москва: Владос, 2004. – 349 с.

166. Пушкин В. Н. Оперативное мышление в больших системах. – Москва, Энергия, 1965. – 400 с.
167. Равен Д. Компетентность в современном обществе. – Москва: Когито-центр, 2002.
168. Регуш Л. А. Структура и возрастная динамика способности к прогнозированию // Психол. журн. – 1981. – Т. 3. – № 5. – С. 31–40.
169. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. – Москва: Школа-Пресс, 2004. – 210 с.
170. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. – Ярославль: ЯрГУ, 1977. – 79 с.
171. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, ощущение / под ред. А. В. Брушлинского. – Москва: Наука, 1982. – С. 213–273.
172. Росс А., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – Москва: Аспект Пресс, 1999. – 430 с.
173. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – Москва: Педагогика, 1973. – 424 с.
174. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – Москва: АН СССР, 1957. – 327 с.
175. Рубцова Н. Е. Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности. – Тверь, 2011, Изд-во ТФ МГЭИ.
176. Саймон Г. Наука об искусственном. – Москва: Мир, 1973. – 172 с.
177. Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. – Москва: Наука, 1992. – 300 с.
178. Сергиенко Е. А. Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе человека // Ментальная репрезентация. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – С. 135–163.
179. Сеченов И. М. Избранные произведения. – Москва: АН СССР, 1952. Т. 1. – 771 с.
180. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. – 1996. – № 4. – С. 21–30.
181. Смолл Г., Ворган М. Мозг Онлайн. – Москва: Колибри, 2011. – 352 с.
182. Совместная деятельность. – Москва: Наука, 1988. – 228 с.
183. Солдатова Г. В., Зотова Е. Ю., Чекалина А. И., Гостимская О. С. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете / под ред. Г. В. Солдатовой; Фонд Развития Интернет. – Москва, 2011. – 176 с.
184. Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология. – Москва: Академия, 2001. – 200 с.
185. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.
186. Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности. – Москва: ЛКИ, 2008. – 168 с.

187. Тверски А., Канеман Д. Принятие решений в неопределенности. – Харьков: Издательство Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. – 632 с.
188. Теплов Б. М. Психология индивидуальных различий. – Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 452 с.
189. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. – Москва: МГУ, 1969. – 400 с.
190. Тихонов Р. В., Аммалайнен А. В., Морошкина Н. В. Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? ВестникСПГУ, №8, 2018. С. 214-219. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. – Москва: ВШЭ, 2019. – 343 с.
191. Толочек В. А. Современная психология труда Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 479 с.
192. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 264 с.
193. Фодор Дж., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. – Москва: Прогресс, 1996. – С. 230–313.
194. Фрейд З. Психология бессознательного. – Москва: Просвещение, 1989. – 264 с.
195. Хакен Г. Синергетика. – Москва: Мир, 1980. – 380 с.
196. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – Москва: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
197. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Москва: «Барс», 1997. – 391 с.
198. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. – Москва: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
199. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – Москва: Наука, 1982. – 183 с.
200. Шадриков В. Д. Психологический анализ деятельности. – Ярославль, ЯрГУ, 1979. – 90 с.
201. Шадриков В. Д. Способности и деятельность. – Москва. 1995. – 405 с.
202. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. – Москва: Логос, 2006. – 402 с.
203. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – Москва: Изд-во «Институт психологи РАН». – 2015. 411 с.
204. Шадриков В. Д. Некогнитивная психология. – Москва: Университетская книга, 2017. – 365 с.
205. Шакуров Р. Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). – Казань: Центр инновационных технологий, 2001. – 180 с.
206. Юревич А. В. Психология и методология. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 312 с.

207. Юрьева Л. Н., Больбот Т. Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.

208. Abdelrahman R. M. Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students. *Heliyon*, 2020. № 6. 4192.

209. Ackerman R., Thompson V. A. Meta-Reasoning: Monitoring and Control of Thinking and Reasoning. *Trends Cogn. Sci.* Elsevier Ltd., 2017, Vol. 21. No. 8. Pp. 607–617.

210. Ashby W. R. *Introduction to Cybernetics*, Chapman & Hall. – 1956. – 432 p

211. Anderson J. R. *Cognitive psychology and its implications* (2nd ed.). N. Y.: W.H. Freeman, 1985. – 521 p.

212. *An Introduction to Cyberpsychology* by I. Connolly et al. (Editor). Routledge, 2016

213. Attrill A., Fullwood C. *Applied Cyberpsychology. Practical Applications of Cyberpsychological. Theory and Research.* Palgrave Macmillan, 2016. – 274 p.

214. Baars B. J. *A Cognitive Theory of Consciousness.* – Cambridge: CUP, 1988. – 520 p.

215. Bayne T. Co-consciousness // *The Journal of Consciousness. Psychologies.* – Vol. 14. – № 10. – Pp. 522–525.

216. Bertalanfy L. von. *The Theory of Open Systems in Physics and Biology*// *Science* 13 January 1950 111: 23-29 [DOI: 10.1126/science.111.2872.23].

217. Bjork R. A., Dunlosky J., Kornell N. Self-regulated learning: Beliefs, techniques, and illusions // *Annual Review of Psychology.* – 2013. – V. 64. – P. 417- 444.

218. Bloom P. A., Friedman D., Xu J., Vuorre M., Metcalfe J. Tip-of-the-tongue states predict enhanced feedback processing and subsequent memory. *Consciousness and Cognition*, 101, 2018. – Pp. 221–233.

219. Borkowski J., Muthukrishna R. *Components of Children’s Metamemory*// *Memory development.* N. Y., 1992. Pp. 142–158.

220. Bowden E. M. The effect of reportable and unreportable hints on anagram solution and the aha!- Experience. *Conscious. Cogn.* Elsevier, 1997. Vol. 6. No. 4. Pp. 545–573.

221. Bowling N. A., & Hammond G. D. A meta-analytic examination of the construct validity of the Michigan Organizational Assessment Questionnaire Job Satisfaction Subscale // *Journal of Vocational Behavior.* 2008. 73(1). Pp. 63–77.

222. Brehm J. W. *A theory of psychological reactance.* N. Y., Morristown, General Learning Press, 1970. – 287 p.

223. Briñol P., Petty R. E., Rucker D. D. The role of metacognitive processes in emotional intelligence. – University Autonoma of Madrid, Ohio State University and Northwestern University, 2006. – Pp. 26–33.

224. Brown A. L., Campione J. C. The problem of access Intelligence and learning // *NATO conference* July 16–20. – 1979. – Pp. 515–529.

225. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms // Weinert, R.H. Kluwe (Eds.). Metacognition, motivation, and understanding. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. 1987. – Pp. 65–116.

226. Brown R., McNeill D. The “tip of the tongue” phenomenon. *J. Verbal Learning Verbal Behav* // Academic Press. – 1966. – Vol. 5. – No. 4. – Pp. 325–337.

227. Carter H., Baker C., Rynearson K., Reyes J. Degree Attainment in Online Learning Programs: A Study Using National Longitudinal Data. *International Journal of Innovative Teaching and Learning in Higher Education* Volume 1, Issue 3, July-September 2020.

228. Catrambon R., Hobjoak K. Learning subgoals and methods for solving probability problems // *Met. And Cognit.* 1990. 18. – № 6. – Pp. 593-603.

229. Carver C. S., Sheier M. F. Attention and self-regulation a control approach to human behavior. Springfield, 1981. – 224 p.

230. Cavanaugh J. C., Perlmutter M. Metamemory: A critical examination // *Child Development.* 1982. N 53. – Pp. 11–28.

231. Chalmers D. J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory.* Oxford and New York: Oxford: Oxford University Press. 1996. – 328 p.

232. *Cognition, Metacognition, and Culture in STEM Education: Learning, Teaching and Assessment (Innovations in Science Education and Technology, 24)* Softcover reprint of the original 1st ed. / by Dori Y., Mevarech Z., Baker D., Springer, 2018. – 150 p.

233. Colombo, B., Iannello, P., & Antonietti, A. Metacognitive knowledge of decision-making: An explorative study // A. Efklides & P. Misailidi (Eds.). *Trends and prospects in metacognition research.* – 2010. – Pp. 445–472. Springer Science + Business Media

234. Danek A. H., Fraps T., Müller A., Grothe B., Öllinger M. It’s a kind of magic-what self-reports can reveal about the phenomenology of insight problem solving // *Front. Psychol.* – 2014. – Vol. 5. – Pp. 1408.

235. Dewi N. R., Kannapiran S., Wibowo S. W. A. Development of digital storytelling-based science teaching materials to improve students’ metacognitive ability // *Jurnal Pendidikan IPA Indonesia. JPII* 7 (1) (2018). Pp. 16–24.

236. Dixon R. A. Structure and development of metamemory in adulthood // *Journ. of Gerontology.* – 1983. – № 38. – Pp. 682–688.

237. Dokic J. *Seeds of self-knowledge: noetic feelings and metacognition. Foundations of metacognition.* Oxford, UK, Oxford University Press. – 2012. – Pp. 302–321.

238. Dorfman J., Shames V. A., Kihlstrom J. F. Intuition, incubation, and insight: implicit cognition in problem solving. *Implicit Cognition.* Oxford, Oxford University Press. – 1995. – Pp. 257–296.

239. Dörner D. *Self-reflection and problem-solving* // *Human and artificial intelligence.* – Berlin, 1978, pp. 101-107.

240. Dunning D., Johnson K., Ehrlinger J., Kruger J. Why people fail to recognize their own incompetence // *Curr. Dir. Psychol. Sci.*, 2003. Vol. 12. No. 3. Pp. 83–87.

241. Dunlosky J., Metcalfe, J. *Metacognition*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2009. – 101 p.
242. Efklides A. *The Systemic Nature of Metacognitive Experiences*. Metacognition. Boston, MA, Springer US, 2002. – Pp. 19–34.
243. Evans C. O. *The Subject of Consciousness*. – London: George Allen & Unwind Ltd., 1989. – 234 p
244. Epstein S. Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious. *Am. Psychol.* US: American Psychological Association. – 1994. – Vol. 49. – No. 8. – P. 709.
245. Fayol H. *Administration industrielle et générale*. – Paris: Dunod et Pinat, 1917. – 174 p.
246. Flavell J. H., Miller P. H., Miller S. A. *Cognitive Development*. Third edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall 1993. – 441 p.
247. Flavell J. H. Cognitive monitoring // *Children's oral communication skills*. Academic Press. – 1981. – Pp. 35–60.
248. Flavell J. H. Metacognition: answered and unanswered questions. *Educational Psychology*. 1989. – V. 24. – Pp. 143–158.
249. Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry // *American Psychologist*. – 1979. – № 34.10. – Pp. 906–911.
250. Gabor D. Microscopy by reconstructed wave fronts. *Proc. Roy. Soc.* 1961, B64.– Pp. 449–469.
251. Gangemi A., Bourgeois-Gironde S., Mancini F. Feelings of error in reasoning – in search of a phenomenon. *Think. Reason.* Routledge, 2015. – Vol. 21. – No. 4. – Pp. 383–396.
252. Garner R. *Metacognition and Reading Comprehension*. – NJ: Norwood, Ablex, 1987. – 260 p.
253. Haack V., Halm K., Wagner K.-V. Programmieren also Schematisches Problemlösen // *Z. Psychol.* 1989, 197. № 3. S. 217–262.
254. *Handbook of Industrial, Work and Organizational Psychology*. Volume 1: Personnel Psychology / N. Anderson, D. S. Ones, H. K. Sinangil, C. Viswesvaran (eds.). – Sage Publications Ltd., 2002. – 512 p.
255. Hacker D. J. Metacognition: Definitions And Empirical Foundation [Электронный ресурс] // The University of Memphis. URL: <http://www.psc.memphis.edu/trg/meta.htm>.
256. Hart J. T. Methodological note on feeling-of-knowing experiments // *J. Educ. Psychol.* – 1966. – Vol. 57. – No. 6. – Pp. 347–349.
257. Hartman H. J. Developing students' metacognitive knowledge and skills. *Metacognition in learning and instruction*. Dordrecht, Springer – 2001. – Pp. 33–68.
258. Hollander E. P. *Leader, Groups and Influence*. – N. Y.: Morristown, 1964. – 444 p.
259. Huntsinger J. R., Clore G. L. *Emotion and social metacognition*. Soc. metacognition, New York, Psychology Press. – 2012. – Pp. 199–217.
260. Janét P. L. *évolution de la memoir et le notion de temp.* – Paris, 1928. – 400 p.

261. Jarman R. F., Vavrik J., Walton R. D. Metacognitive and frontal lobe processes: at the interface of cognitive psychology and neurophysiology // *Genetic, Social, and General Psychology Monographs* 121: 1995. – Pp. 153–210.
262. Joseph, D., Ng, K., Koh, C., Ang, S. (2007). Turnover of information technology professionals: A narrative review, meta-analytic structural equation modeling, and model development. *MIS Quarterly*, 31(3), 547–577.
263. Irwin F. W. Stated expectations as functions of probability and desirability of Outcomes // *J. of Pers.* – 1953. – V. 21. – Pp. 329–335.
264. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Judgment under uncertainty*. Cambridge, CUP, 1982. – 555 p.
265. Kamfer F., Grimm L. Freedom of choice and behavioral change // *J. of Consulting and Clinical Psychol.*, 1978, 46. – Pp. 41–48.
266. Karpov A. V. The structure of reflection as the basis of the procedural organization of consciousness // *Psychology in Russia: State of the Art.* – 2015. – Vol. 8. – №. 3. – Pp. 17–27.
267. Karpov A. V., Karpov A. A. The interconnection of learning ability and the organization of metacognitive processes and traits of personality // *Psychology in Russia: State of the Art.* – Vol. 10. – Issue 1, 2017. – Pp. 67–79.
268. Kluwe R. H. Cognitive Knowledge and executive control: Metacognition // Griffin (Ed.). *Animal mind-human mind.* – New York: Springer-Verlag. 1982. – Pp. 201–204.
269. Kolb S. K. *Metacognition Metaphors.* – N. Y., 1995. – 185 p.
270. Koriat A. Conscious and Unconscious Metacognition: A Rejoinder // *Consciousness and Cognition*, 9. 2000. – Pp. 193–202.
271. Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // *Journ. of Pers. and Social Psychology.* – 77 (6), 1999. – Pp. 11–34.
272. Kuhl J., Blankenship V. The dynamic Theory of achievement motivation: From episodic to dynamic thinking // *Psychological Review*, 1979, 86.
273. Lefebvre-Pinard M. Understanding and auto-control of cognitive functions // *International journal of behavioral development.* – Vol. 6. – 1995. – Pp. 15–35
274. Lewis C. I. *Mind and the world order.* – New-York, 1956. – 317 p.
275. Mangan B. What Feeling Is the “Feeling of Knowing?”. *Conscious. Cogn. Academic Press*, 2000. – Vol. 9. – No. 4. – Pp. 538–544.
276. Mangan B. B. *Meaning and the Structure of Consciousness: An Essay in Psycho-Aesthetics.* Berkeley, University of California, 1991, 346 p.
277. Mangan B. *Taking Phenomenology Seriously: The “Fringe” and Its Implications for Cognitive Research.* *Conscious. Cogn. Academic Press*, 1993. – Vol. 2. – No. 2. – Pp. 89–108.
278. Mariano G., Figliano F., Dozier A. Using Metacognitive Strategies in the STEM Field. DOI: 10.4018/978-1-5225-2218-8.ch012
279. Maustakas G. *Theory and Method of Phenomenological Research.* – New York: Press. 1998. – 256 p.

280. McDermott D. Planning and acting // *Cognit. Sci.* – 1978. – Vol. 2. – Pp. 71–110.
281. McGuigan F. J. (Ed.). *Experimental Psychology. Methodological approach* (3rd.)
282. Maund J. B. *Colours: Their Nature and Representation.* – Cambridge: CUP, 1995. – 247 p.
283. *Metacognition: Cognitive and Social Dimensions.* Ed. by V. Yzerbyt. SAGE Publications, 2002. – 253 p.
284. Metcalfe J. Kober H. Self-reflective consciousness and the projectable self. In H.S. Terrace, J. Metcalfe (Eds.), *The Missing Link in Cognition: Origins of Self-Reflective Consciousness.* Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. – Pp. 57–83.
285. Metcalfe J., Dunlosky J. *Metamemory.* New York, Elsevier Ltd., 2008. – Pp. 351–360.
286. Metcalfe J., Shimamura A. P. (Eds.). *Metacognition: Knowing about Knowing.* – Cambridge, MA: MIT Press. 1994. – 323 p.
287. Metcalfe, J. Evolution of metacognition // J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.), *Handbook of Metamemory and Memory.* – New York: Psychology Press, 2008. Pp. 29–46.
288. Metcalfe J., Eich T. S., Castel A. Metacognition of agency across the lifespan. *Cognition*, 2010. – V. 116. – Pp. 267–282.
289. Miner A. C., Reder L. M. A new look at feeling of knowing: Its metacognitive role in regulating question answering. *Metacognition: Knowing about knowing.* Cambridge, MA, MIT Press, 1994. – Pp. 47–70.
290. Monica T. W., Young G. *Cyberpsychology: The Study of Individuals, Society and Digital Technologies.* BPS Blackwell. 2016. – 264 p.
291. Mintzberg H. *The Nature of Managerial Work.* – N. Y.: Morristown 1973. – 290 p.
292. *Organizational psychology* (Ed. by D.A. Kolb et al.). Prentice Hall, Englewood Cliffs. – N. Y., 1984. – 639 p.
293. Nelson T., Narens L. A new technique for investigating the feeling of knowing // *Acta Psychologic.* – 1980. – 4. – Pp. 69–90.
294. Nelson, T. O. Consciousness and metacognition // *American Psychologist.* – 1996. – № 51. – Pp. 102–116.
295. Parsons T. *The Structure of Social Action* N.Y.: Appleton 1937. – 320 p.
296. Perfect T. J., Schwartz B. L. *Applied Metacognition.* – Cambridge, CUP, 2002. – 220 p
297. Pilot A. *Metacognition in Higher Education.* Twente University Press, 2021 – 154 p. Price M. C., Norman E. Intuitive decisions on the fringes of consciousness: Are they conscious and does it matter? *Judgm. Decis. Mak.*, 2008. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 28–41.
298. Pintrich P. R. The Role of Metacognitive Knowledge in Learning, Teaching, and Assessment // *Theory into Practice.* – Vol. 41. – № 4. – 2002. – Pp. 219–229.
299. Reber R., Schwarz N. Effects of Perceptual Fluency on Judgments of Truth. *Conscious. Cogn.* – 1999. – Vol. 8. – No. 3. – Pp. 338–342.
300. Reder L. M. (Ed.). *Implicit Memory and Metacognition.* – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1996. – 200 p.

301. Rosch E. et al. Basic objects in natural categories // *Cognitive Psychology*. – Vol. 81. 1976. – Pp. 390–398.
302. Schraw, G., & Dennison, R. S. Assessing metacognitive awareness. *Contemporary Educational Psychology*. 1994. – 19(4), 460–475.
303. Schraw G., Moshman D. Metacognitive theories // *Educational Psychology Review*. – Vol. 7. – 1995. – Pp. 351–371.
304. Schwartz B. L. Tip-of-the-Tongue States: Phenomenology, Mechanism, and Lexical Retrieval. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002. – 307 p.
305. Schneider, Pressley M. Memory Development between 2 and 20. – N. Y.: Springer-Verlag, 1989. – 180 p.
306. Simon H. A. Administrative behavior. – New-York, 1947. – 236 p.
307. Sternberg R. J. Beyond IQ – Cambridge, England: CUP, 1985. – 222 p.
308. Theresen C. E., Mahoney H. J. Behavioral self-control. – N. Y., 1974. – 242 p.
309. Tobias S., Everson H. T. Knowing What You Know and What You Don't: Further Research on Metacognitive Knowledge Monitoring (Research Report N. 2002. (3). – N. Y. The College Board, 2002. – Pp. 25–30.
310. Vallbona M. C., Mascarilla-Miró, O. Job satisfaction. The case of information technology (IT) professionals in Spain. 2018 UCJC business and society re-view, (58), 36–51.
311. Veenman M. V. J. dkk. Metacognition and Learning: Conceptual and Methodological Considerations. Springer, 2016. 1(1): 3-14
312. Wyeld T., Calder P., Shen H. Computer-Human Interaction. Cognitive Effects of Spatial Interaction, Learning, and Ability. Springer, 2013.
313. Weisberg R. W. Toward an integrated theory of insight in problem solving. *Think. Reason*, 2015. Vol. 21. No. 1. Pp. 5–39.
314. Wellman H. M. Metamemory revised // *Contributions to human development*. – 1983. – Vol. 9. – Pp. 31–51.
315. Velmans M. Understanding consciousness. – London, Rutledge, 2000. – 308 p.
316. Wellford A. T. On the human demands of automation: Mental work conceptual model satisfaction and training. – In: *Industrial and business psychology*. Copenhagen. 1961. – Vol. 5. – Pp. 182–193.
317. Yaniv I., Meyer D. E. Activation and metacognition of inaccessible stored information: potential bases for incubation effects in problem solving. *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.* – 1987. – Vol. 13. – No. 2. – Pp. 187–205.
318. Yehudit J. Dori. Z. R. Mevarech, Dale R. Cognition, Metacognition and Culture in STEM Education, Innovations in Science Education and Technology. Learning, Teaching and Assessment. Springer International Publishing AG 2018.
319. Zeman A. The paradox of consciousness // *Lancet*. – Vol. 357. – Issue 9249, 2001. – P. 77.
320. Zourrig H. Smartphone-Based Virtual Reality as an Immersive Tool for Teaching Marketing Concepts (Kent State University at Stark, USA). *International Journal of Innovative Teaching and Learning in Higher Education (IJITLHE)* 2(1). DOI: 10.4018/IJITLHE.20210101.0a3

Оглавление

Введение	3
<i>Глава 1. Метасистемный подход к психологическому анализу деятельности</i>	12
1.1. Постановка проблемы исследования	12
1.2. Общая характеристика метасистемного подхода как методологической основы исследования	23
1.3. Проблема деятельности с позиций метасистемного подхода	46
<i>Глава 2. Методологические и теоретические основы психологического анализа информационной деятельности</i>	118
2.1. Постановка проблемы исследования	118
2.2. Методологические проблемы психологического анализа информационной деятельности	119
2.2.1. Субъектно-информационный класс деятельности как предмет психологического исследования	119
2.2.2. Парадигмальные основания разработки психологического анализа информационной деятельности	162
2.3. Теоретические основы разработки психологического анализа информационной деятельности	218
2.3.1. Проблема структурных единиц анализа деятельности	218
2.3.2. Компетенции как структурные единицы информационной деятельности	231
2.3.3. Микроструктурная организация компетенций информационной деятельности	250
2.4. Обоснование процедуры психологического анализа информационной деятельности	267
<i>Глава 3. Феноменологический подход к психологическому анализу информационной деятельности</i>	332
3.1. Постановка проблем исследования	332
3.2. Феноменологическое направление в метакогнитивизме	341

3.3. Содержание и состав метакогнитивной феноменологии информационной деятельности	358
3.3.1. Метакогнитивные чувства	358
3.3.2. Процессуальные феномены	378
3.3.3. Метакогнитивные эвристики	440
3.3.4. Компетентностные феномены	462
3.3.5. Метакомпетентностные феномены	506
3.4. Общие особенности метакогнитивной феноменологии в информационной деятельности	525
3.5. Операционная природа метакогнитивных феноменов в информационной деятельности	530
3.6. Метакогнитивные феномены и природа идеального	538
Заключение	555
Список литературы	598

Научное издание

Карпов Анатолий Викторович

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Монография

Авторская редакция

Подписано в печать .12.21. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 38,5.
Тираж 0 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91.
pechataet.ru